

Журнал
Редактор Евгений Беркович

СЕМЬ **ИСКУССТВ**

Наука

Культура

Словесность

7/2011

Журнал
«Семь искусств»

Июль 2011

Редактор и составитель
Евгений Беркович

Художник Дорота Белас

2011

Журнал

«Семь искусств»

Июль 2011

© Евгений Беркович (составление и редактирование)

© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная вёрстка и техническое редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер

Издательство «Общества любителей еврейской старины»

Содержание

Владимир Тихомиров	
Рождение московской математической школы и Франция ...	5
Борис Альтшулер	
«Экстремальные состояния Льва Альтшулера».....	46
Семья, ученики, друзья	
- IN MEMORIAM - Юрий Яковлевич Фиалков	94
Семен Резник	
Академик Парин и Дело КР	108
Симон Шноль	
Л.А.Блюменфельд: Биофизика и Поэзия	167
Михаил Юдсон	
Красивых грез не создать	186
Моисей Борода	
Мечта.....	201
Петр Межирицкий	
На покое	205
Борис Тененбаум	
Петербург, весна 1811	236
Артур Штильман	
Игорь Ойстрах рассказывает	270
Виктор Юзефович	
«Если в Ваш лавровый суп подсыпать немного перца...»..	290
Ион Деген	
Баллада о солдате.....	379
Борис Кушнер	
Памяти Марка Азова	385
Виктор Каган	
Памяти Марка Азова	397
Марк Фукс	
«В небе над горами Галилеи повисла полоска пепла – сгорело облако».....	400
Эллан Пассика	
Рыцарю весёлого образа.....	404
Демьян Фаншель	
Я жил тогда, вы помните?	409
Михаил Дынкин	
Пароходик.....	422

Яков Лотовский	
Ночная охрана	428
Александр Матлин	
2 = 1	479
Григорий Рыский	
Бум-Бакс и Джон Донн	488
Сэм Ружанский	
Наум Сагаловский: «Сонеты Шекспира я перевёл для собственного удовольствия...»	493
Дина Ратнер	
Смешно о грустном	511
Наум Сагаловский	
Все сонеты Шекспира	520
Виктория Орти	
Дети Голема	547
Злата Зарецкая	
Театр репатриантов из России и Танах	557
Шауль Тиктинер	
Трудно писать. Еще труднее поверить в это	570
Владимир Фрумкин	
Юная Америка глазами аутсайдера	573
Об авторах	597

Владимир Тихомиров

Рождение московской математической школы и Франция*

(Выступление на русско-французском
семинаре в МГУ)

Приложение.

М.В. Кликушин, С.А. Красильников. Анатомия
одной идеологической кампании 1936 г.: «Лузинщина» в
Сибири

еномен московской математической
школы, а точнее — математической школы в Московском
университете, школы Егорова-Лузина — поражает.

Эта школа возникла в 1914-16 годах. В
предшествующие ее рождению десятилетия в Москве
развивалось лишь одно, причём достаточно узкое,
математическое направление в дифференциальной
геометрии (изгибание поверхностей), которое начал
культивировать в Москве Карл Михайлович Петерсон
(уроженец Риги, преподававший в одной из московских
гимназий). Дифференциальной геометрии принадлежали
основные интересы, безусловно, самого крупного
московского математика того времени — Дмитрия
Федоровича Егорова. В начале десятых годов прошлого века
в Московском университете работал *лишь один* семинар. Это
был семинар Д.Ф. Егорова, называвшийся «Математический

---

* **От редакции.** Мы публикуем присланный автором фрагмент
статьи, впервые опубликованной в сборнике "Историко-
математические исследования". Вторая серия. Выпуск 9(44). - М.:
"Янус-К", 2005, стр. 238-252.

семинарий». (Слово «семинар» получило права гражданства в Московском университете в двадцатые годы; в тридцатые годы число семинаров исчислялось уже десятками, а в пятидесятые перевалило за сотню).

И вдруг в середине второго десятилетия прошлого века московское научное сообщество резко изменило область своих интересов и пошло по пути, намеченном французскими математиками Э. Борелем, Р. Бэром и А. Лебегом. В течение каких-то *семи лет* выдвинулась целая плеяда выдающихся исследователей: П. С. Александров, Н. К. Бари, А. Н. Колмогоров, М. А. Лаврентьев, Л. А. Люстерник, Д. Е. Меньшов, П. С. Новиков, И. Г. Петровский, М. Я. Суслин, П. С. Урысон, А. Я. Хинчин, Л. Г. Шнирельман. Все, кроме Петровского, учителем которого был Егоров, являлись учениками Лузина. Каждый из них, кроме рано умершего Суслина, выбрал затем свой собственный путь, и к середине 30-х годов (после крушения немецкой математической школы, разгромленной гитлеризмом), московская математическая школа, наряду с французской, заняла лидирующее положение во всём математическом мире.

Как же объяснить это беспрецедентное явление? Тому были и мировые, глобальные причины, и причины, если можно так сказать, «локального» свойства.

Надо признать, что две революции 1917 г. открыли доступ к образованию широким слоям населения нашей страны и воодушевила огромные массы людей к научному творчеству.

Но необходимо также назвать и другую причину внезапного появления на авансцене мировой науки новой выдающейся математической школы. Она связана с творческой деятельностью лишь *одного человека*. Имя его Николай Николаевич Лузин. А его научная и жизненная биография неразрывно связаны с Францией.

Но сначала надо чуть подробнее рассказать об учителе Лузина — Егорове. Дмитрий Фёдорович Егоров родился в 1869 г. в Москве. Он закончил Московский университет в 1891 г., с 1893 г. преподавал в этом университете, в 1903 г. получил профессорское звание, был

президентом Московского математического общества с 1923 по 1931 г. В 1931 году он был арестован и вскоре сослан в Казань, где умер в 1934 г.

Д. Ф. Егоров был глубоко верующим человеком и носителем исключительно высоких нравственных принципов. Нет свидетельств тому, чтобы он когда-либо кривил душой, он твердо, не сгибаясь, отстаивал свои нравственные принципы. В двадцатые годы не хватало аудиторий, и в некоторых вузах занятия велись в церковных помещениях. Егоров, имевший нагрузку не только в Московском университете, отказался вести занятия в Храмах Божьих. Егоров вполне осознавал трагические последствия тоталитарной идеологии и всеми силами старался противостоять ей. В конце двадцатых годов он подвергался жестокой критике за то, что не желал подчиниться новому режиму. На одном из публичных собраний ему был брошен упрек в том, что он исповедует реакционные убеждения. Егоров бесстрашно возразил своим хулителям: «Вы — душители свободомыслия!» Как-то он был среди других преподавателей университета вызван на одно собрание, специально устроенное для перевоспитания старых профессоров революционной молодежью. Все без исключения перевоспитываемые клялись в верности новой власти. Наконец, очередь дошла до Егорова. Ему был задан вопрос: «Каковы Ваши политические взгляды?» Егоров ответил: «Я не уверен, что найду понимание в этой аудитории, но я не имею причины скрывать свои убеждения. Я являюсь сторонником *конституционной монархии*». Можно себе представить реакцию на такие слова «революционной молодежи». Такое поведение Егорова было совершенно беспрецедентным, и трагический конец неизбежен.

Егоров являл собой тип традиционного старого профессора. Он был очень сдержан, точен во всём, строг, очень серьёзен и замкнут. Его лекции, всегда тщательно продуманные, излагались в строгой манере.

Николай Николаевич Лузин был человеком совсем другого склада. Лузин родился в 1883 г. в Томске. Окончив частную школу, он был принят в Томскую губернскую

гимназию. В гимназии математика была в числе наименее любимых им предметов. Родителям пришлось нанять репетитора. Впоследствии Лузин писал: «К счастью это был студент только что открывшегося в Томске Политехнического института; он произвел ... сильнейшее впечатление тем, что показал ... математику не как систему механического заучивания, а как систему рассуждений, направляемую живым воображением» [1], с. 468–469. Лузин решил избрать математику своей профессией и поступил в Московский университет. «Блистательные лекции по чистой математике, — говорил он впоследствии, — оказали на меня огромное впечатление», [1], с. 470. Математика представилась ему как наука полная заманчивых тайн. Он стал учеником Д. Ф. Егорова.

В 1911 году Егоров доказал одну из самых фундаментальных теорем теории функций, в которой развивалось учение Лебега. Не привожу её формулировку, ибо она известна всем математикам. Егоров ознакомил Лузина с азами теории функций действительного переменного, и тот вывел из теоремы Егорова фундаментальное S -свойство измеримых функций.

По окончании университета Лузин был оставлен «для подготовки к профессорскому званию», а затем Егоров направил его в заграничную командировку. Сначала во Францию, а потом в Германию.

В 1905-06 и 1912-14 годах Лузин посещает Париж, в 1910-12 годах он был в Гёттингене. В Париже Лузин слушал лекции выдающихся математиков — А. Пуанкаре, Ж. Адамара, Э. Пикара, Ж. Дарбу, и многих других. Он познакомился и имел плодотворные научные контакты с Борелем и особенно — Лебегом, к которому он испытывал чувства благоговейного восхищения на протяжении всей своей жизни.

Вернувшись в Москву, Лузин круто изменил стиль московской математической жизни.

Как же всё это началось? Как-то в шестидесятые годы я присутствовал на встрече профессоров и преподавателей кафедры теории функций и функционального анализа со студентами в общежитии МГУ

им. М. В. Ломоносова. Д. Е. Меньшова (он был заведующим кафедрой) попросили рассказать о рождении Московской математической школы. Вот как описывал это Дмитрий Евгеньевич, один из учеников Лузина первого поколения, крупнейший специалист по теории тригонометрических рядов. Свой рассказ он начал так:

«В 1914 году я поступил в Московский Университет. Николай Николаевич Лузин был тогда за границей. Но он договорился с Дмитрием Федоровичем Егоровым, что они вместе организуют *семинарий* для студентов. И в 1914 году Дмитрий Федорович такой семинарий организовал. Он был посвящен числовым рядам. В следующем году Николай Николаевич вернулся в Москву и начал руководить семинарием сам. В 1915 году мы занимались функциональными рядами, а в 1916 году – ортогональными рядами.

А потом наступил тысяча девятьсот семнадцатый год.

Это был очень памятный год в нашей жизни, в тот год произошло важнейшее событие, повлиявшее на всю нашу дальнейшую жизнь: мы стали заниматься *тригонометрическими рядами...*»

Тригонометрические ряды перевесили в памяти Дмитрия Евгеньевича события двух русских революций.

Лузин был «изобретателем» совершенно новых методов работы с молодёжью. Они складывались из многих особенностей. Во-первых, он ставил перед своими учениками, перед юношами, едва переступившими порог Университета, проблемы высочайшего уровня, перед которыми пасовали маститые мировые учёные. Вот как описывает Павел Сергеевич Александров первую встречу со своим учителем. «Я впервые встретился с ним будучи студентом 2-го курса. Впечатление от этой встречи было, можно прямо это сказать, потрясающим, и я запомнил его на всю жизнь. Обратившись к нему после окончания лекции за советом, как мне заниматься математикой дальше, я был прежде всего поражён внимательностью и — не могу найти другого слова — уважением к собеседнику — как ни странно звучит это слово, когда речь идёт о беседе уже

знаменитого, хотя и молодого ещё, учёного с 18-летним студентом. Выслушав меня, Лузин посредством умело поставленных вопросов очень скоро разобрался в характере моих математических склонностей и сразу же в доступной мне форме обрисовал основные направления, которые он мог мне предложить для дальнейших занятий; очень осторожно он сам склонил меня к выбору одного из этих направлений и — как я могу теперь сказать — правильно.» [2], с. 373–374.

Лузин поставил перед Александровым проблему континуума для борелевских множеств, проблема которая интересовала самого Лебега и которую пытались тщетно решать такие крупные математики, как Юнг и Хаусдорф.

Аналогичным образом Лузин поступал и с другими своими учениками. При этом он действительно возбуждал в душах своих учеников стремление к научному подвигу.

Во-вторых, Лузин стал применять метод индивидуальных занятий. Однажды Андрей Николаевич Колмогоров решил задачу, сформулированную Н. Н. Лузиным и обсуждавшуюся в семинарах В. В. Степанова. «Когда об этом рассказали Н. Н. Лузину, — вспоминал Андрей Николаевич, — он обратился ко мне (помню, это было на университетской лестнице) и предложил регулярно приходить к нему на занятия... Каждый ученик приходил к Николаю Николаевичу Лузину в его арбатскую квартиру раз в неделю вечером — в постоянный, выделенный для него день недели» [3], с. 7.

Наконец, Лузин содействовал тому, что математики объединились в единый сплочённый коллектив, увлечённый наукой. Ученики назвали его «Лузитанией». Но мы, пожалуй, несколько забежали вперёд.

В истории московской математической школы 1915-16 гг. занимают особое место. В 1915 г. Н. Н. Лузин завершил работу над диссертацией «Интеграл и тригонометрический ряд». Диссертация была блистательно защищена 27 апреля 1916 года сразу на степень доктора, минуя степень магистра. В эти же годы четверо учеников Лузина первого поколения — Павел Сергеевич Александров, Дмитрий Евгеньевич Меньшов, Михаил

Яковлевич Суслин и Александр Яковлевич Хинчин — получили выдающиеся результаты в дескриптивной и метрической теории множеств и функций. А. Я. Хинчин дал естественное обобщение асимптотической производной, Д. Е. Миньшов построил пример нетривиального тригонометрического ряда, сходящегося к нулю почти всюду, и этот факт явился мировой сенсацией. П. С. Александров решил проблему континуума для борелевских множеств. Но главные события, имевшие, увы, трагические последствия, разразившиеся через 20 лет, произошли в дескриптивной теории множеств: я говорю о теории A -множеств.

Лузин предложил Суслину прочитать и продумать мемуар Лебега [4]. Через некоторое время Суслин обнаружил пробел в одном рассуждении Лебега. Лебег допустил ошибку, доказывая, что проекция борелевского множества является борелевским множеством. Лузин был уверен в том, что интуиция не могла подвести Лебега, и предложил Суслину дать корректное доказательство утверждению о проекции борелевских множеств. Но Суслин построил пример борелевского множества, проекция которого борелевским не является. При этом он использовал конструкцию, придуманную Александровым при доказательстве теоремы о мощности борелевских множеств. Употребляемую им операцию Суслин назвал *A -операцией*, а новый тип множеств — *A -множествами*. Открытие A -множеств долгое время воспринималось учениками Лузина, как вершина всей мировой математики. Суслин представил свою работу в конце 1916 г. Лузин тщательно проверил эту работу и вскрыл новые подходы к доказательству суслинской теоремы. Краткое изложение этих результатов составили статьи Суслина и Лузина [5], [6], опубликованные в одном и том же номере парижского журнала *Comptes Rendus de l'Académie des sciences* от 8 января 1917 г.

А потом наступило трудное и голодное время. Московский университет фактически прекратил свою работу. Желая облегчить своим ученикам тяжкое бремя испытаний, Лузин переехал с некоторыми из них (Суслин был в их числе) в Иваново-Вознесенск, где условия для

жизни были легче, чем в Москве. В 1919 году Суслин, не ужившись с начальством Политехнического института, покидает Иваново-Вознесенск и пробует устроиться в Саратовский университет. При этом возникают препятствия, и тогда он решает на время вернуться на свою родину, в деревню Красавку Саратовской губернии. Там он заболевает брюшным тифом и умирает. Это была первая трагическая потеря во вновь сформировавшейся московской Лузинской школе.

В 1920 году жизнь в Москве нормализуется. Н. Н. Лузин возвращается в Москву. Следующие три-четыре года можно назвать годами расцвета Лузитании.

Вот как описывает в стихах атмосферу, царившую в Лузитании в начале двадцатых годов Лазарь Аронович Люстерник.

Божество уж окружало
Созвездие полубогов:
Иван Иванович Привалов,
Димитр Евгеньевич Меньшов,
И Александров остро взвинчен,
И милый Павлик Урысон,
И философствующий Хинчин
И множество других персон. [7], с. 22.

«Божество», с которого начинается этот отрывок, — это, конечно, сам Николай Николаевич Лузин.

В те же годы в подражание известным стихам Маяковского был сочинен «Лузитанский марш», начинающийся словами:

Наш Бог Лебег,
Наш кумир Интеграл,
В дождь, в бурю и снег
Мы правим наш карнавал. [7], с. 27.

(По воспоминаниям Лазаря Ароновича, автором текста считался С. А. Бернштейн, впоследствии профессор прикладной механики [7], с. 27).

Существует масса воспоминаний и высказываний о

той поре — восторженных, панегирических, веселых, славящих Лузитанию и Лузина. Вот одно из них. Во время Войны, в 1942 году, размышляя о будущем, А. Н. Колмогоров писал: «Математика в её историческом аспекте состоит не только из теорем, а из совместного биения сердец, имевшего место в Лузитании» [8]. Совместное биение сердец... Это писалось уже после 1936 года, когда многие из учеников Лузина бросали ему в лицо чудовищные обвинения.

Но еще не настало время говорить о трагическом. Поговорим еще о Франции и о роли французской математической школы (а также и других математических школ) в формировании московской математики в двадцатые годы. Выше были названы некоторые ученики Лузина первого поколения. Почти всем им довелось (до поры, пока не опустился «железный занавес») побывать в Европе и Америке. И не следует преуменьшать роль таких поездок в научных биографиях всех этих выдающихся ученых. Колмогоров провел длительное время в Германии и Париже; в Париже работали Бари, Лаврентьев, Меньшов (он оставил очень трогательные воспоминания о своем выступлении на семинаре Адамара); Хинчин и Шнирельман жили в Геттингене, Люстерник принял участие в математическом Конгрессе в Болонье. Больше всего за границей побывал в те годы П. С. Александров: он подолгу жил в Германии, Америке, Франции. Во Франции, в бретонском поселке Ба, у него на глазах трагически оборвалась жизнь его друга, ученого, подававшего великие надежды — Павла Самуиловича Урысона (он утонул, купаясь в штормовую погоду). Это была вторая, после М. Я. Суслина, трагическая потеря в Лузитании.

Посещение Франции, общение с крупнейшими учеными того времени, оставили неизгладимый след в жизни и творчестве всех тех наших математиков, кому посчастливилось там побывать. Начиная примерно с 1932 г., выезд за границу стал невозможен и научные контакты были прерваны. И только фантастическая энергия П. С. Александрова позволила ему организовать в Москве, в сентябре 1936 г. необычайную по представительству первую

Международную топологическую конференцию, хотя это было время эскалации сталинского террора.

Через много лет после событий тридцатых годов не раз мне лично доводилось слышать от Павла Сергеевича лишь восторженные отзывы о Лузине и Лузитании. И я был поражён одним фрагментом из воспоминаний Павла Сергеевича, которые он готовил для публикации в «Успехах математических наук». Он дал мне рукопись для прочтения и обсуждения в августе 1979 года. В ту пору Павлу Сергеевичу было 83 года.

В рукописи был такой текст: «Узнав Лузина в эти самые ранние творческие годы, я узнал действительно вдохновенного учёного и учителя, жившего только наукой и только для неё. Я узнал человека, жившего в сфере высших человеческих духовных ценностей, в сфере, куда не проникает никакой тлетворный дух. Выйдя из этой сферы (а Лузин потом вышел из неё), человек неизбежно попадает под влияние тех сил, о которых Гёте сказал:

*Ihr f^ü hrt in's Leben uns hirein,
Ihr lasst den Armen Schuldig werden.
Denn ü berlasst Ihr ihn der Pein,
Denn jede Schuld r^ä cht such auf Erden.*

Лузин в последние годы своей жизни до дна испил горькую чашу отмщения, о которой говорит Гёте» [9], с 242–243.

П. С. приводит такой перевод:

*Вы вводите нас в жизнь,
Вы делаете беднягу виновным,
Затем Вы обрекаете его на муку,
Ибо на Земле отмщается всякая вина.* [9], с 242, примечание.

Что означают слова «Лузин ... до конца испил горькую чашу отмщения», стало мне ясно много позже, когда появилась серия публикаций, посвященная этой трагической странице истории советской математики, имя которой «Дело Лузина» [10], [11], [12].

В июле 1936 года была развязана чудовищная кампания против Николая Николаевича Лузина, начавшаяся статьей в «Правде» от 2 июля под названием «Ответ академику Н. Лузину» [11], с. 254–255. Смысл статьи, написанной директором школы Г. И. Шулепиным, сводился к упрекам Лузину за то, что он не критически оценил положение в советской школе. В той же газете от 3 июля была опубликована позорная статья «О врагах в советской маске» [11], с. 255–257, послужившая началом к массовой травле Лузина. В правдинской статье от 10 июля (с тем же названием) [11], с. 276–277, в частности, приводилась выдержка из «резолуции, принятой единогласно собранием профессоров и преподавателей механико-математического факультета, научных работников и аспирантов научно исследовательских институтов математики, механики и астрономии Московского государственного университета», в которой ставился вопрос о дальнейшем пребывании Лузина в числе действительных членов академии [11], с. 277. Чем должно было завершиться это «всемирное осуждение», мало у кого могло вызвать сомнение — Лузина должна была постигнуть участь Егорова.

Если взять списки сотрудников механико-математического факультета середины тридцатых годов, то легко убедиться в том, что лишь единицы «профессоров и преподавателей, научных работников и аспирантов механико-математического факультета» были наследниками не лузинской школы, а других математических школ (московской дифференциально-геометрической школы Петерсона–Егорова, киевской алгебраической школы Д. А. Граве, одесской геометрической школы В. Ф. Кагана), а остальные были либо прямыми учениками, либо научными внуками Н. Н. Лузина. И при всем этом его научные дети и внуки в июле 1936г. *единогласно* проголосовали за исключение Лузина из состава Академии.

Что же ужасного совершил этот «враг в советской маске»?

Одно из основных обвинений Лузина состояло в том, что он любил Францию и преклонялся перед Лебегом. А

ещё, что он был связан с реакционной профессурой, прежде всего — с Егоровым. Я позволю себе привести лишь одну цитату.

На заседании академической Комиссии, рассматривающей его «Дело», Лузин обвинялся в том, что «будучи по существу продолжателем работ французской математической школы, Лузин во всей своей деятельности ориентировался, прежде всего, на мнение заграницы, в частности, парижских учёных. Эта форма совершенно необычна в науке и граничит с низкопоклонством» [11], с. 132. Вот как отвечает на это Лузин: «По отношению к Борелю — нет, но нужно сказать, что у меня связи с Лебегом очень тёплые. Надо сказать, что он человек исключительный, вышедший из низов... Он человек чрезвычайно чуткий, и нужно сказать, что всю ту нежность, которую я испытывал и которую я лишён был возможности проявить по отношению к Егорову, я перенёс на Лебега» [11], с. 132.

Поразительные слова! В горячайшую минуту, когда над ним был занесён меч гильотины, Лузин не предаёт не только своего французского друга Лебега, которого в те годы обвиняли в буржуазности и «служении империалистической, захватнической политики Франции», но и своего учителя, представителя «реакционной профессуры», «государственного преступника», кончившего свои дни в заключении.

Поведение представителей старшего поколения — А. Н. Крылова и С. Н. Бернштейга — во время судилища над Лузиным было весьма достойным, но этого нельзя сказать о более молодых ученых, среди которых были, к сожалению, и прямые ученики Николая Николаевича. Одним из главных хулителей был П. С. Александров.

Лузина всенародно обвиняли в том, о чем могли знать только его ученики. В частности, в том, что он неправильно оценивал их вклад в науку, в первую очередь — заслуги Суслина.

Сергей Натанович Бернштейн, взявший слово первым, отменил *все* обвинения против своего коллеги. Отбрасывая обвинение, касающееся Суслина, С. Н.

Бернштейн говорил о том, что недостойно копаться во взаимоотношениях учителя и ученика, равно как и обсуждать личную жизнь людей. Но учеников эти слова не остановили, и судилище продолжалось.

В статье французского историка науки П. Дюгака есть такие слова: «Сегодня нас поражает мысль о том, что смог сделать тоталитаризм со здравомыслящими и честными людьми. Можно ли надеяться, что в будущем мы не встретимся снова с эти безумием?» [12]. То единокорые, с которым не только «профессора и преподаватели механико-математического факультета, научные работники и аспиранты научно-исследовательских институтов Московского государственного университета», но и «весь советский народ» клеймили Н. Н. Лузина — одно из бесчисленных свидетельств того, что смог сделать с человеческими душами тоталитаризм. И все же не он один повинен в том позорище, которое было вытворено над Лузиным.

В защиту Лузина, помимо С. Н. Бернштейна и А. Н. Крылова, выступили Владимир Иванович Вернадский, Петр Леонидович Капица, Сергей Александрович Чаплыгин и некоторые другие предмтаватели русской интеллигенции.

Что же разделило учителя и его учеников? Что послужило причиной того, что на пороге смерти восьмидесятирехлетний ученик Лузина, человек, увенчанный славой, получивший от жизни все, на что он мог рассчитывать, не постыдился отправить в печать невозможные, казалось бы, слова о том, что «Лузин в последние годы своей жизни *до конца испил горькую чашу отмищения*, о которой говорит Гёте?»

Оставим этот вопрос без ответа. Быть может, когда-нибудь художественный гений, подобный Достоевскому, сможет описать потаенные «черные дыры» в душах человеческих, даже тех, кто призван быть носителем духовной культуры (мою собственную точку зрения на это я постарался выразить в своей статье [13]).

...Я, как и многие сотни математиков, являюсь научным внуком Николая Николаевича Лузина. Павел Сергеевич Александров был одним из моих педагогов и

ближайшим другом моего учителя Андрея Николаевича Колмогорова. Это навсегда обязывает меня к почтительности к его имени. Но, увы, ныне к памяти о Павле Сергеевиче, которому многие из нас так многим обязаны и за столь многое благодарны, примешивается чувство горечи за несправедное дело, в котором он принимал участие.

Из упомянутой статьи Дюгака видно, с какой готовностью отозвались французские коллеги, и Лебег, разумеется в том числе, на призыв оказать содействие Лузину в преодолении страшной угрозы, нависшей над ним.

Приведем отрывок из письма А. Данжуа В. Серпинскому от 5 августа 1936 г.

«Дорогой коллега и друг,

...вчера я получил письмо, в котором Вы сообщаете мне о злодеянии, совершенном против Лузина.

Я предупредил Лебега, Монтеля, Бореля, если только Вы этого не сделали сами. Я пошлю им копии Вашего перевода статьи из „Правды“. Я предложу им проект официального заявления в посольство СССР и посмотрю, как они воспримут это предложение, и если они согласны (может быть, они побоятся, что внешнее вмешательство спровоцирует худшие для Лузина репрессии), то как они представляют себе его представление». [12], с. 125.

Отредактированное письмо Данжуа в защиту Лузина передали в посольство СССР Э. Борель и П. Ланжевен.

Невозможно не выразить восхищения теми немногими, кто вступился тогда за поруганную честь своего коллеги. Назову еще раз их имена. Это наши выдающиеся ученые Сергей Натанович Бернштейн, Владимир Иванович Вернадский, Петр Леонидович Капица, Сергей Александрович Чаплыгин, а также ученые Франции и Польши: Эмиль Борель, Арно Данжуа, Поль Ланжевен, Анри Лебег, Вацлав Серпинский.

Тему «Московская математика и Франция» можно еще долго развивать. Можно было бы рассказать о послевоенных связях наших математиков с Францией, рассказать про Андрея Николаевича Колмогорова, бывшего в этой стране много раз, и очень любившего и эту страну и

её культуру, про Сергея Натановича Бернштейна, Сергея Львовича Соболева, Михаила Алексеевича Лаврентьева (все они были избраны в послевоенные годы членами Парижской академии) и многих, многих других. Но я уже исчерпал своё время. В заключение я хотел бы выразить благодарность организаторам этого семинара за предоставленную мне возможность выступить с этим сообщением.

Список литературы

- [1] Бари Н. К., Голубев В. В. Биография Н. Н. Лузина // Н. Н. Лузин. Собрание сочинений в трех томах. М., 1959, т. 3, с. 468–483
- [2] Александров П. С. Теория размерности и смежные вопросы. Статьи общего характера. М. 1978
- [3] Ученик об учителе. Интервью с академиком А. Н. Колмогоровым 8 июня 1983 г. в связи со столетием со дня рождения Н. Н. Лузина (интервью взял В. А. Успенский). // Успехи математических наук, 1985, т. 40, вып 3, с. 7–8
- [4] Lebesgue A. Sur les fonctions représentable analytiquement. // Journal des mathématiques pures et appliquées. Sér. 6, 1905, p. 139–216
- [5] Souslin M. Sur une définition des ensembles mesurables B sans nombre transfinis. // Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris, vol. 164, 1917, 88–91
- [6] Lusin N. Sur la classification de M. Baire // Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris, vol. 164, 1917, 91–94
- [7] Люстерник Л. А. Выступление на юбилейном заседании Московского математического общества // Успехи математических наук, 1965, т. 20, вып 3, с. 21–30
- [8] Колмогоров А. Н. Юбилейное издание в трех книгах. // Ред.-сост. Ширяев А. Н. М., 2003
- [9] Александров П. С. Страницы автобиографии. // Успехи математических наук, т. 34, вып. 6, 1979, с. 219–249
- [10] Youshkevich A. P., Dugac P. «L'affaire» de l'acad^{e'}micien Lusin. // Gazette des math^{e'}maticiens, 1988, N. 38, p.30-35.
- [11] Дело академика Николая Николаевича Лузина / Отв. ред. С. С. Демидов, Б. В. Левшин. СПб, 1999
- [12] «Дело Лузина» и французские математики (публикация, введение и примечания П. Дюгака). // Историко-математические исследования. М., 2000, вып. 5, с. 119–142
- [13] Тихомиров В. М. Открытие А-множеств. // Историко-математические исследования. Вып. 34, М., 1993, с. 129–139

М.В. Кликушин, С.А. Красильников
Анатомия одной идеологической кампании 1936 г.:
«Лузинщина» в Сибири*

В истории научной интеллигенции страны 20-30-х годов есть еще немало темных трагических страниц, рожденных атмосферой того времени. В частности, характерной ее чертой являлись антиинтеллигентские кампании, периодически развязываемые с ведома и одобрения высшего политического руководства. Одни кампании сопровождали громкие судебные процессы, какими, например, были процессы над членами несуществовавших организаций типа Промпартии (1930 г.) или Союзного бюро меньшевиков (1931 г.), среди которых значительную часть составляли ученые различных специальностей. В других случаях публичные процессы находились в стадии подготовки, как дело так называемой Трудовой Крестьянской партии (Н.Д. Кондратьев, А.В. Чайнов и др.) или «дело академиков» (С.Ф. Платонов, Е.В. Тарле и др.), а пропагандистские кампании уже шли полным ходом, формируя соответствующие стереотипы в общественном сознании относительно «интеллигентов-вредителей».

В ряду этих акций, которые традиционно шли на фоне репрессий (арестов, ссылок, заключений и т. д.) по отношению к представителям соответствующих групп специалистов, кампания 1936 г. по борьбе с «лузинщиной», пока еще не нашла своего квалифицированного объяснения и освещения. Связанная с именем известного советского математика, академика Н.Н. Лузина, кампания, внезапно начавшись, выплеснулась на страницы центральной печати в июле-августе 1936 г. и затем также внезапно закончилась. Относительно благополучно закончилась она и для самого академика, который, несмотря на грубые обвинения в его адрес, не подвергся политическим репрессиям.

На сегодняшний день мы располагаем лишь двумя

---

* Статья впервые опубликована в сборнике "Советская история: проблемы и уроки". - Новосибирск, 1992. - С. 198-220.

научными публикациями, в которых делаются попытки изучить «дело академика Лузина» и кампанию, развернутую вокруг него пропагандой (работы советского науковед А.П. Юшкевича и американского историка А.Е. Левина[1]). Работа Юшкевича дает содержательный анализ борьбы в академической среде различных групп ученых, в первую очередь тех, кто имел гражданское мужество защищать Лузина. В то же время автор не раскрыл механизм осуществления самой кампании по осуждению «лузинщины» в научных коллективах. Статья Левина ценна выявлением тех последствий (сиюминутных и долговременных), которые понесло советское научное сообщество в результате данной акции. Однако ни в первом, ни во втором случае авторы не коснулись масштабов и специфических форм осуществления кампании в провинции. Между тем региональные материалы способны пролить свет на внутренние пружины, движущие силы, формы и методы организации данной антиинтеллигентской по своей сути акции. В нашем распоряжении оказалось несколько архивных дел, содержащих документы (по преимуществу стенограммы собраний научных коллективов) по «борьбе с лузинщиной» в Томске.

Внешним поводом для начала кампании послужила опубликованная 27 июня 1936 г. в «Известиях» совершенно невинная статья под заголовком «Приятное разочарование», написанная Н.Н. Лузиным. Речь в этой статье шла о том, как изумлен был академик Лузин глубокими знаниями советских школьников в области математики (в этом и заключалось «приятное разочарование»). В этом ему довелось убедиться, присутствуя на экзаменах по математике в одной из московских средних школ.

Можно только гадать о причинах, вызвавших появление 2 июля 1936 г. (но уже в «Правде») статьи под названием «Ответ академику Н. Лузину», написанной директором школы, учениками которой так восхищался Н.Н. Лузин, Г.И. Шуляпиным, высказавшим в чрезвычайно грубой форме свое недоумение по поводу «неискренних восторгов» со стороны Н. Лузина: «Кому и зачем академик Лузин втирает очки?.. Академик Н. Лузин, очевидно, забыл;

что пришел он в советскую школу, к советским педагогам, т. е. к людям, желающим товарищеской критики своей работы, ищущим в этой критике помощи! Нам не нужно не искренних восторгов...» Далее следовало весьма казуистическое обвинение; «А действительно ли вы были "приятно" разочарованы, академик Лузин? Не было ли вашей целью замазать наши недостатки и этим самым нанести нашей школе вред?»

На следующий день, 3 июля 1936 г., в «Правде» появляется новая статья – «О врагах в советской маске». Статья не имела авторства и носила редакционный характер, так как в ней говорилось, что письмо директора московской средней школы Шуляпина «уже в день его опубликования вызвало ряд откликов и писем работников математических наук в редакцию "Правды"». Начиналась статья с утверждения, что «восторги, источаемые Н. Лузиным по адресу наших школьников, далеко не случайны», а «являют собой лишь одно звено длинной цепи искусной и весьма поучительной по своим методам маскировки врага».

Информация, которой располагали создатели текста, свидетельствует о том, что кампания готовилась тщательно и давно. Н.Н. Лузин обвинялся в следующих «вредительских» видах деятельности: в том, что он давал блестящие характеристики бесцветным в профессиональном отношении ученым («фабрикация заведомо ложных похвальных отзывов» – «линия на засорение советской математической науки»); печатал «в различных изданиях в СССР многие свои якобы научные статьи», в то время как «научная ценность большинства этих статей ничтожна», «а более или менее самостоятельные свои работы Н. Лузин отсылает для печатания за границу – во Францию, Польшу и даже ...Румынию». Далее ставилась под сомнение самостоятельность большинства научных трудов академика, он обвинялся в моральной нечистоплотности и плагиате, в подсиживании и выживании из Академии «действительно талантливых молодых ученых». Читателю напоминалось, что такие, как Лузин, вышедший из «стаи бесславной царской "московской математической школы"», не отказались от своих взглядов, «может быть, чуть-чуть

фашистски модернизированных». Здесь же звучала фраза, обошедшая позднее все резолюции протеста: «...Математика преуспевает в советской стране, как преуспевают все другие науки, для которых социалистическое государство рабочих и крестьян дает условия, каких нет и быть не может ни в одной капиталистической стране».

В публикации содержался также призыв к советской общественности отнестись к истории академика Лузина как к еще одному предметному уроку того, что враг не складывает оружия, что он маскируется все искусней, что методы мимикрии его становятся все многообразней, что бдительность остается необходимейшей чертой каждого большевика, каждого советского гражданина. Давались в статье и примерные признаки «лузинцев» (хотя термин пока еще не использовался): ими должны были быть люди, ратующие «якобы» за «чистую» науку и «продающие интересы» науки, торгующие ею «в угоду прежним хозяевам», «нынешним хозяевам фашизированной науки».

Следующая статья в «Правде», имевшая отношение к развязанной кампании, появилась лишь 9 июля, но выдвигаемые в ней обвинения носили уже принципиально иной характер: они были конкретизированы. В качестве основного выдвигалось обвинение, ранее сосуществовавшее «на равных» с другими, – заискивание перед границей, выражавшееся в печатании научных трудов в зарубежных научных журналах. (Об этом прямо говорило и название статьи – «Традиции раболепия»).

Можно предположить, что столь долгое молчание «Правды» между двумя последними статьями было вызвано как раз поисками, вычленением основного обвинения. 10 и 12 июля в «Правде» вновь появляются публикации под одним и тем же названием. – «О врагах в советской маске», а 11 июля хранившие долгое молчание «Известия» раздражаются первой статьей («Разоблаченный враг»). 13 июля в «Правде» были опубликованы сразу две статьи – «Пора порвать с традициями раболепия» и «Отклики ленинградских ученых», 14 июля – отчет о работе комиссии Академии наук, созданной по «делу господина Лузина», наконец, в кульминационный день 15 июля появляются

статьи одновременно в «Правде» («Академик Губкин о так называемом академике Лузине») и в «Известиях» («Враг советской страны»). После этого кампания была столь же резко прекращена, как и начата, вплоть до 6 августа 1936 г., когда в «Правде» была напечатана передовица под характерным названием «Достоинство советской науки». В этом же номере газеты были опубликованы постановление Президиума Академии наук СССР от 5 августа 1936 г. и заключение комиссии по делу академика Лузина «В связи со статьями в газете "Правда"» (заключение этой же комиссии было опубликовано и в «Известиях» за 6 августа в статье под названием «Об академике Н.Н. Лузине»), 8 августа «Правда» в последний раз коснулась проблемы «лузинщины» в небольшой заметке «Покончить с "лузинщиной" в сельскохозяйственной науке», помещенной на последней странице газеты.

Этим завершился, однако, лишь первый этап широкомасштабной кампании, которая затем перешла на другой уровень, переместилась непосредственно в научные коллективы и прочно «прописалась» в провинции еще почти на полтора месяца. Речь шла не только об обычном для такого рода акций механизме («инициативу» центра провинция подхватывает и проводит с некоторым временным лагом). Кампания приобрела и иное качество. Так, если на первой ее стадии (центральной по месту и газетно-пропагандистской по форме) движущей силой выступала «советская общественность», а участие «научной общественности» служило отчасти своеобразным фоном, то теперь сами ученые при участии партийных органов на местах должны были выявить «лузинщину» как явление и «искоренить» ее.

«Борьба с теорией раболепия перед заграничными авторитетами» – под таким ракурсом осуществлялась эта акция в Томске 14-28 сентября 1936 г. Организующая роль партийных структур, завуалированная в центре, предстает в региональных материалах со всей рельефностью. Томский горком ВКП(б) не только активно участвовал в кампании (через секретарей парткомов вузов), но и тщательно спланировал все этапы в определенной последовательности,

В информационной записке горкома, подготовленной для крайкома партии, указывались три стадии: 1) проведение внутривузовских собраний; 2) организация общегородского собрания научных работников (коммунистов и комсомольцев); 3) проведение общегородского собрания ученых. Все это сопровождалось информированием советской общественности посредством публикаций в местной печати (главным образом в газете «Красное знамя»)[2].

Сигналом к началу кампании послужил приезд в Томск 5 сентября 1936 г. секретаря крайкома Р.И. Эйхе. Выступая 11 сентября на собрании партактива Томской организации, он указал на пассивность коммунистов и научной общественности при обсуждении «дела Лузина» как на серьезнейший «провал в работе». «В Томске, где насчитывается около 800 научных работников, почти никто на дело Лузина, на статьи в "Правде" никак не отозвался, словно дело Лузина никакого политического значения не имеет. Неужели вы полагаете, что в Томске нет лузинщины, нет отдельных проявлений раболепия перед буржуазной наукой?»[3]

Газета «Красное знамя» моментально откликнулась публикацией двух статей. 15 сентября вышла статья четырех научных сотрудников физико-технического института (Светланов и др.) с характерным заголовком «Беспощадно разоблачать и осуждать конкретных носителей раболепия перед буржуазной наукой», где в грубой форме порицался стиль работы научного коллектива под руководством проф. Тартаковского (публикация работ за границей, «особенно в фашистской Германии»). 17 сентября появилась статья другой группы сотрудников того же института (Петров и др.), осуждавшая позицию другого известного учено-физика, профессора Д.Д. Иваненко (последний заявил о негативных последствиях для советской науки ограничения контактов с зарубежными коллегами).

За проведенной пропагандистской «артподготовкой» последовала серия общих собраний: томских индустриального института (ГИИ), электромеханического института инженеров транспорта (ТЭМИИТ); университета;

коммунистов и комсомольцев научных учреждений и вузов города; научных работников Томска.

Столь затяжной (с 19 по 28 сентября) и тщательно спланированной акции давления на научную среду в Томске ранее не предпринималось. Учитывались и тщательно взвешивались все моменты акции, начиная с подбора докладчиков и кончая участниками прений. Последние также тщательно подбирались и готовились, о чем свидетельствует весьма доскональное знание фактов биографии и научной деятельности отдельных ученых, ставших объектами грубых нападок и травли, обнаруживаемое порой отдельными выступавшими. Столь же обязательными становились и «покаянные» выступления ученых, обвиненных в «рабологии перед границей».

Прослеживается наличие нескольких основных групп в составе принявших участие в собраниях ученых (критерием здесь выступают те ролевые функции, которые они выполняли). Первая группа – обвиняемые как сторонники или последователи Н.Н. Лузина – состояла из 10-15 крупных ученых различных специальностей, – объединенных общим «компрометировавшим» их обстоятельством – наличием публикаций в зарубежных научных изданиях. Вторая группа – крупные ученые, главным образом руководители научных подразделений. Большинство из них также имели в разное время «криминальные» публикации, но, вероятно, дали согласие участвовать в кампании и даже играть активную роль в качестве докладчиков из конформистских соображений и опасений оказаться в первой группе (функция «свидетелей»). Третья, наиболее многочисленная группа состояла из представителей так называемой новой интеллигенции, связанной с партийной средой и занимавшей наиболее резкую, непримиримую позицию (функция «обвинителей»). Особую группу составляли своего рода режиссеры – секретари парткомов, а также руководители вузов, коммунисты (функция «судей»). Таким образом, если определять какие-либо количественные пропорции, то выясняется, что в «группу риска» попало около 1% от общей численности научных работников

Томска (11 из 800 чел.) и 6-7 % (50-60 чел.) сыграли свои роли в компрометации указанной группы. Большая же часть ученых оказалась в роли статистов.

Для нас, однако, важно зафиксировать в данном случае не только действие механизма морального репрессирования в науке, но и (что не менее важно) отклонения от сценария, имевшие место проявления профессионального, а следовательно, и гражданского неповиновения, сопротивления «творцам» кампании.

Вкратце охарактеризуем состав ученых и функционеров от науки, составивших выделенные выше группы. Это позволит более предметно представить сам ход кампании и те поворотные точки, которые в ней возникали. «Группу риска» составили томские ученые: физики Д.Д. Иваненко, П.С. Тартаковский, Б.А. Фукс, Б.В. Тронов, математик С.С. Бергман, химики И.И. Котюков, Н.П. Козьмина, Резниченко, Г.Н. Ходалевич, горняк Ф.В. Галахов, медик С.А. Смирнов. Как уже отмечалось, в вину им ставилось печатание научных работ за границей. При этом не прослеживалось какого-либо четкого критерия для отнесения к данной группе. Так, профессор Бергман (математик) был немцем, эмигрировавшим в СССР после прихода фашистов к власти, и практически все его работы (более 50) печатались в Германии. Профессора Козьмина и Резниченко (химики) более половины из своих работ публиковали в зарубежных изданиях. В то же время жесточайшей критике подвергались доценты Фукс и Ходалевич, имевшие всего по одной-две зарубежных публикации, но в особенности – профессора Сибирского физико-технического института (СФТИ) П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко, работавшие над фундаментальными проблемами физики и добившиеся к этому времени значительных успехов (публикации за рубежом для них были нормальным явлением).

Однако наиболее «одиозными» фигурами стали профессора Ф.В. Галахов и И.И. Котюков, к тому времени уже арестованные за «контрреволюционную деятельность». В данную группу они» причислялись скорее символически: Галахов имел всего одну зарубежную публикацию, а о

Котюкове говорилось только то, что он, зная в совершенстве основные европейские языки и будучи в курсе новейшей иностранной литературы в области физической химии, не желал использовать эти знания «в работе на пользу социалистического строительства»[4]. Но сама символика выглядела весьма зловещей – как наглядный пример того, куда могла бы завести «лузинцев» подобная траектория.

В то же время при всей, казалось бы, пестроте в «группе риска» просматривались некоторые черты общности. В большинстве своем это были выходцы из непролетарской по преимуществу, потомственной интеллигентской среды, в возрасте 40-45 лет, получившие высшее образование в промежутке между 1912-1920 гг., беспартийные. По всем основным характеристикам они являли собой своего рода пограничную двухмерную группу в составе научной интеллигенции. Научную карьеру они сделали в советский период, но по психологии и профессиональным установкам были плоть от плоти так называемой буржуазной интеллигенции и как бы занимали ключевые позиции в науке, принимая эстафету от старой генерации ученых.

Тем самым кампания наносила удар по механизму преемственности в науке, по «буферной» группе, призванной связывать «старые» и «новые» научные кадры. Речь не шла в большинстве случаев о политических репрессиях, ставилась более доступная прагматическая цель – привести к покаянию и, соответственно, к конформизму критически мыслящих, неординарных ученых.

Коварство этой кампании заключалось и в том, что в качестве «свидетелей обвинения», а иногда и «обвинителями» выступали крупные и авторитетные в научной среде представители «старой» генерации ученых. Так, активную роль на внутривузовских собраниях, а затем и на общегородском, играли такие фигуры, как геолог М.А. Усов, физик В.Д. Кузнецов (в последующем – оба академики АН СССР), ботаник В.В. Ревердатто и некоторые другие. Принадлежа по возрасту приблизительно к той же группе, что и «обвиняемые», они занимали в научной иерархии несколько более высокие позиции. Положение их

оказывалось весьма двусмысленным – слишком многое их объединяло с упомянутыми выше коллегами, в том числе наличие публикаций в зарубежных изданиях, непролетарское происхождение, «не те» позиции в годы революции и гражданской войны и т. д. Своим согласием на участие в кампании они придавали последней внешнюю атрибутику «суда чести». Однако, как будет показано ниже, для них оставалась еще возможность играть «свою игру», не поступаясь до конца профессиональной этикой. И некоторые из них этот шанс использовали.

Наибольшую активность на собраниях проявляли представители третьей группы – так называемое молодое поколение: аспиранты, ассистенты, преподаватели, несколько доцентов. Их возраст колебался от 25 до 35 лет. Отличаясь особой агрессивностью в своих нападках на членов «группы риска», они преследовали две очевидные цели: доказать политическую лояльность режиму и обеспечить благоприятные условия для научной карьеры путем дискредитации более талантливых и признанных в науке коллег. Примечательно, что в своих атаках они заходили достаточно далеко, критикуя даже «свидетелей обвинения».

Истинными же режиссерами кампании выступали партийные структуры, действовавшие руками партийцев-функционеров (руководители вузов, секретари парткомов). За исключением беспартийного М.А. Усова (докладчик в Томском индустриальном институте), именно они делали основные доклады (в университете – А.Е. Абрамович, старый большевик и бывший ответработник Коминтерна, биолог по профессии, зав. кафедрой общей биологии; на общегородском собрании ученых – директор томского пединститута В.А. Жданов, член партии, из «красных выдвиненцев»). Однако ключевую роль сыграл секретарь парткома индустриального института В.Н. Хайновский: не только на внутривузовском, но и на общегородском собрании он неоднократно брал слово, бросал агрессивные реплики, расставлял акценты в выступлениях ряда ученых – словом, являлся «ведущим».

Для того чтобы проанализировать сам механизм

осуществления указанной антиинтеллигентской акции, представляется необходимым взять в качестве точки отсчета, методом «от обратного», основные положения итогового документа – информационной записки томского горкома партии «по вопросу о борьбе с лузинщиной в томских вузах» за подписью секретаря горкома С. Куравского[5]. Эти положения вкратце таковы: наряду с «правильными» выступлениями имелись «неправильные» (те, кто поначалу упорствовал и отрицал элементы «лузинщины» в своей работе – Тартаковский, Иваненко и др.); ряд ученых проделали эволюцию, и если на внутривузовских собраниях они пытались «отрицать ошибки», то на общегородском собрании большинство из них «правильно признавали свои ошибки» (хотя и с оговорками); в то же время двое – Иваненко и Фукс – «не выступили с признанием своих ошибок».

Вся акция подавалась как положительное решение трех проблем: а) очищения советской науки от лиц, враждебных социализму; б) искоренения на основе подлинной большевистской самокритики проявлений «лузинщины» в научной среде; в) мобилизации сил и энергии ученых на решение задач социалистического строительства.

Особое внимание, как следует из вышесказанного, партийные органы уделяли процедуре «приведения к покаянию» тех ученых, которые пытались, хотя бы в узких рамках, отстаивать право на свободу творчества и противостоять тотальному контролю и диктату партийных структур в сфере научных коммуникаций.

Таковы были намерения партийных «дирижеров». Однако очевидно, что наибольший эффект достигался путем вовлечения в кампанию крупных ученых. Показательно в этом плане выступление известнейшего сибирского геолога М.А. Усова «О лузинщине» на собрании в индустриальном институте 19-20 сентября 1936 г. В нем содержалась наиболее развернутая попытка проинтерпретировать с якобы научных позиций данный социально-политический заказ. Согласно докладу, «лузинщина» состояла из следующих элементов: раболепия перед заграничной

наукой; печатания работ предпочтительно за границей; использования своего положения с целью плагиата; засорения кадров науки негодными, но верными «патрону» элементами; зажима талантливых молодых работников, особенно из партийной прослойки; дезориентации правительства и общества в отношении постановки дела подготовки кадров[6].

В отличие от прямолинейно пропагандистских выступлений «парторгов от науки» и публицистов Усов попытался подвести историческое обоснование под феномен раболепия, выявить соответствующие условия, предпосылки. Они виделись в следующем: в организации русской науки иностранцами, особенно немцами; подготовке русских ученых за границей (имелась в виду практика почти обязательных зарубежных командировок для завершения диссертационных работ); слабом развитии в России науки, промышленности, полиграфической базы; образовавшемся вследствие этого глубоком недоверии русских ученых к собственным силам и преувеличенном пиетете перед иностранной наукой.

Изменилось ли положение в этой области за два послереволюционных десятилетия? Усов отмечал наличие весьма существенных сдвигов: громадный рост численности научных кадров и сети вузов и исследовательских учреждений; выпуск научной периодики «в неслыханных тиражах»; вооружение ученых передовой научной методологией – марксизмом-ленинизмом, благодаря чему советские ученые начинают завоевывать передовые рубежи в науке и ниспровергать заграничных «богов».

Таким образом, заключал Усов, исчезли исторические корни, питавшие феномен раболепия перед заграницей. Однако М.А. Усов не мог не затронуть другого принципиального вопроса: каким же образом советские ученые будут доказывать свои завоеванные в мировой науке приоритеты? И он предложил следующую систему оповещения заграницы о достижениях отечественной науки и техники: сопровождать каждую «заметную» работу кратким резюме на одном из иностранных языков; посылать в заграничную научную прессу «в основном сводки успехов

русской науки и техники»[7].

Заняв примерно 2/3 доклада под эти теоретические и методические рассуждения, Усов затем как бы скороговоркой перечислил основные проявления «раболепия» перед заграницей в Томском индустриальном институте (факты печатания работ рядом ученых в иностранных изданиях). Заслуживает внимания тот факт, что Усов постарался избежать излишних резкостей в отношении своих коллег – профессоров Котюкова и Галахова, к тому времени уже арестованных органами НКВД. Так, факт публикации последним одной из своих работ в Германии Усов прокомментировал объективистски: эта работа одновременно была напечатана в одном из отечественных журналов, так как представляла собой «существеннейшее достижение» в данной научной области[8].

В то же время позиция Усова не была безупречной и содержала в себе отступления от норм научной этики. Так, он позволил себе сделать пассаж в адрес возглавляемой профессором П.С. Тартаковским кафедры теоретической физики университета: «...печатание всех работ в Германии, например, кафедрой Тартаковского, превращает это учреждение, содержимое на советские средства, как бы в филиал немецкой научно-исследовательской организации»[9].

Следует отметить, что в ходе последующего обсуждения Усов не избежал-таки упреков и обвинений в известном «либерализме» по отношению к конкретным представителям «лузинщины» в Томске. Особенно усердствовал небезызвестный Хайновский, давший понять собравшимся, «какое отношение к Лузину и ему подобным» у них должно быть, а именно: «...исключительно резкое осуждение со всей большевистской страстностью и напористостью, самое резкое», самое непримиримое осуждение. Надо заклеить позором не только Лузина, но и тех, которые пытаются в какой бы то ни было степени итти за ним в хвосте. Надо создать такую обстановку, чтобы мы воспитывали наше молодое поколение, наших студентов в том же духе. Иного пути нет»[10].

Под напором обвинений в «либерализме» Усов вынужден был в ответном слове отказаться даже от такого, казалось бы, безобидного предложения, как необходимость сопровождать работы советских ученых резюме на одном из иностранных языков – настолько грубыми были демагогические наскоки на маститого ученого, давшего, впрочем, вовлечь себя в эту грязную игру.

Более сложным и драматическим оказалось, безусловно, положение тех, кто вынужден был оправдываться в допущенных «ошибках». С этих позиций примечательно поведение двух членов «группы риска» – профессора Б.В. Тронова и доцента Г.Н. Ходалевича. Наиболее аргументированной выглядела линия самозащиты у Б.В. Тронова. Он прекрасно осознавал, что, помимо чисто логических аргументов, необходимо апеллировать и к определенным политико-пропагандистским стереотипам (иначе говоря, защищаться, используя методы оппонентов). Он начал свое выступление с риторического вопроса: «Должны ли мы свои научные достижения скрывать от капиталистических стран?» И отвечал: «Не надо забывать, что в капиталистических странах есть не только фашисты, но есть и огромные массы рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции. Среди этих масс очень немногие сочувствуют фашизму, многие не сочувствуют совсем и многие колеблются, но, во всяком случае, все внимательно следят за тем, что делается у нас, в советской стране, на культурном фронте, за нашими успехами в науке. И вот, если ни одна наша работа не будет до этих трудящихся масс доходить, тогда как раз фашизм получит благоприятную почву для агитации против Советского Союза. Фашисты будут говорить – «вот большевики захватили власть, и у них никакой науки нет». Для того чтобы с этой агитацией бороться, мы должны фактами показать, что у нас наука есть»[11]. Далее Тронов попытался уже с позиций рациональности объяснить то, каким образом его работы оказались за границей: в одном из немецких журналов в конце 20-х годов он прочел статью немецких коллег по своей специальности и убедился, что построения их неверны, основаны на неправильных теоретических

основаниях. Он послал свою статью в тот же самый журнал, и она была тотчас там напечатана: «Я считаю, что в этом вопросе я немецких и американских ученых обогнал. Почему же я не мог довести до их сведения о том, что я их обогнал?» Затем Тронов вполне резонно заметил, что к печатанию за границей подталкивает еще и несовершенство распространения научных изданий (в частности, институтских), которые следовало бы шире рассылать за рубеж («если бы я из работ иностранных ученых убедился, что мои работы до них доходят, тогда бы мне не пришло в голову их посылать»). На этом месте выступающего прервал репликой из президиума секретарь парткома института Хайновский: «А почему так страшно, если бы они не дошли до заграницы, почему нужно так раболепствовать?» Здесь Тронов в запальчивости ответил: «Это раболепство, если я больше в этой области делал, это раболепство?»

Доцент Г.Н. Ходалевиц также отказался считать себя виноватым, так как напечатанная в 1930 г. в немецком физическом журнале работа была написана в соавторстве с профессором М.П. Орловой. Последняя после безуспешных попыток опубликовать эту работу в СССР отправила ее в Германию. «Так что я лично себя никак не могу считать виноватым», – закончил он свое краткое выступление[12].

На следующий день им предстояло выдержать худшее: почти все выступавшие избрали мишенями для критики именно их. Апогеем стало демагогическое выступление того же Хайновского. Вкратце оно сводилось к следующему: Тронов взялся в индивидуальном порядке показать достижения советской науки, тем самым пренебрег интересами научного коллектива; пример Усова показывает возможность мировой известности, когда он не посылал свои работы за рубеж, а иностранные журналы сами делали необходимые переводы; коллектив «хочет помочь вам исправить недостатки, искоренить все плохое, чуждое, ненужное...»[13].

Далее последовало покаянное выступление Тронова: «Я должен признать, что это собрание меня многому научило. Я думал, что, печатая свои работы за границей, я приношу пользу советской науке, показав наши достижения,

показав, что в той научной области, в которой я работаю, я достиг больше, чем иностранные ученые. Но теперь я вижу, что это была ошибка. Так нельзя было делать. Достижения надо показывать в организованном порядке, а не лично у себя»[14].

В итоге в резолюцию в качестве нарицательного примера попал, наряду с «явными врагами Котюковым и Галаховым», один доцент Ходалевиц, как «не сумевший в своем выступлении стать на позиции разоблачения лужинщины» и «проявивший неспособность осознать свои прошлые ошибки»[15]. Потрясенный психологическим прессингом, Ходалевиц на следующий день написал в дирекцию и партком института заявление следующего содержания: «...В постановлении общего собрания... мое выступление и факт напечатания в Германии научной работы получил соответствующую оценку. Глубоко сознавая, что гордое звание научного работника и гражданина нашей прекрасной социалистической родины, идущей от победы к победе под руководством ВКП(б) и ее мудрого вождя т. Сталина, я должен хранить в чистоте – заявляю, что приложу все свои силы и знания к тому, чтоб дальнейшей своей работой на благо СССР исправить свою ошибку. В заключение мне еще раз хочется заявить, что не я лично посылал в Германию для напечатания мою, совместно с проф. М.П. Орловой, научную работу. Это я подтверждаю прилагаемой при сем открыткой от проф. М.П. Орловой. Это, конечно, не снимает с меня ответственности как с соавтора работы»[16].

Как видно, собрание вышло далеко за рамки мероприятия, лукаво названного партторгом Хайновским как «критика» коллективом отдельных ученых с целью помочь им «встать на правильную позицию», а от последних требовалось только «принимать свои ошибки, признавать и исправлять их». Это была плохо прикрытая акция морального террора по отношению к ученым, имевшим право отстаивать свои профессиональные интересы.

Спустя несколько дней, 23 сентября 1936 г., состоялось собрание ученых Томского университета, которое в целом прошло по тому же сценарию. Однако

главное событие было впереди. 28 сентября 1936 г. было созвано общегородское собрание научных работников Томска. Здесь возникли новые повороты, свидетельствовавшие о наличии подспудного противостояния части научного сообщества линии на скатывание к оголтелой политической травле. Основной докладчик, директор пединститута Жданов в целом кратко суммировал итоги обсуждения вопроса на внутривузовских собраниях и не добавил чего-либо существенного. Затем слово взял один из представителей молодого поколения, 30-летний ассистент томского электромеханического института К.К. Гречищев (кстати, сын известного в Томске старого профессора, медика, но успевший в прагматических целях, для поступления в вуз, проработать около года кочегаром) и произнес речь, содержащую грубые выпады в адрес «группы риска» – Иваненко, Тартаковского и др. Вот один из «образчиков» его высказываний: «Эта группа является группой томских Лузиных, людей, которые, извините меня за выражение, на брюхе поползли к фашизму. Невозможно стало жить в советской стране, ученому совершенно нет никакой возможности печатать, вот в каком состоянии находится советская наука – вот что вы хотите показать, отправляя свои работы для печати за границу. Но кто же этому может поверить, разве фашистская, бульварная пресса?»[17]

На фоне того напряжения, которое возникло в аудитории после подобного подстрекательского выступления, очень достойным выглядело выступление профессора Резниченко (Институт технологии зерна и муки). Он начал с того, что прямо заявил о том, что не считает ошибочным факт печатания за рубежом 10 из 30 написанных им работ. Показывая аудитории один из номеров журнала «Биохимический Цайтунг», где имелась его публикация, он напомнил, что в списке авторов журнала – выдающиеся химики страны, академики Бах, Прянишников, Зелинский и др. («я никак не могу подумать, чтобы акад. Бах или Збарский были настроены антисоветски или лузински... мне кажется, что они хотели показать, как обстоит советская наука у нас»). Тут уже не выдержал пресловутый Гречищев

и с места прервал его выступление «убийственным», как казалось, вопросом: «Как объяснить тот факт, что вы стараетесь печатать за границей свои работы, чтобы сказать о той высоте, на которой стоит у нас наука, а почему же немцы не печатают у нас свои работы?» На это он получил от Резниченко действительно убийственный ответ: «Я думаю, об этом нужно спросить немцев». Здесь произошла разрядка и стенограммой зафиксирован единственный случай взрыва смеха в зале[18]1.

Это был не единичный случай достойного поведения Ученых на данном судилище. Прекрасно держался известный математик Стефан Бергман, человек необычной судьбы, эмигрант. Он закончил два вуза – Венский политехнический институт и Берлинский университет, где затем работал с 1922 по 1933 г. доцентом математики. После прихода нацистов к власти эмигрировал в СССР, где по направлению Наркомпроса вместе с другим немецким математиком, эмигрантом Фрицем Неттером приехал в Томск и работал с 1934 г. в университете и одновременно в НИИ математики и механики. За два прошедших года ему вместе с коллегами удалось осуществить уникальное по тем временам для Сибири мероприятие – организовать издание «Известий НИИ математики и механики» на немецком языке (в этом издании публиковался даже А. Эйнштейн): «...Мы создали такой журнал, что многие иностранные ученые стремятся к тому, чтобы печатать труды в нашем журнале (голос с места: «Почему не печатаете на русском языке?»). Я признаю, что с нашей стороны в этом отношении была допущена ошибка, но это произошло потому, что мы старались создать школу, создать такой журнал, которым бы заинтересовался весь мир...» И далее с грустной иронией С. Бергман заключил: «Мы сделали ошибки, стремившись сделать что-либо хорошее»[19].

Затем слово попросил известный физик, директор СФТИ профессор В.Д. Кузнецов. Его положение было непростым, так как в этом коллективе работали наиболее «одиозные» фигуры, обвиненные в лужинщине – П.С. Тартаковский и Д.Д. Иваненко. Помимо «раболепия перед заграницей» им ставилось в вину еще и

пренебрежительное отношение к нуждам практики социалистического строительства. Однако Кузнецов не пошел по пути наименьшего сопротивления, как отчасти это сделал ранее Усов. Он имел несколько сильных «домашних заготовок», которые до поры не пускал в ход, и, кроме того, решил использовать в интересах дела разнuzданное выступление Гречищева по адресу Тартаковского и других, якобы «на брюхе ползущих к фашизму».

Кузнецов доверительно сообщил аудитории о содержании продолжительного разговора между ним и Р.И. Эйхе во время визита последнего в Томск (разговор шел о поднятии роли науки и престижа ученых в обществе, о стимулировании их труда и т. д.). «Наши мнения совершенно сошлись. Что рекомендовал сделать тов. Эйхе? Проф. Тартаковский... человек талантливый, выдающийся крупный ученый... [но] он идет по неправильному пути, он далек от производства, от техники, от промышленности, он не чувствует, что работает для социалистического строительства. ...Нужно этого крупного специалиста перевоспитать, убедить в том, что он неправильно идет».

Далее Кузнецов сообщил, что, следуя указаниям Эйхе, он организовал поездку Тартаковского в Сталинск (Новокузнецк) на металлургический завод, где тот заключил конкретный договор на прикладные работы в области физики, заинтересовавшие производственников. Что касается Иваненко, то его также нужно перевоспитывать подобным путем. Затем следовал эффектный вопрос: «Скажите, как же мы теперь должны поступать, так ли, как советует т. Гречищев, или как советует т. Эйхе?» И Кузнецов сам же резюмировал: «Так что методы, которые рекомендует т. Гречищев, это методы демагогические, это методы, недостойные научного работника»[20].

Складывалась ситуация, явно неблагоприятная для организаторов акции. Тогда слово взял Хайновский. В присущем ему стиле он вначале повторил блок стереотипов пропаганды на тему, что такое «лузинщина» и в чем ее опасность, а затем перешел в атаку, заявив, что устного выступления Кузнецова, «выгораживавшего Тартаковского и Иваненко», недостаточно. «Но тов. Тартаковский сегодня

должен будет сказать нам, как он понимает всю эту борьбу, как он понимает и политически расценивает свои ошибки... общественность должна знать из уст самого Тартаковского об этом деле, потому что на этом учится и воспитывается молодежь...»[21]

Тартаковский, вернувшийся в этот день из своей командировки на металлургический завод, вероятно, обговорил с Кузнецовым линию своего поведения. Его выступление состояло из двух частей. В первой он признал свои ошибки (печатание работ в Германии уже после прихода к власти фашистов и прежняя недооценка важности прикладных исследований). Затем Тартаковский остановился на характере критики конкретно в свой адрес, в том числе и грубые выпады (обвинения, что он едва ли не пособник фашизма и т. д.): «Если долг советского гражданина признавать ошибки, которые он совершал, то я думаю также [что] долгом советского гражданина является открыто заявлять о тех случаях, когда ему приписываются демагогическим образом ошибки, которых он не совершал...»[22]

В своём заключительном слове докладчик, директор пединститута Жданов достаточно удачно сыграл положенную ему роль «третьей стороны». Он особо затронул дискуссию вокруг выступления Гречищева, которому следовало бы пожелать быть более самокритичным: «Очень легко выступать и говорить по вопросам, уже подвергшимся всеобщему осуждению и доводить эти вопросы до резких выводов. Получается очень бдительно и очень решительно. Но я бы считал, что... обязанности научного работника ТЭМИИТа [требуют] сказать о самокритике, касающейся состояния научной работы этого заведения»[23]. Жданов обыграл здесь достаточно известный факт низкого уровня НИР в этом институте.

Столкновения позиций продолжались и на стадии принятия общей резолюции, хотя речь шла, казалось бы, о частностях – о формулировках в приложении к конкретным ученым. Возник спор вокруг оценок тех же фигур – Тартаковского и Иваненко. Кузнецов настаивал на

смягчении формулировок, заложенных в проекте решения. Однако здесь вновь вмешался Хайновский. Он заявил, что это справедливо будет в отношении выступившего с покаянием Тартаковского, но не должно касаться Иваненко, который «ограничился» подачей заявления в дирекцию СФТИ с признанием ошибок («одно дело – заявлять в своей организации, другое дело – на общем собрании научных работников города»). В итоге Хайновский все же одержал небольшой реванш и в резолюции было записано, что «проф. Иваненко антисоветски реагирует на выступления прессы, вскрывающей лузиновщину (так в резолюции – *М.К., С.К.*»)[24].

Так завершилась эта десятидневная кампания, которую партийный аппарат развязал, контролировал на всех стадиях и расценил в целом как успешно завершённую (см. приведенную выше информационную записку С.З. Куравского). Действительно, в определенном смысле весь механизм этой антиинтеллигентской акции может быть объяснен. Так, даже достаточно радикальное поведение профессора В.Д. Кузнецова имело под собой основу и в известной мере было авансировано партаппаратом (вспомним ссылку на беседу с Р.И. Эйхе) именно на тот случай, когда «неистовые ревнителю» решатся пойти дальше очерченных пределов и начнут требовать более жестких санкций репрессивного характера по отношению к томским «лузинцам». Сказанное, впрочем, ни в коей мере не должно умалить проявлений гражданской позиции тех ученых, которые нашли в себе решимость хотя бы вначале оказать сопротивление грубому прессингу и вынужденное признание «ошибок» не превратили в самобичевание. Совсем иначе выглядит позиция тех, кто использовал инспирированную сверху кампанию в карьеристских целях.

Может показаться странным, почему партийный аппарат сфокусировал кампанию в Томске только на одном, достаточно локальном аспекте – борьбе с «раболепием перед границей». Одна из прагматических целей прочитывается достаточно просто: создать психологический синдром в среде ученых, чтобы сориентировать усилия последних на решение внутренних задач развития страны. Партийные

лидеры были серьезно озабочены низким уровнем научно-исследовательских работ в вузах и НИУ и имели основания предполагать, что эта кампания приведет к повышению профессиональной активности ученых, которым показали «кнут» и «пряник».

Однако здесь таилось серьезное противоречие, и организаторы акции на заключительной фазе ощутили его влияние. Столь массивный удар по «раболепию» грозил обернуться отрицательным отношением к серьезному изучению мировой науки и техники. С. Куравский с тревогой писал: «Наряду с правильной постановкой вопроса о прекращении раболепного печатания за границей на некоторых собраниях звучали далеко не правильные нотки замыкания в свою скорлупу, отгораживания от иностранной науки и техники»[25].

Проявилось и другое, первоначально не ощутимое следствие грубого диктата в области внутринаучных связей и отношений. В ходе кампании ускорился процесс уже исподволь шедшего распада ряда перспективных творческих групп и направлений. Это в первую очередь касалось ситуации в СФТИ, где научные направления, руководимые П.С. Тартаковским (теоретическая физика) и Д.Д. Иваненко (ядерная физика) третировались как бесперспективные. В конечном счете кампания по борьбе с «лузинщиной» дала «веские» аргументы их научным (и околонучным) оппонентам. Через некоторое время оба талантливых физика вынуждены были прекратить свои исследования. Время расставило все на свои места. Д.Д. Иваненко, перебравшийся в Московский университет со своим учеником А.А. Соколовым, после перерыва продолжил работы в области ядерной физики и в 1950 г. был удостоен Государственной (Сталинской) премии,

В 1937-1938 гг. был осуществлен разгром коллектива ученых из НИИ математики и механики во главе с профессором Л. Вишневым. С. Бергман сумел чуть раньше уехать из Томска и затем вовсе эмигрировал из страны. Однако его коллега, немецкий математик Ф. Неттер был арестован и расстрелян в 1941 г.

Несколько раньше были уничтожены профессора

Ф. Галахов и И. Котюков.

В 1937 г. наступило черное время для «режиссеров» и их помощников. Неизвестна судьба В. Хайновского после 1945 г., когда он являлся председателем Новосибирского горисполкома. Жданов в 1937 г. был снят с работы, исключен из партии и репрессирован. На некоторое время арестовывался «красный профессор» ботаник В.В. Ревердатто, проявлявший рвение в осуждении «лузинщины», но затем был выпущен на свободу. Еще один «ревнитель», получивший после ареста И. Котюкова кафедру, доцент М. Якимов был расстрелян в 1937 г., в тот же день, что и оклеветанный не без его соучастия Котюков.

Подведем некоторые итоги. Кампания борьбы против «лузинщины» выходила за рамки «чисто научного» явления, имела совершенно очевидные социально-политические корни и должна рассматриваться в нескольких измерениях.

Во-первых, она достаточно четко вписывается в серию идейно-пропагандистских акций, подготавливавших «большой террор» 1937-1938 гг. По времени проведения (что было отнюдь не случайно) она совпадала с крупномасштабной политической кампанией, организованной вокруг августовского процесса над Зиновьевым, Каменевым и их «сообщниками». Помимо расстрелов по всей стране прокатилась волна партийных чисток, исключений из партии, арестов и других видов репрессий по отношению к «затаившимся и неразоружившимся троцкистам и зиновьевцам», «двурушникам», «примиренцам» и другим категориям партийных кадров – нынешних и «бывших», Лузин и «лузинщина» были синонимом «бескровной» акции, носившей характер идеологической и морально-психологической репрессии по отношению к такой социально-профессиональной группе, как научно-педагогические кадры. Внешне это выглядело как борьба с проявлениями вредительства в советской науке (куда относилось и «раболепие» перед Западом, и недооценка молодой научной смены из среды трудящихся и т. д.).

Во-вторых, следует учитывать те официально

декларируемые цели, которые провозглашались, равно как и скрытые намерения организаторов кампании. Кампания шла под флагом борьбы за развитие отечественной науки и очищения ее от «псевдоученых», борьбы за поворот к нуждам практики. Однако достаточно легко прочитывались реальные цели: продемонстрировать ученым степень их зависимости от общества (партийных органов, «советской общественности» и т. д.); провести моральную расправу над инакомыслящими силами самого научного сообщества; свести на нет международные научные связи советской науки. Иначе говоря, кампания должна была иметь своим кратковременным результатом осуществление превентивной акции (давление на научное сообщество с целью более удобного руководства и контроля над его деятельностью). В качестве долговременного результата предполагалось повлиять на формирование особого микроклимата советской науки как автаркичной, замкнутой системы, но занимать при этом передовые по сравнению с Западом позиции.

Тенденция к установлению изоляции от контактов с мировым научным сообществом (научная автаркия) имела своих адептов не только среди политиков, но и в среде самих ученых: намерения этих групп причудливо переплетались. В верхнем эшелоне власти целевая установка на автаркию в различных сферах жизнедеятельности общества (политика, экономика, культура) была общепринятой в данный период. Что касается научно-технических связей, то здесь вполне логичной для тогдашних лидеров была установка: извлечь максимум информации из западного опыта, не сообщая по возможности никакой о собственном научно-техническом потенциале. Большую, если не решающую роль в формировании указанной установки играл ложный по своей сути пропагандистский тезис о том, что передовой общественный строй (советский) располагает передовой в мире наукой и техникой и она способна к саморазвитию вне контактов с зарубежной наукой.

И в этом заблуждении, как ни парадоксально, политиков убеждали сами ученые (что было делом достаточно простым, учитывая наличные психологические

установки в среде самого политического руководства с их верой в «чудеса» науки и техники – достаточно вспомнить феномен Лысенко). Что касается крупных ученых с мировым уровнем, то мотивацию их участия в подобной кампании следует, видимо, объяснить инстинктом самосохранения. Однако истинное рвение и заинтересованность в развязывании кампании по борьбе с «раболопием» перед Западом проявляли те группы в составе научной интеллигенции, которые получали ощутимые дивиденды от удачного ее проведения в виде карьеристского продвижения наверх.

Наконец, в-третьих, нельзя не учитывать и еще два весьма важных социально-психологических последствия кампании. Первое из них сказалось на общественном микроклимате в отношении интеллигенции вообще: силу массивированной пропагандистской атаки, направленной на выявление отрицательных черт в научном сообществе, возникли дополнительные аргументы для укрепления так называемых «спецедеческих» настроений. Но все же самым живучим из негативных последствий борьбы с «лузинщиной» явилось то, что внутри самого научного сообщества еще более укрепилась основа для культивирования типа ученого-конформиста, который из чувства самосохранения жертвует гордостью и независимостью настоящего знания.

Примечания

- [1] Юшкевич А П. «Дело академика Н.Н. Лузина»// Вестн. Академии наук СССР.– 1989. – № 4. – С. 102-113; Aleksey E. Levin. Anatomy of Public Campaign: „Academician Luzin’s Case“ in Soviet Political History// Slavic Review – 49 №1. Spring 1990 – P. 89-108.
- [2] ПАНО, ф. 3, оп. 10, д. 1095, л. 5.
- [3] Красное знамя.– 1936. – 21 сект.
- [4] ПАНО, ф. 3, оп. 10, д. 1095, л. 21.
- [5] Там же, л. 5-8.
- [6] Там же, л. 12.
- [7] Там же, л. 14.
- [8] Там же, л. 14 об
- [9] Там же, л. 13об.
- [10] ГАТО, ф. Р-816, оп. 13, д. 135, л. 16-18. н
- [11] Там же, л. 21-21 об.

- [12] Там же, л. 22.
- [13] Там же, л. 45.
- [14] Там же, л. 47.
- [15] Там же, л. 49.
- [16] Там же, л. 66.
- [17] ПАНО, ф. 3, оп. 10, д. 1095, л. 71.
- [18] Там же, л. 90-93.
- [19] Там же, л. 93.
- [20] Там же, л. 96-97.
- [21] Там же, л. 109.
- [22] Там же, л. 123-124.
- [23] Там же, л. 128.
- [24] Там же, л. 2.
- [25] Там же, л. 7.

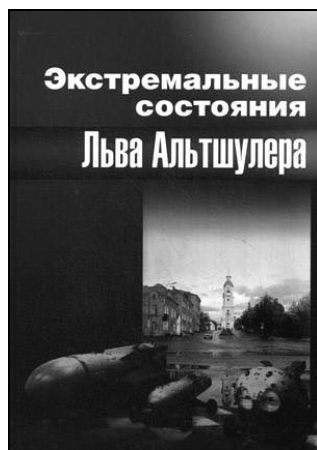
Борис Альтшулер

«Экстремальные состояния Льва Альтшулера»

ой отец, Лев Владимирович Альтшулер, известный физик и ученый-атомщик, скончался в 2003 г. в возрасте 90 лет. В 2006 г. начался непростой процесс составления и издания книги его памяти, которая недавно увидела свет:

«Экстремальные состояния Льва Альтшулера»

Изд. «Физико-математической литературы»,
Москва, 2011.

Сост.: Б.Л. Альтшулер, В.Е. Фортов.

Редактор: М.Б. Козинцева. Оригинал-макет:
Д.В. Горбачев. Оформление переплета: А.В. Андросов.
Твердый переплет. 616 стр.

Копирайт: Альтшулер Б.Л., 2011.

ISBN 978-5-9221-1304-5

Некоторые материалы книги ранее публиковались в «Заметках по еврейской истории» («Три друга: Л.В. Альтшулер, В.Л. Гинзбург, В.А. Цукерман» - <http://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer11/Altschuler1.htm>) и в «Семь искусств» («И зачем на это место черт корягу приволок» - <http://7iskusstv.com/2009/Nomer1/Altshuler1.php>).

Здесь я предлагаю вниманию читателей Аннотацию книги с приложением:

1. Оглавления, предисловия, биографической справки и фото Л.В. Альтшулера.

2. Двух материалов Л.В. Альтшулера по истории Атомного проекта СССР.

3. Своей заключительной статьи.

Б. Альтшулер,
Москва, 11.07.2011.

Аннотация книги «Экстремальные состояния Льва Альтшулера»:

Лев Владимирович Альтшулер - выдающийся ученый, один из основателей и лидеров новой научной дисциплины - динамической физики высоких давлений, основанной на изучении поведения вещества в мощных ударных волнах при экстремально высоких давлениях и температурах.

Результаты исследований Л.В. Альтшулера и его сотрудников были использованы при создании первой отечественной бомбы, испытанной в 1949 г.

Л.В. Альтшулеру вместе с Е.И. Забахиным, Я.Б. Зельдовичем и К.К. Крупниковым принадлежит одна из основополагающих идей в создании ядерного оружия. В дальнейшем Л.В. Альтшулер активно участвовал в разработке усовершенствованных систем атомных зарядов, которые были успешно испытаны в 50-60-е годы.

Л.В. Альтшулер - человек удивительной судьбы и, можно сказать, экстремального характера, всегда остававшийся внутренне свободным, способный открыто высказывать и отстаивать до конца свои мнения в любой ситуации и в любых исторических обстоятельствах.

В книге представлены биографические сведения о

Л.В. Альтшулере, его научные труды и другие публикации и доклады; представлены воспоминания друзей и родственников, коллег и учеников, в частности, многих известных ученых, а также некоторые архивные документы и письма.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей развития науки, историей советского Атомного проекта.

Из книги «Экстремальные состояния Льва Альтшулера»

(М.: Физматлит. 2011)

Экстремальные состояния Льва Альтшулера

Ответственные редакторы:

Академик В.Е. Фортов

Институт теплофизики экстремальных состояний

Объединенного института высоких температур РАН

Б.Л. Альтшулер

Физический институт им. П.Н. Лебедева РАН

Москва

Физматлит

2011

Оглавление

Предисловие

Биографическая справка

ЧАСТЬ I. И ОРУЖИЕ, И НАУКА

Глава 1. Избранные научные труды.

- Фрагменты некоторых ранних публикаций Л.В. Альтшулера (1939-1946 гг.).

- *Л.В. Альтшулер*, «Ударные волны и экстремальные состояния вещества». Доклад на заседании Американского физического общества при вручении Л.В. Альтшулеру премии «За плодотворный вклад в развитие исследований материи при ударно-волновом сжатии», Вильямсбург, США, 17 июня 1991 г.

- «Начало физики мегабарных давлений». *Совм. с К.К. Крупниковым, В.Е. Фортовым, А.И. Фунтиковым.*

Глава 2. Исторические труды, воспоминания, письма.

- *Л.В. Альтшулер*. «К истории советского атомного

проекта». Доклад на объединенном семинаре в Курчатовском институте, 1995 г.

- *Л.В. Альтшулер*. «Так мы делали бомбу». Интервью О. Морозу. 1990 г.

- *Л.В. Альтшулер*. «Судьба была благосклонна ко мне». Интервью В. Визгину, И. Дровенникову, К. Томилину. 1995-1997.

- Два письма Л.В. Альтшулера И.А. Адамской. 1978 г. и 1985 г.

- *Л.В. Альтшулер*. «Затерянный мир Харитона. Воспоминания». 2000 г.

- *Л.В. Альтшулер*. «Восстановить историческую справедливость» (к 100-летию Ю.Б. Харитона). 2003.

- Обращение академиков РАН *А.А. Андреева, Е.П. Велихова, В.Л. Гинзбурга, Н.С. Кардашова, Е.Л. Фейнберга, В.Е. Фортова* к Президенту Российской Федерации по вопросу присвоения имени Ю.Б. Харитона РФЯЦ-ВНИИЭФ. 2003.

- *Л.В. Альтшулер, А.А. Бриш, Ю.Н. Смирнов*. «На пути к первому советскому атомному испытанию».

- *Л.В. Альтшулер*. «Во всем мне хочется дойти до самой сути». Памяти В.А. Цукермана (1993).

- *Л.В. Альтшулер*. «Рядом с Сахаровым»

- *А.Д. Сахаров*. «Об инциденте с комиссией 1950 года и об А.П. Завенягине».

- Письмо *Е.Г. Боннэр* Б. Альтшулеру. 2009 г.

- *Б. Альтшулер*. «Но не могут же все лошади говорить».

- Л.В. Альтшулер и Ю.Б. Румер. Письмо *Л.В. Альтшулера* М.Ю. Румеру.

Глава 3. Друзья и коллеги о Л.В. Альтшулере.

- *В.Л. Гинзбург*. «Памяти Льва Альтшулера».

- *Л.Д. Рябев*. «Лев Владимирович Альтшулер (по страницам документов и материалов серии книг «Атомный проект СССР»)».

- *Н.П. Волошин*. «О встречах с Л.В. Альтшулером».

- *В.А. Цукерман*, «Лев Владимирович Альтшулер».

- *Р.Ф. Трунин*. «Вспоминая Льва Владимировича».

- *А.И. Фунтиков*. «Л.В. Альтшулер – основатель

школы динамических методов исследования высоких давлений в России».

- *Д.А. Балашов*. «Как мы работали в те, первые годы».

- *Ю.Н. Смирнов*. «Неистовый, несгибаемый и свободный».

Приложение: Два документа в связи с выступлением Л.В. Альтшулера на диспуте, 1957 г.

- *Н.Н. Калиткин*. «Физик от Бога».

- *В.Д. Урлин*. «Мне посчастливилось работать в атмосфере этой школы».

- *Т.В. Стяжкина*. «Физик-атомщик XX столетия».

- *М.В. Жерноклетов*. «Воспоминания о встречах с Л.В. Альтшулером».

- *В.Н. Герман*. «Встречи с Л.В. Альтшулером».

- *В.А. Баталов*. «Воспоминания о моем научном руководителе Л.В.Альтшулере».

- *О.В. Басова*. «Мы жили по соседству».

- *М.И. Хаймович*. «Личные заметки о работе во ВНИИЭФ «после Л.В. Альтшулера».

- История и структура Газодинамического отделения ВНИИЭФ. По материалам юбилейного выпуска журнала «Атом», № 5, 2002 г.

Предисловие редакции «Атома». *Л.М. Тимонин*. «Становление и развитие газодинамического сектора З». *А.Л. Михайлов*. «Газодинамические исследования во ВНИИЭФ».

- *Б.Л. Альтшулер*. «О работе Л.В. Альтшулера во ВНИИОФИ (1969-1989)».

- *Б.В. Левин*. «Лев экспериментальной физики».

- *П.С. Кондратенко*. «Слово о Льве Владимировиче».

- *А.Д. Левин*. «Работа с Л.В. Альтшулером во ВНИИОФИ».

- *К.А. Кикоин*. «Из мемуаров молодого специалиста».

- *П.В. Макаров*. «В любой ситуации нужно бороться до конца».

- *Т.Ф. Костина*. «Л.В. Альтшулер – наш добрый сосед».

- *Г.В. Шпатаковская.* «Из воспоминаний. Падерборн, 1988 год».

- *Н.М. Кузнецов.* «Лев Владимирович Альтшулер: поездка в США, 1991 год».

- *Б. Неллис.* «Вспоминая Льва Альтшулера».

- *Р.Н. Кишлер.* «Лев Альтшулер – взгляд с Запада».

- *Б.Л. Альтшулер.* «Три друга: Л.В. Альтшулер, В.Л. Гинзбург, В.А. Цукерман».

Глава 4. О соавторах Л.В. Альтшулера по «Отчету четырех» 1949 г.

- Евгений Иванович Забабахин:

- Биографическая справка.

- Воспоминания о Е.И. Забабахине *Л.В. Альтшулера, З.М. Азарх и В.А. Цукермана, А.А. Бриша, К.К. Крупникова, В.П. Крупниковой.*

- *И.Е. Забабахин.* «Детские годы».

- Воспоминания о Е.И. Забабахине *Л.В. Альтшулера, З.М. Азарх и В.А. Цукермана, А.А. Бриша, К.К. Крупникова, В.П. Крупниковой.*

- *И.Е. Забабахин.* «Детские годы».

- Из воспоминаний *К.К. Крупникова–ср.,* «Наши обычные необычные родители (Забабахины)».- Из книги *Б.В. Емельянова и В.С. Гаврильченко* «Лаборатория “Б”. Сунгульский феномен». О 21-й площадке.

- Из книги *Б.В. Емельянова и В.С. Гаврильченко* «Лаборатория “Б”. Сунгульский феномен». О 21-й площадке.

- *Яков Борисович Зельдович:*

- Биографическая справка.

- Прощальное слово *А.Д. Сахарова.*

- *Л.В. Альтшулер.* «Начало физики экстремальных состояний. Памяти Я.Б. Зельдовича».

- *М.Я. Овчинникова.* «Очарованный миром».

- «Дело» *О.К. Ширяевой.* Письмо *Л.В. Альтшулера* на имя *А.Н. Яковлева.*

- *О.К. Ширяева.* «Воспоминания о Сарове».

- *А.Я. Ширяева.* «Что требует дочка».
- Константин Константинович Крупников:
- Биографическая справка.
- *К.К. Крупников.* «Друзей прекрасные черты.

Воспоминания 40-50-х гг.»

- Воспоминания о Е.И. Забабахине Л.В. Альтшулера, З.М. Азарх и В.А. Цукермана, А.А. Бриша, К.К. Крупникова, В.П. Крупниковой.
- И.Е. Забабахин. «Детские годы».
- Из воспоминаний К.К. Крупникова–ср., «Наши обычные необычные родители (Забабахины)».- Из книги Б.В. Емельянова и В.С. Гаврильченко «Лаборатория “Б”. Сунгульский феномен». О 21-й площадке.

Глава 5. О Сарове и первых годах «объекта».

- *А.М. Подурец.* «История Сарова до «объекта». Извлечения из книги «Саров: памятник истории, культуры, православия».

- *Б.Н. Швилкин.* «Детские годы в Арзамасе-16».
- *Б.Л. Альтшулер.* «Ах, Протяжка, ты Протяжка, мой родимый уголок».

- Рассекреченные документы КБ-11 (1946-1953 гг.):

- Рапорт Комаровского А.Н. Начальнику ПГУ при Совете Министров СССР Ванникову Б.Л., 9 июня 1946 г. [О необходимости выселения с территории объекта КБ-11 большей части населения города].

- Приказ по объекту № 205 КБ «Об усилении режима на объекте», 27 декабря 1946 г.

- Лебедеву И.Д. – Колесниченко А.В. «О хулиганстве заключенных и халатности охраны», 24 декабря 1946 г.

- Зернову П.М. – Мешик П.Я. «Об ограничении выездов с объекта по служебным и личным вопросам», 16 июля 1946 г.

- Справка зам. начальника 1 отд. Отдела «К» МГБ СССР Феоктистова о нарушениях государственной тайны. 14 ноября 1947 г.

- Мешик П.Я., Зернову П.М. – Свердлов А.Я. «Об

аресте начальника Управления капитального строительства объекта № 550 Любченко П.А. за разглашение государственной тайны». 15 сентября 1948 г.

- Маленкову Г.М. – Черников В.Ф. (и.о. начальника политотдела базы № 112). О выселении из зоны бывших заключенных. 24 июля 1950 г. [Докладная записка «О фактах уголовных преступлений и о хулиганстве в зоне Базы № 112»].

- Докладная записка о состоянии работы с кадрами на объекте тов. Зернова П.М., 20 ноября 1950 г.: По научно-исследовательскому сектору. [В т.ч. о необходимости отстранения от руководства научными коллективами Альтшулера и Сахарова, как «не внушающих политического доверия, выступающих против марксистско-ленинских основ советской науки»].

- Отзыв Ю.Б. Харитона на имя Л.П. Берия о работе Альтшулера Л.В. в связи с предложением о его отстранении от работы в КБ-11, 24 января 1952 г.

- Письмо А.П. Завенягина, И.В. Курчатова и Н.И. Павлова на имя Л.П. Берия, 8 января 1953 г. [О нецелесообразности освобождения В.А. Цукермана от работы в качестве начальника лаборатории ИНИ КБ-11].

- Справка В.И. Детнева на имя Л.П. Берия, 23 января 1953 г. [О наличии компрометирующих материалов на Цукермана В.А., необходимости отстранения его от работы в КБ-11 и необоснованности позиции по данному вопросу Завенягина, Курчатова и Павлова].

ЧАСТЬ II. НАЧАЛО ПУТИ: СЕМЬЯ, ЛЮДИ, ВРЕМЯ

Глава 1. Л.В. Альтшулер. «Майкоп, московское детство, революционная деятельность отца».

Глава 2. С.В. Альтшулер. «Гравитационная аномалия» дома Альтшулеров.

1. Дом на Пречистенке.
2. Майя Рощина.
3. 30-е годы: учеба, работа, болезни.
4. Эвакуация.
5. 1943-1949: работа в «Технике молодежи» и «Госкультпросветиздате», «космополит-универсал», исключение из партии.

6. Лысенко, Шмальгаузен... мухи-дрозофилы и оазис Общества «Знание».

7. «Три ордена» и новые «приключения» 1960 года.

8. Еще раз о маме.

9. Братья Горбуновы.

10. Борис Дубах.

11. Репрессии и «новая вера».

Глава 3. Люди и судьбы.

- О некоторых героях Части II.

- *Б.Л. Альтшулер, И.Н. Кузнецов.* «О Сергее Владимировиче Альтшулере (1909-1979)».

- *В.С. Альтшулер.* «О моем отце».

- *Л.Е. Миллер.* «Ольга Владимировна Альтшулер (1912-1992)».

- *М.П. Кершнер.* «Михаил Львович Кершнер (1868-1924)».

- *М.П. Кершнер.* «Эдуард Иосифович (Осипович) Идельсон (1893-1970)».

- *Л.С. Янович.* «Борис Иосифович Идельсон (1895-1938)».

- *И.Н. Кузнецов.* «Христофор Георгиевич Шапошников (1872-1938)».

- *И.Н. Кузнецов.* «Иосиф Кнебель (1854-1926)».

- *И.Н. Кузнецов.* «Мария Кнебель (1898-1985)».

- Адамова-Слиозберг Ольга Львовна (1902-1991).

- *Б.Л. Альтшулер.* «О родословной Л.В. Альтшулера и М.П. Сперанской».

Вместо заключения:

- *Б.Л. Альтшулер.* «Нам с тобой на свете этом в каждом деле быть поэтом».

Библиография трудов Л.В. Альтшулера.

Использованная литература.

Указатель имен.

Список сокращений и некоторых наименований.

Фотографии по тексту и на вклейках.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – о жизни и творчестве Льва Владимировича Альтшулера (09.11.1913 – 23.12.2003) - пионера советского атомного проекта, одного из

основателей и бессменного лидера новой научной дисциплины: исследования физических свойств веществ в условиях ударного сжатия при экстремально высоких давлениях и температурах. Л.В. Альтшулер - человек удивительной судьбы и, можно сказать, «экстремального характера», всегда остававшийся внутренне свободным и способный открыто высказывать свои мнения в любой ситуации и в любых исторических обстоятельствах. Он - лауреат многих правительственных наград: Ленинская премия (1962), три Государственных премии (1946, 1949, 1953), премия Правительства Российской Федерации (1999) и три ордена Ленина, а также премия Американского физического общества «За плодотворный вклад в развитие исследований материи при ударно-волновом сжатии» (1991).

Научная карьера Л.В. Альтшулера началась в 1932 г. в Рентгеновской лаборатории московского Вечернего машиностроительного института, позже – лаборатория Института машиноведения АН СССР, куда он поступил по приглашению В.А. Цукермана, и где одно время с ними работал будущий Нобелевский лауреат В.Л. Гинзбург. Научным руководителем лаборатории был крупный специалист в области рентгеноструктурного анализа Е.Ф. Бахметев, в 1935 г. репрессированный; его роль в становлении Льва Владимировича как ученого очень велика. В 1933 г. Л.В. Альтшулер поступил на физический факультет МГУ, который досрочно окончил в 1936 г. С 1940 по 1942 гг. служил в Военно-воздушных силах, во время Великой Отечественной войны - в действующей армии. В 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1946 г. за совместную с В.А. Цукерманом разработку методов импульсной рентгенографии, позволивших, в частности, решить загадку немецких фаустпатронов, им была присуждена Сталинская (позже – Государственная) премия СССР, и тогда же Ю. Б. Харитон пригласил их к участию в атомном проекте.

Творческий и жизненный путь Льва Владимировича был неразрывно связан многолетним научным сотрудничеством и крепкой личной дружбой с такими выдающимися учеными, как Е.И. Забабахин, Я. Б.

Зельдович, Д.А. Киржниц, С.Б. Кормер, А.Д. Сахаров, Д.А. Франк-Каменецкий, Ю.Б. Харитон, В.А. Цукерман и многими другими. Люди, окружавшие Л.В. Альтшулера, те, с кем сводила его судьба, также являются «героями» этой книги – и как «объект воспоминаний» и в качестве авторов. Но главными «героями» книги являются наука и эпоха. Та самая наука, которая честно служила обороне страны и которая сама, благодаря этому, получила мощный импульс к развитию. И те самые времена, которые «не выбирают, в них живут и умирают», но которые при этом сами формируются человеком, такими людьми, как Л.В. Альтшулер.

Для срабатывания атомной бомбы необходимо сжать рабочее тело – шарик из ядерно-делящихся материалов урана и плутония – до критического состояния, когда происходит лавинообразное выделение ядерной энергии. Обжатие производится путем подрыва сферической оболочки обычного химического взрывчатого вещества. Для конструирования А-бомбы необходимо было знать, что происходит в центре такого взрыва – какова сжимаемость делящихся материалов, скорость продуктов взрыва и т.п. Речь шла об абсолютно новом диапазоне гигантских давлений (десятки миллионов атмосфер) и температур, недоступных для тогдашней теории и эксперимента.

Для решения принципиально важных, ключевых задач атомного проекта Л.В. Альтшулером фактически была создана новая научная дисциплина – динамическая физика высоких давлений, основанная на изучении поведения вещества в мощных ударных волнах при сверхвысоких давлениях. Потребовалась разработка не существовавших ранее методов исследования термодинамических и других физических характеристик ударно-сжатых веществ, в том числе - урана, плутония, конструкционных материалов и продуктов детонации взрывчатых веществ в мегабарном диапазоне давлений.

Л.В. Альтшулером с сотрудниками были разработаны эффективные взрывные генераторы ударных волн и изящные методы измерения параметров ударного сжатия. Исследования, проведенные Л.В. Альтшулером и его коллегами, охватили большинство металлов при рекордных в то время давлениях порядка 10 Мбар. Это явилось резким продвижением по шкале

давлений и значительно превзошло уровень соответствующих исследований за рубежом. Публикация этих данных в конце 50-х и в 60-е годы вызвала восхищение и шок у зарубежных специалистов. Некоторые из них считали даже, что столь высокие параметры получены не с использованием химических взрывчатых веществ, а при столкновении баллистических ракет или искусственных спутников Земли. Результаты этих исследований стали классическими и получили мировое признание.

В 1958 г. Л.В. Альтшулером совместно с Я.Б. Зельдовичем и Ю.М. Стяжкиным был предложен новый метод определения сжимаемости делящихся материалов при мультимегабарных давлениях - метод «невзрывных цепных реакций». Пионерскими были уникальные измерения уравнения состояния металлов при сверхвысоких (до 50 Мбар) давлениях в ближней зоне подземного ядерного взрыва, проведенные в 60-е годы.

Другие важные направления исследований Л.В. Альтшулера связаны с изучением электронных и полиморфных переходов в металлах, элементов IV группы, ионных соединений, минералов и горных пород, с измерением параметров фазовых превращений металлов в области высоких давлений и температур; ему также принадлежат пионерские работы по установлению пределов применимости квазиклассического приближения (теория Томаса-Ферми-Киржница) при ультрамегабарных давлениях. Им впервые проведены измерения скорости звука и сдвиговой прочности металлов при высоких давлениях ударного сжатия. Разнообразная тематика исследований, выполненных Львом Владимировичем и его сотрудниками, включала практически все направления физики ударно-волнового сжатия конденсированных веществ. Результаты этих исследований имеют основополагающее значение для современного понимания физики экстремальных состояний материи, а также для конструирования ядерного оружия, взрывных генераторов импульсной энергии и устройств инерционного управляемого синтеза. Полученные данные были использованы при создании первой отечественной атомной бомбы 1949 г.

Л.В. Альтшулер выдвинул одну из основополагающих идей (т.н. «оболочечно-ядерная конструкция») в создании

ядерного оружия, разработанную совместно с Я.Б. Зельдовичем, Е.И. Забабахиным и К.К. Крупниковым (знаменитый «отчет четырех» 1948 г.) позволившую изготавливать «изделия», существенно превышающие по своим параметрам «лабораторное устройство», испытанное в 1949 г. Он активно участвовал в разработке усовершенствованных схем таких зарядов, успешно испытанных в 50 – 60-е годы, запущенных в серийное производство и поступивших на вооружение армии. Эта идея применяется и сейчас в наиболее современных конструкциях. Выдающаяся роль Л.В. Альтшулера в ядерной программе подчеркивалась даже его научными оппонентами. Э. Теллер писал, что «при создании ядерного оружия американским специалистам не хватало таких ученых, как Л.В. Альтшулер и Я.Б. Зельдович».

Л.В. Альтшулер родился в Москве в 1913 г. в семье юриста, активного революционера, социал-демократа первой плехановской волны. Идеи социализма, справедливого устройства общества он впитал «с молоком матери», чувствовал свою личную причастность, ответственность за происходящее в стране, что привело его в ряды защитников Белого Дома в августе 1991 г. Но и много раньше, и в т.н. «эпоху культа личности Сталина», и потом он не считал для себя возможным отмалчиваться, когда сталкивался с тем, что тогда называлось «извращениями социализма». Заявленное им в конце 1950 г. несогласие с линией Коммунистической партии в области биологии чуть было не закончилось изгнанием из ядерного центра, вопрос решался на самом высоком уровне. Согласно публикуемым в книге недавно рассекреченным документам, МГБ даже аннулировало тогда его допуск к государственной тайне. Но при этом сам Лев Владимирович об этом проинформирован не был и продолжал работать с секретными материалами в обычном режиме – факт, который, возможно, красноречивее любых наград говорит о его роли в создании отечественного ядерного оружия. И позже не раз неизменная внутренняя установка говорить прямо то, что думает, в сочетании с импульсивным характером создавала у него немало проблем с органами, призванными блюсти чистоту идеологии. В результате

горком партии «объекта» в 1969 г. отказался утвердить его выдвижение Ученым советом Всесоюзного научно-исследовательского института экспериментальной физики (ВНИИЭФ) в члены-корреспонденты АН СССР. Как говорил Л.В.А.: «Каждый член горкома на соответствующем заседании вспоминал мои неортодоксальные высказывания по разным поводам. Моя кандидатура была единогласно отклонена».

В 1969 г. Л.В. Альтшулер уволился из ВНИИЭФ и вернулся в Москву, где в течение 20 лет руководил лабораторией во Всесоюзном научно-исследовательском институте оптико-физических измерений (ВНИИОФИ), а с 1989 г. работал в Институте теплофизики экстремальных состояний ОИВТ РАН.

В период работы во ВНИИОФИ Л.В. Альтшулер осуществил теоретическое обобщение огромного массива экспериментальных данных, полученных во ВНИИЭФ в Сарове, а также выполнил новые многоплановые исследования, включая и продолжение взрывных опытов на полигонах в Москве и в г. Дзержинске Нижегородской области. Помимо своих сотрудников во ВНИИОФИ, он создал подобие неформального научного коллектива, выполняя исследовательскую работу в сотрудничестве с множеством научных коллег из других институтов и из разных городов страны (Москва – Дзержинск – Саров – Снежинск - Томск...). По существу он работал как целый научный институт, расположенный в его московской квартире.

Как главный научный сотрудник Института теплофизики экстремальных состояний Л.В. Альтшулер участвовал в проектах, связанных с построением широкодиапазонных уравнений состояния веществ, стал инициатором и редактором издания коллективной монографии «Ударные волны и экстремальные состояния вещества», вышедшей в 2000 году. Им опубликовано четыре обзора в журнале «Успехи физических наук», широко известных и часто цитируемых. В последние годы Лев Владимирович много сил отдавал педагогической деятельности, написанию истории Советского атомного

проекта. Особое внимание он уделял роли академика Ю.Б. Харитона в организации и проведении научных исследований во ВНИИЭФ.

В опубликованном в «Успехах физических наук» некрологе сказано: «Являясь основателем российской школы динамических исследований, Лев Владимирович внес большой вклад в подготовку специалистов. Его преданность науке, умение сочетать напряженную личную работу с работой научного руководителя создавали среди его учеников и коллег атмосферу абсолютного приоритета науки, принципиальности и открытости. Ему всегда было присуще исключительное чувство ответственности за развитие его научного направления, готовность и желание помочь всем его последователям. Лев Владимирович до последнего своего часа сохранил способность и стремление к активной работе. Он был ярким, предельно честным, принципиальным и доброжелательным человеком, к которому тянулись и которому благодарны его многочисленные ученики в первом, втором и третьем поколениях» (УФН. Т. 174. № 3. 2004).

Наряду с избранными научными трудами Л.В. Альтшулера, в книгу включены его работы по истории атомного проекта СССР, воспоминания коллег и друзей, уникальные исторические материалы: воспоминания Л.В. Альтшулера о родителях, о революционной деятельности и советской работе его отца, а также воспоминания старшего брата Льва Владимировича, журналиста и популяризатора науки С.В. Альтшулера о доме Альтшулеров, бывшем на протяжении десятилетий своего рода «гравитационной аномалией», точкой притяжения для множества самых разных интереснейших людей. Представленные в книге воспоминания – это живые свидетельства, позволяющие читателю взглянуть на знакомые по учебникам истории события глазами давней эпохи, воспринимать эти события в «реальном времени».

Мы благодарны всем, кто внес вклад в создание этой книги. Мы благодарим К.К. Крупникова-ср., И.Н. Кузнецова и А.И. Фунтикова, также являющихся, наряду с авторами данного предисловия, составителями этой книги.

В.Е. Фортов,

Б.Л. Альтшулер

Биографическая справка

Альтшулер Лев Владимирович, доктор физико-математических наук, профессор. Внес выдающийся вклад в создание советского ядерного оружия, один из основоположников физики высоких плотностей энергии.

Родился 9 ноября 1913 г. в Москве. Умер 23 декабря 2003 г. в Москве.

Отец – Альтшулер Владимир Александрович (1882-1965), юрист, социал-демократ, активный участник революционного движения в России, сотрудник Совнаркома и затем Министерства финансов СССР; мать - Кершнер Эсфирь Лейбовна (Анна Львовна) (1881-1968); брат – Сергей Владимирович Альтшулер (1909-1979); сестра Ольга Владимировна Альтшулер (1912-1992).

С 1913 по 1947 гг. жил в Москве, не считая работу после окончания школы в совхозах Поволжья (1930-1932) и работу в эвакуации в Казани (1942-1943). С мая 1947 г. по сентябрь 1969 г. жил в г. Сарове. 1969-2003 гг. – снова Москва.

В 1938 г. женился на Марии Парфеньевне Сперанской (1916-1977).

Дети - три сына: Борис родился в 1939 г., Александр – в 1945 г., Михаил – в 1955 г.

В 1930 г. закончил школу со строительным уклоном, в 1934 г. поступил на физический факультет МГУ, который окончил в 1936 г. по кафедре рентгеноструктурного анализа (специальность - металлофизика).

С 1932 г. – сотрудник рентгеновской лаборатории Московского вечернего машиностроительного института; в 1940 г. лаборатория была передана Институту машиноведения АН СССР.

В 1940-1942 гг. находился в армии, в школе младших авиаспециалистов, затем был мотористом в авиационном полку в действующей армии, после этого – военпредом на авиамоторном заводе в Москве и в Куйбышеве.

С 1946 по 1969 гг. – участник атомного проекта СССР, сотрудник ядерного центра КБ-11 (Арзамас-16,

РФЯЦ-ВНИИЭФ).

С 1969 по 1989 гг. – сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института оптико-физических измерений, Москва.

В 1989 перешел на работу в Институт высоких температур АН СССР (затем - затем Институт теплофизики экстремальных состояний ОИВТ РАН), где работал до 2003 г. Автор более 60 научных работ.

Лауреат Государственных (1946, 1949, 1953) и Ленинской (1962) премий, награжден тремя орденами Ленина (1949, 1953, 1967), премией Правительства Российской Федерации (1999) и премией Американского физического общества «За плодотворный вклад в развитие исследований материи при ударно-волновом сжатии» (1991).

Лев Владимович Альтшулер, 1949 г.

***

Л.В. АЛЬТШУЛЕР
К ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО АТОМНОГО ПРОЕКТА

Доклад на объединенном семинаре по истории Советского атомного проекта.

Курчатовский институт, 1 марта 1995 г.

Я, наверное, неосмотрительно взялся прочитать на семинаре доклад «К истории Советского атомного проекта», потому что по этому поводу имеется большой поток литературы, высказываются различные мнения. И я не чувствую себя в силах дать последовательное изложение такой трудной и большой темы: осветить создание атомного российского оружия. Спасает приставка «К истории...», которая даёт мне возможность ограничиться фрагментами и некоторыми комментариями к публикациям уже существующим. Публикаций таких очень много, но мне хочется отметить препринт Института атомной энергии - Игоря Николаевича Головина и Юрия Николаевича Смирнова. Он называется «Это начиналось в Замоскворечье» (1989). Здесь подчеркивается, что широкомасштабное развитие атомной энергетики и атомного оружия стало возможным потому, что эти работы, обеспечившие оборонное могущество страны, были предвосхищены исследованиями российских ученых в предвоенные годы. Пионерские работы Юлия Борисовича Харитона и Якова Борисовича Зельдовича о цепных реакциях в уране относятся к 1939-1940 гг. Официально начало атомного проекта датировано 1943 г. и связано с именами Георгия Николаевича Флёрова и Игоря Васильевича Курчатова.

Среди публикаций последних лет особо выделяется изданный сейчас доклад Ю.Б. Харитона и Ю.Н.Смирнова на юбилейной, посвященной 90-летию И.В. Курчатова, сессии института атомной энергии 12 января 1993 г. Доклад называется «О некоторых мифах и легендах вокруг Советского атомного и водородного проектов»¹. Сейчас вышла также книга «Люди и взрывы» одного из ветеранов атомного проекта Вениамина Ароновича Цукермана и его жены. Журнальный вариант их мемуаров опубликован в журнале «Звезда», № 11, в 1990 г. В книге множество фотографий. Специальный раздел ее посвящен «великанам

---

¹ Изд.: ВНИИЭФ, Арзамас-16, 1994. С.13. // Также в книге «Юлий Борисович Харитон. Путь длиною в век», М.: «Наука». 2005. С. 103-122. / В журнале «Энергия». № 9. 1993. С. 2-13. – *Сост.*

духа», в том числе Харитону, Зельдовичу, Сахарову, Курчатову, Тамму и др.

Мне тоже приходилось высказывать информацию, которой я обладаю. Моя статья «Рядом с Сахаровым» вместе со статьями Виктора Борисовича Адамского «Становление гражданина» и Юрия Николаевича Смирнова «Этот человек сделал больше, чем все мы» вышла в журнале Октябрь (№ 12, 1994 г.)².

В 1989 г. я дал интервью известному журналисту «Литературной газеты» Олегу Морозу. Материалы опубликованы 6 июня 1990 г. под названием «Как мы делали бомбу»³. Это была публикация, касающаяся непосредственно нашего секретного города, в прошлом Сарова. Теперь он рассекречен, называется Кремлев. Раньше у него было несколько псевдонимов. В Москве он назывался «Москва - Центр 300», был и «Приволжской конторой». Я помню, как в городе в 1949 г. говорили, когда повезли «изделие» на испытания: «Ремонт тракторов в приволжской конторе закончен». Потом объект назвали Арзамас-75. Это было не совсем разумно, потому что рассекречивалось расстояние, на котором Саров отстоит от Арзамаса. Когда на это обратили внимание, то сделали Арзамас-16 и это название прижилось на многие годы.

Сравнительно недавно у меня взяла интервью одна из кинокомпаний (договорились со мной именно на юбилейном заседании 12 января 1993 г.). У меня есть запись этого интервью. Оно было длительным (около двух часов). Несмотря на обилие материалов, настоящей летописи нашей атомной эпопеи еще нет. Вместе с тем, за рубежом наши атомные дела, наше атомное настоящее, прошлое и перспективы будущего очень пристально изучаются. На эту тему должен быть снят фильм в Англии. В Германии вышла книжка Хейнеманна-Грюдера⁴ и в Англии книга Холловэя⁵.

---

² См. также эти статьи в книге «Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове», ФИАН. М.: «Практика», 1996. – *Сосм.*

³ Извлечения из этого интервью - см. стр. ??? – *Сосм.*

⁴ Heinemann-Grüder, Andreas *Die sowjetische Atombombe* (Westfaelisches Dampfboot, 1992). – *Сосм.*

⁵ Девид Холловей. «Сталин и бомба. Советский Союз и атомная

Активно в этом направлении работает Роудс - американский историк и литератор. Он выпустил бестселлер про то, как американцы создали свою атомную бомбу ⁶. А сейчас подготовил к изданию книгу об истории водородного оружия в США и СССР⁷. Материалы, о которых я упомянул никак не исчерпывают эту большую тему. Она еще ждёт своего летописца.

Своё интервью Олег Мороз начал с вопроса: «Каким образом, какими судьбами вы попали на объект?». Еще во время войны разными путями в Казани оказался состав маленькой рентгеновской лаборатории, которой руководил Вениамин Аронович Цукерман, а я был ее единственным научным сотрудником. Наша лаборатория была в институте машиноведения Академии Наук. Образование мы имели не военное. Я окончил физфак МГУ (кафедра металлофизики), Цукерман - машиностроительный институт. В годы войны мы были вовлечены в оборонную тематику. В частности, изучали действие немецких кумулятивных снарядов. На этой почве возникли контакты с Зельдовичем и Харитоновым.

В 1946 г. в Москве Ю.Б.Харитон зашел к Цукерману в нашу лабораторию прозондировать, какие задачи можно еще решать с помощью рентгеновских снимков. Он спросил, например, можем ли мы снять шарик, если его поместить внутрь взрывающегося заряда. Цукерман ответил, что можем, если заряд не слишком большой. При этом Харитон предупредил, что нам возможно придется на несколько лет уехать из Москвы, потому что в Москве организовать большую взрывную лабораторию практически невозможно. Мы дали согласие, потому что это позволяло нам шире развернуть исследовательские работы. Сначала у меня возникли контакты с Зельдовичем в Институте химической

энергия. 1939-1956» // «Сибирский хронограф», Новосибирск, 1997. (David Holloway. "Stalin and the Bomb. Soviet Union and Atomic Energy. 1939-1946" // Yale University Press. New Haven & London, 1994). – *Сосм.*

⁶ Richard Rhodes. "The Making of the Atomic Bomb" // Penguin Books. 1986. – *Сосм.*

⁷ Richard Rhodes. "Dark Sun/ The Making of the Hydrogen Bomb" // SIMON & SCHUSTER. 1995. – *Сосм.*

физики, где у него была небольшая теоретическая группа и я впервые познакомился с его стилем работы, а стиль был очень непринужденным.

На «объект», как мы его между собой называли, я впервые попал в декабре 1946 г. вместе с сотрудницей Юлия Борисовича Татьяной Васильевной Захаровой. В Арзамасе нас встретили на автобусе, одели в заботливо присланные тулупы и повезли мимо деревень, производивших впечатление допетровской эпохи. И вот мы в маленьком городке (территория бывшего монастыря). Там снимался известный фильм «Путёвка в жизнь»⁸. Вокруг был большой мордовский заповедник. Часть его территории была огорожена колючей проволокой. В лесу стояло несколько сборных финских домиков. Строились бревенчатые домики. Стояла построенная в начале века гостиница, по случаю приезда в монастырь Николая II⁹. Вот такой был пейзаж.

Производили впечатление контрасты. По существу это был один из островов своеобразного архипелага. Я назвал его «Белым архипелагом»¹⁰, потому что в отличие от солженицынского там жили ученые не на положении заключенных. Было популярно такое четверостишие, перефраз пушкинской «Полтавы»:

Богат и славен Борода,
Его объекты несчислимы,
Ученых бродят там стада,
Хотя и вольны, но ... хранимы.

---

⁸ В справедливости этой легенды были убеждены все обитатели «объекта» - и взрослые и дети. Хорошо помню рассказы о том, как Мустафа (главный герой фильма) строил нашу узкоколейку. На самом деле фильм «Путевка в жизнь» снимался под Москвой в Болшево (Алексей Подурец, «Саров: памятник истории, культуры, православия». Саров. 2006), см. Дополнение 1 на стр. ??? – Б. *Альтшулер*.

⁹ Там же, стр. ??? – *Сост.*

¹⁰ Метафора Л.В. Альтшулера «Белый архипелаг» очень понравились журналистам и писателям и стала частью «атомного фольклора». – *Сост.*

«Бородой» ученые называли И.В. Курчатова. Там был своеобразный режим. Внутри территории ученые ходили совершенно свободно. Но мы постоянно встречали характерные для эпохи колонны заключенных строителей, которые уходили утром из «зоны» на работу и возвращались вечером. Мы относили и к себе текст плаката:

Запомни эту пару строк:
Работай так, чтоб снизить срок.

У заключенных были свои сроки. У нас были сроки правительственных заданий и работали ученые и инженеры очень напряженно.

У меня была не совсем обычная биография, не ортодоксальная. Поэтому, когда я увидел колонны зеков, я припомнил и произнес строфу из классического стихотворения Лермонтова: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ, и вы мундиры голубые, и ты послушный им народ». Это вызвало неудовольствие моей спутницы - Татьяны Васильевны. Ей не понравилась моя реплика и она произнесла: «Вы не любите Россию?» Это трансцендентный вопрос, что значит любить Россию? Почти невозможно ответить на библейское: «Что есть истина?». Так и очень трудно ответить на вопрос, что значит «любить Россию».

Раньше было намного легче разобраться в том, кто прав, а кто виноват, кто хороший, а кто плохой. И надо сказать, что еще несколько лет назад для меня было очевидно, что означает «оттепель» и что хотят диссиденты. Я был уверен, что именно им принадлежит будущее. Как и очень многие московские интеллигенты, в августе 1991 г. я стоял в «живом кольце» вокруг Белого дома. А сейчас не видно никаких определенных ориентиров. Вокруг происходит что-то иррациональное. И я не берусь давать никаких прогнозов.

Вот есть такая гордая фраза Дизеля: «Инженер всё может» Правда, его поправили – «с помощью Божьей». Но мне тоже казалось, да и не только мне: можно внести разумное начало в то, что происходит.

Немного отвлекусь. Есть такой Мильнер¹¹, в прошлом заместитель Арбатова¹². Он 13 раз посетил Америку, еще тогда в советское время. Как-то судьба нас свела во время отпуска в долине нарзанов в Приэльбрусье, где мы с ним долго беседовали. Я стремился использовать нашу встречу, чтобы максимально «выкачать» из него информацию. Мне понравилась одна его фраза: «Я стремлюсь внести разумное начало, не входя в открытое противостояние с системой». Такая иллюзия была у многих, и у меня тоже. Андрей Дмитриевич Сахаров как-то иронически спросил меня: «Вы что, хотите стать советским Джефферсоном?» А сейчас почти нет иллюзий и многим непонятно, что происходит вокруг.

Но вернусь к теме доклада. На всех объектах атомного «проекта» был режим строжайшей секретности и для некоторых это кончалось трагически. В управлении в Москве один работник режима покончил с собой. Он переложил документы из одной папки в другую и, забыв об этом, не смог объяснить, куда они делись. Документы нашли после того, как он застрелился¹³. Я писал в моей первой

---

¹¹ Мильнер Борис Захарович. – *Сост.*

¹² Арбатов Георгий Аркадьевич. - *Сост.*

¹³ Речь идет об одном из самых секретных документов советского «водородного» проекта. Это было написанное В.И. Ритусом по поручению А.Д. Сахарова основное задание по слою «Постановка задачи о действии МЗ» (датировано 05.04.1952, МЗ – многослойный заряд) для двух московских теоретических «групп поддержки» - группы Л.Д. Ландау (включала И.М. Халатникова, Е.М. Лифшица, Н.Н. Меймана) и группы А.Н. Тихонова. Как мне недавно (05.04.2009) рассказал В.И. Ритус, задание теоретики в течение 1952 года выполнили, интенсивность выгорания лития при подрыве водородной бомбы посчитали, сверхсекретный документ был сдан на хранение в режимный отдел Института прикладной математики. А примерно через год случайно обнаружилось, что документ пропал. Для расследования из Ленинграда прислали устрашающего (см. «Воспоминания» А.Д. Сахарова, Часть I, Гл. 6) сотрудника МГБ, после беседы с которым начальник режима ИПМ покончил с собой. А уже после этого выяснилось, что документ был по ошибке уничтожен сотрудницей отдела вместо другой назначенной к ликвидации бумаги.

статье о научном сотруднике В.Е.Стельмаховиче, который чем-то не угодил «органам». Работал сначала в одной лаборатории, потом был переведен в другую. Наконец, просто сидел дома в своем коттедже. Когда к нему пришли «двое в штатском», он вышел в соседнюю комнату и застрелился. Я не знаю почему, но думаю, что он просто не выдержал психологического напряжения¹⁴.

Несмотря на жесткие режимные ограничения, настроение у нас было светлое, приподнятое, нравственный уровень и нравственный климат в нашем закрытом городе был высоким. Это объяснялось тем, что нашим научным руководителем был Харитон, а в его ближайшем окружении - Сахаров и Зельдович. Не буду все описывать в хронологическом порядке, а сразу перенесусь на 40 лет. Сейчас к этой эпохе существует пристальное внимание политологов, ученых, историков. Обсуждается вопрос о том, какой же получился конечный результат создания атомного оружия.

Вот перед нами номер «Огонька» от августа 1993 г. На обложке на фоне взрыва атомной бомбы и портрета Юлия Борисовича написано: «Академик Харитон и его бомба, которая спасла коммунизм». Если журнал развернуть, там напечатана статья академика Виталия Иосифовича Гольданского: «Бомба, которая спасла советскую физику». В нашей стране после окончания войны кибернетика, генетика, частично химия подвергались, можно сказать, геноциду, истреблению – и персонально ученые, и идеологически. Физику эта судьба миновала, поскольку власть имущие, «отец народов» и Берия были заинтересованы, в плодотворной работе физиков¹⁵.

Сотрудница получила три года. См. также В.И. Ритус, «Эпизоды рождения слойки». «Природа». 2004. № 12. С. 57-61. / Статьи Г.В. Киселева в УФН. № 9, 12. 2008 / Геннадий Горелик. «Андрей Сахаров. Наука и свобода». М.: Вагриус. 2004. С. 253 – Б.

Альтшулер.

¹⁴ См. о В.Е. Стельмаховиче в воспоминаниях Б.Н. Швилкина, стр. ??? – *Сост.*

¹⁵ «Лысенкование» советской физики планировалось осуществить на широко объявленном и назначенном на 21-26 марта 1949 г.

Не знаю, спасла ли бомба коммунизм, но мы - ученые и инженеры считаем, что в деятельности многочисленных участников атомных разработок был достигнут главный результат: восстановлено равновесие в мире. Покончено с монопольным положением в этой области Америки. Считаем, что таким образом весь мир был спасен от атомной катастрофы, спасена Москва и другие города от участи Хиросимы и Нагасаки.

Американцы сочли возможным сбросить свои первые бомбы на японские города и никакие гуманные соображения их не остановили. Для них Советский Союз был «империей зла». Если бы не было у нас своего отечественного атомного оружия, то возможно, и нас бы постигла судьба Хиросимы и Нагасаки. Ощущение провиденциальности нашей миссии являлось главным стимулом интенсивной работы.

Когда обдумываются наши «атомные» перспективы мнения расходятся. Вот, например, вышла книжка Виктора Никитича Михайлова, теперешнего министра атомной энергетики. Называется она «Я – ястреб». Основная идея у него в том, что ни в коем случае нельзя разоружаться нужно держать атомный порох сухим и проводить ядерные испытания. Моё мнение, конечно, не решающее, но скажу для информации. На эту тему у меня с Виктором Никитичем был обмен мнениями. Известно, что у нас имеется Российский ядерный центр (Арзамас - 16) и другой аналогичный центр - на Урале. Я высказал мысль, что нужно полностью переключить один из них с оборонной тематики на решение проблемы создания мирных, экологически чистых источников энергии. Виктор Никитич был не согласен, считая, что «отлучение» одного из центров от оружейной тематики преждевременно.

Мне хочется привести также мнение Андрея

«Всесоюзном совещании физиков», которое за несколько дней до указанной даты было без каких-либо объяснений отменено по причине. Как полагают некоторые аторы, состоявшегося телефонного разговора Берии с Курчатовым, который разъяснил начальству, что бомбы без теории относительности и квантовой механики не будет. – *Сост.*

Дмитриевича Сахарова, высказанное мне в личном разговоре. Сахарову было ясно, что о полном атомном разоружении не может идти речь. Если официально все разоружатся полностью, то никогда нельзя быть гарантированными, что какой-нибудь сумасшедший не спрячет атомную или водородную бомбу где-нибудь в стоге сена. И будет потом диктовать свои условия миру или вообще пойдет на его частичное уничтожение.

Надо понимать, что существуют две сверхдержавы и надо иметь надежные гарантии, что их правительства откажутся от идеологии первого удара. А.Д. Сахаров высказал такую мысль, что каждая из сверхдержав должна иметь примерно по сто термоядерных ракет с неуязвимым стартом. Тогда всякий, кто рискнет пойти на нанесение первого удара будет обречен на ответное уничтожение. Есть фильм Андрея Тарковского «Жертвоприношение». Там тоже обыгрывается тема первого удара.

Есть разные мнения и в вопросе о проведении испытаний. Андрей Дмитриевич Сахаров очень остро воспринимал тот ущерб, который будет принесен существующему и будущим поколениям за счет так называемых «непороговых эффектов» малой радиации. То есть, малые дозы облучения, которые создаются после ядерных испытаний, будут воздействовать на генетику человека, что приведет к астрономическому числу жертв в будущих поколениях. Миллионы людей будут подвержены болезням и преждевременной смерти. Поэтому Сахаров являлся одним из инициаторов Договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах: на поверхности Земли, в воде и в космосе¹⁶. Но он считал, что нужно запретить и

---

¹⁶ Идею об исключении из договора трудно проверяемых подземных испытаний подал А.Д. Сахарову его коллега по теоретическому отделу ВНИИЭФ Виктор Борисович Адамский. Андрей Дмитриевич идею оценил, изложил ее министру Среднего машиностроения Е.П. Славскому, который донес эту политически в тот момент выигрышную мысль до Н.С. Хрущева. См. А.Д. Сахаров. «Воспоминания». Часть I, Гл. 16. / В.Б. Адамский. «Становление гражданина». «Октябрь». 1994. № 12; в книгах «Он между нами жил. Воспоминания о Сахарове» (ФИАН. М.:

подземные испытания, потому что нельзя быть уверенным, что при этих испытаниях не произойдет выброс радиоактивных газов в атмосферу.

Пару раз меня выпустили за рубеж. Особенно мне запомнилась поездка в Соединенные Штаты Америки на симпозиум по высоким давлениям и в Ливермор¹⁷. Там я спросил у американских коллег, почему они в 50-е годы не публиковали своих работ уже после того, как у нас были опубликованы статьи по изучению сверхвысоких давлений? То есть, по изучению тех экстремальных состояний материи, которые необходимо создать, чтобы произошел взрыв с хорошим КПД. Ответ был такой: «Мы верили теории». Имея некоторые характеристики заряда, они верили, что расчетом можно определить все свойства вещества, которые будут предшествовать переходу ядерно-делящихся материалов через критическое состояние.

Мне особенно понравилось, что они используют методику «гидроядерных реакций», независимо предложенную у нас под названием «метод регистрируемых невзрывных цепных реакций» (НЦР). Это замечательная методика и сейчас она широко используется. Я.Б. Зельдович очень жалел, что из-за преувеличенных преград секретности не опубликованы наши чисто научные результаты, которые получены в нашей стране по этой методике. Андрей Дмитриевич написал в своих «Воспоминаниях» о существовании и у нас этого метода, который позволяет отказаться от атомных испытаний. Можно взять готовое «изделие» и, не вызывая сколько-нибудь значительного выделения энергии, определить его работоспособность с огромной чувствительностью. Например, если рассчитано, что в данных условиях, для данного заряда должна иметь место определенная степень сжатия и ошиблись в своем расчете на 1%, то выход регистрируемых нейтронов изменится в сто раз. Это совершенно поразительный по чувствительности метод. Хочется убедить начальство, что

«Практика». 1996) и «Из поколения победителей. Виктор Борисович Адамский» (РФЯЦ-ВНИИЭФ. Саров. 2008) – *Сост.*

¹⁷ См. статью Н.М. Кузнецова, стр. ???.- *Сост.*

раз уже Андрей Дмитриевич упомянул о нем, раз он используется в Америке, то дайте возможность опубликовать наши научные результаты.¹⁸

Несколько слов о секретности в Америке. Перед каждой лабораторией стоит вахтер. У каждого посетителя к лацкану пиджака прикреплена его фотография. По инструкции охраняющий вахтер должен подойти и прикоснуться рукой к плечу посетителя. Я сначала не понимал, зачем такой странный жест? Делается это для того, чтобы вахтер обязательно посмотрел в лицо проходящему и сверил бы с фотокарточкой. Все мы знаем, что сплошь и рядом в наших институтах проходишь вольным стилем и охраняющий ленится даже выйти из своей кабины. Есть у них, конечно, и ограничения посещения объектов по секретной тематике.

Теперь о роли нашей разведки. Должен сказать, что здесь имеются очень различные мнения. О том, что наша разведка играла определенную роль сейчас признано таким сверхавторитетом, как Юлий Борисович Харитон. Об этом он пишет в статье «Ядерное оружие в СССР. Пришло оно из Америки или было изобретено самостоятельно», напечатанной в «Известиях» 8 декабря 1992 г.¹⁹ Этой же теме посвящен, в основном, и упомянутый выше доклад

---

¹⁸ Метод НИЦР, предложенный в 1957 г. Альтшулером, Зельдовичем и Стяжкиным, был впервые рассекречен в докладе Ю.М. Стяжкина на Международном симпозиуме «История советского атомного проекта» (Дубна, 14-18 мая 1996 г.). – *Сосм.*

¹⁹ Л.В. Альтшулер неоднократно говорил и писал, что для него было потрясением, полной неожиданностью признание Ю.Б. Харитона, что его с коллегами первая советская атомная бомба 1949 года была точной копией американского «Толстяка». Из ученых допуск к разведанным имели считанные единицы (И.В. Курчатов, Ю.Б. Харитон и Я.Б. Зельдович, как сейчас это документально установлено). Остальные участники атомного проекта, включая, согласно многим данным, А.Д. Сахарова и, конечно, Л.В. Альтшулера, даже не догадывались о масштабе развединформации, имеющей прямое отношение к их деятельности на начальном этапе атомного проекта. Ср. вызвавшее недоумение Л.В.А. замечание Ю.Б. Харитона о размере люка американского «Боинга», стр. ??? – *Сосм.*

Харитона и Смирнова на юбилейной сессии Курчатовского института 12 января 1993 г., а также их статья «Советские физики шли своим путем» («Наука и жизнь», № 12, 1993).

Ценную информацию содержит статья бывшего разведчика и историка А.С.Феклисова «Подвиг Клауса Фукса» (Военно-исторический журнал 1990 г. №12). Следует обратить особое внимание на предшествующее этой публикации интервью главного редактора журнала генерала В.И.Филатова, данное «Комсомольской правде» (21 ноября 1990 г., статья «Бомба генерала Филатова»). О наших ведущих ученых атомщиках генерал пишет так: Без помощи КГБ «эти ученые никогда бы не стали знаменитостями. Пусть они ручки целуют нашей разведке». Ту же генеральскую позицию занимают в своей книге другой бывший разведчик - Судоплатов и ряд комментаторов книги. Венчает этот критический хор статья Германа Смирнова в журнале «Чудеса и приключения». Оказывается, читаем мы в статье «Бомба и для Сахарова» в этом чудесном журнале (октябрь 1994 г.): «После воспоминании Судоплатова гипотеза о решающей роли сионистских интересов в передаче СССР атомных секретов не вызывает сомнений». Хочется спросить автора статьи, может быть и в пресловутых «Протоколах сионских мудрецов» об этом уже написано? Замечу, что главным редактором журнала «Чудеса и приключения» является Василий Захарченко, ветеран борьбы с сионизмом. Еще в 1949 г. он травил как космополита автора одной популярной брошюры²⁰.

Оставим этих «вечно вчерашних» с их взглядами и обратимся к реальным фактам истории российского атомного проекта. Мне привелось её наблюдать с «близкого расстояния».

В 1946 г. Я.Б.Зельдович еще в Москве, в Институте химической физики, познакомил меня с двумя схемами получения сверхкритических состояний, дающих старт цепной реакции взрыва. Оба они были основаны на

---

²⁰ Речь идет о С.В. Альшулере, старшем брате Льва Владимировича, см. примечание на стр. ??? – *Сост.*

имплозии²¹. Но один - на сближении, а другой - на сжатии ядерно-активного материала, что действительно воспроизводило схему американской плутониевой бомбы. Virtuозно упростив схемы, Зельдович поручил мне сравнить их эффективность, проделав расчеты на обычной логарифмической линейке. Результаты анализа показали мне, что наилучшие результаты можно получить при использовании новой - третьей схемы, при которой реализуется и сближение, и сжатие²². В последующие два года, уже в Арзамасе-16, новая газодинамическая схема атомной бомбы была испытана на моделях в моей лаборатории К.К. Крупниковым и также была рассчитана и обоснована Е.И. Забабахиным. Результаты этой работы в 1949 г. изложены в «Отчете-предложении» Альтшулера, Зельдовича, Забабахина и Крупникова.

Копия американского варианта, испытанного в 1949 г. под Семипалатинском, и наша бомба, с успехом прошедшая полигонные испытания в 1951 г., сопоставлены сейчас в форме макетов в музее Арзамаса-16.²³ Харитон и Смирнов в Докладе 1993 г. «О некоторых мифах и легендах...» написали: «Макеты стоят рядом и являют собой разительный контраст - бомба на основе нашей собственной схемы, будучи почти в два раза легче копии американской бомбы, получилась в два раза мощнее. Кроме того, существенно меньше оказался и диаметр новой бомбы, благодаря оригинальному решению по обеспечению имплозии, предложенному В.М. Некруткиным»²⁴.

В годы, предшествующие первым испытаниям, в Институте Харитона были развернуты уникальные

---

²¹ Взрыв, направленный «внутрь». – *Сост.*

²² Т.н. «оболочечно-ядерная» модель. Отец рассказывал, что идея совмещения двух схем, легшая в основу знаменитого «Отчета четырех» (см. Гл. 5), пришла ему в душе, вечером того же дня, когда Зельдович ознакомил его с двумя известными схемами получения сверхкритических состояний. Ср. стр. ???, ???, ??? – *Б. Альтшулер.*

²³ См. Рис. 21.

²⁴ Именно эта конструкция была впервые запущена в серийное производство и поступила на вооружение армии. – *Сост.*

теоретические и экспериментальные исследования экстремальных свойств материи. Не только наука служила обороне, но и оборона - науке. В первую очередь эти исследования были нужны для уверенных расчетов проектируемых конструкций. Первоначально оценка мощности выполнялась в двух вариантах, о которых даже на высоких совещаниях иронически говорили:

Вариант "К" взят с потолка,
Вариант "Д" найден в Бороде.

Наши высокоточные эксперименты по сжимаемости многих веществ при давлениях в миллионы атмосфер были впервые опубликованы в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов. Позже, уже в 1988 г., ливерморские коллеги писали об этих опытах: «Они осуществлены на установках нигде не описанных и никем не превзойдены». На одном из симпозиумов было высказано экстравагантное предположение о том, что Альтшулер использует для создания давлений разгон ударников на многоступенчатой ракете в космосе. Естественно, реальные условия проведения опытов я в публикациях не раскрыл, а при посещении Ливермора в 1991 г. на распросы ответил *Sapienti satis*, что в переводе с латинского значит «мудрому достаточно, догадывайтесь сами»²⁵. В настоящее время в группе Юрия Михайловича Стяжкина по методу невзрывных цепных реакций и традиционно (Р.Ф.Трунин, М.А.Подурец, Е.Н.Аврорин и др.) экспериментально изучаются диапазоны звездных давлений.

Вернемся к хронологии создания российского ядерного оружия. В 1953 г. был завершен очередной этап совершенствования газодинамической схемы атомных зарядов. После успешного испытания новых образцов за проявленную инициативу и активное участие в их

---

²⁵ Полусферические устройства, на которых Л.В. Альтшулер и его коллеги получали в лабораторных условиях сверхвысокие давления, были впервые раскрыты в докладе Л.В. Альтшулера и К.К. Крупникова на Международном симпозиуме «История советского атомного проекта» (Дубна, 14-18 мая 1996 г.). – *Сост.*

разработке высокими правительственными наградами были среди прочих отмечены Забабахин и Альтшулер. Конечно, меня это обрадовало, но и удивило, ведь в этот период для многих начальников моя фамилия была неудобнопроизносимой. Например, в 1952 г., в стенной газете нашего сектора можно было прочесть: «Первое место в социалистическом соревновании занял отдел, где заместителем - Б.Н. Леденев». И подпись начальника сектора.

Опала постигла меня в связи с моими очень не ортодоксальными высказываниями по вопросам ... музыки и биологии. Так, в конце 1950 г. я стал «физиком-вейсманистом». Этот красочный эпизод моей биографии описан в двух публикациях Харитона и в «Воспоминаниях» Сахарова. Солидарность ученых, с которыми власть вынуждена была считаться, позволила мне продолжить работу в Институте и предохранила от других вероятных тяжелых последствий. Тогда в мою защиту перед посетившим наш город А.П.Завенягиным выступили Цукерман, Забабахин и Сахаров. В 1952 г. снова было принято решение о моем увольнении. Спасательный круг мне бросил тогда Харитон, поговорив по вертушке непосредственно с Берией.²⁶

Главным событием 1953 г. стало испытание первой в мире транспортабельной водородной бомбы. По классификации Сахарова в ее конструкции были воплощены две основополагающие идеи 1948 года, теперь обнародованные («Природа», 1990, № 8; «Успехи физических наук», 1991, № 5; «Природа», 1992, № 2). Первая идея принадлежала Сахарову и получила поэтому название "сахаризация"; вторая - сотруднику ФИАНа Виталию Лазаревичу Гинзбургу (теперь академику), - применение в качестве термоядерного горючего вместо сжиженных изотопов водорода - твердого при нормальной температуре дейтерида лития²⁷.

---

²⁶ См. подробнее об этих событиях на стр. ???, ???, ??? – *Сост.*

²⁷ На ныне общепотребительном жаргоне речь идет о «Слойке» Сахарова и «LiДочке» Гинзбурга. – *Сост.*

Апофеоз в разработке сверхмощного термоядерного оружия наступил в 1955 г., когда была реализована «третья идея»²⁸. Как пишет об этом Сахаров: «По-видимому к “третьей идее” одновременно пришли несколько сотрудников наших теоретических отделов. Одним из них был и я...»²⁹. В дальнейшем нашими физиками разработаны еще более совершенные и мощные заряды. 30 октября 1961 г. был осуществлен непревзойденный до сих пор по мощности взрыв 50-мегатонной водородной бомбы. Авторами этой разработки являлись А.Д.Сахаров, В.Б.Адамский, Ю.Н.Бабаев, Ю.Н.Смирнов, Ю.А.Трутнев. Никакой роли во всех этих пионерских достижениях разведка не играла. Не была использована также информация из анализа радиоактивных атмосферных проб после американских испытаний. Иного мнения по этим вопросам придерживаются ученые США О.Хирш и У.Метьюз³⁰. Еще недавно (1989 г.) аналогично высказывался всемирно известный физик Ганс Бете. Но вот письмо Ричарда Роудса, отправленное мне 16 января 1993 г. Он пишет: «Я попросил Бете прокомментировать Ваше последнее письмо мне и услышал от него – “В противоположность цитаты из статьи Хирша и Мэтьюза я верю, что Андрей Сахаров пришел к третьей идее самостоятельно”... Надеюсь, - заканчивает Роудс свой ответ мне - Вы найдете эти комментарии содержательными».³¹

---

²⁸ Идея «светового обжаривания», т.е. сжатия термоядерного горючего водородной бомбы давлением электромагнитного излучения, возникающего при подрыве «атомного запала» - атомной бомбы, расположенной рядом с термоядерным ядром. *Сост.*

²⁹ А.Д. Сахаров, «Воспоминания», Часть I, Гл. 12. – *Сост.*

³⁰ О. Хирш, У. Метьюз, «Водородная бомба: Кто же выдал ее секрет?», УФН, Т. 161, № 5, 1991, С.153. – *Сост.*

³¹ Дискуссия о роли разведанных в создании советской водородной бомбы не утихает уже много лет - см. новейшие статьи Г.Е. Горелика, с комментариями В.И. Ритуса («Природа», № 7, 2007) и Г.А. Гончарова («Природа», № 4, 5, 2009). Суммарный, ни у кого, насколько нам известно, не вызывающий возражений вывод из всего массива публикуемой информации, состоит в том, что руководство СССР, хотя знало о гигантской, не достигнутой в СССР, мощности термоядерных изделий «Майк»,

Мне остается лаконично обозначить завершающие этапы в создании атомных зарядов. Специальное устройство, обеспечивающее взрыв ядерного заряда в момент его наибольшего сжатия, предложено и разработано Цукерманом, Зельдовичем и Аркадием Адамовичем Бришем. В 1954 г. оно успешно прошло полномасштабные полигонные испытания. Сейчас Бриш, бывший белорусский партизан, прошедший научную школу в Арзамасе-16 у Цукермана, руководит в Москве большим институтом.

Свой современный облик атомные заряды приобрели к началу шестидесятых годов силами больших коллективов теоретиков, экспериментаторов и конструкторов при направляющем участии Забабахина и Зельдовича.

В одной из своих публикаций я сравнил Институт Харитона с ретортой с почти непроницаемыми стенками, в которой бурно развивались цепные реакции идей. Помимо научного руководства, в этом была заслуга выдающихся администраторов - Павла Михайловича Зернова, Бориса Глебовича Музрукова, Анатолия Сергеевича Александрова, Льва Дмитриевича Рябева.

В своём докладе я привел дополнительные доводы,

испытано 1 ноября 1952 г., и серии Castle - от «Bravo», испытано 1 марта 1954 г. (мощность этого заряда в 40 раз превосходила мощность советской «слойки» 1953 года), и до «Nectar» - 14 мая 1954 г., но не получало разведанных о применении американцами принципиально новой, открытой в 1951 г., идеи Улама-Теллера в конструкциях этих зарядов. Именно по причине отсутствия соответствующей развединформации выдвинутое в 1954 г. теоретиками «Арзамаса-16» предложение переключиться на разработку «третьей идеи» (советский аналог идеи Улама-Теллера двухступенчатой конструкции с применением радиационного обжатия) было первоначально воспринято как авантюра и встретило жесткую оппозицию руководителей министерства, о чем пишет А.Д. Сахаров в своих «Вопоминаниях» (Гл. 12 Части I). В этом плане ситуации с созданием советских атомной и водородной бомб диаметрально противоположны, что недвусмысленно подтверждает представленную в докладе позицию Л.В. Альтшулера о самостоятельности советской разработки «третьей идеи». – *Сост.*

опровергающие мифы и легенды вокруг советских атомного и водородного проектов. Взаимодействие российских и зарубежных ученых, конечно, не бесполезно. Сейчас дальнейшее увеличение мощности и запасов ядерных боеприпасов очевидно излишне. Важнейшими задачами стали безопасное хранение, безопасная перевозка атомных и водородных бомб, безопасное уничтожение их излишков. Глобальной проблемой века является создание мощных, экологически чистых и безопасных источников энергии для мирных целей. По мнению Сахарова такими источниками могут стать подземные атомные электростанции. Эффективный и быстрый прогресс в этих направлениях требует международного сотрудничества ученых и правительств. Примерно так я закончил свой доклад на международном симпозиуме в Вашингтоне в 1991 г. Так я заканчиваю свое выступление и сегодня.

***

«Так мы делали бомбу»

Интервью Л.В. Альтшулера Олегу Морозу (извлечения)³²

1990

Л.А. ... Колонны эзков, проходившие по поселку утром на работы, а вечером обратно в зоны, были бьющей в глаза реальностью.

О.М. Как жили рабы, мы можем представить по солженицынскому «Архипелагу», а как жили вы?

Л.А. Конечно, на «объекте», существовало сильное социальное расслоение. Но даже заключенные жили здесь не так, как на главных островах их архипелага. Все-таки это было особое место.

Если же говорить о специалистах, то они жили очень хорошо. Из полуголодной Москвы мы попали, можно сказать, в рай. Ведущим сотрудникам платили очень большую по тем временам зарплату. Никакой нужды наши семьи не испытывали. И снабжение было совсем другое³³.

---

³² «Литературная газета», № 23 (5297), 06.06.1990. С. 13.

³³ Как о парадоксе эпохи отец рассказывал о том, что в 1946-1947 гг. он возил картошку родителям в Москву из Сарова на самолете (это было время послевоенного голода, люди в сельских районах

Так что все материальные вопросы сразу же были сняты.

Жили мы сначала в финских и в рубленых домах, а после – в двухэтажных коттеджах. Каждый коттедж - на две семьи. Сахаров, который приехал на объект позже, в начале 50-х, там жил с женой и детьми. Зельдович, в основном, один: у его жены была работа в Москве, с которой она не хотела расставаться.

В поселке были школы, детские сады, два кинотеатра. Был даже театр с приглашаемыми режиссерами. С какого-то момента там появился филиал МИФИ – Московского инженерно-физического института.

В первые годы мы очень страдали оттого, что выезд с «объекта» был страшно затруднен. Вспоминается такой эпизод. Начало 1949 года. Теоретики приходят к заключению, что надо провести испытания неких образцов³⁴. На высоком уровне обсуждается вопрос о том, что требуется послать в Москву письмо-запрос. Я говорю: «В наших условиях послать письмо – это всё равно что бросить бутылку с запиской в океан. Надо ехать». Но мои слова пропускаю мимо ушей. Но вот наступает лето (*остается менее трех месяцев до назначенного на конец августа испытания – Сост.*), образцов нет. Только тогда меня посылают в Москву. Я иду прямо в кабинет к Ванникову³⁵. Узнав в чем дело, он устраивает трам-тарарам так что стены трясутся, и всё решается мгновенно.

О.М. Так что бардака и в ту пору хватало? Удивительно, что при этом удалось сделать бомбу.

Л.А. Ну разве это бардак? Так, трудности начальной поры. В обстановку бардака я попал, скорее, когда вернулся с «объекта» в Москву в 1969 году. А там, повторяю, атмосфера была очень благоприятная для работы. Это была обстановка сотрудничества и полного доверия

умирали, как и в период коллективизации в начале 30-х, хотя и в меньших масштабах). – *Б. Альтшулер.*

³⁴ См. пояснение в статье «На пути к первому советскому атомному испытанию» (глава «Лаборатория модельных испытаний в Сарове»), стр. ??? – *Сост.*

³⁵ Б.Л. Ванников, начальник Первого главного управления (ПГУ) при Совете Министров СССР. – *Сост.*

экспериментаторов и теоретиков, крупных ученых и молодых специалистов. Все были воодушевлены сверхзадачей – восстановить мировое равновесие, обеспечить безопасность страны, создать условия, когда «любимый город может спать спокойно»...

О.М. Насколько я знаю, режим секретности на «объекте» - это был не просто режим. Это был образ жизни, определявший манеру поведения, образ мысли людей, их душевное состояние...

Л.А. В какой-то мере это так. Оставление без присмотра, а тем более потеря чего-то секретного, неотвратно влекли за собой тяжелые последствия, а иногда и гибель человека... Меня одно время преследовал один и тот же сон, от которого я просыпался в холодном поту. Снилось мне, что я в Москве, иду по Кропоткинской и несу в портфеле документы с грифами СС и ССОП. («Совершенно секретно» и «Совершенно секретно особая папка» - Сост.) И я чувствую, что я погиб, потому что не могу объяснить, как они там оказались... Снять чрезмерное напряжение помогал юмор. Так, у себя в кабинете я повесил плакат, взятый в этом самом режимном отделе: «Внимание! Здесь не место для служебных разговоров».

К нескольким ученым, представлявшим для государства особую ценность, одно время были приставлены вооруженные телохранители, сопровождавшие их повсюду (после они были оставлены только у Юлия Борисовича Харитона — научного руководителя «объекта»). Естественно, это не прошло мимо внимания местных юмористов. Про Андрея Дмитриевича, например, были сочинены такие вирши (не очень приличные и несколько не отражающие его наклонностей и привычек, но зато, как нам казалось, смешные):

Жил-был мальчик Адя,
Дали ему дядю,
День и ночь он Адю стережет.
Ходит дядя сзади.
Не пускает к, б...
И благонадежности бережет.

О.М. Не уберегли благонадежность. Очень их Андрей Дмитриевич подвел...

Л.А. Да, на Андрея Дмитриевича делали ставку. Для начальства Сахаров был русским самородком, которого надо было поднимать как можно скорее. Поэтому для них действительно было сокрушительным ударом, когда он в своих «Размышлениях» выступил с совершенно неприемлемой для них программой. Были и такие суждения: вообще-то Андрей — парень хороший, но вот евреи его сбили с пути³⁶...

О.М. Атомная бомба была взорвана через два года после того, как вы начали работать на «объекте» - в августе 1949-го. А всего вы там проработали 22 года. Как понимаю, шло усовершенствование оружия?

Л.А. Конечно. Но, кроме того, решались и сопутствующие научные проблемы. Так, в моем научном коллективе и в ряде других лабораторий исследовались свойства вещества при сверхвысоких давлениях в миллионы и десятки миллионов атмосфер. Большинство этих работ опубликовано. В сущности, было создано научное направление, в котором работы советских ученых нашли международное признание. Что касается оружия, то первый его вариант был самый примитивный и дорогой. В том, что он срывается, почти ни у кого не было сомнений: в сборках устройство доводили до состояния, близкого к критическому, при котором почти начиналась цепная реакция. Измерительная система была настолько чувствительна, что, когда к сборке подходил Б.Л. Ванников — мужчина довольно плотный, с избыточными, как говорится, жировыми отложениями, счетчики начинали буквально захлебываться: нейтроны отражались от его живота и коэффициент усиления возрастал...

О.М. Говорят, работая на «объекте», вы слыли человеком... неуправляемым, что ли, вольнодумцем, смутьяном, несколько раз попадали в истории. Как вам

---

³⁶ Говорили также, что Сахаров на самом деле Цукерман. На вопросы подобных людей: «Не еврей ли он?», Андрей Дмитриевич кратко пояснял: «Я хуже». — *Б. Альтшулер*.

это сходило с рук?

Л.А. Тут был такой удивительный феномен. Я хоть и вел себя, как многие считали, легкомысленно, неблагоразумно – все мои высказывания в частных разговорах не вызывали никакой реакции. Например, как-то мы с сотрудниками сидели в столовой, и с нами за столом был начальник политотдела (потом он стал называться секретарем горкома). От него мы услышали, что рабочие на нашем заводе, бывает, прямо у станка падают в обморок от недоедания. И тогда я возьми да скажи ему: «Покажите мне где в Уставе вашей партии сказано, что рабочие должны голодать?». Он чуть со стула не упал: «Вы что с ума сошли!? Что Вы такое говорите!?». Можете себе представить: в то время - такие слова! Но ничего, всё сошло с рук, не было никаких последствий.³⁷

О.М. Почему, как полагаете? Без сомнения, «объект» был напигован стукачами.

Л.А. Ясно, почему. Руководители режима сами же и отвечали за отбор сотрудников. И если бы выяснилось, что они допустили к работе какого-то неблагонадежного человека, им самим и досталось бы в первую очередь.

Но если я выступал где-то официально, соответствующие чиновники вынуждены были как-то реагировать, и я даже не могу в них бросить камень за это...

.....
О.М. Вы сказали, что возвращение с «объекта» в Москву в каком-то смысле было для вас холодным душем...

Л.А. Да, возвратясь, я испытал чувства прямо

---

³⁷ Это был 1946 год, Л.В.А. находился в Сарове в командировке, обедали они в привилегированной, т.н. «генеральской», столовой для начальства. Реакция отца вполне для него естественна. Все-таки он был сыном революционера, социал-демократа, борца за власть рабочих и крестьян, верил в социализм, относился к этому очень лично и возмущался, когда сталкивался с извращениями идеи. Об эпизоде в столовой он рассказывал также, что этот партначальник совершенно посерел и, накричав на отца, медленно, с дрожащими руками, поднялся из-за стола и ушел куда-то в другой конец зала, не доев своего обеда. – *Б. Альтшулер*

противоположные тем, какие ощущал 22 года назад, переезжая из Москвы на «объект», где действительно были созданы все условия для работы. И как результат за три года, с 1947-го по 1949-й, создали атомную бомбу. Довольно быстро была сделана также водородная бомба. Эта работа до сих пор являет собой образец, как надо решать очень трудную, глобальную задачу. Когда же в 1969-м я вернулся в Москву, ничего подобного я уже не видел. Ни концентрации сил, ни концентрации финансов...

Как-то в бытность мою на «объекте» мы отчитывались о работе лаборатории на ученом совете. В числе прочего я сказал, что мы начали изучать минералы и строение мантии Земли, а после в шутку добавил: мы, дескать, хотим убедиться, насколько прочен тот фундамент, на котором мы построили социализм и собираемся строить коммунизм. На это последовала мгновенная реакция Зельдовича: «Мы не сомневаемся в прочности этого фундамента».

Что касается меня, у меня такие сомнения были всегда. За последние два десятилетия моей жизни, проведенные вне «объекта», они только усилились.

Из книги «Экстремальные состояния Льва Альтшулера»

(М.: Физматлит. 2011)

Вместо заключения:

«Нам с тобой на свете этом в каждом деле быть поэтом»

Б. Альтшулер (февраль 2010 г.)

В этих заключительных личных заметках о моем отце я в какой-то мере постарался дополнить то, что осталось «за кадром» других воспоминаний. Двустихие, которым озаглавлена эта статья, принадлежит Льву Владимировичу Альтшулеру (Л.В.А.) – из его письма В.А. Цукерману, из Москвы в Саров, 70-е годы. Роль, которую стихотворное слово и вообще литература играли в жизни Л.В.А. переоценить невозможно. Типичная картинка из детства: отец в свободную минуту садится с книгой на диван, открывает ее наугад и погружается в чтение, отключается. Но часто читал и вслух - стихи или, например,

интересные отрывки из статей постоянно им читаемой энциклопедии Брокгауза и Ефрона, которую он в 50-е годы купил в букинистическом магазине в Москве и привез в Саров. Пытался он привить страсть к чтению и своим детям, но в отношении меня не очень в этом преуспел. А вот любовь к стихам, к декламации стихов «в свое удовольствие», я, конечно, унаследовал от него, хотя наизусть помню гораздо меньше. Так же как именно отец еще в школьные годы пробудил во мне интерес к фундаментальным проблемам квантовой механики и теории относительности. И в горы на Кавказ, в Бакуриани и еще выше я впервые попал вместе с ним и мамой в 13 лет в 1952 году. Горы были его страстью, что, конечно, не оригинально («Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал», - В. Высоцкий); невозможно сосчитать, сколько было у Л.В.А. этих горных отпускных поездок-походов, как правило, вместе с кем-либо из сыновей.

О литературных пристрастиях Л.В.А. – в статьях О.В. Басовой и особенно Т.Ф. Костиной, которая волею судеб в течение более 10 лет (с 1992 года, когда отец постепенно начал терять зрение, и до его кончины в 2003 году) читала ему вслух по его «заявкам». Поэзией он жил с юности и до последнего дня. Любопытно одно из его воспоминаний о посещении вечера Маяковского в Политехническом музее в конце 20-х. После чтения стихов были вопросы. На выкрик одной девушки: «Мы вместе с подругой ничего не поняли» Владимир Владимирович ответил: «Надо лучше выбирать себе подруг». А когда в конце вечера народ толпой ринулся в гардероб, Маяковский громогласно заявил: «Погоня за чужими галошами к добру не приведет».

В его молодежной компании 30-х годов, еще до знакомства с Марусей Сперанской, была и Вероника Тушнова. Отец не раз об этом вспоминал в том контексте, что была она очень красива и ему сильно нравилась. В компании Левы, Вени (Цукермана) и Зины (Азарх) была и Нюся Явнозон, впоследствии архитектор, художник, по ее проектам строились комплексы зданий ВУЗов во многих республиках СССР, также по ее проекту в 1966-1967 гг.

построен главный корпус Московского физико-технического института. Сейчас (в 2009 г.) Анне Вениаминовне 94 года, она продолжает писать, регулярно проходят выставки ее картин. К 90-летию Л.В.А., 9 ноября 2003 г., она передала ему большое письмо, в котором многое вспоминает из прошлого, а в конце пишет: «Нужно радоваться отведенному нам долголетию. Хорошее настроение и бодрость духа – гроза всем болячкам». Такой жизненной энергии полезно поучиться.

С мамой отец познакомился, поскольку они работали в одном и том же Московском вечернем машиностроительном институте, а потом и в одной лаборатории В.А. Цукермана. В архиве сохранилось письмо отца ей из Крыма в Москву, датированное 26 июля 1937 года, в котором он еще обращается к ней на Вы: «Милая Маруся, здравствуйте...». Письмо написано на второй день его приезда в крымский дом отдыха «Меллас», оно очень подробное и называется «Разговор 1-й». Поженились они 25 июня 1938 г., но своим родителям об этом не объявляли. Зоя Дегтярева (подруга Маруси и Тани Сперанских еще со времен их жизни на Смоленщине) вспоминала, что Парфений Львович (мой дедушка) как-то ее спросил: «Что-то Лева к нам зачистил?». А она в ответ: «А вы разве не знаете, что они месяц назад расписались?!». Отец всегда смеялся, вспоминая этот разговор.

С детства помню, что его любимым развлечением также было декламировать маме строчку из пушкинского «Гусара»: «Прибью – Марусенька моя словечко не промолвит грубо». Маруся на шутку, конечно, не обижалась, но и не веселилась вместе с ним. Её чувство юмора было совсем иным:

«...Кушать стал немного меньше и плюется отчаянно. Сидит этакая босоногая свинятина в кресле за столом и фурчит супом или киселем так, что всё кругом мокро и брызги на солнце видны. Шлепаю по губам пальцем – не помогает. Плюется и хохочет поочередно», - это про меня 10-месячного, запись в «Дневнике» 16 июня 1940 г. Этот подробнейший «детский» дневник мама вела в

течение многих лет («28-го июля 1945 года родился еще один Альтшулер Алик (Александр Львович). Родился он быстро и нормально за 4 ч. 50 м. ...»); («28 января 1947 года. Алику 1,5 года! Говорит мало, соображает много.»); «Кудри годовалого Мишеньки. Стригла в июне 1956 г.»). Фиксировала она и наши высказывания из разряда «От двух до пяти» и постарше: «Невидаль – это человек, который не видел ничего, выродился в больнице и умер»; «Скажи, папа, а у микробов микробы есть, которые их повредят?»; «Сколько градусов в луке, который растет на грядке?»; «Сколько будет: квадрильон квадрильонов тепла?»; «Куча микробов бывает? Почему она не видна?»; «Папа умеет так кувыркать через голову, что человек сам себя не найдет».

Записи: «27 июня 1940 года навещали Борину товарку Ирину Гинзбург, которой исполнился год» (позже с Ирой Гинзбург я учился на одном курсе физфака МГУ, а недавно, 11 ноября 2009 г., довелось встретиться по грустному поводу – на похоронах Виталия Лазаревича Гинзбурга). («12 февраля 1946 года. Неделю живем на Станиславской – сырость, вонь, вообще кошмар. Завтра поедем с Папой в «Заветы Ильича», может быть удастся устроиться с детьми на зиму – жаль морить их в городе»; «6 июня 1946 года. Заболела Ира Цукерман, подозревают туберкулезный менингит. Свезли в Морозовскую больницу. Добывают американское лекарство – стрептомицин. Только бы спасти» (об этой невероятной эпопее см. в статье «Три друга»).

Есть в «Дневнике» и запись 22 июня 1941 года: «И... вдруг случилось самое страшное!! В 12 ч. дня Молотов выступил по радио... Сердце похолодало, не хотелось верить. Ведь несколько лет ждали мы этого нападения и все-таки в первые моменты не

хотелось верить...». И далее – подробно о бессонных ночах во время немецких бомбежек Москвы, потом об эвакуации. И 10 августа того же 41-го: «Весной 38 года я все-таки обженилась слевой. И какой чудный у нас сын Боря! Сейчас Отечественная война. Лева в армии где-то. Собираюсь с сынишкой и Таней в Казань. Мама уже там в больнице. Какой хороший у меня муж! И как тяжело потерять его на войне! Огромное, всепоглощающее счастье иметь ребенка. О, пусть судьба сохранит мне этих двух любимых!».

Многое я узнал об отце, готовя эту книгу. Уверен, что ему самому были бы чрезвычайно интересны публикуемые в книге рассекреченные документы: заключение кадровой комиссии ноября 1950 г., где черным по белому написано, что Альтшулера и Сахарова следует отстранить от руководства научными коллективами, а также поразительные материалы, представленные в статье Л.Д. Рябева. Отец ничего не знал о прямом указании (оставшемся неисполненным) Л.П. Берии от 5 января 1951 г. об удалении Альтшулера с объекта или о том, что МГБ в какой-то момент аннулировало его допуск к гостайне.

Также дорогого стоит, например, извлеченный Б.В. Левиным из небытия рассказанный ему Л.В.А. эпизод о совещании с руководством в Арзамасе-16, когда его отделу предложили заняться новой тематикой, а он сказал: «Это вопрос непростой, и я должен посоветоваться с женой Марией Парфеньевной». И он не шутил, он действительно советовался с мамой по важным вопросам.

Но шутку он очень любил и всякие приколы, иногда весьма рискованные. Так летом 1953 года, когда они с мамой были в отпуске в Сухуми, обедая в приморском кафе, он решил угостить вертевшегося там пса и стал его подзывать: «Коба, коба, коба!». Смертельный номер, если учесть, что Коба – главный революционный псевдоним недавно скончавшегося Вождя и Учителя, и все грузины отлично это знают, и отец это знал. К счастью, никто не обратил внимание. Много был всяких шуток, в основном, все-таки невинных. Очень любил анекдоты про докторов и

лекарства, особенно когда стал много болеть. А, прочитав где-то, что патагонцы Южной Америки после обряда убийства дряхлых стариков их съедали, тут же сказал, что надо написать Хрущеву об этом прогрессивном опыте, сулящем государству двойной выигрыш: и на пенсиях экономия, и продовольственная проблема решается.

О различных «политических» высказываниях Л.В.А. ходили легенды. Он действительно был человеком мгновенной, «экстремальной» реакции, когда сталкивался с несправедливостью, подлостью или вопиющей с его точки зрения глупостью. И, как говорится, за словом в карман не лез, и умел выразить свои мысли предельно ясно и жестко (его любимое Маяковского: «Я знаю силу слов, я знаю слов набат»). А также у него были свои продуманные позиции по общественным вопросам, во многом, конечно, основанные на тех социалистических идеалах, которые вдохновляли его отца – активного участника революционного движения в России, и которые формально были основой советской идеологии. Л.В.А. по-настоящему бесили отступления от этих первопринципов, особенно когда он лично с этим сталкивался. Например в 1946 году: «Покажите мне, где в Уставе вашей партии написано, что рабочие должны голодать?» (см. подробнее в интервью Л.В.А. 1990 г., «Так мы делали бомбу»).

А вот эпизод, о котором он почему-то вспомнил и рассказал мне уже в новые времена: 6 апреля 1946 года. Справляется день рождения В.А. Цукермана в Мансуровском переулке (что соединяет Пречистенку с Остоженкой, жили они с отцом неподалеку друг от друга, потому и оказались в 1928 году в одной школе). За столом много родственников и друзей. Незадолго перед этим закончился Нюрнбергский процесс. Л.В.А. произносит тост: «Я счастлив, что дожил до того момента, когда повесили нацистских вождей. Я надеюсь дожить до нашего Нюрнбергского процесса». (Реакция В.А. Цукермана, члена ВКП(б), между прочим: «Ну, Левка, как всегда, треплет языком», и всё, и никто не донес, такая это была компания, такие люди! А ведь тост по тем временам был самоубийственным, тем более что квартира коммунальная).

Я спросил отца: «Ведь ты же верил в Революцию, в социализм и коммунизм. Почему такая предельно жесткая формулировка?». Он пояснил, что конечно верил, но не мог простить явных, нанесших огромный ущерб делу строительства социализма глупостей и преступлений – коллективизации, уничтожения перед войной высшего состава Красной Армии, преступной халатности 22 июня 41 года и особо – Жданову, виновному в гибели 2 миллионов ленинградцев, умерших от голода в блокаду.

Когда отцу что-то не нравилось, он совершенно не способен был отмалчиваться, сразу высказывался и весьма импульсивно. Так случилось в конце 1950-го, когда важная комиссия спросила о его отношении к политике партии, и в январе 1957-го на диспуте по книге Дудинцева, и в 1979-м при разговоре с генералом КГБ, замначальника директора ВНИИОФИ по режиму (*материал № 17 в Гл. 3 Части I*), и еще много, много раз.

Но однажды импульсивность, взрывчатость отца произвели некий мистический эффект, о чем он всегда рассказывал с огромным удовольствием. Сильно политизированный 1989 год – год Первого съезда народных депутатов. В московской квартире Л.В.А. случайный человек, пришедший к соседям и не заставший их дома, увидев на стене у отца фото А.Д. Сахарова, выступающего на Съезде, сказал пренебрежительно «Сахаров проданся большевикам». И в то же мгновение спокойно до того дремавшая у кровати собака Шарик вскакивает и вцепляется гостю в ногу, было много крови, Л.В.А. пришлось на время переквалифицироваться в фельдшера. Этого Шарика лет за 7 до того мой младший брат Миша, вместе с еще одним хорошим человеком, притащившим байдарку, спас со льдины посреди Москвы-реки – напротив Киевского вокзала; на многочисленных посетителей квартиры отца он внимания, как правило, не обращал, и вдруг такая реакция закоренелого демократа. Вряд ли Шарик понял смысл слов, произнесенных гостем, но, наверно, он воспринял «ударную волну» возмущения Л.В.А. и всю дальнейшую необходимую работу выполнил за хозяина.

Шарик закончил свой земной срок в декабре 1993

года в весьма преклонном и уважаемом собачьем возрасте. А еще в ноябре 1989 года Л.В.А. написал посвященные Шарикю «Воспоминания и размышления пожилого физика», которые начинаются так:

«Кто занимает верхнюю ступень эволюционной лестницы, физики или собаки? До сих пор этот вопрос однозначно не решен.

Генрих Гейне, умнейший человек XIX столетия, в конце жизни писал: “Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак”. И по мнению Чапека “собака превосходит всех животных и человека силой чувств радости и печали”; “не могу себе представить, чтобы, скажем, священник от радости стал кататься по земле, махая руками и ногами в воздухе, когда с ним заговорит епископ”.

У нас разные люди относятся к собакам по-разному...».

Далее Л.В.А. рассказывает несколько эпизодов из жизни Шарика со своими ироническими в адрес «разных людей» комментариями, в т.ч. случай посещения ими Московского Дома Ученых. Весьма полный, отъездивший на домашних харчах Шарик передвигался, немного переваливаясь с боку на бок, и часто сопровождал отца, когда тот ходил в окрестные магазины, а в этот раз увязался за ним на пути в Дом Ученых. Это примерно полчаса ходьбы – по подземному переходу через Садовое Кольцо напротив сталинской высотки МИДа и потом арбатскими переулками до Кропоткинской (ныне снова ул. Пречистенка). При этом никаких шлеек и поводков – бродячие псы, каковым Шарик был в юности, разбираются в машинах, переходах и светофорах лучше нас с вами. А когда они дошли до места, то стоящий при входе в ДУ вахтер заявил, что с собаками нельзя. На что отец невозмутимо разъяснил: «Вы заблуждаетесь, это никакая не собака, а мой самый талантливый аспирант».

По поводу рассказанного выше мистического эпизода Л.В.А. в этом своем труде пишет так:

«Ведь незадолго до этого случая я сказал одному академику, директору института, что если он плохо

отзовется об Андрее Дмитриевиче, я приду в состояние аффекта и дам ему по физиономии. Шарик тоже укусил в состоянии аффекта...».

И заканчивается это объяснение в любви такими словами:

«С Шариком можно шутить почти на любые темы, говорить о легкомысленном поведении его мамы, обсуждать религиозные вопросы. Он знает, что “принципами мы не поступаемся”. И не обижается. И всегда по утрам он приходит к кровати и тычетя носом в руки, грудь и щеку, и мы оба довольны. “Тогда расходится в душе моей тревога... и в небесах я вижу Бога”». Шарик тоже видит бога, но не в небесах, а на кровати. И этот бог я. “Трудно быть богом?”. Нет, совсем не трудно».³⁸

И в заключение поделюсь одним из самых приятных воспоминаний детства. Мне лет десять. Отец обучил меня поднимать его утром с постели – тащить одеяло и вопить: «Подъем! Вставай, старый хрыч!».

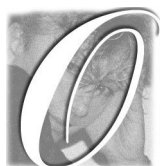
³⁸ Л.В. Альтшулер с любимой собакой Шариком, Москва, 1985 г. – Рис. 112.

Семья, ученики, друзья - IN MEMORIAM - Юрий Яковлевич Фиалков

к 80-летию со дня рождения:
01.07.1931 – 20.08.2002

ПАМЯТИ выдающегося учёного-химика, известного
педагога и писателя

*Опять стою, понунив плечи,
Не отводя застывших глаз.
Как вкус у смерти безупречен
В отборе лучших среди нас.*
И. Губерман

снову этого очерка составили материалы из ВИКИПЕДИИ и книга мемуаров Ю.Я. Фиалкова «Доля правды», изданная в Санкт-Петербурге, в издательстве «Алетейя» в 2004 году.

Юрий Яковлевич родился и всю жизнь (за исключением периода эвакуации во время войны) прожил в Киеве. Он один из наиболее крупных современных учёных в области физической химии неводных растворов. Почти полвека он проработал в Киевском политехническом институте (ныне Национальный технический университет Украины), из них четверть века заведовал кафедрой физической химии. Автор более 10 монографий, более 300 публикаций и изобретений, он подготовил одну из наиболее крупных на Украине химических школ (пятьдесят четыре кандидата и четыре доктора наук). Он был Лауреатом государственной премии СССР, Заслуженным деятелем науки и техники Украины. Писательскую известность приобрёл, написав более пятнадцати увлекательных научно-популярных книг, переведенных на многие языки мира.

Название «Доля правды» родилось у Юрия Яковлевича Фиалкова задолго до выхода первого варианта книги. Он упомянул его впервые в журнальных публикациях. Читатели в своих письмах сразу заинтересовались ещё не существующей книгой.

Портрет Ю.Я. Фиалкова*

Тогда её название казалось забавным, эпатирующим читателя: только доля правды, а остальное?

Теперь, когда Юрия Яковлевича больше нет с нами, оно приобрело иной смысл. Это не совсем обычные мемуары, в которых профессиональная деятельность автора, связанная с химией, переплетается с его жизнью, увлечениями. Многие в книге носят обобщённый характер, обнажая приметы времени и общества, в котором мы жили. Однако мастерски сделанная мозаика раскрывает лишь долю правды о самом авторе — выдающемся учёном и замечательном человеке.

В 1945 году в зале одной из киевских школ состоялся первый доклад Юры Фиалкова, посвящённый йоду. Не знаю, существует ли понятие «вундеркинд» применительно

---

* Все фото Светланы Пинаевой-Фиалковой, Елены Фиалковой, Яны Ушеренко-Фиалкова, Александра Ушеренко и Бориса Рубенчика.

к химикам, но доклад четырнадцатилетнего юноши собрал большую аудиторию не только учеников, но и учителей.

В «Доле правды», упоминаются химические опыты, начатые Юрой в детском возрасте с изготовления «философского камня» («рассказы о Лёнке»).

Лет через двадцать после школьного доклада уже в ранге профессора, он читал лекцию учителям и услышал в зале жалобные всхлипывания. Это плакал его первый учитель химии, гордый тем, что «из брошенного им семени вырастали не только сорняки» («Надёжная фирма Кольбаум»).

Задолго до того, как стать учёным и писателем, Ю.Я. стал замечательным читателем, знатоком и поклонником книг. В 12-13 лет он посещал детскую читальню при Ленинской публичной библиотеке в Москве, потом юношей перечитал большинство книг в библиотеке Киевского дома учёных. Книги грудой лежали перед его изголовьем в квартире на Русановской набережной, и в клинике, где прервалась его жизнь...

В «Доле правды» преобладают автобиографические рассказы, но следует обратить особое внимание на первый из них: *«Записки благополучного еврея»*. «Благополучие» — здесь форма иронии, идущая от Шолом-Алейхема, писателя, которого Ю.Я. очень любил. «Благополучный», потому что уцелел, и поступил в институт, а, закончив, не был загнан на работу в глухую Тмутаракань, «зацепился» в Киеве, да ещё в столичном вузе. В этой главке — обобщённая судьба десятков тысяч советских интеллигентов с еврейскими генами и «ущербной» пятой графой в паспорте.

Ю.Я. был далёк от религии. Думаем, что еврейская молитва во время его похорон — долг памяти трём предкам, убитым фашистами в Киеве, в Бабьем Яре только за то, что они были евреями. Молитва, которую он заказал перед смертью, была желанием подчеркнуть кровную связь со своим народом.

Дальше следует то, что относится в этом журнале к рубрике: **«грех антисемитизма»**.

Учёба в Киевском университете им. Т. Шевченко в последние годы жизни Пахана, как Ю. Я. называл Сталина.

Круглый отличник, сын известного учёного, члена–корреспондента украинской академии Якова Анатольевича Фиалкова, основоположника фармацевтической химии. Начало преследований в феврале 1953 года, требования признаний в сионистской деятельности; потом выдача характеристик для поступления в аспирантуру и защиты диссертации с обязательством не претендовать на работу в Киевском политехническом институте (КПИ). И неожиданная удача–необходимость срочного создания в КПИ радиохимической лаборатории, вынудившая руководство института зачислить заведующим талантливого молодого учёного.

Блестящие защиты кандидатской и докторской диссертации, первые аспиранты и первые научно - популярные книги, список которых приведен в Википедии.

Кого-то может покори́ть слово «Пахан», которым автор книги называл «великого отца народов». Но разве можно по-другому охарактеризовать вождя мафиозной власти в стране, которая на протяжении десятков лет за достойное место работы, возможность творчества пыталась получить с талантливых людей «еврейской национальности» «оброк» в виде предательства, который Ю. Я. называл «иудством».

Например, в эпизоде из книги представитель ЦК КПУ предлагал Ю.Я. выступить в Амстердаме на сионистском конгрессе в защиту евреев в СССР. Ю.Я. его напугал, предложив представить физико-химические доказательства равноправия евреев в нашей стране. («О пользе логарифмов»).

Безуспешные попытки «вербовки в Иуды» продолжались много лет. Незадолго до избрания заведующим кафедрой его вызвали в партком КПИ и предложили поставить подпись под статьёй-протестом против бомбардировки Ливана израильскими самолётами. Ю.Я. нашёлся и сказал, что напишет более гневную, но самостоятельную статью. Решили подождать пару дней.

Повезло. Налёты на Ливан прекратились.

Отвлечёмся от хронологии линии жизни и обратимся

к главному – краткой характеристике научных достижений профессора Фиалкова. Он основал одну из наиболее известных школ в области физико-химического анализа и физической химии неводных растворов. Возглавил оригинальные исследования в области разработки принципов применения растворителей в качестве способов управления процессами электроосаждения металлов из неводных растворителей, и другие исследования.

Юрий Яковлевич кроме фундаментального курса физической химии в КПИ, читал ряд спецкурсов в своём институте и в других вузах в СССР и за рубежом. Его лекции живые, эмоциональные студенты очень любили, называя «шоу проф. Фиалкова»

К научной деятельности любого учёного относится и оппонирование.

Если бы кому-либо пришло в голову определить рейтинг оппонента/рецензента учёных советов в области химии, то у Ю.Я. он был бы самым высоким в стране.

Учёный и эксперт самого высокого ранга, один из немногих самостоятельно писал отзывы, не нуждался в «заготовках», которые для «генералов от науки» обычно «строчили» сами соискатели или их руководители.

Поездки по Советскому Союзу были для Ю.Я. не только увлекательными путешествиями, но и источниками писательского творчества.

Невозможно забыть волнений близких и друзей, когда после болезней, перенесённого инфаркта он за двадцать минут собирал чемодан и отправлялся «оппонировать» в Харьков, Ташкент или Иркутск. Уговорить его отложить поездку было невозможно.

Из командировок и других поездок Ю.Я. не возвращался «с пустыми руками». Его исключительная эрудиция и контактность вознаграждались интересными встречами с учёными, писателями, деятелями искусств. Эти встречи рождали сюжеты, помещённые в «Доле правды», например, шуточный цикл «Моя жизнь в искусстве».

Будучи человеком широкой эрудиции и выдающегося ума, он привлекал к себе внимание интересных людей разного профиля. Среди них была Юнна

Мориц, Натан Эйдельман, председатель комиссии по литературному наследию А.М. Горького Сергей Антонов, молодой директор исторического музея в Иркутске. Интересные материалы ему показывали сотрудники музея К.С. Циолковского в Туле.

Теперь многие раритеты, с которыми его тогда знакомили, утратили актуальность, но тогда, в начале семидесятых они будоражили наше сознание.

Есть пословица: «На ловца и зверь бежит». Какой культурой и знаниями в области литературы и искусства должен был располагать «ловец», чтобы при неожиданных обстоятельствах завязывать знакомства с деятелем из «Мира искусств» Н.Н.Евреиновым, выдающимися оперными артистами Большого театра А. И. Батуриным и Е.В. Шумской, знаменитой итальянской оперной дивой Тотти даль Монте, грузинской певицей М.П.Амиранишвили, композитором В.П.Соловьёвым-Седым, и др. Каждый эпизод - мастерски сделанный, остроумный набросок («Моя жизнь в искусстве»).

Юрий Яковлевич был писателем особого склада. Его книги для детей интересны и для взрослых. Он занимался и журналистикой. Был выдающимся рецензентом, не только в науке, но и в прессе – газетах и журналах.

Его научно-популярные книги для юношества: «Девятый знак», «Ядро...выстрел», «Как там на бета Лире?», и другие без ведома автора переводились на разные языки.

На 3-м Съезде писателей РСФСР в докладе Агнии Барто среди наиболее талантливых писателей издательства «Детской литературы» отмечались книги Ю. Фиалкова. «Набольшее достижение, когда книга учёного оказывается и книгой художника».

Мы, близкие ему люди, радовались вместе с ним, когда неожиданно удавалось обнаружить переводы его книг за рубежом. Рецензия на вышедшую в Польше одну из книг Фиалкова была названа «О химии как Хичкок».

Любимым детищем Ю.Я. на всю жизнь осталась книга о Ломоносове — «Сделал всё, что мог...».

Нередко прямыми или второстепенными героями

рассказов Ю.Я. оказывались его друзья или просто знакомые. Это касается «Школьных элегий» из первого раздела «Доли правды», рассказа «Укрощение быта», глав о «нижних чинах и собаках», о Тычине, профессорах КПИ, и других.

Нужно, однако, заметить, что не всё рассказываемое Ю.Я., принималось благожелательно. Любимой внучке Яночке вечерами перед сном он регулярно придумывал всё новые сказки. Однажды, будучи чем-то озабочен, Ю.Я. перепутал героев и заслужил от четырёхлетней девочки порицание: «Это не сказка, а чепуха какая-то»...

Не удивительно, что в некоторых институтах и учебных заведениях на специальном стенде регулярно вывешивались, как «дацзыбао», химические рассказы Ю.Я., которые он называл «побасёнками».

Молодым людям нынешнего поколения трудно себе представить, как нам, «старикам», сложно было пробиться через «железный занавес», чтобы попасть за границу, даже в соседнюю ограждённую «зону» социалистического лагеря.

Будучи людьми европейской культуры, мы тяжело переживали искусственный отрыв от Запада, даже от соседних «дружественных» стран, в которых «недозрелый» социализм не нанёс такого, как у нас, урона стране. Где сохранились ценности христианской культуры с церквями, памятниками, интересными музеями, открывались современные библиотеки и т. д.

Как трудно в постсоветском пространстве рождалось для нас «открытие мира».

Выпущенный из главной «зоны» — СССР известный профессор, голодный, небритый, бродил по Варшаве в поисках дешёвого крова над головой и пытался заложить часы, чтобы найти пристанище. А как правдивы описанные им картины жизни «социалистических» стран — Венгрии, Польши и Кубы, в которых в начале перестройки ему удалось побывать.

После развала Советского Союза Ю.Я. посетил США и многие европейские страны. Получив дважды Соросовский грант, он участвовал в научных симпозиумах и интересных туристических поездках. Но первые попытки

«приобщения к Западу» остались для него самыми яркими.

Название последнего раздела книги «КПИ — личности и лица» вначале наводит на мысль о документальных очерках. На самом деле это психологические рассказы о профессорах хороших и разных и о партийных функционерах, наносящих своим существованием вред собственной стране. Некоторые персонажи напоминали градоначальников из города Глухова. Те тоже отражали суть державы на вверенных им должностях.

Несмотря на необходимость иногда сотрудничать с малопочтенными «личностями», КПИ, в котором Ю.Я. проработал без малого столетия, стал для него «своим» институтом. Авторитет его там был огромен, и многие коллеги и представители администрации относились к нему с искренним уважением и поддержкой.

Фасад Киевского политехнического института

Ломоносову принадлежит высказывание о том, что химия всё чаще простирает свои руки в дела житейские.

Книга «Доля правды» рассчитана на широкий круг читателей, с химией не связанных. Она остроумна, временами сатирична и афористична: «... трава забвенья растёт сама по себе, но уж если её удобрять...», «Лицо сработано топором и лишь слегка тронута рубанком», «Академик горестно улыбнулся с интонацией, которая тянула лет на пять со строгой изоляцией...», «Геракл,

обозрев тамошнюю колхозную ферму, суетливо удалился бы, не оглядываясь», и т.д.

Многое в жизни и деятельности Юрия Яковлевича было своего рода противодействием советской «системе», но осуществлялось с умом и осторожностью.

Когда он выпустил одну из лучших своих монографий «Двойные жидкие системы», один из нас написал стихотворную реплику:

Тяжёлая тема, двойная система.
Выходишь из дому, как будто сухой,
Но жабры готовь для системы иной:
Нырнешь, виляешь, живёшь невпопад —
Не год и не десять, а все шестьдесят.
Пожить бы пора при системе другой,
Не скользкой, не жидкой, а просто земной.

Юрий Яковлевич не раз говорил нам, что геронтократия неизбежно обрушит советский строй.

— Помяните моё слово. Наш режим в состоянии агонии. Долго он не продержится.

Через несколько лет выяснилось, что он был прав.

С украинской Академией у Ю.Я. отношения носили характер фарса. Зная об уважении, которым он пользовался на химическом отделении Академии Наук СССР, будущие соискатели – химики из украинской академии перед очередными выборами слёзно просили профессора Фиалкова походатайствовать в Москве об их выдвижении в Киеве. Дескать, проживает там украинский химик Бобчинский...

Ю.Я. старались привлечь к участию в Советах по защитах диссертаций, даже пытались сделать членом ВАКа, на что он не согласился.

Однажды академические функционеры заверили Ю.Я., что специально для него объявлена вакансия на выборах в украинскую Академию, но учёный с мировым именем не смог собрать нужного числа голосов, хотя состав химического отделения тогда, да и теперь остаётся однообразно серым (с сохранением оттенков чёрно-

коричневого). Ему не могли простить мировой известности, и после смерти, один главных прилипал, директор института по фамилии Волков отказался напечатать посвященный памяти Ю. Я. некролог...

В своё время Козьма Прутков заметил, что «специалист — подобен флюсу, его полнота — односторонняя». Юрий Яковлевич Фиалков абсолютно не укладывался в подобное определение.

В одной из публикаций он символически отметил то, что ему дорого: «Не сетую Судьбе на то, что появился на свет в это время и в этом месте. Потому, что она, Судьба, щедро подарила мне внучку, несколько счастливых мыслей, «Манфреда» Чайковского и множество рассветов на берегах лесных речек».

Эти рассветы он встречал не один. Рядом были родные и близкие и байдарка. Потом родилась удивительная книга. Раньше она называлась по-украински: «На байдарці за снагою». Фамилии авторов были написаны мелким шрифтом на обороте. В русском издании «На байдарке» значилась неизвестная фамилия — Феликс Квадригин. Перед именем каждого в квадриге можно поставить эпитет «талантливый». Доктор медицинских наук и литератор Гелий Аронов, инженер-электронщик Михаил Гольдштейн, живой «классик» — профессор-латинист Юрий Шанин и Юрий Фиалков. Об этой маленькой книжке, ставшей легендарной, написано много. Одни сравнивали её с книгой Джерома К. Джерома: «Трое в лодке, не считая собаки».

Другие считали, что «на службу байдарочного спорта авторы поставили мировую культуру и литературу». Удивительный сплав профессионализма, интеллигентности, юмора и дружбы.

Ю.Я. в походах байдарочной флотилии, выплывавшей «на простор речной волны» с жёнами, чадами и домочадцами, совмещал ответственные должности Повара и Завхоза...

Много радости доставляла ему музыка.

Мы с друзьями несколько лет посещали музыкальные вечера выдающегося коллекционера пластинок Сергея Николаевича Оголевца, которого

почтительно называли «Стариком». Короткий путь от Владимирской до Паньковской, ведущий к его дому, стал первой дорогой нашей с Юрой дружбы.

Старик оказал на нас большое влияние, как ни странно, не только музыкально-художественное, но и нравственное.

У него было немало поклонников, собиравшихся два раза в неделю слушать пластинки. Но отношение к Ю.Я. было особенно уважительным. Коллекционер сразу сделал его наперсником акций, для которых нужна дипломатичность и высокая культура: поисков новых пластинок, передачи лицейской тетради рисунков Н.В.

Гоголя в Ленинскую библиотеку, и др.

Свою коллекцию «Старик» посвятил Фёдору Ивановичу Шаляпину, но коллекционер познакомил нас и с пением Карузо, Джилли, Гали-Курчи, Тито Руффо, Батистини и других мастеров бельканто. Он развил наш музыкальный вкус, и познакомил с особенностями современной оперы и с книгами знатоков вокала.

Очень интересны написанные Ю.Я. «для себя» «музыкальные импресси», – словесные изложения природы известных музыкальных произведений. Но записи были коротки и внезапно оборвались... Как сама его жизнь...

Когда ему стало совсем плохо, и каждое слово в наших письмах могло показаться фальшивым, мы говорили о музыке. С юношеским восторгом, растягивая слово «велико-леп-но», он восхищался ранее неизвестными шедеврами вокала Марии Каллас, его любимого певца Тито Гобби и великой современной певицы Чечилии Бартоли.

После его ухода, глотая слёзы, мы вновь прослушивали его любимые «музыкальные осколки».

Жестокая болезнь, постепенно забиравшая его жизнь, буквально до последнего дня щадил его светлый ум и поразительную творческую работоспособность.

За полтора года до ухода он писал: «...радует, что в последнее время здорово (тьфу-тьфу) пошли дела с наукой.

Я нацупал, как кажется мне, некую золотую жилу и получил более чем интересные результаты. Сделал за уходящий год с десяток статей, половину из которых

продублировал для различных англоязычных журналов, что потребовало дополнительных хлопот с переводом...».

«...Вчера закрыл бюллетень. Ввиду навших на нас холодов почти не гуляю. Основное занятие — под музыку дисков МПЗ кропаю статьи».

Это письмо отправлено за четыре месяца до смерти в 2 часа 48 мин.

Многие годы его рабочий день начинался в 5 часов утра. Обострившиеся боли, на которые не действовали анальгетики, часто лишали его ночного сна. Тогда по ночам он работал.

Он с иронией отнёсся к своему 70-летнему юбилею в КПИ, на который собралось более сотни участников из разных стран: *«Вчера отгулял юбилей. Прошло хорошо. Пожаловал даже сам вице-президент Академии. Всё вылилось в славословие по моему адресу, что было даже неуместным (говорю без кокетства). Забавно, что выступивший профессор из Днепропетровского химико-технологического института сказал, что у них есть специальный стенд, на который помещают мои побасёнки, которые печатает «Химия и жизнь».*

Он отказался от заключительного выступления и, обратившись к залу, поблагодарил Судьбу, которая принесла ему радость творчества, хороших учеников и друзей, любовь жены и дочери, радость общения с внучкой.

Несмотря на сильные боли, ставшие постоянными, он отправился в Иваново, чтобы «не сорвать свой запланированный доклад». Он не подозревал, что коллеги готовили ему второе празднование юбилея, на которое собрались все специалисты по химии растворов: *«Путешествие по маршруту Киев — Москва — Иваново — Москва — Саратов — Киев перенёс лучше, чем мог предполагать, хотя ночи в поездах для меня всегда были тягостны... Доклад в Иваново прошёл хорошо. После него славословили больше как последнего из оставшихся патриархов поколения 60-90 г. Славословие было многослойным — на заседании совета института химии растворов, на самой конференции и традиционном банкете. Сделали выставку моих книг и перечень ивановских людей, у*

которых был оппонентом либо писал отзывы на авторефераты...»

Его постоянно мучили боли, но он облакал свои жалобы в ироническую форму: *«состояние такое, как у охотки сена, которую корова долго жевала, а потом выплюнула. И правильно сделала. Разгоняю сплин счётом на компьютере — может быть, с этого получится какой-нибудь навар».*

Ирония оставляла его, когда он думал о близких — жене, дочери Лене, внучке Яночке.

«Света (жена) не железная... Лена убедила её поехать на десять дней отдохнуть. Безмерно рад этому, поскольку она вымотана до предела...»

Дочь - биолог Лена, проявив удивительные способности и энергию, сама возглавила его лечение и подарила отцу десяток лет жизни...

Он благодарил Судьбу за дарованную ему возможность творчества, за друзей, учеников, за любовь близких. И ему воздалось.

Его светлый ум ни на минуту не угасал. Он уходил из жизни с книгой в руках – в госписе перед его постелью стояла полка с книгами...

Но наступил день, 20 августа 2002 года, когда его сердце перестало биться. Дочь со слезами в голосе попросила нас не плакать – он ушёл спокойно, без страданий...

Эпитафией ему на памятнике Байкового кладбища в Киеве могло бы быть название любимой из написанных им книг: *«Сделал всё, что мог»*. Рядом памятники отца – Якова Анатольевича, матери – Марии Исааковны, брата Анатолия, погибшего во время войны...

Оценка масштаба его личности недоступна даже близким ему людям нашего поколения. Меняя строки Пастернака, можно сказать, что «целью его творчества была самоотдача», но он стремился и к «достижениям, и к успеху».

Нам не дано разобраться до конца в его «работе, поисках пути, сердечной смуте».

«Трава забвенья», о которой он так хорошо написал,

не вырастет на его могиле.

«Другие по живому следу» попытаются пройти его путь.

Новые учёные продолжат начатые им исследования.
Наши дети и внуки прочтут новые издания его научно-художественных книг.

Наша же задача — успеть, как можно больше рассказать о нём. В любом случае это окажется только долей правды.

Мемориальная доска

Семен Резник

Академик Парин и Дело КР

От автора

1975 году, во время моей недолгой работы в редакции журнала «Природа», мне довелось готовить к печати подборку материалов об академике В.В. Парине. Я познакомился с его вдовой Ниной Дмитриевной и их младшим сыном Алексеем Васильевичем, который жил вместе с матерью в большом академическом доме на Беговой улице. В ходе наших контактов Нина Дмитриевна предложила мне написать книгу о В.В. Парине, обещая всемерную помощь.

У меня это предложение вызвало сложное отношение. Из того немногого, что я успел узнать о Василии Васильевиче, сложилось о нем благоприятное впечатление: не только как о выдающемся ученом-физиологе и организаторе науки, но и как об очень симпатичном, обаятельном человеке, который за жизнь никому не причинил зла, зато очень многим помог словом и делом. Десятки ученых считали себя «состоявшимися» в науке благодаря В.В. Парину.

Однако я тогда работал над биографией о В.О. Ковалевском, которой требовалось отдать еще несколько лет, так что в ближайшее время книгой о Парине я заняться не мог. Смущало и то, что с академиком Париним я встречался всего два раза по вполне официальному поводу (брал, а потом визировал короткое интервью для «Комсомольской правды»); между тем, были писатели, которые общались с ним регулярно в течение многих лет – им бы и карты в руки.

Но Нина Дмитриевна твердо сказала, что с другими иметь дело не хочет. Она знает мои книги о Вавилове и

Мечникове и хотела бы, чтобы книгу о Парине написал я.

Я продолжал изредка бывать у Париных, беседовать, знакомиться с материалами, но ко времени завершения книги о Ковалевском мои литературные интересы значительно изменились. Я углубился в практически запретную тему российского антисемитизма, взялся за исторический роман о кровавом навете (Велижское дело), собирал материал для другого романа – о Кишиневском погроме. Однако надежды на публикацию этих произведений почти не было, никакой штатной должности после ухода из «Природы» я не занимал, зарплаты не получал, ранее полученные гонорары быстро таяли. Надо было браться за нечто более надежное.

А Нина Дмитриевна Парина оказалась очень деликатной, но настойчивой женщиной. И, в конце концов, я понял, что пути к отступлению отрезаны.

Заключив договор с издательством «Знание», я приступил к работе. Но так как большую часть времени и душевных сил у меня занимали писавшиеся «в стол» исторические романы, то книгу о Парине я, вероятно, так бы и не написал, если бы не настойчивость Нины Дмитриевны. Время от времени у меня раздавался телефонный звонок, и я слышал ее вежливый, но твердый голос:

– Семен Ефимович! Я договорилась с профессором Шиком, он будет ждать вас завтра в три часа дня у себя в институте. Вам это время подходит? Если нет, я договарюсь на другое время.

И я ехал беседовать с профессором Шиком. И с профессором Конради. И с академиком Черниговским. И с профессором Меерсоном. И с академиком Неговским. И с академиком Газенко. И с космонавтом Борисом Егоровым... Я познакомился со многими сослуживцами и учениками Парина, с друзьями его семьи, с его личным шофером, с его сокамерником, для встречи с которым ездил во Владимир; тот, в свою очередь, познакомил меня с тюремным врачом, которая оказывала Парину медицинскую помощь... У каждого из моих собеседников было что рассказать о Василии Васильевиче. Книгу я решил построить в основном как переключку голосов его сослуживцев, знакомых, друзей,

так, чтобы мой собственный голос звучал в ней как можно реже и приглушеннее.

Обязательные для биографии сведения – об основных датах жизни, о научных званиях, высоких постах и служебных перемещениях, другие данные справочного характера выносились мною в подзаголовки каждой главы, с тем, чтобы затем уже на это не отвлекаться. В центре внимания была личность Парина, его взаимоотношения с людьми, стиль работы, душевное состояние, поведение в разных обстоятельствах и в разные периоды жизни.

Наиболее последовательно этот прием выдержан в главе, которая в книгу не вошла по, увы, не зависевшим от автора обстоятельствам.

Когда я сдал рукопись в издательство, и ее прочитала редактор, с которой у меня были добрые, доверительные отношения, то она на меня глубоко и искренне обиделась.

– Семен, зачем вы это принесли? Вы же знаете, что это печатать нельзя.

Она смотрела на меня светлыми, широко распахнутыми глазами, полными недоумения и укоризны. По своему она была права: на всякое упоминание в печати о сталинских репрессиях давно уже было наложено табу. Я почувствовал себя ужасно виноватым, словно нашкодивший школьник, которого поймали с поличным и привели к директору. Пробормотав что-то невразумительное, я забрал рукопись.

Пришлось вынуть крамольную главу, немного поколдовать над зияющей пропастью протяженностью в восемь лет жизни моего героя и скорректировать титульный лист. Вместо названия «Лицом к человеку: В. В. Парин» я поставил «Лицом к человеку: Подступы к биографии В.В. Парина», давал этим понять, что в книге рассказано не все, что автор считал бы нужным рассказать. Так она и вышла в 1981 году.

Через год я покидал страну и пришел к Париным попрощаться.

Расстались мы сердечно. Нина Дмитриевна попросила меня о «личном одолжении», как она выразилась:

не публиковать на Западе крамольную главу. Она добивалась учреждения стипендии имени В.В. Парина, и «антисоветская» публикация о нем в «тамиздате» могла бы этому помешать. Я, разумеется, обещал, тем более, что и без всякой просьбы публиковать эту главу не собирался. В ней приводились свидетельства многих людей, все они были живы, злоупотребить их доверием и причинять им неприятности я не мог.

Уезжая из страны, я раздал свои рукописи друзьям, а кому что, – прочно забыл. После падения советской власти у меня не раз возникала мысль о том, что та «крамольная» глава может быть интересна читателям, а повредить уже никому и ничему не может. Но рукописи у меня не было, я понятия не имел, где она, сохранилась ли вообще. Только недавно выяснилось, что рукопись сберег мой школьный товарищ Александр Клейнерман. Ему моя глубокая благодарность и низкий поклон.

В перестроечные и последующие годы, появился ряд содержательных публикаций о В.В.Парине и о так называемом «деле КР», с которым связаны трагические страницы его жизни. Теперь можно заглянуть за кулисы событий, о которых мне по памяти рассказывали свидетели тех тяжких лет, друзья и ученики Парина. Фондом Александра Яковлева опубликовано "Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюевой и Роскина" от 16 июля 1947 г., в то время строго секретное¹. То, как возникло и разворачивалось дело КР, детально прослежено по архивным документам в двух книгах В.Д. Есакова и Е.С. Левиной².

Сопоставив свой текст тридцатилетней давности с этими и другими материалами, я увидел, что кое-что в нем следует уточнить и дополнить. Но это надо было сделать

---

¹ <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69339>

² В.Д. Есаков, Е.С.Левина. Дело КР. Суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма, М., ИРИ РАН, 2001. В.Д.Есаков, Е.С.Левина. Сталинские “суды чести”. Дело КР, М., «Наука», 2005. Должен также указать на обстоятельную статью Е.С.Левиной в журнале «Вопросы истории естествознания и техники», 2000, № 1.

так, чтобы не заглушить живые голоса моих собеседников. Поэтому, не меняя ничего в тексте тридцатилетней давности, я вклинил в него в него пояснения. Все они набраны мелким курсивом и отделены от основного текста, да и сильно отличаются от него по стилю, нося в основном характер сухих деловых справок.

И, наконец, поскольку публикуемая глава – это фрагмент биографии Парина, пришлось обрмить его вступлением и заключением, дабы придать публикации законченность. Я постарался сделать это обрамление предельно коротким.

С.Р.

Вступление

Василий Васильевич Парин родился в 1903 году в Казани в семье профессора хирургии Василия Николаевича Парина, который и стал его первым учителем. В 1920 году Василий-младший поступил на медицинский факультет Казанского университета, но через год семья переехала в Пермь, и Парин перевелся в Пермский университет. Отец требовал, чтобы сын пошел по его стопам, то есть стал хирургом, но Парина-младшего увлекла физиология. В 1925 году, с дипломом врача, он возвратился в Казань и поступил в аспирантуру по кафедре физиологии, которой руководил крупный ученый А.Ф. Самойлов. По окончании аспирантуры Парин вернулся в Пермь, где стал доцентом (затем и.о. профессора) и заведующим кафедрой физиологии Пермского пединститута. Здесь он выполнил ряд пионерских работ по физиологии кровообращения. В 1933 году Парина откомандировали в Свердловск, в только что основанный медицинский институт. Его назначают заведующим кафедрой нормальной физиологии и деканом лечебного факультета. Через год он заместитель директора, а в 1940 году – директор.

Несмотря на растущий объем административных обязанностей, он продолжает научную работу, закладывает основы своей научной школы, защищает докторскую диссертацию, становится ведущим в стране специалистом по физиологии сердечной деятельности и кровообращения. Немалая часть заслуги в этом принадлежала его жене –

ассистенту кафедры. Она готовила к экспериментам подопытных животных, и в нужный момент, независимо от срочности дел, которыми он был занят, или важности совещании, в котором участвовал, она решительно распахивала дверь и громким, строго официальным тоном, говорила:

– Василий Васильевич, кошка готова, надо начинать опыт!

Парин извинялся и, на ходу надевая халат, спешил в лабораторию.

(Надо сказать, что будучи заядлым охотником, он обожал собак, поэтому ни он сам, ни его сотрудники никогда не проводили острых опытов на собаках, а только на кошках или кроликах).

В 1941 году он стал директором и заведующим кафедрой Первого московского мединститута, крупнейшего в стране. Вспыхивает война, враг подходит к Москве. На плечи Парина ложится срочная эвакуация огромного института в Уфу, а затем его возвращение в Москву – все это при продолжении учебного процесса. В 1942 году, Парин, оставаясь директором и зав. кафедрой мединститута, становится заместителем наркома здравоохранения по науке, возглавляет работу по перестройке и переориентации медицинского образования и медицинской науки всей страны на нужды войны.

В 1944 году создается Академия Медицинских наук, Парина избирают ее академиком-секретарем. Президентом АМН становится академик Николай Нилович Бурденко (1876-1946), к тому времени уже очень пожилой и часто болевший, так что основная организационная работа ложится на Парина.

Эта впечатляющая карьера внезапно обрывается арестом...

Глава VI

Биографическая справка

В 1946 г. В.В. Парин командирован во главе группы ученых-медиков в США «в порядке ответного визита на посещение СССР группой американских ученых и для дальнейшего продолжения взаимного

обмена научной медицинской информацией».

В феврале 1947 г. Парин вернулся из-за границы, через две недели арестован как американский шпион. Осужден на 25 лет тюремного заключения.

1953 г., октябрь – освобожден из заключения.

1955 г., апрель – полностью реабилитирован.

Академик Федор Григорьевич Кротков:

Я хорошо знал В.В. Парина по министерству здравоохранения и по Академии Медицинских Наук. Я очень любил и уважал его, видел в нем крупного ученого, крупного организатора науки и высокообразованного человека. Он умел без выкриков, грубости, нервозности заставить самых разных людей работать с полной отдачей сил. После ареста В.В. его сменил на посту академика-секретаря Семен Александрович Саркисов. Он был полной противоположностью Парину. Постоянно нервничал, давил, со всеми ругался, но толку от всего этого было мало. А вернулся на пост академика-секретаря Парин, и все сразу стало спокойно, деловито.

Противораковый препарат КР, наделавший в свое время столько шума и сыгравший роковую роль в судьбе Василия Васильевича Парина, был изобретен членом-корреспондентом Академии Медицинских Наук Ниной Григорьевной Ключевой и ее мужем профессором Иосифом Григорьевичем Роскиным.

Я хорошо помню первый доклад Нины Григорьевны об этом препарате на президиуме медицинской академии. Я вынес тогда тяжелое впечатление. Нина Григорьевна утверждала, что препарат имеет противораковое действие. В подтверждение она приводила данные экспериментов и клинических обследований. Однако данные были недоказательны, ибо все излеченные животные имели привитой экспериментальный рак, а было известно, что привитой рак нередко вылечивается без медикаментозного вмешательства. Что же касается клиники, то не было уверенности, что излеченные люди действительно болели раком. Президиум вынес осторожное и единственно разумное решение: опыты продолжать, но до получения более убедительных доказательств в клинику препарат не

вводить.

Вскоре после этого я уехал в США во главе делегации, участвовавшей в работе по выработке устава Всемирной Организации Здравоохранения. Я подписал от имени советского правительства Акт о создании ВОЗ³. Дело было непростое, а я не был искушен в дипломатических тонкостях и постоянно консультировался с А.А. Громыко, который был тогда постоянным представителем СССР в ООН. Однажды Громыко показал мне письмо от Элеоноры Рузвельт. Она писала, что у одного из близких сотрудников покойного президента Рузвельта обнаружен рак, что она слышала, будто в СССР создан противораковый препарат, и что она просит Советское правительство выдать этот препарат для сотрудника ее покойного мужа.

– Что ответить? – спросил меня Громыко.

Я сказал ему, что Президиум медицинской академии изучал этот вопрос и пришел к выводу, что препарат не готов и применять его в клинике пока невозможно.

– Что же написать госпоже Рузвельт?

Я ответил, что так и следует написать: препарат действительно создан, но его эффективность медицинская академия считает пока недоказанной и применять в клинике не рекомендует.

Я не подозревал, что как только вернусь в Москву, сразу же попаду на разборательство, связанное с этим злополучным препаратом КР. Оказалось, что после не имевшего успеха доклада на Президиуме академии Ключева написала письмо Сталину, в котором утверждала, что открыла средство против рака, что это великое завоевание советской науки, а президиум АМН не поддерживает ее, относится формально, бюрократически. Сталин был в большом гневе. Он создал комиссию в составе: А.А. Жданов, К.Е. Ворошилов и, кажется, А.А. Кузнецов.

Первым был вызван я. Не пожелав вникнуть в суть дела, Жданов тотчас накинулся на меня:

– Вы отвечаете за внедрение новых медицинских препаратов?

---

³ Акт о создании ВОЗ был подписан в Нью-Йорке в июле 1946 г.

– Не я.

– Все равно, вы – бюрократы! Вам предложили великое открытие, спасающее людей от рака, а Вы равнодушно прошли мимо, не поддержали советских ученых, не заботитесь о нашем научном первенстве.

Я пытался объяснить, что все это совсем не так, что академия тщательно рассмотрела, рекомендовала продолжать исследования, но от внедрения в практику пока решила воздержаться. Но Жданов был настроен очень агрессивно. Он перебивал меня и ничего не хотел слушать. Было ясно, что комиссия уже имеет свое мнение и не изменит его, ибо хорошо знает, какого мнения от нее ждут. На комиссию приглашали президента АМН, вице-президента, академика-секретаря Парина. Наша точка зрения была общая, но комиссия, вопреки ей, дала заключение:

1. Создать для Клюевой и Роскина лабораторию.
2. Опубликовать об их открытии в «Правде» и «Известиях».
3. Срочно опубликовать их монографию⁴.

Клюева обратилась ко мне с просьбой написать предисловие к монографии. Я отказался, заявив, что я не являюсь специалистом-онкологом. Она обращалась затем к онкологам, но все отказались. Книга вышла без предисловия, но была сильно разрекламирована. Ключеву выбрали в Верховный Совет.

Вскоре после меня в США отправилась делегация советских ученых во главе с Василием Васильевичем Париным. Это был ответный визит наших ученых, ибо перед тем в СССР была группа американских медиков, которые, между прочим, познакомили наших специалистов с технологией изготовления стрептомицина. Накануне отъезда Василия Васильевича я был у него вместе с женой. Он в Америку ехал впервые, и я счел нужным кое о чем его предупредить.

– Вас ожидает очень хорошая радушная встреча, –

---

⁴ Ключева Н.Г., Роскин И.Г. Биотерапия злокачественных опухолей. М., 1946.

говорил я ему, – Отели в Америке очень дорогие, поэтому ученые будут предлагать остановиться у них дома. Но вы на это не соглашайтесь, потому что это не принято. Если за что-то будут предлагать деньги, вы тоже их не берите.

К сожалению, Василий Васильевич этими советами пренебрег.

Когда Роберт Лесли – председатель советско-американской медицинской ассоциации – предложил ему жить у него в пустой квартире (семья уехала на отдых), Василий Васильевич согласился. Кроме того, за прочитанные лекции ему там выплатили какую-то сумму денег. Все это потом обернулось против него.

Ф.Г. Кротков (1896-1984) – один из основоположников военной и радиационной гигиены. В годы Второй мировой войны был руководителем гигиенической службы Советской армии, затем заместителем министра здравоохранения, членом президиума Академии медицинских наук.

С.А. Саркисов (1895-1971) – академик АМН, нейроморфолог и нейрофизиолог, директор института мозга. Помимо научной деятельности был известен как активный борец против «извращений буржуазной науки». Стал академиком-секретарем АМН после ареста В.В.Парина.

*Н.Г. Клюева (1898–1971) – член-корреспондент АМН, микробиолог и иммунолог. И.Г. Роскин (1892–1964) – профессор МГУ, протозоолог и цитолог. С начала 1930-х годов Роскин изучал воздействие токсинов, выделяемых микробом *Trypanosoma cruzi*, на раковые клетки и получил интересные результаты. После знакомства с Клюевой в 1939 года началась их совместная работа над созданием противоракового препарата КР (круцин). Работа прервалась с началом войны и была возобновлена в 1944 г. К 1946 году, по мнению исследователей, появились реальные надежды на создание лекарства против рака, но для этого требовалось значительно увеличить масштаб работы, что в то время было невозможно без серьезной государственной поддержки.*

Согласно архивным исследованиям В.Д. Есакова и

Е.Л.Левиной, письмо, о котором говорит Ф.Г.Кротков, было адресовано не Сталину, а А.А. Жданову, причем автором его были не сами создатели препарата КР, а их близкий знакомый В.Н. Викторов. В 1930-е, когда Жданов был секретарем Нижегородского крайкома партии, Викторов имел с ним контакты, так как возглавлял губздравотдел. Жданов доложил о его письме Сталину, после чего все делалось по личным указаниям и под контролем вождя. В комиссию, созданную по указанию Сталина, входили А.А.Жданов, К.Е. Ворошилов, И. Ягодкин (представитель Комиссии партийного контроля ЦК партии), А.П. Волков (сотрудник Министерства госбезопасности). Впрочем, последние двое, похоже, лишь молча присутствовали при этом «расследовании», из-за чего Ф.Г. Кротков их не запомнил.

Доктор Роберт Лесли был распорядительным директором Американо-Советского медицинского общества. Вместе с председателем этого общества Стюартом Маддом он летом 1946 года был в СССР. Они встречались с руководством АМН, посещали лабораторию Н.Г.Клюевой и Г.И. Роскина. Их интерес к «препарату КР» был подогрев сенсационными сообщениями советской, а затем и американской прессы.

Журналистка Анна Михайловна Григорьева:

Я начинала журналистскую работу в конце 20-х годов, работала с Ильфом, помню, мы обрабатывали вместе письма читателей. Потом я работала в «Комсомольской правде». Когда арестовали первого секретаря ЦК ВЛКСМ Косарева⁵, я думала: «может быть, я не все знаю, в душу ведь человеку не влезешь, держался он всегда как честный советский человек, но кто знает, что там у него внутри». Но вот стали брать ребят из газеты, которых я хорошо знала много лет. В одной комнате сидели, о чем только ни говорили и ни спорили. Арестовали одного, другого, среди

---

⁵ Косарев, Александр Васильевич (1903-1939) – Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, снят с поста в ноябре 1938 г., арестован 1 декабря, расстрелян 23 февраля 1939 г. Посмертно реабилитирован.

них парня, который был куда правовернее как комсомолец и коммунист меня самой. Я стала думать: «если таких людей берут, то в любой момент могут придти и за мной».

Брали обычно дома по вечерам или на работе утром. И вот идешь домой, звонишь в дверь и думаешь: «Ну, кто сегодня откроет, свои или – *они*? Ага, свои, значит сегодня не возьмут, можно ложиться спать». (Из редакции обычно возвращались глубокой ночью). А утром приходишь на работу и первым делом оглядываешь комнату – не ждут ли люди *оттуда*. Нет, не ждут, значит, сегодня уже не придут можно спокойно работать. Вот так и жили. Меня не арестовали, но из газеты пришлось уйти. Куда идти не знаю, а тут встречаю знакомого: иди к нам в ТАСС. Так я стала работать в ТАСС. В мою обязанность входило освещать все самое важное и новое в советской медицинской науке. Поэтому я держала постоянную связь с Париным, когда он работал еще в наркомате и с первого дня основания АМН.

Контакт с Париным у меня был хороший, как и со всей академией. Сейчас академия насчитывает уже большую историю, недавно была 39-я сессия. Меня кто-то спросил: «Сколько же сессий вы, Анна Михайловна, посетили?», а я ответила: «Для меня это сороковая сессия, потому что я присутствовала еще на самой первой, учредительной, которая не вошла в счет официальных сессий».

Николай Николаевич Блохин⁶ имел обыкновение шутить:

– Ну вот, Анна Михайловна пришла, можно открывать заседание.

Это потому, что я присутствовала на всех заседаниях Президиума – более исправно, чем иные члены президиума.

Однако наиболее тесный контакт у меня был с Василием Васильевичем Париным, во-первых, потому что он был академиком-секретарем, а, во-вторых, из-за его некоторых личных качеств, облегчавших общение с ним. Какой бы пост он ни занимал, у него не было никогда желания подчеркнуть свое превосходство, блеснуть своими

---

⁶ Блохин Н.Н. (1912-1993) – академик, президент АМН СССР с 1960 по 1968 и с 1977 по 1987 г., онколог.

знаниями. Он всегда был прост и предельно деловит, люди к нему приходили с открытой душой, он к каждому был внимателен, предупредителен, держался как равный с равным, как товарищ по работе. У людей, достигших высокого положения в науке, мы нередко замечаем эдакое самодовольное барство. У Парина ничего этого не было не только потому, что он, как высокоинтеллигентный человек, умел держать себя с людьми, но этого просто не было в его натуре. Я хорошо помню одно из открытых заседаний Президиума, на котором делала доклад Клюева. Кроме меня из журналистов на нем присутствовал Финн из «Известий»⁷ и еще кто-то. Когда доклад был закончен, я сказала коллегам, что, вероятно, эта информация секретная, надо получить разрешение, прежде чем ее печатать. Но Финн на это сказал:

– Я ничего не знаю, официального запрета не было, поэтому все, о чем слышал, завтра будет в газете.

Сразу после доклада мы подошли к Клюевой и попросили дать разъяснения, необходимые для широкой печати. Но она сослалась на усталость и переадресовала нас к профессору Льву Григорьевичу Веберу, который очень охотно и подробно нам все разъяснил. Это заседание было 13 марта 1946 г.

Я дала по ТАССу очень сдержанную информацию, а Финн выступил в «Известиях». Потом появился большой материал Финна в «Огоньке» с фотографиями Клюевой и Роскина. К Клюевой и Роскину нахлынули иностранные корреспонденты, все это было очень необычно по тому времени. Этот материал привлек внимание американского посла Смита. Клюева звонила министру здравоохранения Митереву: как быть с послом Смитом, принимать его или нет? Митерев в раздражении нагрубил ей, но ни да, ни нет не сказал, то есть не запретил принять посла и все ему показать. Это было осенью 1946 года.

Директор института эпидемиологии им. И.И.

---

⁷ Финн Константин Яковлевич (1904-1975) – прозаик, драматург, журналист. В годы войны и несколько лет после войны был корреспондентом «Известий».

Мечникова профессор Л.Г. Вебер (1901-1968) претендовал на соавторство препарата КР – на том основании, что работа проводилась в «его» институте. Он широко рекламировал препарат как свое детище, из-за чего между ним и Ключевой-Роскиным произошел конфликт. Разбирательством занимался президиум АМН, в том числе В.В. Парин. Президиум отверг притязания Вебера и принял решение перевести лабораторию Н.Г. Ключевой в Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных заболеваний, который возглавлял В.Д. Тимаков. Позднее Вебер отрицал свою причастность к рекламированию препарата, в связи с чем журналисты подали коллективную докладную записку в ЦК ВКП(б), в которой говорилось: «информация, впервые помещенная газетами и переданная ТАСС за границу, была получена именно от проф. Вебера»⁸.

Посол Уолтер Смит, сменивший в 1946 г. А. Гарримана, заинтересовался препаратом КР в связи с запросами от больных раком и их родственников, которые, в свою очередь, узнали о чудо-лекарстве из сообщений прессы. Посол обратился в Академию медицинских наук, где его принял вице-президент академии А.И.Абрикосов (президент Н.Н. Бурденко был болен), который при нем позвонил И.Г. Роскину и попросил принять посла у себя дома. Так как Роскин и Ключева «жили очень скромно» (видимо, имели комнату в коммунальной квартире), то Роскин, несколько замявшись, предложил послу приехать к ним в институт. Беседа проходила в кабинете директора института В.Д.Тимакова, в его присутствии. Послу объяснили, что лекарства, пригодного для широкого применения в клинике, пока нет, требуются еще долгие исследования. После этого посещения было заключено соглашение между министерством здравоохранения СССР и американским посольством об объединении усилий двух стран по дальнейшей разработке противоракового препарата КР. Американская сторона обязалась предоставить новейшее оборудование не только для

---

⁸ Цит. по: Е.С.Левина. «“Круцин” имеет свою судьбу...» ВИАИТ, 2000, № 1.

лаборатории Ключевой, но и для других лабораторий, а советская – раскрыть технологию изготовления КР. Указывалось, что дальнейшие разработки по усовершенствованию препарата будут считаться совместными. Ключева и Роскин не участвовали в составлении соглашения, а, ознакомившись с ним, сочли, что оно недостаточно защищает их приоритет, и визировать его отказались. Соглашение было предварительным и осуществлено не было.

Профессор Феликс Залманович Меерсон:

Издавна было известно, что яды некоторых микроорганизмов подавляют развитие злокачественных опухолей у экспериментальных животных, но, к сожалению, не действуют на опухоли человека. Этой проблемой занимался, в частности, профессор гистологии МГУ И.Г. Роскин. Он выполнил большое число экспериментальных исследований о действии на опухоли мышей трипаносом.

Н.Г. Ключева, энергичная молодая женщина, подвизавшаяся на ниве медицины и биологии и обладавшая способностью присасываться к перспективным ученым (в свое время она была замужем за Зильбером), сделала ставку на Роскина. Так появился препарат КР, якобы спасающий от рака.

Когда Ключева получила средства на широкий эксперимент, она пришла к Парину, как академику-секретарю, чтобы согласовать программу работ. Ключева и Роскин наметили широкий эксперимент на коровах.

– Коровы? – сказал Парин. – Боюсь, что у вас не получится ясных результатов, потому что взрослые животные имеют стойкий иммунитет ко многим микробным ядам. Я вам советую использовать молодняк, лучше всего новорожденных телят, у них еще нет иммунитета.

Ключева и Роскин пришли в восторг от этой мысли и предложили Парину быть их соавтором, рассчитывая, очевидно, привлечь его таким образом на свою сторону и навсегда заручиться поддержкой академика. Парин ответил, что готов им помогать, это его обязанность академика-секретаря, но соавтором он быть не может, ибо не имеет никакого отношения к их экспериментальной работе.

- Но вы же подали нам такую прекрасную идею.
- Это только моя прямая обязанность академика-секретаря.

Еще до поездки Парина в США была опубликована обстоятельная монография Клюевой и Роскина, а их статья, которую он взял с собой, отражала лишь очередной этап их работы и была завизирована наркомом здравоохранения Митеревым.

Федор Григорьевич Кротков:

Парин поехал в Америку с книгой Клюевой и Роскина, с их препаратом, чтобы организовать испытание его в американских лабораториях.

Анна Михайловна Григорьева:

Перед отъездом Парина в Америку Митерев велел ему взять с собой рукопись Клюевой и Роскина, рукопись эта уже была в типографии и готовилась к печати, чтобы закрепить их приоритет. Но потом Митерев отрекся от этого, и Парин оказался «американским шпионом», продавшим секрет за авторучку.

Ф.З. Меерсон (1926-2010) – патофизиолог, один из ближайших и наиболее плодотворных сотрудников В.В. Парина. В середине 1990-х гг. эмигрировал в США, где и умер. Характеристика, какую он дал Н.Г. Клюевой, нельзя считать справедливой. Она скорее отражает ту душевную боль, какую он испытывал за несчастья, выпавшие на долю В.В.Парина, в чем он частично винил Клеову. Н.Г. Клеова стала крупным ученым-микробиологом задолго до встречи с И.Г. Роскиным. В начале 1930-х годов она работала совместно с Л.А. Зильбером, который был женат на З.В. Ермольевой (первой в СССР получила пенициллин), а не на Клюевой. Кстати, ее брак с Роскиным не был зарегистрирован, так как у него была психически больная жена, с которой он, по моральным соображениям, не считал возможным развестись⁹.

Похоже, что позднее Меерсон более объективно оценивал происшедшее с В.В. Париним. В 1988 г. он писал:

---

⁹В.Д. Есаков, Е.С. Левина. Сталинские «суды чести». Дело «КР», М., «Наука», 2005, стр. 145.

«Теперь, оценивая этот эпизод в историческом ракурсе, мы понимаем, что... в то время Сталин решил заморозить общение с Западом, восстановить атмосферу 37-38 гг. “Дело Парина” было одной из политических акций, направленных к этой цели, что подтверждает, в частности, пропагандистский бум, поднятый вокруг него по личному указанию Сталина»¹⁰.

Феликс Залманович Меерсон:

После возвращения из Америки у него сразу умер отец, он съездил в Пермь на похороны, вернулся и вдруг получил вызов на Политбюро.

Шофер Григорий Фаддеевич Башихес:

Я родом из Минска. В первые дни войны был призван в армию. Наша часть попала в окружение, я ушел в лес и воевал в партизанском отряде. Войну закончил на территории Польше в 1944 году, после соединения нашего отряда с наступавшей Красной армией. К дальнейшему прохождению службы я был признан негодным по состоянию здоровья.

В Минске и вообще в Белоруссии все мои родные были уничтожены гитлеровцами, которые, как известно, не щадили мирное население, а евреев уничтожали поголовно. Я приехал в Москву и вскоре устроился работать заведующим гаражом только что созданной Академии Медицинских наук. Мы получили первые три машины – американские «Виллисы», но шоферов не было, поэтому я сам сел за руль машины академика-секретаря. С утра мы обычно ехали в мединститут, где Василий Васильевич заведовал кафедрой, а во второй половине дня я вез его в Академию. Конечно, приходилось возить его на заседания в самые разные учреждения. Приходилось бывать и в Кремле, куда мы имели специальный пропуск. Иногда по выходным дням я возил Василия Васильевича загород – на охоту или рыбалку. Он в то время был еще молод, работящ. Со всеми был ровен и деликатен – от высокопоставленных лиц до вахтеров и уборщиц.

---

¹⁰ Меерсон Ф.З. «Наш коллега В.В. Парин. Глава из истории отечественной физиологии. «Природа», 1988, № 12, стр. 89-90.

Помню тот роковой день, когда В.В. Парина вызвали на заседание Политбюро, на котором его обвинили, что он выдал американцам секрет лечения рака, хотя, секрет этот не обнаружен до сих пор. Я отвез его в Кремль часов в 10 вечера и стоял у подъезда часов до двух или трех ночи. Я был совершенно один, ибо порядок был такой, что машины членов политбюро стояли отдельно, а приглашенных отдельно. Кругом не было ни одного человека, однако когда я вышел из машины и направился в кусты по нужде, передо мной неожиданно, словно из-под земли, вырос часовой, который очень грубо заставил меня снова сесть в машину.

Федор Григорьевич Кротков:

Меня на заседание Политбюро не вызывали, но там был наш министр Митерев. Он рассказывал мне, что Сталин обращался к Василию Васильевичу: «господин Парин», и из этого было видно, что его арестуют.

– Господин Парин, зачем вы повезли препарат КР, это наша гордость?

Ответа он не слушал.

Все обратилось против Василия Васильевича.

– Господин Парин, – спросил его Сталин, – почему вы жили у частных лиц, за какие заслуги они вас приютили?

Парин пытался объяснить, но его не слушали.

– А за что вы получали деньги?

– Я не получал.

– Но вот у нас счет. Вам было выдано столько-то долларов. По какому праву вы передали американцам препарат КР?

И тут же с заседания Политбюро его увели. Так мне рассказывал Митерев.

Парин вернулся из США в первых числах февраля 1947 года, когда расследование его «шпионской деятельности» уже было в полном разгаре. Жданов вызвал его «на ковер» 3 февраля. На предъявленные ему показания Георгия Андреевича Митерева (1900-1977) о том, будто тот запретил предоставлять американцам информацию о КР, Парин сказал: «Это неверно. Я не мог рискнуть, так как у меня одна голова, а не две». Затем он изложил свои

объяснения письменно. Согласно его объяснительной записке, обнаруженной в архиве, он, по указанию министра здравоохранения Митерева, взял с собой в США еще не опубликованную, но уже готовившуюся к печати в Москве монографию Ключевой и Роскина и образцы их препарата (10 ампул). (Препарат КР был неустойчив и в течение 10 дней терял свои свойства).

Накануне отъезда Парин имел беседу с сотрудником министерства иностранных дел Г.Н.Зарубиным, и от него совершенно случайно услышал, что якобы имеется решение засекретить все, что связано с препаратом КР. Он тотчас зашел к Митереву, чтобы уяснить ситуацию. Тот сказал, что американцам следует передать препарат и рукопись монографии, изъяв из нее только главу о технологии изготовления препарата. Тем не менее, уже в США, Парин обратился к В.М. Молотову, который был в Нью-Йорке, где возглавлял советскую делегацию на сессии генеральной ассамблеи ООН. 7 ноября 1946 г., по случаю годовщины «Великого Октября», Молотов устроил широкой прием, во время которого Парин смог с ним поговорить. Молотов обещал прояснить вопрос и направил в Москву шифрограмму Сталину, Жданову, Ворошилову и другим руководителям. Через две недели, после поездки по ряду городов США, Парин вернулся в Нью-Йорк и узнал, что его разыскивает старший помощник министра иностранных дел (то есть Молотова) Борис Федорович Подцероб. Когда они встретились, Подцероб прочел Парину по бумажке примерно следующий текст: «разрешено передать рукопись без главы о технологии, при условии перепечатки на машинке, и вакцину, указать, что срок ее годности кончился». Получив такое указание, Парин уехал в Вашингтон, где было запланировано его выступление в Хирургическом обществе. В ходе этого доклада он передал американским коллегам рукопись монографии Ключевой и Роскина (без главы о технологии) и ампулы с препаратом. На следующий день ему позвонил сотрудник советского консульства Л.Н. Федоров и спросил, передал ли он рукопись и ампулы. Получив утвердительный ответ, он сказал:

«Жаль, тут получена обратная команда!»¹¹

Понятно, что правдивость показаний Парина легко было проверить, опросив сотрудников министерства иностранных дел: Г.Н. Зарубина, Б.Ф. Подцероба и Л.Н. Федорова. Ни один из них допрошен не был. Жданов знал, что Сталину нужна не истина, а козел отпущения, и действовал соответственно.

Заседание политбюро, о котором говорит Кротков, происходило в ночь с 17 на 18 февраля. Парина арестовали не на самом заседании Политбюро, а через час после возвращения домой с этого заседания.

Феликс Залманович Меерсон:

Насколько я помню со слов Василия Васильевича, а рассказывал он мне об этом неоднократно, на заседании присутствовали все члены Политбюро, Митерев, Клюева, Роскин, Парин, Руденко.

Все сидели за столом заседаний, один Сталин, по своему обыкновению, расхаживал по залу вокруг стола. Парину предъявили обвинение, что он по собственной инициативе вывез за границу и отдал в печать секретную статью Клюевой и Роскина. Василий Васильевич отвечал, что имел на это официальное предписание Митерева. Само предписание отсутствовало, однако сохранилась его копия с заделанной на машинке, но не завизированной подписью Митерева. Митерев трясся и бледнел.

– Что вы, товарищ Сталин, да я... никогда, чтобы я... Товарищ Сталин, я никогда...

На вопрос о том, что она думает обо всем этом, Клюева сказала:

– Я полагаю, что Парин – честный человек. Мы предлагали ему соавторство, он отказался, но во всем нам помогал.

– А скажите-ка, господин Парин, – спросил неожиданно Сталин, – почему вас совершенно бесплатно возили по всей Америке?

– По вашему указанию, товарищ Сталин...

---

¹¹ Полный текст объяснительной записки В.В. Парина А.А.Жданову приведен в: Есаков, Левина, Ук. соч., стр. 94-96.

– Что? По моему указанию?!

– По вашему указанию точно так же мы принимали делегацию американских ученых. Ко мне они отнеслись так в порядке взаимности.

– И даже подарили вам золотую авторучку?!

Вновь выплыла неподписанная копия предписания, вновь скулил и чуть ли не валялся в ногах Митерев. А Парин все время держался с достоинством, хотя и понимал, что решается его судьба.

Возможно, что такое поведение Парина сыграло не последнюю роль в решении его участи, ибо тиран не терпел людей, державшихся независимо и с достоинством. Лакейское поведение Митерева ему больше импонировало. Не потому ли Митерев был снят с поста министра, а потом судим «судом чести», но оставлен на свободе, тогда как Парин получил 25 лет строгого режима.

Полный состав присутствовавших на заседании Политбюро в архивных документах не обнаружен. Р.А. Руденко в то время был генеральным прокурором Украины, его участие в заседании представляется маловероятным. Несомненно присутствие Сталина, Жданова, Ворошилова, Молотова и ряда других членов Политбюро. Из вызванных на ковер были Парин, Митерев, Клюева и Роскин.

Профессор Георгий Павлович Конради:

Парин рассказывал мне, что когда он был в Америке, там находился и Молотов – на сессии генеральной ассамблеи ООН. Прежде чем выступить с докладом о препарате КР, Василий Васильевич еще раз посоветовался с Молотовым, и тот дал добро, а на следующий день, после доклада, ему сказали, что этого не надо было делать. На Политбюро Молотов подтвердил, что доклад о КР был с ним согласован. Он сказал также, что при обследовании Министерства здравоохранения не обнаружено ничего преступного в деятельности Парина.

Феликс Залманович Меерсон:

В конце заседания, когда все Политбюро уже склонялось к тому, чтобы оправдать Парина, Сталин подошел к нему почти вплотную и, ткнув пальцем, сказал:

– А я ему не доверяю.

Когда выходили из зала, все шарахались от Парина, как от зачумленного.

Через час после возвращения домой, в дом правительства на набережной, его арестовали.

Анатолий Соломонович Рабен:

Я поступил перед войной в Первый медицинский институт, и помню Василия Васильевича с тех пор, как его к нам назначили директором. Это был спокойный, корректный, очень выдержанный человек, высокий, красивый, с прекрасной русской речью, типичный профессор в глазах студентов.

Когда началась война, нас, студентов младших курсов, тут же мобилизовали, но на фронт попали немногие. Оружия не хватало, и нас использовали на строительстве оборонительных рубежей. Рубежи эти, однако, никого не обороняли. Нас привозили в какое-то место, день-два или больше мы рыли окопы, причем утром нередко находили пачки аккуратно сложенных немецких листовок, а потом оказывалось, что враг уже в нашем тылу. Нас срочно везли на восток, мы опять начинали рыть окопы, и история повторялась. Рано или поздно такие строительные отряды попадали в окружение, и уж мало кто из находившихся в составе этих отрядов, оставался в живых. Поэтому я считаю, что Василию Васильевичу Парину я обязан жизнью.

Дело в том, что в проведенной в первые дни войны спешной мобилизации было много бестолковщины. Когда командование осознало истинный масштаб начавшейся войны, когда стало ясно, что она продлится несколько лет, был издан особый приказ № 900 Государственного Комитета обороны о возвращении на учебу всех студентов оборонных ВУЗов, в том числе, конечно, медицинских. Но большинство студентов было разбросано небольшими группами по фронтам и тыловым частям, командованию частей нужны были люди, да и просто не до того было, чтобы выявлять, есть ли в данном подразделении бывшие студенты, и относятся ли вузы, в которых они учились, к числу оборонных. Так же относилось к приказу № 900 и командование моей части, где всего было 20-30 наших студентов.

И вдруг у нас появился Василий Васильевич Парин и потребовал демобилизовать всех студентов-медиков. Он нас собрал и вывез в Москву. Впоследствии он говорил мне, что никто его с этой миссией не посылал, он действовал по собственной инициативе. Насколько этот его шаг был разумен, можно судить из того, что я и мои товарищи успели не только окончить в годы войны институт, но и изрядно потрудиться на фронте. С медицинским скальпелем в руках я, конечно, принес куда больше пользы, чем с лопатой на рытье никому не нужных окопов.

Нечто похожее об «оборонительных рубежах» рассказывал мой отец, по профессии инженер-строитель. Мобилизованный в первые дни войны, он был направлен на строительство оборонительных рубежей. Однако, едва они успевали что-то построить, как раздавалась команда «по машинам», и их везли километров на 30-50 в тыл, где все повторялось. Часть, в которой он служил, попала в окружение, и почти все его сослуживцы погибли. Он сам избежал этой участи только потому, что накануне окружения был послан по какой-то надобности в командировку. Возвращаться из нее ему уже было некуда: его часть перестала существовать.

Анатолий Соломонович Рабен:

На том заседании Политбюро председательствовал Жданов. Сталин по своему обыкновению ходил, раскуривая трубку, и молчал. Роскин вел себя мужественно. Он говорил, что и отец его печатался за границей, такова традиция, в этом нет ничего предосудительного. Что же касается «секретов», то их в статье, отправленной с Париным в США, не было. К тому же их работа еще очень далека от завершения. Все шло хорошо в опытах на животных, а в клинике – стена, нужно провести работы в широком масштабе. Спасибо профессору Парину, он хоть чем-то помог в этом отношении. Тут Сталин прервал молчание:

– Кто такой Парин?

Ему почтительно отвечают:

– Профессор Парин – академик-секретарь медицинской академии, вот он сидит.

Тупой дебильный вопрос:

– Кто такой Парин? Я не знаю Парина.

Ему опять показывают: вот Парин. Он упрямо:

– Кто такой Парин? Я не знаю Парина.

Когда заседание подошло к концу, он неожиданно подошел к Парину и, ткнув в него трубкой, сказал:

– А я ему не доверяю.

Василий Васильевич говорил, что получил по пять лет за каждое из этих пяти слов.

Доктора медицинских наук, профессора А.С. Рабена (1923-1999) постигла участь, сходная с участью его учителя. Сын «врага народа», расстрелянного в 1937 г, он в 1948 году был арестован за «шпионаж». В вину ему поставили то, что тремя годами раньше, вскоре после победы, когда он находился в составе советских войск в оккупированной Австрии, он, зная английский язык, разговорился с каким-то американским офицером, о чем был сделан донос. Был освобожден в 1954-м, реабилитирован. В 1988 году, после 10 лет отказа, эмигрировал в Израиль.

Григорий Фаддеевич Башихес:

Когда Василий Васильевич вышел, я повез его домой. Он всю дорогу молчал и был очень расстроен, это было видно. Однако у подъезда он мне напомнил, что я должен заехать за ним в половине девятого утра, так как в девять у него лекция.

Нина Дмитриевна Парина:

В связи с возвращением Василия Васильевича из Америки особенно бурную радость выражал Алеша, наш младший сын. Через несколько дней Василий Васильевич уехал в Пермь хоронить отца, и когда вернулся оттуда, Алеша сказал, подражая взрослым:

– Ну, теперь, папа, я надеюсь, ты никуда не уедешь!

Василий Васильевич ответил:

– Нет, теперь долго никуда не уеду.

И вот, прошло два или три дня, как Василия Васильевича вызвали на Политбюро. Он вернулся очень поздно, был ужасно измучен и расстроен. Дети, конечно, давно спали, а я по обыкновению поджидала его.

Он сказал только:

– Знаешь, меня, видимо, арестуют. Но ты приготовь мне материалы, надо подготовиться к завтрашней лекции.

Я вынула папку с материалами, он сел работать, и тут звонок в дверь...

Его увели сразу же, нас всех согнали в одну комнату и стали делать обыск.

Григорий Фаддеевич Башихес:

Утром, когда я приехал, чтобы везти Василия Васильевича на лекцию, то по обыкновению позвонил из подъезда, но мне сказали, что я не туда попал. Я звонил еще и еще, но получал тот же ответ. Я решил, что, видимо, у них испортился телефон, поэтому я поднялся по лестнице и позвонил в дверь. Открыл мне какой-то майор, я не успел опомниться, как он схватил меня за ворот и прямо втащил в квартиру. Тут я увидел, что в квартире обыск, хозяйничают три офицера. Нину Дмитриевну и детей я не видел: их всех заперли в одну дальнюю комнату, меня же усадили на кухне. Видя, что меня отпустят не скоро, я сказал офицеру, что мне нужно слить воду из радиатора машины, чтобы ее не разорвало, но он ответил, что ему не до машины. Обыск был очень долгий и тщательный. Видно было, что офицеры устали. Они особенно внимательно просматривали книги, а библиотека у Париных была очень большая. Через некоторое время я опять напомнил о машине. Тогда подполковник (видимо, из них старший) велел майору меня сопровождать и при этом сказал:

– Если вздумает бежать, стреляй.

Майор расстегнул кобуру, и мы вышли. Я слил воду, и мы снова поднялись в квартиру, где просидели часов до 9 вечера. Когда обыск был закончен, ко мне в машину посадили одного из офицеров, два других поехали на своей, и все вместе мы двинулись на Лубянку. Меня продержали три дня (о чем я никогда не говорил Нине Дмитриевне). Несколько раз допрашивали. Допросы были грубые, один раз следователь так ударил в лицо, что до сих пор у меня повреждена перегородка носа, что затрудняет дыхание. Требовали подробно рассказать, куда мне приходилось возить Парина, с кем он встречался, не сажал ли кого к себе в машину и о чем говорил. Я отвечал, что все наши поездки

были деловые: в институт и в академию, иногда в министерство или в ЦК на совещание, что ничего подозрительного я никогда не замечал. Мои ответы не нравились майору. Он кричал, бил, пистолет все время лежал на столе, и у меня было ощущение полной беспомощности и незащитности: что захотят, то с тобой и сделают, и никто не узнает, куда ты сгинул.

Однако через три дня меня выпустили.

Профессор Анатолий Васильевич Мареев:

В послевоенные годы я работал в Центральном институте усовершенствования врачей, на кафедре, которой руководил Борис Дмитриевич Петров. Он считал, что мы должны быть осведомлены обо всем важном, что происходит в медицинской науке, и так как он заведовал отделом медицины ЦК ВКП(б), то и возможности у нас были большие.

Бывали мы и в лаборатории Клюевой и Роскина. Они были тогда в центре внимания и о них говорили много всякого. Немалую пищу для сплетен давала большая разница в возрасте супругов. Роскин был уже почти старик, а Клюева – сравнительно молодая красивая женщина. Злые языки говорили, что это ее девятый муж.

Препарат КР изготовлялся из особого вещества, выделяемого паразитическим клопом-бровеносцем, обитавшем в Южной Америке. Эти клопы еще называются поцелуйными, потому что они кусают людей в губы. Поцелуи эти коварны: они вызывают болезнь. Но кем-то было замечено, что больные раком при этом иногда излечиваются.

В лаборатории Нина Григорьевна очень любезно показывала нам своих кроликов, про лечение людей оба они говорили осторожно: впечатление мол такое, что в отдельных случаях их препарат помогает. Нина Григорьевна рассказала, как к ней однажды буквально ворвался здоровенный мужчина, сгрел ее в охапку и стал кружить по комнате. Оказалось, что это один из больных, которых она лечила своим препаратом полугодом раньше. Полагали, что у него запущенный, неоперабельный рак гортани, хирурги и все клиницисты от него отказались. Клюева провела с ним

курс лечения без особой надежды на успех, и вот через полгода этот умиравший человек так поправился, окреп, помолодел, что она не смогла его узнать.

И вдруг мы узнаем о предстоящем «суде чести» над Ключевой и Роскиным. Попастъ на разбирательство было почти невозможно, но благодаря шефу вся наша кафедра получила билеты и отправилась в нынешний театр эстрады. Зал, конечно, был переполнен, яблоку, как говорится, некуда было упасть. Все внимание было приковано к эстраде.

Общественным обвинителем выступал известный хирург Куприянов – сухой, строгий человек в генеральском мундире.

Допрашивали многих свидетелей, среди них – министра здравоохранения Митерева. Обвинение сводилось к тому, что Ключева и Роскин «привлекли к себе внимание американской разведки и оказались несостоятельными перед ее натиском». Конкретно их обвиняли в том, что они, во-первых, поощряли всевозможные публикации о своем препарате в широкой печати, создавая себе рекламу; что они, во-вторых, позволяли американцам посещать лабораторию, принимали их дома, принимали от них подарки («продались за авторучку»), пили с ними за здоровье «миллионщиков» (такие гонорары якобы им обещали), и, в-третьих, что наиболее важно для нашей темы, дали «американскому наймиту» Парину материалы, раскрывающие технологию изготовления КР, которые он увез в Америку.

Это короткое и как бы вскользь брошенное замечание объяснило нам внезапное исчезновение Василия Васильевича, которого все знали как академика-секретаря медицинской академии.

Защищались обвиняемые очень смело и темпераментно. Они утверждали, что допускали широкую публикацию материалов не в целях саморекламы, а для защиты отечественного приоритета; что никаких секретов американцам не раскрывали, что в материалах, переданных Парину, технология не раскрывалась; кроме того, обнародование этих материалов в Америке было санкционировано министерством здравоохранения. Доклад

Парина на эту тему рассматривался как ответный жест на раскрытие американцами секрета изготовления стрептомицина. Полагали, что, получив некоторые сведения о КР, американцы познакомят наших ученых с другими своими достижениями.

На прямой вопрос Митереву, был ли он в курсе дела, министр ответил, что он не советовал Парину брать с собой эти материалы, но тот его не послушал. На это последовала меткая реплика обвинителя:

– Вы несостоятельный министр!

В конце первого дня «суда чести» выступил академик Збарский, который, так сказать, поставил все точки над «и». Впервые я услышал из его речи ставшие столь грозными в последующие годы слова: «низкопоклонство», «космополитизм» и другие.

На следующий день обвиняемые вели себя иначе. Они признали все обвинения, каялись, им было вынесено «общественное порицание».

Это редкое (возможно, единственное записанное) свидетельство человека, присутствовавшего на историческом «суде чести». Вот некоторые уточнения и дополнения.

«Суд чести» длился три дня, а не два. Борис Ильич Збарский (1885-1954), как и другие «свидетели», давал «показания» на второй день. Б.А. Збарский – академик АМН СССР, биохимик, бальзамировал тело В.И. Ленина и Г. Димитрова, был близок к высшему партийному руководству, однако в марте 1952 г. был арестован, освобожден в декабре 1953. Клюева и Роскин с ритуальными покаяниями выступали на третий день. Затем, по составленному Сталиным сценарию выступил с заключительной речью общественный обвинитель – после, а не до последнего слова обвиняемых! Защиты в этой пародии на суд не полагалось.

Академик и вице-президент АМН СССР, генерал-лейтенант медицинской службы Петр Андреевич Куприянов (1893-1963) играл в «суде чести» ведущую, но незавидную роль. Его громовые речи были написаны в аппарате ЦК партии и отредактированы лично

А.А.Ждановым.

Еще более жалкой была роль Г.А. Митерева, к тому времени уже бывшего министра здравоохранения. Через два месяца он сам предстал перед «судом чести».

Г.И. Роскин был старше Н.Г. Ключевой на шесть лет, представление о большой разнице в возрасте супругов – одна из многих легенд, окружавших эту пару.

Ставшие после «суда чести» изгоями Ключева и Роскин с сотрудниками упорно продолжали работу над препаратом КР, но через пару лет ее закрыли. Возобновили в конце 60-х годов, когда ею заинтересовались во Франции. Потом ее снова закрывали и снова открывали.

Как известно, в медицинскую практику вошли радио- и химеотерапия рака, однако оба метода не специфичны, то есть, разрушая раковые клетки, они губительно действуют и на здоровые. В отличие от этого, биологические препараты должны иметь специфическое действие, т.е. подавлять раковые клетки, не отравляя организм. По мнению некоторых специалистов, последнее слово в вопросе о биологической терапии рака, пионерами которой являются Ключева и Роскин, еще не сказано.

Анатолий Соломонович Рабен:

О том, что Парина арестовали, стало известно очень быстро, так как о каком-либо перемещении его не сообщалось, а академиком-секретарем вдруг стал Саркисов. Но за что его взяли – этого никто не знал.

Потом был «суд чести» над Ключевой и Роскиным. Потом другой «суд чести» – над Митеревым. По поводу этих двух судов было распространено закрытое письмо, его зачитывали на партсобраниях. Одна фраза из этого письма объясняла многое: «американский шпион Парин».

«Из этих материалов [“суда чести”] видно, что профессора Ключева и Роскин, при попустительстве бывшего министра здравоохранения Митерева и при активной помощи американского шпиона — бывшего секретаря Академии медицинских наук Парина, передали американцам важное открытие советской науки —

препарат для лечения рака»¹².

Феликс Залманович Меерсон:

На следствии он продолжал держаться так же, как на Политбюро. В конце концов, его привели к Абакумову¹³. Абакумов сидел в огромном кабинете, за большим столом, над которым едва возвышался. Парина подвели к столу, не предложили сесть, да и не было свободных стульев, он так и остался стоять посреди огромного кабинета, перед двумя конвойными.

– Что, Парин, упираетесь, не хотите открыть правду? – злобно сверкнул на него Абакумов.

– Я говорю правду, – ответил тихо Василий Васильевич.

– Вы будете говорить то, что нам нужно! – последовал удар по столу кулаком, неподдельная злоба в глазах и дрожащих губах. – Будете говорить, иначе на собственных ваших кишках повесим, и не в фигуральном, а в самом прямом смысле!

И конвойным:

– Уведите!

После этого Василий Васильевич написал то, что от него требовали.

Белла Григорьевна Гордон:

Летом 1947 г. я приехала в Москву на съезд физиологов. Василий Васильевич был уже арестован, и мы с женой Полосухина отправились к Нине Дмитриевне. Черниговский, Полосухин, Уколова, Старков¹⁴ пойти, разумеется, не могли, Черниговский сам висел на волоске как ученик «шпиона», – а мы, жены, пошли.

Нина Дмитриевна жила с Алешей в одной комнате, все остальные комнаты были опечатаны. Она не работала, дети старшие были в Перми у родственников. Нина

---

¹² Из закрытого письма ЦК ВКП(б) от 16.7.1947 г., <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69339>

¹³ Абакумов Виктор Семенович (1908-1954) – министр МГБ, арестован в 1951 году, расстрелян в декабре 1954 г.

¹⁴ Академик В.Н. Черниговский, профессора А.П. Полосухин, М.А. Уколова, П.М. Старков – видные ученые-физиологи, относившиеся к первому поколению учеников В.В. Парина.

Дмитриевна сама ждала ареста и просила в случае чего, чтобы Полосухина взяла Алешу. Потом мы переписывались с ней через профессора Смирнову.

Нина Дмитриевна Парина:

После ареста Василия Васильевича я все ждала, что нас вышлют из Москвы, но нас только выселили из Дома правительства. Я имела диплом врача, но практики у меня никакой не было; ведь после окончания института я работала на кафедре, помогала Василию Васильевичу готовить докторскую диссертацию, а когда мы переехали в Москву он и вовсе запретил мне работать. Да я и не могла настаивать, так как имела на руках четверых детей и должна была помогать Василию Васильевичу во многих делах. Теперь же я осталась без всяких средств к существованию. Но добрые люди мне помогли: я закончила курсы усовершенствования врачей и стала работать педиатром в одной из поликлиник. Вскоре меня назначили заведующей отделением.

Академик Владимир Николаевич Черниговский:

Как первый и наиболее известный ученик «американского шпиона», я был на подозрении. Какое-то время портрет Василия Васильевича продолжал висеть в моем кабинете, но потом мне «посоветовали» его снять. Уничтожил письма Парина, о чем теперь сожалею. Из Ленинграда я пытался помочь Нине Дмитриевне, а однажды, будучи в Москве, вместе с Виталием Поповым (сотрудником нашей свердловской кафедры) притащили ей мешок картошки. Но Нина Дмитриевна сама сказала: «Не звоните и ничего не присылайте».

Феликс Залманович Меерсон:

Ему дали 25 лет и отправили в Сибирь, но с дороги вернули и отправили во Владимирскую тюрьму, где он и просидел до самого освобождения. Произошло это, по-видимому, потому, что его арест имел международный резонанс, и сочли за лучшее, чтобы он не скитался по этапам, лагерям и не рассказывал многим свою историю.

Имеются противоречивые данные о приговоре, вынесенном В.В. Парину. По некоторым сведениям ему дали 10 лет, по другим – 25. Могу засвидетельствовать, что за

время моего общения с семьей В.В.Парина и его учениками цифра 10 лет никогда не фигурировала. Да и по характеру обвинения (шпионаж) ему полагалось максимальное наказание. Как раз в 1947 году, 26 мая, была отмена смертная казнь, поэтому Парина присудили не к расстрелу, а к 25-летнему (максимальному) сроку заключения. Смертная казнь была восстановлена Указом президиума Верховного Совета от 12 января 1950 г.

Петр Прокофьевич Курочкин, электромонтер домоуправления в г. Владимире:

Однажды тюремная судьба свела меня в одной камере с Алексеем Кузьмичом Жегановым. Оказалось, что он знает Парина. Их вместе отправляли из Иркутска по этапу в Норильск. До Иркутска их везли в поезде, потом до Ангары шли пешком. Конвой усиленный. «Шаг вправо, шаг влево считается в побеге, стреляем без предупреждения».

Шли долго, изнурительно, по непролазной грязи. Потом еле дышащих погрузили в трюм баржи, отправлявшейся по Ангаре и Енисею в Норильск. И вот когда уже всех погрузили и даже люки задраили, вдруг услышали какое-то движение. Люк открылся, и кто-то кричит сверху:

– Жеганов, Парин – на выход!

Здесь им обьявили, что их отправляют обратно в Иркутск. И опять начался нескончаемый путь по непролазной грязи. Только теперь их под конвоем было всего двое, и они не сомневались, что по дороге их прикончат «за побег», ведь нет никаких свидетелей. Парин уже не мог идти, и несколько километров Жеганов тащил его на себе до того места, где ждала машина.

Впоследствии я бывал у Жеганова, он жил в Ленинграде, на Московском проспекте, перед железнодорожной линией.

Автор:

К этому рассказу П.П. Курочкина могу добавить, что, будучи в Ленинграде, через справочное бюро я без труда узнал адрес Алексея Кузьмича Жеганова. Он действительно проживал на Московском проспекте, но умер в 1971 году, так что встретиться с ним не пришлось.

Белла Григорьевна Гордон:

Василий Васильевич рассказывал, что когда везли из Иркутска обратно в Москву, они остановились в Свердловске. Кто-то из охранников знал, что Василий Васильевич долго работал в Свердловске, и ему разрешили свидание с каким-нибудь другом, которому разрешили позвонить по телефону. Василий Васильевич хорошо разбирался в людях и, перебрав в памяти старых свердловских знакомых, позвонил профессору Каратыгину¹⁵. Тот, не задумываясь и не колеблясь, собрал кое-какую еду, теплые вещи и пошел на свидание с «американским шпионом», не зная, позволят ли ему вернуться.

Петр Прокофьевич Курочкин:

Арестован я был в 1950 году, 16-летним парнем. Я жил тогда в Ленинграде. Как-то зашел с друзьями в кафе, мы крепко выпили, повздорили, у одного из нас оказался наган, и он два раза выстрелил в портрет Сталина. Нас судили и дали по 25 лет тюрьмы, пять лет ссылки и пять лет поражения в правах.

Я попал в лагерь в Мордовии – сперва в лагерь для несовершеннолетних. В соседнем женском лагере была жена Даниила Леонидовича Андреева, с которым я потом встретился во Владимире.

В лагере у нас была лютая вражда с украинцами – их тогда было много из Западной Украины. Я сейчас даже не могу понять, чем была вызвана эта вражда, ведь мы находились в одинаковых с ними условиях и ничем особенным не отличались от них. Враждовали мы также с немцами – были в лагере высокопоставленные немецкие офицеры и генералы, – но это можно объяснить, ибо вели они себя не так, как остальные зэки: были высокомерны и в то же время не стеснялись подбирать крошки в столовой, хотя всех нас кормили одинаково. Да и война всем была памятна. Однако вражда с украинцами была особенно лютой и совершенно необъяснимой. Они ненавидели нас –

---

¹⁵Каратыгин Василий Михайлович – профессор Свердловского медицинского института.

«москалей», а мы их – «бандеровцев». Нередко возникали драки, были и убийства. Начальство пыталось пресечь эту вражду и жестоко расправлялось со всеми, кто хоть как-то был причастен к таким случаям. В одну группу русских, в драке с которыми был убит «бандеровец», попал и я. Меня снова судили, дали 25, плюс пять, плюс пять, но при этом 10 лет закрытой тюрьмы строгого режима.

Так я попал во Владимир. Первые 4-5 дней меня продержали в одиночке 2-го корпуса (надо приглядеться к новенькому), а потом перевели в камеру № 49. Это было примерно в декабре 1952 г. Когда открыли дверь камеры, все обитатели ее уже стояли. Так положено по уставу: если кто-либо входит в камеру, все должны встать, пока надзиратель гремит затворами.

Я помню, что вошел и сказал:

– Здорово, братцы!

Поздоровался со всеми за руку и сразу заметил недоумение на лицах. Потом они объяснили, что мое появление ввергло их в огромное изумление. Все они солидные мужи, «матерые преступники», а тут к ним мальчика привели. Я был шуплым маленьким 18-летним пареньком. Узнав, какой мне назначен срок, они изумились еще больше.

Мое место оказалось рядом с местом Василия Васильевича. Он высокий, худой, с длинной седой бородой, добродушно посмеивался над моим появлением и почему-то сразу мне понравился. Кровати были вделаны в пол, не кровати, а топчаны, поверхность из продольных и поперечных металлических прутьев. Мне принесли тощий тюремный матрац, наматрасник (простыней не полагалось), одеяло, и я стал полноправным обитателем этой камеры 49, наравне со старожилками.

Камера была довольно большая, вдоль стен кровати-топчаны, всего шестнадцать штук, посередине стол и скамейки, на которых днем можно было сидеть за столом, можно было также ходить, но одновременно могли ходить не больше двух человек, лежать же днем категорически запрещалось.

Я был бесхитростный парень, сразу стал

рассказывать, что удалось узнать, пока возили по этапам в Москву и оттуда уже во Владимир. Все с жадностью слушали меня, ибо жили без новостей с воли. Газеты читать дозволялось, но только двухмесячной давности, поэтому они ничего не знали, что случайно знал я. Посыпались вопросы, и я рассказал, что в Москве арестовали группу врачей-вредителей.

Первое сообщение о деле врачей было опубликовано 13 января 1953 г., так что П.П. Курочкин появился во Владимирской тюрьме не в декабре 1952, а в январе 1953 г. Память его подвела не сильно.

Петр Прокофьевич Курочкин.

Конечно, меня стали спрашивать о подробностях, я стал было рассказывать, но Василий Васильевич толкнул осторожно в бок, чтобы я не очень-то говорил вслух о том, что случайно узнал из клочка газеты, подобранного в Москве, в тюрьме на Красной Пресне.

Потом, когда вывели нас на прогулку, я уже шепотом рассказал ему.

– А кто эти врачи, фамилии-то помнишь? – допытывался он.

Я, конечно, не помнил, но он настаивал, и я неуверенно сказал:

– Кажется, на В... Виноградов, что ли...

Потом вспомнил Вовси, еще две или три фамилии.

Василий Васильевич всех этих людей знал.

Когда новости исчерпались, я уже стал рассказывать о себе. О том, что работал я в Ленинграде учеником монтера в банке, как сел за «терроризм», а потом получил надбавку за «бандеровца». Тут мне и объяснили свое недоумение, что к ним попал мальчишка.

В Ленинграде я сидел в Сером Доме. Судил меня полковник Раков. Когда я назвал это имя, Василий Васильевич обратился к одному из товарищей:

– Лев Львович, не пойму что-то...

Потом ко мне:

– Не он тебя судил?

– Не он.

– Так он тоже Раков!

Автор:

В семье Париных хранится переплетенный в коричневый кожаный переплет экземпляр уникальной рукописи под названием «Новейший Плутарх. Иллюстрированный биографический словарь воображаемых замечательных людей всех стран и времен».

«Основателем издания, главным редактором и иллюстратором», как значится на титульном листе этого огромного – почти 500 машинописных страниц – произведения, был Лев Львович Раков. Его рукой здесь же написано:

«Дорогому другу Василию Васильевичу Парину этот памятник нашего совместного творчества, на память о тех горьких днях, которые мы провели вместе. А все же, как ни странно, эти дни бывали и прекрасными, когда мы подчас ухитрились жить в подлинном “мире идей”, владея всем, что нам угодно было вообразить. Л. Раков. 20.VI.55».

Удивительный по богатству материала, неиссякаемой фантазии и, что особенно изумительно, неиссякаемому веселому юмору фолиант! В оглавлении, то ли сам Раков, то ли Василий Васильевич, проставил инициалы авторов отдельных воображаемых биографий. Большинство их сочинил Лев Львович Раков, другие Д.Л. Андреев, немалая часть принадлежит и Василию Васильевичу Парину. Тут и «Гальбидий-философ», и «Джонс Р.Т. – основатель секты акцелератов», и «Хевенистерн К. – рыцарь, участник III Крестового похода», вообразенный Париним и Раковым совместно, и «Менадр – врач», и «Фенихоу Д.Э. – филолог, этнограф и путешественник», и «Ящеркин П.Я. – изобретатель» (опять совместно с Л. Раковым).

Эта уникальная книга трех авторов была издана в 1991 г. в издательстве «Московский рабочий». Л.Л. Раков (1904-1970) – историк, писатель, драматург. Жил и работал в Ленинграде. Впервые был арестован в ноябре 1938 года. В одиночной камере знаменитых «Крестов» провел более года, пытался покончить с собой. Был освобожден после расстрела Н.И. Ежова (малый бериевский «реабилитанс»). В 1943 году создал выставку

«Героическая оборона Ленинграда», позднее преобразованную в Музей обороны Ленинграда, за что был награжден двумя орденами. Вторично был арестован в 1950 году – за то, что в Музее "лишения и страдания ленинградцев изображались односторонне и политически вредно". Был приговорен к максимальному сроку: 25 лет лишения свободы плюс пять лет ссылки плюс пять лет поражения в правах. Освобожден весной 1954 года «за отсутствием состава преступления». В заключении писал стихи, прозу, после освобождения написал две сатирические пьесы «Что скажут завтра» и «Опаснее врага» (совместно с Д.Н. Алеем). В период хрущевской оттепели они были поставлены и шли с большим успехом.

Автор:

По некоторым сведениям, Василию Васильевичу пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить своих сотоварищей вести единственно верный в тех условиях образ жизни. Некоторые эки считали, что, так как пища их очень скудна, то им следует как можно меньше двигаться, чтобы беречь силы и тратить меньше калорий, столь скудно восполняемых тюремной пайкой. Парину потребовалась не только настойчивость, но и весь авторитет ученого-физиолога, чтобы убедить сотоварищей, что, напротив, им следует как можно больше двигаться, выполнять гимнастические упражнения, что именно такова единственная возможность сохранить физические силы. Против умственного оупения он тоже разработал целую систему упражнений, благо экам разрешалось читать и вести кое-какие записи. Библиотека в тюрьме была очень богатой и постоянно пополнялась за счет конфискованных личных библиотек заключенных.

В семье Париных сохранились некоторые его конспекты, дающие представление о круге чтения в те годы. Здесь и заметки по истории Древнего Египта, и выписки из руководств по генетике, и материалы о селекции крупного рогатого скота.

Василий Васильевич предложил своим сотоварищам записывать мысли, причем делать это ежедневно, а когда кто-то спросил: «Как быть, если нет никаких мыслей», он

ответил: «писать о том, что сегодня нет никаких мыслей». Может быть, следствием этого предложения стал и «Новейший Плутарх».

Петр Прокофьевич Курочкин:

Кроме Ракова у нас в камере были: Даниил Леонидович Андреев (сын писателя Леонида Андреева), Парин, Владимир Александрович Александров (до ареста он занимал какой-то видный пост в министерстве иностранных дел). Однажды он показал мне фотографию в журнале и сказал:

– Вот из-за этого человека я сижу.

Он имел 10 лет, его судило Особое Собрание. Это было самое страшное судилище, заочное. Просто приносили человеку бумажку:

– Распишитесь за 10 лет.

Больше 10 лет ОСО не имело права давать, но когда срок истекал, давали новую бумажку – расписаться еще за 10 лет.

Еще с нами был японец, дипломат Куродо Сан, очень культурный человек, упорный. Французский язык одолел за 3-4 месяца самостоятельно, русский знал хорошо, хотя говорил с акцентом.

Павел Александрович Кутепов, сын известного белого генерала Кутепова. Он жил в эмиграции, окончил ККК (Кадетский корпус князя Константина) в Югославии¹⁶, служил еще до войны в немецкой армии в чине лейтенанта, но на фронте не был. Он рассказывал, что, будучи немецким офицером, из патриотических соображений связался с советской разведкой, но после войны его арестовали за «связь с немцами».

Был еще один военный, очень большой человек. Он сидел с 1937 года, был репрессирован в Белоруссии, в связи с делом Тухачевского и других. Он много пережил. Сначала он сидел в Орле, там прямо в тюрьму угодила немецкая бомба. Его отправили в Сибирь, а после войны – во Владимир.

---

¹⁶1-й Русский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус (РВККККК), базировался в Сараеве, Югославия.

Был еще некто Алексей Александрович, крупный руководитель бумажной промышленности Корело-Финской ССР.

Вообще у нас был в камере целый интернационал.

Так, Зея Рахим был арабом. Я был с ним в хороших отношениях, а Василий Васильевич – в плохих. Он предостерегал меня от дружбы с Рахимом. Потом я узнал нехорошее о нем, и наши отношения разладились. Взяли его в Манчжурии, он то ли скот продавал японцам, то ли шпионил на японскую разведку. Хорошо знал японский, русский, арабский языки, все быстро схватывал, у него было умное, интеллигентное лицо.

Еще был немец, офицер, сын генерала Кейтеля. Очень неприятный, высокомерный человек. Он с гонором относился к русским. Кейтель повздорил с Кутеповым, кажется, выясняли, кто из них родовитее, дошли до взаимных оскорблений, я вмешался, нагрубил немцу. Потом его убрали от нас, чтобы не было более подобных эксцессов.

Еще раньше, по рассказам Василия Васильевича, в камере был немец Крумрайт, его обвинили в уничтожении в Австрии 10 тысяч евреев. Он этим ужасно возмущался, писал жалобы, требовал пересмотра дела. Он говорил, что его обвинили несправедливо, ибо он уничтожил 6-8 тысяч евреев, но никак не десять. Василий Васильевич рассказывал об этом с возмущением: ведь все равно он матерый преступник, 10 тысяч он убил или только 8, а туда же – подавай ему справедливость.

Я, Парин, Александров, Раков и Андреев держались вместе: это была наша группа.

Кроме Василия Васильевича я особенно сдружился с Андреевым. Впоследствии мы с ним поддерживали тесную связь до самой его смерти. У меня сохранилось много писем этого очень интересного и необычного человека. Он всегда ходил босым (даже в гроб, по его желанию, его положили босого) и все время сочинял стихи.

Письмо В.В. Парина в редакцию журнала «Звезда» в связи с публикацией подборки стихов Даниила Андреева. Воспроизводится по черновику, хранящемуся в семье В.В. Парина. На нем сделана пометка: «Послано в

редакцию журнала «Звезда» 6.XI.65».

«Глубокоуважаемый г. Холопов!»¹⁷

Пишу под свежим впечатлением от только что прочитанных в Вашем журнале стихов Даниила Леонидовича Андреева.

Сколько воспоминаний подняли со дна моей души эти строки, отражающие только малую часть того, что осталось после нелегкого жизненного пути Даниила Леонидовича...

Во время нескольких лет обстоятельства, как говорится, независящие от нас, вывели нас на одну и ту же орбиту хождения по мукам. От этих лет у меня осталась непреходящая любовь к Даниилу Леонидовичу, преклонение перед его принципиальностью, перед его отношением к жизни как к повседневному творческому горению.

Не взирая ни на какие внешние помехи, он каждый день своим четким почерком покрывал волшебными словами добываемые с трудом листки бумаги. Сколько раз эти листки отбирали во время очередных «шмонов» (простите за это блатное слово!), сколько раз Д.Л. снова восстанавливал все по памяти. Он всегда читал нам – нескольким интеллигентным людям из общего населения камеры (13 «з/к») – то, что он писал. Во многих случаях с его философской «метаисторической» трактовкой нельзя было согласиться, мы спорили страстно, подолгу, но с сохранением полного взаимного уважения. И даже в таких случаях, в конце концов у всех нас оставалось глубокое убеждение в том, что перед нами настоящий поэт, имеющий свое индивидуальное неповторимое видение мира, выношенное в сердце, выстраданное.

Мне лично как большому любителю природы и бродяге в душе, было полностью созвучно чувство полного слияния с природой, с родной землей и ее народом, которое столь ярко светилось во многих творениях Д.Л. Ощущать природу не только зрением и слухом, но и босыми ногами, всеми порами тела, восторгаться благостным ливнем,

---

¹⁷ Холопов Георгий Константинович (1914-1990) – писатель, главный редактор ж-ла «Звезда» (1939-1940 и 1957-1989).

обновляющим землю, несмотря на то, что ты промок до костей, чувствовать, касаясь троса на пароме, неразрывную общность со всеми, кто тянул его ранее и будет тянуть его впредь, стремясь к заветной цели – какое это всеобъемлющее чувство общности со всей Землей, со всем миром!

Мне хочется искренне поблагодарить Вас за наслаждение, которое я испытал, встретившись с Д.Л. на страницах Вашего журнала, за то, что Вы дали многим и многим читателям возможность приобщиться хотя бы к крохам его богатого поэтического творчества.

Мне кажется, что было бы очень хорошо, если бы Вы сделали еще книгу стихов Д.Л., память которого я и многие, близко знавшие его, свято храним в душе, как память о Поэте, Человеке, и Друге, общение с которым делало нашу в то время далеко не радостную жизнь светлее и чище».

Даниил Леонидович Андреев (1906-1959) – поэт, прозаик, философ-мистик, сын писателя Леонида Андреева, был арестован в апреле 1947 года, приговорен к 25 годам заключения, освобожден в 1957 году. Андреева Алла Александровна (урожденная Бружес; 1915-2005), вторая жена Д.Л. Андреева, которой мы обязаны сохранением и публикацией его произведений, была арестована через несколько дней после мужа, освобождена годом раньше. Книги Даниила Андреева стали издаваться только в постсоветское время.

Приведу пример принципиальности Д.Л. Андреева, наверняка известный Парину. 10 ноября 1954 года, из Владимирской тюрьмы, он направил заявление тогдашнему главе советского правительства Г.М. Маленкову с просьбой о пересмотре дела, в котором, тем не менее, отметил: «Не убедившись еще в существовании в нашей стране подлинных, гарантированных демократических свобод, я и сейчас не могу встать на позицию полного и безоговорочного принятия советского строя».

Петр Прокофьевич Курочкин:

Режим был очень суровый. Особой жестокостью отличался полковник Розанцев, он требовал

неукоснительного соблюдения всех правил и жестоко наказывал за малейшее нарушение. Одежда у нас была стандартная, полосатые брюки, куртки и шапочки, точно, как в фильмах о застенках гестапо. Еще были бушлаты для прогулок.

Вот как складывался день: подъем в 6 часов. Ежедневная смена дежурных. Входят в камеру трое: сдающий и принимающий смену со старшим караула. Все встают, строятся, нас пересчитывают. В неделю раза два – обход начальника или зам. начальника режима, с ним корпусной старшина, ответственный дежурный офицер. Строимся в коридоре и всей камерой (обязательно одной, чтобы не было контактов с другими камерами) идем в туалет, куда выносим парашу (бочонок с крышкой), моемся, приводим себя в порядок. Потом завтрак. Подают его в форточку, проделанную в двери. На день выдают по 550 г хлеба и 7 г сахара (мы шутили: хоть бы по 9 г, сколько весит пуля!). В форточку дают буханки хлеба, нарезанные каждая на три части – это дневная пайка, и миску с сахаром, чтобы делить на всех поровну. Из-за хлеба возникали эксцессы. Середину буханки никто не хотел брать: считали, что в горбушке, поскольку она плотнее, больше калорий. Я был пошустрее, подбегу – хвать горбушку. Так раз, второй, третий. Немцы этому возмутились, потребовали распределять хлеб по жребью. Один отворачивался, а другой спрашивал: кому этот кусок? Василию Васильевичу это ужасно претило, он отказывался участвовать в жеребьевке, заранее брал себе серединку.

На завтрак, кроме хлеба и сахара, еще давали немного рыбы или кильку.

Еще перед завтраком ежедневно приходила медсестра, раздавала лекарства, спрашивала о жалобах. Большое послабление сделала мне врач Елена Николаевна Бутова. Хотя запрещалось ложиться днем на кровать, я иногда ложился: было не вмоготу все время сидеть на скамье без спинки. Но тут же надзиратель в глазок заглядывал и требовал встать. Однажды я не подчинился, вошли майор и старший лейтенант. Они были оба очень лютые, у обоих нечеловеческий взгляд. Я их теперь встречаю иногда. Один

из них совсем спился. Они хотели утащить меня в карцер, но Елена Николаевна пришла в этом момент и строго запретила:

– Я начальник санчасти. Курочкин болен, его надо в санчасть.

А потом, когда вернули из санчасти, она предписала мне спать после обеда. Это было огромное облегчение, хоть два часа днем я мог полежать и либо поспать, либо почитать лежа.

Врач Елена Николаевна Бутова:

Я, конечно, знала, что Парин имеет отношение к медицине. Была я начинающим врачом, но он никогда не подчеркивал своего превосходства, не пытался давать советы, делать себе назначения. Только когда я прооперировала ему полип в прямой кишке, он обратился с просьбой сказать ему результат гистологии. Я, зная, что он медик, не только сказала, но и показала ему результат анализа, чтобы он не сомневался, не думал, что я его обманываю. Он поблагодарил и ушел.

Это особенно бросалось в глаза, ибо другие так себя не вели. Многие пытались диктовать себе назначения, и если я не соглашалась прописывать то, что они хотели, вели себя вызывающе. Парин никогда ничего такого себе не позволял, хотя иной раз я была бы не прочь услышать от него советы. В тех условиях особенно раскрывается человек. Парин, правда, разговорчивым не был, скорее был замкнут. Помоему, он очень любил семью, имел при себе их фотографию и однажды мне ее показал.

В остальном все контакты были официальные: он обращался, когда его что-то беспокоило, я оказывала помощь.

Шульгин был более откровенен, он писал стихи и всегда показывал их мне, просил высказывать мнение. Высокий, худой, очень прямой старик. Потом он поселился во Владимире и поддерживал контакт со мной. Еще он говорил, что поддерживает связь с Андреевым и Париним, но больше с Андреевым.

Помню, Русланова говорила мне:

– Ничего, мы еще попоем, доктор!

Когда она была с концертом во Владимире, я зашла за кулисы. Там было много народу, но она всех отстранила, бросилась ко мне и зарыдала.

Во Владимирской тюрьме томились многие знаменитости.

Василий Витальевич Шульгин (1878-1976) оставил неизгладимый след в истории России как литератор и политический деятель. Депутат II-IV Государственных Дум, он возглавлял в ней крыло националистов и монархистов, однако в феврале 1917 года принял ведущее участие в перевороте, покончившем с монархией. Шульгин лично (вместе с А.И. Гучковым) принимал отречение императора Николая II. После октябрьского переворота – видный участник белого движения. После гражданской войны эмигрировал, поселился в Югославии, был одним из ведущих деятелем и идеологов право-радикального крыла белой эмиграции. Автор скандальной книги «Что нам в них не нравится», в которой «обосновал» свои антисемитские взгляды, обвиняя евреев во всех бедах России. В конце 1930-х годов отошел от активной деятельности. В январе 1945 года был задержан советскими оккупационными войсками в Югославии, вывезен в СССР, приговорен к 25 годам заключения. Наказание отбывал во Владимирской тюрьме. В 1956 году освобожден по амнистии. В 1965 году приобрел широкую известность как главный герой документального фильма «Перед судом истории» (режиссер Ф. Эрмлер).

Лидия Андреевна Русланова (1900-1973), знаменитая певица, исполнительница русских народных песен, была замужем за генералом Владимиром Крюковым, арестованным в 1948 году по так называемому Трофейному делу, созданному для сбора компромата на маршала Г.К. Жукова. Крюков обвинялся в хищениях трофейного имущества в особо крупных размерах, был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Следом за ним была арестована Русланова, ее обвинили в «антисоветской пропаганде». Была приговорена к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, но в 1950 году, за строптивый нрав, наказание было ужесточено, и ее перевели во Владимирскую тюрьму. Сидела в одной камере с

другой известной певицей Зоей Федоровой. В конце июля 1953 года Владимир Крюков и Лидия Русланова были реабилитированы.

Петр Прокофьевич Курочкин:

После завтрака – прогулка. Двор разделен на маленькие клетки-отсеки – их два ряда, узких отсеков. Поверху ходят два часовых, следят, чтобы никто не пытался общаться с гуляющими из других камер (каждый отсек на камеру). Дотронуться даже до стены нельзя – немедленно вся камера лишается прогулки. Идем друг за другом по кругу, полчаса в одну сторону, полчаса в другую, чтобы голова не закружилась. При выходе из камеры надеваем бушлаты, строимся по двое, один конвойный впереди, другой – сзади. После прогулки свободное время, сидим за столом, разговариваем или читаем, никаких игр, например, домино, не разрешается.

Потом обед: 1 – жидкий суп с килькой или рыбой.

2 – ложки две каши.

3 – чайник кипятку.

После обеда опять свободное время. Ужин часов в шесть вечера: ложка-две картофельного пюре или каши. Конечно, существовать на это было очень трудно.

Только Парин и Александров в нашей камере получали переводы и могли 3 раза в месяц кое-что прикупить. Для себя они прикупали хлеб, сахар, масло, и там на всю камеру в день получения денег (Парин получал 125 или 175 рублей) купят буханок пять хлеба, кило маргарина, сахара и т.п.

По-видимому, таков был разрешенный максимум для отоваривания в тюремном ларьке. Как Нине Дмитриевне Париной, растившей четверых детей, удавалось урывать эти суммы из мизерной зарплаты участкового врача и затем зав. отделением детской поликлиники, – об этом она не рассказывала.

Петр Прокофьевич Курочкин:

Немцы при этом вели себя развязно. Они заявляли, что Парин и Александров обязаны их подкармливать, потому что «мы здесь у вас сидим». Меня это возмутило. Я сказал, что никто им ничем не обязан, если Парин и

Александров дают что-то, то и на том спасибо, а что сидят немцы у нас, то и правильно, потому что они фашисты. Вот мы за что сидим, сами не знаем, а им поделом. После этого разговоры прекратились. А Василий Васильевич потихоньку подкармливал меня – уже после раздачи всем купленного на полученные из дома деньги. Помню, посмотрит на меня:

– Петя, иди сюда.

И даст то хлеба с маслом, то сахару. Потом уже просто все делил со мной пополам.

Из-за Рахима мы с ним поссорились. Он предупреждал, что с Рахимом надо быть осторожным, я не слушался, а когда узнал, что Рахим оказался подлецом, он мне заметил:

– Вот видишь, а не хотел слушать меня.

Меня этот упрек задел, и мы перестали разговаривать. Молча он давал мне еду, я молча ел, хотя кусок в горло не лез, но я боялся отказом его смертельно обидеть. Потом вдруг на прогулке он что-то меня спросил, я ответил, мы посмотрели друг другу в глаза и расхохотались. От избытка чувств я прильнул к его плечу, стиснул зубы. Он молчал, я сильнее стиснул, так что потом у него долго не проходил большой кровоподтек.

Я нашел указания о двух книгах, переведенных Зей Рахимом с японского языка (одну совместно с А.Стругацким). Любопытные сведения об этой личности имеются в интернет-сайте, посвященном окружению Данила Андреева. В тюрьме и после освобождения Андреев относился к Рахиму «с трогательной нежностью», но, столкнувшись с его некрасивыми поступками и убедившись, что тот рассказывает небылицы о своем прошлом, порвал с ним всякие отношения¹⁸. О контактах с этой таинственной личностью интересно рассказано в воспоминаниях Нины Воронель¹⁹.

Нина Григорьевна Кроль:

В феврале 1945 г. на нашей свердловской кафедре появился, наконец, постоянный заведующий, профессор

---

¹⁸ <http://ae.rmvoz.ru/okruzhenieDA.htm#rah>

¹⁹ <http://bibliograph.ru/Perevod/rahim.htm>

Н.К. Верещагин. В нем чувствовался настоящий физиолог. Он считал себя «внуком» Сеченова, так как был учеником ученика Сеченова М.Н. Шатерникова. Им были написаны главы наиболее популярного у нас учебника. Однако к нам Верещагин пришел уже очень пожилым, измороженным эвакуацией и болезнями.

Как мы помним, В.В.Парин возглавлял кафедру физиологии Свердловского мединститута до 1941 года, так что профессор Николай Константинович Верещагин (1893-1962) возглавил кафедру после нескольких лет безвластия. Ему тогда было 52 года, «очень пожилым» он мог казаться разве что в сравнении с Париным, который стал завом кафедрой в 30 лет, а оставил ее в 37 лет.

Нина Григорьевна Кроль:

Студенты его полюбили, он просто и интересно читал лекции. Полюбили и многие на кафедре, в первую очередь, за доброту. Всем нравилось, что он каждому «дает возможность жить» как кому хочется. Хочешь заниматься научной работой – занимайся, не хочешь – не надо. На такой почве все стало бурно расти, и хорошее, и плохое. Вырос, например, прекрасный физиолог Володя Розенблат, ныне профессор. Но сорняк растет быстрее полезных растений, если его вовремя не полоть. Вот наш сорняк и разросся. Кафедру стали заполнять случайные люди, карьеристы. Моей основной функцией стало удерживать чуть ли не зубами – все как было. Все наши старые, заложенные Париным традиции, наши трудные, но интересные занятия и демонстрации.

Я во все лезла, ко всем приставала, а зав. кафедрой никого не обижал. Естественно, меня невзлюбили. И поползли по институту разговоры, что я консерватор и противник всего нового (а я была не против нового, а против халтуры и разрушения старого), что я училась в немецкой школе (в Казани), преклоняюсь перед иностранной наукой (знала языки!) и, наконец, что я – «любимая ученица американского шпиона Парина».

Так называли Василия Васильевича, который в Америке «продал секрет успешной борьбы с раком, открытый советскими учеными Роскиным и Ключевой». Так

называли его в официальной прессе. С Василия Васильевича началась «борьба с космополитизмом» и «низкопоклонством перед иностранщиной».

Как это можно было прицепить к Парину, кто мог этому верить! Смешно было бы и доказывать абсурдность такого обвинения, зная Василия Васильевича и его убеждения. Я то хорошо помнила, как Василий Васильевич, возвращая мне рукопись моей диссертации, указал, что нужно подчеркнуть значение работ отечественных физиологов.

– Не считайте это квасным патриотизмом с моей стороны, – сказал он при этом.

Хочу подчеркнуть, что это было в 1940 году, когда признаком «настоящей учености» считался возможно больший набор иностранных цитат, когда не было и в помине «борьбы с космополитизмом», да и термин этот никак не употреблялся, так что замечания Парина отражали его истинные убеждения, а отнюдь не дань очередной моде.

Теперь же состряпан фильм «Суд чести», где продажа «секрета» совершалась, кажется, за американскую авторучку с «вечным пером». Все было поставлено с ног на голову, но поставлено так, что было ясно, о ком фильм – даже имя жены «шпиона» сохранили: Нина.

Нина Дмитриевна Парина:

Я как-то прочитала интервью драматурга Штейна. Он говорил, что пишет только о таких людях, на которых хотя бы однажды посмотрел. По крайней мере, по отношению ко мне это неправда. На меня Штейн посмотрел уже после того, как его пьеса «Закон чести» шла в театрах, а фильм «Суд чести» – на экранах, и на меня чуть ли не пальцем показывали: вот жена американского шпиона.

Я работала в детской поликлинике, обслуживавшей один из центральных районов, где жили Штейны. Но я была уже заведующей отделением и по вызовам на дом не ходила, за исключением особо тяжелых случаев. Однажды меня вызвал главврач и попросил пойти к Штейнам – посмотреть заболевшего ребенка. Я ответила, что есть участковый врач, которого им и следует вызвать. Разумеется, ответил главврач, но они хотят, чтобы пришли именно Вы.

Что было делать? Я врач, а там болен ребенок. Я пошла. Вхожу в квартиру, прошу показать ребенка, а мать как-то суетится, просит обождать, пройти туда, пройти сюда, ребенок де только что уснул. И пока мы говорили, открылась дверь в другую комнату, и там за письменным столом сидел человек, сам Штейн, который сказал «Здравствуйте» и очень пристально на меня посмотрел.

– Где же ребенок, – спросила я.

– Вы знаете, может быть, не стоит его беспокоить, он уснул, ему стало лучше.

Я молча направилась к выходу, и больше меня уже никто не удерживал.

Материалы «суда чести» над Клюевой и Роскиным (первого из целой серии таких судилищ – всего их было 82) послужили основой для трех пьес: Б.С. Ромашова “Великая сила”, шла в Малом театре; А.П. Штейна “Закон чести”, в Московском театре драмы, К.М. Симонова “Чужая тень”, в МХАТе. Все три пьесы были удостоены Сталинских премий первой степени. Сталинские премии были также присуждены исполнителям ведущих ролей в этих спектаклях. По пьесе А.Штейна был снят фильм «Суд чести», который смотрела вся страна. Помню, как я мальчишкой, затаив дыхание, смотрел этот фильм.

Нина Григорьевна Кроль:

Все это выглядело чудовищным абсурдом. Нина Дмитриевна и четверо детей в Москве, а Василий Васильевич будет что-то «продавать» в Америке!

Но нашлись люди, и не малое число, которые верили или делали вид, что верят, хотя достаточно хорошо знали Василия Васильевича. Сильное впечатление на меня произвел разговор летом на волжском пароходе. Нам с мамой встретился профессор-ларинголог Пермского мединститута Л. и его жена. В разговоре выяснилось, что она знает пермскую родню Парина. Обрадовавшись таким собеседникам, я высказала все, что у меня накопилось. Жена Л. вытаращила на меня глаза, отвела в какой-то угол и накинулась:

– Вы что, с ума сошли! Видите нас в первый раз и говорите такие вещи! Вы что ребенок, не понимаете, к чему

это может привести! Думайте, что хотите, это ваше дело, но сами молчите и не подводите других.

Не хочу утверждать, что я, как Дон-Кихот, продолжала воевать с ветряными мельницами, это было бы неправдой. Но я не скрывала своего мнения. И почему-то всем было известно, мое отношение к этому вопросу, в то время как других вообще перестали считать учениками Василия Васильевича.

Вдруг была создана комиссия для обследования моей деятельности. Меня предупредили, что все так будут обследованы, ничего особенного в этом нет, просто с меня начали. Но особенное было.

В дальнейшем выяснилось, что Верещагину предложили просто снять меня. Он не согласился. Тогда сказали, что он напрасно упорствует, это вынуждает стать на другой путь, и от этого мне же будет хуже.

Я ни о чем не подозревала, не особенно волновалась: с чего ко мне можно было прицепиться? Оценка преподавания была давно известна. Общественная деятельность? Десять лет бессменный ответственный секретарь, профорг кафедры, единственная среди беспартийных несу нагрузку пропагандиста-воспитателя студенческих групп второго курса, веду пропаганду Павловского учения и еще многое, многое другое. Идеология? Только что кончила на отлично университет марксизма-ленинизма. Научная работа? Кроме кандидатской диссертации 20 опубликованных работ, но вот докторскую не начинала – это минус.

Собралась комиссия, разобрала все и пришла к выводу, что я... не соответствую занимаемой должности, нужно просить Москву меня снять и объявить конкурс.

Я совершенно не понимала общей ситуации, особенностей времени и стала бороться изо всех сил, доказывая, что я «хорошая», и апеллирую во все центральные высшие инстанции.

11 января 1952 г. меня отчислили из Института, в котором я проработала 20 лет, придя туда прямо со студенческой скамьи, совсем еще глупым ребенком.

Петр Прокофьевич Курочкин:

За оградой тюрьмы, не особенно далеко от нашего окна висел громкоговоритель. Иногда, когда ветер был в нашу сторону, до нас доносились отрывки текста, слышнее было, когда играла музыка. И вот однажды, еще до подъема, меня тихонько толкает в бок Василий Васильевич. Сон в тюрьме чуткий, и я тут же вскакиваю:

– Что случилось?

– Тс, – шепчет он, – что-то случилось, ты прислушайся.

Я слышу, ветер доносит траурную музыку, потом она обрывается, что-то говорит диктор, опять играет траурная музыка, опять диктор...

Парин говорит:

– Уж не Сталин ли умер?

Я отбросил одеяло, подбежал к окну, взобрался на подоконник и к самой фрамуге подставил ухо. Конечно, тотчас открылся глазок, но я отмахнулся от надзирателя, а он в нерешительности – поднимать шум из-за этого нарушения или нет, ведь тюрьма еще спит, подъема не было. Пока он раздумывал, я услышал голос Левитана, сообщавшего о смерти Сталина.

Профессор Лев Лазаревич Шик²⁰:

Он как-то сказал мне:

– Я знал, что либо умру в тюрьме, либо Сталин умрет. Пока Сталин жив, я обречен.

Петр Прокофьевич Курочкин:

Через несколько месяцев меня перевели в другую камеру, маленькую, на четверых, в которой я и встретился с Жегановым. Причина перевода – это я понял позднее – состояла в том, что началась реабилитация; то одного, то другого зэка отпускали, что вызывало понятные надежды и у других. Я же из-за «бандеровца» реабилитации не подлежал, и начальство хотело, чтобы такие, как я, знали об этом поменьше.

Однажды я простучал в пол, просил передать

---

²⁰ Шик Л.Л. (1911-1996) – физиолог, профессор, специалист по физиологии кровообращения и дыхания.

Парину привет. Мне ответили:

– Его среди нас нет.

– Как нет? – спросил я.

– Его увезли, может быть, на свободу, а, может быть, нет.

Позднее меня перевели в еще меньшую камеру, на троих, и еще сильнее изолировали от мира. Койки там прижимались к стене, а днем, если прилечь или сесть, опускались вниз, так что можно было только сидеть на табуретке, там были три табуретки, вделанные в пол. Никакой связи с внешним миром: ни денег, ни посылок, ни переписки – настоящая могила. В конце концов, я не выдержал, стал колотить в дверь. Когда загремели запоры, я, не помня себя, подбежал к окну и с такой силой рванул решетку, что она так и осталась у меня в руках. Еще секунда, и я швырнул бы ее в голову вошедшему, но меня остановил спокойный голос незнакомого капитана:

– Вы не знаете, в кого хотите бросить.

Я бросил решетку на пол возле себя. Я сказал, что лучше пусть нас убьют, потому что находиться в таких условиях все равно, что в могиле.

Оказалось, что в тюрьме произошли перемены, о которых я не знал. Вошедший был капитан Крот, он заменил Розанцева, того убрали, куда он делся, не знаю. Крот все переменял. Режим стал мягче, мы начали работать – переплетать книги. Однажды, идя с работы по коридору, я остановился у камеры, где сидели грузины. Говорили, что среди них находится Василий Сталин, и я хотел посмотреть на него. Ребята меня прикрыли, а я прильнул к глазку, но Сталина там не было. Охранник кричит, чтобы я отошел. Я все смотрю. Он подошел, ухватил меня за рукав, я вырвался и двинул ему по роже. Он пожаловался, но ребята не подтвердили его обвинений, и мне ничего не было.

С капитаном Кротом мы стали друзьями. После освобождения я переписывался с ним. Он предлагал переехать во Владимир, я так и сделал. Поначалу жил у него, потом получил общежитие. Потом женился, недавно получил квартиру.

Как-то я зашел в пивной бар выпить кружку пива,

вдруг подходит ко мне мой бывший надзиратель, тот самый, что меня от камеры грузин отгонял, и говорит:

– Петя, можно с тобой посидеть? Ты уж извини меня, что я тогда на тебя настучал.

Григорий Фаддеевич Башихес:

Из Владимира Парина привезли в Москву, прямо на Лубянку, и ввели в кабинет какого-то полковника. Тот спросил:

– Как доехали, Василий Васильевич?

– По всем тюремным правилам.

– Извольте шутить?

– Так точно.

Тут ему объявили, что он освобожден. А он уже не надеялся увидеть жену и детей.

Нина Дмитриевна с четырьмя детьми жила в Столешниковом переулке. Я иногда приходил к ним, навещал. И вдруг звонок от нее. Как сейчас помню этот взволнованный срывающийся голос:

– Григорий Фаддеевич, приезжайте. Василий Васильевич дома!

Я тотчас помчался к ним, вошел и – расцеловался с ним. Передо мной стоял немощный старик с густой белой бородой чуть не до пояса. Это было в 1953 году, 29 октября. Я хорошо помню дату, потому что это день моего рождения.

Василия Васильевича освободили так рано, потому что ему помог Бакулев, тогдашний президент Академии Медицинский Наук²¹.

Василий Васильевич Парин – А.Н. Бакулеву:

«Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Считаю своим святым долгом написать эти первые строки после моего возвращения в Москву Вам, так как из рассказа Нины Дмитриевны я узнал, сколь многим и я, и вся моя семья обязаны Вам за возвращение мне доброго имени, прав гражданина и отца, и возможности снова отдаться

---

²¹Александр Николаевич Бакулев (1906-1967), ученый-хирург, академик, был президентом АМН с 1953 по 1960 г.

общественно-полезному труду.

Примите мою сердечную благодарность и глубочайшую признательность всей нашей семье от мала до велика.

Глубоко уважающий Вас и до конца своих дней благодарный и преданный Вам.

(Подпись)

31/X-1953 г.

Простите за то, что прибегаю к помощи пишущей машинки, по причинам, которые Вы, надеюсь, поймете, не могу сегодня владеть своим почерком».

Георгий Павлович Конради:

Я встретился с Париным в Медгизе, куда я пришел в связи с изданием учебника, который мы написали вместе с Быковым. Я поднимаюсь по лестнице и вдруг слышу:

– Георгий Павлович! Не узнаете?

В первую минуту я действительно не узнал его, настолько он изменился.

Теперь я мог хоть частично отблагодарить Василия Васильевича за ту помощь, какую он оказал мне во время войны.

Я был одним из редакторов реферативного журнала ВНИИТИ²² и отвел его в редакцию, где он и работал первое время после «возвращения к жизни», как он это называл.

Я побывал у Василия Васильевича дома. У них была на шестерых одна комнатка, разгороженная шкафами. Еду готовили на электроплитке.

Вскоре Александр Леонидович Мясников²³ предложил мне заведование физиологической лабораторией в его институте терапии, но моя работа меня устраивала, и я предложил это место Парину. Он отказался, сказав, что, по видимому, поступит в институт гигиены труда. Однако через три дня он позвонил мне и спросил, действительно ли я готов уступить ему место у Мясникова. Я подтвердил это, тем более что в случае конкурса прошел бы он, а не я.

---

²² Всесоюзный научно-исследовательский институт технической информации.

²³ Мясников А.Л. (1899-1965) – академик АМН СССР, директор института терапии.

Война застала ленинградского физиолога Г.П. Конради (1905-1982) в Сухими. Вернуться домой он не мог, и вскоре очутился на маленькой железнодорожной станции на Урале – без крыши над головой, без работы и средств к существованию. Написал письмо Парину, хотя лично с ним не был знаком, и вскоре получил от него правительственную телеграмму о направлении в Саратовский мединститут для научно-преподавательской работы и завершения диссертации. Когда диссертация была готова, Парин, несмотря на невероятную занятость, согласился быть оппонентом, а после успешной защиты, помог ему получить назначение заведующим кафедрой во Фрунзе.

Анна Михайловна Григорьева:

В 1954 г., зимой, я сидела на скамейке во дворе института терапии с одним больным, которого пришла навестить. Вдруг слышу знакомый голос:

– Анна Михайловна! Вы меня не узнаете?..

Это был Василий Васильевич. Я тотчас бросилась к нему. Внешне он изменился до неузнаваемости. Это был поседевший и облысевший, очень уставший и состарившийся человек. Он как раз шел к Мясникову договариваться о работе в его институте.

Лев Лазаревич Шик:

После возвращения он был болен, врачи не разрешали много ходить, купаться. Помню, мы вместе были на даче. Хороший летний день, я, Василий Васильевич и его сын лежим на берегу речки. Мы с сыном Василия Васильевича идем купаться, сам он остается на берегу. Вдруг слышу всплеск, будто кто-то прыгнул в воду, и уже Василий Васильевич плывет к нам саженками.

– Тебе же запретили купаться! – говорю я.

– А ну их!..

Потом лежим на песке, загораем. Василий Васильевич говорит:

– Вот не думал, что буду лежать так, вот не думал, что буду купаться в реке...

И так он говорил о многом – о лесе, охоте, грибах.

О подробностях тюремной жизни я расспрашивать не решался, а сам он никогда об этом не заговаривал, хотя

чувствовалось, что он помнит об этом всегда.

Анатолий Васильевич Мареев:

В 1954 г. я демобилизовался из армии, где был врачом, и поступил на работу в Физиологическую лабораторию института терапии. Василий Васильевич полностью еще не был реабилитирован и находился в сложном непонятном положении, которое тяжело переживал. Он приходил, молча садился за стол и сидел, наклонив голову и держа перед собой сплетенные руки. Бывали дни, когда он просиживал так много часов и уходил. Такое его состояние продолжалось недолго, но я застал его таким.

Все же он дал мне тему по баллистокардиографии, и мы начали работать.

Лев Лазаревич Шик:

У Мясникова он занимался баллистокардиографией, организовал конференцию, внедрил у нас этот метод. И одновременно много работал по реферированию в биологическом журнале, причем очень был доволен этой работой, считал, что она много ему дает. Вообще проявил необычайную жизненность на рядовой работе. Благодаря этому и пошел снова в гору.

Анатолий Васильевич Мареев:

Конструкция первого баллистокардиографа была описана американским ученым Старом в 1939 г., но у нас в стране этого метода не знали. После выхода из заключения Парин первым делом перевел и издал наиболее ценное иностранное руководство по баллистокардиографии. Через несколько месяцев после его прихода в Институт терапии мы уже сконструировали первый баллистокардиограф и начали с ним работать. Этот прибор позволяет регистрировать и преобразовывать в электрические сигналы те незначительные сотрясения организма, которые происходят из-за сокращений сердечной мышцы, то есть из-за сердцебиения. Снимаемые с его помощью характеристики позволяют судить о сердечной деятельности больного или здорового человека. Правда, они дают только суммарную картину работы сердца. В случае отклонения от нормы баллистокардиограмма не всегда позволяет судить о том, в

чем именно состоит болезнь. Однако совместно с электрокардиографом баллистокардиограф является одним из важнейших инструментов, позволяющих безошибочно диагностировать сердечные заболевания.

Таким образом, данная мне Василием Васильевичем тема была не случайной. Она отражала всегдашний пристрастный интерес Василия Васильевича к новым методам исследования, особенно к таким, которые позволяют обходиться без вмешательства в организм и потому могут быть применены непосредственно к человеку.

Времени для научной работы у него было тогда больше, чем позднее, и он мне много и очень конкретно помогал, делал гораздо больше, чем полагалось научному руководителю. Он даже переводил для меня иностранные работы с незнакомых мне языков: испанского, итальянского, румынского.

Он говорил, что в тюрьме общался с людьми разных национальностей, в частности с итальянцами. Чтобы нормально общаться с ними он мобилизовал свои обширные лингвистические познания, особенно латынь, французский и английский, и обнаружил к собственному удивлению, что может понимать и объясняться с итальянцами. Так он обнаружил в себе редкий лингвистический дар, сочетавшийся с превосходной памятью. Он говорил, что одно и то же слово дважды в словаре никогда не искал.

Анатолий Васильевич Мареев:

Помню важное событие в его жизни, происшедшее почти на моих глазах. Мы на себе проверяли работу баллистокардиографа. Я лежал под прибором, а Василий Васильевич приложил его ко мне, и в это время его позвали к телефону. Вернулся он очень взволнованный, подбородок его дрожал.

– Ну, Анатолий Васильевич, есть все же правда! Мне только что сказали, что я полностью реабилитирован. Извините меня, но я не могу сегодня работать. Я пойду домой.

Вскоре, словно наверстывая упущенное, он обнаружил колоссальную энергию и работоспособность. Особый дар был у него связан с умением находить и

привлекать к работе способных людей.

Заключение

В.В. Парин был полностью реабилитирован 13 апреля 1955 г. и снова круто пошел в гору. Вскоре он становится заведующим кафедрой в Центральном институте усовершенствования врачей, снова избирается академиком-секретарем АМН, а затем и вице-президентом АМН, становится директором Института нормальной и патологической физиологии, затем Института медико-биологических проблем. Его избирают академиком «большой» академии. Он руководит крупными коллективами ученых, возглавляет биологическую часть космических исследований, научно обосновывает возможность полета человека в космос, готовит Юрия Гагарина и других первых космонавтов к полетам.

Полет Гагарина – кульминационный момент жизни и деятельности Парина. Ради этого момента, по его собственным словам, «стоило прожить жизнь». Об этом он говорил в многочисленных интервью, об этом же написал в письме жене Нине Дмитриевне с космодрома, от 12 апреля 1961 года, отправленного ей... через космос. Юрий Гагарин взял письмо с собой в полет и вернул после приземления.

«Пусть небывалый до сих пор путь моего письма, – написал Парин, находясь в состоянии полного восторга и счастья, – будет символом того, что моя любовь к тебе – моему верному другу, дорогой жене и матери моих детей – не знает границ и пределов».

Такие слова на ветер не бросают, и надо сказать, что избранница его сердца вполне их заслужила. Ее преданности, ее энергии, ее верности Парин был обязан многими своими достижениями, в значительной мере и тому, что выжил в аду, что вновь зажил полноценной творческой жизнью.

Казалось, что тюремное прошлое осталось навсегда позади. Но к концу 1960-х годов стало выясняться, что тюрьма заложила в организм Василия Васильевича мину замедленного действия – в виде перенесенной, но не вылеченной до конца инфекционной желтухи (гепатита).

Врачи диагностировали цирроз печени. Болезнь развивалась медленно, но неуклонно. Василий Васильевич, стиснув зубы, боролся, но силы постепенно иссякали. В сентябре 1968 году он оставил пост директора института медико-биологических проблем, объем выполняемой им работы сужался. Василий Васильевич Парин скончался в Москве в 1971 году в возрасте 68 лет.

Симон Шноль

**Л.А.Блюменфельд:
Биофизика и Поэзия**

**(к 50-летию кафедры Биофизики
Физического факультета МГУ
им. М.В.Ломоносова)
(продолжение. Начало в №4/2011 и сл.)**

**ПАРА-СЕРДЕЧНЫЙ РЕЗОНАНС
Оперетта**

Музыка и слова народные

Посвящается 50-летию Л.А. Блюменфельда

действующие лица и исполнители:

1. Лев Александрович, профессор-биофизик –
Володя Дещеревский
2. Студент-биофизик, вызывающий умиление –
Армен Сарвазян
3. Студентка-красавица - Таня Сарвазян
4. Старый, великий, капризный физик-химик –
Саша Замятнин
5. Руководящий работник. Администратор-
философ. - Генрих Берестовский
6. Экстра-классный, но циничный радиотехник. –
Виктор Морозов
7. Талантливый, всегда пьяный и пьющий
стеклодув. - Миша Чаплий
8. Очень молодая цыганка. - Оля Кондрашова
9. Аспиранты, студенты и прочие люди.
10. Хор

Сцена 1-я

На сцене стол и стул. Большие конторские счета.

Раздается музыка – аккомпанемент выходной арии
Л.А. Он быстро Выходит на сцену и поет:

Всю жизнь служу резонансу –
Повсюду его нахожу!
Пусть тянет пропойцу к пьянству –
А я резонансу служу!
(Хор: А я резонансу служу!)
Но что резонанс электронный?
И вам он и мне надоел...
Мелькнула сегодня идея
Такая, что я обомлел...
(Хор: обомлел, обомлел)
Сердец резонансом опасным
Займемся мы с вами друзья.
Теорию в первом наброске
Сегодня же сделаю я!
(Хор: сердец резонансом опасным, опасным,
опасным...)

Л.А. садится за стол и начинает создавать теорию.
Считает на канцелярских счетах и ругается: «Черт, никак не
могу сладить с бесконечностью!», «Нет, ничего так не
выйдет. Однако есть испытанный способ что-нибудь понять:
нужно прочесть по неясному вопросу лекцию...»

Поет арию о пользе лекций: (мотив из «Давным-
давно Т.Хренникова):

...Идешь на лекцию, не знаешь
Зачем идешь, зачем идешь
И что сказать...
Но взглядом юным ободренный...
Начнешь читать, начнешь читать, начнешь читать –
Слова приходят без задержки
И мысли, мысли льются через край –

Глядишь – теория готова:
Понятно все, понятно все -
Не жизнь, а рай!
(Хор: понятно все, понятно все, не жизнь, а рай)

Сцена 2-я

Л.А. читает лекцию. Доска, мел. На переднем плане перед ним студент-биофизик, вызывающий своим умным видом умиление и студентка-красавица. Л.А. рычит, вращает глазами, делает (от напряжения) страшное лицо. Студент – биофизик слушает с явной работой мысли. Временами, осознав, просветляется. Л.А. тут же умиляется. Студентка-красавица неотрываясь смотрит на лектора, медленно взмахивая ресницами и завлекательно улыбаясь. (Л.А. смущается, но преодолевает).

Л.А.: «Итак, напишем пси-функцию, характеризующую состояние пары сердец. Хотя строгое решение этой системы, по-видимому, невозможно, приближенные значения этих пси-функций могут быть найдены посредством подбора коэффициентов. Величины n в каждом уравнении характеризуют возраст (число лет) каждого из партнеров, величины g – соответственно их вес (в кг).

Обозначим α отношение возрастов, а β – отношение весов партнеров, т.е. $\alpha = n_2/n_1$ и $\beta = g_2/g_1$

Тогда условие парасердечного резонанса можно будет записать так:

$$1,5 \leq \alpha + \beta \leq 2,0$$

Для иллюстрации правильности теории, подставим в эти формулы реальные величины. Э-э-э-э, возьмем, например, данные для присутствующих на лекции. Ну, например, Ваши и Ваши (показывает на студента и студентку). Да, назовите, пожалуйста, Ваше имя (к студенту). Студент: - Сергей.

Л.А.: Пусть Сережа будет иметь индекс «1». А Вас, простите (очень вежливо) как зовут? (к студентке).

Студентка : долго шевелит ресницами, затем загадочно улыбаясь: Саша.

Л.А.: Итак, Саша, Вы будете иметь индекс «2».

Л.А.: Сережа, Ваш возраст?

Студент: - 20.

Л.А. Так, а чему у нас равно n_2 ?

Саша шевелит ресницами. Л.А. таит, но берет себя в руки: -

- Ну, хорошо, пусть $n_2 = 17$.

Итак, α равна $17:20=0,85$

(Саша и Сережа подозрительно смотрят друг на друга)

Л.А. Прекрасно, теперь определим величину β . Ваш вес Сережа?

Сергей: - **60**.

Л.А.: А Ваша, простите?

Саша молчит и шевелит ресницами. Л.А.гает, но берет себя в руки;

-Ну, хорошо, пусть g_2 (в нерешительности) равно...

50.

Следовательно, $\beta = 50:60 = 0,825$

Теперь оценим возможность парасердечного резонанса: $\alpha + \beta = 0,85 + 0,825 = 1,675$.

Сергей и Саша неотрываясь смотрят друг на друга и поют дуэт:

Дует Сергея и Саши (колоратура в басовом сопровождении) – мелодия арии Суок «с ключиком» из оперы В.Рубина «Три толстяка»:

Без волнения, без трепета
Мы на лекцию пришли.
Потрясенные теорией,
Мы друг друга здесь нашли.

Неожиданно мы поняли:
Сердца бьются в унисон.
В резонансе мы находимся.
Жизнь – как прекрасный сон.

Вес и возраст с неизбежностью
Предрекли нам резонанс.
Ах, мы слушали не лекцию,
А лирический романс!
(Хор: мы слушали не лекцию, а лирический романс...)

Сцена 3-я

Старый, великий, капризный физик-химик говорит по телефону (он взволнован, говорит настойчиво, капризно

растягивая слова и прерывая собеседника):

- Ах, послушайте, Николай Михайлович, это грандиозно. Это волнует. Я всегда ждал от него чего-то такого, невероятного. Очень талантлив. Очень. Да, скажите там на машине, пусть сегодня же посчитают таблицы для α и β и для n_2 и n_1 для четырех порядков! И обязательно экстренно сообщите в ТАСС, в Нью-Йорк Таймс и в Пионерскую правду: в науке сделан большой шаг.

Поэт (на мотив «Калитки):

Много

Много

Сотрудников

Больше, чем в отаре колхозной овец –
Не могли столько лет разобраться
В чем причина влечения сердец!
Но теперь, мы теперь понимаем:
Вес и возраст - причина всего!

И она лишь его обожает,

Ах, она любит только его!(Хор: любит только
его, только его, только его)

Сцена 4-я

Экстра-классный, но циничный радиотехник с папиросой в углу рта и паяльником в руке, рассматривает внутренности прибора (усилителя):

-3-ий день занят этой бадягой. Хорошо еще Толик принес полевой транзистор, а то б так и закис в этой схеме. Чего только не взбрдет в голову Льву. Чушь какая-то. Альфы, беты. Сделать бы установку, чтоб при резонансе наливала пиво и выдавала б раков. Свистит, а затем поет :
(марш гвардейцев и оперы В.Рубина «Три толстяка»)

Ни альфы мне, ни беты мне –
Кому они нужны?
Без альфы и без беты
Красавицы нежны!

Ни возрастом, ни весом
Меня не удивишь.

Красою ненаглядною
Меня лишь ты прельстишь!

Не будь красотка мелочна –
Сочтемся как-нибудь!
Тебе – воспоминания,
А мне далекий путь.

Ни альфы мне, ни беты мне –
Кому они нужны?
Без альфы и без беты
Красавицы нежны!

Сцена 5-я

Руководящий работник. Администратор-философ.
Стоя лицом к публике, назидательно резонерствует:

- Наука тогда наука, когда он обладает – Чем? –
правильно, когда она обладает пред-ска-затель-ной силой.

Посредством этого критерия мы всегда можем
отличить науку – От чего? – правильно, от лже-науки.

Еще Ломоносов ввел в научную практику весы. Лев
Александрович достойно продолжил его дело : посредством
весов и метрических записей ЗАГСа он определяет резонанс
пары сердец или пара-сердечный резонанс. А это значит,
товарищи, что в этом важном деле будет исключена
случайность. Поскольку, товарищи, наука враг чего?
Правильно, наука враг случайности.

Учитывая вышесказанное я предлагаю разрешить
Льву Александровичу залезать на пьедестал памятника
Ломоносову по воскресеньям с 9 до 10 часов утра.

Аплодисменты

Товарищи! Разрешите считать ваши аплодисменты
за единодушное одобрение.

Сцена 6-я

Талантливый всегда пьяный и пьющий стеклодув:

Не общественное дело! Эгоистическое.
Объединяться парами и никого вокруг не замечать. Вот,
если трое соберутся – здесь уже и дружба и бескорыстие.
Священны узы «на троих». А если кто присоединится - и с
ним поделятся. И очень аккуратно и справедливо. А если

компания? Вот это самое лучшее! Но тут какая-никакая закуска, а нужна. А Лев, ничего мужик подходящий. Вот занялся не тем. Зарплату получает, а не тем занят. А ведь как бы мог жить!... поет (мотив и стиль Л.Руслановой «Очаровательные глазки»):

Вы что сидите с важным видом
В лабораториях своих?
Вас превзойдем единым мигом,
Сообразив лишь на троих

Прошедших лет осадок мутный
Смотреть мешает нам на свет.
Для просветленья взгляда – выпьем:
Другого средства в мире нет!

Мне говорят: «Глаза налил ты» -
А что же? – Правду говорят!
В спирту осадок растворяю –
И ясным делается взгляд

Чем чепухою заниматься –
Ты растворители ищи!
Чтоб эффективней растворялся
Осадок в глубине души.

Вы что сидите с важным видом
В лабораториях своих?
Вас превзойдем единым мигом,
Сообразив лишь на троих.

Сцена 7-я

Праздник по случаю великого открытия. На сцене все, бывшие ранее: Л.А., Сергей + Саша, Старый, великий, капризный физик-химик, руководящий работник, администратор-философ, экстра-классный, но циничный радиотехник, талантливый, всегда пьяный и пьющий стеклодув. Затем появляется очень молодая цыганка. Окружают Льва. Сергей и Саша все время вместе. Все время смотрят друг на друга. Старый, великий и пр. все время удовлетворенно кивает головой. Адм.философ размеренно и

четко (не громко) аплодирует. Радиотехник и стеклодув время от времени чокаются и выпивают за здоровье Л.А.

Радиотехник: «Знаешь Лева, теория, я тебе скажу, кислая: очень узка зона резонанса. Такой добротности не может быть в биологии.

Стеклодув: «А я тебе говорю – выпьем!»

Адм.философ: «Критерий истины – практика! Посмотрите на Сергея и Сашу! (Сергей и Саша вполголоса поют к-л. Индийскую песню о любви, как в кинофильме «Бродяга»). Когда они кончают старый, великий и пр. растроган. Крутит головой. Вынимает платок. Говорит: «Да, Лев Александрович, это, по-видимому, лучшее, что Вы сделали до сих пор. Я полагаю найденные Вами численные значения условий резонанса, эти таблицы для α и β останутся в поколениях, как остались таблицы логарифмов и формул дифференцирования после Лейбница и Ньютона. Но, знаете, школьники будут выучивать Ваши таблицы куда охотнее.

Радиотехник: «Все так. Но... сделаем опыт (Объявляет, как профессиональный конферансье): Выступает юная артистка театра Ромэн Маритана!» Музыка. Цыганский танец «Ручеек».

Маритана танцует.

Все впадают в резонанс. Все вовлечены в танец, подхватывают припев и хлопают в такт. Цыгане уходят. Потрясенная тишина. Сергей и Саша снова устанавливаются друг на друга.

Старый, великий и пр.: «Ах, что же это она ушла? Мне это не нравится! Хочу, чтобы она снова пришла!»

Адм.философ: «Мне трудно говорить, товарищи, но она прекрасна. Пойду сейчас за нею, может быть она где-нибудь еще будет выступать...»

Л.А. смущен.: «Постойте, постойте, дайте-ка я посчитаю. Сегодня мне 50, вес 80. Ей 15, вес 40. $15/50=0,33$; $40/80=0,5$. $\alpha + \beta$ всего = **0,83!**

Обращается ко всем: численные значения в моих уравнениях не верны. $\alpha + \beta$ может быть равно и 0.83!

Старый, великий и пр. Нет почему же только 0,83 ? А если мне 75 и вес 60? Сумма $\alpha + \beta$ будет **0,5...**

На сцене ералаш. Адм.философ ходит , взявшись за голову. Радиотехник пытается освободиться от потрясения, приглашает стеклодува выпить, но тот ...отказывается (!)

Л.А.: «Придется теорию обобщить. Стало ясно, что условия пара-сердечного резонанса соответствуют любым значениям α и β ! Это расширение зоны резонанса делает мою теорию безупречной и верной при всех обстоятельствах!

Всеобщее ликование!

Старый, великий и пр. берет телефонную трубку: «Алло! Николай Михайлович! Передайте, пожалуйста в ТАСС экстренное сообщение. В лабораториях советских ученых. В последний час. В день своего пятидесятилетия выдающийся биофизик Лев Александрович (фамилию не называет) предложил обобщенный вариант своей теории «Общую теорию отношения веса и возраста при пара-сердечном резонансе». Он обнаружил, что резонанс возможен при любых значениях параметров уравнений, описывающих состояние сердец. Этим он еще раз показал, сколь плодотворно сочетание глубокого физического мышления с широким, поистине общебиологическим подходом»!

Все берутся за руки и поют заключительный хор:

Финальный хор

Высотный дом
Дворец старинный
Леса и степи по Оке

Призыв весенний журавлиный
Рука товарища в руке

Незабываемо, незримо
На кафедре промчались дни
Пускай года проходят мимо
У нас в сердцах живут они

Мы Блюменфельда поздравляем –
Нам не к чему сухой закон
Мы за его здоровье выпьем

И с нами чокнется пусть он

Спектакль прошел вполне успешно. Володя Дещеревский в роли Блюменфельда был прекрасен. Саша Замятнин вполне вошел в роль «старого, великого, капризного и т.д» (...Н.Н.Семенова). Трудность была у Миши Чаплия в роли стеклодува – он перед спектаклем подбирал для натуральности дозу растворителя и (немного) «перебрал». Впрочем, стало еще натуральнее...Юная цыганка – ей было 11 лет – отплясала вдохновенно – это была Оля Кондрашова.

«Блюм на войне»

Важнейшим событием жизни нашей страны в XX веке была Великая Отечественная война. Наши студенты остро воспринимали рассказы о войне.

Как получилось, что в первые недели и месяцы была разгромлена наша могучая армия? Миллионы красноармейцев попали в плен. Сотни тысяч убиты. Смерть, пожары, слезы детей и матерей. Аресты и расстрелы довоенных героев. Бездарность преступных вождей. Отчаянный, массовый героизм. И мы победили!

У нас был свой непосредственный участник этих событий. Он (и это было характерно для настоящих фронтовиков) мало рассказывал о конкретных «боевых действиях».

Л.А. считал, что перелом в войне произошел, когда почти не осталось довоенных кадровых командиров. Когда командовать ротами и батальонами стали наскоро обученные люди мирных профессий – т.е., «на самом деле», российские интеллигенты – учителя, бывшие студенты, инженеры, журналисты, архитекторы и бухгалтеры. Они действовали более по «здравому смыслу», чем по уставам и, в том числе, поэтому побеждали свято следующих приказу немцев («Ordnung!»). Ведь правда же, что 17 октября 1941 года передовой танковый десант немцев без препятствий, по шоссе «приехал» в Химки и танкисты с возвышенности разглядывали незащищенную Москву и сфотографировались на фоне видимого вдаль Кремля! и вернулись обратно – доложить начальству... У них не было приказа взять Москву! А между ними и Кремлем было лишь

несколько милиционеров! Это ночью (По приказу Г.К.Жукова) там были поставлены «ежи» из сваренных крестом отрезков рельс и организована оборона. Это там воевал Николай Перцов и Роман Хесин. Это там был поставлен памятник, недавно перенесенный «в более удобное» место, – чтоб не мешать автомобильному движению...

Нет, наши на месте немцев взяли бы Берлин в аналогичной ситуации...

Наверное, это было в июле (августе? Сентябре?) 1941 года – студенты МГУ были направлены на копание противотанковых рвов в районе Сухиничей. Тяжелейшие земляные работы. Глубокие рвы, когда нужно было копать в две стадии – из самого глубокого уровня землю выбрасывают – выносят – на промежуточный уровень, а оттуда уже лопатами наверх. Силы покидали их. И вдруг – приехал начальник – «немцы обходят линию предполагаемой обороны! Быстрее! Из Сухиничей еще, может быть, удастся уехать, будет поезд в Москву». Студенты бросились бегом, нужно было много километров бежать к этому поезду. Л.А. от усталости обессилел. Его почти на себе тащил более мощный однокурсник Сергей Энтелис. (82-летний С.Энтелис рассказал мне об этом в автобусе, когда мы ехали после похорон Л.А., и многие детали я забыл, уточнить невозможно – С.Энтелис умер через 3 месяца...).

Л.А. не взяли сразу в армию – репрессированный отец, не надежен! В октябре он не написал об этом в анкете, и тогда его мобилизовали. Но в Москве был уже полный беспорядок – в толпе призывников пришлось сначала пешком пройти многие километры по знаменитой «Владимирке» как раз, чтобы оказаться в г. Владимире, где еще работали военкоматы... Это все в красках представлено в книге Л.А. «Две жизни».

Он написал эту книгу в 80-е годы. Издал ее в 1996 году на свои деньги С.Никитин. Но даже в этой книге мало рассказов о войне. Это более художественно-литературное, чем детально-документальное, произведение с размышлениями о жизни и о стране. Там два героя – и оба

они, как утверждает автор – он сам. Один – сын репрессированного отца, прошедший войну и занятый наукой, другой - его друг, крупный деятель КГБ, академик и босс. Нет. Мне кажется, этот литературный прием не удался – не получилось соединение двух обликов в один. Но там есть картины войны, а именно они наиболее ценны в этом контексте. Отсылаю читателей, интересующимися такими картинами, к этой книге.

Мне представляются важными компонентами наших праздников «истории», рассказываемые «без звериной серьезности» участниками этих собраний. Сюжеты этих «историй» были разными. Но среди них главным была Великая Война.

Я переизлагал серьезные рассказ Л.А. по-своему. Так, я рассказывал, как лейтенант Блюменфельд – начальник разведки Полка самоходных артиллерийски установок, как и начальники более высоких рангов, потеряли бдительность. Это было ранней весной 1945 года в Венгрии, у озера Балатон. Им казалось, что враг сломлен и не опасен. Блюм сидел верхом на хоботе самоходной пушки и ел черешню, выплевывая косточки в направлении невидимых и поверженных немцев. Как вдруг показались мощные колонны танков и орудий, едущих на них прямо по шоссе! («куда смотрела разведка!»?). Завязался страшный встречный бой. Блюм был тяжело ранен. Его лихие разведчики вынесли бессознательного лейтенанта из боя и принесли его в палатку, где усталый хирург, капитан медицинской службы, оперировал доставляемых раненых. Он собирался сразу же, ввиду характера ранения, ампутировать ногу. Но разведчики сурово сказали: «ногу лейтенанту не тронь!». В острой дискуссии капитан уступил – он обработает рану и оставит окончательное решение за медсанбатом... Но, чтоб за это ему доставили бочку с немецким бензином – а то у него трофейный Оппель, он на нашем бензине не ездит...Лихие разведчики добыли бочку и прикатали ее капитану. А дело было серьезное. Могла начаться гангрена. Бой затих и начальник артиллерии Полка (начальник Артиллерии в артиллерийском полку!!!) – друг Блюма повез его в тыл (в Медсанбат?). Там хирурги решили не удалять ряд мелких

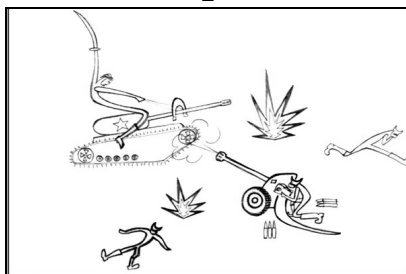
осколков, оказавшихся вблизи магистральных кровеносных сосудов и началось многомесячное лечение в госпитале. Эти осколки давали о себе знать всю жизнь. Много лет после они «пошли» - развилось воспаление, образовавшиеся тромбы попали в сердце и стали непосредственной причиной смерти Л.А.

Эта история у озера Балатон стала сюжетом уникального мультипликационного фильма «Блюм на войне». Рисовали этот фильм великие художники Саша Климов и Армен Сарвазян. Л.А. растворялся от удовольствия на этих праздниках. На рисунках приведены уцелевшие фрагменты этого фильма.

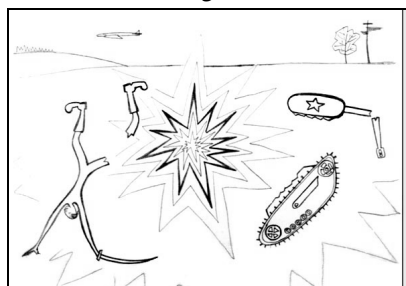
1

2

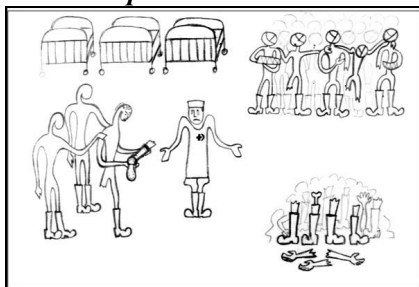

3

4

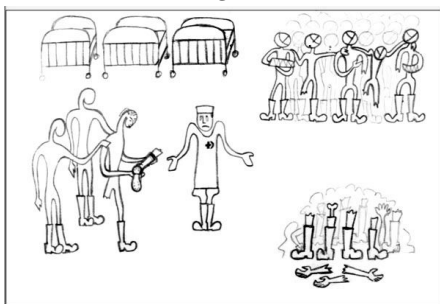
В результате прямого попадания в танк...

Капитан медицинской службы смущен – множество работы... очередь раненых... нужно пришить столько ног и рук...

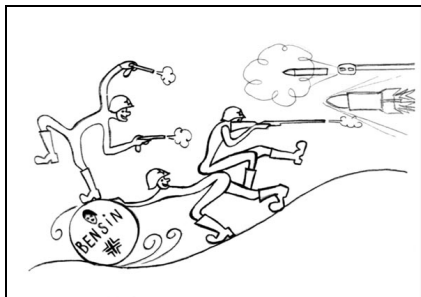
Но вот, если бы ему достали бочку немецкого бензина... у него трофейный Опель, он на нашем не ездит...

5

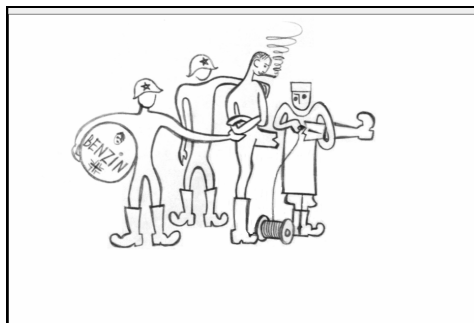
Разведчики делают подземный ход к немецкому аэродрому...

6

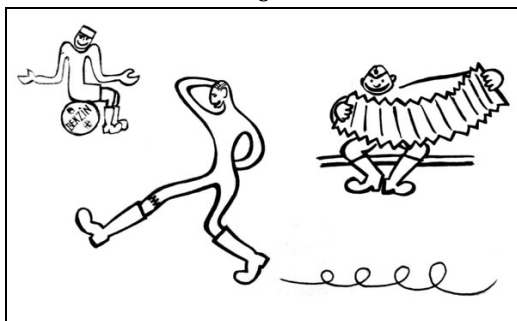
и укатывают, отстреливаясь, бочку бензина...

7

Капитан медицинской службы пришивает Блюму ногу...

8

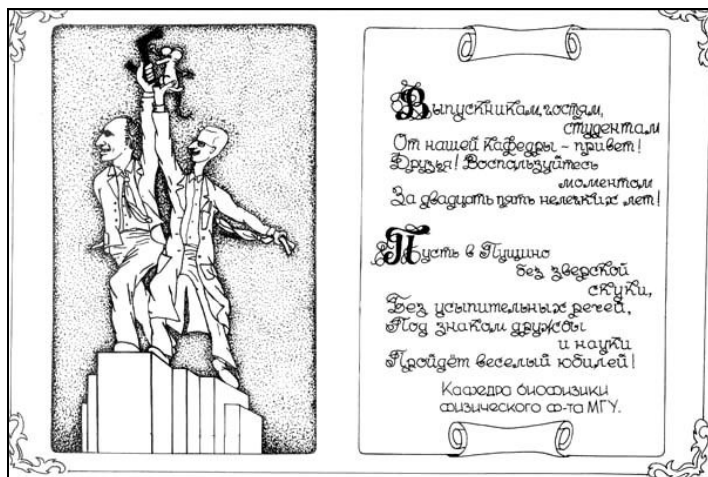
Все в порядке! Все довольны...

**Авторы рисунков А.Климов и А.Сарвазян
«Шли годы...»**

Кафедральные праздники – эти «станции на пути во времени» сильно отличались друг от друга. 20-летие, 25-летие и 30-летие кафедры мы праздновали в Пушкино. И многих уже не было на следующих остановках.

Мне представляются кульминационными два наших юбилея: в 1984г и 1989 г. (25-и и 30-и летия). Еще почти все бодр и интенсивны. Но уже ясно, что происходит «смена караула». Л.А. передает руководство кафедрой В.А.Твердислову. А в стране «перестройка». Вот-вот рухнет Советский Союз. Кипят политические страсти. Пусты магазины. Но все еще идет по устоявшимся нормам.

Поэтому я выбрал фотографии именно этих двух юбилеев для создания «зрительного ряда».

Пригласительный билет на праздник 25-летия кафедры Биофизики
Физического ф-та МГУ. Левая половина внутреннего разворота.
Рисунки Д.Ляхова

– правая половина разворота: «кафедральные иконы»:
И.Г.Петровский, И.Е.Тамм, Н.Н.Семенов, Н.В.Тимофеев-
Ресовский, А.А.Ляпунов (надо бы сюда еще портреты
А.И.Шальникова и Г.М.Франка...) (рис. Д.Ляхова)

Я собрался было рассказывать о том, как
замечательно мы праздновали 25-е юбилей нашей кафедры в

сентябре 1984 года в Пущино, и вспомнил, что на нашем празднике был Д.А.Гранин – он приехал в Пущино, узнав что у меня есть множество магнитофонных записей Н.В.Тимофеева-Ресовского. Много километров магнитофонных пленок. Он как раз собирал материал для повести «Зубр». В 48-й главе этого произведения он рассказал о своих впечатлениях от нашего собрания. Мне кажется уместным процитировать отдельные фрагменты из этой главы.

«Биофизиков собралось много. Съехались они со всей страны. Формально - на праздник, но под предлогом праздника, развлечений и банкетов они проводили симпозиум. У них все шло наоборот. Впервые я видел столько биофизиков сразу. Выглядели они одинаково молодыми. Двадцатилетние, тридцатилетние, сорокалетние - при этом одинаково молодые. Свежие, загорелые лица. Усатые, бородатые, лысеющие мужчины, совсем юные девицы... Они одинаково бесились, у всех мелькали одни и те же словечки, шуточки, они одинаково хохотали, вернее гоготали. Сходство объяснялось тем, что они имели одних и тех же "родителей", происходили из одного гнезда - из кафедры биофизики физфака МГУ, которая справляла свой юбилей - четверть века существования... Билет на юбилейные празднества был сделан затейливо - со стихами и карикатурами на нынешних руководителей кафедры. На развороте билета выстроилась шеренга бюстов создателей, вдохновителей отечественной биофизики в университете. Бюсты корифеев напоминали римских императоров...

На сцену выходили докладчики, воспитанники кафедры. Они рассказывали о себе - кто что сделал после окончания. Говорили просто и весело, так что даже я кое-что понимал. Из зала перебивали репликами, остряли. Сами докладчики подтрунивали над собой больше всех. Они предпочитали иронизировать, нежели увеличивать значение своих работ. Такова была традиция – "никакой звериной серьезности"...

Боюсь, что занятия наукой – патология, - сказал Лев Александрович Блюменфельд. Он выступил последним, в заключение, как заведующий кафедрой. Он не хотел ничем

отличаться от своих студентов.– Многие из вас убедились, что удовольствие от науки – приманка для непосвященных. Радость успеха, что маячит впереди, достается так редко, что не следует на нее рассчитывать. Да и, кроме того, удовольствие вовсе не связано с большими результатами. Занятие наукой скорее напоминает мне болезнь вроде наркомании или алкоголизма. Пьешь потому, что не можешь не пить. Отказаться нет сил. Пьешь – и противно, как говорил один алкаш, но не пить еще противнее.

Лев Александрович припоминал, сколько у него лично было случаев такой радости за эти четверть века. Насчитал всего пять. То есть в среднем раз в пять лет выпадает успех, удовольствие найти что-то стоящее. И то один из случаев был ликованием неоправданным. Потом выяснилась ошибка – результаты пришлось опровергнуть, удача не состоялась. Остается четыре. Четвертый раз был десять лет назад, когда, чтобы что-то понять в неравновесных состояниях, пришлось писать о них книгу...

Другой случай произошел, когда он лежал в больнице с инфарктом. Нельзя было ни читать, ни писать. Оставалось думать – "занятие малопривычное для научного работника". Стал он думать и обдумал проблему слабых взаимодействий в биологии. Удачи и неудачи играют с исследователем в прятки. Возглавлял он одну работу, где обнаружили некие новые магнитные свойства в клетках. Обнаружили, возликовали, опубликовали. Потом усомнились, испугались, стали перепроверять, нашли грязь и опровергли собственную работу. Было, конечно, огорчительно. Но, как говорится, за честь можно и сгинуть. Однако кое-кто продолжил работу и позже нашел, что сомневались зря, ферромагнитные вещества, о которых шла речь, все же существуют... Это была самая шикарная неудача... Остальное время потрачено на рутинные опыты, на занудную обработку данных, никому не нужные отчеты... Оставаться лидерами среди них можно было, очевидно, только выступая на равных. Руководители кафедры сохраняли форму, потому что не пользовались никакими скидками – ни Л.А. Блюменфельд, ни старожил Пушина С.Э. Шноль. Им ничего не нужно было от своих бывших

учеников, так же как и тем от своих бывших учителей. ...Выпускники сидели по годам. Вдоль длинных столов ресторанного зала кучковалось более двухсот человек. Произносили тосты, выступали с воспоминаниями, с капустниками...».

(окончание следует)

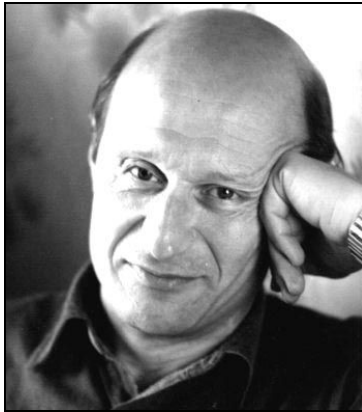

Михаил Юдсон

Красивых грез не создать

Александр Мелихов – известный российский писатель, публицист. Живет и творит в Санкт-Петербурге. Творческий механизм Мелихова устроен отменно: талант накрепко спаян с трудолюбием, да плюс счастливая тяга к письму, явная упорная работа над словом, перемальвающие муки и радости ежедневные жернова. Естественно, насыщенный литературный лехем ест он в поте лица своего. Чеканная расчисленность, векторная задуманность книг, романная выстроенность, доза зодчества вовсе не перечит периодическому взвихрению колонн кириллицы. Проза пластична, плотна, плодородна, «пахнет правдой», как писал один именитый владелец «Мелихова», и мысль острым лемехом вспахивает пласты смыслов.

Александр Мелихов

Мелихов – пахарь-мыслитель, так уж ему дано, его повествования весьма непросты и неизменно вспыхивают

глубинно (то дантово, то данково) – о, черноземно-белоснежная роскошь-россошь руссояза, цветные ветры, мелы и карсты! Тексты обращены сразу и к разуму читателя, и к некой нутряной зернистой сердцевине – чему-то подзабыто доброму, вечному.

Послушаем Мелихова.

- Расскажите, пожалуйста, немного о себе по бессменной схеме: люди и годы, жизнь и судьба, веки заветного пути Саши Мейлахса к писателю Александру Мелихову.

Путь самый обычный: мальчишка, для которого выдумки важнее реальности, — он уже писатель. Все, что его окружает, вызывает сильные чувства, все кажется значительным, неординарным... Но все-таки самыми неординарными оказываются не те фантомы, которые ты создаешь сам, не зная, что они фантомы, а те которые находишь в книгах. Собственно, способность ставить вымышленное выше реального и есть пресловутая духовность. Человека отличает от животного не умение держать в руках палку, а умение жить грезами, сказками. Писатель — это всего лишь концентрация человеческой сущности. Другое имя этой сущности — романтичность.

Вот я и жил обычными сказками — сначала о море, потом о небе, потом о науке. Физики — в них сливались все мужские доблести, как у Гранина в «Иду на грозу». Они и прыгают с парашютом, и обольщают красавиц, и творят Историю. Я тоже хотел творить историю, но в космос, в ядерную физику меня как полуеврея не пустили, а в обычной научной работе я довольно быстро перестал видеть чарующую сказку. Хотя работал с большим увлечением и вполне успешно. Можете набрать в Гугле А.М.Meilakhs — и увидите несколько десятков ссылок. Через тридцать лет это бывает нечасто.

А вот литература всегда оставалась чем-то нездешним. Я и начал черпать из этого источника. И черпаю до сих пор. Но когда я принес свой рассказ «Провинциал» в журнал «Звезда», редактор Александр Смолян посоветовал взять псевдоним: иначе-де могут счесть публикацию антирусской акцией. Тогда мне показалось диким, что

работу в русской литературе можно считать чем-то антирусским, но теперь я понимаю, что межнациональная конкуренция исчезнет лишь вместе с исчезновением наций.

Мою прозу и так-то не хотели печатать как слишком интеллектуальную, хотя сам я в ней ничего особенно интеллектуального не видел и не вижу, а если еще к ней привесить еврейскую фамилию... Получится как в анекдоте про негра, читающего еврейскую газету: разве вам мало того, что вы негр? Я понимал, что на кону стоит если не жизнь, то судьба, и ломаться не стал. Или, если угодно, сломался. Только выбрал псевдоним от того еврейского слова, от которого вроде бы и происходит моя фамилия: мелех, то есть царь. Но чтобы разделить с Григорием Мелеховым и приблизиться к Чехову, я изменил одну букву. Мне к тому же казался забавным каламбур: Чехов живет в Мелихове.

- Давно замечено, что писатель создает всю жизнь в общем-то одно произведение, некую Большую Книгу. Ваши романы, по-моему, вполне укладываются в цикл, ложатся – густые и сложные – на гладкую кривую, вывозящую к скрижальным истинам. Тексты Мелихова – не занимательный рассказ, а скорей история-поучение, новые карты катарсиса. Вы пишете, чтобы разобраться в своей душе – или изменить окружающих?

Когда я начинал писать, я в каждой вещи старался что-то понять. В «Весах для добра», например, — на каких весах можно объективно взвесить, что такое добро, красота, смысл жизни, и мне стоило больших усилий понять, что никаких приборов, кроме нашей собственной души, для этого нет. Что нам кажется истиной или красотой, то и есть истина и красота.

Но ведь сейчас я изложил эту свежую идею в одном абзаце — зачем же было писать целую повесть? Мне хотелось изобразить, как мысль пробивается сквозь воспоминания, события, чувства, важные и неважные, вплоть до мусора...

Это и стало одним из главных моих приемов — интеллектуальный поиск, сделавшийся личной драмой, предметом страсти. Но главная цель творчества все-таки не

рациональное открытие, а экзистенциальная защита, защита от ужаса нашей мизерности и кратковременности в громадном безжалостном мире. Мы творим искусственный воображаемый мир искусства, в котором предстаем себе красивыми и значительными. Творим этот мир прежде всего для самих себя, так же, как и дом строим для себя. Но в этом доме каждый творец рад принять как можно больше гостей. Разумеется, душевно близких ему, иначе он будет себя чувствовать еще более одиноким, как Великий Гэтсби на своих пиршествах.

В общем, я пишу, чтобы изменить мир в своем воображении, сделать его хоть сколько-то менее унижительным.

- Наше личное знакомство сохранило у меня впечатление о вас как человеке светлом и на диво позитивном. Но на письме у вас нередко обостренное внимание к таким мрачным проблемам как суицид, наркомания. Вам литературно интересна эта жуткая межа, экзистенциальная погранзона между суетой сует и небытием?

Моя позитивность рождается из понимания, насколько все ужасно — не стоит делать мир еще хуже, он достаточно плох и без нас. Не стоит отравлять людям жизнь — она сама расправится с каждым. Кто бы стал издеваться над человеком, стоящим на эшафоте, — для этого нужно быть полной свиньей. Но ведь и все мы стоим на эшафоте, разве не так?

Это погранзона своим мраком лучше всего и высвечивает подлинные ценности. Одна из частей моего «Интернационала дураков» так и называется — «При свете мрака». А сборник «Любовь-убийца» весь построен на том, как смерть отделяет подлинное от пошлого.

Изучение проблемы самоубийства, практическая работа с людьми, пытавшимися покончить с собой, привели меня к формуле «Горбатых атлантов»: причина самоубийств — свобода мысли, свобода это рак, история человечества есть история бегства от сомнений. А потом я понял, что причина самоубийств — крах защитной воодушевляющей сказки: чтобы спасти человека, нужно восстановить его

сказку. Такой авторитетный психиатр и психотерапевт, как Виктор Каган, писал, что использует этот метод на практике. Хотя для этого психотерапевт должен быть поэтом, как сам Каган. Хотя бы в душе.

Но каждый может и сам создавать красивый образ собственного несчастья, быть самому себе Шекспиром, из всего делать трагедию, высокую трагедию — спасение утопающих есть прежде всего дело рук самих утопающих. Люди, эстетически искушенные, художественно одаренные живут в более красивом мире, а потому лучше защищены экзистенциально. Хотя они и более ранимы.

Наркомания тоже попытка возместить распавшуюся сказку психоактивными препаратами — как протез замещает атрофировавшийся орган. Все эти открытия я сделал в погранзонах, в благополучном течении жизни спасительную роль красивых сказок — роль фантазии — разглядеть трудно. Помните, как в «Чуме» одаренный спортивный парень, превратившийся в тощего прыщавого наркомана, с тоской говорит на пляже в Тель-Авиве: «Играть стало не во что... Раньше бы я начал строить башни из песка, прокладывать каналы...»

Вот и цивилизованный мир к этому пришел: играть стало не во что.

- Ваша книга "Красный Сион" не совсем обычна для вас – темой, стилем. Это – нечто экспериментальное?

Да? Я этого не заметил. Разве что она строится на материале, которого, слава богу, на своей шкуре я не испробовал. Издатель Константин Тублин (его отец, известный прозаик Валентин Тублин живет в Назарете) предложил мне написать о Биробиджане. Я начал погружаться в исторический материал, а параллельно в моем воображении стал вырастать образ сапожника Берла, который в польском местечке грезит об этой Земле обетованной. И мальчика Бенци, в чьей истории я попытался домыслить биографию моего покойного друга, израильского классика Бенциона Томера. А образ биробиджанского писателя Мейлеха Терлецкого мне подарили Казакевич и Борис Миллер.

В итоге выросли две книги — документальная,

«Биробиджан — земля обетованная», вышедшая в издательстве «Текст», и художественная «Красный Сион», вышедшая в издательстве «Лимбус Пресс». Никакого эксперимента я при этом не ставил — старался только вызвать душевное потрясение. А стиль всегда подчинен цели. Если хочешь подчеркнуть, что я-де здесь ни при чем, вместо меня работает правда жизни, то и невольно возьмешь эпический тон.

Но, может быть, я у себя чего-то не вижу, мне было бы даже интересно понять, что вы имеете в виду.

- Вы – заместитель главного редактора журнала "Нева". Как сейчас в России обстоят дела "толстожурнальные"? Существует ли общее доброжелательное интеллектуальное пространство – или разброд и разброс удельных княжеств, эдаких осажденных крепостей?

Когда я начинал свой литературный путь, «Нева» была отнюдь не лучшим советским журналом, но для большинства молодых литераторов, пытавшихся писать нечто неординарное, публикация в «Неве» оставалась недосыгаемой мечтой. Впрочем, для тех, кто пытался «продаться», очередь была еще длиннее. Строго говоря, не нужен был никто: и тех, что есть, уже некуда было девать. И, помнится, захаживали мы в «Неву» с одним моим тогдашним молодым коллегой исключительно за отказами в публикации, получив которые дружно ругали закоснелых редакторов – как бы журнал засверкал, если бы нас пустили на их место!

Но вот в «Неву» пришел Борис Никольский, а в страну — перестройка, и журнал заблистал. Что ни номер, то сенсация. Солженицын, Дудинцев... Но и мне среди авторов нашлось скромное местечко. Мой же товарищ по мечте использовал обрушившуюся на нас свободу для более серьезных целей – он ушел в бизнес и даже преуспел, приобрел свечной заводик в Самаре.

И, уж конечно, ни он, ни я, заходя за очередным отказом под расписной плафон в редакцию с видом на Александрыйский столп, не думали, что я когда-то окажусь заместителем главного редактора в этом недосыгаемом

кафкианском Замке, превратившимся из оплота реакции в двигатель прогресса. Прогресса, вообразившего, что теперь он может обойтись и без духовных двигателей, работая исключительно на деньгах да кое-каких государственных программах. Только теперь мы поняли, что главный враг серьезного искусства не власть, а пошлость. То есть власть лакейства. Вот этой власти мы сегодня и пытаемся противостоять.

Зато мой бывший коллега, как-то встретившись со мною при всех понтах – «Мерс», «Сейко» и не знаю, что там еще в их лакейском мире считается крутым, с места в карьер взял для преуспевающего мэна настолько агрессивный тон — да кому теперь нужны ваши журналы и так далее, что я вдруг понял: он завидует. Завидует тому, что мы храним верность какому-то благородному, красивому делу, а желание ощущать себя красивым – одна из важнейших человеческих потребностей. Вся высокая культура и создается для того, чтобы защищать нас от ужасов и унижений обыденности, требовать от культуры рентабельности почти то же самое, что требовать рентабельности от воздуха.

Сегодня толстые журналы – единственное место, где писателя не спрашивают: что мы с тебя будем иметь? А спрашивают лишь: сумеешь ли ты подарить нам хотя бы три минуты восхищения? Для молодых некоммерческих авторов мы единственная витрина, где они могут предъявить миру свое творение.

Обычно как о достижениях принято говорить о публикациях известных писателей, и таких у нас тоже хватает, потому что книги в провинцию почти не доходят, толстые журналы – почти единственные хранители единого культурного пространства. Но ведь известные обошлись бы и без нас, я больше горжусь, когда мы делаем что-то такое, чего без нас не сделал бы никто, когда печатаем не того, кого охотно напечатал бы каждый, а того, кто без нас бы затерялся. Серьезная публицистика, серьезная культурология, написанная на высоком профессиональном уровне и часто профессорами, но еще не уносящаяся в заоблачные выси академизма, остро актуальная, но не

вырождающаяся в газетную однодневку – такое можно прочесть только у нас. Живое, эмоциональное литературоведение – в академических журналах такого тоже не найдешь.

Так что некое общее пространство мы создаем. А доброжелательное ли? Духовный поиск — это всегда конкуренция, конкуренция грез. Если полемика очень уж доброжелательна, это означает что авторам не очень дороги их фантомы. Накал полемики — признак интенсивной духовной жизни.

- Форменная тема-фикс, отраженная во множестве ваших текстов – фантомы в человеческом сознании. "Человек читающий" исчезает как вид – и остается даже не "человек играющий", а какой-то иллюзорный петрушка, который подчиняется вышним ниточкам и Нижней Руке. Вы так грустно видите человечество? И что дальше-то будет? Чем сердце успокоится?

Человек читающий никогда не исчезнет, ибо он есть человек наслаждающийся, человек защищенный, а какой же дурак откажется от наслаждения и защиты! Другое дело — всем ли по карману, то бишь по плечу, по духу, по уму эти неземные наслаждения?

Демократический гуманизм и преданность делу литературы подталкивают к громким декларациям типа «Пушкин доступен всем, Толстой доступен всем — надо только уметь о них рассказать!» Однако грустный опыт нашептывает иное: а вы уверены, что квантовая механика доступна всем, высшая алгебра доступна всем, если их умеючи изложить? А может быть, как ни исхитришься, они окажутся доступными лишь какому-то считанному проценту человечества, и увеличить этот процент будет по силам разве что Господу Богу — но даже и ему для этого придется заменить структуру мозга у какой-то весьма немалой части населения земного шара.

С большим огорчением, но и полной серьезностью я допускаю, что дар преображать типографские значки, оттиснутые на бумаге, в образы — в лица, деревья, улицы, звуки, дар ощущать эти образы более яркими и красивыми, чем реальные предметы (ради чего искусство и существует),

— этот дар, говорю я, возможно, такая же редкость, как дар математика, лингвиста или музыканта. Да, да, у меня созрело серьезное подозрение, что не только для того, чтобы писать книги, но и для того, чтобы их читать, требуется талант.

К сожалению, не только культурно незрелые подростки, но и самые большие умники десятилетиями твердят, что кино в тысячу раз быстрее и вдесятеро ярче изображает предметы и события, на описание которых у литературы уходят целые страницы. А компьютерная графика — скоро она начнет изображать такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать! А на подходе еще и работа с осязательными, обонятельными ощущениями! Мы будем ощущать ветер в лицо, брызги дождя, ароматы роз и миазмы тропических болот!..

И всякий ли читатель заметит, что сами эти слова — ветер в лицо, брызги дождя, миазмы тропических болот очаровывают нас гораздо сильнее, чем реальный дождь или реальный ветер? Ибо искусства состязаются друг с другом не силой физических ощущений, но силой эстетических впечатлений. Иными словами, состязание искусств всегда есть конкурс красоты!

И в состязании искусства слова с визуальными искусствами победит то, которое сумеет лучше послужить главной потребности, ради утоления которой и создавались искусства — я имею в виду потребность человека ощущать себя красивым. Искусство слова же способно создавать наиболее прекрасные и долговечные образы именно потому, что они **бесплотны**.

Все, что воплощено и зримо, может быть и разрушено критикой, отравлено скепсисом. Найдите такую кинозвезду, которую бы какая-то часть зрителей не назвала уродиной — или, по крайней мере, недостойной звания первой красавицы. Найдите актрису, к которой бы наша душа без сопротивления применила слова Гоголя о мертвой панночке: «Такая страшная, сверкающая красота!» Кто мог бы ее сыграть? Элина Быстрицкая, Клаудиа Кардинале, Софи Лорен? Такой красоты **просто нет и не может быть в природе!** И читательская фантазия не разрушает этого

ослепительного образа только потому, что он **лишь брезжит**, что он **недостаточно отчетлив**. Именно в недостаточной отчетливости, зримости и заключается неповторимое обаяние словесных образов. Обаяние тайны, которой так виртуозно пользуется поэзия. «Когда подходила ты, стройно-бела, как лебедь, к моей глубине» — попытка сделать подобные образы физически ощутимыми способна лишь разрушить их магию!

Человек, овладевший искусством слова, живет в гораздо более красивом и таинственном мире, чем те, кто таким искусством не владеет. Искусство слова выстраивает иллюзорный мир, в котором можно – что бы вы думали? – жить! Конечно, наиболее приятным образом обустроивают этот мир чистые сказки, фэнтези, изображающие человека могущественным, бессмертным, находящимся под защитой высших сил, — но эта святая простота с такой жестокой очевидностью противоречит реальности, что наслаждаться ею человек способен лишь в пору младенческой наивности. И, пожалуй, самым изысканным изобретением в искусстве нашей духовной самообороны оказалась трагедия: она не только признает все ужасы мира, но даже намеренно их концентрирует – однако изображает человека среди этих ужасов красивым и негибачаемым. Пробуждая в нем гордость, а следовательно, и силу. Да, мы беспомощны перед мировым хаосом – но зато до чего прекрасны!

Я уже говорил, что убивают нас не столько сами страдания, сколько ощущение некрасивости этих страданий, убивает сочетание несчастья с унижением. Если человек сумеет создать красивый образ своего горя – он уже наполовину спасен, красота спасает в самом что ни на есть медицинском смысле этого слова. Однако создать ее и ощутить способен лишь человек эстетически искушенный, ибо красота есть не что иное, как сходство с почитаемыми культурными образцами — с Дон Кихотом, с королем Лиром, с Джульеттой или Корделией...

Не восхищаясь образцами, невозможно восхититься и собой. А поскольку потребность восхищаться собой бессмертна, то бессмертно и искусство слова.

- Кого бы вы назвали своими литературными

учителями, кто повлиял на вашу манеру складывать слова?

Все-таки слова лишь средства, в основе литературного творчества лежит манера чувствовать и мыслить. Поэтому даже самый гениальный писатель все равно больше похож не на гипсовый корсет, формирующий неокрепший скелет, а на костюм, который не придется тебе в пору, если у него окажутся слишком длинными брюки или он станет жать в плечах. Красота — это сбывшаяся мечта, тайная греза, обретшая отчетливость. И если какой-то писатель повергает тебя в восхищение, значит его уже бессознательно искала твоя душа. В разные периоды у меня было чувство потрясающего душевного единства с Паустовским, с Чеховым, с Толстым и с Герценом.

- Кого из ныне пишущих по-русски вы могли бы выделить и отобрать? Чьи книги живут на вашем столе или на мониторе?

Книги живут в душе. Прочитав, я ставлю их на полку. Современные книги я в основном читаю, когда мне их дарят или в качестве члена жюри литературной премии «Большая книга». Всегда с наслаждением читаю Дину Рубину, Валерия Попова, Кабакова, Крусанова, Шпакова, Юзефовича. Последняя вещь Дмитрия Быкова «Остромов» показалась очень масштабной — из эзотерической мути он создал могучую метафору. Конечно, всегда читаю своего сына Павла Мейлахса. И не удивляюсь, что вырастил такое мрачное дарование — я в сравнении с ним просто Паустовский. Но наши дети лучше видят нашу суть, их не обманешь маской позитивности.

- Каково сегодня писателю в России — бытово, духовно, цензурно? И конкретно в Санкт-Петербурге — как пишется-дышится?

Пишется и дышится всегда и везде прекрасно. Хуже, когда перестает дышаться — тогда мы начинаем задыхаться. Но атмосферу-то свою каждый носит на себе, создавая ее свои воображением, каждый живет в своем скафандре, как писал я в «Романе с простатитом». Так что и в Петербурге, как и всюду, есть и абсолютно счастливые, и беспросветно несчастные люди.

Цензуры же, я думаю, писателям не хватает, чтобы

почувствовать свою значительность: нас опасаются! Но власть не обращает на нас ни малейшего внимания: резвитесь в своей песочнице сколько хотите. Можно публиковать статьи оппозиционного содержания и получать за них госдотации на «социально значимые» проекты.

- Как вы относитесь к сегодняшним литературным премиям в России? Это гамбургский счет или групповщина?

Безусловно, все литературные премии – это дань пошлости, дань суете. Если уж я опубликовал в «Иностранке» статью «Фабрика фальшивого золота» о самой Нобелевской премии... Почитайте: из нобелиатов первых шести-семи десятилетий 20 века в классиках осталась примерно треть, но даже им она была присуждена задним числом, когда они в ней уже не нуждались. Оставив при этом за бортом Толстого, Чехова, Набокова, Ибсена, Марка Твена, Золя...

Угадать же классика заранее она не сумела ни разу, так и держалась на пропорции «треть золота на две трети латуни». Сейчас эта пропорция упала еще ниже, на один что-нибудь к десяти. Это о способности премий устанавливать гамбургский счет.

Искусство – это не спорт, хорошие писатели не соперники, а товарищи по общему делу, по преображению страшного и скучного в красивое и забавное, они не побеждают, а дополняют друг друга. Но толпе всюду нужны победители и побежденные. И начинается борьба знакомств, борьба издательств, разносится в печати дух лакейской — хоть топор вешай...

Но эта дань пошлости, вероятно, необходима, иначе лакейская печать о литературе вообще забудет. Ну и премии, хотя они и не могут отделить высший сорт от второго, от семнадцатого сорта все же защищают.

Чтобы вы не подумали, что мною движет личная уязвленность, добавлю, что у меня в послужном списке двенадцать, кажется, премий. Но лишь в одной с полной гарантией нет участия личных симпатий и издательств – в Набоковской премии за «Исповедь еврея»: она присуждалась по анонимным, зашифрованным рукописям. И жюри разделилось между двумя произведениями —

«Исповедь еврея» и «Эрос и танатос», и это были обе мои вещи, подписанные разными девизами.

Правда, и в других премиях групповщина почти невозможна — слишком много интересов сталкивается, чтобы ими можно было управлять. Иногда два равно сильных атакандид уничтожают друг друга и побеждает компромиссная фигура. Так первую Букеровскую премию не получили два классика — Петрушевская и Горенштейн.

- "Особенный еврейско-русский воздух", по выражению Довида Кнута – присутствует, витает еще, бродит по писательской России?

Пока да. Перечитайте хотя бы вышеприведенные имена. Так называемые почвенники вообще жалуются, что в премиальных списках евреев больше, чем писателей «традиционного» направления. Еврейско-русский воздух рассеивает не власть, но ассимиляция. Если антисемиты не заставят еврейский дух мобилизоваться, естественное «окончательное решение» еврейского вопроса в России дело одного-двух поколений.

- И напослед, естественно – что пишете, что выходит в свет?

В шестом «Новом мире» за прошлый год вышел небольшой роман «Изгнание из ада» — продолжение «Исповеди еврея». К главному герою «Исповеди» явился призрак отца и попросил отомстить следователю, который в тридцать шестом году сшил против него липовое дело и тем сломал его судьбу — лишил возможности участвовать в истории. Отец признался, что всю жизнь только притворялся счастливым человеком и лишь в аду понял правду.

У ада в романе есть три круга. Первый, самый страшный, это мир, где люди делают все что хотят. Второй круг — это мир, где люди говорят друг другу все, что думают. И третий, самый мягкий — это мир, где люди утрачивают способность лгать самим себе. Где все, что ты от себя прятал, предстает во всей ужасной наготы. Насмотревшийся на эту наготу призрак просит сына найти потомков его следователя и стереть память о нем какой-то ложью, пусть даже украшающей.

Сейчас вся диалогия выходит в издательстве «АСТ»

под общим названием «Тень отца». Но пока тянулась положенная издательская процедура, я закончил последнюю часть трилогии «И нет им воздаяния». В ней герой находит родственников следователя и видит, что память о нем уже стерта выдумками, которые каждый сочиняет для собственного утешения. Попутно он находит ответ на вопрос, что заставляло многих выдающихся евреев верой и правдой служить Сталину, несмотря на ужас, который он внушал, несмотря даже на гибель ближайших родственников.

Более того, герой обнаруживает, что и сам он кровно связан с ушедшей эпохой: смерть снова сделала тайное явным. Роман даже имеет полемический подзаголовок «Исповедь совка». Ну да, авось, прочтете. Там много намеренных заострений. Как и в «Исповеди», впрочем. Надеюсь когда-нибудь издать всю свою еврейскую сагу единой книгой.

Еще у меня в издательстве «Лимбус Пресс». Вышла книга о Республике Корея. Ее я написал по заказу министерства культуры Республики. Побывал в самой Южной Корее, взгляделся в ее историю, культуру, во многие субъективные зеркала, в которых она отражалась. И обнаружил, что у нее очень много общего с Россией: жизнь между двумя цивилизациями, одна из которых, военная, грозит завоеванием, другая, высококультурная, грозит культурным поглощением. У Кореи это были Япония и Китай, у России — Степь и Запад. И Корея была поглощена, а Россия выстояла, превратившись в военную державу и породив аристократию, способную выдержать культурную конкуренцию — в частности, создав великую литературу. Но в итоге России оказалось труднее преодолеть плоды своих побед, чем Корее результаты своих поражений.

Зато перед нею встала новая проблема — у нее нет своей сказки. В России, например, издавна пользовалась любовью Испания — одна в ту пору из самых бедных и отсталых стран Европы. Никому не было никакого дела до ее экспорта-импорта, урожайности, производительности труда — нас чаровали Дон Кихот, Дон-Жуан, Кармен, испанская гордость, не покорившаяся Наполеону, коррида,

фламенко, кастаньеты, Севилья, сегедилья... У японцев пойдут самураи, сакура, камикадзе, у китайцев Конфуций, Великая китайская стена, а у корейцев ничего такого не откликается — не производство же мобильных телефонов.

Мы любим народы, которые делают то же, что делает литература — увеличивают в нас восхищение человеком и тем усиливают нашу экзистенциальную защиту. А экономические успехи в этом отношении почти бесполезны.

Сходная проблема сейчас стоит и перед Россией — утрата красивой сказки. Как с этим обстоит в Израиле, не знаю, но европейская сказка об Израиле, похоже, не очень благоприятная, все время попадаются материалы о несчастных палестинцах. А ведь борьба народов это прежде всего борьба сказок.

- А на дорожку, пожелайте, пожалуйста, что-нибудь читателям, поклонникам текста...

Желаю им того же, что и себе, — красивых грез. Но без помощи искусства слова их не создать.

Моисей Борода

Мечта

граф Алексей Николаевич всё мечтал, чтобы его в княжеское достоинство возвели. Откуда знаю про то? Ну, знаю, а откуда да что, да почему – это уж моё дело. Знаю и знаю.

Ну вот, возмечтал, значит, граф Алексей Николаевич про княжество.

Как с одной стороны посмотреть – ну с чего бы? Вроде и славой, и почётом народным не обойдённый: и тебе в Союзе Писателей генерал, и тебе академик, и ордена опять же, и премии Сталинские. А вот захотелось князем стать – и точка.

Ну а с другой стороны – чего ж там: прав человек! Графом оно быть, конечно, хорошо, а князем – ну, князем-то не в пример лучше. И не сравнить даже! То граф, а то – князь.

Тут опять, конечно, спросить можно: Ну что за мечтания за такие? В стране социализма, можно сказать – и вдруг кого-то в князя возводят! Да и как возводить-то? Ведь это ж Указ Президиума должен быть! Верховного Совета Указ! А иначе как же: верховный-то орган на кривой не объедешь! И как же такой вот указ издашь, когда всех князей и прочую белую шушеру, извините, под корень извели! Ан нет – возмечтал Алексей Николаевич и возмечтал. А настоящую мечту из души человеческой так вот просто не вытеребишь.

Долго терпел, чего там говорить, а в конце всё же не выдержал и пошёл – дело как раз перед самой войной было – к товарищу Сталину. Он, мол, всё может. Такая вот вера была тогда у людей – не то, что теперь: ни в Бога, ни в чёрта!

Да, вот так вот приходит Алексей Николаевич к

товарищу Сталину – ну, сперва в приёмной честь по чести товарищу Поскрёбышеву докладывается: мол, пришёл к Иосифу Виссарионовичу по важному делу. А по какому – не говорит. Да и то правда: чего говорить! Чего нужно, он Хозяину – товарищу Сталину, то есть – и скажет.

А у товарища Сталина – и так дел невпроворот: и к войне готовиться надо, чтобы, значит, все границы на замке, и врагов, ещё недобитых, добывать – а тут человек с такой вот просьбой.

Но – принял его товарищ Сталин, да и любезно так принял, и стул ему предложил: садитесь, мол, пожалуйста, Алексей Николаевич. И чай с лимоном подать велел: как-никак, а граф, пусть и советский, а всё же!

А как Алексей Николаевич сел, так ему товарищ Сталин и говорит: «Вот видите, Алексей Николаевич, и Вас мы посадили». А сам в усы улыбается.

Душа был человек, чего бы там про него после не говорили! Душа! Строгий, конечно – ну, а как же с народом-то иначе? Без строгости никак нельзя! Но – душевный! Одно слово – Хозяин!

Ну, так вот они поговорили немного, Иосиф Виссарионович Алексей Николаевича о жите-бытье расспросил, что мол, сейчас пишете – а сам Алексей Николаевичу чай подливает и говорит: А Вы, Алексей Николаевич, сахар кладите, а то смотрю, жалеете, а у меня этого сахара много. И лимон тоже не забывайте. ...Душа был человек!..

А Алексей Николаевич и говорит: спасибо, мол, Вам, Иосиф Виссарионович, за заботу, и за то, как Вы про мои замыслы интересуетесь. И так вот Иосифу Виссарионовичу откровенно всё и рассказал, что замысел у него такой есть – про Ивана про Грозного написать.

А товарищ Сталин и спрашивает: Это в каком же смысле? А Алексей Николаевич и отвечает: Хочу правду рассказать и всю клевету, что, мол, народу много поубивали – всю эту клевету по ветру развеять. В смысле, что и убивать никого не убивали, а ликвидировали. Но исключительно врагов. То есть которые умышляют – ну, или там умышлять собираются. А то как же? Держава она и есть

держава!

А Иосифу Виссарионовичу это, видать, понравилось, потому что он так вот с хитрецей на Алексей Николаевича посмотрел и говорит: А правильно про Вас говорят, Алексей Николаевич: граф-то Вы граф, да нашенский! Советского образца граф! Не то, что эти недобитки, которые по парижам сидят и злобствуют! Вы – граф, советской властью перевоспитанный! И мы, Алексей Николаевич, Вас ценим. И как Вы нас против врагов-троцкистов поддержали – мы это помним.

Сказал он это, а Алексей Николаевич, понятно, обрадовался, что Иосиф Виссарионович такое хорошее мнение о нём имеет.

А всё же – рад-то оно, конечно, рад, да он ведь не за тем пришёл, чтоб ему – ну даже и товарищ Сталин – всё про графа да про графа и говорил.

Но Алексей Николаевич – человек политичный, тонкий, понимает: так вот просто быка за рога тут не возьмёшь. Улыбается он на слова товарища Сталина, спасибо, говорит, что Вы меня, товарищ Сталин, так цените.

Ну, улыбается-то он улыбается, а Иосифа Виссарионовича всё равно не проведёшь, он людей насквозь видел. Заметил он-таки, что у Алексей Николаевича грустинка какая-то в лице, и говорит ему: Алексей Николаевич, что же это Вы так – вроде грустите? Или показалось мне?

А Алексей Николаевич ему и отвечает: Иосиф Виссарионович, не то, чтобы грущу я – жизнь-то вокруг радости полна, чего мне грустить, а вот всё же просьбу к Вам имею личную. Ну, и говорит, с чем пришёл.

А товарищ Сталин его слушает. А под конец говорит: просьбу Вашу, Алексей Николаевич, понял. Дело это непростое, надо с товарищами посоветоваться, но с моей стороны возражений не будет. Вот только сейчас, сами понимаете, война на носу. А как мы с ней, с войной то есть, покончим, так и Вам эту любезность, о которой Вы просите, окажем.

А под конец пошутил: был, мол, у нас граф советский, теперь советский князь будет. Только, говорит,

пока – никому ни слова: этак все в князя захотят!

На том и порешили.

Алексей Николаевич не шёл домой – летел. На радостях и пир закатил на весь писательский мир. Но из-за чего тот пир – никому, конечно, ни слова. Ну, никто и не спрашивал. А чего там спрашивать: угощают тебя по-царски, а ты с вопросами лезть будешь, как, мол, да почему.

А потом война случилась, и Иосиф Виссарионович был очень занятый. Но – вот ведь душа человек! – про Алексей Николаевича не забыл, а при встречах так ему тихонько и говорит: Что, граф, не терпится князем стать, а? Ничего, потерпи, разделаемся вот с немцами, и будет тебе титул княжеский. Оформим честь по чести. И Калинин Михаил Иванович не только что возражать не будет, а на радостях, что его жену старуху из лагеря выпустили, и на светлейшего согласится.

А Алексей Николаевич знал, что слово у товарища Сталина – крепче камня. И ждал.

Ну а потом, незадолго до конца войны, и помер, царствие ему небесное. Два с половиной месяца всего до Победы не дожил. А жив бы был – точно бы князя ему дали. Потому как слово товарища Сталина – крепкое. Крепче камня слово у товарища Сталина.

Ну, а в сорок шестом Алексей Николаевичу премию дали Сталинскую. Посмертно! Никому посмертно не давали. А ему – дали! Потому как товарищ Сталин Алексей Николаевичу цену знал. И так про это говорил: нам, мол, Гоголи и Щедрины, конечно, нужны. Но Толстые Алексей Николаевичи – много нужнее.

Так вот и досталась графу Алексей Николаевичу слава посмертная. А что не сбылась его мечта, не довелось ему в князьях походить – ну, судьба, значит, ему такая вышла, чтоб графом и помереть.

Петр Межирицкий

На покое

Рассказ

то беспокоит человека в конце жизни? Чужая несправедливость? Собственная недоказанная правота? Тревога о детях, о судьбах человечества? Счеты с врагами? Поддержка друзей?

У порога бессмертия не остается ни времени, ни сил. Отпадает суетное, второстепенное, и тревожит лишь то, что и впрямь важно – дело всей жизни.

Судьбой человек оказался поставлен в центр событий. За плечами кровавая война с жуткой предьсторией.

Философ Карл Ясперс писал: "История непосредственно касается нас".

Но история повторяется, ибо забывается. Она ничему не учит.

Когда человек – фигура истории, он чувствует ответственность и за это. Его тревожит невысказанное.

История не должна повториться! Он должен рассказать, чего бы это ему ни стоило!

Не дали.

Первым это испытал на себе маршал Жуков. Затем маршал Василевский. Мне довелось быть автором Политиздата во время публикации его мемуаров, и я узнал о зловключениях его рукописи...

У каждого поколения свои заботы. Нынешнее отмывает грязные деньги. Уходящее – грязное время. Грядущее разберется и в том, и в другом.

***

*На войне всякая идея человеколюбия – пагубное
зablуждение, нелепость.*

Клаузевиц

Жизнь раздвоилась. Прошлое не совмещается с настоящим, не укладывается, выламывается из него. На службе не до прошлого было. Потом опала, шок. Появилось время. Много времени. Наверху, впрочем, сообразили: неуважение к полководцам войны роняет и без того невысокий авторитет власти. Создали инспекторат¹. Синекюра – а все же некий почет, иллюзия деятельности, диспуты с соратниками... Какая жалость, что о них ничего не узнают... И неизменная у отрывного календаря мысль: чем ознаменовался день в сорок первом, втором? Формулировку Совинформбюро придумали для населения: *"На других участках фронта существенных изменений не произошло"*. Если бы! Много ли было таких дней, особенно в сорок первом и сорок втором... Даже в сорок третьем, переломном, при стабильном фронте... Это ли не *существенные изменения*, когда на направлении победы противник ночными рейдами перемальвает твои резервы и тем срывает наступление, которое стало бы для него разгромным...

Как он воевал, противник! Как виртуозно маневрировал малыми силами! А мы – лобовыми ударами...

Перевел взгляд на стену. Там остался на календаре не сорванный с лета листок. Подошел. 28 июня. *"В Сараево анархистом Гаврилой Принципом убит эрцгерцог Франц Фердинанд, что послужило поводом для начала Первой мировой войны"*. Не счесть ушедших личностей покрупнее эрцгерцога. Но последствия... В итоге Сараево. Ни слова о Великой Отечественной. Оно и понятно. Победами день не славен. Да и то, одно-два поколения – и пойдут календари с совсем иными событиями. События всегда происходят...

У письменного стола со стаканом чая опустился в

---

¹ Группа генеральных инспекторов Министерства обороны СССР была создана при Генштабе для передачи молодым офицерам опыта уволенных в запас видных военачальников советской армии, ветеранов ВОВ.

кресло. На потрепанной папке рука редактора размашисто начертала в две строки: "А.М.Василевский. Дело всей жизни".

Заглавие воистину правдиво. Чего не скажешь об ином. О 28 июня, к примеру. Дата и на службе не забывалась. В сороковом в этот день прибирали к рукам Бессарабию. Операцию проводил Георгий. Провел жестко, как всё, что ни делает. Спустя два года, день в день, грянуло генеральное наступление вермахта, операция Блау, начало летней кампании сорок второго года.

А вот еще догадка, не для мемуаров, конечно: уж не приурочил ли фюрер Блау к годовщине печальной для румын даты? Просто так, для подъема духа не слишком воинственных союзников.

Летом событию исполнилось двадцать семь лет. Не сорвал листок, завел календарь на столе...

В доме спят. Всегда был "жаворонком". В бытность полковым командиром смущал своим ранним появлением старшин. А в Генштабе бодрствовать приходилось круглосуточно, и самая кипучая деятельность начиналась тогда, когда нормальные граждане ложатся спать.

Он взглянул в окно. Морозный день. Щеточка леса за лугом. После городского шума тихий буколический пейзаж. Осень выдалась мягкой – как вдруг снегопад, резко похолодало...

Полистал рукопись.

"После неудачи под Харьковом наши войска перешли к обороне".

Неудача... Так приходится именовать авантюру, повлекшую гибель сотен тысяч солдат и лучших генералов. Потом придумали приличный термин для провалов – незавершенная операция.

"Данные разведки сообщали о концентрации вермахта в районе Курска, но этим данным не было придано должное значение. Верховный Главнокомандующий велел Воронежскому фронту готовить совместно с Западным фронтом наступление с целью захвата Орла. Но 28 июня гитлеровские войска группы генерал-полковника Вейхса перешли в наступление из районов восточнее Курска."

Фашистское командование рассчитывало этим наступлением и ударами из Волчанска на Воронеж окружить и уничтожить войска Брянского фронта, прикрывавшие воронежское направление, а затем поворотом на юг, с дополнительным ударом из района Славянска, уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов и открыть себе дорогу к Волге и на Северный Кавказ".

Ничего не скажешь, веселенькое начало деятельности нового начальника Генштаба через день после утверждения в должности! Одно из главных событий войны застает его врасплох. Как? А так. Верховный снова не поверил разведке. Повторилась история с "вероломным нападением". Тогда он всей агентуре своей не поверил.

Боже упаси отметить это! Упоминание о приказе Воронежскому фронту у рецензента, профессора и доктора квази-исторических наук, вызвало приступ ярости. А не сказать о данных разведки – Верховный тогда попросту смахнул их со стола, не поверил случайности эпизода со злосчастным Райхелем² – и дальнейший ход событий однозначно укажет на Генштаб: проворонили удар, допустили немцев к Волге и на Кавказ! И жди, пока история разберется.

А к чему ей разбираться? Кто оспорит мемуары такого свидетеля – начальника Генштаба? Кто заподозрит, что при написании он зависел от руководящих указаний? Документы? Это у американского президента генерал мог потребовать письменного распоряжения. Мы о подобном разве смели помыслить? Приказы Верховного, если не поступали по аппаратам связи, были устные, архивы немые. Смолчи в мемуарах – и потомки рассудят: разгром у Керчи и штурм Севастополя ясно обозначили намерения фюрера. Кем надо быть, чтобы и после этого полагать его целью

---

² В расположении Воронежского фронта за пять дней до начала Блау совершил аварийную посадку связной немецкий самолет с майором Райхелем на борту. Пилот при посадке погиб. Райхель пытался бежать и был застрелен. При нем нашли инструкцию командиру XXXX танкового корпуса Штумме с планом операции.

Москву, укрепленную, да еще после такой осечки с Ленинградом? Ясное дело, Генштаб не предвидел!

Нет, милые, предвидел. И перечил, как мог. Но Верховный так давил страхом за столицу!.. Лишь через неделю после прорыва удалось убедить его, что цель немцев – Кавказ. А резервы-то у Москвы! На Кавказ после пересечения ветки на Ростов их и перебросить не просто.

Гипноз...

Гипноз? О природе послушания Верховному можно выразиться точнее. Как и о многом ином, чему не суждено прозвучать. Но теперь и без цензуры рты себе затыкаем. Научены...

Страшна была жизнь в предвоенные годы, опасна в военные, не переменялась в послевоенные, но ведь и ныне не упростилась. Армии страшатся. Селят кустами – дескать, для упрощения охраны. Да и выселяют не куда хочешь. Партия, наш рулевой... Немного времени понадобилось, чтобы понять, что телефон прослушивается не только в разговоре. И монтер-ветеран пояснил: гвоздь в соседней квартире поможет услышать всё, сказанное в любом углу.

Когда отправили в отставку – руками Георгия, а его тут же пустили следом, – одно лишь утешало: теперь, на покое, свободен и волен в поступках. Как бы не так! Разговор в Воениздате состоялся в субботу, и генерал-майор воспользовался безлюдьем, чтобы без ритуальных танцев сказать: товарищ маршал волен забрать рукопись и передать... Кому? Ну, издательств в стране много... Поблагодарил, откланялся и отметил, что генерала не смутил твой пристальный взгляд.

Да, издательств много: союзные, областные, ведомственные... Адмирал Азаров в Одесском областном пробивается пятый год. Рукопись о войне отфутболивают на рецензию Воениздату, а уж там знают, чего в книгах быть не должно. Копаться в прошлом перестали, осознав масштаб... Что спотыкаешься, как конь перед барьером? Да, злодеяний масштаб! И – прекратили расследования!

Ладно, уймись. Голова и так надутая. Спал урывками, снилось всякое... То ли перетопили, то ли перемена погоды. Катя разбудила: «Саша, ты кричишь!»

Никак, опять доклад Верховному. Руки по швам, голова склонена в позе внимания, а тот стоит, отвернувшись, загадочный... Каменный властелин. Рассказать кому-то, как маршал, дважды Герой, кричит от страха, увидев во сне своего Верховного Главнокомандующего...

Нет, похоже, что было повторяющееся, но иное...
Что?

Отпил остывшего чаю.

Георгий в бессонные ночи бодрился кофе, Верховному в Генштабе заваривали чай. Лучшие сорта, узбекские. Теперь вот краснодарский... Но и чай ограничивают, как во время оно Учителю³. Убила его чистка. Единственный уцелевший из плеяды командармов, он пожалован был маршалом за умение молчать. В начале войны, узнав о положении на фронтах, свалился с тяжелейшим инфарктом. И вовсе не оправился месяц спустя, когда Верховный назначил его на Генштаб вместо Георгия – да, не терпевшего штабной работы, но ведь единственного, кто был способен принимать и воплощать решения! И возражать дурацким повелениям тоже...

Вам оградой, пусть хилой, служила ваша учтивость. Но Георгий – кавалерист, не умеет он этого!

А Учитель не вынес поражений, бессонных ночей, давления Верховного. Не вынес того, что дорого стоило и тебе. Уже при осаде Москвы фактическим главой Генштаба стал ты. А с присвоением звания генерал-полковника в мае сорок второго неизбежным стало и формальное принятие должности. Ужас еще висел в стенах Генштаба после расстрела генералов Западного фронта: Верховный перекладывал с себя вину за позорное начало войны...

Трижды в день докладывать о рушащихся фронтах, трижды в день висеть на ниточке, как елочная игрушка...

– Но почему я, Борис Михайлович? У меня нет полевого опыта. Я комполка мирного времени.

---

³ Полковник Василевский, став работником оперативного управления Генштаба РККА, был замечен и последовательно повышаем по службе начальником Генштаба маршалом Б.М.Шапошниковым, доверявшим своему протеже и уделявшим ему много внимания.

– Если не вы, то кто же, голубчик? Да и война не скоро еще кончится...

Вот и обзаводились полковники полевым опытом три года. Да не на полках – на армиях, на фронтах. Ты и вовсе на всех вооруженных силах, имея командирами полков ротных ванек, до потери рассудка запуганных. А прочие уровни? Каково комбату на дивизии? Для него это неохватно. Полковник на округе? Навесили петлицы генерал-полковника – и что? Поймут ли потомки зловещий смысл симптома – в стране с населением в двести миллионов не нашлось желающего занять такой пост? В стране, некогда богатой таким офицерским корпусом! Комсостав и без того не блистал после удаления из армии царских офицеров. В последующей ликвидации исчезли и водители войск, и педагоги. Настал день – и тебе, студенту, велели принять кафедру. В Генштабе пустовали стулья операторов. Да еще к военному дару алмазный нрав нужен – защищать решения под тигриным взглядом Верховного. Много ли таких? И столько *таких* исчезло, что и с нравом задумаешься – возражать ли? А тут война. Да какая! Задумываться некогда!

И еще: ликвидировав командармов, вождь вломился в ряд *легендарных полководцев*. А вы с вашим образованием – генералы свежей выпечки. Вот он и совался с указаниями своими. Кто поймет, чего стоило переубедить его? Иные лакействовали: пусть провал, лишь бы не перечить. Правда, таких немного было, особенно в промышленности. Но там спецы. А военное дело – оно такое, что каждый мнит себя стратегом. Он и занесся. Уж не возглавил ли фюрер армию по его примеру? Мол, Сталин может, а я нет?! Два хозяина... Счастье, что наш вменяемое оказался. Уразумел ценность возражений. Затем и уламывал тебя на Генштаб, что в катастрофе Харьковской ты один донимал его просьбой отвести войска...

Летом сорок первого двое лишь ему возражали – Георгий и Тимошенко. Но как! До крика. Чем принятию решений изрядно вредили. Такая требовалась обходительность, чтобы, возражая, его не сердить... А тут хаос, фронт валится, до церемоний ли... Разве забудешь

доклад Георгия о Западном фронте, когда Верховный накинулся на него, на предупреждавшего!.. и он рванул на груди китель и разразился рыданием – этот брусок металла, слиток энергии! Тут и Верховный оробел, воды ему стал наливать... Миг, когда земля поползла под ногами. Погибни Георгий – все покатилося бы. Это Верховный понял.

Еще бы не понять... Армию обезглавили, а там и вовсе разложили. Как еще толковать приказ – на провокации не поддаваться, огонь по нарушителям границы не открывать, самолеты противника не отгонять... 22 июня ужас объял не только вождя: армии с такими приказами да инструкциями полагалось лишь обратиться в паническое бегство да поднимать руки вверх. Связи не было. Что происходит? Где немецкие танки и мотоциклисты? Может, десант, как в Норвегии или на Кипре? Где войска? Бегут? Бросают оружие? Сдаются? Как поведет себя власть на местах? Долго ли до развала государственных структур?

Часы в невесомости – страшнейшие в жизни. Поседел за эти часы. Лишь в семь тридцать первый раз вздохнул полной грудью: армия сражается!

И всюду Георгий...

Но в июне сорок второго даже Георгию было проще: одно направление на руках. Резервами снабдили. Выручал Сталинград, руководя двумя фронтами. Столько на себя отвлек!.. Кроваво, да! Потом у Котлубани⁴... А кровавый навал осенью?!.. Но он отнял у немцев всякую возможность помочь Паулюсу.

Сморщился, прикрыл глаза.

Умолчания жгут. Резервы... Ни в битве за Москву, ни даже при написании мемуаров Георгий понятия не имел о резервах Ставки. И не спрашивал. А понимал: ты не мог этого не знать, ты их формировал. Двое лишь и знали – ты да Верховный. Ты всё держал в памяти, у Верховного

---

⁴ Осуществленное 3-12 сентября 1942 года на северном фланге сталинградской обороны, в районе Котлубани, на неудобной для атакующих местности кровопролитное и безрезультатное, как тогда казалось, контрнаступление советских войск предупредило падение Сталинграда. Операции в районе Котлубани планировал и осуществлял Жуков.

шпаргалка была, он сам же ее и вел. По твоим докладам. Не спрашивал Георгий. И теперь не спрашивает. Почему? Да потому что один у него друг остался – ты. Рисковать, беречь прошлое... К чему?

При жизни Верховного никто о прошлом и пикнуть не смел. История? Какая еще история? Мы победили – вот и вся история!

Войну желают засекретить. Причина? Поддержание престижа власти. Наверху не ошибаются. Все было верно. Чистка? Да, вождь перегнул палку, но в целом... Пакт с Гитлером? То же. Выиграл время. То есть, не в том суть, что два с лишним года изведены на разгром собственной армии, а в том, что война почти на два года отодвинута! Вот и пиши...

С этим Георгий, конечно, вырвался. Пока ты размышлял – как намекнуть на то, о чем сказать нельзя, – он дожал до точки. А оказалось, это лишь начало. Недооценили вы ограничения, с какими встретитесь. Бóльшего уважения ждали. И доверия, конечно. Дескать, вам, авторам и исполнителям операций, людям с державным мышлением, дадут изложить то, что знаете лишь вы. Не дали. Георгия и вовсе развернули писать популярную историю войны: политработа, производство... Стал возражать – куда там! Уцепились за название. *Ваши воспоминания, Георгий Константинович, – они же и размышления, книгу переведут на другие языки, люди узнают о вкладе нашего народа в победу над фашизмом, кому, как не вам, первому заместителю Верховного, победителю вермахта...*

Победитель! Трижды опальный четырежды Герой...

Писатель Рытхэу рассказывал анекдот о чукче, избранном в почетные академики: "По четным академик, а по нечетным – иди, чукча, оленей паси!" Как мемуары – победитель вермахта, а как на съезд или в президиум – сиди, Егор, на печи, грызи свои куличи. До чего цинично использовал его Никита! И как же навредил себе Георгий союзом с этим клоуном... Грозной фигурой прослыл, главной на шахматной доске. Власти не желает? А вдруг свяжется с желающим? Тебя хоть в инспекторат

пристроили, а его куда? Такая глыба – в опале. Не просто в опале – под колпаком!

А тут – вот вам! – книга Некрича⁵, достоверный источник фактов. После нее как писать? Как факты парировать? Объяснить логику расположения укрепрайонов, аэродромов, складов – значит признать: не к оборонительной войне готовились!

Удручает, что и сам ищешь компромиссные выражения. Но ведь речь идет о государственной тайне. О том, что скрыто под тезисом миролюбия. Прошлое скрыто тенью этого тезиса. А он – вместе с доктриной о враждебном капиталистическом окружении – оправдывает раздел Польши, захват Прибалтики, финскую войну. И недавние дела – подавление Венгрии, нажим на чехов, глобальную экспансию. Раскрытие этого граничит с изменой – вот как истолкуют ваши мемуары. Тезис миролюбия – фундамент державы, вскормившей вас, маршалов Победы. Расшатывать здание, постройке которого отдал здоровье, жизнь...

Обожди, да ты кому служил? Строю? Или стране? Будь в стране иной строй, ты что, сидел бы в сторонке? Это не ты, значит, ушел добровольцем на Первую мировую?

М-мда...

Георгий покончил со вставками, позвонил: "Элла привезет тебе рукопись. Первым будешь". Неужто уже три года пролетело? Читал и ужасался: а сам как мыслил излагать предвоенные дела? Полуправда, но и того много!

---

⁵ А.М.Некрич, участник войны (демобилизован в звании капитана), историк, доктор наук, автор книги «22 июня 1941 г.» Книга, опубликованная издательством «Наука» в 1965 году тиражом в 50 тысяч экземпляров, была раскуплена в течение нескольких дней. В книге, на основе ранее неиспользованных документальных источников, была дана картина начала войны Германии против СССР, не совпадающая с концепцией, принятой на государственном уровне. В официальной исторической науке вокруг неё завязалась острая полемика, которая закончилась запрещением книги, частичным уничтожением экземпляров, хранившихся в библиотеках и исключением Некрича из КПСС. В 1975 г. Некрич эмигрировал в США.

На полях оставлял прочерки, без слов. Приехал возвращать рукопись Георгию. Он за столом, в мундире со звездами, массивный, спокойный, – но не прежний Георгий.

– Что скажешь? – дёрнул углом рта. – Да не думай о гвоздях! То-то... Правда – это просто. А ты попробуй не правду, да так, чтоб была не ложь.

– Знаешь, твое смещение с Генштаба видится мне теперь по-иному. Некого же было ставить на фронты. Ты не считаешь?..

– Не считаю.

– Что ж, по-своему и ты прав. Можно было сделать человечнее. Думаю, с трактовкой роли личности в истории ты справился лучше всех.

– Какая там роль, когда личности на роль не нашлось... Отрекся же он тогда, в июне. И что?

– Ну, знаешь, после такой чистки... Уж об этом между всеми нами говорено...

– Говорено? Наболтано!

– Может, и записано. Уж очень мы пылко... Не верится, что никто не проявил усердия и не помчался на рысях... А ты молодец. Тон достойный. Не переходя на личности, как Никита...

– Никита!.. – фыркнул. – Славно Константин ему рубанул, что Верховный для него святой. Свято-о-ой! ⁶ Нэ смышно.

– Георгий, ты никогда меня не спрашивал о резервах сорок первого...

– А спроси – ты сказал бы?

– Нет.

– То-то... Догадываюсь, что армий с десятков было.

– Двенадцать.

– Хм... С такой силищей мы бы Сталинград под Москвой устроили, кабы не наш святой.

– Он ведь желал равномерного наступления. Как фюрер. Охватов боялся.

---

⁶ «Этот недоучившийся поп только мешал всем. Мы его обманывали: какое бы несуразное распоряжение он ни отдавал, мы поддакивали и делали по-своему». Так высказался о Сталине К.К.Рокоссовский незадолго перед своей кончиной.

– Чем там они, парализованные, могли нас охватить?! Упустили победу, продлили войну... Да что говорить... И ты тоже! Мог намекнуть.

– Да, намекни тебе... Вы же с ним друг на друга орали. В таком запале – да не обмолвиться, что знаешь о резервах...

– Орали... Потому и орали... Не стоит об этом... Я не стану, стыдно. Сам-то пишешь?

– Да о чем писать помимо Квантунской...

– Хотя бы как заманил фюрера Сталинградом. А Квантунскую изучать будут.

– Будут и твои изучать.

– Какие? Как новобранцев швырял? "Я убит подо Ржевом, в безымянном болоте..."

В жизни не поверил бы, что он знает что-то рифмованное, кроме песен. Достал его Ржев...

– Если б не Ржев, не быть бы и Сталинграду. Тимошенко не меньше тебя швырял.

– Так он и мемуаров не пишет. Умный, затаился⁷. Все Жуков! А что оставалось? Кем воевали-то? Последние два года и вовсе... А сроки-то сверху спускали. Даешь Европу!

О сроках лишь и выдавил. И это наедине с тобой! Да ведь сказать все равно не дадут...

– История разберется. Хотя, конечно, это не одного десятилетия процесс.

– Что история... Людям как объяснить??

Объяснить? Армия в таком была состоянии, что в сорок первом не с фельдмаршалами немецкими воевали, а с немецким солдатом. Обессилить дисциплинированного, обученного солдата вермахта, встречными ударами довести его до изнеможения. Довели. Но какой же ценой! От невозможности объяснить он и ожесточается. Вот вам головные боли, иконы в комнатке, куда чужим хода нет...

– Кому дашь читать?

---

⁷ Немецкие генералы и военные аналитики Запада считают, что кровопролитные контратаки в районе Смоленска, организованные маршалом Тимошенко в июле-сентябре 1941 года, стали главной причиной провала плана "Барбаросса".

– Христофорычу. Константину, если захочет. Больше никому.

– Много ты о репрессиях...

– Это их дело. Хотят обелить Верховного – пусть черкают.

– Да, натворил он дел. Войну за уши притянул. Если б не он, мы выше генерал-полковников не поднялись бы... Ну, я поеду, пожалуй.

– Посиди... Клава!

Вошла золовка в фартуке, держа руки на весу.

– Чего тебе? Я селедку чищу. Александр Михалыч, картошечки с селедкой, а?

– Клаша, то пойло еще осталось? И лимон! За уши, да... Насчет генерал-полковников – я так не думаю. – Не может признать, что, не будь чистки, не командовать бы ему на Халхин-Голе. Ну, это пропорционально амбициям. Твои скромнее... – Но писать охота пропала. Написал о годах ученичества: "Георгий Константиныч, дядя ваш наживался на вас, а вы ученичество описываете, словно развеселое время. Зачем же революция?" А о послевоенном – что? Оправдываться? В чем? Спросил пару охотничьих ружей – завезли арсенал. Навозили, прикрывались мною. Бонапартизм! Власть! Да хрена ли в ней, если варимся в том же, понимаешь?!. Что? Да пусть слышат! Пересуды эти... Казала-мазала! Спасибо, Клаша... Как они помнят – кто, когда, что болтал? Булганин, Серов... Напишу что помню, пусть ковыряются да исправляют.

– Мне на доньшко.

– Да я и сам не больно... Ну, будь!

– Ммм! Это что за напиток за такой?

– Коньяк-сырец. Подарок от ветеранов Молдвино. Разбавляют, разливают по бутылкам – и в продажу. – Поиграл желваками. – И с мемуарами так... Разбавят, разольют...

– Ну, идеология, сам знаешь... Альтернатива – не писать вовсе, как Тимошенко.

– Он акт о капитуляции не подписывал. Да и тебе что? Вклад в победу у нас равный, а в потери разный. Не

тебе извиняться. А я уж тем виноват, что бруцеллез подхватил в тридцать седьмом.

Да, три четверти комдивов расстреляны, другие посажены, а он маршал и четырежды герой. Ты, полковник, и то едва уцелел. Спасибо Учителю. Ради тебя пошел на разговор с вождем. Ради себя тоже. Не желал на твоём месте хорошо замаскированного сексота.

Когда снимали Георгия, не обошлось без крика. Никита ляпнул: хорошо поискать – найдется на доносах и жуковская подпись. Тут он им дал: "Разгром армии – это и ваших рук дело! Генералов вы ему помогали резать. Ищите подпись? Ищите. Не найдете!" Нашли все же – еще бы, при таком-то рвении! – но оказался другой Жуков.

Но было же предвестие его снятия! Застопорилась полновесная реабилитация Тухачевского и Якира со товарищи! То, что Георгий на посту министра так упорно проталкивал, заглохло вдруг, без объяснений. Если Георгий себя желает реабилитировать, то не с того он начал...

– Саша, где бумага о превентивном ударе, что ты подготовил на подпись мне и наркому?

– Соображения о стратегическом развертывании? В архиве. Я ее недавно перечитывал.

– И не снял копии??

– А что, исчезла? Значит, в спецхран передали.

– Полковник там, морда кирпича просит...

– Цыганистый крепыш с треугольным лицом? Важев. Ну, это цербер!

– *"Мы, товарищ маршал, и министра в спецхран не пускаем, если обоснование на поиск с визой председателя Комитета не принесет"*. Подбоченился, гнида!.. Как же ты копию не снял?

– Ну, не снял. Как знать, что исчезнет? Всего не скопируешь. Возможно, как раз сейчас кто-то ее использует. Появится бумага.

– Появится – когда? Дорога ложка к обеду.

– Знаешь, на вопрос "Чем вы, так вас и этак, занимались перед войной?" эта бумага не ответит.

Вдруг озарился улыбкой – такой беззубой, шемящей! С этой улыбкой – он с ней неотразим, не часто бывала она

на его лице кондотьера, а теперь ушла, видно, навсегда – вдруг спросил:

– Саш, фильм помнишь? Есть на Волге утес, диким мохом оброс... И утес человека того не забыл и с тех пор его именем звался... А?

Да, утес, Сталинград... Как не помнить фильм, снятый в разгар опалы Георгия, когда ему и сочувствия не выказать было... Торжественно открывалась книга-летопись, музыка Хачатуряна – ну, прямо хорал. Фильм с величавым Верховным, гениальным полководцем, автором замысла, да и всех вообще замыслов, с тобой, с единственной дежурной репликой «Так точно, товарищ Сталин!», с Вороновым, к замыслу отношения вовсе не имевшим... Все были в фильме. Все кроме Георгия. Котлубанская эпопея, перебор вариантов в страшные дни и ночи Сталинграда, эти смертельные номера – слепые полеты в нелетную погоду, тревога, усталость сменились торжественной музыкой, парадным сценарием, а корифеи сцены играли генералов и лидеров воюющих стран. Замысел, известный лишь вам двоим, изменивший ход войны, разворачивался на экране помпезно – и лживо. Фильм вселил чувство невольной вины перед Георгием. Когда он напомнил о фильме, даже остановка дыхания приключилась, словно от удара.

– Помню, – выдавил.

– Американские газеты, аршинные заголовки, русские остановили немцев на Дону, Рузвельт дает интервью о втором фронте, и журналист говорит: «Господин президент, великая возможность проходит мимо нас в этот миг!» Помнишь?

– Ну, что-то в этом духе... К чему это?

– А к тому. Возможность мимо нас проходит. Мы не расскажем – никто не расскажет. Никто не знает. Игру вели мы.

Он рехнулся. Но это – святая правда. После реорганизации наркомата и сокращения замов⁸, вы, двое

---

⁸ Осенью 1941 года решением Ставки командующие родами войск и начальники главных управлений Наркомата обороны были

оставшихся, такую вели игру!.. Поняли, что отговаривать Верховного напрасно и опасно. Притом, Георгий отлично знал, каково затевать прорыв на центральном фронте. То был его фронт, он ползал там, где головы было не поднять, или, по словам известного поэта, можно было поднять, но только отдельно. Знал огневую мощь вермахта, его гибкость и нашу неуклюжесть. Что делать, воевать пришлось той армией, какая была, и победы оплачивались кровью. С учетом особенностей той армии сложился ваш замысел: два синхронных клещевых удара – один в центре, на участках с немецкой обороной, другой на юге, на участках с румынской, там успех был вероятнее. Потакали Верховному, торопившему удар в центре. Потакали, но откладывали, и Георгий все внимание уделял югу, а не центру, где собирался его кулак. Готов был стать козлом отпущения, и едва не стал им: в архивах хаос, но материалы по «Марсу» и «Юпитеру»⁹ разложены по датам, фотографии приколоты к донесениям... Незавершенные операции. Материал для процесса. Так он рисковал – только бы прорыв удался там, где противник слабее, где местность позволяет маневр, где светит поворот в войне. Вы сближали время операций, оправдывая перенос сроков то недостатком вагонов для переброски войск, то погодой, пока логичным и оправданным стало предложить замещение: сперва ударить на юге, там, где это было неожиданностью для противника, отвлечь его внимание от центра, где он ждал удара, а как перебросит к югу силы с центрального участка, прорвать ослабленный центр и тогда – товарищ Сталин, милости просим, прямо на Берлин!

возведены в ранг заместителей наркома обороны. В их действиях стала появляться склонность к автономным решениям, отличным от указаний начальника Генерального штаба. По настоянию Василевского, количество заместителей наркома обороны было сокращено до двух, и все встало на свое место.

⁹ Наступательные операции Западного и Калининского фронтов, проводившиеся с 25 ноября по 20 декабря 1942 года и, по замыслу командования, предполагавшие развал всего Восточного фронта вермахта.

При нем держались сухо. Ничто не раздражало Верховного так, как добрые отношения между приближенными. Всем вменялось терпеть друг друга в интересах дела, не более. Бывало, спросит мимоходом: «Что вы думаете о таком-то?» Дашь положительную характеристику – промолчит, а то и скажет: «А он о вас противоположного мнения». И все, переходит к делам. Так что общались скупно, понимали друг друга без слов. Вы знали: противник не ослабит центр! Прорыв в центре означал развал Восточного фронта и немедленное поражение в войне. Ваш расчет был на бдительность противника в центре и меньшее внимание к югу. Но главное то, что в плане не было третьего. Вы были одной сущностью. Верховный второй. Доносить было некому.

Когда он понял, что вы друзья? Вероятно, после Сталинграда. Чутье у него было звериное. Но ссорить вас званиями и наградами не по заслугам не пытался. Вы равно награждены за перелом в войне, оба стали маршалами с разницей меньше чем в месяц, хоть ты стартовал с генерал-майора, а Георгий с генерала армии. Тайна Сталинграда так и осталась между вами...

– Георгий, дружочек, не можем мы сказать. Не можем!

– Почему, Саша? Почему не можем? Двое нас, как тогда!..

– Не можем! Немецкие генералы могли, а мы нет, не можем. Их строй рухнул, их больше не связывала присяга, они обрели право высказаться, прошлое отделилось от германского народа и германского государства. А мы под присягой. Остается держать флаг.

– Саша, потомки раскопают!

– Чьи потомки? Твои, мои? Мы с тобой уже прописаны, как Минин или Кутузов. А потомкам с державой жить – и не кочевряться! Расскажем? Дадим твоим дочерям, моим сыновьям спички в руки? За слушание власть по головке не гладит. Секреты раскроются со временем. Документами. Не нашими, так немецкими. А дела с Верховным – это беллетристика.

– Беллетристика, говоришь? – Жестко усмехнулся, и выглянул прежний Георгий – жесткий, неумолимый. – Ладно, будь.

Ну, и что осталось от того разговора? Можно быть правым, но, оказывается, это правота не праведника, а эгоиста. И не то чтобы взгляд на проблему изменился. Пируэты вокруг Верховного – это и впрямь неважно. А важно то, что твоя слава не запятнана, но никто никогда не узнает, что свою славу Георгий пожертвовал Сталинграду. Возглавил операцию, назначенную быть основной, тогда как заранее знал, что быть ей вспомогательной. Конечно, слов таких он себе не позволит, но думать думает. И это жжет. И смотришь на собственную работу совсем иными глазами...

Полистал рукопись.

Формировались танковые бригады для непосредственной поддержки пехоты.

К описанию предвоенной деятельности Генштаба придинок нет. Но кто поймет за этой фразой наступательный характер мероприятия?

Игры с издательством небезопасны. Некрича взяли да и вычеркнули из науки, даром, что все у него на документальной основе. Вычеркнуть тебя из войны сложно, но можно из года в год переносить книгу в плане. Правду выпускают, как перегретый пар, – постепенно. Всю не выпустят никогда. Разумные распоряжения подчеркнут, абсурдные удалят, акафисты пропеть заставят. Вера в вождя – основа российской ментальности во все времена. Ради этого чем угодно пожертвуют, не только историей войны.

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома?

Кружатся тургеневские слова так глумливо! Стыдно! Что за порядок вещей, когда думать не хочется о порядке вещей!.. Отказываешься от встречи с британским историком, потому что велят отказаться по состоянию здоровья... Здоровье после вынужденной отставки образцовым не было, но встретиться с британцем позволяло.

Побоялись, что лишнее скажешь. И сказал бы! Словно не знал британец о вождевых несуразицах. Разве не зафиксирована в британских анналах его мольба сорок первого года прислать в помощь СССР тридцать британских дивизий, хоть под английским командованием? И это в пору, когда бритты в береговой обороне ротами обходились. Историка поручили Васе Соколовскому¹⁰, преемнику. Он о Верховном не много мог поведать – что главным образом интересовало гостя, – и лишнего, конечно, не сказал. На вопрос о моем здоровье ответил, что иду на поправку... Стыдно!

Не просто было бы даже нам написать историю войны. Но если уйдем, не высказавшись, тогда вовсе... Георгий прямолинеен, резать его текст будут безжалостно. Надо писать так, чтобы и его умолчания заговорили. И уж, конечно, слово *Генштаб* то и дело придется заменять на *ЦК* – в духе времени и заклинаний о коллективном руководстве...

А вы – история! Какая там история, одно толкование.

Еще и потому 28 июня застыло на календаре, что в тот день состоялась беседа с чином этим воениздатовским и до колик захотелось переговорить с Георгием. Но здравый смысл победил. И ему навредишь, и себе. Ваша дружба – кость в горле Политбюро: а вдруг стратега сговорятся? Заговор маршалов, старый жупел. Сказануть Георгий и впрямь способен. Но вчера позвонила Элла: папа у вас, в Архангельском, на восстановительной терапии, вот его телефон... Архангельское – это для нечаянной встречи. И говорить можно, всю парковую территорию не прослушаешь.

Посмотрел на часы, снял трубку, глядя в бумажку, набрал номер.

– Клава? Доброе утро! А что Галина Александровна? Как – в больнице? Что-то серьезное? Да, будьте добры...

---

¹⁰ По рекомендации Василевского В.Д. Соколовский с июня 1952 года по апрель 1960 года – начальник Генерального штаба, совмещающая эту должность с постом первого заместителя военного министра (с марта 1953 года – министра обороны) СССР.

Спасибо! И она вам кланяется. Здравствуй, Георгий. Слух прошел, что рукопись сдаешь. Уже? Можем увидаться? Принести чего-нибудь? Да вот позавтракаю и пойду потихоньку.

Нехорош. Буркнул: "Давай!" А на остальное "да" и "нет". Да что у него радостного... Одна лишь Галина.

***

Эту пару километров до санатория лучше бы проехать. Но вчера заказывать машину в инспекторате было поздно, а сегодня заказать – к вечеру лишь и пришлют. Но так лучше, без свидетелей спокойнее. Погода для прогулки, но вот ноги не очень... И маршрут с подъемом... Какая сосна, однако! Мачтовая. Скорее, пожалуй, скрипичная. *Ты слышишь, как жалобно плачет не ставшая скрипкой сосна.* Кто-то принес сборник молодого поэта. Стихи слабенькие, но в одном, посвященном Тухачевскому, эти строчки...

Тухачевский... А Якир?! Обысов?! А сорок тысяч других?! Да что там, немцы своему фюреру шею свернули бы, если б он пикнул о войне с прежней РККА. А за своих офицеров – о-хо-хо!!!..

Попутку бы какую-то поймать... Да хоть эту... Гляди-ка, сама останавливается!

– Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза!

– Здра... Батюшки, Володя! Да вас не узнать! Сколько же мы не виделись, лет десять?

– Так точно, товарищ маршал. Садитесь, подвезу.

– Спасибо, не откажусь. Забыли мое имя-отчество?

– Да что вы, Александр Михалыч!

– Ну, так-то лучше... Какими судьбами здесь?

– Ну-у, как вам сказать... По службе, Александр Михалыч.

– Ясно. – Прослушали все же. Оперативно! – Охрана госценностей? Многие вздохнули бы легко, схоронив нас. Басни сочинять было бы проще. Мы ценны? Мы обременительны.

– Это как кому, Александр Михалыч. Для меня вы... сами знаете...

– Спасибо. И чего это я... Что, потянуло назад, в дисциплину?

– Не в дисциплину, Александр Михалыч, в простой достаток. Как семью кормить? Теща после радиации с пятьюдесятью пятью рублями пенсии, две дочери...

– Дочери... У меня сыновья. Ну, правда, внучка... – Внучка! Тот самый сон! Зарево в проемах окон, дети на улицах, баржи для эвакуации, и налет, самолеты пикируют – жутко, безмолвно. Дети шарахаются, показывают на реку. Там тонет баржа, на палубе девочка в белом, Манечка... Не заслужил таких снов... – Володя, как ваше отчество?

– Зачем это, Александр Михалыч? Степаныч я.

– На действительной можно было звать вас по имени, по фамилии. А отца семейства, да еще в штатском, надо величать по батюшке. Вы куда меня, собственно, везете?

– Куда прикажете, Александр Михалыч.

– Но мы уже несколько минут едем...

– Развернуться несложно, бензин государственный. Разворачиваться?

– Нет, едем верно. Мне до санатория.

– Есть, до санатория! Александр Михалыч, я слышал, вы книгу пишете. Я о войне читаю и наше, и переводное. Ваша книга ох как нужна!

– А без нее не все ясно?

– Еще как не все! Особенно после Некрича. Ну, первый день, внезапность, ладно... А дальше? Немцы на фюрера валят, у нас роль партии... От вас бы узнать...

– Что ж, узнаете, когда книгу издадут.

– Это не скоро еще, наверное, да? То-сё, редакторы-корректоры...

– Да, уточнения – процесс долгий. А как вы узнали, что я пишу мемуары?

– Значит, книгу я обязательно куплю, а вы мне ее надпишете, да, Александр Михалыч?

– Надпишу, конечно, хотя не думаю, что такая уж это будет ценность.

– Александр Михалыч, вас знают все, вы знаменитость.

– Я? Да, я отец знаменитого архитектора.

Умница! Все выложил, не обронив ни слова. Машина наверняка нашпигована. Апартаменты Георгия тоже. Экая незадача! В парк не выйти, ему, конечно, велели следить. А вымуштрован как! Дверь распахнул, поддерживает под локоток...

– Я к Жукову, навещу после инфаркта. Идемте, поедите, отдохнете, пока мы с Георгием Константиновичем погуляем по парку.

– Вы гуляйте, родимые. Я на центральной аллее потопаю. Гуляйте, ни о чем худом не думайте. Александр Михалыч, простите, что суюсь... Заберите книжку из Воениздата. Боятся они ее, не станут издавать.

– Спасибо, Владимир Степанович. – Сказал, не оборачиваясь. – Ждите меня на обратный путь.

***

Прохаживались к гроту и обратно в одиночестве. Где-то за облаками зудел одномоторный самолетишко. Георгий в брюках с лампасами, но под полушубком не китель, а кофта шерстяная. Клава вяжет, она у них мастерица на все руки. Сразу взял быка за рога.

– Чем порадуешь?

– Друг в Ленинграде, писатель, переводчик при штабе в Квантунской операции. Вызвали, предложили пост главного редактора журнала "Китай и Дальний Восток". Отказался. "Владимир Николаич, – говорю, – это Москва, членство в ЦК, это возможности!" А он мне: "Александр Михалыч, не желаю вносить свою лепту в трагическую вражду между двумя великими народами".

– Молодец. Ерунда какая-то. Необъяснимо все это. Еще что?

– Воениздат меня печатать не станет.

– Так и сказали?

– Так не посмели. Но это из надежного источника.

Из Комитета.

– И куда теперь? Тоже в АПН¹¹?

---

¹¹ Мемуары Жукова были изданы в АПН (Агентство печати)

- Нет, Георгий, нельзя нам в одном издательстве.
- Тебе виднее.
- Георгий, ты знал, что он запретил эвакуировать население Сталинграда?
- Кому запретил? Когда?
- В самом начале. Двадцатого июля. Чуянов ему звонил...
- А-а, Чуянов... На тебя жаловался?
- Ты хорошо его знал?
- В целом. В Сталинграде в тридцать седьмом три секретаря сменились. Он пришел, местное НКВД пересажал, своих людей поставил... Так и пересидел чистку.
- Ясно... Сон у меня... Впервые приснился, когда полистал британский фотоальбом «Битва за Англию». Там плакат был. Горящий Лондон, мальчишечка в каске, с лопаткой... Британский тимуровец. К нему склонился пожарный. Надпись: «Оставь это нам, малыш. Тебе сейчас не место в Лондоне». Увидел – и, знаешь, защемило. Вспомнил волжскую переправу, сирот ленинградских, их вывезли в Сталинград, теплый, хлебный, тыловой... И вдруг – фронтовой. Мы с Чуйковым были на переправе. Баржа горела недалеко, люди попрыгали в воду, а одна девчушка осталась, не умела плавать. Ей кричат, а она ни с места... и пылает... как бумажка! А во сне девочка – наша с тобой Танечка. Тебя всё по ссылкам мотало, дедушка у нее один был... И вот... пылает...
- Ну, Саш...
- Извини... Когда определилось направление удара, когда уверился, что отвлек все же фюрера от Кавказа, стал искать средства обороны. Зенитки ушли на перехват танков, город стал беззащитен... Посоветовал Чуянову эвакуировать женщин и детей, пока переправы безопасны. Больше этим не занимался, сам понимаешь, мои заботы были в излучине Дона. После очередной бомбежки заводов большие были жертвы. Справился у Чуянова об эвакуации. Он сказал: товарищ Сталин запретил панические

"Новости") в 1969 году. Мемуары Василевского вышли четырьмя годами позднее в Политиздате.

настроения. Сказал, что солдаты пустые города не защищают. Население остается в городе, заводы продолжают работать, все как обычно... Это мне... Дескать, не в свое дело суетесь, товарищ Василевский... Конечно, понимал, что со всеми своими полномочиями заместителя Верховного и представителя Ставки не могу тягаться с Чуяновым, хозяином области, с его хваткой и линией связи с Кремлем. И все же... Словом, был задет. Ты знал, что он запретил эвакуацию? Миллион человек в городе скопилось!

– Мне не докладывали. У него своя логика. Больше жертв – вот и ярость благородная... вскипает, как волна. Ты-то помнишь его в июле, когда он твой «Ни шагу назад!» подписывал...

– Он же его и написал. От моего мало что осталось.

– Ну, как бы там ни было... Фюрера к Сталинграду привлек ты, а ожесточение подготовил он.

– Ожесточение – это он умел... Что у тебя окончательно о Сталинграде?

– А-а, пришел твой черед... Думай, как объяснишь просчет в численности. Он после нашего обещания в десять дней разделать кольцо... Помнишь?

При подобной реплике Георгий хоть глаз прищурит. А тут темен, лишь челюстью двинул.

Как не помнить... Верховный после Сталинграда стал запрещать окружения. Уж и стрелы на оперативных картах не загибали, и в выражениях были скупы, но его чутье... «Вы, что, опять окружение затеваете? Не надо! Давайте, выбрасывайте их поскорее с нашей земли!» В Европу спешил. Заграбастать побольше, пока союзники не высадились. Он после Сталинграда не больно их и торопил. А фронтальные наступления ох как дорого стоили! И не доказать ему было, что с окружениями он и захватил бы больше, и людей намного меньше положил бы...

– Помню, конечно... А что ты?..

– Ничего. Это твое.

– Хм... Что ж, так даже лучше... А о "Марсе" у тебя... что?

– Три строки.

– Ясно... Сковать вермахт – твое. Мое – Сталинград. Распишу эпизод с Вольским...¹² А о начале войны? Соображения по стратегическому развертыванию нашлись?

Он не ответил.

– Отчего умер Вольский? Мужик молодой, красавец писанный...

– Насколько помню, болезнь почек. Сразу после Сталинграда заболел. Постой, Георгий, как же без соображений? Ты же инициатор!

– Да ладно, забудь об этом. Что ж его не вылечили в Кремлевке? А Паша Рыбалко, он отчего?

– Знаешь, тоже почки...

– Мор на танковых командиров с характером. У всех почки...

– Уж не думаешь ли?..

– Не думаю. Может, лишнего валим.

Может... За смертями от болезней почек пошли расстрелы. Не только не сломленных пленом Понеделина, Кириллова и других, но и генералов Победы. Гордов, герой Сталинграда. Кулик... Звезд с неба не хватало, но уж никто не отнимет того, что это были люди с характером. Ох, как не хочется обсуждать такое! Даже наедине...

– Георгий, надо подумать, как Сталинград представить. Пора открыть...

– Открыть – что? Как надули Верховного?

– Разве только его? Провести вспомогательную операцию после главной – до этого никакой аналитик не додумается. Надо объяснить.

– Обелить меня хочешь? А присяга, флаг?

Все помнит...

– Флаг пусть держава держит. Давай подумаем, как написать, чтоб не слишком круто...

---

¹² Генерал-лейтенант В.Т.Вольский, командир 4-го механизированного корпуса, не зная всего замысла зимней кампании 1942 года, в канун Сталинградской наступательной операции послал Сталину письмо о том, что при существующем соотношении сил и средств операция обречена на провал. После короткого и спокойного разговора с вождем Вольский отозвал свое письмо и заверил, что выполнит задание командования.

– Не поверят. Ржев есть Ржев, путь на Берлин. Скажут, задним умом крепки.

– Но ты же хотел открыться.

– Хотел. Теперь не хочу.

– Много повычеркивали? – Его усмешка была красноречивее слов. – Как же ты?..

– Аня Миркина там сражается. Я теперь в тылу. О репрессиях почти все убрали.

– Я ж тебе говорил...

– Ничего, умный поймет.

– А о последних делах?

– Э-э, рассчитаться бы с прошлым... А настоящее – оно того не стоит.

– Раньше ты не так рассуждал...

– То раньше. Главное сделал. Симонову про Москву рассказал.

– Все? Что заслона не было? Что не пала по дурости фюрера?

– Разве что фюрера не поминал. В эфир не пошло, но, авось, не пропадет. Рукопись возьмешь?

– Думаю, время нам вспомнить запрет на вынос материалов. Соглядатай там по центральной аллее топает, мой бывший шофер, человек подневольный. Спросят – скажет. Рукопись мне на рецензию и так пришлют. А что за цифры тебе дают? Надежные?

– Откуда мне знать... Поймут же, что не из головы брал.

Что поймут, чего не поймут – сказать трудно. Место у него незавидное. Первый полководец... В этой войне, с этими потерями нет желающих на его место. В его тени – это пожалуйста!

– Ты не замерз?

– Ничего. Когда-то еще увидимся...

– Что еще предстоит тебе с рукописью?

– Генерального вклеить.

– Не забыл он тебе овацию в ЦДЛ. Как я жалею, что потащил тебя на то двадцатилетие Победы! Дорого обошлась тебе овация. Ты разве с ним в войну пересекался?

– Считается, я со всеми пересекался. Это ты любого полковника по имени-отчеству помнишь.

– Ну, напишешь про эпизод с Берией...

– Забраковали. Военный эпизод нужен.

– Ты меня развеселил, право! И что придумаешь?

– Подсказали. В сорок третьем у Новороссийска хотел с ним говорить о моральном состоянии войск на плацдарме, да не застал, поскольку он был на линии огня.

– Но это же смешно! Ты все же не очень...

– А ну их. Остоело.

– Георгий, что все-таки случилось?

– Да так... все вместе... Голова болит... Говоришь: надоели мы державе. Не просто надоели. Не уймется, пока не засунет нас в кремлевскую стену. Отыграли – умрите! Правды не хочет. Ни о причине войны, ни о причинах потерь. А мы носители правды. Мы самые для нее страшные люди. Как это до сих пор почками не заболели... И на том спасибо. Кланяйся, Саша, до земли. Работу сделал, дачу получил? Ну и проваливай! Дачу-то после смерти отберут, детям не оставят.

– Георгий, уймись, нельзя так. Подумай о себе. Работа не кончена. Мы обязаны рассказать. Что-то напишем, что-то писателям расскажем... А как Галина Александровна?

– Не знаю. Вот этот твой топтун? Здорово, старшина!

– Здравия желаю, товарищ маршал Советского Союза! Я теперь не старшина...

– Да уж понимаю. Старшиной был, когда меня возил. Однажды, верно?

– Дважды, товарищ маршал. В Министерство и в Воениздат.

– В Воениздат? То давнее. Не дрейфь, маршалы своих не сдают. Ладно, Саш, будь.

***

Ну, вот, выяснил все. Упростилась задача?

– Замерзли, Владимир Степанович?

– Слегка, тов... извините, Александр Михалыч.

Быстро вы... Часа не прошло.

Как жизнь гнет! Это ли Георгий военных лет? Или хоть года отставки? Ничего общего. И внешне, и внутренне. Да что на него глядеть, проще в зеркало. На сокращения пошел. Хоть что-то сказать при жизни... "Умный поймет".

Поймет ли?

«Думай, как объяснишь просчет в численности».

Как объяснишь? Не было просчета. А придется писать – просчитались, извините!

Двенадцатого ноября прилетел из района Сталинграда на совещание в Ставке. Приземлились почти одновременно, в сумерки. Накануне, когда не было лишних на узле связи, согласовали время. В проулке у Ленинградского шоссе прохаживались взад-вперед под редкими, теплыми, улетающими вверх снежинками, оставив сопровождающих у машин на пустыре. Уточняли детали и про себя оттачивали формулировки главного, оставленного на конец. Георгий был отрывист.

– Совещание утром. Сколько он дал на ликвидацию?

– Десять дней.

– Численность?

– Если Паулюс не отойдет к Дону, то и сказать страшно.

– И не говори, – отозвался он. – Может, не спросит.

– Спросит!

– Назови, словно отойдет. Семью видел?

– Сейчас поеду.

– Простись. – Убрал подбородок, уголки рта беззубо загнулись кверху. Шутка... – До завтра!

Паулюс не отошел, и вы не возвращались к разговору. Ни словом о численности группировки не обмолвился Георгий в мемуарах. Не много сказано и сегодня. И лишь ты можешь оценить это...

Страшно подумать, как вы рисковали. Победа стала вам наградой. Не маршальские звания, не ордена – перелом в войне! Какое было ликование!..

Но что между вами такое, что говорите обняками даже наедине? Уж так сложны отношения с покойником! Потому что возвышением обязаны ему. Быть бы вам генерал-полковниками, если бы не он, триумфатор. Вопрос заострил однажды Константин. Сказал, что предпочел бы остаться комкором в армии, руководимой Уборевичем и Якиром.

А если всерьез – кого можно было поставить вместо Верховного?

Да любого! Если бы не энергия Берии на первом этапе... чего, конечно, никто теперь не признает! Любой справился бы не хуже, а Вознесенский так во сто крат лучше. Времени не было на сотворение нового кумира. А этот – вот, готов! Внушил трепет, снискал имя, создал образ вождя... Что и оставалось использовать. Решение вынужденное, как и вся наша тактика первого года войны. А дальше – курс управления воюющей страной. Прошел его благодаря умным помощникам, партийной сети, выдающимся производственникам, выдвинутым генералам... И – крови. Цена триумфа. А умер не прежде, чем убрал последнего дееспособного руководителя страны¹³.

Но в мемуарах такое – это как после драки кулаками махать.

Можно понять аппарат пропаганды. Осознание того, что вождем, отцом, учителем был уголовный гений, не придаст народу ни самоуважения, ни достоинства. Пусть разбираются историки... в чем власть ничуть не заинтересована...

Любопытно, все вы лишились постов, сопротивляясь его хулению. Ты, за тобой Георгий, за ним Константин¹⁴...

---

¹³ Н.А.Вознесенский, председатель Госплана, ключевая фигура военной экономики СССР, был расстрелян в 1950 г.

¹⁴ В 1962 г. Хрущев предложил Рокоссовскому написать «почерней и погуще» статью против Сталина. Рокоссовский ответил: «Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!», — и на банкете не стал чокается с Хрущевым, после чего был снят

Самые обласканные! И вас не вернули обратно после падения Никиты...

А что, попадись на глаза британский плакат раньше, отстаивал бы заслуги Верховного перед лицом исторического Двадцатого съезда? Это стоило тебе отставки, дружок. Но очень уж мешал разоблачению сам разоблачитель, фигляр-кукурузник... и о нем из соображений партийной этики нельзя сказать худого, хоть он расстрельными экономическими процессами замарал руки уже в наши дни. Естественно было чувство протеста против охаивания Верховного этим неучем: битвами по глобусу руководил! Карту Верховный, конечно, не поднимал¹⁵, читал как план, но с сентября сорок второго прекратил капризничать и стал военных слушать... хоть и не так, как с начала войны слушал промышленников. А что страна могла распасться – не распалась ведь, благодаря партии, правительству и, конечно, лично ему. Победителя не судят.

Судят вас. Георгий – главная фигура. Выдай офтальмологу набор мясницких ножей, а потом суди его за то, что операции ему не удаются... Взошел он на свою Голгофу. Но уныние – это новое. Никогда так не звучал. *Вклад в победу у нас равный, а в потери разный...* Не равный. В худую минуту сказано. Условия начала войны однозначно вели к победе Германии. Молниеносность не была блефом. Вождь такого наделал, что блицкриг стал жуткой реальностью. Тимошенко и Жуков подставили армию, но спасли страну. Это справедливо. Армия для того и существует. Но кто бы взял на себя выполнять то, о чем все знали, что это единственный выход...

– Приехали, Александр Михалыч... До свидания. Успеха вам.

– Благодарю. До свидания, Владимир Степанович.

– Александр Михалыч, а Георгий Константиныч, он... что он?..

с должности заместителя министра обороны и отправлен в отставку.

¹⁵ Военный термин. Поднять карту – значит, представить местность трехмерно.

– Вы же его видели... Почему спрашиваете?
– Так он ничего вам не сказал? – И, отрицательно покачав головой, с ужасом военных лет услышал: – Так ведь у Галины Александровны рак.

Сан Диего
Июнь 2010 - март 2011

Борис Тененбаум

Петербург, весна 1811

Глава из новой книги

I

ород был новым. Его и заложили-то совсем недавно, при Петре, а уж по настоящему он расцвел только при бабушке ныне царствующего государя, Александра Первого, Екатерине Великой. Была она правительницей премудрой и во всех делах своих добивалась успехов, доселе неслыханных. Вот что писал о ней турецкий историк, Ресми-эфенди:

“...Племя франков, или как у них говорится, европейцев, чрезвычайно подобострастно к своему женскому полу. От того-то они так удивительно покорны, послушны и преданы этой чарыче: они почти считают ее святой, около нее толпятся отличнейшие своими способностями и знаменитейшие люди не только московской земли, но и разных других народов, и, полные восторга к чарыче, они все мечтают рвением положить за нее душу свою. Надо сказать и то, что она также претонкая женщица. Чтобы привязать к себе этих людей, она, оказывая являющимся к ней государственным мужам и воеводам более радушия, чем кто-либо им оказывал, осыпая их милостями, отвечая вежливостями, образовала себе множество таких полководцев, как Орлуф или как маршал Румянчуф, тот, что заключил мир с нами. При усердном содействии всех этих людей счастье ее развернулось, и она свободно поплыла по морю успехов до того, что сделалась как бы обновительницей русского царства. В 1177 году, по случаю смерти короля ляхов, вмешалась она в дела этого народа, которые на несколько лет заняли ее внимание по причине необходимых сделок с соседями, а в 1182 году по

воле предопределения начала войны с нами ...”.

Причуды с хронологией (в 1182 ?? году ...) объясняются тем, что в тексте оставлено летоисчисление по хиджре – год 1177 вместо европейского 1763, и 1182 - вместо 1768, а что касается "чарычи" вместо "царицы", "Орлуфа" вместо "Орлова", и "Румянчуфа" вместо "Румянцева", то это надо отнести целиком и полностью на счет переводчика, О. И. Сенковского, человека очень одаренного, но и с очень большими причудами - одной из которых было его пристрастие сохранять в русском переводе всю (занятную для русского уха) фонетику турецкого оригинала.

Царица Екатерина Вторая правила долго и счастливо, и действительно сделалась *“... обновительницей царства ...”* - Ресми-эфенди совершенно прав. Период её правления - с 1762 по 1796 - часто считают золотым веком Российской Империи.

Что же до поминаемого историком "Румянчуфа" - фельдмаршала Петра Румянцева, ставшего графом Румянцевым-Задунайским в ознаменование его великих побед над турками - то он был только одним из ее многочисленных даровитых полководцев, в дополнение к нему можно назвать и Потемкина, Суворова, Кутузова, Ушакова. С Орловым - не очень понятно, кого Ресми-эфенди имел в виду: это мог быть Григорий Орлов, с которым великую царицу связывала долготелная привязанность, и за которого она даже одно время собиралась выйти замуж - но мог быть и Алексей Орлов, его брат. Человек он был удалой, одаренный невероятной силой и отвагой. Ему Екатерина поручила головоломное дело - командование русскими эскадрами, посланными с Балтики вокруг всей Европы, в восточную часть Средиземного моря, для войны против Турции. И он справился с поручением самым лучшим образом - послушаем Ресми-эфенди еще раз:

“... из Путурбурка, лежащего на краю моря, называемого Балтык, через Гибралтарский пролив послал москвитянин на воды Мореи и в Архипелаг несколько мелких военных судов вертеться между островами; в Англии и других землях нанял несколько кораблей, в Архипелаге

нахватал барок вроде саколев и дрововозок и, одни нагрузив войском, другие съестными припасами, в четыре или пять месяцев составил себе значительный флот из старого хлама. Когда этот флот появился, опытные знатоки моря предсказывали, что первая порядочная буря эту странную ладью опрометчивого гуяра, не знающего здешних вод, непременно истолчет в щепки и разметет по морю. ...

Но по закону успехов, предопределенных бичу мусульман [Екатерине], судьба и ветры постоянно благоприятствовали его ничтожному флоту, и, с первого нападения, уничтожил он наш прекрасный флот, столкнувшись с ним в Чешме ...”.

Переводил текст все тот же самый О.И.Сенковский, поэтому мы и читаем "Путурбурк" вместо Петербурга и "Балтык" вместо Балтики - а что касается "Чешмы" - то тут имеется в виду Чесма, местечко в заливе, возле которого граф Алексей Орлов полностью истребил все противостоящие ему турецкие корабли. Он поистине вписал тогда новую славную страницу в историю молодого российского флота - сил у турок было больше, но российский командующий не поколебался ни на секунду. Граф был очень решительным человеком.

Царица знала, кому поручает командование - Алексей Орлов убил ее мужа.

Великая государыня вовсе не была кровожадна. Просто ситуация для нее оказалась такой, когда ей надо было действовать без оглядки - и граф оказал ей большую услугу. Так уж сложились обстоятельства.

Петр был первым из русских царей, провозглашенным императором Всероссийским. После тайной казни своего сына, царевича Алексея, он решил, что корона будет передаваться не по династическим правилам наследования, а по его велению. Но умер Петр Первый внезапно, и завещания не оставил. В отсутствие государевой воли следовало бы вернуться к тому, что считалось нормой - передачей верховной власти ближайшему прямому родственнику по нисходящей мужской линии, то-есть сыну царевича Алексея, маленькому Петру. Однако внук императора был слишком мал, власть попала бы в руки его

родни, что означало смертный приговор Меншикову и Толстому - людям, погубившим царевича Алексея. Ну, Меншиков тоже был человек решительный – и корона досталась жене, покойного императора Петра Первого Екатерине.

Она умерла через три года. А после ее смерти кто только корону не примеривал ? Был тут и Петр Второй, батюшку которого Петр Первый казнил, была и Анна Иоанновна, дочь Ивана, старшего брата преобразователя, был Бирон, назначенный регентом при сыне ее племянницы, Анны Леопольдовны - двухмесячном ребенке Иване Антоновиче, официально - Иоанне Шестом, императоре всероссийском.

А когда Бирона свалили в дворцовом перевороте, у власти было какое-то уж и вовсе невнятное "брауншвейгское семейство" в лице Анны Леопольдовны, нареченной правительницей при ее сыне, и законного мужа правительницы, принца Антона- Ульриха Брауншвейгского.

Вся эта чехарда продолжалась вплоть до воцарения дочери Петра Первого, Елизаветы Петровны. Она родилась у своих родителей до их законного брака, соответственно, считалась побочной дочерью, династических прав не имеющей - но императорская гвардия в юридические вопросы не вникала, и в ходе очередного переворота вознесла ее к престолу.

Всем была хороша императрица Елизавета Петровна - и веселье любила, и с вельможами ладила, и жестокостей особых не творила, да вот беда - законных детей у нее не было. И пригласила она из Голштинии своего племянника, Карла Петера Ульриха Гольштейн-Готторпского, которому и наметила себе в наследники. А чтобы сразу и продолжение династии обеспечить, женила его на принцессе из бедного княжеского рода в Германии, Софии Фредерике Августе Ангальт-Цербстской.

Карл Петер Ульрих перешел в православие, был наречен Петром Федоровичем, а после смерти Елизаветы Петровны стал императором, Петром Третьим. Вот он гвардии не полюбился. Надо сказать, что он вообще никому не полюбился - и церкви, и дворянству, и даже собственной

супруге, Софии Фредерике, получившей при православном крещении имя Екатерины Алексеевны - но мнение гвардии в данном случае имело решающее значение.

Дальше есть смысл просто процитировать энциклопедию:

“... Ранним утром 28 июня (9 июля) 1762 года, пока Пётр III находился в Ораниенбауме, Екатерина в сопровождении Алексея и Григория Орловых приехала из Петергофа в Санкт-Петербург, где ей присягнули на верность гвардейские части. Пётр III, видя безнадежность сопротивления, на следующий день отрёкся от престола, был взят под стражу и погиб при невыясненных обстоятельствах ...”.

Самой существенной частью этих *“... невыясненных обстоятельств ...”* Алексей Орлов (тогда еще не граф) как раз и послужил. А Екатерина Алексеевна вступила на престол в качестве царствующей монархини, отодвинув законного наследника, своего сына Павла, в сторону. Ссылалась она при этом на то, что таково было *“... желание всех Наших верноподданных явное и нелицемерное ...”*.

22 сентября (3 октября) 1762 года ее короновали в Москве.

II

Гордая надпись на латыни – *“Petro Primo Catharina Secunda”*, *“Петру Первому Екатерина Вторая”* помещенная на грандиозном “Медном Всаднике”, монументе, возведенном Екатериной II в Петербурге в память основателя и города, и Империи, была хороша не только чеканной лаконичностью - она имела и все достоинства истины.

Екатерина с полным основанием могла считать себя *“Продолжательницей”* после *“Основателя”*, что и подчеркивалось даже державной династической нумерацией - она и в самом деле была *“Второй”* после *“Первого”*. Петр основал Петербург - Екатерина его украсила. Петр основал Империю - Екатерина ее усилила. До Петра русских называли в Европе “московитами”, и ставили примерно на ту же степень, что и турок - с той только разницей, что в силу меньшей живописности интересовались ими куда меньше,

чем турками. Петр I сделал Россию балтийской державой, Екатерина II сделала ее европейской державой. К 1789 году Российская Империя оказалась в том же "клубе", что и Англия, Франция, Австрия и Пруссия - никакие крупные вопросы без учета их интересов не решались. Членским взносом-минимумом в такой элитный клуб была способность выставить армию в 200 тысяч солдат, обученных на европейский лад.

Силу европейского строя русские ощутили в полной мере в страшном поражении под Нарвой, но под Полтавой показали, что обучение они прошли успешно - но сила державы мерялась не только армией, огромную роль играли и количество населения, и его, так сказать, "качество", которое можно было оценить вполне объективно как сумму налогов, уплачиваемых населением государству. Вот в этом отношении у российской государственной системы имелись проблемы - если по количеству населения Российская Империя с ее 40 миллионами подданных бесспорно занимала первое место, то по "доходности" была примерно равна Австрии с населением в 22 миллиона и Пруссии, с ее 10 миллионами. Вот совершенно конкретные цифры[1] - в год смерти Екатерины Второй в 1796 российский государственный бюджет имел доходов на сумму в 73 миллиона рублей.

Если для удобства сравнения пересчитать тогдашние рубли в тогдашние фунты стерлингов, то мы увидим, что доходы России составляли 11,7 миллионов фунтов, из которых расходы по сбору снижали общую сумму, получаемую казной, до 8,93 миллионов. В Пруссии с населением вчетверо меньше российского государственный доход составлял очень похожую сумму - 8,65 миллионов. Австрия как государство жила на ежегодный доход в 8,75 миллиона фунтов.

Запад Европы был богаче - Франция при населении в 27-28 миллионов собирала налогов на сумму в 19 миллионов фунтов (475 миллионов франков). Англия была еще "доходнее" - ее казна получала ежегодно 21 миллион фунтов, взимаемых с 15 миллионов подданных. Вопрос, почему державы "пятерки великих" так отличались друг от

друга по своим экономическим показателям, заслуживает отдельного и подробного разговора. Понятное дело - это было отнюдь не случайно. Мы поговорим об этом ниже.

Пока же ограничимся только одним замечанием - в 1789 этот установившийся было порядок рухнул.

III

Великую Французскую Революцию называли "великой" не напрасно. Франция была крупнейшей страной Европы по населению, вплоть до возвышения России при Екатерине Второй каждый пятый европеец был французом. Роскоши двора Франции подражали по мере сил все государи континентальной Европы. Даже политические противники Франции, англичане и австрийцы - и те переговоры друг с другом вели на французском. В очень многих делах он выполнял роль общеевропейского. Само собой разумелось, что воспитанный человек просто обязан владеть этим языком. Культурное преобладание Франции воспринималось как данность, ее писатели и философы, пусть и неофициально, рассматривались как люди поистине королевского ранга.

По крайней мере, Екатерина принимала в Петербурге Дени Дидро как "посла энциклопедической республики" - императрица с ним даже советовалась. А за "королем философов", Вольтером, коронованные особы Европы форменным образом ухаживали, и перепиской с ним гордились.

Так что можно себе представить, какой эффект произвела Революция - террор якобинцев стал выглядеть прямым продолжением скептицизма Вольтера, а философия Руссо обернулась штыками Французской Республики.

Екатерина II, однако, углядела в происходящих событиях и положительную сторону.

Сотрясение тронов и алтарей проходило далеко от русских границ, Франция и Англия, соперничавшие друг с другом уже добрую сотню лет, сцепились опять, Австрия и Пруссия, рассматривавшие друг друга как соперники за влияние в Германии, получили новую заботу на своих западных границах - все это создавало возможности для единственной великой державы Европы, не вовлеченной в

кризис на Западе.

Помешать российской экспансии было некому. Ведению войны с турками, начавшейся в 1787, это обстоятельство очень помогло, и в 1792 году в Яссах с Турцией был заключен победоносный мирный договор. Северное побережье Черного Моря осталось за Россией. А как только удалось освободить занятые в войне войска, внимание Петербурга переключилось на Польшу.

Давно, еще в 1772 году, Екатерине удалось оторвать от Польши существенный кусок территории - Гомель, Могилев, Витебск, Двинск. Сделать это удалось только по соглашению с Австрией и Пруссией, которые настояли на получении компенсации за счет поляков - Австрии досталась Галиция, а Пруссии - земли вокруг Данцига.

В 1793 последовал второй раздел Польши, на этот раз считаться пришлось только с Пруссией - Австрия была слишком занята своими неприятностями с Французской Республикой.

Россия получила земли до линии Динабург-Пинск-Збруч, восточную часть Полесья, Подолье и Волинь. Пруссии достались территории с польским населением. Последовало восстание Костюшко, потопленное в крови Суворовым, и в 1795 году Польша была ликвидирована. Россия получила еще примерно миллион подданных и новые земли, общей площадью 120 тысяч квадратных километров.

А в 1796 году государыня-императрица Екатерина Великая умерла - и наследовал ей ее сын, Павел Петрович.

Павел Первый, император всероссийский.

IV

Память по себе он оставил нехорошую. За долгое время царствования его матушки, которую он считал "похитительницей престола", российское дворянство как-то укрепилось в мысли, что оно по своим правам и привилегиям не слишком отличается от благородных сословий прочих стран Европы. Когда император приказал пустить мрамор, запасенный для достройки Исаакиевского Собора пустить на строительство его новой резиденции в Петербурге, Михайловского Замка, а собор завершить кирпичной кладкой, никто особо не возражал - в конце

концов, самодержец был в своем праве. Но когда флотский лейтенант Акимов, вернувшийся со стажировки из Англии, написал по этому поводу дерзкую эпиграмму:

*"Двух царствований памятник приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный"*,

и поплатился за это кнутом, с последующим отрезанием ушей и языка и ссылкой на каторжные работы в Сибирь - вот это произвело крайне неприятное впечатление.

Наказание за безделицу было жесточайшим, но поразило оно не жестокостью. Император был не только жесток - он был раздражителен и непредсказуем. Его осеяли самые разные идеи - он мог запретить ношение круглых шляп, мог отослать не угодивший ему при смотре полк в ссылку - в полном составе и прямо с плац-парада - мог всыпать тысячу палок офицеру, сказавшему что-то непочтительное об ордене Св. Анны, в чем император усмотрел оскорбление его фаворитке, Анне Лопухиной - ну, и так далее.

Протестовать открыто, конечно, не смели, но недовольство было явным, особенно в гвардии. Если раньше служба в ней была престижнейшей, и служила иной раз дорогой к крупному успеху, то теперь люди что только не делали, чтобы уйти в отставку. Вот справка из энциклопедии:

"... из 182 офицеров, служивших в Конногвардейском полку в 1786, к 1801 не уволились только двое ..."

Внешнюю политику Павел I вел примерно в таком же духе. Захват французами Мальты он посчитал личным оскорблением, и в 1798 пришел на помощь Австрии: флот Ушакова был двинут в Средиземное Море, армия под командованием Суворова - направлена в Италию.

Получение при этом хоть какой-то практической пользы для государства при этом не предполагалось - дело было в принципе защиты самой идеи монархии. Но уже в октябре 1799 года Павел поссорился со своими союзниками и отозвал войска в Россию. Наполеон Бонапарт, новый глава Французской Республики, носивший титул "Первого Консула", совершенно очаровал российского самодержца. Готовился новый военный союз, направленный против

Англии, и даже принимались уже и практические шаги в этом направлении. Войско Донское двинулось в сторону Бухары и Хивы, намечалось вторжение в Индию - с помощью Франции и через Иран.

Неизвестно, чем бы все это закончилось - но в ночь на 12-е марта 1801 года император Павел был убит в Михайловском замке, в собственной спальне.

V

В свете вышесказанного понятно, почему вступивший на престол новый император, Александр Павлович, немедленно обрел такую популярность, что его стали называть Александром Благословенным. Его первым заявлением, которое можно было бы охарактеризовать как политическое, состояло из простой фразы из пяти слов:

"Все будет как при бабушке".

Чуть позднее это было даже и оформлено в виде обязательства, возложенного на себя новым императором: править не иначе, как *"... по законам и по сердцу своей премудрой бабки ..."*.

Он немедленно вернул из ссылки всех сосланных, вернул на службу всех уволенных, снял запрет на ввоз книг и на ношение круглых шляп, восстановил действие Жалованной грамоты дворянству и городам, и ликвидировал тайную канцелярию. В июне 1801 он уладил отношения с Англией, прерванные при его отце, а 15 сентября (ст. ст.) 1801 года в Успенском соборе Москвы был коронован митрополитом Московским Платоном, и теперь уже официально и окончательно вступил в обладание и короной, и длинным списком титулов, полагававшихся в ту пору российскому государю:

"... Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь

Новгорода Низовския Земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдороский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и вся Северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Армения; Черкасских и Горских Князей и иных наследный Государь и обладатель; наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Сторманский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая ...”.

В 1789 году из пяти великих держав, решавших судьбы Европы, одна - Англия - была конституционной монархией, а четыре - Франция, Россия, Австрия, Пруссия - были монархиями абсолютными. Никто в Европе не сомневался, что самой абсолютной из четырех абсолютных монархий, не ограничивающей власть ее государя ни законами, ни обычаями, была Россия.

В 1801 году Англия оставалась такой, какой и была, во Франции после бурь Революции установилась странная система номинальной Республики, во главе которой стоял один-единственный человек с поистине монархическими полномочиями и с титулом "Первый Консул", а в Российской Империи на престол вступил абсолютный монарх, отец которого был убит заговорщиками.

Наказать убийц своего отца он не решился.

VI

Жил когда-то в Российской Империи небесталанный литератор, тезка императора. Было ему в день торжественной коронации Александра Благословенного чуть больше двух лет, но он, как подросток, обнаружил отчетливую нелюбовь к своему августейшему тезке, и написал о нем (позднее, уже при его наследнике, императоре Николае Первом) следующие ядовитые строки:

*"Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда".*

Оставляя в стороне вопрос, годиться ли какому-то

камер-юнкеру писать такое об императоре, отметим просто, что "... *плешиный щеголь* ..." звучит невеликодушно, а "... *враг труда* ..." вставлен и вовсе только для рифмы. О славе, пригревшей Александра Первого, мы поговорим потом, а сейчас сосредоточимся только на одной строчке, на самой первой: "*Властитель слабый и лукавый*". Была ли она справедлива? И честно скажем - нам представляется, что литератор этот, камер-юнкер Александр Пушкин, несмотря на все свои дарования в сфере словесности и сочинительства, был все-таки неправ и несправедлив.

Да, действительно, император Александр не наказал убийц своего отца. Но как он мог это сделать, если и сам он был в какой-то мере вовлечен в этот заговор? Правда, ему сказали, что речь идет не об убийстве, а всего лишь об отречении. И надо принять во внимание, что Павел Петрович, батюшка Александра Павловича, очень был неприязнен к сыну, и грозил его заточить, и приказывал читать ему вслух допросное дело царевича Алексея, казненного отцом. Следовало ожидать самого худшего...

Так что после того, как дело было сделано, у Александра Первого были основания быть благодарным заговорщикам - но хоть кого-то из них, хотя бы тех, кто был непосредственно повязан убийством, он мог наказать? Ну, для ответа на этот вопрос достаточно просто посмотреть на список людей, принимавших в заговоре самое непосредственное участие. Заглянем в энциклопедию, и мы выудим отсюда вот что:

".... В заговоре участвовали Аграмаков, полковник лейб-гвардии Преображенского полка, Н. П. Панин, вице-канцлер, Л. Л. Беннингсен, командир Изюмского легкоконного полка, П. А. Зубов (фаворит Екатерины), италмейстер Николай Зубов, зять Суворова, Пален, генерал-губернатор Петербурга, командиры гвардейских полков: Семеновского — Н. И. Делерадович, Кавалергардского — Ф. П. Уваров, Преображенского — П. А. Талызин, а по некоторым данным — флигель-адъютант императора, граф Пётр Васильевич Голенищев-Кутузов, сразу же после переворота назначенный командиром Кавалергардского полка ...".

Припомним также, что дед царя Александра, Петр Третий, тоже был убит гвардейскими офицерами, и что бабушка царя, великая императрица Екатерина Вторая, не только не наказала их, а была им признательна - и мы придем к выводу, который можно найти в бумагах этого шелкопера и бумагомараки (как его, случилось, называли служащие в канцеляриях благонамеренные люди), Александра Пушкина:

"Власть в России есть абсолютная монархия ограниченная удавкой"[2].

VII

К этой чеканной формуле есть смысл приглядеться поближе. Как ни верти, но поэты, даже самые одаренные, в вопросах власти разбираются чисто умозрительно. Царю же надо было подумать над тем, отчего такое положение сложилось. Исторически русские государи были столь же самовластны, сколь и турецкие султаны. Ивану Грозному даже и докладную записку подавали, где султан приводился в пример, и говорилось, что власть его прочна, потому что он жалует не больших бояр, а "... *храбрых воинов* ...", на которых его войско и держится. И царь Иван, в общем, совету этому внял, больших бояр вот уж не жаловал, а делал все руками "выдвиженцев", которых он к тому же периодически менял...

Преобразователь и реформатор, царь Петр, свою программу "европеизации" проводил в жизнь тоже совершенно по-турецки, выдвигал людей неродовитых, и противоречий никаких не терпел - опальному вельможе случилось и кнута отведать, и на плаху угодить...

Однако после окончательного превращения Московского Царства в Российскую Империю ситуация поменялась радикально - в той более или менее европеизированной стране, которой стала Россия, ее императоры уже не могли править, не имея "аппарата" правления. А строился этот "аппарат" из дворянства - больше строить его было не из чего. Мы можем обратиться к нашим сведениям о "доходности" - российская казна получала со своих 40 с лишним миллионов подданных примерно 73 миллиона рублей налогов, или в пересчете на

душу и в круглых цифрах, пренебрегающих мелкими дробями - что-то между полутора и двумя рублями с человека в год. В Австрии сборы (пересчитанные для наглядности в рубли), были почти вдвое выше - от 3-х и до 4-х рублей с человека, а в Пруссии и вовсе от 6-и до 8-и рублей. Австрия, таким образом, помещалась в "шкале доходности" примерно посередине между Россией и Пруссией. Что интересно - венгерские владения Австрии по показателям были скорее ближе к России, а чешские и немецкие владения скорее приближались к Пруссии.

На податные результаты влияли два фактора: качество административного управления и занятия населения. Если к обычному земледелию добавлялись еще и коммерция, и индустрия, то доходы казны росли. В этом плане огромная Российская Империя отставала от своих европейских соседей - на всю державу имелось только два по-настоящему больших города, Петербург и Москва. Так что отечественная коммерция отнюдь не цвела, да и индустрия была неразвита и обслуживала главным образом не частные, а казенные надобности, связанные с войском. Административный аппарат был численно невелик, и не очень-то компетентен - специалистов постоянно не хватало.

Так что при гигантских размерах страны и огромном удалении волостей от центра все местные функции власти - и сбор налогов, и рекрутские наборы, и судебно-административные дела - держались только на российском дворянстве, в массе своей вовсе не богатом, но все-таки грамотном. Из этой же среды набирались армейские офицеры.

Но вот российская гвардия комплектовалась совсем не так.

VIII

Изобретенный писателем Б.Акуниным персонаж, гениальный сыщик Эраст Петрович Фандорин, оказался настолько удачной находкой, что не только стал российским эквивалентом Эркюля Пуаро, но и обзавелся основательной генеалогией[3]. Ему был добавлен предок, Корнелиус фон Дорн, храбрый военный, поступивший на русскую службу

при царе Алексее Михайловиче, и потомок, баронет Николас Фандорин, родившийся и выросший в Англии, и получивший степень магистра истории.

Что интересно - в реальной жизни у рода Фандориных оказался неплохой эквивалент в виде рода Ливенов, ведущих свой род от Отто Генриха Андреаса фон Ливена (Otto Heinrich Andreas von Lieven), лифляндского дворянина, служившего российской Короне еще в середине XVIII века. Потомки его благодаря дружбе императрицы Марии Федоровны с Шарлоттой Ливен вошли в узкий круг высшей российской аристократии, наравне с Куракиными и Шереметьевыми - Шарлотта Ливен была статс-дамой императрицы Марии Федоровны, матери Александра Первого, и воспитательницей ее детей.

Каким-то членам этого разветвленного рода во время революции 1917 года повезло спастись из России и вырастить своих детей в местах менее беспокойных, например, в Англии. Так что родившийся в 1952 году Доминик Ливен - в точности как и придуманный Б.Акуниным Николас Фандорин[4] - вырос в Англии, и стал историком, специализировавшимся по России[5].

Мы будем часто его цитировать.

Так вот - согласно приводимым Д.Ливеном данным, в линейных полках российской армии в начале царствования Александра Первого офицерами, как правило, служили небогатые дворяне, из которых не больше четверти владели именьями или могли ожидать имение в наследство - остальные были младшими сыновьями больших семейств, и рассчитывали только на свое жалованье. Более того - и те офицеры, что владели земельной собственностью, редко имели больше чем сотню душ. А число крепостных служило в те времена универсальной мерой для оценки величины благосостояния дворянина.

Но вот по спискам Преображенского Полка, первого полка российской императорской гвардии, видно, что в нем две трети офицеров происходили из семей, валдевших более чем сотней душ, четверть были из семей с тысячью душ, а командир первого батальона Преображенского Полка, граф Михаил Семенович Воронцов, был отпрыском семейства,

владевшего 24 тысячами крепостных. Вместе с богатством приходил и другой культурный уровень, не слишком-то схожий с армейским. Офицеры пехотных полков были грамотны, офицеры гвардейских полков, как правило, знали минимум два языка, русский и французский, а иной раз к этому обязательному набору добавлялись немецкий и итальянский.

Понятное дело, не следует переоценивать средний уровень даже и гвардейцев - в конце концов, лихие рубаки были очень в чести - но в этой среде водились и люди, ценившие французскую поэзию, греческую философию и римскую историю. Прибавим, что гвардейские офицеры представляли собой тесно связанный социальный круг - в конце концов, знатные и богатые семьи были связаны друг с другом не только по служебной линии, были и другие нити, родственные и дружественные. Так что по службе, разумеется, в гвардейских полках царил строгий порядок и полное чинопочитание, но вне службы офицеры образовывали что-то вроде "республики", где разница между корнетом и полковником, конечно, существовала, но вытекала скорее из разницы в возрасте и большей жизненной опытности, чем из разницы в чинах и служебном положении.

Царь Александр своими блестящими, аристократическими офицерами гордился.

Они, собственно, составляли среду, с которой он чувствовал себя как бы первым из дворян своей Империи, своим, и уважение и восхищение этих людей много для него значили. Они, и их семьи, как раз и составляли то, что на теперешний лад называлось бы "политическим классом России". Именно из таких вот хороших семей и выходили и министры, и губернаторы, и советники царя по всем важнейшим вопросам. Граф Михаил Семенович Воронцов, например, служил командиром первого, образцового, батальона преображенцев - а его отец, граф Семен Романович Воронцов, был бессменным российским послом в Великобритании, и рассматривался Павлом Первым как кандидат на роль канцлера. Потом, правда, Павел вспылил, и наложил на владения графа Воронцова секвестр...

Этот порыв царя, сложившись с прочими его порывами в том же духе, и привел государя Павла Петровича к его печальной кончине.

Единственное ограничение неограниченной никаким законом царской власти, пресловутая "удавка", как раз и внесла ясность в конституционном вопросе - может ли российский государь проводить произвольные конфискации, как случилось с графом Воронцовым, или урезать своим дворянам язык, как случилось с лейтенантом Акимовым, или обрушивать тысячу палок на спину офицера, непочтительно высказавшегося о милой сердцу государя особе, или сослать в Сибирь полки целиком, потому что они не угодили ему на плац-параде.

Ответ на все это был дан отрицательный. Нет, не может. И сделано это было офицерами гвардии, удушившими императора - и все они были из хороших семей...

IX

До внешней политики у Александра Павловича руки дошли не сразу. Но в 1804 году новый министр иностранных дел Александра, князь Адам Чарторыйский, выдвинул совершенно новый внешнеполитический проект. Здесь, собственно, следует сказать несколько слов - даже не о проекте, а о самом князе.

Никогда в истории России не было у нее столь необычного министра.

Начать с того, что пламенные патриоты Чарторыйские при Екатерине Великой отчаянно сражались с русскими войсками в надежде отстоять то, что еще оставалось от польского королевства. Плодов их усилия не принесли ... И оказалось, что добрых три четверти их поместий, в которых было побольше сорока тысяч душ, оказались теперь в пределах Российской Империи, и были конфискованы.

Императрица и слышать не хотела о возвращении отнятого, но предложила семье Чарторыйских, укрывшихся в "австрийской" части Польши, послать к ее двору двух сыновей, Адама Чарторыйского и его брата.

"А там посмотрим ..." - сказала она.

Прав был Ресми-эффенди - царица Екатерина Вторая и правда была “... претонкая женщина ...” и ничего не делала без дальновидного расчета. В новозавоеванных областях сохранялись все права собственности, местное дворянство уравнивалось в правах с российским, и, так сказать, инкорпорировалось в его ряды. Покорение Крыма прошло как раз на таких условиях, и полякам предлагалось то же самое - конечно, при условии их покорности. Так что Чарторыйскому-Старшему вернуться не позволили, а вот его сыновей приняли радушно, и именья были возвращены именно им, минуя их мятежного и нераскаявшегося батюшку.

Братья приехали ко двору, были хорошо приняты, зачислены в гвардию, и всячески обласканы. Именья были им возвращены почти полностью, за малым исключением того, что уже успело уйти в другие руки ...

Молодой князь Адам Чарторыйский вспоминал об этом позднее:

“...Мы были приняты петербургским обществом с большим вниманием и благорасположением. Люди пожилые знали и уважали нашего отца, бывавшего в этой столице во времена Елисаветы, Петра III и при восшествии на престол Екатерины. Благодаря рекомендательным письмам мы встретили благосклонный прием ...” [6].

Но что князя Адама поистине поразило - это поведение великого князя Александра Павловича, старшего внука великой царицы. Они встретились в Петербурге, и великий князь пригласил своего польского полу-пленника к себе, в Таврический Дворец. Они беседовали наедине, и беседа их затянулась на три часа. Вот что вспоминал князь Чарторыйский об этом разговоре:

“...Великий князь сказал мне тогда, что совершенно не разделяет воззрений и принципов правительства и двора; что он далеко не оправдывает политики и поведения своей бабки и порицает ее принципы; что его симпатии были на стороне Польши и ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; что в его глазах Костюшко был великим человеком по своим доблестным качествам и по тому делу, которое он защищал... Он признался мне, что ненавидит деспотизм

езде, в какой бы форме он ни проявлялся, что любит свободу, которая, по его мнению, должна принадлежать всем людям; что он чрезвычайно интересовался французской революцией; что, не одобряя этих ужасных заблуждений, он все же желает успеха республике и радуется ему!..".

Князь Адам был совершенно потрясен:

"...Было столько чистоты, столько невинности, решимости, казавшейся непоколебимой, самоотверженности и возвышенности души в словах и поведении этого молодого принца, что он казался мне каким-то высшим существом, посланным на землю Провидением для счастья человечества и моей родины. Я дал себе обет безграничной привязанности к нему..."

Они и правда очень сблизились. Адам Чарторыйский вошел в число ближайших друзей Александра, принимал участие во всех заседаниях его Негласного Комитета по подготовке реформ, а с 1804 был назначен им на пост министра иностранных дел. В этой роли он и выдвинул свой проект.

Речь шла ни больше ни меньше о том, как доставить Александру Павловичу еще одну корону.

X

К 1804 году в российском "политическом классе" возникло мнение, что Франция как-то очень уж вольно ведет себя и на Рейне, и в Италии, что русских интересов она при этом не учитывает, и что следует помочь Австрии в ее усилиях отыгратья после Маренго. В Англию еще загодя был отправлен чрезвычайный посол, и не кто-нибудь, а Н.Н.Новосильцев, человек, входивший в ближайший круг друзей императора Александра, член его Негласного Комитета - и полномочия ему были даны широкие.

В Англии его встретили с распростертыми объятьями. Сколачивалась новая, уже третья по счету анти-французская коалиция, и участие в ней такой мощной военной державы, как Россия, было очень желательным. Поздней осенью 1804 было достигнуто широкое соглашение с Австрией. В январе 1805 к будущей коалиции согласилась примкнуть Швеция. Разумеется, все это делалось тайно - до

поры открыто ссориться с Францией было опасно.

Предполагалось собрать до 500 тысяч человек, половину из которых выставяла Австрия.

От России ожидался "взнос" в виде 115-тысячной армии, остальное должны были добавить Англия и германские государства. Пруссия настойчиво приглашали присоединиться, но она колебалась. С одной стороны, очень уж вольные действия Первого Консула Французской Республики, Наполеона Бонапарта, внушали беспокойство, с другой стороны, она ни в коем случае не хотела нарушать свой нейтралитет. Считалось, что Пруссия гарантирует своей мощной армией спокойствие в центральной части Германии. Имелся и вариант, при котором она могла бы и вовсе встать на сторону Франции - Бонапарт сулил ей Ганновер.

В такой ситуации князь Адам Чарторыйский выдвинул идею - раз уж в Европе назревала война, то почему бы не использовать ее к российской выгоде? Россия поможет Пруссии приобрести значительные территории в Германии, Пруссия же в благодарность отдаст России свои польские области.

Тогда можно будет восстановить польское королевство, со столицей в Варшаве и с Александром Первым в качестве конституционного короля Польши. Польша и Россия окажутся под одним скипетром - у них будет общий государь.

Собственно, был даже и исторический прецедент: Королевство Польша до своей кончины делилось на две части, собственно Польшу и Литву, объединенных именно посредством унии.

Проект сильно заинтересовал Александра Павловича.

Вообще говоря, не очень понятно, почему он так ему понравился. Коалиция только еще формировалась, необходимые договоры и соглашения еще не были подписаны, целью войны в принципе считалось понижение могущества слишком уж усилившейся Франции - а по плану следовало буквально "передвинуть" предполагаемого союзника, Пруссию, с востока на запад. А что, если она не

захочет отдать свои польские территории за будущую добычу в Германии ? Допустим, Пруссия приняла бы предложение - что именно она посчитает достойной компенсацией за свою любезность?

Если предположить, что все проблемы с Пруссией улажены - как провести границу между новой конституционной Польшей, с ее королем Александром, и самодержавной Россией, с ее императором Александром ? Например - совсем недавно захваченный русскими польский город Вильно останется под властью российского императора или перейдет во владение нового польского короля ? Это очень нелегкий вопрос, даже если считать, что и королем и императором является одно и то же лицо. В общем, и ответа никакого на эти вопросы не было, и Пруссия упиралась, не желая выходить из своего состояния нейтралитета, и все было очень и очень неясно, когда вдруг, как гром с ясного неба, грянуло дело герцога Энгиенского.

И события покатались - как с горы, с нарастающей скоростью.

XI

Во Франции был раскрыт роялистский заговор - Бонапарта собирались убить. Главные заговорщики вскоре были схвачены, в дело оказались вовлечены видные генералы, Моро и Пишегрю, у полиции появились сведения о некоем бурбонском принце, съездившем во Францию для координации действий заговорщиков - и в итоге отряд французской жандармерии пересек границу с Баденом, схватила там герцога Энгиенского (отпрыска дома Конде, младшей ветви династии Бурбонов), и увезла его во Францию. Герцог был судим военным трибуналом. Суд никаких доказательств не нашел, но он за ними и не гнался. Герцог Энгиенский был расстрелян. Монархическая Европа ахнула, негодование при дворах было огромным и всеобщим.

Князь Адам Чарторыйский написал ноту, в котором именовал французское правительство "... *вертепом разбойников* ...". Ну, подумав, ноту решили все-таки не отправлять, но Александр все же нашел полезным выразить протест. Как-никак, его супруга, Елизавета Алексеевна, до

перехода в православие звалась Луиза-Мария-Августа Баденская, и курфюрст Бадена, чьи права были так грубо нарушены, был ее отцом. Так что Александр Павлович просто должен был ощущать французское самоуправство как обиду его родственнику.

Вообще говоря, вопрос о том, что считать обидой, сильно зависит от обстоятельств. Царь Александр к своей супруге был совершенно равнодушен, и когда она в 1799 году родила девочку, отцом которой при русском дворе все единодушно считала князя Адама Чатрорыйского, это решительно ни на что повлияло. Александр о романтическом увлечении своей жены знал, выбор ее одобрял, и если о чем и сожалел, так только об излишней огласке.

Так что заявленный им протест был вызван все же обидой дипломатического свойства - если уж выпал удобный случай встать в позицию защитника поправных прав германских государей, почему же им не воспользоваться? Так сказать - ничего личного...

В Париже, однако, на это посмотрели совершенно не так.

Когда русский представитель в Париже, Убри, в довольно грубой форме "... потребовал объяснений ...", ему безупречно вежливо ответили следующее:

"...Жалоба, предъявляемая ныне Россией, побуждает задать вопрос: если бы стало известным, что люди, подстрекаемые Англией, подготавливают убийство Павла и находятся на расстоянии одной мили от русской границы, разве не поспешили бы ими овладеть? ..."

Ну, людей, непосредственно замешанных в заговор против Павла Первого, принимали в Зимнем Дворце. Назвать Александра Павловича отцеубийцей в более ясной форме было невозможно. и это смертельное оскорбление было нанесено публично. Война тем самым превратилась из политической схемы в совершенно отчетливую реальность. В апреле 1805 в Петербурге было подписано соглашение с Англией, которое так и называлось - Петербургский Договор.

Третья Антифранцузская Коалиция стала

реальностью. Корпусами русских войск, выступивших первыми, командовал генерал Кутузов.

А вскоре в австрийские пределы, навстречу французам, двинулся и сам император Александр, со своими приближенными и с гвардией.

ХП

Страшный разгром под Аустерлицем произвел в России огромное впечатление. Российское дворянство за те неполные сто лет, что прошли со смерти Петра Первого, привыкло считать себя частью европейского сословия людей благородных, и это сознание держалось не только на праве носить шпагу, но и на грозной военной репутации русской армии. Лаврам Суворова, которыми он покрыл себя переходом через Альпы, спасаясь из смертельной ловушки, завидовал даже генерал Массена, который ему эту ловушку устроил.

Так что шок был сильный - в Петербурге поначалу даже и не объявляли ничего официально. Так, глухие сообщения ... В "Санкт-Петербургских ведомостях" после сообщения из Ольмюца от 29 ноября о марше российской и австрийской армий против неприятеля, сведения о ходе войны пропали совсем, а само слово "Аустерлиц" даже не поминалось.

А через две недели в газете появилось одновременно сообщение о том, что "*... 6 декабря в Австрии заключено перемирие ...*" и что "*...император Александр прибыл в Витебск и следует в Петербург ...*".

О продолжении войны нечего было и думать, но и мир не был заключен. Александр просто уехал к себе в столицу, и можно представить, с какими чувствами он возвращался домой...

Но уехать от войны ему не удалось - она последовала за ним. Пруссия, не решившаяся или не пожелавшая присоединиться к державам Третьей Коалиции, вдруг выступила против Франции в одиночку. Решиться на такое можно было только с отчаяния - Бонапарт, который в 1805, еще до Аустерлица, стал императором Франции Наполеоном Первым, повел себя в отношении Пруссии уж совсем бесцеремонно, и в Берлине поняли, что надо либо

безропотно покориться, либо положиться на оружие.

В результате в 1806 году вспыхнул открытый конфликт - и уже через несколько дней прусская армия под Иеной оказалась разгромлена наголову. Берлин был взят, королевскому семейству пришлось бежать. Александр решил на выступление, русская армия вступила в Восточную Пруссию. Последовала битва при Эйлау, стоившая много крови обеим сторонам и ничего не решившая. Весной 1807 в новом столкновении, под Фридландом, русская армия потерпела поражение и была вынуждена уйти за Неман, на русскую территорию.

Война с Францией из той чисто "кабинетной", какой она начиналась в 1805, в 1807 оказалась уже более чем серьезным делом - вооруженный враг, лучший полководец эпохи, стоял на самой границе и угрожал вторжением. Ресурсы России не были исчерпаны, но армия была совершенно не готова к продолжению борьбы.

Константин Павлович, брат царя, носивший вдобавок к этому и титул цесаревича, то есть наследника престола, говорил, что давать нового сражения нельзя:

"...Если вы государь, дадите каждому из солдат по пистолету и прикажете им застрелиться, результат будет таким же..."

Он настойчиво советовал заключить мир.

И оказалось, что грозный воитель, Наполеон Бонапарт, совсем не против. Он не только согласился на переговоры, но и повел себя в высшей степени любезно. Русский и французский императоры встретились в шатре, на плоту, поставленном на Немане французскими саперами - это могло считаться нейтральной территорией. Разговор прошел настолько успешно, что Наполеон отступил от берега. Факт отступления был знаком высокой вежливости - теперь русской делегации, пожелай она разместиться в городке Тильзит, не надо было жить на территории, оккупированной чужой армией. Спокойно, и не роняя чести...

Переговоры были продолжены, и наконец в том же Тильзите был заключен мир и даже как бы союз.

Россия присоединялась к французской политической

системе.

ХIII

16 июля 1807 года император Александр вернулся в свою столицу из Тильзита. Встречали его с большими торжествами, с салютом в 21 орудийный залп и торжественной благодарственной службой в Казанском Соборе.

В Москве на такой же торжественной службе пастве было сказано:

“... храбрость русских войск произвела такое впечатление на Наполеона, что он решил, что нуждается в российской дружбе ...”.

Объяснение столь внезапно возникшей русско-французской дружбы, прямо скажем, сильно хромало - православная церковь уже немалое время громила Наполеона, именуя его Антихристом. Так что не надо удивляться тому, что в деревнях поползли слухи о том, что при встрече на плоту император Александр омыл своего врага водой и тем смыл с него грехи - потому и смог с ним помириться, в духе христианского всепрощения...[7].

Понятное дело, такое объяснение годилось не для всех. В Петербурге царя встретили отнюдь не верноподданническим порывом. Прибывшего в столицу посла Наполеона, Армана де Коленкура, принимали только у царя да еще у его нового министра иностранных дел, Николая Петровича Румянцева, сына того самого "*... Румянчуфа ...*", фельдмаршала Екатерины Великой, о котором писал Ресми-эффенди.

Николай Петрович был убежденным сторонником французского союза, считал его необходимым, но в разговорах с Коленкуром не скрывал от него возникших в Петербурге трудностей. Он говорил своему гостю, что при всей своей власти, в теории абсолютной, император Александр не может править как деспот, просто отдавая распоряжения - он должен считаться с общественным мнением. И что даже бабушка царя Александра, всевластная Екатерина Великая, могла править столь долго и счастливо только потому, что очень считалась с настроениями в

обществе, и даже со старыми ворчуньями из числа ушедших на покой фрейлин, склонных покритиковать Ее Величество, обращалась осторожно.

Коленкур, собственно, понимал это и сам. Гордое русское дворянство встретило его полным бойкотом. Тильзит сильно подорвал престиж государя. Стишок о "... гранитном низе и кирпичном верхе ..." Исаакиевского Собора, аллегорически обозначавший контраст между блестящим царствованием Екатерины и тягостно-убогим правлении ее незадачливого сына получил продолжение, охватывающее уже и царствование Александра. Когда при нем началась разборка верхнего уровня Исаакиевского Собора, стихок стал звучать так:

*Сей храм трех царств изображение:
Гранит, кирпич и разрушенье.*

Доминик Ливен цитирует в своей книге "Russia against Napoleon" воспоминания Сергея Волконского, в ту пору молодого офицера гвардейского полка кавалергардов: он и его товарищи ночами развлекались тем, что били стекла во французском посольстве.

Не помогал делу и русский посол в Париже, граф Петр Толстой. Он был вовсе не дипломат, а военный, поражения под Аустерлицем и Фридландом рассматривал как события, задевающие не просто престиж России, а его личную честь, и настаивал на том, что французы победили в 1807 только числом. Дела посольства он вел так, что чуть было не схватился на дуэли с маршалом Неем - что, конечно, выходило бы за рамки дипломатического протокола.

Арман де Коленкур в Петербурге повел себя совершенно иначе.

XIV

Арман Огюстен Луи де Коленкур принадлежал к старому дворянскому роду, с 15 лет служил в королевской армии, а в Революцию 1789 не бежал за границу как очень многие люди его круга, а остался во Франции. Это могло стоить ему головы - в 1794 его арестовали как "... подозрительного аристократа ...", но ему повезло, он

бежал из-под ареста. Все обошлось, и к концу 1795 он служил в кавалерийском полку в чине капитана, командовал эскадроном. Кампанию 1799-1800 он провел в Рейнской Армии, участвовал в нескольких сражениях - и получил две пулевые раны, чин полковника и командование полком карабинеров.

Скорее всего, жизнь его так и шла бы своим чередом, но в 1801 Талейран послал его в Петербург, с поздравлениями новому российскому императору, Александру, по поводу его вступления на престол. Миссия оказалась выполненной очень удачно. Коленкур понравился царю, а по возвращению в Париж по долгу службы доложил о своей поездке лично Наполеону.

Летом 1802 Наполеон взял его к себе в качестве адъютанта, одного из восьми дежурных офицеров, которые посменно должны были находиться при императоре днем и ночью. Уже в 1803 он был произведен в бригадные генералы, назначен главным инспектором императорских конюшен, а потом получил кавалерийский полк в Рейнской Армии. В марте 1804 Коленкуру было дано важное поручение: он должен был лично передать курфюрсту Баденскому требование о расформировании частей французских эмигрантов на территории Бадена.

Поездка Коленкура - которого отправили в путь с немалым кавалерийским эскортом - послужила прикрытием для операции по захвату герцога Энгиенского. Это имело серьезные последствия - после расстрела герцога Коленкура обвинили в похищении и смерти ни в чем не виновного герцога Энгиенского, и "*... тень злодейства Наполеона ...*" упала и на него. Весьма возможно, что Наполеон намеренно послал с таким поручением человека, принадлежавшего к старой аристократии - по крайней мере, именно в этом упрекала своего мужа императрица Жозефина.

Арман де Коленкур был человеком чести. Он отказался от возикшего у него было намерения покончить с собой, но на свою службу при императоре стал смотреть как на тяжкий долг, отложил в сторону все придворные соображения и положил себе за правило говорить императору правду - так, как он ее видел.

Ну, к середине 1804 года мало кто осмеливался говорить с Наполеоном Бонапартом без оглядки на строгий этикет и на карьерные соображения. Наполеон знал, что его адъютант ему предан - и посмотрел на его прямоту как на большое достоинство.

В июне 1804 он назначил Армана де Коленкура своим конюшим. Это была одна из самых высоких придворных должностей, конюший по роду своей службы ведал всеми лошадьми и всеми каретами императора, организацией курьерной службы. В ноябре 1807 года, после подписания Тильзитского Договора с Россией, Коленкур был назначен послом Наполеона в Петербурге.

На этом посту он намеревался служить своему повелителю так, как служил всегда: преданно, честно, и не скрывая от него правды.

Какой бы неприятной она ни была.

XV

Есть у высокой литературы способность передавать, иногда в предельно концентрированной форме, самый дух какого-то определенного времени. Поколение спустя после описываемых событий высокоодаренный и уже поминавшийся нами Александр Сергеевич Пушкин, литератор, очень не любивший Александра Павловича Романова, императора всероссийского, скажет о нем (и о времени после Тильзита) следующее:

*“Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра”.*

Александр Сергеевич в столь радикальной форме высказываться об императоре и о двуглавом орле не мог - обстоятельства у него были не такие, чтобы говорить откровенно - а записал эти стихи в зашифрованной форме. Их прочтут через добрую сотню лет после того, как они были написаны - но мы сейчас говорим не о этом.

Дух того времени, на которое пришлось пребывание Армана де Коленкура на посту посла Наполеона в Петербурге, 1807-1811, они передают превосходно. То, что

двуглавый орел ощипывается, и что делается это именно "... у *бонапартова шатра...*", в Петербурге ощущалось очень явно, и приводило к мыслям, близким к тем, что бродили в головах перед падением императора Павла.

Доминик Ливен приводит строки из письма престарелого екатерининского фельдмаршала, князя Прозоровского, своему другу и родственнику, князю Голицыну, и говорится в письме, что благо отечества и благо "... *голштинской династии* ..." - вещи совершенно не обязательно совпадающие друг с другом. Тут надо иметь в виду, что под "голштинской династией" тут понимается вообще вся императорская фамилия, потому что муж Екатерины Великой, отец Павла Петровича и дед Александра Павловича, Петр Третий, в сущности, звался Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский.

И был он первым представителем Гольштейн-Готторпской (вернее: Ольденбургской династии, ветви Гольштейн-Готторп), официально носившей имя "Императорский Дом Романовых", и укрепившейся на русском престоле после смерти дочери Петра Первого, императрицы Елизаветы Петровны.

Так что под вопрос - пусть и в частном письме - ставилась под сомнение даже не политика, проводимая Александром в данный момент, а легитимность вообще всей его династии.

Так что Арман де Коленкур, преданный слуга императора Наполеона, в надежде сохранить мир между Францией и Россией делал одновременно две вещи: во-первых, он изо всех сил старался переломить настроение российской знати, и делал для достижения этой цели все возможное. А во-вторых, пытался донести до сознания своего повелителя ту мысль, что ощипывать двуглавого орла - дело далеко не безопасное.

В решении первой задачи он даже несколько преуспел. Наполеон желал, чтобы его посол в Петербурге был окружен блеском - и Коленкур тратил сотни тысяч франков, чуть ли не по миллиону в год, на устройство великолепных приемов, на заведение роскошных выездов, и был предельно внимателен и вежлив по отношению ко всем

видным членам российской аристократии, даже если знал, что они находились, так сказать, в оппозиции по отношению к про-французской политике двора. В итоге он заслужил некое ворчливое одобрение старой екатерининской знати: это люди ценили блеск и роскошь.

Со второй задачей - разъяснением императору Наполеону реальной ситуации при петербургском дворе - Арман де Коленкур справиться не сумел.

И не по своей вине.

XVI

В 1807, в год Тильзита, Наполеону исполнилось 38 лет. В 16 лет после окончания военной школы он был выпущен в армию в чине подпоручика артиллерии. В возрасте 24-х лет он стал генералом, в 27 – завоевал Италию, в 30 стал диктатором, в 34 - возложил на себя императорскую корону.

В общем, немудрено, что такому человеку казалось возможным все.

Он не признавал ни политических ограничений, ни препятствий, он не считался даже с барьерами, созданными вроде бы непреодолимой географией - в его биографии уже было завоевание Египта и два похода через Альпы.

Великий полководец, великий государственный деятель, великий дипломат - в Европе того времени на Наполеона смотрели как на чудо, как на современного Цезаря или Александра Македонского - и весьма вероятно, что и он видел себя в таком же свете.

И если ему, при всем его богатейшем политическом арсенале, и была чужда какая-то мысль, то это была мысль о равенстве и партнерстве: он признавал только господство и подчинение.

После Тильзита он и от Александра Первого ожидал "дружбы" - в своем понимании этого слова. Скажем, Россия должна была безоговорочно следовать введенной системе "континентальной блокады", то есть полному запрету торговли с Англией. А то, что для России, сбывавшей в Англию хлеб, пеньку и железо, Великобритания была самым лучшим рынком, которого Франция заменить не могла, и то, что русский рубль в результате этого запрета всего за один

год упал в цене до 26 копеек - это его не беспокоило.

И помимо денежных вопросов, в отношениях между Францией и Россией возникало все больше и больше проблем. Наполеон указал Александру на возможность завоевания шведской Финляндии - но с обещанной помощью в завоевании турецких провинций на Балканах тянул и тянул, и совершенно явно ставил палки в колеса русским планам экспансии в южном направлении. Разгромив Пруссию, он не отдал ее польские провинции царю, как мог бы, и не создал из них нейтральный буфер между своими и русскими владениями, как опять таки мог бы сделать - вовсе нет, он создал Великое Герцогство Варшавское на самых рубежах Российской Империи, и совершенно явно не собирался его оставлять.

К политическим трениям добавлялись и личные - сватовство Наполеона к сестре Александра, Екатерине Павловне, было предотвращено ее поспешным браком с ее кузеном, наследником герцогства Ольденбургского, а сватовство Наполеона к ее младшей сестре, Анне Павловне, было спущено на тормозах.

В результате после своего развода он женился на австрийской принцессе - и между делом в декабре 1810 конфисковал владения герцогов Ольденбургских. И очень скоро в действие был введен новый русский тариф, запрещавший ввоз предметов роскоши. В первую очередь он бил по Франции. Наполеон рассердился уже всерьез, и потребовал объяснений. Ему было сказано, что мера не носит антифранцузского характера, а вызвана необходимостью сделать что-то в связи с падением курса рубля. Он не удовлетворился ответом, и дал знать, что ожидает отмены тарифа. Тариф отменен не был.

И никакие усилия верного слуги Наполеон, Армана де Коленкура, объяснить ему, что Александр не уступит, что даже если бы он и захотел это сделать, ему этого не позволят, что в России, как ни странно, есть общественное мнение - не народа, конечно, но аристократии - ничего этого Наполеон слушать не желал. Он на своего посла гневался, и обвинял его в том, что он поддался обаянию царя Александра. Дело совершенно явно шло к разрыву.

И он в какой-то мере случился к весне 1811. Наполеон решил, что его посол что-то слишком уж благожелателен к России, и его следует заменить на генерала Лористона, который будет говорить с Александром Первым потверже.

А Коленкура он отозвал.

XVII

После какого-нибудь огромного несчастья или после нежданно случившейся беды пережившие катастрофу люди часто "вспоминают" то, чего, может быть, и не было. Или было, но не совсем так, как им вспоминается - или даже совсем не так. Во всяком случае, знание последствий определенных событий сильно окрашивает воспоминания о том, как они начинались. Коленкур уехал из Петербурга 15-го мая 1811 года, а перед отъездом, как и полагается по дипломатическому протоколу, встречался с царем. Александр прощался с ним не просто со своей неизменной вежливостью - на прощание он наградил Коленкура орденом Андрея Первозванного, высшим русским орденом того времени. У них состоялся долгий разговор, который Коленкур и привел в своих мемуарах. Надо, однако, принять во внимание то, что мемуары были написаны уже потом, когда грандиозная эпопея 1812 года была уже давно закончена. Примем это во внимание, и поглядим на запись Коленкура о его беседе с царем[8]. В частности, Александр сказал ему следующее:

"...Если император Наполеон начнет войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, но это ему не даст мира. Испанцы часто бывали разбиты, но от этого они не побеждены, не покорены, а ведь от Парижа до нас дальше, чем до них, и у них нет ни нашего климата, ни наших средств. Мы не скомпрометируем своего положения, у нас в тылу есть пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию. Имея все это, никогда нельзя быть принужденным заключить мир, какие бы поражения мы ни испытали. Но можно принудить победителя к миру. Император Наполеон после Ваграма поделился этой мыслью с Чернышевым; он сам признал, что он ни за что не согласился бы вести переговоры с Австрией, если бы она не

сумела сохранить армию, и при большем упорстве австрийцы добились бы лучших условий. Императору Наполеону нужны такие же быстрые результаты, как быстра его мысль; от нас он их не добьется. Я воспользуюсь его уроками. Это уроки мастера. Мы предоставим нашему климату, нашей зиме вести за нас войну. Французские солдаты храбры, но менее выносливы, чем наши: они легче падают духом. Чудеса происходят только там, где находится сам император, но он не может находиться повсюду. Кроме того, он по необходимости будет спешить возвратиться в свое государство. Я первым не обнажу меча, но я вложу его в ножны последним. Я скорее удалюсь на Камчатку, чем уступлю провинции или подпишу в моей завоеванной столице мир, который был бы только перемирием...”.

Правда это - или нет? Может быть, ход последующих событий окрасил воспоминания мемуариста, и он записал не совсем то, что он услышал, а нечто другое, звучащее как темное пророчество? Мы этого не узнаем никогда - свидетелей разговора императора с послом не было.

Но как бы то ни было, одно мы знаем совершенно точно: Арман де Коленкур, дивизионный генерал Великой Армии, герцог Виченский, конюший императора Наполеона, посол (уже бывший) Французской Империи при дворе Александра Первого, императора всероссийского, покидал Петербург весной 1811 года с тяжелым сердцем.

Примечания:

1. *Russia against Napoleon*, by Dominic Lieven, page 33.
2. В сочинении А.С. Пушкина, “ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА” (1822) приводится цитата из мадам де Сталь на французском языке: “*En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation*”, то есть “*Власть в России есть абсолютная монархия ограниченная удавкой*”.

На самом деле мадам де Сталь, по-видимому, этого не говорила. В книге “Десять лет в изгнании” (Mme de Staël, *Dix années d'exil*, 1821) есть лишь отдаленно схожая мысль: «*Ces gouvernements despotiques, dont la seule limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et du devoir dans les*

têtes des hommes» («Эти деспотические правительства, ограниченные лишь возможностью убийства деспота, опрокидывают в человеческой голове понятия чести и долга»). Как ни толкуй "... возможность убийства деспота ...", это все-таки далеко не "... удавка ...", и, по всей видимости, опасную остроту сочинил сам Пушкин, приписав ее мадам де Сталь. Первым на это указал Ю.Г.Оскман.

3. Фандорины – династия литературных персонажей из произведений российского писателя Бориса Акунина (псевдоним Григория Шалвовича Чхартишвили). Потомки крестоносца Тео фон Дорна (прямые или косвенные), являющиеся главными действующими лицами романов Бориса Акунина.

4. Отца Николаса Фандорина звали Александром Фандориным. Отца Доминика Ливена звали Александром Ливеном. Напрашивается мысль - а не видим ли мы тут очередное озорство склонного к таким шуточкам Б.Акунина?

5. Доминик Ливен (англ. *Dominic Lieven*) (1952 г.р.) — британский историк из рода Ливенов, специалист по истории России. Старший брат Анатоля Ливена. Окончил в 1973 году Кембриджский университет первым в своем выпуске. Позже получил стипендию Кеннеди в Гарварде, а после защиты докторской диссертации стал лектором в Лондонской школе экономики Департамента государственного управления, где он в настоящее время занимает должность профессора российского государственного управления, является членом Британской академии.

6. Цитируется по тексту очерка М.А.Алданова "Адам Чарторыйский в России". Разночтение в написании фамилии князя на русском объясняется особенностями польской транскрипции. Помимо "Чарторыйского" и "Чарторыского" существует еще один вариант, "Чарторыжский".

7. Цитируется по книге Доминика Ливена "Russia against Napoleon", стр. 60.

8. Цитируется по тексту Е.В.Тарле, Собрание Сочинений, "Нашествие Наполеона на Россию", 7-й Том, стр. 426.

Артур Штильман

Игорь Ойстрах рассказывает

Моменты жизни в фотографиях

Недавно я получил письмо от Игоря Ойстраха. В период подготовки большой статьи к его 80-летию мы с ним активно переписывались, многократно говорили по телефону. В последнем письме он прислал мне много уникальных фотографий. В конце письма он написал:

«Чтобы тебя немного развлечь, я не поленился вытащить из рамок все самые дорогие мне фото с автографами и посвящениями, висящие на стенках и сделать тебе копии. Поскольку многие фото нуждаются в комментариях, я написал их на обороте этих фото. Сердечный привет тебе и жене от нашего семейства! Твой Гарик. 18/6/2011»

Эти фотографии с комментариями Игоря Ойстраха показались мне настолько интересными, что сразу же появилась мысль познакомить читателей - любителей музыки с этими фото и комментариями к ним. Уверен, что это будет интересно всем, кто любит музыку и ценит исполнительское искусство.

Давид Ойстрах меняет струны на своём «Страдивари «Марсик»

Комментарий Игоря Ойстраха

Это любимое папино фото. Он называл себя здесь «старым скрипичным мастером». Конечно, это самое дорогое фото для нашей семьи.

Игорь Ойстрах примерно в возрасте 6 лет с отцом.
Приблизительно 1937 год.

Комментарий Игоря Ойстраха:

Это мои первые скрипичные шаги – в надёжных папиных руках.

В гостях у Королевы Елизаветы Бельгийской, основательницы
Международных Конкурсов скрипачей и пианистов им. Королевы
Елизаветы в Брюсселе

Комментарий Игоря Ойстраха:

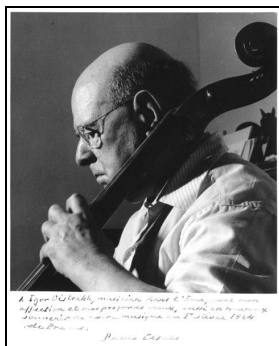
Мы с папой в гостях у Королевы Елизаветы 7-го марта 1961 года. Второй слева – преподаватель русского языка Королевы Елизаветы Дмитрий Владимирович Гольде.

Автограф Королевы Елизаветы Игорю Ойстраху

Комментарий Игоря Ойстраха:

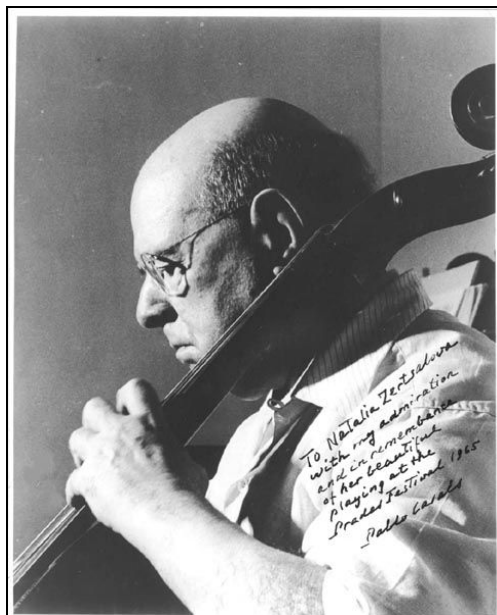
Результат занятий русским языком Её Величества Королевы Елизаветы. Надпись понятна по прочтении предыдущего комментария к фото. Думаю, что имеется в виду «На память о вечере 7-го марта 1961 года. Сердечная Елизавета». Написано по-видимому с помощью учителя и почти совершенно

Великий испанский виолончелист и дирижёр Пабло Казальс – Игорю Ойстраху: «Игорю Ойстраху, музыканту, которого я люблю с нежностью и с наилучшими пожеланиями на добрую память о нашем совместном музицировании на Фестивале 1964 года в Праге. Пабло Казальс»

Комментарий Игоря Ойстраха:

Это фото, подаренное мне Казальсом во время нашей первой встречи в 1964 году. Жена Казальса, которая была на 60 лет моложе его – Мартина – спросила меня, хочу ли я (в 1965-м году) получить новое фото? Я поделикатничал – не хотел его беспокоить. Однако я мог получить ещё фото с надписью по-английски.

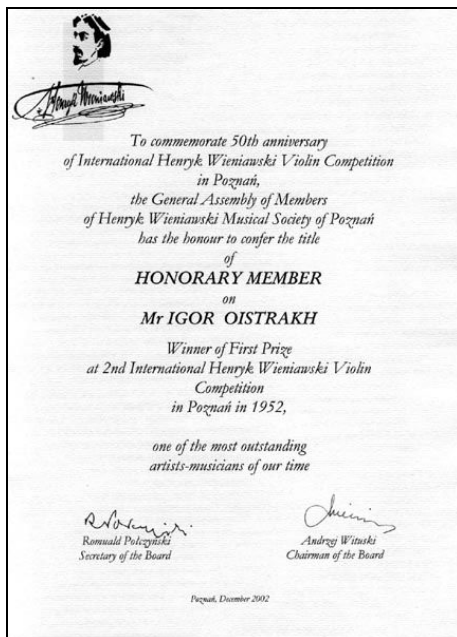

Пабло Казальс – Наталии Зерцаловой: «Наталии Зерцаловой с уважением и воспоминанием о её чудесной игре на Фестивале в Праде, 1965 г.»

Комментарий Игоря Ойстраха:

Это самое дорогое для Наташи посвящение Казальса. Играли Трио Бетховена «Archduce» B-Dur. Помню, что когда она чудесно, красиво играла вступление во 2-й части Adagio – Казальс просто стонал... «Beautiful!» Это был Фестиваль в Prades 1965 года и мой 2-й визит. Первый визит и участие в Фестивале был в 1964 году без Наташи. Играли тогда с Казальсом и Мечиславом Хоржовским Трио Шуберта Es- Dur. Хоржовский по-моему

играл до 103 лет!! Молодец. Он был близким другом Казальса, но мне кажется, что он не был выдающимся пианистом. Sorry!

Диплом Почётного члена общества им. Генриха Венявского в Познани. Игорь Ойстрах был награждён этим дипломом в честь 50-летия со дня Конкурса 1952 года, на котором Игорь Ойстрах завоевал Первую премию

Комментарий Игоря Ойстраха:

2002 год. 50-летие Конкурса им. Венявского (моего – 1952 года).

В Познани я играл на этом юбилее концерт Моцарта.

Открытие мемориальной Комнаты-кабинета Давида Ойстраха в Музее музыкальной культуры им. Глинки в Москве. 1992 год. На снимке: М. Ростропович, Н. Зерцалова, И. Ойстрах

Комментарий Игоря Ойстраха:

Это – открытие Мемориального кабинета Давида Ойстраха в Государственном центральном музее музыкальной культуры им. Глинки в 1992-м году.

С 1974 года – кончины моего папы, я просил дирекцию музея открыть Мемориальный кабинет в музее, которому мы с мамой подарили завещанную папе Королевой Елизаветой скрипку А. Страдивари, на которой она сама играла, а также рояль, письменный стол, архив, ордена и т. д. Однако, в течение 18 лет мне отвечали, что нет свободной комнаты. Я бесконечно благодарен Славе Ростроповичу за то, что он своим огромным авторитетом и мощной энергией пробил этот вопрос – моментально нашлась комната! Он прилетел в Москву, и мы встретились на открытии.

«Император скрипки» Яша Хейфец – Игорю Ойстраху. Одна из редчайших фотографий Хейфеца, подписанных по-русски:
«Игорю Ойстрах – на добрую память и с тёплым приветом»

Вероятно, Хейфец перепутал дату. Должен быть 1962 г

Комментарий Игоря Ойстраха:

*В МОЕЙ ЖИЗНИ НА МЕНЯ, КАК СКРИПАЧА
ОКАЗАЛИ ОГРОМНОЕ ВЛИЯНИЕ ТРИ СКРИПАЧА:*

1. **Давид ОЙСТРАХ** Конечно, мой папа, изумительную игру которого я слушал, находясь рядом с ним с 5-летнего возраста (когда бабушка привезла меня в Москву из Одессы). Я не пропускал ни одной репетиции Трио с Обориным и Кнушевицким, с гордостью переворачивая страницы Льву Николаевичу (Оборину – А.Ш.)

Разумеется, я не пропускал ни одного концерта папы. Даже в ранние годы. Он мудро направлял мои занятия. С 1949 по 1958-й я был его студентом и аспирантом в Московской Консерватории, и он был ко мне более требовательным, чем ко всем остальным. Со времени моего дебюта в 1947-м с папой Двойной Концерт Баха) и до нашего последнего совместного выступления в 1974 году мы играли во всём мире – это были мои Университеты!

2. Лет в 12 я впервые услышал по радио

фантастическую игру – Сарасате «Интродукция и тарантелла». Я открыл рот и потерял дар речи. Папа был рядом, засмеялся и сказал: «Что, нравится?» Это был **ХЕЙФЕЦ**. Впоследствии меня поражали **все** его записи.

В 1962 году на приёме после моего дебюта в Карнеги Холл ко мне подошла женщина и на чистом русском поздравила и спросила, буду ли я играть в Лос-Анджелесе? Я сказал: «Да, через три месяца». Она сказала: «Я посоветую брату посетить ваш концерт». Я: «Он музыкант?» Она: «Он – Яша Хейфец».

В течение 3-х месяцев все убеждали меня, что Хейфец никогда не ходит на концерты молодых скрипачей. Однако, он пришёл на мой концерт и появился за кулисами по окончании программы. Я от смущения сказал: «А я надеялся, что Вы не придёте!» (Ещё в антракте Пётр Меренблюм¹ сказал: «Я сижу с Яшей и он восторгается!»)

Через пару дней Хейфец снова пришёл на мой концерт (это был симфонический концерт с Зубином Мета) и подарил мне это фото. Я представил ему Наташу – жену и партнёра, сказав «Мы вместе играем». Он грустно ответил: «Значит вместе мучаетесь».

3. Третий великий артист, оказавший на меня влияние – **Иегуди МЕНУХИН**.

1945 – **ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ, СЧАСТЬЕ – Я ДЕЛАЮ УСПЕХИ НА СКРИПКЕ**. Менухин – друг отца – репетирует у нас дома. Его неповторимая индивидуальность совершила **переворот** в моей душе – **Я РЕШИЛ СТАТЬ СКРИПАЧОМ!**

---

¹ Пётр Меренблюм был в США популярным педагогом в 1920-40 годы. Он был братом первого педагога Игоря Ойстраха В.И. Меренблюм. Пётр Меренблюм был близко знаком со всеми российскими всемирными знаменитостями, в том числе с Хейфецом и Кусевицким. Руководимый им студенческий, собственно школьный оркестр, участвовал в фильме вместе с Яшей Хейфецом «У них будет музыка!» MGM 1937 года (А.Ш.)

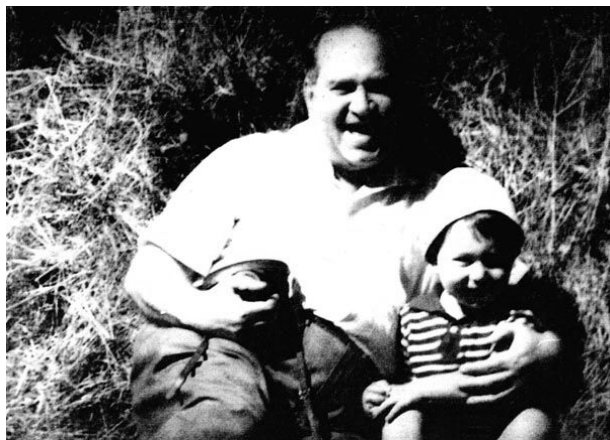
В гостях у Чарли ЧАПЛИНА. Надпись на фото:
To Igor Oistrakh. Thank you Master for memorable evening. Charles
Chaplin.
«Спасибо вам Мастер (Маэстро?) за памятный вечер». Чарльз
Чаплин

Комментарий Игоря Ойстраха

8-го сентября 1954 года я играл в Монтрё с дирижёром Паулем Клётцки Концерт Бетховена. В публике – Чарли ЧАПЛИН. После концерта мне передали его приглашение на ужин к нему домой в Vevey – рядом, около 3-х километров от Монтрё, причём с аккомпаниатором (тогда это была Инна Владимировна Коллегорская – постоянный аккомпаниатор в классе отца, с которой я играл в Консерватории и на Конкурсе им. Венявского в 1952-м году).

Я сидел на ужине рядом с Чаплиным – кумиром всего моего детства, а напротив – Инна Владимировна. Ей, как даме, подавали первой. Подали круглый пирог (вроде пиццы) на стеклянном блюде с высоким бортиком. Она старалась сбоку горизонтально отрезать кусочек, но её нож наталкивался на стеклянный бортик. Она смутилась. Чаплин не стал помогать, а был в восторге, т. к. это была для него идея комического эпизода.

Потом он, как скрипач², попросил меня поиграть ему и мы с Инной Владимировной сыграли ему целую сольную программу в течение полуночи. Он экспансивно реагировал, хваля меня за «enormous vitality».

Давид Ойстрах с внуком Валерием на Даче. Сходня, середина 1960-х.

Комментарий Игоря Ойстраха

Это моё лучшее и любимое фото (я в роли фотографа). Счастливые минуты отдыха дедушки и внука в стоге сена на Сходне.

---

² Чаплин был скрипачом-самоучкой. Так как был левшой, то скрипку держал в правой руке, а смычок в левой. Он выступал как скрипач с интересными импровизациями в ряде своих фильмов, в частности в раннем - «Бродяга». Это был немой фильм и Чаплин «дописал» звук уже в 40-е годы, когда во время войны посвятил много времени ремонту старых фильмов, выпустив их заново с музыкой, а иногда и с текстом в собственном исполнении («Золотая лихорадка»).

В звуковом фильме он играл на скрипке в одной из своих последних работ – «Огни рампы» – в роли старого клоуна. Кроме того Чаплин, как писал Жорж Садуль в своей книге «Жизнь Чарли», умел поразительно импровизировать и даже пародировать игру великих скрипачей, в частности Яши Хейфеца. – А.Ш.

Игорь Ойстрах. Наталия Зерцалова, сын Валерий и член семьи – немецкая овчарка «Тарзан». Москва. Начало 70-х.

Комментарий Игоря Ойстраха

*Наша семья с Валериком в его «пистолетном» возрасте и нашим общим любимцем, которого мы с Наташей купили в Гамбурге. Так что он «чистокровный немец» по паспорту: «*Marcus von Sondenberg*», но мы его звали Тарзаном или Тарзашей. Он прожил с нами свой собачий век – 13 лет и был, как и все собаки – умнейшим в семье!*

Он спал у Наташи под роялем. Когда она играла Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского, он наслаждался музыкой под роялем. А когда начинала учить Бартока, Хиндемита и т.д. Тарзаша вздыхал и демонстративно уходил в другую комнату.

Семейное трио. Середина 1970-х

Комментарий Игоря Ойстраха

С 1976 года Валерик присоединился к нашим гастролям. Мы переиграли дуэты, трио-сонаты Вивальди, Баха, Моцарта, дуэты Венявского, Сарасате и.т. д. Это – счастливейший момент полного семейного согласия после одного из концертов.

В эти же годы Валерик был призван в Армию! К счастью он не был послан в Афганистан, а был зачислен в оркестр Ансамбля песни и пляски Московского военного округа под руководством В.П.Гордеева. В это время состоялся Всероссийский Конкурс скрипачей в Казани и Гордеев любезно разрешил Валерику поехать в Казань и принять участие в Конкурсе. В программе были трудные вещи, включая Капризы Паганини. Валерик готовил труднейший Каприс № 4. Председателем жюри был Борис Гутников. Гордеев дал Приказ – «ПОЛУЧИТЬ 1-Ю ПРЕМИЮ»!

Когда объявили «Солист Ансамбля песни и пляски МВО Валерий Ойстрах» в публике был смехок. Но, когда он блестяще исполнил всю программу, включая Каприс №4 Паганини и получил Первую премию – смехов больше не было. Боря Гутников и член жюри Игорь Фролов говорили, что Валерий играл замечательно!

Извини за обилие восклицательных знаков, но что поделаешь – такова жизнь!

Иегуди Менухин, Игорь Ойстрах и Валерий Ойстрах – после концерта памяти Давида Ойстраха в Зале им. Чайковского, Москва, 1987 год.

Комментарий Игоря Ойстраха

В 1987 году Иегуди Менухин пригласил нас с Валерием принять участие в его концерте в Москве в Зале им. Чайковского, посвящённом памяти Давида Ойстраха. Мы играли Концерт для трёх скрипок Баха. Дирижировал Менухин. По окончании концерта Менухин поздравляет и как бы напутствует Валерия – младшего из династии Ойстрахов.

Руджиеро Риччи³ – Игорю Ойстраху:
«Игорю Ойстраху – другому великому Ойстраху.
Руджиеро Риччи, 3/8/97»

Комментарий Игоря Ойстраха

Риччи я помню со времён его дебюта в Москве в Большом зале Консерватории, он играл с очаровательным аккомпаниатором – молоденькой Мартой Аргерих, и сыграл тогда не менее десяти «бисов». В последние годы мы с Валериком часто с ним встречались в Зальцбурге. На мой

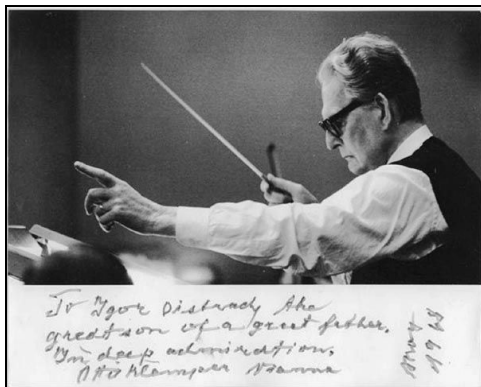
---

³ Руджиеро РИЧЧИ родился в 1918 году в Калифорнии. Один из крупнейших виртуозов XX века. Первый скрипач, записавший на пластинки все 24 Каприса Паганини в 1947 году. Позднее он записал их снова – на скрипке самого Паганини. (А.Ш.)

взгляд у него есть три качества:

1) *Он серьёзный, прекрасный музыкант.*
2) *Он сверхъестественный, непревзойдённый виртуоз!*

3) *Он просто милейший, очаровательный человек.*
По-моему этих качеств совершенно достаточно, чтобы глубоко уважать и любить его.

Величайший исполнитель сочинений Бетховена в XX веке
Отто Клемперер – Игорю Ойстраху:
«Игорю Ойстраху – великому сыну великого отца. С
глубоким уважением Отто Клемперер, Вена, Май 1969 года.

Комментарий Игоря Ойстраха

Услышав моего Брамса в Вене, Клемперер пригласил меня сыграть Концерт Бетховена в Лондоне. Спросил: «Какие каденции вы играете?» Я сказал: «Крейслера». Он: «Это плохие каденции. Я предпочитаю Йоахима». Естественно, я выучил Йоахима и записал Концерт в Вене с симфоническим оркестром под управлением папы.

В Лондоне на единственной репетиции с London Symphony Orchestra – LSO – я приехал за час. Клемперера не было. Я занимался и надеялся, что инспектор пригласит меня. Пришёл инспектор сказав, что Клемперера привезли и он тотчас дал РАЗ! Мне пришлось выскочить на эстраду за два такта до моего вступления. Он не остановил оркестр. Однако я был счастлив, когда он после концерта очень похвалил меня!

Награждение Игоря Ойстраха почётным дипломом

Комментарий Игоря Ойстраха

«Коллеги Королевского музыкального колледжа в Лондоне» «Her Majesty Queen Mother вручает мне диплом «Fellow of the Royal College of music in London»

Игорь Ойстрах – дирижёр

Комментарий Игоря Ойстраха

Начиная с 1968 года после дебюта в Копенгагене с Камерным оркестром, я начал понемножку дирижировать. В СССР в основном с Ансамблем солистов Московской Гос.

Филармонии и с Симфоническим оркестром МГФ. Дописал начатые папой Концерты Корелли, записал 6 Бранденбургских

Концертов Баха как дирижёр, скрипач, альтист. Наташа – Чембало. Затем дирижировал Симфониями Моцарта, Гайдна, Шуберта, Шумана (все четыре), Бетховена все, кроме 9-й, Брамса (все четыре), Чайковского (4,5,6), а также его «Ромео», «Франческа». Увертюра Вагнера к «Мейстерзингерам», «Вступление и смерть Изольды», «Дон Жуан» Рихарда Штрауса и т. д.

Дирижировал в Москве, Ленинграде, Саратове, Свердловске, Новосибирске, Киеве, Харькове, Эдинбурге, Берлине, Вене.

На этом фото – не помню какой это оркестр, город, репертуар... Извини!

Королева Бельгии Елизавета в гостях у Давида Ойстраха, 1962 год

Комментарий Игоря Ойстраха

Папа представил меня Королеве Елизавете в 1958 году во время 1-го Конкурса им. Чайковского. Второй раз она приехала на Второй Конкурс Чайковского в 1962 году. (Валерик родился 19 сентября 1961 года). Королева изъявила

желание посетить Давида Ойстраха в его квартире на ул. Чкалова. Власти забеспокоились, однако не разрешить ей это было невозможно. Пришлось убрать двор и яркие плакаты «Агитпункт». Папа пригласил Королеву на обед, Валерику было полгода. Это была огромная честь для нашей семьи.

Забыл упомянуть, что в 1959 году я дебютировал в Брюсселе. Королева посетила мой концерт и пригласила меня с Антоном Гинзбургом, с которым я тогда играл, на обед, попросив захватить скрипку. После обеда она предложила поиграть дуэты – Концерты для двух скрипок Вивальди и Баха. Будучи ученицей Иззи, она играла безупречно, пожаловавшись лишь раз на одно неудобное место в финале Баха. Увидев, что она играет трудной аппликатурой, я предложил ей свою. Она, попробовав, воскликнула: «Так гораздо легче! Ведь ту, трудную дал мне Иззи!»

Фото, увы неважного качества – сделано было полярOIDом.

Слева направо: Гарик, Наташа, Валерик, моя мама, Королева и папа.

Игорь Ойстрах и Валерий Ойстрах со своими учениками в Королевской Консерватории в Брюсселе 3/23/2004

Комментарий Игоря Ойстраха

В течение 14 лет (с 1996-го по 2010-й) мы с

Валерием и наши классы ежегодно давали концерты в Большом зале Королевской Консерватории им. Анри Вьетана в Брюсселе. Между прочим – во втором ряду второй слева стоит Иосиф Иванов – мой ученик (2 года) и Валерия (3 года) – 1-я премия в Монреале и 2-я премия на **Queen Elisabeth International Competition** в Брюсселе – высшее достижение бельгийского скрипача в истории Брюссельского Конкурса! Он из болгарской семьи, но родился в Бельгии и гражданин Бельгии. Его отец – Дмитрий Иванов – концертмейстер оркестра Фламандской филармонии в Антверпене.

М. Амара – лауреат международных конкурсов, Аванесян – шесть первых премий в Бельгии, Франции, Люксембурге и др.

Милая дама рядом со мной – гостья – пра-пра-правнучка Эженя Иззи Коринн.

Герберт Караян – Игорю Ойстраху: «Игорю – с моим высоким уважением. Герберт фон Караян»

Комментарий Игоря Ойстраха

Необычная встреча с гениальным Караяном и

оркестром Берлинской Филармонии в Ганновере и Киле в 1958-59 году.

Я ждал их, однако из-за непогоды оркестр и Маэстро прибыли в Ганновер за час до концерта. Времени на репетицию Концерта Чайковского – меньше получаса. Поскольку тогда я ещё играл финал с купюрами, вместо спокойной творческой репетиции все полчаса ушли на подсчёт тактов купюр!

К счастью, Караян был мил и терпелив и оба концерта прошли прекрасно. Караян без репетиции аккомпанировал идеально!

Было, конечно, обидно потратить всё время общения с лучшим оркестром мира и гениальным дирижёром на подсчёт тактов купюр!

С тех пор я решил покончить с редакцией Ауэра о чём настоятельно рекомендовал Конкурсу им. Чайковского.

Salzburger *Schloßkonzerte*
seit 1954

9. AUGUST 2008 um 20.00 Uhr
SCHLOSS MIRABELL - MARMORSAAL

Gala - Konzert
„In memoriam David Oistrakh (1908 – 1974)“

Igor Oistrakh - Violine
Luz Leskowitz - Violine
Walter Nothas - Violoncello
Natalia Zertsalova - Klavier

PROGRAMM

W.A. MOZART	Violinsonate in B-Dur, KV 454
	Concertante in D-Dur, KV 448
P. TSCHAIKOWSKY	Klaviertrio in a-moll, op.50

Information, Reservierung & Kartenverkauf:
Salzburger Schloßkonzerte, Mozart-Wohnhaus, Theatergasse 2,
Tel.: 0662 / 84 85 86, in allen Kartenbüros, in den Salzburger Hotels
und an der Kasse im Schloss Mirabell vor dem Marmorsaal

Афиша последнего концерта Игоря Ойстраха и Наталии Зерцаловой в Зальцбурге – памяти Давида Ойстраха и к его 100-летию (1908-2008)

Комментарий Игоря Ойстраха

9 августа 2008 года мы с Наташей (Валерий был

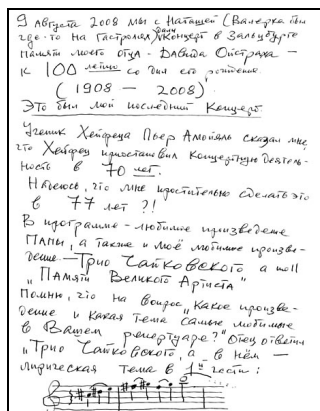
где-то на гастролях) дали концерт в Зальцбурге памяти моего отца Давида Ойстраха – к столетию со дня его рождения.

Это был мой последний концерт.

Ученик Хейфеца Пьер Амоияль сказал мне, что Хейфец приостановил концертную деятельность в 70 лет. Надеюсь, что мне простительно сделать это в 77 лет?!

В программе – любимое произведение папы, а также и моё – Трио Чайковского ля-минор «Памяти Великого Артиста».

Помню, что на вопрос «какое произведение и какая тема самые любимые в Вашем репертуаре» отец ответил: «Трио Чайковского, а в нём – лирическая тема в 1-й части. (см. ниже факсимиле надписи на обороте афиши – А.Ш.)

Факсимиле письма на обороте афиши

Мне кажется, что этот фоторассказ хорошо дополняет нашу совместную работу с Игорем Ойстрахом – эссе к его 80-летию «Сыновья», опубликованное в журнале «Семь искусств» №15, в феврале 2011 года. Остаётся пожелать Игорю Ойстраху и его семейству здоровья, счастья и многих лет жизни.

Июль 2011 г. Нью-Йорк

Виктор Юзефович
**«Если в Ваш лавровый суп
подсыпать немного перца...»**

**Переписка С.С. Прокофьева
с С.А. и Н.К. Кусевицкими
1910-1953**
(продолжение. Начало в №3/2011)

После осуществленной Кусевицким в Бостоне мировой премьеры Сюиты из балета Прокофьева «Стальной скок» (21-22 октября 1927)¹, рецензенты, как это случалось и ранее, укоряли композитора за то, что театральная музыка Прокофьева многое теряет, оказываясь на концертной эстраде вне конструктивистского декора дягилевских постановок.

Дело было однако не в американцах, упомянутых Прокофьевым в письме, а в самом Кусевицком. Хотя рецензент отмечал, что «...исполнение "Стального скока" отличалось великолепием и блеском, которых и следовало

---

¹ В ряде источников (в частности, в кн.: Н. Earle Johnson. Symphony Hall, Boston. Boston: Little, Brown and Company, 1950. P. 371), бостонское исполнение Кусевицким Сюиты из балета «Стальной скок» называется американской премьерой. О том же свидетельствуют программные книги Бостонского оркестра. Вместе с тем мировой премьерой Сюиты другие авторы называют ее исполнение в Москве 27 мая 1928 под управлением В. Савича (См. МДВ. С. 569; Thompson. P. 378). Поскольку бостонское исполнение состоялось полугодом ранее московского, то оно и было на самом деле не американской, а мировой премьерой Сюиты.

ожидать от Кусевицкого в подобном произведении»², «большевистский» сюжет балета оказался не близок дирижеру, равно как и «диатоническая, на белых клавишах» музыка, «белая музыка к красному балету»³. К тому же не принял Кусевицкий и компоновку сюиты. «"Pas d'Acier" успеха не имел и не может иметь в таком виде, в каком его сделал Прокофьев, – писал он. – Последние четыре номера, обозначенные им, убивают друг друга. Это очень хорошо со сцены, и совершенно не соответствует в концертном зале <...>. Я просматривал другие номера и нахожу, что можно выбрать такие, которые больше контрастируют, чем это сделал С[ергей] С[ергеевич]. Я, конечно, буду еще исполнять "Pas d'Acier" в Нью-Йорке, но сделаю сюиту из нее сам, совсем иначе»⁴. Не надеясь однако, что дирижер вернется к этой партитуре, Пайчадзе просит вернуть ее в издательство, так как интерес к ней проявляет Москва. Собственной сюиты из «Стального скока» Кусевицкий не сделал и ограничился ее единственным исполнением.

Тем не менее в 1928 в РМИ будут изданы и сам балет, и авторское переложение его для фортепиано.

В Лондон Прокофьевы отправились 3 по декабря 1927 по приглашению радиокорпорации Би-би-си. Прокофьев исполнял в сольной программе Третью сонату, четыре пьесы из цикла «Мимолетности» ор. 22 и Скерцо из цикла Десять пьес для фортепиано ор. 12, в симфонической, под управлением Эрнеста Ансерме – Второй фортепианный концерт (см. об этом ниже в письме С.С. Прокофьева к Н.К. Кусевицкой от 31 января 1928).

В сезоне 1928 года – последнем парижском сезоне Кусевицкого – из сочинений Прокофьева прозвучит только мировая премьера фрагментов оперы «Огненный ангел»

---

² P.R. "Prokofiev's 'Pas d'Acier' for Brilliant Novelty," "Boston Globe," October 22, 1927.

³ Сергей Прокофьев – Сергею Дягилеву, 16 августа 1925, Буррон-Марлот. Цит. по: Виктор Варунц. «Новые материалы из зарубежных архивов», «Музыкальная академия», 2000, № 2. С. 196.

⁴ Сергей Кусевицкий – Гавриилу Пайчадзе, без даты [после 22 октября 1927], Бостон. – АК-БК.

(см. об этом ниже в комментариях к письму Л.И. Прокофьевой к Н.К. Кусевицкой от 20 июня 1928).

Сергей Кусевицкий играет на контрабасе

Как солист-контрабасист Кусевицкий обрел в начале XX столетия поистине всеевропейскую славу. С обращением к дирижированию его выступления как солиста и ансамблиста на контрабасе свелись к минимуму. Эмигрировав в 1920 из России, он появлялся с контрабасом лишь в единичных концертах (особенный успех имели его гастролы в Италии в 1920). Тем с большим интересом ожидалось концерты Кусевицкого в Америке, никогда не слышавшей его как контрабасиста⁵.

---

⁵ Слава Кусевицкого-контрабасиста не могла не интриговать американских импресарио еще в период его активного концертирования. В 1909 были объявлены его гастролы в Америке. Они были так широко разрекламированы, что некоторые музыканты писали впоследствии об их громадном успехе. Об этом можно прочитать, к примеру, в воспоминаниях участника московских «Концертов С. Кусевицкого» пианиста Гарольда Бауэра (См.: Harold Bauer. His Book. New York: Greenwood Press, Publishers, 1969. P. 213.), хотя на самом деле американские

Концерты Кусевицкого-контрабасиста в Бостоне (24 октября 1927, Symphony Hall) и Нью-Йорке (23 октября 1928, Carnegie Hall) были объявлены им как благотворительные в пользу русских студентов за рубежом России⁶.

Рецензии явили собой гимн мастерству и изысканной музыкальности Кусевицкого. «Его тон, полный и благородный, изысканно прекрасен, как того требует музыка, нюансы звучания его инструмента бесконечны; оно сразу же привлекает ваше внимание, впечатляет и неотступно остается в вашей памяти, – напишет рецензент. – <...>. Его фразировка была музыкальной и выразительной. Без всякого намерения к эффектности игра его была эффектной. В его декламационных пассажах – сила и достоинство; в лирических эпизодах – распластанное и притягательное пение. Исполнение гения. И все это было выполнено с такой легкостью, так грациозно, без той надменности, которым отмечено исполнение многих певцов, скрипачей, пианистов»⁷.

Множество музыкантов собрал концерт Кусевицкого в Нью-Йорке⁸. Среди них были Леопольд Годовский, Гарольд Бауэр, Павел Коханский, Рубин Гольдмарк, Иосиф Ахрон, Лия Любошиц (Leopold Godowsky, Harold Bauer, Paul

---

гастроли контрабасиста так и не состоялись.

⁶ Программа бостонского концерта открывалась исполнением Вариациями из Форельного квинтета Шуберта (“Forellen” Quintet: Variations), исполненных им в ансамбле с пианистом Рудольфом Ганцем и музыкантами БСО Ричардом Бургиным (скрипка), Жаном Лефранком (альт) и Жаном Бедетти (виолончель) [Rudolph Ganz, Richard Burgin, Jean Lefranc, Jean Bedetti]. Затем Кусевицкий сыграл «Кол Нидре» (“Kol Nidrei”) Бруха в собственной обработке для контрабаса и фортепиано (аккомпанировал ему пианист БСО Бернард [Bernard Zighera]) и собственный Концерт для контрабаса.

⁷ Philip Hale. “Koussevitzky Plays Double Bass in Boston Recital for Russian Artists”, “Boston Herald”, October 25, 1927.

⁸ В программе прозвучали Концерт Кусевицкого для контрабаса, ряд мелких пьес, и, в ансамбле с Анри Казадезюсом, написанные для виоль д’амур и контрабаса Концертная симфония для виоль д’амур и контрабаса Бернардо Лоренцитти (Lorenzitti) и Соната Дживанни Баттиста Борги (Borghi).

Kochanski, Rubin Goldmark, Joseph Achron, Lea Luboshutz). Исполнительскому мастерству контрабасиста была отдана рецензентами дань в полной мере – в вину ему вменялось лишь излишнее употребление *glissandi* (особенно в Менуэте Бетховена)⁹. Под сомнение ставилась художественная ценность прозвучавших произведений, контрабас и виоль д'амур назывались «с трудом сопоставимыми инструментами»¹⁰, а само выступление контрабасиста – самым странным концертом всего сезона.

Для самого Кусевицкого важен был однако прежде всего финансовый успех выступления. «Мой концерт на контрабасе дал блестящий сбор – 12 000 долларов, – писал он после выступления в Бостоне. – Из этих денег часть досталась Русскому Комитету в Америке, 8 000 послали в Русский Комитет в Париже на помощь русским студентам. Успех был действительно сенсационный!»¹¹.

Многие русские газеты эмиграции опубликовали благодарственное письмо Кусевицкому от Председателя Российского земско-городского комитета Александра Коновалова. «Счастлив тот, кто в дни переживаемого нами лихолетья может следовать влечениям своего доброго сердца и приходить на помощь оторванным от родины обездоленным и нуждающимся соотечественникам, – писал он. – Ваш щедрый дар облегчит Комитету возможность помочь многим русским детям и юношам получить образование и подготовиться к достойному служению своей родине»¹².

Лишь малая часть репертуара Кусевицкого-контрабасиста зафиксирована в записи. В 1929 вместе с Пьером Любошицем он записал те же самые произведения:

---

⁹ Elizabeth Y. Gilbert. “Koussevitzky Capable Master of Worthy Double Bass”, “Musical America”, November 3, 1928. P. 32.

¹⁰ Irving Weil. “Concerts. A-Plenty-but Music? A Hesitant Season Rejuvenates Old Masters”, “Musical America”, November 3, 1928. P. 9.

¹¹ Сергей Кусевицкий – Владимиру Цедербауму, 10 ноября 1927, Бостон. – АК-БК.

¹² Александр Коновалов. «Открытое письмо С.А. Кусевицкому», «Последние новости», Париж, 18 декабря 1928.

вторую часть (Andante) из своего Концерта для контрабаса¹³, две свои пьесы – Грустную песню¹⁴ и Миниатюрный вальс¹⁵, а также Колыбельную Густава Ласки¹⁶, Менуэт Бетховена¹⁷ и Largo из Скрипичной сонаты Хенри Эклса (Eccles)¹⁸ (две последние – в собственной транскрипции). Слушая эти записи, ощущаешь высочайший эмоциональный тонус и полную внутреннюю раскованность исполнителя, свободу фразирования, которая не приносит однако в жертву целостность музыкальной формы. Завидная свобода владения инструментом и кристально чистая интонация заставляют нас забыть о величине контрабаса и его грифа, о больших расстояниях, которые преодолевают пальцы исполнителя. Бесконечное legato, редкостные для столь низкого по тесситуре инструмента красота звучания и нежность тембра (запись осуществлена Кусевичким на принадлежавшем ему контрабасе Амати) заставляют забыть, как короток контрабасовый смычок. Что до сочинений Кусевичкого, то собственная его трактовка облагораживает их салонную стилистику, поднимает, по мнению некоторых критиков, их художественные достоинства едва ли не до уровня рахманиновских миниатюр.

Достоинства записей контрабасиста с лихвой перевешивают его склонность к замедленным темпам, преувеличенным замедлениям в концах музыкальных фраз, чрезмерно частому использованию приема *glissando*. Свойства эти являются в какой-то мере типичными для исполнительского стиля начала XX века. Что же тогда не устраивало в контрабасовых записях самого Кусевичкого? Прежде всего, думается, невозможность запечатлеть в них – даже и помощью самой совершенной звукозаписывающей техники – эмоциональное «излучение», магнетизм, обаяние сильной артистической личности. И с контрабасом, и с дирижёрской палочкой Кусевичкий обладал этими

---

¹³ RCA Victor 78: LE-1; LP: LCT-1145.

¹⁴ RCA Victor 78: 7159; LP: LCT-1145.

¹⁵ RCA Victor 78: 1476; LP: LCT-1145.

¹⁶ RCA Victor 78: 7159; LP: LCT-1145.

¹⁷ RCA Victor 78: LE-1; LP: LCT-1145.

¹⁸ RCA Victor 78: 7159; LP: LCT-1145.

свойствами сполна.

С.А. Кусевицкий – С.С. Прокофьеву

14 декабря 1927, Бостон

**Посылай Вторую симфонию в Россию. Повторю
«Скифскую сюиту». Кусевицкий**

Телеграмма. В оригинале по-английски. Послана в Париж. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 16. л. 1. Копия – АК-БК.

Речь идет, вероятно, о предполагавшемся в России исполнении Второй симфонии, которое состоялось однако только в 1935 в Москве под управлением Александра Гаука.

С.С. Прокофьев – Н.К. Кусевицкой

31 января 1928, Париж

Дорогая Наталья Константиновна,

Очень мы оба оценили Ваше ласковое письмо и стремительность ответа. Подждал также обещанного письма от Бреннена, но оно видимо утонуло в Атлантическом океане или в его собственном бюро. Спасибо за статьи о Сергее Александровиче, которые мы прочли с большим удовольствием. Но Вы ошибаетесь, полагая, что кроме собственной прессы, я другими не интересуюсь – наоборот, я всегда стараюсь вытянуть из Гавриила Григорьевича все проникающие к нему сведения о концертах Сергея Александровича. Знаю от него также, что в первую половину сезона Сергей Александрович мало играл вещей собственного издания... Что это, неужели консервативные директора Бостонской симфонии доехали его в этом направлении? А Восьмая Мясковского? Ко мне ничего не просочилось об ее исполнении.

На днях мы проходили мимо Вашего особняка, где по-видимому все благополучно; по крайней мере Ириночка стояла у калитки с большим пальцем во рту. Но к сожалению перед Вашим домом выстроили махину, которая через все поле тянется до бульвара Эмиль Ожье. Пока нагородили уже три этажа и я не мог понять, будет ли продолжение вверх или начнут сажать крышу. Машина выстроена собственно против 10-го номера и против половины Вашего дома, но если смотреть из Ваших окон по диагонали влево, то там еще остается

зеленое поле. Во всяком случае, надеюсь, что к Вашему возвращению постройка будет закончена и по утрам Вас не будут будить стукотанием молотков.

Поездкой в Лондон мы остались не слишком довольны: попали в злющий туман и Пташка, захрипев, не пела, а мне Ансерме аккомпанировал 2-й концерт почти без подготовки и я сыграл его неважно. А кроме того, во время последней части произошло какое-то сцепление с другой студией и в результате под мою музыку кто-то громогласным голосом объявлял о завтрашней погоде. Зато обратно из Лондона мы летели на аэроплане – и это было восхитительно. Видели в Лондоне Дукельского, который однако не мог прийти на первый концерт, так как в этот вечер купал девиц легкого поведения. Но он написал очень недурную симфонию, гораздо более яркую, чем соната с оркестром. Симфония хорошо сделана и не особенно длинна (15-20 минут). Теперь он ее оркеструет и я обещал ему по мере возможности мои указания, так как оркестровка – слабая его часть. Были мы в гостях у мадам Ньюман, пользуясь тем, что сам в это время уезжал в Оксфорд. Мадам Ньюман нас угощала чаем и граммофоном, а я, найдя у нее цыганские романсы, разорвал их пополам. Вернувшийся на другой день Ньюман одобрил мой акт – так что, как видите, у нас с ним нашлась наконец точка мирного сотрудничества.

Я сейчас заканчиваю переделку «Игрока», которая превратилась в полное пересочинение. Есть надежда он в апреле уже пойдет в Мариинском театре, и тогда мы поедem с Пташкой на постановку. Но от всех российских концертов я отказался, ибо на «Игрока» у меня уходит весь день – а нельзя сочинять и как следует упражняться на рояле одновременно. Нельзя было и показаться в Россию с прошлогодней программой. Очень приятно слышать, что Сергей Александрович собирается играть в Париже отрывки из «Игрока» или из «Огненного Ангела». Конечно я понимаю, что ему трудно из Бостона решать, каковы будут отрывки и что именно из них играть, но с другой стороны, по его

возвращении в Париж успеем ли мы приготовить оркестровый материал, особенно если я задержусь в СССР. Ко мне обратилась ИТНМА, крупная венская агентура, возившая этой осенью Дягилева, с предложением устройства моих концертов в центральной Европе на будущий сезон. Я запросил с них по 400 долларов за концерт (в прошлом году они устроили Стравинскому четыре концерта по 400 долларов) и они ответили, что цена эта приемлема, но дабы они могли начать работать, я должен им сообщить, в какой период будущего сезона буду свободен, а этого я разумеется не могу сделать, пока не буду знать про Америку. Ради Бога не думайте, что я пишу Вам для того, чтобы провоцировать Вас на предмет Бреннена! Ведь ИТНМА мне пока ничего не гарантировала и может быть они поговорят-поговорят, а в конце концов ничего не сделают. Но с другой стороны Вы поймете, что мне хочется знать, налаживается ли на будущий сезон Америка и притом налаживается ли она роскошно или тоще, кроме того в какой части сезона, в первой, во второй или посередине. Сообразно с тем я буду действовать в Европе.

В Париже начал свои концерты Страарам. В первом же концерте он играл «Скифскую сюиту» – аккуратно, но бледно. Народу на первом концерте было много, хотя большинство фаверников¹⁹. Пресса у него тоже хорошая: очевидно он как-нибудь с нею поладил. А все-таки в концерте было скучно. Видал в этом концерте молодого композитора Набокова, «Оду» которого на текст Ломоносова Дягилев ставит балетно. Относительно напечатания этой «Оды» Набоков вел переговоры с Гавриилом Григорьевичем, но потом вдруг продал ее какому-то французскому издателю. Хотя про Набокова рассказывали, что и в частной жизни он Дягилевского склонения, но он на днях женился и теперь обещает к нам привести и «Оду», и жену. А неужели Тансман все-таки имел успех в Америке? Ведь он –

---

¹⁹ От англ. слова favour – расположение.

креатура Сергея Александровича. Вот уж поистине размахнулся Сергей Александрович и создал никому не нужный предмет! Верно ли, что Кошиц, едва приехав в Америку, сразу попала в Бостон? Как это могло случиться? Я видел в газетах программу ее нью-йоркского реситала – ведь это непреходимая пошлость.

Целую Ваши ручки. Обнимаю Сергея Александровича. Пташка обнимает Вас обоих. Святослав шлет почтительнейший привет.

Любящий Вас

СПркфв

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия: РГАЛИ, ф. 1929 (С.С. Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 9.

Копии упоминаемого письма Наталии Кусевицкой в Архиве Кусевицкого не обнаружено.

О Восьмой симфонии Мясковского см. ниже в комментариях к письму С.С. Прокофьева к Н.К. Кусевицкой от 19 марта 1928.

Желая представить в своих концертах Владимира Дукельского как пианиста, Кусевицкий заказал ему новое произведение. Жорж Орик придумал для него термин «пижама- концерт». Как писал Дукельский, термин этот «...подразумевал произведение, состряпанное композитором для самого себя, как правило, с привлекательной, удобной, максимально легкой фортепианной партией. Это и было в точности, что я написал – но совесть теребила меня, и я переименовал произведение в сонату для фортепиано и оркестра единственную из когда-либо написанных)»²⁰.

Премьера четырехчастной Сонаты состоялась в Париже на дневном концерте 11 июня 1927. Дукельский хотел было уклониться от участия в ней. В программах, написанных, вероятно заранее, рукой Кусевицкого, значилось уже имя другого пианиста. Не без нажима со стороны дирижера композитор согласился все-таки самостоятельно представить Сонату. Только что приехав из Лондона, он появился на эстраде в полосатых брюках,

---

²⁰ Владимир Дукельский – Николаю Слонимскому, 9 июля 1943, без указания места – Коллекция В. Дукельского, Отдел исполнительских искусств, БК.

модных в то время в Англии. Прокофьев не одобрял ослепительных костюмов и экстравагантных галстуков Дукельского, его цилиндров и неизменных белых перчаток, его привычек ловеласа, прожигателя жизни. После премьеры Сонаты он записал в дневнике: «Дукельский мил, но на фортепиано выглядело лучше. Туалет Дукельского. За штанами не видно музыки. Успех средний»²¹. С мнением Прокофьева оказались в целом солидарны парижские критики.

В 1928 Дукельский намеревался написать для Кусевицкого Концерт для контрабаса, принялся было за работу, сочинил десяток первых страниц. Увидев эти эскизы, Прокофьев подверг их критике, назвал музыку неисполнимой. К тому же Кусевицкий давно уже не выступал как контрабасист. Композитор уничтожил рукопись и более к своему замыслу не возвращался.

Английский музыковед и музыкальный критик, автор множества книг Эрнест Ньюмен²² был обозревателем газеты “The Sunday Times” (1920-1958), выступал в “The Guardian”, “The Glasgow Herald” и других английских газетах. Он многократно писал о концертах Кусевицкого в Великобритании, высоко оценивал интерпретации дирижером раннеклассической музыки, приветствовал его исполнение «Героической» симфонии Бетховена, подчеркивал его стремление не превращать симфонию в «мумию забальзамированного классика», добиться, чтобы современная аудитория оказалась в такой же степени захвачена музыкой, как были захвачены ею современники Бетховена²³. По словам Ньюмена, «Героическая» у Кусевицкого – «...музыка, какой ощущал ее, сочиняя партитуру, сам Бетховен»²⁴.

---

²¹ ПД-2. С.С. 566-567.

²² Истинные его имя и фамилия – Вильям Робертс (William Roberts). Смысл избранного им псевдонима состоял в том, что сам себя он ощущал как “new man in earnest”.

²³ Ernest Newman. “The London Music Festival,” “Sunday Times”, May 19, 1935.

²⁴ Цит. по ст.: Moses Smith. “Concert and Opera in the London Halls”, “Boston Transcript”, June 4, 1935.

В 1924 после исполнения в Лондоне Девятой симфонии Бетховена Кусевицким и, через несколько дней, Феликсом Вейнгартнером развернулась дискуссия об их интерпретациях. Ньюмен писал о принципиально различных подходах дирижеров к партитуре: объективном у Вейнгартнера, давшего слушателям Бетховена как такового, без каких бы то ни было собственных «комментариев», и субъективном у Кусевицкого, который явил Бетховена, воспринятого и пережитого сознанием современного человека. «Для тех, кто верит в туманную и, возможно, мифическую вещь, которую они называют классической традицией (не имея возможности строго определить это понятие) прочтение Вейнгартнера было без сомнения идеальным, – разъяснял сущность этой дискуссии Ньюмен. – Другим наплевать на традиции, они верят, что великое произведение есть именно то, что может сделать из него великий исполнитель, что существует столько Гамлетов, сколько гениальных актеров, которые воссоздают его образ. Для них исполнение Кусевицкого смело вейнгартнеровское за борт; оно заключало в себе вдвое больше огня и втрое больше красок. <...> Никто из слышавших это Scherzo у Кусевицкого, никогда не забудет ту энергию, которую он внес в эту музыку»²⁵.

Уточняя свою мысль несколько дней спустя, Ньюмен подчеркивал, что Кусевицкий «...видит симфонию во многом точно такой, какой она виделась самому классику. Но так как классик ощущал себя романтиком, подлинная классичность исполнения по контрасту с мнимой классичностью немецкой традиции, делает Девятую симфонию в 1924 тем самым, чем она была в 1824: произведением современным, насыщенным романтизмом - живым, а не бальзамированным романтизмом традиции. Пропустите через классическое волокно электрический ток и вы получите романтические свет и тепло, которые сам классик признал бы своими»²⁶.

---

²⁵ Ernest Newman. "Music of the Day," "The Sunday Times", March 26, 1924.

²⁶ Ernest Newman. "The Filament and the Current. II," "The Sunday Times", April 6, 1924.

Не менее острая дискуссия развернулась в первом американском сезоне Кусевитцкого вокруг его исполнения «Неоконченной симфонии» Шуберта. (26-27 декабря 1924, Бостон; 1 января 1925, Нью-Йорк). Бостонские критики напишут, что «...в первой части была осознана новая глубина чувств»²⁷, “In the first movement were perceived new depths...“, подчеркнут, что «...оказались захвачены», что «никогда ранее не слышали такого Шуберта»²⁸. “We were “thrilled” <...> Never before had we heard such Schubert?”. Некоторые критики обвинят дирижера в излишней драматизации музыки, в том, что “...изменил темпы там, где в этом не было необходимости, продлил такты и паузы таким образом, что они вдвое или втрое превосходили расчеты композитора”²⁹, что привнесение в симфонию неистовых динамических контрастов побуждает проверить, не написано ли имя ее автора как “Франц Петр Ильич Шуберт”³⁰.

Находившийся в то время в Америке Ньюмен подчеркнет: «Кусевитцкий <...> делает симфонию более современной, возвращая ее ко времени ее создания, – писал он. – Весь вопрос в том, что на вопрос “Что такое классик?” Кусевитцкий дает кажущийся парадоксальным, но абсолютно правильный ответ: “Романтик. Ни один классик не был классиком для самого себя. Классиком он является только для нас”»³¹.

Особое внимание уделял Ньюмен способности Кусевитцкого проникнуть в характер и стиль музыки

---

²⁷ Warren Storey Smith. “Holiday Music by Symphony,” “Boston Post”, December 27, 1924.

²⁸ H.T.P. (H.T.Parker). “Music of Beauty, Music of Frenzy, Music of Triage,” “Boston Evening Transcript”, December 27, 1924.

²⁹ Olin Downes. “The Boston Symphony,” “The New York Times”, January 2, 1925.

³⁰ Lawrence Gilman. “Koussevitzky Conducts Schubert, Stravinsky and Others at Boston Symphony Concert”, “New York Herald Tribune”, January 2, 1925.

³¹ Ernest Newman’s article in “The Evening Post”. Quot. from: “For Second Time New York Judges Mr. Koussevitzky,” “Boston Evening Transcript”, January 5, 1925.

различных композиторских школ. Хотя в трактовку Интродукции и рондо Элгара для струнного квартета со струнным оркестром дирижер вносил, по мнению критика, непривычный для композитора оттенок славянской чувствительности, ему удалось воплотить волнующий пафос этой музыки.

Не проходило мимо внимания Ньюмена и магнетическое воздействие Кусевицкого на оркестр. После концертов дирижера в Лондоне на музыкальном Фестивале Би-би-си в 1933 он писал: «Оркестр Би-Би-Си далек еще пока от Бостонского как по качеству составляющих его музыкантов, так и в смысле исполнительского стиля. Однако под управлением Кусевицкого он показал нам богатые возможности, скрытые в нем. Во всей своей истории оркестр никогда не играл столь блистательно как в продолжении этой недели»³².

Жена Эрнеста Ньюмена Вера Ньюмен, автор воспоминаний о муже³³, была другом семьи Кусевицких и, приезжая в Париж, останавливалась в их доме.

Речь идет, вероятно, о цыганских романсах, которые издавало для поддержки своего финансового положения РМИ, за что Прокофьев не раз укорял Кусевицкого.

Имя Стравинского возникает в письмах Прокофьева то и дело, по самым разным поводам, но всегда с подсознательным, быть может, стремлением, ни на йоту не отстать от него – будь то творчество, концертные гастроли или умение водить автомобиль...

Обескураженный бесконечными задержками постановки в России «Игрока», Прокофьев был очень заинтересован постановкой «Стального скока», сюита из которого уже трижды исполнялась в концертном зале. «...скажи Радлову, – писал Асафьев жене после посещения Парижа, – что <...> я горячо рекомендую "Стальной скок" Прокофьева. Это глубоко и по существу советская вещь.

---

³² Статья Э.Ньюмана в "The Sunday Times". цит. по: [Without Author's name]. An Orchestral Success. Mr. Koussevitsky as Conductor //Boston Evening Transcript, 1933, June 3.

³³ Ernest Newman. A Memoir by His Wife Vera Newman. New York: Alfred Knopf, 1964.

Если еще инсценировать "Скифскую сюиту" в один вечер со "Стальным скоком", то получится настоящий крепкий спектакль. Скажи, что я ахнул, познакомившись с музыкой "Стального скока"³⁴.

От парижской премьеры в труппе Дягилева ожидали скандала. «Дягилев даже жаждал его, – напишет позднее Серж Лифарь (1905-1986), – но на премьере, на которую съехались как бы два Парижа – и «белый», и «красный», было тихо и вяло. Новый балет просто мало понравился»³⁵. Интерес Прокофьева к московской постановке «Стального скока» обострится позднее еще и тем, что поставить его в Большом театре вызовется Мейерхольд, который предложит новую, не сходную с дягилевской, трактовку балета. «Ввиду того, что валютные условия в СССР сейчас действительно тяжелые, а главное, ввиду характера "Стального скока" я и издательство решили для этой вещи сделать исключение и согласиться на червонцах», – напишет Прокофьев³⁶.

Вальтер Страрам организовал в 1926 в Париже свой оркестр и основал «Концерты Старама» (1926-34), в которых часто звучали произведения современных (главным образом французских) композиторов. Страрам был первым исполнителем «Болеро» Мориса Равеля (1928). Исполнял «Скифскую сюиту» и, как упоминалось уже, Вторую симфонию Прокофьева.

Если в 1920-е г.г. РМИ выдвинуло Владимира Дукельского, то в 1930-е среди «молодых» оказались Николай Набоков, Николай Березовский, Николай Лопатников, Юлиан Крейн, Никита Магалов.

---

³⁴ Борис Асафьев – Ирине Асафьевой, 13 сентября 1928, Annemasse, H-te Savoie. Цит. по: Б.В.Асафьев. Из писем к жене, 1928 год. Публикация М.Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Вып. 3. Составление и редакция Т.Ливановой. Москва: "Советский композитор", 1982. С. 21.

³⁵ Серж Лифарь. Дягилев и с Дягилевым. Париж, 1939. С. 417.

³⁶ Сергей Прокофьев – Всеволоду Мейерхольду, 23 марта 1929, Париж. Цит. по: С.С.Прокофьев. Письма к В.Э.Мейерхольду. Публикация К.Кириленко и М.Козловой. В сб.: Музыкальное наследство. Том II, часть вторая. Москва: "Музыка", 1968. С. 220.

Николай Набоков

Николай (Николас) Дмитриевич Набоков (1903-1978) родился в семье камергера Дмитрия Дмитриевича Набокова, член Государственной Думы Владимир Дмитриевич Набоков приходился ему дядей, а его сын, писатель Владимир Владимирович Набоков – кузеном. Композитор начал свое музыкальное образование в России у Владимира Ребикова и совершенствовал его в Берлине под руководством Ферруччо Бузони. В Париж он перебрался в 1923. Год спустя Кузевицкий уехал в Америку и Прокофьев познакомил его с Набоковым только в 1928.

От «Оды» Набокова Прокофьев не был в восторге. Услышав ее в 1929 в Париже под управлением Эрнеста Ансерме, он записал в дневнике: "Звучит средне, виноваты и оркестровка, и акустика, и плохая певица, и малая численность хора. Есть милые номера, но много скучного. Надо давать не полностью"³⁷. Кузевицкий отозвался об "Оде", как о музыке чрезмерно русской для бостонцев и посоветовал композитору написать произведение для одного оркестра без солистов. Так родилась его Лирическая симфония (Symphony Lirique) для струнных и ударных.

---

³⁷ ПД-2. С. 676.

“Симфония имела невиданный успех. Поздравляю, Кусевицкий“, - телеграфировал дирижер автору после ее американской премьеры (31 октября и 1 ноября 1930, Бостон)³⁸.

Работая с октября 1945 он в Германии как консультант по вопросам кино, музыки и театра для американских военных властей в Европе и советник по Советскому Союзу, Набоков помогает обнаружить под руинами разбомбленного здания РМИ ящики с уцелевшими партитурами, оркестровыми голосами и документами издательства.

В 1947 Набоков участвует в подготовке к открытию в Вашингтоне русского канала “Голоса Америки”. Вещание на нем началось 17 февраля, а 15 июля в эфире звучала радиопередача о Сергее Кусевицком, текст которой написал Набоков. В 50-е г.г. Набоков будет тесно связан с работой Конгресса за свободу культуры и сделается генеральным секретарем интернационального конгресса композиторов “Музыка XX века”, в числе членов которого были Чарльз Айвз, Самюэль Барбер, Бенджамин Бриттен. Эйтор Вилла-Лобос, Дариус Мийо, Артур Онеггер, Игорь Стравинский.

В перерыве между работой в Берлине и на радиостанции “Голос Америки” композитор заканчивал по заказу Фонда Кусевицкого Элегию для голоса и оркестра “Возвращение Пушкина”. В своих мемуарах он рассказал, что долгие годы мучила его ностальгия по России и изжил он ее только после войны, когда сделался свидетелем трагедии многих тысяч русских, которые имели решимость и мужество бежать из-под советского гнета и, оказавшись в лагерях для перемещенных лиц (DP), были насильственно возвращены на родину³⁹.

Мировую премьеру Элегии Кусевицкий осуществил 2 и 3 января 1948 в Бостоне. Сольная сопрановая партия исполнялась Мариной Кошиц – дочерью Нины Кошиц. Элегия Набокова прозвучала также в концерте БСО в Нью-

---

³⁸ Serge Koussevitzky to Nicolas Nabokov, Cable, November 2, 1930, Boston. – AK-LC.

³⁹ См: Nicolas Nabokov. Old Friends and New Music. London: Hamish Hamilton, 1951. P. 182.

Йорке (17 января).

Нежданным сюрпризом сделались бы для Кусевицкого строки из письма обласканного им «Ники» Набокова к Игорю Стравинскому. ”Итак, приехал я сюда в “землю Кусявицкую” Бостон сегодня утром. Увы, мой самолет отчего-то просидел на нью-йоркском аэродроме битых два часа, в результате чего я опоздал на репетицию. Я вошел к мэтру в комнату, где под аккомпанемент стозадой Нины Кошиц ее дочка сверлила воздух Письмом Татьяны, а краснощекий патриарх, мотая головой, махал руками и приговаривал (мне), как из суфлерской будки: “Какая дивная музыка...””.

После окончания всех фермат, и всех *ritenuto*, и всех “русских душ”, вложенных этим трио в бедного Чайковского, трио повернулось ко мне и мэтр сказал, вернее изрек: “Вещь Ваша удалась, но только кроме первой части!! Ее надо было написать на 3/4, а не на 3/2 (*sic!*), тогда было бы и легче дирижировать и было бы музыкально правильнее!”. (Я не спорил, но думаю, что я все-таки прав.) Потом все трио сказало, что все звучит великолепно и так “по-русски, откуда это у Вас?..” (мне безумно захотелось в сортир). <...> Завтра я услышу мою вещь на репетиции и уже в носу чувствую запах “а ля рюсс” (пахнет надушенными грибами и еврейскими подмышками)⁴⁰.

Сочиняя Элегию, Набоков стремился, по его словам, избежать романтизации пушкинского текста. “Мне приходилось умерять собственную композиторскую изобретательность, чтобы эмоциональный поток пушкинского стиха не вышел из берегов⁴¹, - напишет он позднее. Вероятно поэтому, предложенная Кусевицким и Кошиц интерпретация оказалась столь противоречащей замыслу композитора, что, впрочем, никак не оправдывает

---

⁴⁰ Николай Набоков – Игорю Стравинскому, 30 декабря 1947, [Бостон] – Цит. по верстке кн.: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Том IV. 1940-1951. Составление, тестологическая редакция и комментарий В.Варунца. Рукопись была любезно предоставлена мне ныне покойным Виктором Варунцем.

⁴¹ Николай Набоков. “Багаж“, “Звезда“, 1998, №10.

его выпадов против Кусевицкого.

Не свидетельствует об утонченной интеллигентности Набокова и строки из другого его письма к Стравинскому: «Прежде всего расскажу Вам как $K^1+K^2+K^3$ исполнили мою Элегию. Все, так сказать, прошло чинчином — после третьей репетиции оркестр научил К. дирижировать (оркестр ведь прекрасный!), но все же первая часть звучала тускло и ритмически не соответствовала партитуре. <...> Понравилась публике вещь, или нет — не знаю. Тут ведь всему аплодируют довольно дружно и опрятно. К. выходил кланяться три раза (в галошах и не глаженном синем костюме — нарочно!). K^1 восторгался, K^2 тоже, K^3 рыдала всеми 100 задами и аршинной п...й от сентиментального восторга...»⁴².

Не подозревая, каких удостоен он комплиментов, Кусевицкий пригласил в 1949 Набокова в Танглвуд прочитать лекции о стиле в музыке, написал «Нике» рекомендацию для получения Фулбрайтской премии, которая дала ему возможность работать над сравнительным исследованием грегорианского хора и русско-славянского церковного пения, а в 1950 сделал своим ассистентом по подготовке международного музыкального фестиваля в Иерусалиме, который планировался на 1953...

В РМИ изданы были партитуры и оркестровые голоса балета Набокова «Жизнь Полишинеля» и, отдельно, танцев из этого балета, его Лирической симфонии, Фортепианного концерта, партитура кантаты для сопрано, баса и девяти ударных инструментов «Collectionneur d'échos» («Собиратель эхо»), Вторая фортепианная соната, несколько фортепианных пьес, «Четыре романса на стихи Пушкина для голоса и фортепиано». В прокат издательством предлагались оркестровые голоса симфонической поэмы «Последний цветок», элегии «Возвращение Пушкина»,

---

⁴² Николай Набоков - Игорю Стравинскому, 15 января 1948, Нью-Йорк. – Цит. по верстке кн.: И.Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии. Том IV. 1940-1951. Составление, тестологическая редакция и комментарий В.Варунца. Рукопись была любезно предоставлена мне ныне покойным Виктором Варунцем.

«Оды» для двух голосов, большого хора и оркестра, увертюры «Le Fian-cé», кантаты «Collectionneur d' Echos», оратории «Иов» («Job»).

"Композиторы нашего издательства разделяются на законных и незаконных детей Кусевицкого, - писал Прокофьев. - Законные – это те, которые приняты с одобрения Стравинского или моего. Таковы Дукельский, Набоков. Незаконные – это те, которых Кусевицкий принимает по собственному вдохновению. Такие обычно оказываются вторым сортом и через несколько лет отдыхают, например: Фогель, Федоров, теперь Виноградова..."⁴³.

В воспоминаниях Николая Набокова "Старые друзья и новая музыка" (Nicolas Nabokov. "Old Friends and New Music", London: Hamish Hamilton, 1951) Кусевицкому посвящена отдельная глава. В сокращенном варианте она была опубликована в журнале "The Atlantic Monthly", February 1951.

Н.К. Кусевицкая – С.С. Прокофьеву

6 марта 1928, Бостон

Дорогой Сергей Сергеевич!

Спасибо за Ваше большое и обстоятельное письмо, хотя Вы его и очень долго писали, но все же в конце концов написали...

Начну с вопроса организации Вашего турне в Америке на будущий год. Наш Brennan как всегда юлит и от него ничего толком не добьешься, одно ясно, что письма он Вам не писал как обещал; сейчас ведем переговоры с другим manager, так как на нашего старого дуреня плохая надежда. По всей вероятности будет Vogue-Laberge, с ним приятнее всего работать, кроме того он имеет связь с Pro Musica, кот[орая] очень расширила свою деятельность камерных вечеров в провинциях. Он также был manager Ravel'a.

Я Вам задержала ответ, так как хотелось написать только определенное, а кроме того сейчас не могу также сказать, какой период надо оставить для

---

⁴³ Цит. по: ПД-2. С.С. 784 -785.

Америки. Потерпите еще недели две, тогда все будет яснее... На днях будем в New York'e и поговорим с Judson о Вашем пребывании в Philadelphia и Cincinnati.

Ravel имел огромный успех, почва была в особенности подготовлена прекрасным исполнением Boston Symphony Daphnis et Chloé Он даже получил лишние ангажементы благодаря этому исполнению, как например, Chicago.

Недавно пела в Бостоне Нина Кошиц, имела большой успех; все восхищены ее голосом, - встретили ее с насмешкой за ее неимоверную толщину, но голос покори́л критику.

Танцман так-таки имел успех, но больше всего потому, что он крeатура Кусевицкого; так и в критиках его отметили, но все-же для Сергея Александровича совсе не бесполезно, если он будет большое количество таких композиторов выводить в люди, - а потому на будущий год он только пригласит самых отборных.

Рукопись письма не имеет окончания. Послано в Париж. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 16, л. 9. Копия – машинопись, АК-БК.

В Нью-Йорке Кусевицкие были в марте 1928 в связи с очередными концертами Бостонского оркестра в Carnegie Hall. 8 марта прозвучали Concerto Grosso No.5 in D Major Генделя и – в концертном исполнении - опера Стравинского "Царь Эдип", 10 марта – Концертная симфония для оркестра и фортепиано Уильяма Уолтона, "Скифская сюита" Прокофьева и Шестая симфония Чайковского. Сочинения Стравинского и Уильяма Уолтона (Walton) (1902-1983) звучали впервые в Нью-Йорке.

Творчество Равеля высоко ценилось как Кусевицким, так и Прокофьевым. Как очевидно из сказанного выше, живя в Париже, музыканты не раз встречались друг с другом. Напомним, что Равель присутствовал на осуществленных Кусевицким премьерях кантаты Прокофьева "Семеро их" и Сюиты из его балета "Шут", присутствовал также на приеме, данном 18 июня 1924 министром народного образования и изящных искусств Франции по случаю присуждения Кусевицкому ордена Почетного Легиона. Хотя личное знакомство Прокофьева с

Равелем состоялось только в 1920, он был знаком с музыкой композитора еще с октября 1907. На одном из "Вечеров современной музыки" он услышал тогда его вокальный цикл «Естественные истории». В аллегоричности сочиненного им через семь лет "Тадкого утенка", в остроте музыкального выражения прозаического текста справедливо усматривалось воздействие Равеля⁴⁴.

В Париже музыканты не раз встречались – на дягилевских премьерах и на премьерах музыки Прокофьева в "Концертах Кусевицкого". На втором исполнении "Скифской сюиты" (24 ноября 1921) Равель сидел рядом с матерью Прокофьева и воскликнул после исполнения "Vive la Russie". Встречались музыканты и в Сен-Жан де Люз близ Сибура, где летом 1930 проводил лето Прокофьев. Называя Равеля мэтром французской музыки⁴⁵, самым крупным после Дебюсси композитором Франции, Прокофьев принимал однако не все его сочинения и далеко не все в каждом из них конкретно.

Выше речь уже шла об отношении Прокофьева к оркестровке Равелем "Картинок с выставки" и о его впечатлениях от оперы "Дитя и волшебство" (см. комментарии к письму С.С.Прокофьева к Н.К.Кусевицкой от 25 марта 1925). "Испанскую рапсодию" Равеля Прокофьев называл чудом мастерства и оркестровой звучности⁴⁶, восхищался его знаменитой "Паваной на смерть инфанты", о Леворучном фортепианном концерте отзывался, что он "...написан, может быть, и добросовестно,

---

⁴⁴ См.: Израиль Нестьев. В общении с современниками. В кн: Израиль Нестьев. Век нынешний и век минувший. Статьи о музыке. Москва: "Советский композитор", 1986. С. 79.

⁴⁵ См.: "Сергей Прокофьев", "За свободу!" (Варшава), 19 января 1925. Цит. по сб.: Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью. Составление, текстологическая редакция и комментарии В.Варунца. Москва: "Советский композитор", 1991. С. 44.

⁴⁶ Сергей Прокофьев. "Новая французская музыка, "Вечерняя Москва", 27 апреля 1939. Цит. по сб.: Прокофьев о Прокофьеве: Статьи, интервью. Составление, текстологическая редакция и комментарии В. Варунца. Москва: "Советский композитор", 1991. С. 169.

но без искры"⁴⁷. Писал даже Прокофьев, что сочинения Равеля конца 20-х г.г ничего не прибавляют к сказанному им ранее.

В "Концертах С.Кусевицкого" в России сам Кусевицкий к музыке Равеля не обращался. Сочинения его звучали лишь дважды в московских "Симфонических утрах по общедоступным ценам" в 1914 и 1915 под управлением Николая Малько и Александра Орлова. Многократное исполнение Кусевицким в Париже и за рубежом Франции "Картинок с выставки" Мусоргского в оркестровке Равеля побудило его обратиться к сочинениям самого композитора.

В своих парижских концертах дирижером были исполнены "Шехеразада" (10 ноября 1921), "Вальс" (La Valse) (24 ноября 1921, 4 мая 1922, 11 октября 1923, 30 мая 1925), Alborada del Gracioso (11 октября 1923), Вторая сюита из балета "Дафнис и Хлоя" (12 июня 1926, 24 мая 1928) и "Моя матушка-гусыня" (24 мая 1928). В Лондоне Кусевицкий дирижировал "Вальс" (25 мая 1922).

В программы своих первых американских Кусевицкий включил Первую сюиту из балета «Дафнис и Хлоя» (5 и 6 декабря 1924), «Вальс» (в двух парах бостонских концертов: 19 и 20 декабря 1924 и 3 и 4 апреля 1925, Бостон; 3 января 1925, Нью-Йорк). Во втором сезоне были исполнены Вторая сюита из балета «Дафнис и Хлоя» (4 и 5 декабря 1925; 26 и 27 февраля 1926, Бостон и 9 января 1926, Нью-Йорк) и Сюита из балета «Моя матушка Гусыня» (26 и 27 марта 1926, Бостон). Позднее особенно часто повторялись дирижером Вторая сюита из балета "Дафнис и Хлоя" и "Вальс".

Равель высоко ценил Кусевицкого, писал о нем, как об "...артисте, которому так много обязана современная музыка"⁴⁸. Это не исключало, впрочем, критических замечаний композитора относительно трактовок дирижером

---

⁴⁷ Сергей Прокофьев - Николаю Мясковскому, 3 января 1924, Сэвр. М-П. С. 358.

⁴⁸ Maurice Ravel to Serge Koussevitzky, July 2, 1929, Cable. Montfort l'Amaury, - Quot. from: A Ravel Reader. Correspondence; Articles; Interviews. Compiled and Edited by Arbie Orenstein. New York: Columbia University Press, 1990. P. 301.

некоторых его сочинений.

Последними сделались встречи музыкантов во время гастрольного турне Равеля по Америке в 1928. В памяти композитора оно запечатлелось сплошной вереницей симфонических и камерных концертов, встреч с музыкантами, приемов и раутов. 7 января 1928 БСО исполнил сочинения Равеля в Carnegie Hall. "Личный мой самый большой успех – исполнение «Daphnis et Chloé», - писал Кусевичкий. - Фестиваль, который я устроил в честь Равеля в Нью-Йорке, был из ряда самых блестящих. Целое отделение посвятил я его музыке: Alborado del Graziozo, Ma Mère l'Oye, Daphnis et Chloé. И когда Равель вышел на эстраду, вся публика приветствовала его стоя и устроила грандиозную овацию"⁴⁹. О том же писал из Нью-Йорка и сам композитор: "Я должен был появиться на сцене: 3.500 слушателей устроили мне необыкновенную стоячую овацию, увенчавшуюся свистом"⁵⁰.

13 и 14 января в Бостоне Равель дирижировал свои сочинения – “Гробницу Куперена”, Испанскую рапсодию, вокально-симфонический триптих “Шехеразада” (солистка – Лиса Рома), Вальс и оркестрованные им Два танца (Сарабанда и Танец) Дебюсси. (“Le tombeau de Couperin Suite, Rapsodie espagnole, вокально-симфонический триптих Shéhérazade (soloist- Lisa Roma), La Valse and оркестрованные им Два танца (Sarabande et Dance) Дебюсси). "Я нахожу, что он отлично дирижирует свои произведения", - заметил Кусевичкий⁵¹.

Прием бостонской публики Равель назвал "незабываемым"⁵². "Прошу Вас, - писал он фаготисту БСО Боазу Пиллеру (Boaz Piller), - сказать Вашим коллегам, как

---

⁴⁹ Сергей Кусевичкий - Владимиру Цедербауму, 29 января 1928, Бостон. - АК-БК.

⁵⁰ Maurice Ravel to Edouard Ravel, January 13-14, 1928, Boston - Quot. from: A Ravel Reader. Correspondance; Articles; Interviews. Compiled and Edited by Arbie Orenstein. New York: Columbia University Press, 1990. P. 288.

⁵¹ Сергей Кусевичкий - Владимиру Цедербауму, без даты [весна 1928], Бостон. - АК- БК.

⁵² Maurice Ravel to Boaz Piller , January 30, 1928. - АК-БК.

счастлив я был слышать свои произведения в исполнении такого совершенного оркестра, который, верно говоря, является самым лучшим во всем мире, и который глубоко тронул меня своим стремлением точно воплотить дух моих сочинений"⁵³.

В Кембридже в честь Равеля был дан торжественный прием, на котором присутствовали ведущие профессора Гарвардского университета. Фотография, опубликованная в парижской газете "Comoedia", запечатлела его с Кусевицким, Эдвардом Барлингеймом Хиллом и Уолтером Спалдингом (Edward Burlingame Hill, Walter Spalding).

Активный интерес к творчеству Равеля Кусевицкий сохранил и в более поздние годы. Не всегда удавалось ему сделаться в Америке первым исполнителем его сочинений. Узнав, что вскоре после американского турне Равелем написан балет "Болеро" ("Boléro"), Кусевицкий пытался добиться его концертного исполнения. Никто не мог исполнять балет "Болеро" до истечения эксклюзивных прав заказавшей его Иды Рубинштейн. Вопреки обещанию, данному ею Пайчадзе, право первого американского исполнения "Болеро", она передала позднее Артуру Тосканини (14 ноября 1929). В Бостоне под управлением Кусевицкого оно прозвучало впервые 6 декабря того же года.

В сентябре 1929 к 50-летию Бостонского оркестра Кусевицкий заказал Равелю симфоническую поэму или фортепианный концерт, который композитор сам бы и исполнил. Равель остановился на фортепианном концерте, но с сочинением его медлил. С самого начала было договорено, что его мировая премьера должна состояться в Бостоне. Однако Фортепианный концерт соль мажор был завершен Равелем лишь в 1931 и никак не мог уже войти в программы юбилейного сезона оркестра.

Борьба за право американской премьеры разгорелась на этот раз между Бостоном и Филадельфией. И хотя Кусевицкий и Стоковский согласились решить спор миром и провести премьеру в один и тот же день в ноябре 1932.

---

⁵³ Ibid.

После того, как Стоковский неожиданно объявил премьеру на 22 апреля, пианист Бостонского оркестра Джезус Мария Санрома (Jesús María Sanromá) (1902-1984) быстро выучил новый концерт и Кусевицкий также поставил его в программу бостонцев 22-23 апреля. "Сегодня днем доктор Кусевицкий и Бостонский оркестр, мистер Стоковский и Филадельфийский оркестр, мистер Санрома в Бостоне и Сильвэйн Левин в Филадельфии исполняют в "первые разы" (!) в Америке новый Фортепианный концерт Равеля, - писал Паркер. - В Симфонии холле и Академии музыки это второй номер программы. Первый номер программы бостонского дирижера – Концерт для оркестра Мартелли, сравнительно короткий; филадельфийского - Четвертая симфония Сибелиуса, сочинение ощутимо более длинное. Кусевицкий и Санрома (1902-1984) начнут первые такты Концерта Равеля на десять или пятнадцать минут раньше, чем Стоковский и Левин. Они закончат последние такты, когда филадельфийцы будут еще "мешкаться" со средней частью. Таким образом, в Бостоне Концерт Равеля будет услышан в первый раз в Америке..."⁵⁴.

Запись «Болеро» была сделана Кусевицким с Бостонским оркестром 14 апреля 1930⁵⁵ - вскоре после первых записей, осуществленных в Париже Оркестром Ламуре под управлением Пьеро Коппола и самого Равеля и с оркестром Concertgebouw во главе с Виллемом Менгельбером.

Одновременно с Фортепианным концертом соль мажор Равель сочинял еще один – ре мажорный, заказанный ему потерявшим на войне правую руку пианистом Паулем Витгенштейном и получивший известность как Леворучный. Премьера концерта состоялась в 27 ноября 1931 в Вене, а 9-10 ноября 1934 в Бостоне и 17 ноября в Нью-Йорке Витгенштейн и Кусевицкий впервые представили его Америке

Кусевицкий знал о роковой болезни Равеля,

---

⁵⁴ Вырезка с рецензией Н.Т.Parker 'а из газеты "Boston Evening Transcript," April 2, 1932 - АК-БК.

⁵⁵ 78: RCA "Victor" 7251=52, М 352.

страдавшего опухолью мозга. "Третьего дня я видел в концерте Равеля, - писал Пайчадзе в декабре 1936. - Его вид произвел на меня очень тяжелое впечатление. Одряхлевший вид, бессмысленный взгляд и какая-то застывшая, ничего не выражающая улыбка. Очевидно он безнадежно конченный человек"⁵⁶. Сознание не оставляло композитора, но он почти полностью потерял речь, не мог вспомнить начертание букв и "...внезапно оказался заключенным в темницу полного одиночества"⁵⁷.

В октябре 1937 Кусевицкий получил письмо от Эдуарда Равеля - брата композитора. Он писал, что Равель будет счастлив, если дирижер возьмет на себя миссию... первым познакомить американцев с Леворучным концертом. Об исполнении концерта в Бостоне три года назад Витгенштейном композитор не знал (не помнил?). "Морис Равель думает, что из всех великих дирижеров именно Вы - единственный, кто может с Вашим уникальным оркестром и таким исполнителем, как Феврие, придать этому сложному произведению тот масштаб и то толкование, которые ему необходимы..." - читал далее Кусевицкий. О Жаке Феврие (Jacques Février) (1900-1979) в письме говорилось как "...большом друге и ближайшем соратнике" Равеля, который "...с ним работал лично и предпочел его другим большим французским пианистам за его исключительные данные, огромный талант и глубокую музыкальную культуру"⁵⁸.

Об успехе исполнения Леворучного концерта в Париже Кусевицкий уже знал из письма русской виолончелистки Раи Гарбузовой (1909-1997). "В смысле формы и оркестровки, а также в смысле эмоциональном, мощности и мелодичности Равель достиг в этом Концерте своих наибольших высот, - писала она .- <...> Концерт этот играл первоклассно известный французский пианист, мой знакомый Жак Феврие; он личный друг Равеля и успел

---

⁵⁶ Гавриил Пайчадзе - Сергею Кусевицкому, 5 декабря 1936, Париж. - АК-БК.

⁵⁷ Равель в зеркале своих писем. Составители М.Жерар и Р.Шалю. Ленинград: "Музыка", 1988. С. 184.

⁵⁸ Edouard Ravel to Serge Koussevitzky, undate [before October 28, 1937], Levallois-Perret, France. - АК-БК.

воспользоваться детальными указаниями самого Равеля, когда тот еще был здоров. Бедняга присутствовал сегодня в концерте, и когда публика его вызывала, плакал, закрывши лицо руками. Писать он музыки больше не может и говорит, что еще никогда у него не было так много музыки в голове, как теперь. Какая страшная трагедия! Успех этот Концерт имел оглушительный"⁵⁹.

Кусевицкий незамедлительно телеграфировал Эдуарду Равелю: "Если Жак Феврие сумел бы немедленно приехать в Америку, мы смогли бы исполнить Концерт Равеля в Бостоне 12 и 13 ноября и в Нью-Йорке 20 ноября"⁶⁰. Давно уже композитор прекратил всякую переписку. Тем большим удивлением для Кусевицкого сделалась пришедшая на следующий день телеграмма: "Очень рад Вашему решению. Спасибо. Равель"⁶¹.

12 и 13 ноября 1937 Леворучный концерт Равеля вновь прозвучал в Бостоне и был исполнен бостонцами, Феврие и Кусевицким в Нью-Йорке (20 ноября).

Жить Равелю оставалось чуть более месяца. Узнав о кончине композитора, Кусевицкий отправил во Францию телеграмму соболезнования, которая была опубликована в "Фигаро" и других газетах. "Со смертью Равеля уходит наиболее блистательный и многокрасочный период оркестровой музыки. Эта потеря невосполнима. Я слишком глубоко потрясен, чтобы быть в состоянии выразить свои чувства сколько-нибудь объективно потому что я потерял огромного личного друга"⁶².

Памяти композитора дирижер посвятил две программы (18 и 19 января 1938)⁶³, повторенные затем в

---

⁵⁹ Рая Гарбузова - Сергею Кусевицкому, 17 октября 1937, Париж. - АК-БК.

⁶⁰ Serge Koussevitzky to Edouard Ravel, undated cable [October 28, 1937, Boston.] - АК-БК.

⁶¹ Maurice Ravel to Serge Koussevitzky, October 29, 1937, Paris. Cable. - АК-БК.

⁶² Serge Koussevitzky. Notes. December, 1937. Manuscript. - АК-БК.

⁶³ В них прозвучали Фортепианный концерт соль мажор (солист – Джемс Мария Санрома), сюита "Матушка Гусыня", "Ma Mère l'Oye", Вторая сюита из балета "Дафнис и Хлоя" (28 января 1938),

Нью-Йорке (11 и 12 февраля). Пресса отметила, что бостонцы - единственный оркестр, почтивший память композитора.

В дискографии Кузевицкого представлены многие произведения Равеля, к некоторым из которых он обращался по несколько раз. Трижды - в 1929, 1946 и 1948 - записана Вторая сюита из балета "Дафнис и Хлоя", дважды - в 1930 и 1948 - "Болеро", дважды - в 1930 и 1948 - "Моя матушка гусыня", по одному разу "Картинки с выставки" (Tableaux d'une exposition) Мусоргского-Равеля (1930), Сарабанда Дебюсси-Равеля (1930), "Вальс" (1931), "Павана на смерть инфанты" (1947) и Испанская рапсодия (1948).

О Нине Кошиц см. выше в комментариях к письму С.С.Прокофьева к С.А.Кузевицкому от 2 января 1922. В дополнение к сказанному, отметим, что после эмиграции из России певица, помимо участия в концертах, активно записывалась на пластинки, позднее преподавала в Голливуде.

Сделанные ею в разные годы грамзаписи собраны на двух компакт-дисках. На первом, выпущенном в 1993 году - романсы Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, Гречанинова, Варламова, Рахманинова, Аренского, Мартини, Понсе, Равеля и Шопена, арии из опер «Садко» Римского-Корсакова, «Демон» Рубинштейна, «Добрыня Никитич» Гречанинова, «Сорочинская ярмарка» Мусоргского, «Пиковая дама» Чайковского и «Князь Игорь» Бородина⁶⁴. Во второй включены записи певицы на фирме Victor recordings в 1928-29 и 1940 г.г - романсы, песни и арии из опер Бородина, Римского-Корсакова, Равеля, Понсе, Мартини, Шопена, Гречанинова, Рахманинова, Аренского и

“Гробница Куперена”, Испанская расодия, вокально-симфонический триптих ”Шехеразада” (солистка - Ольга Аверино) и ”Болеро” (29 января). [Piano concerto in G (soloist – Джезуз Мариа Санрома), ”Ma Mère l'Oye” Suite, “Daphnis et Chloë” Suite No.2 (January 28, 1938), “Le tombeau de Couperin Suite, Rapsodie espagnole, вокально-симфонический триптих Shéhérazade (soloist-Olga Averino) and “Boléro” (January 29)].

⁶⁴ The Nina Koshetz Edition - 1916-1941. Opal - Pavilion Records, 9855.

Чайковского⁶⁵

Менее известна работа Нины Кошиц в кино. И хотя она не принесла ей славы «русских голливудцев» Акима Тамирова (1899–1972), Григория Ратова (1897–1960) или Аллы Назимовой (наст. имя и фамилия Мириам Эдес Аделаида Левентон, 1879 –1945), не говоря уже о собственной славе как певицы, она сделалась существенной частью второй половины ее творческой деятельности, сблизила ее с выдающимися русскими кинематографистами в диаспоре.

Кошиц сыграла в двух фильмах Александра Александровича Волкова (1885-1942). В одном из них - «Тайны Востока» (“Geheimnisse des Orients”, 1928, Германия – Франция) - роль Фатьмы, жены Султана; среди актеров, снимавшихся в этом фильме были бывший актер Художественного театра Николай Федорович Колин (1878-1973) и Александр Николаевич Вертинский (1889-1957). В другом - «Казанова» (“The Loves of Casanova”, Франция, 1927-29) - в роли графини Воронцовой Нина Кошиц выступала партнершей игравшего Казанову Ивана Ильича Мозжухина (1889-1939). Рубен Мамулян (1897-1987) пригласил певицу как солистку хора в свой фильм «Мы снова живы» (“We Live Again“, США, 1934) по роману Льва Толстого «Воскресенье». Роль Катюши Масловой исполняла в нем русская актриса Анна Стен (1908-1993), которую прочили во «вторую Грету Гарбо». В фильме снималась также бывшая актриса Московского камерного театра Зоя Владимировна Карабанова (1900-1960). В фильме Григория Ратова “Жена, муж и друг“ (“Wife, Husband and Friend”, США, 1939) голос Нины Кошиц также звучит за кадром. С этой же целью приглашалась она американскими режиссерами Эллиотом Нагентом (Elliot Nugent, 1896-1980) - “Enter Madame”, США, 1934) и Эдмундом Гоулдингом (Edmund Goulding, 1891-1959), «Острие бритвы» (“The Razor's Edge“, США, 1946) по Сомерсету Моэму, где она пела романс «Ночь была так темна»).

---

⁶⁵ Nina Koshetz – Complete Victor and Schirmer recordings 1928/29 and 1940. Nimbus Prima Voce CD NI 7935-36.

Роль цыганской певицы Нина Кошиц исполняла в фильме Дугласа Сирка (Douglas Sirk, 1900-1987) «Летний шторм» (“Summer Storm”) по А.Чехову (США, 1944). В двух фильмах – «Алжир» (“Algiers”) Джона Кромвелла (John Cromwell, США, 1938), и “Our Hearts Were Young and Gay” Левиса Аллена (Lewis Allen, 1905-2000, США, 1944), а также в телефильме «История Нины Кошиц» (“The Koshetz Story”, США, 1957) из телевизионного сериала "Telephone Time" – она играла саму себя.

Нина Кошиц снималась также в фильмах «Погоня» (“The Chase“, США, 1946) Артура Риплиа (Arthur Ripley, 1897-1961), «Этот маленький мир» (“It's a *Small World*”, США, 1950) Уильяма Кастла (William Castle, истинная фамилия Schloss, 1914-1977), «Капитан-пират» (“Captain Pirate”, США, 1952) Ральфа Мёрфи (Ralph Murphy, 1895-1967), «Горячая кровь» (“Hot Blod”, США, 1956) Николаса Рэя (Nicholas Ray, 1911-1979).

С.С.Прокофьев – Н.К.Кусевицкой

19 марта 1928, Париж

Дорогая Наталия Константиновна!

Очень обрадовался, получив Ваше письмо, но радость длилась пока я не открыл конверта, - внутреннее же содержание скорей разочаровывающего характера. Боюсь, что этой весной Вы похороните мое американское турне с той же любовью, с которой похоронили прошлой весной, или же оно будет крайне худосочным. Ведь в самом деле, если пришлось обратиться к Vogue-Laberge за то, что он имеет связи с Pro Musica (с которой я и без него имею связи), то значит дело обстоит слабо, ибо Pro Musica способна платить не больше 300-350 долларов за концерт, а если из этой суммы вычесть проценты менеджеру и расходы по переездам и гостиницам, то останется долларов сто пятьдесят на круг, из-за которых не стоит нестись за океан, ибо даже здесь я отказываю ангажементы менее 300 долларов.

“Игрока” я, слава Богу, закончил и очень доволен моей переделкой, которая по существу превратилась в полное пересочинение. Из Мариинского театра мне

телеграфировали, что вопрос с постановкой решен и спешно выполняются формальности. Но с этими формальностями (вероятно, разрешение на перевод гонорара и проката за границу) по-видимому, произошла задержка, так как до сих пор Вебер не телеграфирует о подписании контракта и начинаю бояться, что постановка с весны будет переложена на осень, хотя в прошлом году премьера “Апельсинов” в Большом театре состоялась 20 мая, причём репетиции начались в конце марта. Таким образом я сижу пока в неведении, едем ли мы в Россию на апрель-май или нет.

Венскому агентству я предложил для устройства концертов в будущем сезоне октябрь и апрель. Ноябрь и декабрь буду беречь для России, а январь-февраль – для Америки.

Извините, что пишу Вам только о моих делах, но хотелось поскорее отправить это письмо. Поблагодарите Вашу секретаршу, которая не прислала мне ни одной рецензии, ни про меня, ни про Восьмую Мясковского. Или же Сергей Александрович не играл ни того, ни другого, а больше увлекался Сибелиусом?

Целую Ваши ручки, крепко обнимаю маэстро, Пташка и Святослав шлюет сердечный привет

Любящий Вас,

СПркфв

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 9.

В 1928 Гавриил Пайчадзе сообщал: “Прокофьев закончил «Игрока», и я жду теперь контракта из Мариинского театра, где он должен пойти”⁶⁶. Называя свою работу над партитурой полным пересочинением оперы, Прокофьев писал Мясковскому: “В общем мы можем позжать друг другу руки Вы – с высоты двух симфоний, а я – с высоты «Игрока» (730 страниц партитуры плюс клавиры)”⁶⁷.

К концу 1927 “Игрок” в Ленинграде все еще

---

⁶⁶ Гавриил Пайчадзе – Наталии Кусевицкой, 1 марта 1928, Париж. – АК-БК.

⁶⁷ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 17 марта 1928, Париж. М-П. С. 270.

поставлен не был. “В театре настроение подавленное от музыкально-редакционных шагов Дирекции, - писал Асафьев. – «Игрок» снят. Автора надули»⁶⁸. Год спустя, гостя у Прокофьева в Савоие, Асафьев пишет в Ленинград жене: “Повидай Дранишникова, Шкафера или Рапопорта, но сперва Дранишникова и скажи ему, что мне необходимо **скорее** знать, кто же по их мнению и по мнению дирекции ставит «Игрока»? Мейерхольд в Париже и забрасывает Прокофьева письмами, высказывая опять громадный интерес к «Игроку», но из писем его все-таки **никак** не вычитать, **когда** он собирается ставить”⁶⁹.

Всеволод Эмильевич Мейерхольд действительно провел в Париже несколько осенних месяцев 1928, встречался с Прокофьевым, сказал ему, что «...едет в Россию ставить "Игрока", которого хочет также продолжить в Берлине, где его, Мейерхольда, ангажируют»⁷⁰. Однако композитор не понимает, можно ли полагаться на уверения режиссера, бомбардирует его – и до встречи с ним, и после нее - вопросами. "Когда ставим «Игрока»?"⁷¹. "...что творится с Игроком.... На какой месяц виды на премьеру?"⁷². "Репетиции у них [в Брюссельской опере. – В.Ю.] идут полным ходом. Спрашивают они также, идут ли репетиции в Ленинграде, на что я, вероятно, должен буду отвечать: не

---

⁶⁸ Борис Асафьев – Павлу Ламму, без даты [декабрь 1927], Ленинград. Цит. по: Переписка Б.В.Асафьева с П.А.Ламмом. Публикация О.Ламм. В сб.: “Из прошлого советской музыкальной культуры”. [Вып. 1]. Москва: “Советский композитор”, 1975. С. 135.

⁶⁹ Борис Асафьев –Ирине Асафьевой, 13 сентября 1928, Annetasee, H-te Savoie. Цит. по: Б.В.Асафьев. Из писем к жене, 1928 год. Публикация М.Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Вып. 3. Составление и редакция Т.Ливановой. Москва: ”Советский композитор”, 1982. С. 20.

⁷⁰ ПД-2. С. 647.

⁷¹ Сергей Прокофьев – Всеволоду Мейерхольду, 30 н[ояб]р[я] 1927, Париж. Цит. по: С.С.Прокофьев. Письма к В.Э.Мейерхольду. Публикация К.Кириленко и М.Козловой. В сб.: Музыкальное наследство. Том II, часть вторая. Москва: "Музыка", 1968. С. 217.

⁷² Сергей Прокофьев – Всеволоду Мейерхольду, 26 декабря 1928, , Париж. Там же. С. 217.

знаю, ни один чорт мне об этом не пишет"⁷³. "Обидно, что родные вороны проворонили премьеру", - пишет он незадолго до брюссельской премьеры⁷⁴. Он готов был уже одно время передать постановку режиссеру Сергею Радлову, но после брюссельской премьеры снова пишет Мейерхольду: "«Игрок» все еще ждет настоящей постановки - твоей"⁷⁵.

Гастроли Прокофьева в США состоятся только в 1930. Однако сетования Прокофьева на невнимание к нему Кусевицкого не соответствуют действительности. Еще совсем недавно сам композитор писал ему: "Ты кажется решил доконать Америку моими опусами",⁷⁶ а в дневнике записал : "...меня еще Нью-Йорк покусывает, но Америка быстро мне сдастся. Тем хуже для кусачей"⁷⁷. И рецензии присылались Прокофьеву из Бостона достаточно регулярно. Прочитав в декабре 1926 очередную порцию рецензий, композитор заметил: "Мог ли мечтать о таком счастье бедный «гадкий утенок!»"⁷⁸.

Осенью 1929, за несколько месяцев до очередных американских гастролей Прокофьева, Кусевицкий просит Осипа Габриловича, Фрица Рейнера, Николая Соколова и других американских дирижеров включить в планы будущего сезона Четвертый фортепианный концерт Прокофьева, а Леопольда Стоковского - организовать выступление композитора с Филадельфийским оркестром. "Наша обязанность сделать все, что в наших силах, - пишет он, - потому что Прокофьев - один из самых блистательных

---

⁷³ Сергей Прокофьев – Всеволоду Мейерхольду, 8 января 1929, Париж. Там же.

⁷⁴ Сергей Прокофьев –Всеволоду Мейерхольду, 19 марта [1929], Брюссель. Там же.

⁷⁵ Сергей Прокофьев –Всеволоду Мейерхольду, 2 декабря 1929, Париж. Там же. С. 222.

⁷⁶ Сергей Прокофьев – Сергею Кусевицкому, 18 ноября 1926, Париж. – АК-БК.

⁷⁷ ПД-2. С. 449.

⁷⁸ Сергей Прокофьев – Николаю Слонимскому, 6 декабря 1926, Париж. – АК-БК.

талантов нашей эпохи»⁷⁹. Сам Кусевицкий продолжает активно играть Прокофьева. Одну только «Классическую симфонию» он исполняет в 1927 12 раз и 13 раз – в 1928.

Американскую премьеру Восьмой симфонии Мясковского (30 ноября 1928, Бостон) проведет с БСО не Кусевицкий, а его ассистент Ричард Бургин.

Ироничная реплика Прокофьева об увлечении Кусевицкого Сибелиусом не случайна. Выше говорилось уже о том, что музыкальные симпатии композитора и дирижера далеко не всегда совпадали. Сибелиус – еще один и, быть может, наиболее характерный пример.

Сочинения Сибелиуса не были в центре внимания Кусевицкого ни в России (некоторые из них появлялись изредка лишь в программах Александра Орлова), ни в Париже. С годами отношение его к музыке композитора кардинально изменилось. В Америке он сделался активным пропагандистом творчества Сибелиуса, исполнил в Бостоне едва ли не все его оркестровые произведения, продирижировал в рамках организованного им здесь в сезоне 1932/33 фестиваля Сибелиуса все семь симфоний и симфоническую поэму «Тапиола», в Лондоне на фестивалях Оркестра Би-би-си исполнял Седьмую (1933) и Вторую (1935) симфонии композитора. 20 сентября 1935 в Хельсингфорсе Кусевицкий дирижировал в концертах, посвященных 70-летию Сибелиуса и посетил композитора на его вилле Айнола.

Особенно восторгался Кусевицкий поздними симфониями композитора, Седьмую считал «наиболее совершенным синтезом симфонической формы», подчеркивал, что вопреки своей одночастности, она - вовсе не симфоническая поэма, а на самом деле симфония, «впечатляюще и таинственно выстроенное единство всех структурных идей, на протяжении столетий способствовавших формированию жанра симфонии»⁸⁰.

---

⁷⁹ Serge Koussevitzky to Leopold Stokowski, September 12, 1929, Paris. – АК-БК.

⁸⁰Цит. по ст.: Olin Downes. «Changes-in-Taste. Koussevitzky Discusses Shifts in His Reactions in 15 Years Period,» "New York Times," July 4, 1939.

“Большинство интерпретаций музыки Сибелиуса заставляют нас думать о нем как о человеке непреклонном, едва ли не жестоким, непочтительным в своем безразличии к общепринятым концепциям красоты в музыке, - писал, музыкальный обозреватель лондонской газеты “The Guardian” Невилл Кардус.- Кусевицкий показал нам Сибелиуса, который, при всей независимости своей точки зрения, с неизменной тщательностью заботился о красоте музыкальной звучности и ритма, музыкальной выразительности речи”⁸¹.

В дискографии Кусевицкого запечатлены исполнения Первой, Второй, Пятой и Седьмой симфоний Сибелиуса, симфонических поэм “Туонельский лебедь“ ор. 22 №3, “Финляндия“ ор. 26, “Дочь Похьолы“ ор. 49 и “Тапиола“ ор. 112, а также “Грустный вальс“ ор. 44.

Негативное мнение Прокофьева о музыке Сибелиуса сложилось у него еще в 1907 после прослушивания 3 ноября в Петербурге в “Концерте А.Зилоти“ под управлением автора его Третью симфонию - “...не очень мне понравившуюся“, как напишет он позднее в своей “Автобиографии”⁸². И это вовсе не было следованием советам Николая Андреевича Римского-Корсакова, вопрошавшего его на уроке инструментовки: “Да зачем же вы учитесь у Сибелиуса?”⁸³. Много лет спустя Прокофьев напишет: “Спал на 2-й симфонии Сибелиуса”⁸⁴.

---

⁸¹ Цит. по: Without author. “Considering Koussevitzky In The Round,” “Boston Transcript,” January 3, 1933.

⁸² Сергей Прокофьев. Автобиография. Редакция, подготовка текста, комментарии и указатели М.Козловой. Москва: Советский композитор, 1973. С. 437.

⁸³ Там же. С. 438. Дэвид Найс упоминает Третью симфонию Сибелиуса в связи с неоклассицистскими устремлениями Прокофьева (См.: David Nice. Prokofiev. From Russia to the West. 1891-1935. New Haven and London: Yale University Press, 2003. P. 64). Не исключает Найс и некоторого воздействия Скрипичного концерта Сибелиуса на Первый скрипичный концерт Прокофьева, вполне, впрочем, мимолетного (Ibid. P. 133.).

⁸⁴ Сергей Прокофьев – Николаю Мясковскому, 2 марта 1938, Голливуд. М-П. С. 457.

“Третьестепенный хлам, - сказал он о музыке Сибелиуса, отвечая на вопрос интервьюера. - <...> в Англии и в Америке, где пьют воду с сиропом, а не из-под крана, - его любят. С точки зрения тезники, Сибелиус весьма незрел. Старые леди любят его за сентиментальные нотки, а также за то, что он в изобилии использует красочный северный фольклор. Полагаю, что мы доживем до того дня, когда мода на Сибелиуса пройдет и лет через восемь о нем вообще забудут!”⁸⁵.

Интервью дано было Прокофьевым в 1937. Вместо восьми лет, минуло с той поры семьдесят, но Сибелиуса не забыли...

С.С.Прокофьев – Н.К.Кусевицкой

24 марта 1928, [Париж]

Дорогая Наталия Константиновна,

По случаю X-летия смерти Дебюсси редакция Chantecler’a обратилась к ряду музыкантов с просьбой написать что-нибудь. Я для этого использовал Ваш анекдот, который и прилагаю.

Крепко целую ручки,

СП.

Рукопись. АК-БК. Послано в Бостон. Две копии – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 7 и 9.

Еще один пример расхождения музыкальных симпатий Прокофьева и Кусевицкого – музыка Клода Дебюсси. Прокофьев впервые познакомился с ней, вероятно, в петербургском кружке "Вечера современной музыки", в концертах которого принимал участие с 1908. Отношение его к творчеству французского композитора всегда оставалось двойственным. "Хотя музыку Дебюсси и любят русские музыканты, но я не думаю, что она оказала на них сильное воздействие", - утверждал он в 1918⁸⁶.

---

⁸⁵ Интервью С.С.Прокофьева газете “St. Louis Star-Time” January 29, 1937. Цит. по: Прокофьев о Прокофьеве. Статьи и интервью. Составление, текстологическая редакция и комментарии В.Варунца. Москва: "Советский композитор", 1991. С. 149.

⁸⁶ Serge Prokofiev. “The Last Word of Russian Music”, “Musical Observer” (New York), October 1918. Цит. по кн.: Прокофьев о Прокофьеве. Статьи и интервью. Составление, текстологическая

Прокофьеву, автору партитур, насыщенных стихийным динамизмом, несокрушимостью воли и стальным ритмом, не могла быть особенно близок Дебюсси. "Оригинален, но водянист", - отзывался он о нем⁸⁷. При этом, как справедливо указывал Израиль Владимирович Нестьев, "...молодой Прокофьев, бесспорно, был многим обязан своему современнику Клоду Дебюсси" - в особенности Дебюсси «Эстампов», «Детского уголка» и «Образов», Дебюсси "...открывший дорогу более позднему, постимпрессионистскому и отчасти неоклассическому стилю"⁸⁸.

Услышав в 1919 в Нью-Йорке оперу "Пелеас и Мелисанда", Прокофьев заметил: "«Пелеас» совершенно очаровал меня магической силой своей мечтательности и поэзии. Он опутывает, как сеткой, и уносит куда-то. Хороша ли музыка? Может быть хороша. В ней есть обаяние недосказанности..."⁸⁹. Не уставал восторгаться он колористическим мастерством Дебюсси, любил слушать его "Послеполуденный отдых фавна". Фортепианных сочинений Дебюсси в репертуаре Прокофьева-пианиста не было. Лишь Скрипичную сонату играл он в ансамбле со скрипачом Робером Сетансом (Soëtans) (1897 -?) во время совместных гастролей по Испании в 1935.

Получив предложение почтить память Дебюсси, Прокофьев предпочел панегирику жанр полуанекдотического эссе. В нем рассказывается о забавном эпизоде пребывания Дебюсси в 1913 в Москве, где он остановился в московском особняке Кусевицкого. "У

редакция и комментарии В.Варунца. Москва: "Советский композитор", 1991. С. 29.

⁸⁷ Сергей Прокофьев. Интервью с композитором. "За свободу!" (Варшава), 19 января 1925. Цит. по кн.: Прокофьев о Прокофьеве. Статьи и интервью. Составление, текстологическая редакция и комментарии В.Варунца. Москва: "Советский композитор", 1991. С. 29.

⁸⁸ Израиль Нестьев. В общении с современниками. В кн: Израиль Нестьев. Век нынешний и век минувший. Статьи о музыке. Москва: "Советский композитор", 1986. С. 75.

⁸⁹ ПД-2. С. 19.

Кусевицких в Москве есть два очаровательных бульдога, у которых глаза как у лягушки, - писал композитор дочери⁹⁰, - и маленькая птичка, которая поет почти также хорошо, как мисс Тэйт⁹¹. Большой любитель собак, Дебюсси тотчас же подружился с бульдогами. Неожиданно для самого себя ему удалось подружиться и с птичкой. В эссе Прокофьева читаем:

"В те времена Дебюсси страдал бессонницей и во время долгих ночей без сна он часто выходил из своей комнаты и прогуливался в большой гостиной, - читаем мы в эссе Прокофьева. - Тогда в гостиной стояла клетка с дроздом и Дебюсси, однажды увидев его, решил развлечься. Чтобы убить время, он стал насвистывать сочиненную им мелодию, которой пытался обучить птицу. Это ему удалось, причем так хорошо, что даже после отъезда Дебюсси из Москвы дрозд продолжал насвистывать эту мелодию каждому, кто был согласен ее слушать. Таким образом дрозд оказался в центре внимания московского музыкального мира".

В конце эссе Прокофьев добавляет: "Некоторое время спустя в Москву приехал один высокопоставленный представитель ("haut personnage") из Петербургской консерватории, который также остановился в доме у Кусевицкого. За вечерним чаем гость никак не отреагировал ни на рассказ хозяев об успехах Клода Дебюсси, ни на пение самой птицы. Однако следующей ночью в салоне были услышаны шум его шагов и его отчаянные попытки научить дрозда свистеть другую, им сочиненную мелодию. Увы, попытки оказались тщетными..."⁹².

---

⁹⁰ Claude Debussy - á Chouchou [имя дочери композитора. - В.Ю.], 11 décembre 1913, Saint-Petersbourg. In: [Claude Debussy]. Lettres de Claude Debussy A Sa Femme Emma Présentées par Pasteur Vallery-Radot de l'Academie Francaise. Paris: Flammarion, 1957. P. 119.

⁹¹ Мэгги Тэйт – английская певица, сопрано, выбранная Дебюсси как исполнительница партии Мелисанды в его опере "Пеллеас и Мелисанда" (после первой исполнительницы этой партии Мэри Гарден), не раз выступавшая вместе с автором и прославившаяся как «аутэнгичный» интерпретатор его музыки и произведений других французских композиторов.

⁹² Serge Prokofiev. "Debussy á Moscou", "Chantecler", Paris, 24 Mars

В вырезке из журнала "Chantecler", которая хранится в московском архиве Прокофьева, рядом со словами "haut personnage" собственной его рукой вписано: "Глазунов"⁹³. Иронический тон этого эссе становится понятным, если вспомнить, что во время исполнения выпускником Петербургской консерватории Сергеем Прокофьевым своего Первого фортепианного концерта директор ее Глазунов демонстративно покинул концертный зал...

Отношение Кусевицкого к творчеству Дебюсси было совершенно иным. Дирижеру, с его обостренным ощущением оркестрового колорита, композитор был несомненно близок. Если произведения Равеля появились в программах Кусевицкого только в Париже, то сочинения Дебюсси вошли в них еще в России. Они прельстили дирижера вольностью "дыхания" музыки, высвобожденностью ритмической стихии из уз метра, калейдоскопичностью тончайших настроений и флюидных красок. Артур Лурье писал что "...мир этой хрупкой и утонченно-изысканной музыкальной живописи, погруженной в атмосферу легкого опьянения, и дурманности, естественно отвечал нервным и вкусовым ощущениям Кусевицкого. Это был контакт редко достижимый между автором и исполнителем"⁹⁴.

В репертуаре Кусевицкого были в России симфоническая прелюдия "Послеполуденный отдых фавна" ("L'après midi d'un faune"), "Море", лирическая поэма "Дева-Избранница" ("La Damselle Elu"), Маленькая сюита, Rondes de Printemps (Images pour orchestre, No.3), дирижировал он также Речитатив и арию Лии из оратории "Блудный сын" ("L'enfant prodigue") с Антониной Неждановой-солисткой. "Иберия", Маленькая сюита, Марш-экосез (Marce Ecosaise) и Речитатив и ария Лии из

1928.

⁹³ Сергей Прокофьев. Дебюсси в Москве. Цит. по кн.: Прокофьев о Прокофьеве. Статьи и интервью. Составление, текстологическая редакция и комментарии В.Варунца. Москва: "Советский композитор", 1991. С. 77.

⁹⁴ Артур Лурье. Сергей Кусевицкий и его эпоха. Рукопись. С. 143. - АК-ЛС.

"Блудного сына" звучали в программах Николая Малько, "Море" – в программах Александра Орлова.

Встречи Кусевицкого с Дебюсси в 1913 в Москве и Петербурге оказались, к сожалению, последними. Ко времени появления дирижера в 1920 в Париже композитора не было уже в живых. В парижских "Концертах Кусевицкого" дважды прозвучали под его управлением "Ноктюрны" - два "Ноктюрна" ("Облака" и "Празднества" ["Nuages", "Fêtes"]), - 10 ноября 1921 и все три, включая "Сирены" ["Sirenes"] – 29 мая 1924), дважды - "Море" (25 октября 1923 и 6 июня 1925), а также премьера двух миниатюр Дебюсси, оркестрованных Равелем - "Сарабанды" и "Танца" (10 мая 1923). Два "Ноктюрна" (2 февраля 1921) и "Послеполуденный отдых фавна" (10 и 16 декабря 1923) исполнялись дирижером в Лондоне.

В Америке в 1929 Кусевицкий активно включится в международную кампанию по сбору средств для возведения в Париже памятника Дебюсси. Со специальным воззванием обратится он к посетителям Symphony Hall, в фойе которого будет установлен ящик для пожертвований. Всего в США будет собрано около 35.000 долларов. Но главной контрибуцией Кусевицкого сделаются, конечно, его интерпретации произведений композитора, ставших постоянным компонентом программ Бостонского оркестра.

В записи Кусевицким Прелюдии "Послеполуденный отдых фавна" (1944) запечатлена одна из лучших его интерпретаций⁹⁵. В ней ощущаешь, кажется, каждую тончайшую нить, из которых соткана музыкальная картина Дебюсси. Широта спектра воссозданных Кусевицким тембров и красок - от дымчатой флейты и чувственного гобоя до страстного унисона струнных, редкая рельефность динамики способствуют тому, что музыка живет, дышит, распускается, подобно диковинному в своей красоте цветку.

Среди наиболее ценных сокровищ, которые хранил Кусевицкий долгие годы в своей библиотеке, были

---

⁹⁵ CD: The Boston Symphony Orchestra. Serge Koussevitzky Conducting. The Session of November 22, 1944. Tchaikovsky Symphony No.5, Berlioz, Debussy, Corelli. BSO Classics 441122.

партитуры Дебюсси с собственноручными пометками композитора.

Л.И.Прокофьева – Н.К.Кусевицкой

20 июля 1928, *Vetraz*

Дорогая Наталия Константиновна,

Вы, вероятно, уже собираетесь уезжать из Vittel, а от нас все еще не было вестей. Мы только сейчас немного устроились тут на даче, куда приехали 12-го. Из Парижа так долго не выезжали из-за укладки, кот[орую] мне пришлось делать самой следовательно очень медленно. Вдобавок не было прислуги. На последние два дня я с отчаяния вызвала Ксюшу. Она Вам расскажет, что у нас делалось. Кроме того наш сундук, оставленный у Вас, прибыл с целым семейством чемоданов и пакетов – это дополнит мое объяснение.

Сереза приехал сюда на автомобиле со своим новым секретарем, а я с молодой англичанкой днем позже выехали поездом в тот день, когда началась тропическая жара. Святослав прекрасно перенес переезд и восторгался, что наконец он едет на туф-туф.

Здесь тоже в начале пришлось очень трудно, т[ак] к[ак] прислуги перед отъездом не нашли, а тут нам не достали *femme de ménage* (домоправительницу – *фр.*), как обещали, да еще без газа! Только сейчас явилась деревенская баба, но на днях обещают настоящую *bonne* (няню – *фр.*). Все вместе взяв и сверх этого мое переутомление объяснят Вам мое молчание.

В доме оказалось больше удобств, чем думалось, но явились и непредвиденные недостатки. Но самое главное, конечно, что воздух чудный, вид красивый, сад очень большой и Сереза уже усердно стал работать.

К сожалению, в Швейцарию пропуск не дают, хотя мы в 8 километрах от Женевы. Придется добывать визы.

Как прошло Ваше пребывание в Vittel? Удалось ли Вам сверх курса отдохнуть или Вы (одно слово неразборчиво) для этой цели приезд в Comblo?

Крепко Вас и Сергея Александровича целую.

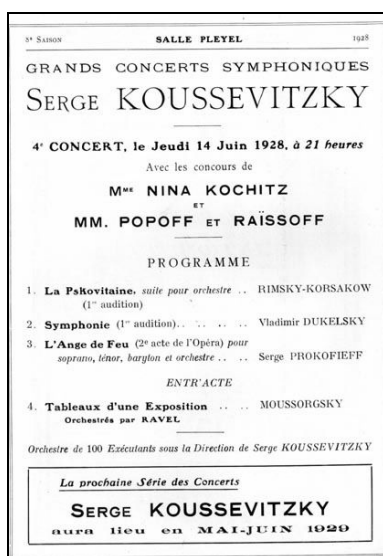
Любящая Вас

Пташка Прокофьева

Муж Пташки целует Ваши ручки и справляется у мастера, когда надо готовиться к ледяному походу.

Рукопись. Последняя фраза приписана рукой Прокофьева. Послано в Виттель. АК-БК.

Дача (шато) в Ветраз в Савоие, на которую Прокофьевы переехали 12-13 июля 1928, располагалась вблизи местечка Виттель (Vittel), где отдыхали Кусевицкие. “Мне нравится наш *château*. Пташку раздражают хозяева, «коровница», - записал Прокофьев⁹⁶.”

Афиша премьеры 2-го акта оперы “Огненный ангел”
С.Прокофьева («Концерты Кусевицкого», 14 июня 1928, Париж)

Кусевицкий завершил недавно свой последний парижский сезон. В его заключительной программе (14 июня 1928, зал Pleyel) нашли отражение главные идеи всех восьми лет “Концертов Кусевицкого” во французской столице. Наряду с впервые исполнявшейся в Париже Сюитой из оперы Римского-Корсакова “Псковитянка” и “Картинками с выставки” Мусоргского в оркестровке

⁹⁶ ПД-2. С. 636.

Равеля, она включала в себя мировые мировые премьеры второго акта оперы Прокофьева "Огненный ангел" и Первой симфонии Дукельского.

Опера "Огненный ангел", сочиненная в 1922-1923 и оркестрованная им в 1927-ом, вобрала в себя многолетние искания Прокофьева в области оперной драматургии. Ратуя в ней за очищение человеческого сознания от бесовщины, утверждая, что не существует ни духов, ни ведьм, ни колдовства, Прокофьев напрямую следовал идеям "Христианской науки", в которые крепко уверовал в те годы.

Двадцать семь лет прожил Кусевицкий в Бостоне, где зародилось и получило широкое развитие религиозное движение "Христианская наука". Четверть века едва ли не ежедневно работал с БСО в Symphony Hall, через дорогу от которого расположена главная церковь "Христианской науки". Нет никаких свидетельств его причастности к деятельности этого движения. Символическое толкование «Христианской наукой» священного писания могло бы, возможно, привлечь его. Близкими могли бы стать ему, всего себя отдавшему служению музыке, такие ее постулаты, как: "Я – проявление жизни, то есть духовной силы", "Индивидуальность дана мне для создания Красоты". Однако никак не мог бы он согласиться с отвержением «Христианской наукой» материального мира – в отличие от признания его православием. Как и с утверждением иллюзорности времени и пространства.

"Огненный ангел" оказался близким Кусевицкому по разным причинам. "Я никогда не был отзывчив к Церкви, а также богословские институты каких бы то ни было религий были для меня чужды, - недвусмысленно выражал он свое религиозное кредо. - Я человек глубоко верующий (это показалось бы очень странным многим людям, окружающим меня, которые думают, что я атеист), но церковь никогда не была мне близка"⁹⁷.

Как музыканта, "Огненный ангел" прельщал Кусевицкого своей экспрессией, трагическим накалом

---

⁹⁷ Сергей Кусевицкий – ректору Богословского института, без даты [22 ноября 1927], Париж. – АК-БК.

эмоций. Как дирижера - активной ролью, которая отведена в партитуре оркестру. Еще в апреле 1925 Наталия Кусевицкая высказала идею концертного исполнения фрагментов оперы. Композитор поначалу возражал. Он надеялся еще тогда на сценическое воплощение "Ангела". Однако после крушения оперного предприятия Жака Эберто, после того, как в осенью 1927, отчаявшись дождаться так и не изданной РМИ партитуры, отказался от намерения поставить "Ангела" в Берлине Бруно Вальтер, отношение Прокофьева к идее показа фрагментарного показа оперы меняется. Но теперь колеблется Кусевицкий. "Что касается произведений Прокофьева, - писал он, - я не буду исполнять оперные отрывки. Пускай сочиняет для концертного исполнения; при всей с моей любви к Сергею не хочу это делать. Моя цель играть новые вещи, чтобы их и в других учреждениях исполняли, но сыграть раз, чтобы нигде не играли, не стоит"⁹⁸. К тому же после недавнего успеха проведенной Кусевицким в Бостоне и Нью-Йорке американской премьеры оперы Стравинского "Царь Эдип" (24 февраля⁹⁹ и 8 марта 1928) он мечтал включить ее в программы предстоящего парижского сезона, справедливо полагая, что "...это произведение даже выигрывает в концертном исполнении"¹⁰⁰

Поскольку исполнение это не состоялось (выяснилось, что в те же дни "Эдипа" будет дирижировать в Париже сам автор), решено было представить парижанам второй акт оперы Прокофьева "Огненный ангел", исключив из него только сцену с Глоком и сцене спиритического сеанса. Репетиции как-то сразу заладились. Кусевицкий ощутил, что партитура написана, как говорил сам композитор, "большими линиями"¹⁰¹. Певцы отлично

---

⁹⁸ Сергей Кусевицкий - Владимиру Цедербауму, 10 апреля 1928, Бостон. - АК-БК.

⁹⁹ Любопытная деталь - в составе участвовавшего в американской премьеры Эдипа хора пел учившийся тогда в Гарвардском университете Эллиот Картер.

¹⁰⁰ Сергей Кусевицкий - Владимиру Цедербауму, 10 апреля 1928, Бостон. - АК-БК.

¹⁰¹ ПД-2. С. 633.

разучили свои партии, в партии Ренаты выступала Нина Кошиц - еще осенью 1920 композитор играл ей первый акт "Огненного ангела", музыка которого глубоко впечатлила певицу.

К новой опере, как и к другим прокофьевским премьерам, оказалось привлечено внимание культурного Парижа. На генеральной репетиции присутствовали, среди других, Альбер Руссель и Франсуа Пуленк, на премьере - Наталья Гончарова и Михаил Ларионов, Николай Обухов, Владимир Дукельский, Александр Боровский, из дирижеров – Леопольд Стоковский и Томас Бичем. По словам Кусевицкого, опера, даже и в отрывках, "...воспламенила аудиторию"¹⁰². Прокофьев записывает: "«Огненный ангел» проходит хорошо. Успех большой <...> У ложи страшная толкотня. Все поздравляют чрезвычайно горячо"¹⁰³. Впрочем, присутствовавшие также на премьере Сергей Дягилев и Петр Сувчинский музыку не приняли.

Из нескольких рецензий, опубликованных парижскими газетами, наиболее обстоятельная принадлежала Борису Шлецеру. Он чутко подметил внутреннее борение Прокофьева между драматическими эффектами сцены и собственно музыкальными ценностями. Словно предвидя, что на музыкальном материале "Огненного ангела" композитор создаст вскоре Третью симфонию¹⁰⁴, критик писал: "...моментами кажется, что звук вот-вот вырвется из-под гнета театрального динамизма и заговорит самостоятельно; намечаются даже в оркестре зачатки симфонического развития: голосовые партии приобретают свободный лирический характер"¹⁰⁵.

Исполнение Кусевицким фрагментов "Огненного ангела" так и осталось единственным, которое суждено было услышать Прокофьеву. Польза его для композитора была однако несомненна: после премьеры им были внесены в

---

¹⁰² Serge Koussevitzky to Olin Downes, June 23, 1928, Paris. - АК-БК.

¹⁰³ ПД-2. С. 634.

¹⁰⁴ Свою Третью симфонию Прокофьев завершит 3 ноября 1928.

¹⁰⁵ Борис Шлецер. "Последние новости", 22 июня 1928. В собрании парижских газетных вырезок – статья без названия. – АК-БК.

партитуру существенные изменения. Не довелось Прокофьеву также увидеть опубликованной партитуру "Огненного ангела". На издание ее Кусевицкий и Пайчадзе не решились – не было достаточных средств, не было уверенности, что затраты эти окупятся.

В 1927 в "А.Гутхейле" вышел из печати авторский клавир "Ангела". Подобно Стравинскому, Прокофьев был убежден, что фортепианные переложения симфоний, опер и балетов должен делать сам автор, "...работая над ними любовно и в то же время имея полную свободу манипуляций". "Мои клавиры скрипичного концерта и «Шута» довольно дрянные, - отмечал он, - но в «Апельсинах» и особенно в «Огненном ангеле» наклеиваются некоторые достижения"¹⁰⁶.

О Первой симфонии Владимира Дукельского Кусевицкий узнал еще в феврале 1928 из письма Гавриила Пайчадзе. "Дукельский на нашем парижском горизонте совсем не появляется, - писал он Наталии Кусевицкой. - Слышал от Прокофьева, что тот написал симфонию, которую проигрывал Прокофьеву. Музыкальное содержание Прокофьев очень одобряет, но оркестрована, по его мнению, слабо. Наверное Дукельский будет просить Сергея Александровича сыграть ее в Париже"¹⁰⁷.

Считая Симфонию большим успехом Дукельского, Прокофьев оркестровал ее первую часть¹⁰⁸. После парижской мировой премьеры, Кусевицкий исполнит симфонию также в Бостоне (15-16 марта 1929).

С 1926 секретарем Прокофьева работал пианист и композитор Георгий Николаевич Горчаков (Поп-Горчаков) (1903-1997), сменивший Лабунского, а впоследствии многие годы проживший в Тунисе. Известны письма Прокофьева к Горчакову¹⁰⁹, интервью с ним о композиторе¹¹⁰. Существует

---

¹⁰⁶ Сергей Прокофьев - Николаю Мясковскому, 15 июля 1924, Villa Béthaine St.Gilles-sur-Vie, Vendree – Там же. С. 170.

¹⁰⁷ Гавриил Пайчадзе – Наталии Кусевицкой, 28 февраля 1928, Париж. – АК-БК.

¹⁰⁸ ПД-2. С. 633.

¹⁰⁹ Опубликовано: Советская музыка. 1971. № 4.

¹¹⁰ См.: Шумилин А. Ностальгия // Комсомольская правда. 25

также неизданная книга Горчакова о Прокофьеве. Горчакова, в свою очередь, заменил летом 1928 литератор, внук композитора Цезаря Пуни Михаил Федорович Астров, который оставался секретарем Прокофьева вплоть до 1934 и написал позднее краткие воспоминания о композиторе (1953). ”У Прокофьева была своеобразная манера писать оркестровые партитуры, - читаем мы в них. – Моя задача заключалась в «переводе» его конспектов, которые непосвященный едва ли смог бы разобрать”**Fehler! Keine Indexeinträge gefunden.**

С середины 30-х г.г. Астров работал в РМИ – как и работавший там до него Горчаков. Во время второй мировой войны он героически сражался в рядах французской армии, после войны – с собственным недугом (манией преследования), преодолев который, переехал в 1955 в Америку. Пайчадзе характеризовал его как “лучшего копииста в Париже, а в Нью-Йорке таковые ценятся на вес золота”¹¹¹.

В июле – начале августа 1928 Прокофьев оркестровал Увертюру ор. 42 и корректировал оркестровые голоса Второй симфонии, которые будут в том же году изданы РМИ вместе с партитурой симфонии¹¹².

В сентябре 1928 в командировку в Париж приезжали из Москвы Борис Асафьев и Павел Ламм, которым Прокофьевы пытались добыть швейцарские визы.

В конце августа - начале сентября 1927 у Прокофьевых в St.Palais-sur-Mer близ Royan гостил Гавриил Пайчадзе. Участвуя в молодые годы в состязаниях по гребле, он и полтора десятилетия спустя сохранил свою

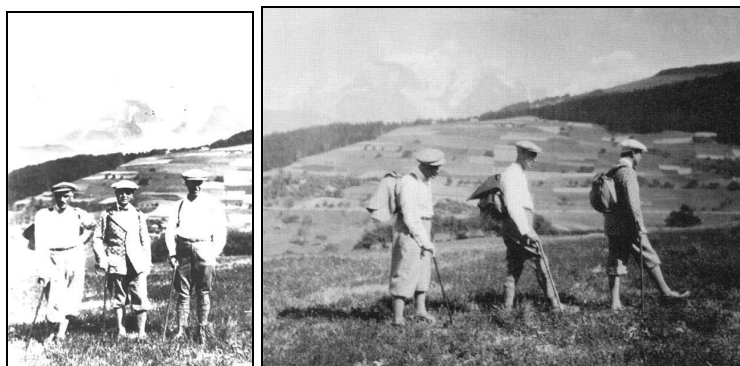

апреля 1989.

¹¹¹ Гавриил Пайчадзе – Владимиру Дукельскому, 25 июня 1955, Париж. Коллекция В. Дукельского, Отдел исполнительских искусств, БК.

¹¹² 1928 как время издания партитуры и голосов Второй симфонии подтверждается перепиской С.Кусевицкого с Г.Пайчадзе. Указания на издание партитуры и голосов в 1924 (См.: Kenneth Thompson. A Dictionary of Twentieth-Century Composers. 1911-1971. London: Faber and Faber, 1973. P. 378) и в 1925 (См.: МДВ. С. 569) ошибочны.

спортивную форму. Пайчадзе рассказал Прокофьеву, что вместе с Кусевицким шагал в это лето по горам близ Combloux и что поход их не обошелся без приключений: заблудившись, они едва не завязли в болоте.

Сергей Прокофьев, Сергей Кусевицкий и Гавриил Пайчадзе в горном походе, август 1928

Это однако не останавливает Прокофьева. Вместе с Кусевицким и Пайчадзе совершает он в августе 1928 пятидневный поход. Поход удался на славу: они поднимаются в горы (Шамоникс), ночуют в маленьких деревнях, а однажды просто на стог сена, наслаждаются красотами природы и бесподобной свежестью воздуха. По словам Кусевицкого, от намеченного заранее маршрута отклонялись лишь "...в виду недостатка питательных пунктов и удобных ночлегов"¹¹³. Маэстро лукавил. Из дневника Прокофьева мы узнаем иное. "10 августа. В шесть часов выходим. Кусевицкий болен. Идем медленно. <...> Решаем изменить маршрут. Кусевицкий возвращается <...> Мы с Пайчадзе доходим до верха. <...> Кусевицкий еле дошел до шале. Я тоже кислый. Отдыхаем. В четыре часа всем лучше. Спуск в St. Nicolas"¹¹⁴.

Особое удовольствие доставляло Кусевицкому и Прокофьеву сохранять свое инкогнито, хотя удавалось им

---

¹¹³ Сергей Кусевицкий - Наталие Кусевицкой, 11 августа 1928, без указания места. - АК-БК.

¹¹⁴ ПД-2. С. 637.

это не всегда. В одной из живописных деревень два именитых путешественника были неожиданно распознаны отдыхавшей здесь компанией молодых польских музыкантов, которые устроила им при расставании шумные проводы.

Поход укрепил дружеские отношения Прокофьева и с Пайчадзе. В октябре 1930 на даче под Парижем будут они ходить вместе по грибы, устраивать любительские киносьемки, в которых Пайчадзе станет изображать индуса в чалме, общий их друг Борис Самойленко – злоумышленника, Прокофьев – сыщика.

Л.И.Прокофьева – Н.К.Кусевицкой

17 августа 1928, Vetrax

Дорогая Наталия Константиновна,

Доехали благополучно. Долго пришлось спускаться до Sallaue, т[ак] к[ак] что-то случилось с тормозами. Внизу нам это сразу поправили, но затем мы попали в грозу и ливень, что заставило нас замедлить шаг. Дома же из-за грозы не горело электричество.

Теперь уже все вошло в колею. С[ергей] С[ергеевич] с утра работает. [Одно слово неразборчиво] с baby бегают по саду. Мне снова стало лучше и я даже взялась за пение, за хозяйство и проч[ее].

С большим удовольствием вспоминаем дни, проведенные у Вас. Вы так были милы ко мне и набаловали моих детей.

Очень интересуюсь, что у Вас нового Должно быть есть рояль, и Сергей Александрович сел за работу. Приехал ли К.? Что вышло с Ниной? Как удались снимки – пришлете? Были ли письма для нас, а то их продолжали препровождать уже когда не следовало.

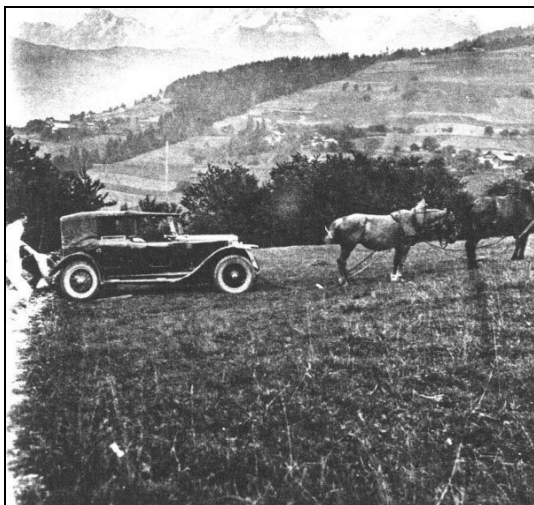
Крепко Вас и Сергея Александровича целую и сердечно благодарю за все, мне было так хорошо у Вас.

Любящая Вас Лина Прокофьева.

По вечерам играем в Rammu.

Подмастерье благодарит мастера за замечательную прогулку.

Рукопись. Последняя фраза приписана рукой Прокофьева. Послано в Виттель (Vittel). АК-БК.

Одна лошадиная сила

В тот год Прокофьев приобрел собственный автомобиль – старый, то и дело ломавшийся Ballot. Как напишет осенью того же года посетивший Прокофьева вместе с Асафьевым Павел Ламм, поездка по горам Швейцарии "...с автомобилем нашим пошли всякие приключения: лопались шины, перегорали скорости и т.д. Волею судеб мне пришлось познакомиться с устройством автомобиля и с техникой его починки, что мы и выполняли блестяще с Серг[еем] Серг[еевичем]"¹¹⁵.

Л.И.Прокофьева – Н.К.Кусевицкой

14 сентября 1928, Vétraz

Дорогая, милая Наталия Константиновна,

Нам обоим так обидно, что в этот год не придется присутствовать на Вашем торжестве. Как раз в саду зацвели гладиолусы, и это меня заставляет еще больше вспоминать Вас и Ваш юбилейный день.

---

¹¹⁵ Павел Ламм – семье, 4 октября 1928, Париж. См.: Ольга Ламм. Воспоминания (фрагмент: 1948-1951). Публикация М.Рахмановой. В сб.: Сергей Прокофьев. К 50-летию со дня смерти. Воспоминания. Письма. Статьи. Москва: Труды ГЦММК, 2004. С. 233.

Также часто вспоминаем Вас и Сергея Александровича в беседах с Б.В.Асафьевым, который гостит у нас уже неделю. Ламм до сих пор еще не был у нас паспорт для продления. По этой же причине он не сумеет попасть в Париж до Вашего отъезда.

Погода у нас пока держится и должно быть останется до конца месяца, хотя теперь у нас высох источник и мы сидим без воды, как Вы в начале.

Делали мы экскурсию в Genève на пароходе из Evian и на Lac d'Annecy (озеро д'Аннес [Таллуар] - *фр.*). Проезжали мимо деревни, где жил Стравинский. Чудное место выбрал.

Воображаю, как Вы заняты перед отъездом. Надеюсь. Что Вы оба здоровы.

Еще раз Вас и Сергея Александровича поздравляю, обнимаю и желаю счастливого пути. Возвращайтесь скорей – I'll have something to show you. (Мне есть что показать Вам – *англ.*) До будущего года!

Любящая Вас Пташка Прокофьева.

При сем снимки позора нашей машины. Как насчет тех, которые Вы снимали в наш последний приезд? Не пришлете-ли?

Рукопись. Послано в Париж. АК-БК.

Еще в дореволюционной России, даже и при наличии малого количества специальных музыкальных журналов, концертная и театральная жизнь регулярно отслеживалась в ежедневной периодической. Сохраняя высокий профессионализм, лучшие из музыкальных критиков отлично сознавали, что адресуются к широкой читательской аудитории. Просветительские цели Кусевицкого-дирижера и издателя, находили, таким образом, поддержку критики как бы а priori.

Строгость требований, которые предъявляла русская критика к исполнительскому искусству, исходила из двух предпосылок. Прежде всего оно всегда квалифицировалось ею как подлинное творчество. Не в меньшей мере диктовалась эта строгость высочайшим мастерством корифеев русской оперы, балета и концертной эстрады.

Русский период творчества Кусевицкого пришелся

на время стремительной смены поколений в русской музыке. Римский-Корсаков скончался за год до дебюта дирижера в России, годом спустя этого дебюта ушел из жизни Балакирев. Активно творили Танеев и Глазунов, начинал свой творческий путь Рахманинов. В центре общественного внимания оказывались поочередно фигуры Скрябина, Стравинского и Прокофьева. Блестящими критиками нового поколения зарекомендовали себя Вячеслав Каратыгин, Николай Мясковский и Борис Асафьев.

Первые печатные выступления Асафьева совпали с последним периодом "Концертов С.Кусевицкого" в Москве и Петрограде. Непосредственных откликов на выступления дирижера у Асафьева немного. Тем не менее Кусевицкий и его "Концерты" во многом помогли критику распознать секреты исполнительского искусства, сформулировать свой идеал музыканта-исполнителя.

Определив уже в ранних статьях сущность музыки как неразрывное единство композиторского творчества, исполнительского прочтения и слушательского восприятия, Асафьев сделает позднее это триединство основой своей интонационной теории. Наиболее четкое выражение теория Асафьева получит в книге "Музыкальная форма как процесс" (1930).

Прокофьев высоко ценил Бориса Асафьева, с которым был знаком с консерваторских лет в Петербурге. "...самый влиятельный из музыкальных писателей в СССР и, если так можно выразиться, носитель мнения и вкуса лучших из теперешних российских (не эмигрантских) музыкантов",- характеризовал Прокофьев Асафьева в 1928¹¹⁶.

Переписка Прокофьева с Асафьевым охватывает период с 1909 по 1945. В годы эмиграции письма Асафьева были для Прокофьева одним из основных источников информации о новинках музыкальной жизни на родине.

---

¹¹⁶ Сергей Прокофьев – Сергею Дягилеву, 21 сентября 1928, Le château Vétreaz. В кн.: Дягилев и русское искусство. Составители И.Зильберштейн. и В.Самков. Москва: "Изобразительное искусство", 1982. Т. 2. С. С. 142-143.

Письма Прокофьева к Асафьеву (из 99 писем опубликовано 60¹¹⁷) – живой хроникой собственного творчества и новостей музыкальной Европы.

В 1927, вскоре после возвращения Прокофьева из первого турне по СССР, во время которого он неоднократно общался с Борисом Асафьевым, он пригласил критика посетить его в Париже.

После печальных событий 1948, которым предшествовала встреча Асафьева с Ждановым (критик «консультировал» его в канун позорного Постановления ЦК ВКП (б) об опере В.Мурадели "Великая дружба"), в пору, когда критик мучительно переживал трагедию своего предательства, Прокофьев посетил тяжело заболевшего друга и нашел в себе силы простить его слабоволие. Менее чем через год Асафьев умер, покаявшись перед смертью духовнику.

С Павлом Ламмом, как и с Асафьевым, Прокофьева связывали многолетняя дружба. Четверть века длилась переписка между ними. Немец по происхождению, человек непростой судьбы, Ламм был выслан в 1914 из Москвы, после революции возглавлял Музсектор Госиздата, отсидел по ложному обвинению в тюрьме, профессорствовал в Московской консерватории, на протяжении долгих лет регулярно устраивал в своей квартире музыкальные “среды” с широко известными восьмиручиями – исполнением сделанными им фортепианных (в восемь рук) переложений множества симфонических произведений русских композиторов.

Командировка в Париж была получена Ламмом в 1928 вскоре после постановки в Ленинградском Малом оперном театре восстановленной им совместно с Асафьевым оригинальной версии оперы Мусоргского “Борис Годунов” и в связи с подготовкой им полного собрания сочинений Мусоргского. В Швейцарии Ламм встречался со своим братом Владимиром, который эмигрировал из России вс

---

¹¹⁷ См.: Письма С.С.Прокофьева - Б.В. Асафьеву. 1920-1944. Публикация М.Козловой. В сб.: Из прошлого советской музыкальной культуры. Вып. 2. Москва: "Советский композитор", 1976.

1918.

Ламм сотрудничал с Прокофьевым после его возвращения на родину, составляя партитуры по испещренным авторской разметкой клавирам - те самые функции, которые прежде были обязанностью его секретарей Горчакова и Астрова. То были партитуры балетов "Ромео и Джульетта" и "Золушка", опер "Семен Котко" и "Обручение в монастыре", Второго скрипичного концерта, "Пети и Волка", музыки к "Гамлету", "Оды на окончание войны" и многих других сочинений Прокофьева. Многочисленные указания композитора в его письмах к Ламму - как сам он называл их "меморандумы" - могли бы стать блистательным учебником музыкального правописания докомпьютерной эры. О том, насколько строги были его требования к оформлению своих партитур, свидетельствуют следующие строки:

"Сел за просмотр партитуры «Джульетты» - и огорчился. Хотя «сомнительных» нот меньше, но все же много, а это означает, что я должен внимательно просматривать все ноты - работа огромная, на которую я не рассчитывал: вместо того, чтобы делать общий обзор страниц с тем, чтобы улучшить и отделать оркестровку, я должен, как нянька, подтирать грязного младенца. <...> Но самое ужасное, это масса оттенков, акцентов, лиг, точек, которые Вы пропускаете. <...> Надеюсь, что в свое время к Мусоргскому Вы отнеслись не с такою грациозной небрежностью.."¹¹⁸

Сезон Бостонского оркестра 1928-29 открывался 5 октября. Хотя парижские Концерты Кусевицкого завершились в 1928, он и в последующие годы - до 1939 включительно - будет регулярно приезжать летом в Европу.

В написанной по-английски фразе Лина Прокофьева имеет, вероятно, в виду свою беременность - второй сын Прокофьевых Олег родился 14 декабря 1928

---

¹¹⁸ Сергей Прокофьев - Павлу Ламму, 20 ноября 1935, Барселона. См.: Письма С.С.Прокофьева к П.А.Ламму (1928-1951). Публикация И.Медведевой. В сб: Сергей Прокофьев. К 50-летию со дня смерти. Воспоминания. Письма. Статьи. Москва: Труды ГЦММК, 2004. С. 279.

Имеется в виду снимки автомобиля Прокофьевых, который вывозит на себе лошадь, неоднократно публиковались.

С.С.Прокофьев, П.А.Ламм, Б.В.Асафьев,

Л.И.Прокофьева –С.А.Кусевицкому

29 сен[тября] 1928, Лугано

Объезжаем Швейцарию и шлем лучшие приветы.

СПркфв

Очень сожалею, что не смог встретиться с Вами, опоздав с визой. Шлю Вам и Наталии Константиновне мой искренний привет.

П.Ламм

Присоединяюсь к сожалению, высказанному П.А.Ламмом. Очень хотел и надеялся встретиться. Шлю сердечные пожелания всего доброго.

Б.Асафьев.

Вообразите - и я тут.

Л.П[рокофьева]

Почтовая открытка. Послана в Бостон. АК-БК.

С.С.Прокофьев – Н.К.Кусевицкой

15 октября 1928, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Получил от Лабержа письмо с предложением условий в двух вариантах, но по- моему оба варианта разбойные, В одном он считает, что я должен истратить три тысячи долларов на организацию, а затем платить ему двадцать процентов с гонораров; в другом он берет организацию на свой счет, но желает иметь сорок процентов с гонораров. Мне кажется, это совершенная ерунда: ведь если Сергей Александрович говорил мне, что я могу иметь около пятнадцати симфонических помимо Лабержа, то деятельность последнего начнется только после этих пятнадцати концертов. Между тем Лаберж мне ничего и обещает; несомненно лишь одно – это то, что он хочет слизнуть большую часть того, что я смогу получить за эти пятнадцать симфонических.

Не понравилось мне и то, что он, уезжая из Парижа в июне, обещал прислать мне тотчас же условия из Нью-Йорка, но обещания не сдержал и написал мне

лишь теперь, прося ответить каблогаммой, так как уже поздно, то есть торопя и не давая раздумывать. Отвечать каблогаммой я конечно не буду, а письменно пошл. Ему некоторые рассуждения о невыгодности для меня обоих вариантов и попрошу его войти в контакт с Вами и Сергеем Александровичам.

Прилагаю Вам копию условий Лабержа и очень прошу позаботиться о моей участи. Пожалуйста, возьмите это дело в свои руки, я же разумеется последую Вашим советам. А то если я начну отсюда переписку с Лабержем, то она продлится всю зиму и чего доброго ни к чему не приведет. И вообще какая польза от Лабержа при таких условиях? По моему выгоднее просто поехать без всякого менеджера на пятнадцать симфонических, чем например с гонорара в пятьсот долларов платить Лабержу сто долларов в качестве двадцати процентов, еще сто в погашение “организации” и еще около пятидесяти в погашение газетной рекламы; остается двести пятьдесят, из которых надо вычесть все расходы по переезду и проживанию на двоих. Что же я вывезу из Америки? Симфонические концерты, как налаженные, до появления Лабержа на сцену, следовало бы выделить особо: пусть он например получит с них десять процентов за установление дат, гонораров и маршрута. А затем уже начнется его деятельность по предложенному им варианту № 1. Только в Париже он мне говорил, что будет взимать в свою пользу пятнадцать процентов, а не двадцать; кроме того, не слишком ли много две тысячи за организацию и тысяча за газетную рекламу?

Мы недавно вернулись в Париж, старую квартиру потеряли, а новой еще не нашли. В сентябре с Пташкой, Асафьевым и Ламмом ездили в Chamonix, поднимались по проволоке в Plampgas, ночевали там, а затем мужчины, оставив Пташку в шале, лазили на Col du Brévént, откуда я показывал им дорогу, пройденную с Сергеем Александровичем. На обратном пути мы осматривали Gorges du dieses, которые совершенно ошеломляюще интересны. Очень жаль, что мы с Сергеем Александровичем тогда не пошли в это ущелье.

В конце сентября мы в той же компании ездили в течение пяти дней по Швейцарии: обогнули Женевское озеро, Тунское и Бриецкое, перевалили через Фурку и Сен-Готард, побывали в Лугано и по Ронской долине вернулись обратно. И автомобиль, и Пташка довольно благополучно вышли из этих испытаний, а Ламм и Асафьев были в чрезвычайном восторге от поездки. У Асафьева не было визы, и его перевозили через границу ночью на мотоциклете.

Переезд с дачи в Париж Пташка сделала тоже в автомобиле (вот сумасшедшая!). Впрочем поездку она перенесла хорошо, но в Париже по случаю автомобильной выставки все отели были набиты. Мы было сунулись к Вам, но Ксюша нас не пустила, так как у нас не было письма от Фидлера. Лишь к вечеру мы попали в маленький отель около aorte d' Auteuil. Сейчас ищем квартиру, а потому если Вы подарите нас письмом, то направляйте его пока на издательство. Постановка "Игрока", а в связи с этим и моя поездка в Россию, состоится вероятно в конце декабря или в январе. Третью симфонию заканчиваю на днях.

Пташка и я крепко обнимаем Вас обоих. Надеемся, что Вы доехали хорошо, и что для нового сезона Сергей Александрович зарядился здоровьем, как Лейденская банка электричеством.

Целую Ваши ручки.

Любящий Вас

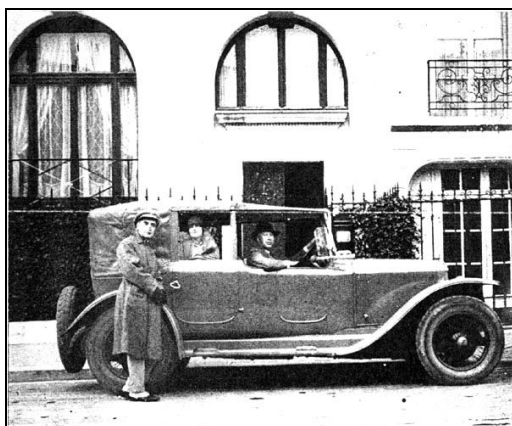
СПркфв.

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 9.

Говоря о восторженных впечатлениях Асафьева и Ламма, Прокофьев не преувеличивал. Хотя Асафьев еще в молодости многократно бывал в Европе, поездка 1928 глубоко запечатлелась в его сознании. "Сергей Сергеевич <...> встретил меня там [в Швейцарии- В.Ю.], областал и совершил со мной сказочные, до сих пор неизгладимые автомобильные прогулки. Мы побывали в леднике около Монблана, пересекли Сен-Готард и спустились оттуда к

итальянским озерам, в мое любимое Лугано", - вспоминал Асафьев впоследствии¹¹⁹.

Подобно Асафьеву, Ламм был тронут теплым приемом Прокофьева и восхищен автомобильными поездками по Швейцарии. "Моя поездка с Прокофьевым на Монблан <...> останется на всю жизнь как воспоминание о нечто совершенно исключительном по красоте и силе впечатления", - писал он¹²⁰.

Сергей Кусевицкий у машины Прокофьева

Вскоре Прокофьевы поселятся в доме 1 по улице Obligado, Paris, XVI. Одним из существенных неудобств парижской жизни Прокофьева были постоянные хлопоты о квартире. Собственного дома он, в отличие от Кусевицкого, не покупал – не чувствуя, возможно, достаточно стабильным свое материальное положение и склоняясь, кроме того, к жизни на протяжении многих месяцев вне

---

¹¹⁹ Борис Асафьев. "Мысли и думы". Цит. по кн.: Израиль Нестьев. Жизнь Сергея Прокофьева. Второе переработанное и дополненное издание. Москва: "Советский композитор", 1973. С. 284.

¹²⁰ Павел Ламм – семье, 25 сентября 1928, Женева. См.: Ольга Ламм. Воспоминания (фрагмент: 1948-1951). Публикация М.Рахмановой. В сб.: Сергей Прокофьев. К 50-летию со дня смерти. Воспоминания. Письма. Статьи. Москва: Труды ГЦММК, 2004. С. 230.

суеты Парижа, что обеспечивало ему лучшие условия для творчества.

3 ноября 1928 Прокофьев записывает: “Окончил 3-ю симфонию. Днем пошел в издательство и сообщил эту печальную новость Пайчадзе: иначе говоря – пятьдесят тысяч франков на гравировку”¹²¹. Партитура Третьей симфонии ор. 44 будет издана РМИ в 1931¹²².

С.С.Прокофьев – Н.К.Кусевицкой

14 ноября 1928, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Извините, что надоедаю Вам письмами о моих американских концертах, но раз уж я начал Вас информировать, то продолжаю делать это в точности. К тому же Вы ведь не отвечаете на мои письма, следовательно в крайнем случае можете их не читать.

Я получил ответ от Лабержа, в котором он сообщает, что приложит все усилия, дабы переговорить о моих делах с Сергеем Александровичем. Кроме того он прилагает копию с головнойки, полученной им от С[ергея] А[лександровича] и с собственного пространного ответа на эту головнойку (поцелуйте от меня Маэстро, за то, что он так здорово цапнул Лабержа). Сегодня пришло еще письмо от Хенселя. Оказывается Бреннен справлялся у него, с ним ли он должен вести переговоры относительно моего приезда в будущем году – и Хенсель теперь спрашивает у меня, остается ли он моим менеджером или же я ухажу к кому-нибудь другому. В этом отношении надо отдать справедливость Хенселю, что он обнаруживает большую выдержку и ведет себя очень прилично. Я пока не буду ему отвечать и дождусь Ваших директив, но все-таки надо что-нибудь решить, а то через месяц я предполагаю отправиться в Россию до февраля и это может прервать переговоры.

Я пока смотрю на дело так: по словам С[ергея]

---

¹²¹ ПД-2. С. 644.

¹²² Томпсон пишет об издании в этом году не партитуры Третьей симфонии, а ее восьмиручного переложения, сделанного Н.Мясковским и П.Ламмом. (См.: Thompson. А. Р. 379)

А[лександровича] я все равно могу иметь около пятнадцати симфонических, кроме того я вероятно получу Про-Музыку, так как в обмен устраиваю Шмитсу поездку в Россию; таким образом, если дело ограничится этими концертами, то есть ли смысл вообще уходить от Хенслея? Лаберж на организацию требует три тысячи долларов, и следовательно то, что очистится от первых десяти концертов, которые он мне достанет поверх предыдущих, уйдет на покрытие этой суммы. Отсюда Лаберж мне только в том случае интересен, если он устроит двадцать концертов сверх пятнадцати симфонических и, скажем, пяти концертов с Про-Музыкой. Итого сорок концертов, на которые он едва ли способен.

Надеюсь, что Вы найдете мои рассуждения неосновательными, чем очень обрадуете меня. Во всяком случае, Вам с высокой Бостонской горы виднее. Целую Ваши ручки и обнимаю маэстро.

Любящий Вас

СПркфв.

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп.5, ед. хр. 9.

Очередные гастроли Прокофьев в Америку состоятся в сезоне 1929-1930 и продлятся три месяца. Выступления его со Вторым фортепианным концертом ор. 16 вместе с БСО и Кусевицким состоятся 31 декабря -1 января (Бостон) и 7 – 8 февраля (Нью-Йорк).

Пианист Робер Шмитц (Schmitz) (1889-1942) был основателем общества “Pro Musica”. В сотрудничестве с этим обществом Прокофьев был тем более заинтересован, что оно имело свои отделения в Ст.Пол, Денвере, Портланде, Сан-Франциско и Канзасе.

С.А.Кусевицкий – С.С.Прокофьеву

27 ноября 1928

Прекращайте переговоры с Лаберже. Письмо последует.

Кусевицкий

Телеграмма. Оригинал по-французски. Послана в Париж.

РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 16, л. 3. Копия – АК-БК.

С.А.Кусевицкий – С.С.Прокофьеву

28 ноября 1928, Бостон

Бодрый дух снова достигнут. Наше мнение таково же: оставаться с Хенселем.

Телеграмма. Оригинал по-французски. Послана в Париж. РГАЛИ, ф. 1929 (С.С.Прокофьев), оп. 5, ед. хр. 16, л. 3. Копия – АК-БК.

С.С.Прокофьев – Н.К.Кусевицкой

26 декабря 1928, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Получил обе Ваши телеграммы, одну без шуточки. Другую с шуточкой, а также длинное письмо. В общем все кончилось тем, что я у разбитого корыта, того самого, которое Сергей Александрович обливает помоями пять лет подряд. Но делать нечего, постараюсь бодро похлебать из него – и уже вступил в переговоры с Хенселем. Очень благодарю Сергея Александровича за письма, написанные дирижерам. Будем надеяться, что они сумеют разбудить этих глухих тетерь.

Моя поездка в СССР отложилась, т[ак] к[ак] не было уверенности в том, что я получу разрешение на превращение червонцев в иностранную валюту. Обещают достать это разрешение в течение января, тогда я поеду в феврале или марте. Пока же я почти закончил новый балет для Дягилева и теперь оркеструю его. Балет выходит простой, ясный, мелодичный – словом, для Бруклина.

14 декабря Пташка произвела на свет второго сына, нареченного Олегом. Все прошло как нельзя лучше, и послезавтра я перевезу ее из клиники домой. Мы оба шлем Вам самые сердечные пожелания к Новому Году. Обнимаю Сергея Александровича и Ваши ручки целую.

Любящий Вас

СПркфв

Машинопись с подписью от руки. Послано в Бостон. АК-БК. Копия – РГАЛИ, ф. 1929, оп. 5, ед. хр. 9.. Опубликовано: Советская музыка. 1991. № 6. С. 87.

Копии “длинного письма“ от Н.К.Кусевицкой в Архиве Кусевицкого не обнаружено.

Вторая поездка Прокофьева в СССР состоится в ноябре 1929.

Речь идет о балете “Блудный сын» ор. 46. “Написание балета для тебя я смотрю, как всегда, с большим интересом, - писал Прокофьев Дягилеву, - но валять сплеча не хочу, а для того, чтобы сочинить как следует, едва ли хватит времени”¹²³. Предложенный им вариант приспособления для сцены только что написанных двух фортепианных пьес “Вещи в себе“ ор. 45, которым он придавал “...гораздо большее значение, чем композиторы обыкновенно придают случайным фортепианным пьесам, между делом настроенным”¹²⁴, не нашла одобрения со стороны импрессарио. Не был и возобновлен “Шут“, что также предлагал Дягилеву Прокофьев. Новый балет был тем не менее написан Прокофьевым.

Л. И. Прокофьева – Н.К.Кусевицкой

26 февраля 1929, Париж

Дорогая Наталия Константиновна,

Извините, пожалуйста, что раньше не написала, но верьте или нет, это первое письмо, в котором я описываю ”братика“ (так называет его Святослав). Ожидала его, начиная от 20-го ноября, а родился он только 14 декабря, в той же клинике и комнате, что Святослав, но по-иному. Первый раз меня усыпили и Святослава взяли щипцами, а этот раз мы с ”братиком“ всю работу “*au naturel*”. Пролежала в клинике две недели, потом дома несколько дней, затем сильно простудилась. Долгое время была без прислуги и бонны, теперь наконец вопрос налажен и у меня две симпатичные датчанки.

”Братик” весил 7 ½ фунтов при рождении и с самого начала был очень миленький, улыбнулся первый

---

¹²³ Сергей Прокофьев – Сергею Дягилеву, 21 сентября 1928, Le château Vétreaz. В кн.: Дягилев и русское искусство. Составители И.Зильберштейн. и В.Самков. Москва: “Изобразительное искусство”, 1982. Т. 2. С. 142.

¹²⁴ Там же.

раз в шесть недель, а теперь стал даже смеяться и очень любит, чтоб на него обращали внимание. Кормить его мне почти не удалось, и он получает то же сухое молоко “Друго”, что Святослав. Прибавляет весу очень хорошо – на прошлой неделе 555 грамм. Святослав к нему относится как добрый старший брат.

Я скоро рассчитываю вернуться к моим занятиям пением. К сожалению Pro Musica упоминает об ангажементах только для С[ергея] С[ергеевича] и пока ни слова о моем участии.

С[ергей] С[ергеевич] очень огорчен Вашим гневом и для смягчения его посылает Вам новый rotiens (пасьянс – фр.) . Он закончил балет для Дягилева, который так понравился Дягилеву, что тот хочет возобновить “Шута“ и тогда устроить целый вечер Прокофьева. Другой вечер из его сочинений предлагал устроить Cortot с Orchestre de Paris, но он хочет, чтоб С[ергей] С[ергеевич] дирижировал, а потому этот вопрос решили отложить до осени, т[ак] к[ак] С[ергей] С[ергеевич] хочет заняться дирижерством в течение лета. Пока же Orchestre Symphonique de Paris исполняет главным образом Стравинского под управлением его друга Ansermet. Их концерты происходят два раза в неделю при сравнительно пустом зале и сравнительно холодном отношении к Ansermet. Глядя на этого профессора математики мы с нетерпением ждем нашего Бостонского мастера.

Зал Pleyel после пожара переделан и выглядит как зубная лечебница; кресла с металлической отделкой, а стены выкрашены белой и серой масляной краской как W.C. в хорошем Office Building.

Недавно приезжали Набоковы на исполнение “Оды“, которая имела успех, хотя Набоков жаловался на Ansermet – мало репетиций, мало хористов и неважные певцы.

Мы оба (т.е. Святослав и я) крепко Вас, дорогая Наталия Константиновна и Сергей Александрович, целуем. С[ергей] С[ергеевич] не знает, может ли он поцеловать Вам ручки (хотя бы в перчатках), во всяком

случае он в восторге от той энергии, с которой Сергей Александрович обратился ко всем американским дирижерам.

**Любящая Вас,
Пташка Прокофьева**

Рукопись. Послано в Бостон.

АК-БК. Публикуется впервые

Если многолетние творческие контакты Кусевицкого со Стравинским оставались по преимуществу чисто деловыми¹²⁵, то сотрудничество его с Прокофьевым переросло в подлинную дружбу. В Париже Прокофьев посещает многие концерты и репетиции Кусевицкого – и не только тогда, когда исполняются собственные его сочинения, слушает, в частности, проведенную дирижером премьеру Фортепианного концерта Стравинского (22 мая 1924) и монографическую программу из сочинений композитора, включавшую “Петрушку“, “Весну священную“ и впервые в Париже исполненный “Рэггтайм“ (13 июня 1925), присутствует на премьерах сочинений французских (Фортепианный концерта Артура Онеггера, 23 мая 1925; Сюита Фа мажор Альбера Русселя и “Карнавал в Эксе“ Дариуса Мийо, 21 мая 1927; Фортепианный концерт Русселя, 7 июня 1928) и русских (Соната для фортепиано с оркестром Владимира Дукельского, 11 июня 1927; Скерцо Николая Лопатникова, 24 мая 1928) композиторов. Вместе с дирижером присутствует также на премьерах дягилевских сезонов, часто бывает у Кусевицких на различных приемах и семейных вечерах, встречается с ними в домах других музыкантов. Уделявший всегда большое внимание собственной одежде, Кусевицкий помогает даже Прокофьеву выбрать себе по моде новое пальто.

“Дом Н.К. и С.А. Кусевицких, декорированный Натальей Гончаровой, на улице Советника Колиньона, не был характерным парижским салоном: здесь жили только музыкой и безостановочной музыкальной работой, -

---

¹²⁵ См.: Виктор Юзефович. К истории одной не-дружбы. (Письма Стравинского и Кусевицкого). В сб.: Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М.И.Глинки. Альманах. Выпуск II. Москва, 2003. С.С. 363-498.

напишет позднее Владимир Дукельский. - Маститые мэтры сменялись зелеными юношами, вооруженными партитурами и робкой, давно лелеемой надеждой на признание. Все, не лишнее достоинств, признавалось или, по меньшей мере, внимательно рассматривалось и обсуждалось»¹²⁶.

Среди посетителей регулярных вечеров в доме Кусевицких бывали многие музыканты и художники - русские, французские, наезжавшие в Париж со всего света. Из композиторов чаще других появлялись Алберт Руссель, Альфредо Казелла, Александр Тансман, Игорь Стравинский, Сергей Прокофьев, Артур Лурье, Артур Рубинштейн. Приходили Сергей Дягилев (несмотря на неровно складывавшиеся отношения с Кусевицким), Луи Лалуа, редактор журнала "La Revue Musicale" Анри Прюньер. Деловые вопросы живо перемежались в разговорах с обсуждением парижских культурных событий. "Фразы на итальянском, польском и английском прорезали воздух подобно искрам", - вспоминала супруга молодого тогда русского музыканта Николая Березовского¹²⁷.

Гостей встречали здесь радушно, хлебосольно, по-семейному тепло. Как было это когда-то в Берлине и как позднее будет в Бостоне, Наталия Кусевицкая умела сохранить в Париже атмосферу русского дома. Она и сама любила вкусную пищу, в особенности русскую. Приглашая супругов Пайчадзе приехать в гости в Пломбьер для обсуждения дел по издательству, просила привезти из Парижа черный хлеб, копченую колбасу, укроп, воблу и, как писал Гавриил Григорьевич, "...прочие канцелярские принадлежности, по-видимому, требующиеся для предстоящей конференции. Судя по этому списку, конференция эта должна носить чрезвычайно серьезный характер"¹²⁸.

Каждый год 8 сентября (26 августа по русскому

---

¹²⁶ Владимир Дукельский. "Музыкальные итоги", "Новоселье" (Нью-Йорк), 1946. № 24–25. Февраль–Март. С. 89.

¹²⁷ Berezowsky, Alice. Duet with Nicky. Philadelphia, New York: J.V.Lippincott Company, 1943. P.P. 43-44.

¹²⁸ Гавриил Пайчадзе – Сергею Кусевицкому, 22 августа 1931, Париж. – АК-БК.

стилю) Кусевицкие праздновали день рождения Наталии. За праздничным столом собирались наиболее близкие друзья. В 1926 приглашены были Сергей и Лина Прокофьевы, Боровский, Дукельский, Тансман с женой, Аарон Копленд, Гавриил Пайчадзе. "Было очень мило и весело, - писал Прокофьев, - <...> Затем Кусевицкий прекрасно играл на контрабасе <...> В два часа ночи гости разошлись..."¹²⁹.

Когда гастрольные маршруты надолго разводили музыкантов, Прокофьев пользовался каждым случаем, чтобы написать Кусевицким несколько строк. Нередко Наталия Кусевицкая принимала Прокофьевых и в отсутствии самого Кусевицкого. "Вечером были Прокофьевы, - писала она мужу в 1923, - и засиделись очень долго, сейчас первый час ночи <...> Говорили много о делах издательских"¹³⁰.

В 1921 Кусевицкий привлекает Прокофьева к своей полемике с критиком Борисом Шлецером. Высоко ценивший Кусевицкого, Шлецер писал однако о лимитированности его дирижерского дарования, о недоступности ему стихии трагизма и созерцательности. В статье о музыкальной критике, опубликованной вскоре, Кусевицкий из всех русских критиков особо выделил имя Каратыгина, даже не упомянув имени Шлецера. Критик разразился газетным фельетоном, в котором подчеркнул, что Каратыгин – вовсе не единственный в России достойный критик и что дирижер руководствуется личными соображениями. Кусевицкий был взбешен. В черновике ответа Шлецеру он писал, что Каратыгин - "один из ничтожного числа настоящих критиков, работавших в ежедневной печати", что и разделяя мнение Шлецера о Сабанееве, Оссовском и А.Н.Римском-Корсакове, утверждает, что "эти лица не составляют и двух процентов среди массы невежественных и глупых людей, в руках которых находилась и находится музыкальная критика"¹³¹.

---

¹²⁹ ПД-2. С. 435.

¹³⁰ Наталия Кусевицкая - Сергею Кусевицкому, без даты [1923], Париж. - АК- БК.

¹³¹ Сергей Кусевицкий. - в парижскую прессу, апрель 1924. Черновик. – АК-БК.

Был ли этот ответ Кусевицкого напечатан в парижской прессе, установить не удалось.

(продолжение следует)

Игорь Ефимов

Не смогли договориться

Глава из новой книги

(Другие главы из новой книги см. в № 3 и сл. за 2011 год)

Двенадцать новых книг в год

акого темпа выпуска издательство «Эрмитаж» достигло к 1985 году и сохраняло с тех пор. Наиболее успешными по уровню продаж оказывались книги, связанные с изучением языка. Книжный магазин «Чёрное море» на Брайтоне каждый месяц заказывал новые партии «Русско-английского разговорника», подготовленного Натальей Озерной. Елена Александровна Якобсон предложила нам переиздать её учебник «Разговорный русский» – мы подредактировали его, украсили четырьмя десятками фотографий, и магазины американских университетов начали слать заказы на него перед каждым семестром. Очень популярным был «Словарь русского жеста» – на английском, с фотоиллюстрациями, подготовленный Барбарой Монахан. Даже двуязычное издание рассказов Ирины Ратушинской «Сказка о трёх головах» использовалось американскими преподавателями русского языка для занятий со студентами. Американский поэт Элан Шоу превосходно перевёл для нас – рифмованными стихами! – «Горе от ума».

Число громких имён в наших каталогах также росло. Лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель (1986) был представлен русским переводом романа «Завет». Лев Троцкий – сборником, включавшим дневники и письма, подготовленным Юрием Фельштинским. Георгий Иванов – сборником прозы под редакцией Вадима Крейда.

Литературоведенье и эссеистика – книгами Ефима Эткинда, Александра Жолковского, Юрия Щеглова, Петра Вайля, Александра Гениса. Владимир Ашкенази предложил нам издать по-русски его воспоминания, вышедшие в Лондоне по-английски. Лев Лосев собрал под одной обложкой статьи об Иосифе Бродском. Я отобрал десять лучших – на мой взгляд – рассказов Василия Аксёнова для сборника «Право на остров».

Не все задуманные проекты удавалось довести до конца. Роман Георгия Владимова «Три минуты молчания» переходил у нас из каталога в каталог в течение трёх лет, но автор всё никак не мог выбрать время, чтобы подготовить рукопись к изданию. С 1983 года он жил в Германии, работал над романом «Генерал и его армия». Кончилось тем, что он уступил настояниям издательства «Посев» и отдал книгу им. Мне прислал письмо с извинениями и вернул аванс, уплаченный нами. Я был огорчён, но не сердился на него – слишком хорошо знал по себе, как напряжённо приходится бороться за выживание эмигрантскому автору. «Три минуты молчания» пришлось перенести из раздела «Новые книги» в раздел «Книги других издательств».

Очень много сил было потрачено на переговоры об издании «Словаря ненормативного русского языка», подготовленного Кириллом Косцинским. Он начал коллекционировать бранные и сленговые выражения ещё находясь в советском лагере в начале 1960-х. В Америке ему удалось получить солидный грант на завершение и опубликование словаря. Но бурление языковой стихии в России и за рубежом выбрасывало на поверхность всё новые и новые словесные перлы, и Косцинский никак не мог подвести черту, объявить работу законченной.

Наконец, по настоянию Гарвардского университета, курировавшего проект, он разослал зарубежным русским издательствам заказ на смету. Несколько недель я корпел над изготовлением образцов страниц, над расчётами и выслал результаты своих трудов на суд автора и заказчика. Впоследствии Косцинский признался мне, что образцы набора понравились администрации, но указанная стоимость издания показалась неправдоподобно низкой. «По нашим

правилам, – объяснял ему бухгалтер, – мы выстраиваем полученные сметы в столбик, восходящий от самой низкой к самой дорогой, и автоматически отбрасываем самую верхнюю и самую нижнюю как несерьёзные».

– И вы не сказали бухгалтеру, что знаете Игоря Ефимова двадцать пять лет и что он умеет держать данное слово? – корил я Кирилла.

– Но ведь у нас ещё есть время, мы вернёмся к этим переговорам, – оправдывался он.

На самом деле я видел, что Косцинскому страшно было объявить работу законченной, страшно расстаться с любимым детищем. Он тянул и тянул, пока рак пищевода не доконал его в 1984 году. Словарь его так и не вышел. А великий могучий русский язык продолжал вскипать такими богатыми и непредсказуемыми матюгами и сленговыми новациями, что на сегодняшний день число ненормативных слов в нём, боюсь, превысило число слов, собранных Ушаковым и Ожеговым.

Главные американские библиотеки, получив наш очередной каталог, обычно присылали заказы на все указанные в нём *новые* книги. Если книгу выпустить почему-то не удавалось, мы просто оповещали об этом библиотеку коротким письмом с извинениями. Гораздо опаснее для нас были ситуации, когда в издание уже были вложены труд и деньги, а автор вдруг начинал вести себя непредсказуемо, предъявлять невыполнимые требования, скандалить и угрожать. Приведу здесь истории нескольких конфликтов такого рода, чтобы будущие русские издатели лучше представляли себе, за какое опасное дело они берутся, какие неожиданные оскалы могут вдруг вынырнуть на, казалось бы, вполне благопристойные физиономии российских литераторов.

NB: На Страшном суде: «Книги издавал? Издавал. Познания умножал? Умножал. К Экклезиасту его! В отдел приумножения скорби! Было время издавать, теперь время читать все напечатанные книги мира!».

Дезертирство со взломом

Мы расстались с профессором Темирой Пахмусс в конце Главы 5, когда издательство «Эрмитаж» с

воодушевлением погрузилось в изготовление макета представленной ею книги Мережковского «Реформаторы». Впервые книга была объявлена в каталоге 1985 года, потом перешла в каталог 1986, потом – в 1987. Причина задержки? Профессор Пахмусс начала демонстрировать то ли провалы памяти, то ли непонимание русского языка, то ли просто галлюцинировать. Мы посылаем ей на вычитку заказным пакетом очередную порцию набора. После долгого молчания от неё приходит странное письмо с упрёками и скрытыми угрозами: «я ничего не знаю о ваших намерениях... вы поступили со мной нечестно... такое поведение может иметь серьёзные последствия...». В панике звоню ей – телефон не отвечает. Мы шлём новую порцию набора, я умоляю её объяснить, что происходит. Опять после долгого молчания: «Вы обманом выманили у меня ценные архивные материалы... требую немедленно вернуть их...»

И наконец – как гром с ясного неба – заказное письмо из конторы прокурора штата Иллинойс:

«К нам поступила жалоба от профессора Темиры Пахмусс, которая обвиняет вас в краже ценных архивных материалов. Мы требуем немедленно вернуть их. В противном случае против вас будет возбуждено уголовное дело».

Неделя ушла у меня на составление ответного послания, на перевод на английский нашей переписки и подписанного договора. Видимо, мои разъяснения убедили прокуратуру в том, что жалоба профессора Пахмусс не имеет под собой никаких оснований, что нам были присланы ксерокопии, а оригиналы никогда не покидали дома жалобщицы. Писем от них больше не приходило. Но какие мотивы двигали вздорной тёткой? Почему она решила разорвать наши отношения? Да ещё таким нелепо скандальным способом? Понять это я был не в силах и решил просто махнуть рукой на весь проект.

Жалко было своих ночных трудов, жалко крушения красивой мечты – спасти «почти сгоревшую» рукопись. Судиться? Скорее всего суд принял бы нашу сторону. Но у неё были деньги на адвоката, а у нас – нет. И это решало всё

дело. В конце 1980-х, когда «гласность» набрала достаточную силу в России, я послал отредактированные нами тексты в «Звезду», и они опубликовали «Паскаля». Но загадка поведения иллинойского профессора оставалась.

Она разрешилась только много лет спустя, когда я увидел в магазине русской книги аккуратный томик: Д.С. Мережковский, «Реформаторы». На обложке три портрета – Лютер, Кальвин, Паскаль. Издательство «Жизнь с Богом», Брюссель, 1990. Предисловие Т. Пахмусс. Вся моя редакторская работа была использована, текст дословно воспроизводил наш набор. Но в полиграфическом плане книга представляла собой нечто позорное. В ней не было сквозной нумерации страниц, каждое жизнеописание начиналось со страницы № 1. Библиография и примечания располагались в конце, но тоже на страницах, имеющих нумерацию от 1 до 47. Конечно, не было указателя имён. В предисловии – никакого упоминания об участии «Эрмитажа» в подготовке текста.

Что двигало Темирой Пахмусс? Издательство «Жизнь с Богом» в своё время имело солидную финансовую базу, под его маркой было переиздано в 1966 году 12-томное собрание сочинений Владимира Соловьёва, собрание сочинений Вячеслава Иванова, с 1969 года оно стало регулярно печатать книги российского священника, отца Александра Меня. Могли они соблазнить нашего автора гонораром? Или ей просто было ближе их христианско-экуменическое направление, чем сомнительный по религиозной ориентации «Эрмитаж» – третья волна, пятый пункт?

Так или иначе, поведение автора-дезертира получало теперь логическое объяснение: вздорные обвинения в краже были просто выстраиванием оборонной линии на тот случай, если мы затеем судить её за нарушение договора. Впоследствии я узнал, что эту клевету она распространяла и устно. Любопытный штрих к её характеру: профессор, живший в соседнем с ней доме, рассказал мне о странной просьбе, с которой она обратилась к нему однажды. «Я слышала, что у вас есть пистолет, – сказала она. – А у меня на участке развелось слишком много белок. Не могли бы вы

их всех перестрелять?»).

До отстрела неугодных издателей дело не дошло, но крови и нервов она попортила нам довольно. Единственное утешение: книга Мережковского вышла в освободившейся от коммунистов России в 1999 году, так что мои редакторские труды были не совсем впустую.

NB: Зинаида Гиппиус: «Для меня признать свою неправоту так же физически невозможно, как согнуть сустав в обратную сторону».

Лучший друг Губермана

Впервые Юлий Китаевич обратился к нам ещё в 1981 году. Его ближайший друг, Игорь Губерман, сидел в лагере по сфабрикованному обвинению, и его дружба вела в Америке энергичную борьбу за его освобождение. С Губерманом я встречался в России, знал наизусть много его смешных четверостиший и с готовностью согласился издать их сборник под названием «Бумеранг».

– Но не ударит ли эта книжка бумерангом по нему? – беспокоился я. – Простят ли ему, например: «Свет партии согрел нам батареи, / теплом обогревательной воды, / а многие отдельные евреи / всё время недовольны как жида». Или: «По ночам начальство чахнет и звереет. / Жуткий сон морочит царственные яйца: / что китайцы вдруг воюют, как евреи, / а евреи расплодись, как китайцы».

– Ему терять нечего, – уверял меня Китаевич.

Губерман отсидел свои пять лет в лагере, был отправлен в ссылку, и вскоре оттуда, неведомыми путями, в Америку добралась рукопись его лагерных мемуаров.

Печатать, немедленно печатать!

В России набирала силу «перестройка и гласность», новые преследования за «тамиздат» были маловероятны. Мы с Мариной, отложив всё остальное, бросились набирать в две смены. В аннотации для каталога я писал:

«Кончится ли когда-нибудь каторжно-тюремная тема в русской литературе? И есть ли другая литература на свете, где бы эта тема занимала так много места – от Достоевского и Чехова до Солженицына, Шаламова, Аксёновой-Гинзбург? Новизна книги Губермана состоит в том, что, во-первых, он описывает лагерь чисто уголовный,

в котором перед ним прошли характеры невероятные, как герои Зощенко или Платонова, а, во-вторых, в том, что его опыт – самый свежий (он вышел из заключения в середине 1980-х). Поэт, известный широкому читателю благодаря своим убийственно смешным четверостишиям – “еврейским да-цзы-бао”, в этой книге раскрывает новые грани своего литературного таланта, предстаёт мастером психологического портрета, тонким лириком, печальным философом.»

Ксерокопии подготовленного набора мы отправили на корректорскую вычитку Китаевичу и его жене, которая в своё время в Москве работала редактором. Вскоре от них пришло письмо, вогнавшее нас в шок. «Вы, ребята, отнеслись к своему делу недобросовестно, – писал Китаевич. – Рукопись Губермана нуждалась в серьёзной редактуре, которую вы не сделали. Придётся нам с Галей отложить все дела и проделать эту работу за вас».

В панике я тут же отправил ему ответ. «Дорогой Юлий! Заранее, ещё не выдав вашей редактуры, спешу предупредить тебя, что мы не сможем принять её. Игорь Губерман – профессиональный литератор, и любые изменения в его тексте могут делаться только с его согласия. Даже в советских издательствах редакторы не позволяли себе такого самоуправства с произведениями живых. За нами, пишущими, всегда оставалось право не послушаться их и забрать рукопись.»

Китаевичи не вняли моим воплям и вскоре прислали набор с огромным количеством исправлений. Сводились они, в основном, к уничтожению своеобразной губермановской интонации. Его длинные, чуть захлёбывающиеся фразы, с часто применяемой инверсией, были разбиты точками, причёсаны, обесцвечены. В сопроводительном письме Китаевич объяснял: «Да, я отдаю себе отчёт в том, что мой лучший друг, Игорь Губерман, предпочёл бы увидеть свою книгу напечатанной точно в таком виде, как он написал её. Но, в то же время, я не могу допустить, чтобы книга моего лучшего друга вышла в таком виде, как он написал её».

Что было делать? Подчиниться этому «тиранству во

имя дружбы» мы не могли. Достаточно для меня было истории с книгой Кублановского. Проект издания завис. Напористый Китаевич тем временем слал грозные письма и объяснял всем и каждому, что Ефимовы по лени тормозят выход книги преследуемого в СССР поэта. Продолжалось это чуть ли не полгода.

Спасли опять же ветры перестройки. В 1987 году непредсказуемые советские власти непредсказуемо выпустили Губермана на Запад. Мы вздохнули с облегчением и немедленно послали ему в Израиль наш набор и правку Китаевичей. Он тактично принял полдюжины исправлений, предложенных его друзьями, и книга ушла в типографию. Продавалась она хорошо, известность Губермана быстро росла. Но с добрым тираном Китаевичем общаться мы с тех пор избегали.

NB: У всех забытых нами редакторов Бабеля и Платонова, Зощенко и Олеси наверняка в глубине души было вздыхающее и снисходительно-надменное чувство, что, мол, «да, они талантливы, очень талантливы, но насколько выиграла бы их произведения, если бы они вовремя поняли и учли наши замечания и поправки».

Публиковать посмертно

Почему-то Соломон Волков предпочёл обратиться к нам не прямо – хотя мы были уже знакомы, – но через Довлатова. Тот писал мне в мае 1986 года: «Соломон Волков просил меня узнать, интересуется ли Вас такая книжка. Пятьдесят (а может, тридцать) фотографий видных советских деятелей со всякими, отчасти анекдотическими, отчасти фотографическими, байками про них. Снимки – Марианны Волковой, подписи – мои + других мемуаристов (со ссылками), несколько анекдотов из Наймана, Бродского, Рейна. Может быть, такую книжку удастся как-то повернуть в сторону университетов: срез советского общества, культура, фото-характеры, публицистика в анекдотах и т.д. Что Вы об этом думаете?».

Я сразу откликнулся согласием. «Любая книжка, задуманная и составленная Волковыми и Довлатовым, меня интересует, и я готов обсуждать её на любой стадии готовности и в любой форме. Пусть Волковы позвонят и

приезжают или мы можем договориться о встрече в городе».

Параллельно начались переговоры об издании сборника интервью, которые Волков брал у Бродского в течение нескольких лет. Я был знаком с ними по газетным публикациям и был бы рад включить такую книгу в наш каталог. Поздравляя Бродского с Нобелевской премией в октябре 1987 года, я писал:

«Дорогой Иосиф! Хотя мы вручили тебе эту премию мысленно уже двадцать лет назад, нас очень обрадовало, что Нобелевский комитет, наконец, присоединился к нашему мнению. Поздравляем, поздравляем! Выпиваем, выпиваем за здоровье.

Нам бы очень хотелось ускорить выпуск книги Соломона Волкова “О четырёх поэтах”. И было бы легче, если бы ты каким-нибудь значком или закорючкой подтвердил, что не возражаешь. Напиши прямо на этом письме, вложи в прилагаемый конверт и отправь нам – того и довольно».

На это письмо Бродский ответил открыткой, датированной 1 ноября 1987-го, в которой благодарил за поздравления и давал согласие на выпуск книги своих бесед с Волковым. Но с оговоркой: «Насчёт волковских интервьюшек: надо бы их просмотреть прежде, чем печатать. Там масса чисто стилистической лажи».

Я сообщил Волкову, что разрешение получено, но с условием, что Бродский прочитает гранки перед выходом книги. Видимо, это условие Волкова не устраивало, и он стал тянуть, не приводя никаких убедительных причин для отсрочки.

Такая же волокита происходила с фотоальбомом Марьяны Волковой. Не все Довлатовские байки, включённые туда, были безобидными. Поэтому в проект договора я включил стандартную американскую формулу: «Авторы принимают на себя ответственность, в случае если против данного издания будет возбуждён судебный иск за клевету или вторжение в частную жизнь». Марьяна Волкова тянула, выдвигала новые условия, но договор не подписывала. Пришлось махнуть рукой на этот проект и выбросить книгу из каталога, в котором она уже

рекламировалась. В декабре 1987 года я писал Волковым:

«Дорогие авторы! Кратко сформулировать происшедшее можно следующим образом: мы струсили. То есть и мы, и вы. Отказавшись подписать вторую страницу договора, вы тем самым признали, что опасность иска со стороны ваших персонажей – реальна, что она не плод нашей паранойи... Теперь нужно разработать такой план, который бы сделал наше расставание безболезненным – насколько это возможно. Я от души желаю вам найти смелого издателя для этой книги и думаю, что вы его найдёте. Мы готовы предоставить этому издателю сделанный нами макет книги и перевод довлатовских текстов за весьма скромное вознаграждение. Наш вклад в эту книгу – трудом и деньгами – можно оценить примерно в тысячу долларов. Но я готов удовлетвориться даже частичной компенсацией».

Мои призывы остались без ответа. Альбом вышел в маленьком нью-йоркском издательстве «Слово/Word» под нелепым названием «Не только Бродский». При этом Волковы настояли, чтобы ни наш набор, ни заказанный и оплаченный нами перевод на английский не были использованы. Никакой компенсации «Эрмитаж» не получил.

Та же судьба постигла проект второй книги. В марте 1988 года я жаловался в письме Бродскому: «Как часто я теперь вспоминаю тот скрежет зубовный, с которым ты поминал Соломона Волкова. Это какой-то невиданный сплав настырности и волокитства. Один договор он не подписывал полгода, второй – на книгу разговоров с тобой – не подписывает (и вообще не отвечает) вот уже четыре месяца. Так что книга, видимо, не попадёт в план 1988 года – если он не почешется. Хочу, чтобы ты знал об этом. Любые другие причины, которые он – возможно – будет выставлять, – враньё».

Как и в случае с Шостаковичем, как и в случае с Баланчиным, Волков дождался смерти своего собеседника и выпустил «Разговоры с Бродским» только десять лет спустя. Почему ему так не хотелось, чтобы Бродский прочитал текст перед выпуском? Неужели только для того, чтобы иметь

возможность двадцать раз вставить в его уста реплику: «вы абсолютно правы, Соломон»? Загадка.

Было известно, что Волков никому не даёт слушать магнитофонные записи своих разговоров с Бродским. Даже радиостанциям, на которых он выступал с различными передачами об американской и русской культуре, он отказывал в просьбах включить подлинный голос поэта в трансляцию. Проверить его никто не может. Но есть одна черта в его книге, которая выдаёт неполноту создаваемого им образа: его собеседник не произносит ни одной шутки. Все, кто общался с Бродским, помнят, как жаден он был до всего смешного, как очаровательно и блистательно шутил. Его интервью, дававшиеся другим журналистам, собранные в большой том Валентиной Полухиной¹ переполнены юмором и иронией. К сожалению, Волков сам лишён чувства смешного и неспособен расслышать его в другом. Не исключено, что на магнитофонных лентах сохранились и какие-нибудь сарказмы Бродского в адрес его собеседника. Разве можно это обнаружить?

Копии имевшихся у меня писем Бродского я отправил вдове, Марии Бродской-Соццани, оригиналы сдал в Бахметевьевский архив Колумбийского университета. Там они попались на глаза исследователям, и те обратили внимание на короткую записку, дававшую «Эрмитажу» право печатать «Разговоры» после исправления «стилистической лажи». Естественно у всех возник вопрос: почему Волков не принял это условие и тянул десять лет? Встревоженный нападками рецензентов, Волков потребовал у меня копию записки. Я послал её ему с таким призывом:

«Надеюсь, Вы теперь увидите, почему я не хотел в своё время показывать её Вам: там содержатся обидные для Вас эпитеты, которые Бродский использовал, имея в виду, что письмо не попадёт Вам на глаза. Он не хотел обижать Вас – просто писал в свойственном ему стиле... Не знаю, какую пользу Вы можете извлечь из этого документа. Бродский проявил готовность опубликовать свои интервью

---

¹ Иосиф Бродский. Большая книга интервью. Составление Валентины Полухиной. Москва: «Захаров», 2000.

в “Эрмитаже”, но выразил вполне естественное пожелание – просмотреть текст перед публикацией. То, что Вы после этого отказались печатать книгу, было непонятно тогда, остаётся необъяснимым и сегодня.»

В конце я призывал Волкова «взять нотой выше» и забыть взаимные обиды. Призыв не подействовал – какое-то время спустя Волков позвонил и торжественно объявил, что считает меня виновником всех отрицательных отзывов на его творения.

История русской культуры стала главной темой книг Волкова, и он упивается ролью швейцара, который может не пускать туда неугодных ему. В «Разговоры с Бродским» не попали Ефим Эткинд, защищавший поэта на суде, Марамзин и Хейфец, пошедшие в тюрьму за соби́рание его стихов, и многие другие. На вопрос о Солженицыне будущий Нобелевский лауреат отвечает: «Про этого господина и говорить неохота»². Но в полном собрании интервью Бродский говорит о Солженицыне много раз с огромным уважением, называет его «Гомером советской власти». Читаю «Историю культуры Петербурга» и вдруг напарываюсь на цитату, которая мне очень нравится. Батюшки-светы – да это же из моей статьи! Но ссылки на автора нет, указано только название сборника, откуда взят текст.

Цитирование в этой книге вообще ведётся по вольным правилам. Изобилуют ссылки типа «Ахматова в разговоре с автором», «Бродский в разговоре с автором». (Совсем как у Стивена Козна: «Одна женщина на Красной площади сказала мне».) Большие куски из мемуаров Александра Бенуа даются без кавычек, то есть представлены как авторский текст.

Насколько мне известно, Волков долго беседовал под магнитофон с Андреем Битовым. Неужели и с ним он планирует поступить по отработанной схеме? Андрияша, держись – живи подольше! Переживи его!

NB: Влюблённость автора в себя была такой искренней и

---

² Соломон Волков. Разговоры с Иосифом Бродским (Нью-Йорк: Слово/Word, 1997), стр. 303.

неподдельной, что читателю приходилось тратить много усилий на то, чтобы не заразиться ею.

Биограф Булгакова

В каталог «Эрмитажа» на 1988 год была включена такая аннотация: «Анатолий Шварц – автор книг о современной науке и судьбах русских учёных. С 1973 года живёт в США, работает в области медицины. В основу его рассказа о Михаиле Булгакове легли подлинные события, воссозданные по письмам и документам, разысканным им в частных и государственных архивах Москвы и Ленинграда. Особое место занимают письма Булгакова и дневник его последней жены, Елены Сергеевны Шиловской. Вся жизненная и творческая драма знаменитого писателя прослежена автором на фоне художественной и политической атмосферы Москвы 1920-30 годов. Успех «Дней Турбиных» в МХАТе, запрет «Мольера» и «Бега», попытка спасти себя пьесой о молодости Сталина «Батум», тайная работа над «Мастером и Маргаритой» сплетаются в трагический клубок с личными драмами, с борьбой за любимую женщину, за кров над головой, за возможность творческой работы».

Шварцу, действительно, в своё время удалось войти в доверие к вдове Булгакова, её дневник обильно цитировался в книге. Среди прочего, там были упомянуты визиты в американское посольство и знакомство с послем Буллитом, послужившим – как это убедительно показал Александр Эткинд – прототипом фигуры Воланда.

Присланная рукопись захватила меня, и я с готовностью согласился опубликовать её за свой счёт, с выплатой автору обычных десяти процентов с каждого проданного экземпляра. Шварц подписал договор, и работа началась. В редакции текст не нуждался, всё было выполнено на хорошем профессиональном уровне.

Однажды, во время визита в Вашингтон, я решил познакомиться с автором и вручить ему очередную порцию набора на вычитку. Шварц жил один, на рукописи стояло посвящение «Памяти Фриды» – видимо, покойной жене. По телефону он звучал вполне интеллигентно, говорил разумно, так что я не ожидал никаких сюрпризов от этого визита. В

ответ на моё приглашение в ресторан он заявил, что есть не хочет, а мне может изжарить яичницу.

– Ну, хорошо, – сказал я. – Только сбегая к автомобилю – кажется, у меня там припасена бутылка чего-то горячительного.

Сбежал, вернулся, позвонил в дверь. Молчание. Звоню, стучу – никакого результата. Что могло произойти? Хозяин заснул, ему стало плохо? Или гость так не понравился, что он решил не пускать его, наказать? Или он член общества трезвенников и возмутился попыткой внести спиртное в его дом?

Я был готов уехать, но в квартире оставался мой портфель с нужными бумагами. Мне пришлось ждать на улице чуть не полчаса. Потом меня впустили – без извинений, без объяснений. Была подана яичница, потекла нормальная беседа. В какой-то момент заскочил миловидный молодой человек, но быстро ретировался. Хозяин смущённо объяснил, что это студент, которому он помогает готовиться к экзаменам. Ещё мне бросилось в глаза, что волосы Шварца были недавно покрашены в ярко-жёлтый цвет, но как-то неудачно: там и тут проглядывала седина.

В общем, визит оставил неприятное впечатление, и я постарался забыть о нём. Книга вышла и начала продаваться довольно успешно, но сенсацией не стала. Слишком много книг и статей о Булгакове было уже опубликовано к тому времени. Раз в полгода я посылал авторам деньги за проданные экземпляры, посылал чек и Шварцу. Вдруг через год раздался телефонный звонок от него, и своим мягким вкрадчивым голосом он спросил, когда я собираюсь выпустить второй тираж его книги.

– Анатолий, – сказал я, – мы ещё не продали и половины первого. Из тысячи экземпляров продано только 350. Вы должны знать это из моих отчётов.

– Я вашим отчётам не верю. – В голосе автора послышалась нервная дрожь. Видимо, он долго готовился к трудному разговору. – Такая книга не может расходиться подобным темпом. У меня есть точные сведения, что продано уже больше трёх тысяч.

– И откуда же, смею спросить, поступили к вам эти «точные сведения»?

– У меня есть свои источники... Вам не удастся... Вы ответите!..

Голос звонившего сорвался, и он поспешно повесил трубку. А через неделю пришло письмо от столичной адвокатской конторы, извещавшее меня, что их клиент, мистер Анатолий Шварц, требует немедленной уплаты причитающихся ему потиражных в размере трёх тысяч долларов. В противном случае мне будет предъявлен уголовный иск, вызов в суд, штраф за просроченные платежи и прочие юридические ужасы.

Как и в случае с Пахмусс, обвинение было вздорным, но мой противник решился тратить на адвокатов, а я не мог позволить себе такой роскоши. С другой стороны, действительно: как я могу доказать, что «Эрмитаж» не отпечатал дополнительный тираж и не продаёт его втайне от автора? Предъявить копию счёта типографии, в котором точно указано число отпечатанных книг? Но Шварц заявит, что дополнительный тираж печатался тайно в другой, неизвестной, типографии. Опять всплывал роковой вопрос: «Как я узнаю, что вы меня не обманываете?».

Поломав голову день-другой, я написал вашингтонским адвокатам примерно следующее: «Ваш клиент, мистер Шварц, явно страдает манией литературного величия. Он надеялся, что его книга станет бестселлером и теперь не может смириться с разочарованием. Что тут можно предпринять? Я предлагаю следующую сделку: мистер Шварц покупает у нас оставшиеся 650 экземпляров за полцены – нет, даже за 40% объявленной стоимости – и приступает к их самостоятельному распространению любыми способами. Если он так верит в успех книги, он должен признать предлагаемый вариант вполне выгодным. Так что по получении от него чека на $650 \times 12.00 \times 0.4 = \$3,120$ долларов мы сразу вышлем ящики с книгами по указанному адресу. Пересылка, так и быть, – за наш счёт».

Контора после моего письма замолчала, но сам автор не унимался. Аксёнов при встрече рассказал мне, что,

сталкиваясь со Шварцем в Вашингтоне, он каждый раз должен обрывать его и напоминать, что продать тысячу книг на русском языке в Америке – редкая удача – и что ничего плохого слышать о Ефимовых он не желает.

Книга оставалась в нашем каталоге ещё долго, и автор продолжал регулярно получать свои скромные потиражные. Но, конечно, их было недостаточно, чтобы нанять новую команду крючкотворов и наслать их на этих жуликов, рвачей, барышников, пьющих кровь беззащитных и недооценённых талантов.

НВ: Чем больше людей вы объявите ворами и прохвостами, тем ярче засияет звезда вашей моральной требовательности.

Собиратель анекдотов

С Юлиусом Телесиним мы познакомились в доме известной правозащитницы, Людмилы Алексеевой. Он и сам, до эмиграции в Израиль в 1970 году, был активным участником диссидентского движения, даже заслужил титул «принц самиздатский». Собранная им коллекция анекдотов была рассортирована на семь глав-разделов: «Идеология на стрёме», «Культ личностей», «Менее равные» и так далее. Будучи по профессии математиком, Телесин любовно разбил каждый раздел на 11 подглавок, по 13 анекдотов в каждой. Семь умножить на одиннадцать умножить на тринадцать – получалось ровно 1001. Красиво!

Я с готовностью согласился опубликовать его коллекцию под названием «1001 избранный советский анекдот» на наших обычных условиях. Вскоре из Израиля пришёл пакет с рукописью. Слово «избранный» было явным преувеличением – много оказалось анекдотов старых, затасканных, не смешных, включённых только ради достижения красивого числа 1001. Но главный сюрприз таился в эпиграфах, предпосланных каждой подглавке. Они представляли собой цитаты из газет и журналов, частушки, эпиграммы, байки из застольного трёпа, Губермановские четверостишия – всё, что когда-нибудь насмешило составителя или показалось занятным. И их были сотни! Часто они занимали целую страницу или превосходили объёмом анекдоты, включённые в подглавку. Что было

делать?

Я написал Телесину, что такое количество «эпиграфов» включить в издание невозможно. Увеличение объёма книги на 80 страниц меняло все мои финансовые расчёты. Навязывать читателю, покупающему сборник анекдотов, коллекцию газетно-журнальных вырезок, часто не содержащих ничего смешного, было бы просто недобросовестно. Я соглашался оставить один-два эпиграфа на подглавку – не больше. Телесин как будто смирился, и мы начали набор.

Среди оставленных в книге эпиграфов довольно большое место заняли фрагменты из вполне серьёзного самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Геройские составители подпольного издания обладали также острым слухом на смешное. «Медицинское заключение о невменяемости Севрука: “мания марксизма и правдоискательства”». «По возвращении в лагерь... Стефании Шабатуре зачитали акт: все отобранные у неё рисунки преданы сожжению как абстрактные и изображающие лагерь». «Начальник телефонного узла объяснил Урмус Тихоновской... причину отключения у неё телефона: “Вы разговариваете по-татарски, и мы не понимаем”».

Отрывки из воспоминаний Хрущёва тоже были включены в большом количестве – они звучали, как цитаты из рассказов Зоценко, как готовые анекдоты. Блёстками мелькали частушки, жаль только, что рядом с ними многие анекдоты бледнели. Некоторые старые анекдоты сохранились в моей памяти в более удачном варианте – я позволял себе иногда сделать замену.

Макет книги приближался к завершению, но Телесин вдруг взбунтовался и стал требовать возвращения всех эпиграфов. Я зывал к нему, объяснял, что на данном этапе вносить крупный ремонт в набор невозможно. Пробный отпечаток книги сопровождал письмом с увещеваниями и поздравлениями: «Я очень надеюсь, что моя правка – как бы она ни раздражала Вас порой – пошла сборнику на пользу. Не может человек, выпустивший 15 собственных книг и издавший 60 чужих, нанести вред

художественным достоинствам выпускаемого произведения. Всё, из-за чего Вы кипятитесь, – не стоящие внимания пустяки. Книга остаётся на 99% Вашим созданием».

Во вступлении к сборнику Телесин изображал себя адвокатом терпимости, открытым вкусам и пристрастиям других читателей. «Иногда мне анекдот не очень нравился, но, тем не менее, он включался как отражающий определённые вкусы, отказать которым в представительстве я не считал себя вправе»³. Увы, эта терпимость не распространялась на редактора-издателя. Мои замены он объявил «редактированием», «ненужным усмешением». При этом поносил меня в письмах, а потом написал и опубликовал в израильской газете *разносную рецензию на собственную книгу!*

Сборник, тем временем, был разослан в магазины и начал продаваться довольно успешно. Каждые полгода автор-составитель получал чек на 200-300 долларов. Примирения с ним так и не произошло, доходили слухи, что он ругает «Эрмитаж» на каждом иерусалимском перекрёстке. Кажется, он даже выпустил за свой счёт «правильное» издание сборника. Оставалось утешать себя тем, что его возмущение не вылилось в судебный иск и не обернулось демонстративным возвращением чеков. Видимо, он всё же боялся нарушить магию числа 1001, превратившись в 1002-ой анекдот.

NB: Этот человек ставил терпимость так высоко, что всех нетерпимых людей готов был задушить собственными руками.

Раздружились

Конечно, закончить галерею портретов непредсказуемых авторов следовало бы портретом Сергея Довлатова. Но та драма достаточно отражена в нашей переписке, опубликованной в России в 2001 году. Посылая рукопись в российские издательства десять лет спустя после смерти Довлатова, я предпослал ей титульный лист, на котором было написано: Сергей Довлатов. ИЗВИНИТЕ ЗА МЫСЛИ. (Такой репликой он иногда кончал свои письма ко

---

³ Юлиус Телесин. 1001 избранный советский политический анекдот (Тенафлай: «Эрмитаж», 1986), стр. 6.

мне.) И по объёму текста, и по накалу чувств авторство, конечно, должно было принадлежать Довлатову. Но издатель решил по-другому и вынес на обложку имена обоих⁴.

Книга «Эпистолярный роман» вызвала бурную реакцию читателей, волну откликов и рецензий – от проклинающих меня и поносящих до восторженных и благодарных. Проклинали, мне кажется, за то, что со страниц этой книги встаёт из-за плеча привычного и любимого Довлатова-развлекателя – Довлатов-мученик. Я рад тому, что к Довлатову в России пришла – хоть и посмертно – настоящая слава, радуюсь, когда слышу похвалы в адрес его писаний. Но должен сказать, что ни про одну его книгу мне не довелось услышать «был потрясён», «не спал всю ночь», «ошеломлён яркостью переживаний», «сердце болит» – только про «Переписку».

В своё время, ломая голову над тем, что могло заставить Довлатова порвать со мной, я совершенно исключал *зависть* из списка возможных мотивов. Его печатал журнал «Ньюйоркер» и платил солидные гонорары, книги выходили в престижных американских издательствах и переводились на иностранные языки – о какой зависти ко мне, неизвестному, могла идти речь? Но был один момент, который я упускал из вида. Ведь его детище, газета «Новый американец», и моё, издательство «Эрмитаж», возникли в одном и том же 1980 году. Однако газета продержалась всего полтора года, а «Эрмитаж» готовился отпраздновать пятилетний юбилей. И именно отказ Довлатова приехать на этот праздничный пикник показал мне, что все мои попытки восстановить отношения – а они делались в течение шести месяцев – ни к чему не приведут.

В одном из писем ко мне Довлатов признавался, что он очень тяжело пережил провал «Нового американца». Он обвинял в этом конкурентов, газету «Новое русское слово», лично Андрея Седых и Валерия Вайнберга, недобросовестность своих коллег – только не себя. Вайль и

---

⁴ Сергей Довлатов. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. Москва: «Захаров», 2001.

Генис говорили, что «Новый американец» можно было бы выпускать впятером и сделать доходным. Но главный редактор Довлатов не только регулярно уходил в запой, но и настаивал на переезде из дешёвого помещения в Нью-Джерси в дорогой Манхеттен, на долгих редакционных совещаниях с выпивкой в конце, на сохранении непосильного числа сотрудников на зарплате («нельзя же уволить женщину с ребёнком!»).

Многие критики отмечали влияние на Довлатова американской литературы, которую он очень любил. Говорили даже, что его успех у англоязычного читателя связан с тем, что американцы слышали в его рассказах что-то родное и привычное. Я соглашался с этим и даже в какой-то момент обратил внимание на параллели, связывающие Довлатова с американским писателем Джоном Чивером.

Оба любили общество людей, но ещё больше любили злословить о них за их спиной. Оба были полными рабами каких-то правил, касавшихся одежды, манер, тона и воображали, что все кругом находятся в таком же рабстве у этих правил. А если встречали не подчинявшихся, вырвавшихся, то возмущались такими бунтарями против условностей как предателями. Оба часто уходили в долгие запои. Оба имели десятки связей на стороне, но оставались всю жизнь с женой и детьми. Оба ждали и требовали от своих жён чего-то, чего те не могли им дать. Оба имели дыхание только на короткие рассказы, но заставляли себя писать ради денег длинные вещи, чаще всего искусственно объединяя серию рассказов в повесть или роман. Оба печатались в «Нью-Йоркере». Оба умели быть очаровательными, остроумными, блистательными, но тут же вдруг ни с того, ни с сего впадали в мрачное уныние. Оба воображали, что все их несчастья – от нехватки славы и денег, но оба впали в настоящую тоску только тогда, когда дуновение славы коснулось их. Оба не очень знали, какие вещи у них получались на высоком уровне, а какие – пониже, поэтому часто поддавались давлению редакторов, а потом бесились на себя за это, устраивали скандалы. Последнее странное совпадение: оба в какой-то период своей жизни рабтали с заключёнными (Довлатов был

охранником в лагере, Чивер вёл литературный кружок в тюрьме Синг-Синг) и оба написали превосходные вещи об этом периоде: Чивер – роман «Фальконер», в котором есть лучшее из известных мне описаний зарождающейся гомосексуальной любви (хотя что я могу об этом знать?); Довлатов – «Зону» и «Представление».

Видится печальным парадоксом, что в сегодняшней свободной России есть только одна книга, распространение которой запрещено. И это не «Протоколы сионских мудрецов», не «Мейн Кампф», не отчёт о Московских процессах 1937 года, не восхваления Сталина, а личная переписка двух вечных самиздатчиков – Довлатова и Ефимова.

В заключение этой главы, я хочу обратить внимание читателя на следующее: список авторов, опубликованных «Эрмитажем» при их жизни насчитывает полтора десятка имён. В перечне продемонстрировавших опасную непредсказуемость – только шестеро. 4% – не так уж много, грех жаловаться. Я и не жалею. Наоборот, благодарю остальные 96% за проявленное терпение, покладистость, понимание трудностей маленького издателя на чужбине.

NB: В конфликте Довлатов-Ефимов главная слабость позиции Ефимова в том, что он ещё жив. Но это поправимо.

Ион Деген

Баллада о солдате

Первая перевязка после операции. Рана ещё так болезненна. Повязка приварена к ней запекшейся кровью. Движения хирурга максимально осторожны. К тому же, если хирург сам ощущал подобное. Очень больно. Очень.

Позавчера умер Марк Азов. Рана кровоточит. Болит. И кровь ещё не свернулась. С какого края снимать повязку, хоть она и не присохла? С харьковского детства, о котором можно только догадываться? Ретроспективно со дня последней нашей встрече, встрече двух стариков с похожими биографиями?

О детстве Марика Айзенштадта можно только догадываться или реконструировать его, прочитывая произведения Марка Азова. Но совершенно очевидно, что это был необычный мальчик, которому Всевышний подарил большой талант поэта.

Многие в отроческом возрасте пишут стихи. Вернее, рифмуют. Но многие ли из этих пишущих могут обратить на себя внимание человека с абсолютным слухом на поэзию? Выдающийся литератор Корней Чуковский, прочитав стихи шестнадцатилетнего Марка Айзенштадта, сказал, что поэзии его учить не надо. Он уже состоявшийся поэт. Он родился поэтом.

В восемнадцатилетнем возрасте поэта призывают в армию. И после окончания пехотного училища невысокий худенький младший лейтенант Айзенштадт, то есть, совсем не богатырь, становится командиром стрелкового взвода на Втором Белорусском фронте. Поскольку не без участия Главного политического управления Красной армии в стране распространяют слухи о том, что евреи не воюют, а

прячутся в Ташкенте, младший лейтенант Айзенштадт, который еврей, старается в бою быть первым. И вскоре он становится командиром взвода разведки. Знаете, во взводе разведки особые отношения между подчинёнными и командиром, особая субординация. Тут командир не может обойтись звездочками на погонах. Только личный героизм командира делает его истинным командиром разведчиков. Вот тут похожесть биографий, на которую намёк при встрече двух стариков. Но только военная похожесть и похожесть тяжести ранений.

Но на фронте Марк Айзенштадт забывает о поэзии. Зато меньше чем через два месяца после окончания войны, в день своего двадцатилетия он пишет:

Да, я солдат, из тех которых нет,
За мной во тьме их пропадают лица...

А мне
сегодня

двадцать лет.

Но этого могло бы не случится...

02.07.1945 г.

Необычное редкое в ту пору для юноши понимание, потрясающий ум озаряют поэзию Марка ярким светом.

Всё забыто, шито-крыто,
Вся страна пьяным пьяна.
И поэзия забыта.
И окончена война.
Невероятно!

Поэзия была забыта только в боях. Но окончена война, и поэзия возродилась. И, хотя Корней Чуковский сказал, что поэту Марку Айзенштадту нет необходимости учиться поэзии, Марк становится студентом филологического факультета Харьковского университета. Здесь можно было бы остановиться и сказать: – Читайте поэзию Марка Азова.

Надеюсь, не надо объяснять, почему Айзенштадт стал Азовым? Шансов на существование литератора Айзенштадта в послевоенные годы почти не было. А имел

ли он право зарывать свой талант? Прочтите хотя бы цикл стихов «Созвездие бродячих собак», и вы познакомитесь с большим поэтом-лириком. А сколько ума и благородства в лирических минорных стихах Марка Азова!

Я хотел увидеть в океане
За лиловой сеткою дождей
Острова Несбывшихся Желаний,
Острова Не встреченных Людей.

Там не надо хлеба и одежды,
Но зато для жизни там нужны
Наши ненадежные надежды,
Наши не приснившиеся сны.

Там живут не жившие на свете,
Потому они так далеки,
Наши не родившиеся дети,
Наши не прозревшие щенки.

Пароходы роются в тумане,
И гудки бессильны, как слова...
Острова не только в океане,
Мы с тобою – тоже острова.

Литература – естественная профессия талантливого поэта. Но не только поэзия. Умный прозаик и сценарист. Искромётный юмор и сатира, как неисчерпаемый гейзер хлещет из Марка Азова. Его репризы для цирковых клоунов, его произведения для Аркадия Райкина, как анекдоты расходятся по всей стране. И живые поныне гуляют среди русскоязычной публики, вызывая восторг и смех. Его стихи становятся песнями Дунаевского, Фляковского, Журбина и других композиторов. Пьесы драматурга Марка Азова ставят в театрах России и других стран. По сценариям Азова поставлены полнометражные кинофильмы. Более того, Марк Азов оказался талантливым умным режиссёром и хорошим артистом.

Алия Марка Азова в Израиль действительно алия – подъём. Обращение к Танаху насытили его прозу и драматические произведения, трилогию, мудростью

достойной старого талмудиста. Марк становится израильянином в лучшем смысле этого слова. Естественно, что к шестидесятилетию со Дня Победы у него рождаются такие стихи:

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

*– Если меня убьют, прошу считать
коммунистом... А если нет - так нет.
(анекдот)*

Не помним, не знаем ни стари, ни нови:
Что было и кто виноват...
А по Тель-Авиву идет Рабинович –
В Израиле русский солдат.
И светлое небо, и теплое море,
И в доме удобный клозет.
И было б здоровье, и не было б горя,
А праздника все-таки нет.
«Корзину» ему и пособие дали,
Чтоб сытым он мог умереть...
Но те, что из русской латуни, медали
Ему неудобно надеть.
За родину бывшую шел он в атаку,
За Сталина – за сатану.
Неужто, неужто, неужто, однако,
Спасал он не эту страну?!
Нет, он не участник Войны Шестидневной
И знал лишь неправду о ней,
Он был на другой, но зато ежедневно –
Все тыща четыреста дней.
Сквозь мрак большевистско-фашистского ада
Вошел он в израильский рай,
Не зная, что бился в стенах Сталинграда
За город Иерушалайм.
Он полз по усыпанной пеплом Европе
Сквозь дым и кровавый туман.
И фриц его как-то застучал в окопе
И крикнул: «Сдавайся, Иван!»
Плен тоже не жизнь, но он смерти замена,
Сдаваться бы, да поскорей...
«Спасибо, не надо мне вашего плена,

Ведь я, извините, еврей...»
О дружбе народов читал он в газетах
И, может быть, верил вполне,
Но все же еврей в нем проснулся на этой,
На антисемитской войне.
Вот если бы раньше, вот если б когда-то
Был занавес чуть приоткрыт,
Он, вместо отборного русского мата,
Учил бы высокий иврит.
И он бы сегодня не числился гоем,
Сидел толковал бы Танах,
И, может быть, что-то немножко другое
Имел бы в широких штанах.
А так... не в кипе, а в измятой пилотке,
Носатый, не русский – ничей,
Он полз, чтоб захлопнуть смердящую глотку
Хотя бы одной из печей...
Не надо медалей к Девятому Мая,
Ни льгот, ни щедрот – ничего,
Но ты, наш всевидящий Бог Адонаи,
Хотя бы взгляни на него.

9 мая 1995

Израиль

Три книги дивной мудрой прозы. Рассказы, регулярно ежемесячно публикуемые в «Записках по еврейской истории», «Еврейской старине» и в «7 Искусств». Марк Азов, редактор литературного журнала «Галилея», режиссёр театра в Нацерет Элит. Удивительно, даже в так называемых стихах для внутреннего употребления, в поздравлениях ко дню рождения и другим семейным праздникам сверкал искромётный талант этого необычного Человека. Да, необычного. Потому, что не только мудрость и не утраченное мастерство стихосложения, но и юность оставалась в характере и творчестве уже далеко немолодого литератора. И создавалось впечатление, что ему ещё очень далеко до естественного конца.

И вдруг...

Нет Марка Азова. Но осталось всё, созданное этим

большим Человеком. И поэтому он остаётся среди живых. И
благословенна память его

12.07.2011 г.

Борис Кушнер

Памяти Марка Азова¹

ачиная с 90-х годов прошлого столетия, новые средства коммуникации, Интернет в особенности, подарили мне старших друзей, общение с которыми безмерно обогатило мой духовный мир. Яков Хелемский, Иосиф Шварц, Владимир Зак, Марк Азов...

Должен признаться, что с некоторых пор предпочитаю виртуальный мир реальному. С одной стороны электронная почта – мгновенный вид связи, вдобавок не знающий географических границ, с другой стороны, с электронным письмом не связан риск нежелательного вторжения в физический мир корреспондента. Визит, даже телефонный звонок может произойти в неподходящее время, создать напряжение, неудобство и хозяину и гостю. Электронное письмо, сочетая достоинства старого милого эпистолярного жанра с современной скоростью, сводит к минимуму подобные ситуации, неловкости, связанные с ними.

Чтение письма, тем более ответ можно отложить до лучших времён, в исключительных случаях можно и вовсе не отвечать. Не беда и попросту чертыхнуться, выразить досаду («ну, что ему/ей от меня надо!»), не рискуя оскорбить «собеседника». И т. д.

Виртуальность общения скрадывает различия возраста, положения, жизненного опыта. Мир вроде бы виртуальный, а вот возникающие отношения – самые настоящие. Моей дружбе с Марком Яковлевичем был отмерен жестоко короткий срок – всего лишь пятилетие. Рискую употребить ответственное слово «дружба», поскольку так считал сам Марк, называвший меня «дорогим

---

¹ 2 июля 1925 г. – 11 июля 2011 г.

другом» в своих электронных посланиях

Началось всё это со случайно обнаруженной перепечатки моего эссе «Вернётся ли маятник?»² в журнале «Галилея». Марк ответил на письмо-вопрос. В свою очередь я послал ему юбилейные «лёгкие» стихи к восьмидесятилетию. Завязалась переписка. В это время имя «Марк Азов» было мне практически неизвестно. Безусловно, я слышал, знал, повторял многочисленные азовские шутки, каламбуры, но они, став фольклором, как бы потеряли авторство. Райкин же отнюдь не принадлежал к моим кумирам. Страницы юмора «Литературной газеты» я тоже сколько-нибудь систематически не читал. Имя еврейского Йорика не отпечаталось в памяти о тех временах. Многое об Азове далёких ушедших лет открылось мне из объёмистого тома «Избранного»³, присланного вскоре с дарственной надписью.

Предисловие к «Избранному», как и всё, к чему прикоснулось перо Азова, искромётно необычайно. Это «письмо к автору» подписанное «Твоя единственная жизнь». И заканчивается оно пророческими словами, сегодня звучащими особенно горько: «Жизнь от начала до конца представляется куда длиннее, чем когда смотришь с конца. Уж я-то знаю!».

Публикации Марка, ставшие – одна за другой – появляться на портале «Заметки по еврейской истории» поражали. Из-за разницы во времени я обнаруживал их первым и успевал поздравить Марка. Поздравления включали молниеносные мини-рецензии, которым Марк был сердечно рад. Вскоре Марк стал присылать свои вещи перед публикацией. Мне выпало редкостное счастье первочтения в «рукописи» практически всех его недавних произведений. Электронное письмо с приложенным файлом всегда начиналось с извинений за посягательство на моё время. Никакие уверения в том, что его дружба, доверие – честь для меня, не помогали. Пишу и не могу осознать – не появится

---

² Вестник, № 19 (356), 15 сентября 2004 г.

<http://www.vestnik.com/issues/2004/0915/win/kushner.htm>.

³ Марк Азов, «И смех, и проза, и любовь. Избранное», Gutenberg, 2003.

больше на моём экране послание из волшебного мира Марка Азова. Всесильный Интернет не проникает в страну, откуда нет возврата, в край, о котором Марк Яковлевич так много и так глубоко размышлял в своих притчах.

Уход Марка – несмотря на его внушительный возраст – оказался сокрушительной неожиданностью. Здесь проявились особенности виртуального общения, при котором общаешься именно с Душой. Новеллы-притчи-фантазмы-мидраши Марка приходили ко мне постоянно, неиссякаемо, каждый раз поражая неожиданными, новыми гранями таланта... Творческая мощь его Духа была изумительна. И это невольно проецировалось на физическое состояние – *Mens sana in corpore sano*.

Марк порою жаловался на организационные трудности вокруг издаваемого им журнала «Галилея», не избежал он (нет пророка в своём отечестве) и атак некоторых местных авторов (в одном случае я даже опубликовал письмо-протест в городской газете Назарет-Иллита), но о здоровье речи не было вовсе. Исключение составили самые последние письма конца июня, когда ему стало окончательно плохо.

В дни прощания я встретился с ещё одной стороной творчества Азова. Михаил Лезинский – земной ему за это поклон – опубликовал в сетевом журнале «Зарубежные задворки» фронтовые стихи Марка.

<http://www.za->

[za-net/index.php?menu=authors&&country=ISR&&author=lozinskij&&werk=014](http://www.za-net/index.php?menu=authors&&country=ISR&&author=lozinskij&&werk=014)

Горькие, сильные, прямые строки, возвышающиеся правотой достоверности. Художественное, эмоциональное свидетельство грозового времени. Настоящая Поэзия.

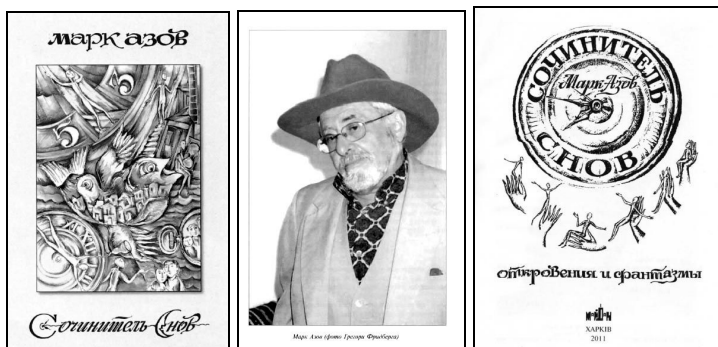
Марк Яковлевич оказал мне исключительную честь, попросив написать послесловия к двум его последним книгам «И обрушатся горы»⁴ и «Сочинитель снов»⁵. Чтение его вещей подряд, залпом оказалось эстетическим и духовным событием огромного размера. И если попытаться сказать о творчестве Азова в двух словах, то для меня

---

⁴ Издательство Эра, Летний сад, Москва–Иерусалим, 2009.

⁵ Издательство Майдан, Харьков, 2011.

главное – сочетание Любви и Печали. Той самой Любви и Печали, которые нерасторжимо соединены в Творце, и которые – по образу и подобию – живут в наших душах. Но только избранным дано выразить это вдохновенное, страдающее и ликующее двуединство.

Азовская Любовь-Печаль останется со мною до конца.

Памяти Марка Азова

Здесь нет сомнений *contra-pro*,
Мефисто из ларца –
Твоё Жар-птицево перо –
Бессмертный дар Творца.
И ни к чему лавины строк,
Кирпичные тома –
Ведь простотой глубок Пророк,
Как истина сама.
На небе вспыхнул горький знак
Крушения основ, –
Прощай, волшебник, добрый маг,
Наш сочинитель снов.

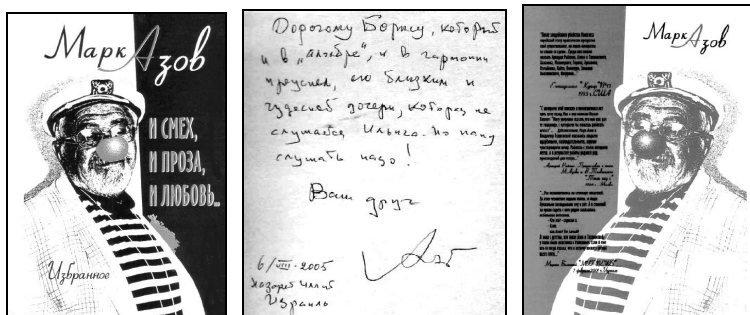
11 июля 2011 г., Johnstown

Послесловие к книге Марка Азова «Сочинитель снов»

Чтение Марка Азова всегда сопряжено для меня с эмоциональным взрывом. С непринуждённостью настоящего волшебника он пробуждает огромную гамму

чувств – волнение, печаль, смех, улыбку... Ту самую еврейско-гамлетовскую улыбку в слезах.

Талантом Азова создан по существу новый жанр лирико-теологической поэмы в прозе. В определённом смысле можно было бы говорить о продолжении нашей древней линии мидрашей, но своеобразие и широта поэтико-литературных средств, многослойное, развёрнутое в языковом и цивилизационном пространстве письмо Азова образует именно новый жанр, уходящий корнями в еврейскую духовную традицию.

В самом деле, Мастер с восхитительной, порою неправдоподобной естественностью сочетает, казалось бы, несовместимые времена, обстоятельства, персонажи. До чтения Азова я не верил в машину времени. У Азова такая машина есть – читатель путешествует вместе с ним по векам-эпохам-культурам, причём по нескольким сразу.

Уже название новой книги «Сочинитель снов» читается, как стихотворение. Поэту, достойному этого названия, ни к чему бесконечные строфы. Азову достаточно двух слов.

Восхитившись титулом на обложке, я был озадачен, когда, открыв книгу, увидел несколько формальный заголовок «Вместо предисловия». Но сколь же радостно ошибётся читатель, ожидающий обычного пояснения обстоятельств времени-места, благодарностей и т. д. Вместо «обыкновенного» нас ожидает ещё одно азовское Чудо: многоплановая мудрая новелла-поэма-притча. Профессиональный критик немедленно заговорил бы об «интертекстуальности». Действительно, поэзия здесь

вырастает из древней еврейской утренней молитвы: «Г-ди, спасибо, что Ты вернул мне мою душу». Чудесно сказано! Ибо сон – это путешествие в мир, эмоционально созвучный с тем, откуда по Шекспиру-Пастернаку «ни один не возвращался». И каждое наше пробуждение – Чудо Г-дне. Об этом молитва, об этом пишет Азов, сочетая печальную мудрость отцов с намёками на времена, совсем не отдалённые. Появляется Галич (!) («Я остался один, как голенький»), Пушкин – и прямым цитированием и цитированием приблизительным, и даже ироническому намёку на замечательную песню из фильма «Небесный тихоход» («вам сверху не видно абсолютно ничего») находится место. Рядом – реинкарнация «Вороньей слободки» с явлением Ивана Грозного-Сталина, виртуозно обращающегося в Путина. И это при первом взгляде обнаруживается! Но дело, разумеется, не только, и не столько в кипении неожиданных сопоставлений и ассоциаций. «Вместо предисловия» составляет настоящую увертюру к книге, как в оперном шедевре вводя читателя-зрителя-слушателя в круг образов, метафор, лейтмотивов – всего того, что образует феномен Азова. В горле ком от финала увертюры, в котором угадывается многое совершенно персональное, принадлежащее уже не писателю, но человеку-Азову:

«С этими словами я вышел, и я уже знал, что делать. Прежде всего, отыскать тайники души. Отыскал и заглянул. Тайников в бездонной душе оказалось немного, всего два: Река и Лодка. Два любящих друг друга существа, которых только он соединял, пока были силы.

И я сочинил ему сон».

Вот так у всех нас: время, в конце концов, оставляет из всего фейерверка-калейдоскопа жизни только несколько главных вещей, остальное застревает в порогах, прибивается к берегам... И плывёт наша лодка по Лете к её низовьям...

Многие части книги я уже читал по мере их публикации в Интернете (портал <http://berkovich-zametki.com>). Пытаться пересказывать произведения Марка Азова все равно, что подражать герою известного анекдота, который «напел» приятелю Паваротти. Рискну только

поделиться некоторыми эмоциями, мыслями, возникшими «по горячим следам», при первом чтении.

Она и Он. Неожиданная поэтическая интерпретация краеугольной для нашей цивилизации библейской истории создания человека. В отличие, скажем, от Микеланджело (фреска «Сотворение Адама»), мы видим таинство глазами женщины. Оно наполнено её дыханием, её алогичной логикой. Весь клубок сладостных и горьких противоречий, которые составляют настоящий Большой Взрыв. И, как всегда у Азова, без всяких видимых усилий выдержана удивительная гармония между идеальным и чувственным. Пожалуй, самое трудное в искусстве слова и в искусстве вообще... Бездонная глубина, бесконечное печальное тепло. Печальное, ибо Творцу расставаться с творением, пускать его в свободное плавание и светло и горько.

Утро. Чудесная поэма-притча, высшей пробы Поэзия. Впечатляющая ёмкость изложения: можно только удивляться – сколько событий, сколько мыслей, переживаний Мастер уместил в крайне ограниченном пространстве своего повествования. Иному и романа в 800 страниц (модная в нынешней российской литературе форма) не хватило бы. И какое голосоведение, какое сплетение линий, какой контрапункт! Не зря я всё время думаю о музыке и об её формах, читая Марка Азова. Во-первых, само звучание его поэзии (слово «проза» мне кажется здесь слишком будничным, «прозаичным») завораживает, во-вторых, именно в музыке достигнуто усилиями поколений то совершенство форм, которым завораживает Мастер. «Утро» – настоящая fuga в форме рондо. Вступительные абзацы – вдохновенная поэма утра-реки-мира. Ива, «которая мыла косы», «улитка, с которой разошлись пути» – каждый атом природы оживает под волшебным пером. Невозможно перечислять находки – пришлось бы переписать всё слово в слово. Этот дар заставляет вспомнить такие имена, как Диккенс, Чехов... И финал, возвращающий к началу – Рондо:

«Творец. И я вспомнил утро седьмого дня, когда вышел из шатра в Эдене... Вспомнил, спохватился, побежал за ворота, догнал сына своего единственного, Адама с женой

его, изгнанных из сада, и подарил им мир, который неизмеримо шире и прекраснее любого рая. Только надо утром выйти из палатки, наполненной светом».

Сказанное от имени Творца применимо к писателю и к нам, читателям. Мастер подарил нам единственный мир, который *неизмеримо шире и прекраснее любого рая*.

Гюрза. Ещё одно свидетельство неиссякаемости настоящего таланта. Движение ассоциаций в «Гюрзе», контрапункт образов, воспоминаний напоминает Баха. Удивительно: ситуацию, которая в любых других руках превратилась бы в небольшой фильм ужасов, Азов развил в огромное обобщение, ни на секунду не утратив при этом абсолютной реальности физического окружения – читатель видит выжженную степь, чувствует обжигающий огонь солнца, ужасается своему отражению в глазах – сначала змеи, а затем Змёя...

Слово. Если раньше читатель видел сотворение Человека глазами Женщины, то теперь он может посмотреть на евангельские предания глазами ребёнка. Замечательная точка обзора, ибо и в сотворении мира, и в нашем странствии в нём есть именно нечто детское, нечто от детской игры, когда уж точно не ведают, что творят. Только избранным дано удержать в зрелые годы это детское видение. И что за слово-колокольчик извлёк кудесник-сочинитель, совсем как ребенок, из неведомых всем нам, слишком взрослым, вселенских кладовых! *Лямидинга!* Здесь и две нотки «ля-ми» и дикая собака динго. И контрастом звону слов-капель – сама История в нескольких предложениях:

«...Их снова стало двенадцать, когда освободившуюся вакансию предателя Иуды занял новый апостол Павел, в прошлом жестокий ненавистник-гонитель христиан, и они сомкнули свои ряды. Что было дальше, вы знаете. Крестовые походы. Костры инквизиции. Варфоломеевская ночь. И всё это при том, что слово его было – Любовь».

Если не ошибаюсь, русское существительное «слово» переводит в Новом Завете бесконечнозначное греческое «логос». В частности Логосом может быть и

эманация Б-жья, пронизывающая мир, Присутствие Б-жье везде-всегда в Пространстве-Времени. *Шхина*. Великая Тайна – Слово, по силам ли оно властителям и просто политикам? Мудро и абсолютно точно пишет Мастер: «Бумажный мир и мир настоящий похожи, но это параллельные миры. Не дай Бог им пересечься. Слово воплощенное – есть зло». Не дай Б-г! И эхом слышу: «Мысль изречённая есть ложь»... Встреча Поэтов...

Весенние ятеря. Захватывающая поэзия человека, реки и осени. Настоящее стихотворение в прозе, порою заставляющее вспомнить Тургенева. И хотя слой языка и образов, кажется отличным от библейской поэтики, но имеющий уши, услышит собственную осень, осень лесов и души, отзвук Начального ветра, который в своё время унесёт нас всех.

Мифы. В этой поэме о любви и её печалях виртуозно сплетена серьёзная обстоятельность перевозчика мёртвых Харона, изыски Игоря Северянина и просторечивая лексика человека, пришедшего «обнять мир». Но по дороге к исполнению высшей миссии он обнимает (или пытается обнимать) женщин. А, как известно, во многих объятиях многие печали. Но, говоря серьёзно, мне кажется, что «человек, пришедший обнять мир» – метафора самого автора, его огромного, воистину *всеобъемлющего* дарования.

Первая Любовь. С поразительной, пожалуй, библейской мощью показано, как любовь пробуждает Человека в звере. Можно увидеть здесь ещё одну версию вечной повести об Адаме и Еве – даже и наготу свою герои осознали. И стали они различать Добро и зло.

Женщина. Ещё одна потрясающая притча. Не сосчитать, сколько раз и как меняется настроение в этой небольшой новелле. Настроение героев и самой природы, самого неба. Настоящая трагедия – родовая и просто человеческая. Как всегда у Азова, все персонажи – и центральные и эпизодические – совершенно живые. Женщина, не сказавшая ни одного слова, живая. Эта, вроде бы миниатюра, на самом деле имеет эпический духовный размер. И финал невероятной трагедийной силы. Смены

тональностей, модуляции заставляют вспомнить сразу и о Малере, и о Шостаковиче, и о классической трагедии. И снова огромное содержание в очень немногих словах. Плотностью, неотвратимостью, величественной простотой изложения перо Азова сродни Перу, записавшему для нас Танах.

Ещё одна сторона книги – театр Марка Азова, автора, режиссёра, актёра. Трагикомедия «Мистерия блеф», с явной аллюзией на Маяковского, с той же энергией сочинённая, но выросшая на совершенно иной почве. Не зря театральному действу предшествует уведомление: «Все персонажи и ситуации являются вымышленными, и любые совпадения с библейскими просьба считать случайными!»

О лучших страницах Шолом-Алейхема вспоминаешь, читая повесть «Ицик Шрайбер в стране большевиков». Не сомневаюсь, что созданный Мастером народный герой заживёт собственной жизнью, а его истории, шутки, афоризмы будут «разобраны», пойдут гулять в народной гуще, станут частью фольклора.

Настоящий смех сквозь слезы – азовский цикл «Фантазмы». Слезы – потому, что всё – чистая правда, освобожденная от украшений. Вот уж точно «горьким словом моим посмеются». Какая сатира в адрес обезумевшего либерализма, какая печаль по нашей дряхлеющей цивилизации...

О каждом вошедшем в книгу произведении можно и нужно было бы написать отдельный этюд. Но я уже попросту испытываю дефицит эпитетов превосходных степеней.

При всём этом невозможно не сказать хотя бы нескольких слов о военной линии творчества Азова. Марк Яковлевич – ветеран Великой отечественной войны, он знает о войне не понаслышке. Перо его часто сурово, реалистические детали жестоки, как само то лихолетье, но страшные картины эти неисчерпаемая фантазия Мастера переплетает с лирико-философскими и теологическими обобщениями, с событиями и героями самых разных времён.

Среди вершин военной прозы писателя для меня выделяется скала «Аваддона»⁶. Даже привыкший к необычным событиям азовского мира читатель будет поражён. Теперь мы видим войну из невозможного, из-за черты – глазами убитого солдата. Он уговаривает Ангела Смерти Аваддона позволить навестить маму, подарить последнее мгновение счастья той, у которой *был* и муж, и сын. А теперь – никого. И снова совершенно уникально движение немислимого повествования, сочетание двух миров, странствие по границе. Жуткое остигато: «Ты мертвый, я бессмертный». Всё это при абсолютной точности реалистических деталей. Живопись словом, как кистью. Всё вместе – трагедия цельная, неразделимая. И этот выскочивший и провалившийся в своё болото генерал. И мать... Еврейская Мать... И даже соседка – абсолютно реальная при всей иррациональности картины, в которой она действует.

«Только за ними закрылась дверь – вбежала соседка.

– Ну, что я говорила? Что я говорила?! Сядь! – Софья Соломоновна силой отрывала её голову от подушки.

– Они, конечно же, по ошибке прислали тебе эту похоронку!

– Оставь, Соня, оставь, дай мне умереть.

– Но он только что был здесь, я его видела, как тебя, своими глазами!

– Ты не врач, ты не знаешь, что такое фациес гиппократа.

– Зачем мне ваши фациусы-шмациусы? Это был

---

⁶ Марк Яковлевич считал эту вещь настолько страшной, что даже советовался со мной – можно ли такое публиковать. – Прим. 13 июля 2011 г.

Саша, его лицо, или я сумасшедшая!

– Маска Гиппократы – лицо смерти у моего бедного мальчика. Нос цвета стеариновой свечи, лоб ледяной, и глаза, запавшие в синие ямы. Не утешай меня. Это правда, Соня. Я не выдержу правды! Ничего на свете ужаснее правды люди не придумали».

Ничего на свете ужаснее правды люди не придумали. Омен.

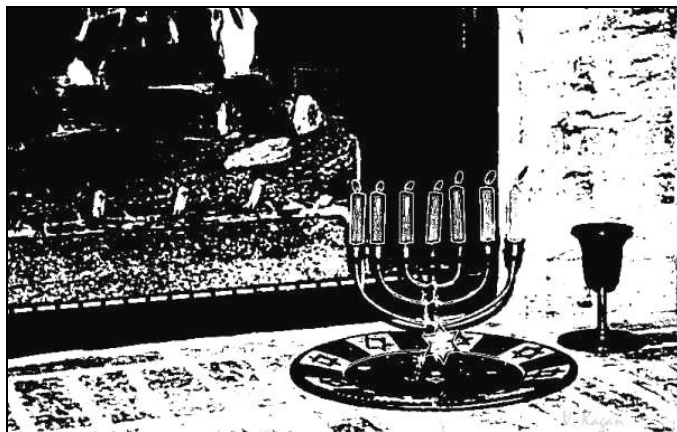
Спасибо, Марк Яковлевич, за этот приговор войне, за памятник крепче гранитного, возведённый Вами друзьям-соратникам, оставшимся на тех кровавых полях.

Великий математический мыслитель Георг Кантор писал, что сущность математики в её свободе. То же самое можно сказать о любом творчестве. Творческая свобода Марка Азова абсолютна. И, кажется, нет такой немыслимой ситуации, невозможного сюжета, которые не ожили бы под его пером, в которые не поверил бы всем сердцем читатель. Такое доступно только высшим, от Б-га талантам. По пальцам их можно пересчитать. Г-дь благословил Марка Азова редкостным дарованием, а наш народ – пророком-писателем.

24 августа 2010 г., Pittsburgh, USA

Виктор Каган
Памяти Марка Азова

*Сколько счастья – столько горя,
Сколько смеха – столько слёз.*

*

*Мы станем неземными существами,
Поскольку нас не будет на земле.*

*

*Лиловое небо да чёрная крыша,
Чёрная крыша, печная труба...*

*

Стихи мои не кончены...

*

*Ни льгот, ни щедрот – ничего,
Но ты, наш всевидящий Бог Адонаи,
Хотя бы взгляни на него.*

Марк Азов

1.

от и время итогов и точки,

деревянной обложки тоска.
Были ягодки – стали цветочки,
было дерево – стала доска.

Смех до слёз, смех сквозь слёзы – утеха
испытания жизнью навзрыд.
Белый ангел снежнейшего смеха
в изголовье у смерти сидит.

2.

И дерево в июле облетело.
Ушла с него растерянная мысль.
Стал неземным. Земле оставив тело,
летит душа в заоблачную высь.

Летит душа ... Вернётся, не вернётся –
ни ей, ни нам предвидеть не дано.
И там на дне небесного колодца –
свободной птицей в вечности окно.

От дня рожденья и до дня ухода
на девять дней глухое забытьё.
И неземная терпкая свобода
земное окликает бытиё.

3.

От мира до войны лишь миг
и вечность от войны до мира.
Июльский птичий переклик,
постели тесная квартира.

Жизнь внутривенна и горька,
и смерть уже целует в губы,
и ночь, как Божова рука –
на хрупкость крыш, печные трубы.

4.

Оставив земле обветшалое тело,
журавликом в небо душа улетела
и там ей спокойно, легко и счастливо ...
А стих кровотоцит на месте обрыва.

А крыши ... а крыши, как раньше черны.
А небо ... а небо, как прежде, лилово.

А он – где ни мира уже, ни войны
и слово беззвучно вливается в Слово.

5.

Листает память книгу лет
в нездешней тишине,
ступая бережно след в след
то миру, то войне.

А на душе уже покой
и свет впадает в тень,
и недописанной строкой
последний тает день.

6.

Столько раз шёл по самому краю,
где земля разверзалась у ног ...

А теперь время вышло проститься.
Хлеб на стопке. Погасла звезда
и души невесомая птица
улетела неслышно туда,

где всевидящий Бог Адонаи
говорит: «Будь со мною, сынок».
Dallas, 11-12 июля 2011

Марк Фукс

**«В небе над горами Галилеи
повисла полоска пепла –
сгорело облако»**

Памяти Марка Азова (ל"ו)

усскому Израилю с Марком Азовым повезло.

И Марку Азову повезло с Израилем.

Весь израильский отрезок его жизни, наполненный свободой, ежедневным творчеством, поиском и находками, наполненный признанием, любовью и уважением благодарной аудитории – свидетельство тому.

Судьба нашла ему место в Галилее, в самом ее сердце, в Назарете.

Конечно, если бы такой талант, такой разносторонний художник необыкновенного диапазона и силы, человек неограниченный горизонтом оказался бы и в сердце безлюдной пустыни, то, уверен, и там он нашел бы достаточно впечатлений и тем для творчества, и там бы нашел и организовал вокруг себя людей и повел бы их в творчество и искусство.

Но жизнь разложила свой пасьянс, так как разложила.

Карта упала на Галилею и слово это, это понятие, стало для Марка Яковлевича большим, чем история с географией, большим, чем обычная повседневность, оно стало частью его творческой жизни.

И если найдутся серьезные исследователи его наследия, то уверен, они назовут этот азовский период Галилейским.

В Верхнем Назарете – Нацрат Элит, где мастер жил и творил, с его чистейшим, прозрачным воздухом, необыкновенными библейскими пейзажами, живописными спусками и подъемами, где каждая окраина – вовсе и не окраина, а центр какой либо истории или события, где стоя лицом к Востоку, справа от себя обнаруживаешь легендарный Тавор (Фавор), а слева Галилейское море – Кинерет, даже человек далекий от искусства становится поэтом.

А что говорить о такой личности, как Марк Азов!

С Марком Азовым по его произведениям я был знаком давно, а вот личное знакомство с ним состоялось в доме Тайчер-Минкиных относительно недавно.

Я был приглашен Еленой Михайловной на интереснейший вечер документального кино. Предстояла встреча с большими мастерами, кинематографистами мирового класса.

Я не был уверен в том, что прибуду.

В суете жизни мы часто пропускаем действительно стоящие моменты. Только с позиции времени, потом, иногда, мы способны оценить их значимость в нашем бытии.

Уловив в телефонном разговоре мою неуверенность, Елена Михайловна привела самый весомый аргумент:

– Марк! Приходите! Будет Азов!

Мы познакомились. Оказалось, что Марк Яковлевич, просматривая мою страничку в «Заметках», отметил про себя и запомнил, что я из Ташкента.

– Я уходил оттуда на фронт. И вообще начинал там.

Я знал это.

К Ташкенту в жизни Марка Азова мы еще вернемся.

Там закладывался фундамент.

В ноябре прошлого 2010 года, я последний раз общался с ним лично.

Елена Михайловна Минкина, прекрасный, щедрый человек, добрый врач и хороший писатель вновь принимала гостей.

Марк Азов не был героем этого вечера.

Он был частью нас, аудитории, пришедшей на интересную лекцию – научно-историческое исследование.

По окончании лекции, когда официальная, заявленная часть была исполнена и потекла непринужденная застольная беседа, Марк Яковлевич самым естественным образом разделил, к всеобщему удовольствию однополярный мир вечера надвое, став вторым полюсом нашего притяжения.

В ходе этого незабываемого вечера я спросил его, где и как он находит сюжеты, нужные слова, как чувствует читателя и ведет по своему рассказу, он ответил:

– Просто я стар, многое видел, и многое умею...

Совсем недавно, когда в изданиях Е.М. Берковича, появился его очередной маленький и изящный шедевр, я написал свой скромный отзыв.

Он его заметил и, отвечая мне, написал:

Со временем не остается других радостей, как только писать и писать, выплескивая из себя все самое дорогое, что дано прожитой жизнью. Надо бы поскупее, с отбором, да времени остается все меньше и меньше. Не забирать же с собой туда. Спасибо Вам за сочувствие, внимание и понимание. А если споткнетесь о «проходной» продукт, не обессудьте.

Все, что могу, все, что могу.

Теперь это останется со мной навсегда.

Обещанное возвращение в Ташкент, в юность Марка Азова.

В годы войны семья Якова Айзенштата, отца Марка оказалась в Ташкенте.

Яков Айзенштат подымал там эвакуированный завод, а Марк, совсем еще юный, делал первые шаги в жизни и литературе.

Оттуда он и ушел на фронт.

В те годы Ташкент принял около трехсот деятелей советской культуры, искусства и литературы мирового уровня. Марк общался со многими из них.

Найдите несколько свободных минут!

Прочтите вновь, прошу Вас, «Ташкент любви моей» (<http://berkovich-zametki.com/Nomer38/Azov1.htm>)!

Вы почувствуете как Марк Азов – Израиль Шрайбер («писатель» – идиш), в этом автобиографическом рассказе,

передает вам эстафетную палочку поколений, полученную им от Анны Ахматовой, Алексея Толстого, Виктора Шкловского, Соломона Михоэлса...

Последние строки рассказа – воспоминания:

«"Где он, этот мир чудес?.."

"Где он, этот взлет стиха?.."

...В небе над горами Галилеи повисла полоска пепла – сгорело облако».

Марк Азов давно готовился к встрече с Всевышним.

Мудрый, много повидавший и много осмысливший на этой земле человек был готов к этому.

Он ушел от нас в вечность жарким июльским утром в Нацрат Элит – Верхнем Назарете и предан земле согласно скупой на слова и эффекты, полной смысла, уважения и мудрости традиции на террасе-склоне скалы с потрясающим видом на Тавор.

Хайфа 14.07.2011

Эллан Пассика

Рыцарю весёлого образа

(По поводу смерти Марка Азова)

Мы не были с ним близкими друзьями. Хотя были основания: взаимная симпатия, близки по возрасту, по мироощущению, по любви к литературе, наконец. Но так сложилось. И не только потому, что, когда мы с ним познакомились, он уже жил не в Харькове, а в Москве. Уже много позднее, когда их с Ирой дочь Маша, вышла замуж за харьковчанина и осталась в Харькове, Марк с Ирой опять зачастили в родной город.

1978 был для нашей семьи очень тяжёлым, летом так и не удалось отдохнуть на море. Поняли это только в августе. Не знаю, как бы было дальше, если бы не одна подруга жены, увидевшая меня без рубашки с лопатой в саду: – «Мне кажется, что если для чего и годится "твой", так это таскать байдарку. Кстати, Лариса, у меня есть для вас прекрасная компания».

Так я впервые увидел Марка Азова. К нам в дом пришёл человек за 50, явно не спортивного вида, но с изящными движениями худого тела, с чеховской бородкой. Он был слегка сутул. Но это не портило впечатления от его внешности: умных глаз, крупного «еврейского» носа и доброжелательной улыбки, переходившей в смех: он легко подхватывал шутку. Но чаще балагурил сам, всегда очень остроумно и ненавязчиво. Я обратил внимание на его одежду – явно не из «Мосшвейпрома», хотя, как потом выяснилось, он всегда был «невъездным». Выяснилось также, что кроме палатки и байдарки, они из Москвы ничего не захватили. «Но ты не волнуйся, – успокоил он меня, – всё это мне обещал Наум, который тоже хочет поехать с нами».

Я не знал, кто такой Наум, но сразу проникся к нашему гостю симпатией.

Согласитесь, редко бывает, чтобы в попутчике ничего не раздражало... Так вот, ничего не раздражало нас не только в самом Марке, но и в его жене Ире и дочери Маше, которой было 15 лет. Она всё время подавала пример нашей легкомысленной дочурке 9-ти лет, тоже Маше, своим участием в делах и рассудительностью. Маша Азова увлекалась рисованием и собиралась стать художницей прикладного искусства. Много позднее, уже в Мельбурне, я встретил у друзей большой портрет молодой женщины, и поразился, как глубоко проник художник в суть позировавшей. «Какая прекрасная работа! – воскликнул я, – «Это рисовала Маша Азова, они ведь ближайшие подруги. Она сейчас живет в Израиле и сказала, что хорошо знает вашу семью... Стоит ли говорить, что родители боготворили своё единственное чадо.

Мы с Марком у костра, река Псёл, август 1978.
Фото Наума Рыжика

И вот в конце первой декады августа три семьи, всего несколько дней назад узнавшие друг друга, едут в небольшом автобусе из Харькова по направлению к реке

Псёл, притоку Днепра. Накануне мы с Марком договорились, что набросаем текст нашей туристской песни. Когда во время переезда в автобусе, мы обменялись своими виршами, то я понял, что мне с Марком не тягаться. Он успел сочинить очень задорную и весёлую песенку на мотив: «Тра-та-та, тра-та-та./ Мы везём с собой кота...». Запомнился припев:

Тра-та-та, тра-та-та,
Псёл – речушка-красота,
Даже как ни странно –
Шире Иордана и поглубже Океана.

Насчёт Иордана не зря Марк вставил. В то время только и разговоров было насчёт эмиграции. Никто тогда из нас так и не двинулся. Меньше всего был к этому готов Марк. От того небольшого двухнедельного плавания по Пслу осталось удивительное ощущение единства сердец. Это ощущение обострилось происшествием, которое при менее благоприятных обстоятельствах, могло закончиться трагически. Где-то на девятый или десятый день нашего плавания мы остановились в чудесном месте, где река делает поворот, и поэтому кажется широкой и почти величественной. Противоположный высокий берег, весь заросший ивняком, выглядел несколько угрюмо, зато на нашей стороне песчаный берег плавно сбегал к прозрачной воде.

Подождав, когда выглянет из-за леса солнце, и, позавтракав, мы вдвоём с нашей Машей начали купаться. Маша умела плавать, но я продолжал тренировать её. Течение реки было довольно быстрым, и она старалась, плывя против течения, преодолевать его. В какой-то момент я не обратил внимания, что оказался выше по течению за Машей. Я только решил исправить ошибку, как дочка попала в водоворот. Когда я догнал её, то мы были уже на глубине. Наверное, я правильно сделал, что не пытался её тащить, а подбадривал держаться и по косо́й подплыть к берегу. Так мы несколько приблизились к отмели, но было ещё глубоко, а Маша, я чувствовал, выдыхается. В тот момент, когда я решил всё же схватить её, то увидел

бросившегося в воду Марка. От страха она схватила того за бороду, к тому времени отросшую уже в короленковскую. Он, однако, быстро освободился одной рукой, не отпуская другой рукой девочку. Теперь нас, взрослых было двое, и, нахлебавшуюся воды, но мы бы вытащили её на берег. Однако крик жены услышал Наум, он у нас был «адмиралом» и, прибежав, не стал суетиться, а профессионально подтолкнул к нам байдарку. Все остальные отделались лёгким шоком, а Маша даже глотнуть воды не успела.

Такое хладнокровие в опасной ситуации у этого вовсе не сильного человека я наблюдал не раз потом уже в другом нашем походе. Видимо, недостаток силы, восполнялся интуицией и быстрой реакцией, и там, где я безнадежно застревал, и иногда байдарку при этом переворачивало, Марк буквально выходил сухим из воды. Недаром Марк в войну был военным разведчиком, и, видимо, не только потому, что знал немецкий язык.

Я уже упоминал, что судьбе было угодно в самом начале 1990-х опять нас сблизить, когда мы побывали в гостях в Австралии и решили «вытолкнуть» сюда своих взрослых детей. К этому времени Марк, казалось, уже примирился с эмиграцией, но явно предпочитал уехать в Израиль. Он, однако, не мог противиться планам детей, а я воспылал надеждой оказаться вместе в Австралии.

Оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать: это Г-дь привёл Азовых в Израиль, где только и мог настоящему развиваться его писательский дар. Вы скажете, – «Б-г с тобой, человеку 70, а ты талдычишь о развитии!», но это так. Почитайте его последние рассказы, ну хотя бы самый последний! Как сочен, изящен и упруг его язык!

Марк не мог работать «в стол», а иначе в «империи зла» с его мировоззрением прозаику было невозможно творить. Потом наступила пора «выживания», и только в Израиле он оказался один на один со своим читателем, и совершенно не «исписанным». Даже только то, что написано за эти годы для «Заметок по еврейской истории» впечатляет не только по количеству. 53 публикации в собственно «Заметках», 18 – в «Еврейской старине» и 11 – в журнале

«Семь искусств».

Я старался следить за его творчеством и изредка давал свои восторженные комментарии. О последнем рассказе «Спортсмен» («Заметки», июнь 2011), в котором чувствуется, что над автором уже занесла свою секиру Судьба, написал: *Привет, Спортсмен! Ты даже не представляешь себе, какую ты вещь написал! Поздравляю, обнимаю, целую! И зверски завидую.*

В одном из некрологов на смерть Марка Азова он назван также и философом. На самом деле философом он не был, а был чистой воды литератором. А вот философские вопросы жизни и смерти, отношения человека к жизни и искусству, низости и благородству – затрагивал постоянно.

Впрочем, что это я расписался?! Это ведь не литературная рецензия, а попытка показать близкого мне человека, мягкого и деликатного, доброго и отзывчивого, смешливого балагура и весёлого рассказчика, пронизательного мудреца и человека, легко поддающегося на розыгрыши. И, вместе с тем, твёрдого в своих убеждениях, смелого и решительного. В нём было что-то от Санчо Панса и, одновременно, от Дон Кихота, от шута и от пророков. И такого задушевного!

Мне тяжело будет смириться с тем, что его уже нет на этом белом свете.

Мельбурн
16 июля 2011

Демьян Фаншель

Я жил тогда, вы помните?

Памяти¹ Фрейда

рюмке - из варенья вишня.
Наливай полночный ром...
Медленно, со дна, неслышно
Вместо сна всплывает - сом.

Ходит тёмной донной рыбой.
(Не спеши, не пей до дна).
И доходит - волос дыбом!:
Их там много. Не одна.

Тёмен сом. Невероятно
Близок. Не даётся в руки.
Медленно, но непонятно
Говорит на ультразвуке.

Что - неясно. Вспомни, cito!²
Это, вроде, помнит кожа.
Этот твой язык забытый
Надо вспомнить. Но не можешь.

Перед тёмным сомьим ликом
Должен вспомнить. Но не можешь.
Ртом немым, беззвучным криком
Бесполезно звать на помощь.

И - толпой медузы бельма.
Ближе, ближе рыбий зрак...

---

¹ В буквальном и переносном, и пр. смыслах

² cito! (лат.) – быстро

Лишь огни святого Эльма -
Сквозь туман и сон, и мрак.

Что - неявно там, сквозь вату, -
Чёрным контуром нечётким?
Тускло светятся на вантах
Электрические чётки...

Всё отчётливей явленье,
Всё понятнее огни.
Потерявший управленье,
Тут он - руку протяни.

Ухватись... На борт помалу.
Всё на месте? Кнехт надраен?
Встань спокойно за штурвалом.
Не спеши. Здесь ты хозяин.

И над зыбью - к дому, к молу,
К воле, к тверди, в порт, в покой.
Пусть дрожащим, мокрым, голым,
Но на палубе сухой.

Не до жиру, не до счастья,
Но спокоен и спасён...
Полным ходом, над напастью -
Чуждый Чарам Чёрный Чёлн.
1992

Падение империи

1.

Пойми: сдвигающий породы,
В нечеловечью волю слит,
Глухой, подземный глас народа
Достиг континентальных плит.

Гул слышен. Дыбятся века.
Вот-вот - и блоковские кони...
Ещё спокойно все пока.
Но в сослагательном уклоне

(Что обвинительному брат)

Все наши “если б” воплотились -
В кристалл, в магический карат
Свободы, дикой воли, или
Неважно в что уже - когда
Грядут библейские явления:
Польнь какая-то, беда,
Воюющие поколенья...

И пресекутся времена.
Рассвет. Соборность и народность.
И смерть, и мука, и война.
И ненависть. И безысходность.

Кричит неведомая птица.
Трещат, ломаются гробы.
Не приведи Господь родиться,
Когда творится “если бы”!

2.

“Где стол был яств”, - всё больше - выпить.
Снаружи - рой за роем: Припять,
Полк Наших, Трезвость с Топором.
А к нам: с автобуса - двором.

Винцо. Нехитрое печенье.
И некое столоверченье -
От градусов и разговоров.
Остатки разливали поров...

Тут, выбирай не выбирай:
Спасённым - рай, а вольным - воля.
Был посередке где-то край.
И хата с краю. В кухне, что ли:

Все выпили и вздор несут.
Пора: “А хорошо ль сидится?” -
Вопрос бы и задать, и тут
В улыбке расплывутся лица...

Слов столь ещё понятна суть:
“Застолье”, “Стол”, “Моя столица”.

3.

Где Це Ка Ка минувших светлых лет?
А где простые, ласковые бляди,
Портвейн “Кавказ”, скажите, Бога ради,
Где из столовой бурый винегрет?

Где песенка, как я гляжу ей вслед,
Где трёп на кухне, споры на ночь глядя?

Где женский визг вокруг? Где лучший друг?
Где рок-н-ролл? И сам, куда как шустрый,
Партнерши каблучком заехавший по люстре?
По батарее где соседей стук? И вдруг, -

И вдруг все кончится. Не враз. Не без следа.
Товарищ, верь, чёрт с ней, с моей громоздкой
Византией,
Гори, сияй, Полюнь моя, звезда!
Люд поднебесный, не грехи, - долги прости ей.

Пески поглотят царство. Не беда.
Ещё осталось жизни на распыл.
Что вы заладили так грустно: “Навсегда”.
Я жил тогда, вы помните?
Я был!
1995

Aachenerstrasse

Привычный жест: как в рот травинку
Клади прохладную пластинку.
И делом занят, и - жуёшь.
“Мысль изреченная...” Ну что ж,

Совет понятен, спору нет.
Молчи, катая мягкий шарик.
Молчишь, молчания обет.
Язык лишь беспокойно шарит.

Речь кончилась. Есть вкус и запах.
Восход, пожалуй, - всё. На Запад
Шоссе. Знакомых нет растений.

Возможно - вертоград. И тени.
Пустое дело - на юру
Бледнеть лицом, пугать прохожих.
Умру когда-нибудь? - Умру.
Как ощущать приятно коже

Что ближе к телу, - итога:
От кед - до глаженной рубахи.
Но было эхо? Нет, всего -
то грузовик промчал: "Аахен!.."

Ост-Вест. Обычная картинка.
Что там, что тут есть твоего?
Идешь, глядишь, жуешь резинку.
Без сахара. Без ничего.
1995

Национальность

Мемориалу Яд ва-Шем

Мы евреи, евреи, евреи.
Мы поедem в другие края.
Всё. Забыться. Забыть поскорее,
Водка, горькая чаша моя,

Что стоит
    недвижим
        монолит
            картотеки

Мест, куда
    и откуда
        бежали.

Города,
    кои выбиты
        в камне
            навечи,

Как заветы на третьих скрижалях.

Ничего не меняют твои размышленья,
Рассуждения: быть ли, не быть...
Это право. Печать. Первородство. Рожденье.
Не избыть. Никогда не забыть.

Тот же спор, стук колёс, разговоры о Герцле,
Та же горько-весёлая песнь.
То не пепел Клааса стучит в моё сердце, -
Моё сердце стучит, пока есмь:

От Ганзеи до русской развесистой клюквы
Отмечается срок бытия.
Упрощается речь.
Отпадают буквы.
Бабий Яр.
Яд ва-Шем.
Я.
1995

Толкование снов

Вот кончается речь - начинается кровь.
Хлеб изгнания. Мычанье. Семь тощих коров.
Не вскричать. Не проснуться. Не встать и не
лечь.
Нет дыхания. Спазм. Газ доходит до плеч...
Утро. Топится печь. Продолжается речь.
1995

Анкетный вопрос

Жилось ли, училось - а одна строка.
Так уж получилось - знать три языка.
Всё как полагается, читаю и пишу.
(Русский не считается. Я на нём дышу).
1995

Словесник

Тунеядцу³, получившему по заслугам.

1

Быть пустоцветом. Не давать плодов.

---

³ Фотомонтаж в одной из первых, изданных еще при СССРе, книжке стихов: сверху фото газетной статьи времен суда над Бродским. Заголовок: "Тунеядцу воздаётся должное". Под обрывком текста - фотография вручения "тунеядцу" в 1987 году Нобелевской премии.

Ни яблоков, ни смоквы, клюквы, брюквы...
Лечить, лелеять, собирать все буквы -
Больные, грязные, из “АКМ”, из “бей жидов”,

Из слов Равви, постыдной лжи последней -
Не получатель, не владелец, но – посредник
(Посредством этих мелких лапок птичьих,
Ничьих, зачитанных, надуманных, вторичных).

Быть пустоцветом, цветом, автоматом
Печатанья, сознания приматом.
Быть подсознания остаточным отсветом, –
Не до конца поняв.
Но смутно вняв.
Быть пустоцветом.

2

Толкования, токование,
Толка, логики строгой кование.
(Бормотанье, вина подливание.
Забывание, завывания.)

Толкованье известного ранее.
(Предсказанье, врождённое знание.)
По хранилищам - книг добывание.
Осознание.
(Осязание).

Толкованье, сдирание струпа.
Доказательств, Фомы торжество.
Толочь воду на аш и два о -
Бога ради! Не жалко ли ступу?

Толкование, м-м, пребывания.
Стёкла, линзы - коррекция зрения.
(Просто житие. Переживание.
Знак, сомненье, знаменье, прозрение.

Впечатленья. Ума помрачение.
Сон. Импрессио. Сюрреалие.
Умолчание. Увлечение.
Суть камней и суть инталии.)

Толкования и примечания.
Замечания. Некие чаяния.
Пререкания. Примыкания.
Вычисленья законов мелькания...

Связь уходит с вязанием пупа,
Дверь теперь не узнать, не открыть.
Остаётся - навязчиво, тупо -
Толковать, токовать, говорить.

Степень. Звание. Мантия. Букли. -
Пусть себе. Пусть - очки.
Уберечь -
Переводом в значки,
Сиречь - в буквы,
В скучный смысл,
Значение.
Речь.
1995

***

Снова - снов обрывки. Словно
От узла лишь кончик словлен
Слов, читающихся справа...
Разруби условно, право

Слово! Может, развязать
Это? Ключьями основа, -
Что-то... где-то... Как дословно
Связно сны как рассказать?

В мягкой тине, в Палестине,
Справа - от конца к причине -
От “аминя” к “присно” с “ныне”
Тебе, сыне, - здесь читать.

Тебе, сыне, - в сене, в соме,
В мухоморовом рассоле,
Здесь, в России, в Палестине,
Сыне, сыне, - поздно вспать!

Ну зачем, размысли здраво,
Слева мечешься направо
(Плотная, гляди, какая,
Насквозь потная, глухая, -
Ночь, подушка, - сна оправа...)?

Всё. Звонок. Тебе вставать.
- “Мочи нет. Разбитый весь”.
Застилай во сне кровать.
- “Что плохого даждь нам днесь?”
Что там снилось? Наплевать.

Лучше? То-то. Стой под душем.
Стой, спасай от ночи душу.
Сна - как не было. Прошёл.
(Ты для бреющих полётов,
Кажется, уже тяжёл.)

- “Только, помнишь, как бывало:
Я, мальчишка, я, урод,
Я летал, как у Шагала,
С головой наоборот?!”
1995

***

Это после - Кирилл и Мефодий.
Глубже всех византийских даров,
Где-то в недрах, при всякой погоде,
Рост кристалла - отрады воров.

Это - твёрдость сверкающих звуков.
Это просто - как есть и дышать.
Это - до - до письма, до науки.
Да и - после, в запас. Не мешает.

Это “Р”, это “ЬГ”, это “Щ”
Я украл, как у Клары кораллы, -
То, что мышцы груди распирало,
Развивало движенье плеча,

Что осталось, в живот опустилось,

Как буддийское “о-ом” разместилось
(Зверем, сглазом, мятущейся тенью,
Виим, веком прикрытым в нутре -
Третьим глазом в подвздошном сплетенье,
Тёмным зеркалом, - блеском сквозь креп...)

Где - помстилось⁴, а где - отомстилось!
Здесь одна только - жимолость, милость.

Да и там... И кому оно - там?
Неприкаянным, Каином, меченым, -
Только долг этот помню, конечно.
Я отдам, не забуду, отдам.
1996

***

Оставайся самим собой -
Как шурупчик с обратной резьбой, -
Злой, спокойный, спросонья - любой!
Нервный, в дуле ломающий пальцы,

В униформе - подъём ли, отбой,
За едою (глухой и слепой),
В заграницах, где вместе с тобой -
Погорельцы всё да постояльцы.

Оставайся самим собой -
Интравертом, левшою, совой,
Балагуром: ведь в вдоску весь свой!
Васькой Тёркиным с передовой,
Мышкой, фишкой, травой-муравой.
Завизжав. Повредясь головой.
Как въезжает сирены вой
В звуки хачатурянского вальса!..

Но - неважно. Самим собой.
Оставайся - самим собой.
Не сдавайся: самим собой!
Разрывайся - самим собой!

---

⁴ Помстилось - показалось, привиделось.

Оставайся самим собой!
Сам с собой. Оставайся.
1996

Текст

Раз, два, три, - счёт идёт на четыре...
Стены, тонкие стеночки плача.
Я, раскачиваясь в квартире,
Всё о доле молю и удаче.

Всё записочкой тычешься в стену;
Все четыре - глухие, нет щели!
Взгляд со дна, из окна ввысь воздену.
Из - бетона до неба - ущелья.

Там нет знака. И текст мой туземный,
Моя жалоба в сторону икс,
В темь, в ночной, параллельный, подземный,
Ритмом, рифмою стиснутый Стикс...

Он несётся вдоль чёрных зеркал,
В отражениях смутных, где смешаны
Воды, Веды, законы, зэка,
Митры житие и Гильгамеша.

Сих отравленных вод глубина,
Растворяющих всё без остатка,
И твоё поглощает - до дна...
Никому не нарушить порядка.

Но мой текст, но мой тик, но мой стих,
Что волнует лишь ртуть в Рива-Роччи,
Что у ворота бьётся сорочки
И синицею бьётся в горсти!..

Но мой текст, мой оброк, мой урок,
Моя доля. И - добрая воля?
На-кось, выкусь! Не в лад и не в срок -
Кони дикие - да с Гуляй-Поля!:

Наобум. Без царя. В голове -
Бесы роем. Монголо-татарщина...

(Терпеливость. Покорность. Завет.
Свой удел. Беспросветная барщина...) -

Всё смешалось, всё в кучу вокруг -
Кони, люди, этруски и тавры,
Топот звероподобных кентавров...
Текст - он дышит, - горяч и упруг.

Он от чресел твоих оживает, -
Тот, что вложен в тебя как рефлекс.
То, чего без тебя - не бывает.
Он - интимное. Он - выжимает!
И - горячей струёй остывают
Строчки, строфы, - неведомый текст.
1996

Станция

В ларьке лишь "Шипка", дело - швах.
Буфет замызганный каширский.
Рань. Лязг. И жизнь в двух словах
Вдогон: "- Товарный?
- Пассажирский."
1997

Домой

Замкнутым кругом пошла голова.
Круглые даты
Олово солнца листает едва.
Что ожидал ты?

Вот и родители снова детьми
Стали - твоими.
Что твоего ещё между людьми?
Прежнее имя?

Аэропорт да буфет, да вокзал -
Вечные блажи.
Ты отмочил. Залучил. Доказал -
Смену пейзажей.

Немы, качаясь, плывут за окном

Те же леса.
С той же дремотой, качанием, сном -
Только ты сам -

Едешь. Автобус - неведомо чей.
Чей и куда.
Плечи попутчиков. Тряска плечей.
(Где и когда?)

Лиц их не видно. Дрожанье плечей -
Мельче, чем плач.
Птиц трепетанье. Бренчанье ключей.
Сумерки дач.

Плюс - над асфальтом, размытым слегка,
Скошенным взглядом -
Образ летящего двойника,
Сидящего рядом.
1997

Михаил Дынкин

Пароходик

Стихи

***

знаю много клейких рук;
они сплелись и онемели.
В голодном воздухе сгорели
железо, жимолость и жук.

Повисли скорбные мосты
над синей повестью канала.
Раскрылись розово и ало
полуулыбками цветы.

Аплодисменты тополей
сошли с ветвей лиловых истин
и расплескались вальсом листьев
в протяжной зелени аллеи.

Я вижу много клейких рук;
они сплетаются и сохнут.
Фонарь качающийся согнут.
И каждый знак похож на звук.

И каждый дом похож на куб.
И в окнах каждого такого –
гуляет плачущее слово
и дёргает за нитки губ.

А Муза движется сама
в непредсказуемом соседстве,
вне ожидаемых последствий
и за пределами ума.

ЛИРИКА

Дальше больше, но больше не надо.
На ладони кристаллики яда.
И деревья вдоль белых террас
имитируют призрачность сада.
Балалайка в траве, как баллада.
Это раз.

18 лесных великанов
пьют вино из гранёных стаканов.
Девятнадцатый спит, как сова.
На лужайке, у самой дороги
он забыл свои синие ноги.
Это два.

Миссис Лирика штопает фразы.
У луны нехорошие фазы.
Вид снаружи и вид изнутри
одинаковы, если взглядеться –
потому тебе некуда деться.
Это три.

СВЕТЛЫЙ ЗВЕРЬ

Светлый зверь и его зверята.
Пурпур крови, хрусталь и мята.
Где бы ни был ты – ветер, дом.
Полудевушка-полуголубь
держит голову в лапках голых.
Пламенеет глубокий дол.

Где бы ни был ты – ветер, крылья.
Холст, покрытый зарёй и пылью;
на холсте – лебеда и глаз.
Три реки под ступнёй горящей.
Камень мыслящий, говорящий.
Сгусток света, прозрачный вяз.

Начинается время жатвы:
пепел жертвы, в кулак зажатый,
жёлтый порошок, осенний бром.
Полуюноша-полуклевер

изумлённо глядит на север
и повозка из льна и воска
растворяется за бугром.

***

Под рапсодию вилок, под звонкие речи ножей,
за накрытым столом с белоснежной скатертью и
благородным фарфором, в орнаменте бледных
пажей,
опустились на стулья голубоволосые дни.

Что за пунш, и фазаны, и устрицы в нежном
меду!

Виртуозные споры о смысле понятия "свет".
И летучие руки... как мягко они упадут
на подушки тумана в серебряной пене карет.

Дорогая, я слепну... И новое время стечёт
по широким ступеням, забыв о своих берегах.
И луна удалится, подняв неоплаченный счёт
с одряхлевшего неба, лежащего в жёлтых
стогах.

***

этим утром снег коснётся елей
выплеснут садовую со льдом
на бульвар у маленькой молельни
и трамвайной стрелкой купидон
завладеет, может быть
вези нас
по зиме застуженный трамвай
вдоль сугробов, пахнущих бензином
розовые ветки задевай

этим утром повторенье станет
мачехой зелёных школяров
кучевые прежде, чем растаять
в небесах станцуют болеро
облака
и солнечного зайца
выведут за шиворот, когда

фонари ослепшие грозятся
перегрызть тугие провода
этим утром ватными на ватман
становясь ногами, покачай
головой, из белого серванта
извлекая хрупкую печаль
снова молод, ни на что не годен
пей портвейн в обшарпанном дворе...

этим утром я умру в Ашдоде –
городе, где ливни в январе

ПАРОХОДИК

Пароходик, оставшийся в памяти –
светлячок, недобиток, дружок.
Поднимайся, родная, на палубу;
хорошо, говори, хорошо.
Хорошо, когда в небе дымящемся
цвета сливы, в ручных кучевых,
ямщики пролетают на ящиках,
ловят вторники и четверги.
Хорошо, когда осень и выжата
желтизна из опавших личин.
Может, движутся, может, не движутся
замерзающие трубачи.
В пионерское детство заброшены,
становитесь под гипсовый труп.
Доброй ночи, всего вам хорошего,
только что тут хорошего, друг?
Пароход, пароходишко куцый, но
не сдаётся упрямец, плывёт.
Ты как хочешь, а я на экскурсию
в ностальгический ракурс. И вот
загорается куст бересклета и
тушат Бога, дожди волоча...
Ты как хочешь, а мне фиолетово,
что прожиточный воздух конча

***

По закатному небу бредут кучевые волны.
Сядешь с Гофманом кофе... остыл. И внутри

холодает,
точно скрипка рыдает и снег засыпает стволы,
вертит синей башкою и сам на ветвях засыпает.

Так, наверно, и надо, чтоб холодно, сумрачно
чтоб;
чтоб трамвай за окошком, чей номер тройная
шестёрка.
И поди разбери – кони блед или кони в пальто
входят в заднюю дверь, прижимаются мордами
к стёклам.

Вспомнишь детские страхи – приснятся горбун
и палач,
кафедральные выси, оскаленный кучер на
козлах...
А скрипач всё лабает и брошенный Танечкой
мяч
всё скользит и не тонет, настолько Фонтанка
промёрзла.

АННА

В тесном трюме крысы сатанели.
Колотился ветер в паруса...
На открытке – сад и Анна еле
движется. Цветочная пыльца
золотом стекает ей на пальцы
тонкие и белые... А здесь
злые волны бьют в сосновый панцирь,
провиант кончается и весь
горизонт затянут пеной грязной –
даже чайки сгнули – и сам
капитан – старик благообразный –
гладит смерть по синим волосам.

Обернулась Анна на открытке.
Появился некто в глубине
сада. И за звёздные калитки
выехали оба на волне
с голубыми рожками улитки.

***

В железной клетке жили короли.
Дрожало небо в пепельном исподнем.
А в богадельнях карлицы плели
паучьи сети ревности Господней.

И что-то было в мраморных скотах,
в тех улицах, простёртых без сознанья,
в том городе, стоявшем на китах
и не имевшем точного названья...

Я здесь остановился в декабре,
снял особняк и больше полувека
играл на скрипке, доходя до "ре",
в одной из комнат с окнами на реку.

***

Вечерело. На огненной джонке
погружалось светило во тьму.
День спускался к Источникам Жёлтым –
только это осталось ему.

Распечатывал ветер сердито
бандероль золотого дождя.
Красный феникс, дракон из нефрита
вышивались на платье вождя.

И какие-то смуглые тени
пробегали по мёртвым листьям,
приобщались к лирической теме,
уходили в слепящий астрал.

Расставались, клубились, кидались
за облитую светом черту.
И сурового вида китаец
измерял их по сторону ту.

Яков Лотовский

Ночная охрана

Рассказ

1

аюсь, уходить мне не хотелось. Мой приятель только что поставил передо мной чашку ароматнейшего чая. Он заваривал его чуть ли не с восточной обрядовостью и при этом ни на минуту не переставал сыпать своими парадоксами и острыми суждениями.

- Моральное банкротство отцов - это капитал для сыновей, - блистал он, священнодействуя над чаем. - Оно даёт им возможность окинуть мир свободным, непредвзятым взглядом и наново, по-своему оценить истинную его стоимость.

Я восхищённо внимал его вольнодумным речам и в паузах, когда он подыскивал наиболее подходящие выражения, подсовывал и от себя словечко. Большею частью мои слова ему не подходили и пропадали зря. Однако иное словцо и пригодились. Мне у приятеля было хорошо и интересно.

И тут ударил телефонный звон. Звонила моя жена. Она сообщила, что моему отцу, заступившему на ночное дежурство, вдруг сделалось совсем плохо и мать просила проведать его.

Мне жаль было покидать это пиршество ума в самом его разгаре, чашку чая, источавшую душистый аромат, и уходить в промозглую ноябрьскую морось. Но ничего не попишешь - пришлось.

2

Учреждение, где отец служил ночным охранником раз в трое суток, прирабатывая таким образом к своей пенсии, находилось в десяти минутах трамвайной езды. Это была некая контора с длинным, непроницаемым названием

и неизвестно какими функциями. Располагалась она на Почтовой площади, неподалёку от Речного вокзала, в одноэтажном домике, который в незапамятные времена был почтовой станцией. Ежедневно по дороге на работу я проезжал мимо этого домика.

Подол переустраивался. Бывшая почтовая станция стояла теперь среди руин. Все старые строения сносились. Если бы не там и сям торчавшие краны, грохотавшие бульдозеры, суетившиеся рабочие в пластмассовых касках, вполне могло бы показаться, что район подвергся массированному налёту бомбардировочной авиации. Ушедшая война в общем пощадила Подол, почти все его дома уцелели. А теперь выходило, что они получили лишь отсрочку на три десятка лет, чтобы гибнуть планомерно и неотвратно, без шансов выжить. На их месте оставались зиять пустоты. Тесный, с устоявшимся жилым запахом, самый старый район Киева теперь открыт был всем ветрам. Замкнутые прежде подольские дворы с кипевшей в них жизнью сделались проходными и обезлюдели. Пространства выпрямились и сократились. Поперёк кварталов образовались просеки. Метрострой, как былинный Китоврас, врубался в шеренги домов, всё круша на своём прямолинейном пути.

По улице нашей, по Жданова, разворошённой, перерытой, с поваленными липами, каштанами, тополями, по проезжей её части, которая теперь ничем не отличалась от тротуара, носился в руководящем раже - кто бы мог подумать! - Марик Козодой. *Сморкатый* Марик, с его голубыми и зелёными соплями, которые он обратно втягивал в ноздри, всеми обижаемый и гонимый, липнувший к блатным компаниям, чтобы приобрести вес, теперь, спустя четверть века, правил бал. Да, никто иной, как Марик Козодой руководил всей этой разрушительной катавасией. Пробил его час! Он громил, крушил, рушил, помня детские обиды, своё изгойство. Может, он и не был главным распорядителем, но вид имел руководящий. Мстительный азарт заставлял его быть на самом видном месте, раздавать указания налево и направо, испытывать небывалый подъём духа, шедший от незабытых обид и

нынешнего обладания разрушительной властью. Четверть века спустя Козодой мстил своим обидчикам, разрушая дотла их жилища. На каждый былой подзатыльник, пинок, затрещину, на каждый *щелбан* и *подсрачник*, он теперь отвечал сокрушительными ударами клин-бабы, которую раскачивал автокран, обращая жилища обидчиков в груды развалин. Кабы его воля, он бы стёр подчистую с лица земли эту улицу, что была свидетелем детских его унижений. Но, к его сожалению, не всем домам назначено было полечь. Одно лишь омрачало губительный его восторг: обидчики не могут видеть его нынешнего возмездия. Большая часть жителей улицы, получив новые квартиры, покинула насиженные гнёзда. Они с радостью уехали от этих вонявших хлоркой дворовых туалетов, с жёлтой наледью мочи, вмёрзшими в неё фекалиями и неторопливыми крысами, от полуразрушенных водопроводных колонок, что летом покрывались зелёной слизью, а зимой были укутаны обрывками ватников, от бельевых верёвок поперёк двора, от деревянных тамбуров и остеклённых галерей, мусорных баков в подворотнях - от всех этих чисто подольских атрибутов. Подоляне были рады покинуть эту юдоль ради комфорта новых квартир. Но немного пообжившись среди стандартных удобств, они вдруг начинали обнаруживать нехватку чего-то немаловажного, что осталось там, в покинутых дворах. Чего именно - они едва ли могли уразуметь. Коллективного духа? Взаимочувствия? Поэзии коммунального уклада? Словом, некой нематериальной субстанции, что теперь выветривалась сквозь пустые оконницы обречённых домов, проломы в стенах, сквозные проёмы дворов и прострелы кварталов.

Впрочем, иные дома оставались нетронутыми. Охранной грамотой пощажённым домам служило их историческое прошлое и архитектурные достоинства. Но и это не давало им твёрдых видов на дальнейшее существование. В этом разрушительном раже 70-х кое-какие из них полегли.

В одном из таких зданий и ютилась контора, где сторожевал отец.

Иной раз, едучи на службу, я видел его сквозь

трамвайное стекло стоящим в характерной позе любознательного наблюдателя со спичкой во рту и руками, заведёнными за спину. Меня каждый раз странно поражала простейшая мысль, что вот я еду мимо него, как мимо постороннего человека, и гляжу на него довольно праздным глазом, вскользь и даже чуть с превосходством, как обычно глядят мимоездом на пешеходов и на всё, что остаётся позади, как смотрит, скажем, пассажир несущегося экспресса на стрелочника, выставившего перед собой свёрнутый флажок, на грузовичок, весь в просёлочной грязи, стоящий за шлагбаумом, на ковыряющуюся на картофельной грядке старуху, на водонапорные башни, полустанки, на всё, мелькающее за окном вагона, чему уготовано безнадёжно оставаться на своих местах, в то время как ты уносишься вольной птицей вперёд и вперёд - в даль, что сулит надежду. Не сочувствием ли ко всему, что мелькает за вагонным окном и остаётся привязанным к месту, объясняется некий налёт задумчивой печали дорожного пассажира?

Именно так глядел я на отца из трамвая, хотя и сам не весть куда ехал, на какие-нибудь три-четыре остановки дальше. Из-за разрушительной кутерьмы трамваю был проложен иной путь, и он петлял теперь по второстепенным, тихим улочкам Подола, и за каждым новым его поворотом вдруг ударяла по сердцу новая руина, которой вчера ещё не было.

3

В окнах бывшей почтовой станции было темно. Я постучался в наружную дверь. Никто не отзывался. Стал бить кулаком - тишина. А жив ли он? Я ужаснулся этой мысли и стал молотить кулаками в дверь, и бил до тех пор, пока в глубине дома не раздался слабый голос отца. Через некоторое время лягнул засов и открылась дверь. Отец еле держался на ногах.

- Ты? - вяло произнёс он, ничуть не удивившись скорому моему приходу. Видимо, был в том состоянии, когда теряют чувство времени.

Впрочем, со временем он всегда был не в ладах. Сейчас я скажу странную вещь, в которую мало кто

поверит: за всю жизнь он так и не научился определять время по часам, потому ими не пользовался. При этом никогда и никуда не опаздывал. Просто являлся загодя и терпеливо ожидал назначенного часа. Сюда на дежурство он отправлялся часа за два до срока. Часы для него оставались непостижимым новшеством прогресса. Как, кстати, и телефон. Кажется, лишь однажды я слышал его голос в телефонной трубке. Это был совершенно незнакомый голос. Трубку он не брал, даже если бывал в доме один. Даже сегодня, когда ему стало совсем невмоготу, домой не позвонил. Не дозвонись до него мама, никто бы не узнал о его самочувствии. Он мог бы помереть, но не позвонить. Такие странности и составляли своеобразие моего отца. Он сильно отстал от века - лет на сто, если не больше. Плёлся в самом хвосте прогресса.

Мы прошли с ним в одну из комнат, где он коротал ночь. Я щёлкнул выключателем. Потрескивая разрядами, стали разгораться лампы дневного света, но он тут же погасил их и щёлкнул другим выключателем. Разгорелась другая группа ламп числом меньше. Он не считал себя вправе расходовать на себя чрезмерное обилие света.

Лишь теперь я разглядел, как он был плох. От слабости он тут же опустился за один из канцелярских столов, которыми тесно была уставлена комната, и уронил голову на руки.

- Что с тобой? - спросил я.

Он поднял на меня своё лицо, жёлтое, небритое, с запавшими тусклыми глазами.

- Плохо... Ой, плохо мне, - произнёс он в полубеспамятстве

- Что болит?

Он не расслышал моего вопроса. В последние годы он стал туговат на ухо.

- Скажи, что болит? - сказал я громко, даже чересчур.

Повышенный тон вопроса убирал интонацию участия, и в итоге выходило, что больной старик жалуется своему чёрствому, пышущему здоровьем сыну, стоящему у него над головой. Мне было искренне его жаль, но всё же в

мелькнувшем впечатлении имелась доля правды. Мне всегда были не по душе его жалобы на нездоровье. Пусть бы говорил о чём угодно, только не о своих болячках, которых мне всё равно не унять. Пусть даже рассказывал бы вечные свои истории из жизни, каковые я знал наперечёт из-за частой их повторяемости, пусть эти истории, набившие всем оскомину - только бы не жалобы.

- Что болит, папа? - повторил я мягче, положил руку ему на плечо и чуть потеребил.

И опять мне показалось, что потряс его энергичней, чем следовало бы, чуть ли не как милиционер, что тормозит пьяного забулдыгу.

Он всю жизнь остро нуждался в сочувствии и, по сути, его не получил. Может, поэтому и в пожилые годы он во сне, случалось, звал свою мать и горько плакал. Я не раз бывал тому свидетелем, когда мы жили совместно здесь, на Подоле.

В ответ на мой вопрос он показал рукой на область печени и горестно прицокнул языком. Так сочувственно цокнуть языком следовало мне, а не ему. Но он, не привыкший рассчитывать на чьё-либо сострадание, сам поспешил себе посочувствовать, и в этом тоже проявилось его одиночество. Он был жутко одинок! Я это, к сожалению, понял только после его кончины.

Я предложил вызвать “скорую помощь”. Он вяло отмахнулся и снова уронил голову на руки, сложенные на столе. Но я всё же набрал номер “скорой”.

Мне ответил строгий женский голос. Я объяснил положение дел и стал отвечать на вопросы о возрасте, адресе и прочее. Причём, после того, как я сказал, что больному семьдесят семь лет, дальнейшие вопросы были заданы с заметным неудовольствием. Медики не любят иметь дело со стариками, и я подозреваю, что это и в других странах. Но здесь не находят нужным скрывать свое неудовольствие. И совсем уж осерчала допрашивавшая меня дама, когда я не смог назвать контору, где мы сейчас находились. Я спросил у отца. Он припомнить тоже не смог. Скорее всего, вовсе не знал. То есть не ведал какое учреждение у него под охраной. Знал только, что стеречь

обязан. Тогда я брякнул первое, что взбрело на ум: “Райэнергосбыт”. Даму, что допрашивала меня, это слово вполне устроило. “Ожидайте”, - и короткие гудки.

Отец пребывал в той же позе, безразличный к происходящему. Если не возьмут его в больницу, надо будет увезти его домой. Но как оставить контору без охраны. Следовало позаботиться о подмене. Хотя по мне, что тут стеречь?

Помещение с застоявшимся запахом имело обветшалый вид. Разномастные столы, исцарапанные панели, скрипучие двери с расщепанными краями, горы истрёпанных грассбухов в углу, перекидные календари, испещрённые явно неслужебными пометками, семейные фотографии под настольными стёклами, счёты с деревянными костяшками, арифмометры, пишущие машинки, шлёпанцы под столами, засаленные стулья с лоскутными подседалищными шайбами - всё это вполне могло ночевать и под замком. Да и замок ни к чему.

И всё же следовало оповестить начальство или вызвать подменного охранника. Однако списка телефонов, каковые имеются в любом учреждении, нигде обнаружить я не сумел.

- Как же так? - выходил я из себя. - А не приведи Господи, случится что на твоём дежурстве? Кому звонить? Куда?

В ответ отец стал рыться во внутренних карманах пиджака и извлёк наконец какую-то истёртую обложку, кажется, *корочку* моего бывшего солдатского удостоверения, перехваченную резинкой от трусов. Непослушными пальцами он стащил резинку, раскрыл обложку и стал аккуратно перебирать какие-то старые справки, давние анализы мочи и крови, рецепты лекарств, доверенности на получение пенсии и прочие никудышные бумаженции. Наконец он мне подал неровный клочок бумаги, где написано было следующее:

01 пожарна команда

02 милиция

03 скоро помоч.

Будь мне даже не знаком его почерк, я всё равно

узнал бы, что это писал он. По своеобразию орфографии. В школе он не учился, грамотой кое-как овладел самоучком. Но почему-то буквы *ц* и *щ* ему не дались, и в нужных случаях он вместо них предпочитал ставить *ч*. Знаками препинания пренебрегал.

Зимними вечерами, когда у него под рукой оказывался карандаш и клочок бумаги, он упражнений ради старательно и по возможности разборчиво писал один и тот же текст, приводивший меня в недоумение: *Прошу выдать мне 2 фунта хлеба*, и ставил подпись. Во время писания перо у него или карандаш приводились в движение не пальцами. Его ладонь, закрепощённая мозолями и толстой, как подошва, кожей служила как бы захватным устройством, держакон. Пером водила вся рука, от плеча, локоть ёрзал по столу. Написав своё прошение, он некоторое время любовался написанным и затем снова, стараясь выводить каллиграфично - *Прошу выдать мне 2 фунта хлеба*. Причём без единой ошибочки. Тем более что в тексте не попадались ни *ц*, ни *щ*. Иногда он разнообразил своё неизвестно кому адресованное прошение: *Прошу выдать мне 1 фунт хлеба*. Во всех остальных случаях - а они происходили крайне редко - писал из рук вон безграмотно и коряво.

Как-то я был удивлён, застав его после полуночи корпящим над какими-то бумагами. Видеть отца за столь не свойственным ему делом, да ещё за полночь! Тут было от чего прийти в изумление. Неужто упражняется в своих прошениях о хлебе, жертвуя ради них сном? Я подошёл к нему сзади и заглянул через плечо. Услышав моё дыхание за спиной, он поспешно загородил руками то, над чем корпел, и поднял на меня виноватые глаза. Однако я из-под его ладоней всё же разглядел краешек моего табеля успеваемости за год. Рядом лежал школьный ластик и старое лезвие для бритвы.

- Что ты делаешь?- спросил я шепотом, чтобы не разбудить маму, бабушку и сестрёнку, спавших тут же, в единственной нашей комнате.

- Да так, - смутился он. - Иди спи.

- Это, кажется, мой табель.

- Не твоё дело! Иди спать! - рассерженно прошипел он.

Мой табель - и не моё дело! Я с обидой и недоумением вернулся на свою раскладушку.

Некоторое время спустя мне попался на глаза этот табель. Имел он странный вид: все тройки и четвёрки были выправлены на пятёрки. Можно было не сомневаться, что это было делом неумелых рук отца. С тройками возни было меньше. Но с угластыми четвёрками пришлось ему повозиться: подтирать, скрести бритовкой низкосортную бумагу с опилочными вкраплениями и наводить неловкой своей рукою. *Туфта* была настолько наглядной, что можно было усомниться и в честно заработанных мною пятёрках, тем более что и они были наведены, дабы не выглядеть бледнее поддельных.

На что ему понадобилась эта наивная фикция, могу лишь предполагать. Не лишённый тщеславия, он, видать, прихвастнул перед своими коллегами-грузчиками, что сынде у него круглый отличник, вундеркинд. Нельзя сказать, что он не предпринимал в течение учебного года и других мер, чтобы я отвечал этому вымышленному образу. Он устраивал мне настоящий террор за каждую четвёрку. А за тройку и вовсе готов был пороть ремнём, да я не давался. И так как особых плодов это не приносило, вот и пришло ему в голову таким наивным манером дотягивать до идеала образ своего сына. Тем более что ничего нового в таком подходе для советской показушной действительности не было, казённая статистика тоже подправляла цифирь на протяжении многих лет во имя идеального образа страны. В этом как раз он был дитёй времени и страны, с её вечными “потёмкинскими деревнями”.

4

Три этих телефонных номера, которые наизусть знает любой школьник, начертаны были совсем уж коряво, куда хуже, чем в прошениях о хлебе. Я вернул ему этот клочок, и он с тем же тщанием стал складывать свою драгоценную документацию в обложечку, а сложивши, перетянул резинкой и возвратил в надёжное место, во внутренний карман, у сердца. Для верности ещё пощупал

снаружи - хорошо ли там оно улеглось. Житейский опыт научил: без бумажки ты – какашка, а с бумажкой – человек.

- Как же так - не иметь телефон сменщика? Ты хоть фамилию-то его помнишь?

- Инжуватый, - неожиданно быстро ответил он.

Инжуватый. Мне и самому показался знакомым странный сей звук. Отец как-то рассказал о дурацкой шутке этого Инжуватого, которую тот удумал проделать с отсталым моим отцом при передаче дежурства на октябрьские праздники. На смену Инжуватый явился с большим опозданием, был пьянёхонек и пребывал в игривом расположении духа. Не извинившись за опоздание перед отцом, отдежурившим праздничную ночь полностью отмотобилизованным, как и полагалось в такие дни, то есть всю ночь начеку, не сомкнув глаз, отгоняя всякую пьянь от окон и дверей конторы, тот решил ещё и подшутить. Он подбил отца поджечь спичкой кучу ветоши, как потом оказалось, облитой им бензином. Легковерный отец, присев перед кучей на корточки, стал чиркать спичками о коробок. В коробке оставалось три спички. Одна не зажглась, другая сломалась, а третью он не донёс - погасла на ветру. Тогда Инжуватый достал из кармана свой коробок, зажёг спичку и бросил её в кучу тряпья. Польшнуло высокое пламя. Отец побледнел, представив себе чего могла ему стоить эта праздничная пиротехника. И он сказал Инжуватому: “Если б со мной, не дай Бог что случилось, мой хлопец убил бы тебя”. *Мой хлопец* - это я. Мне предназначалось совершить кровную месть. Рассказав об этом случае, отец взглянул мне в глаза в надежде найти там мстительную ярость, но не нашёл. Мне тяжело было себя представить участником вендетты, и он лишний раз убедился в одиночестве своего присутствия на земле. Его единственной охранительницы и заступницы, его матушки, давно не было на свете. Но она как бы всё-таки продолжала ограждать его от бед, являясь ему во снах. И сей раз накануне происшествия она ему привиделась. Она его и охранила от ожогов, как он считал. А мною он угрожал, чтобы угроза была более доходчивой. Кому еще, как не взрослому сыну, вступить за старика отца?

- А дома у него телефон есть? - с возникшей надеждой спросил я у него.

Он пожал плечами. Я позвонил домой, чтобы жена поискала в телефонной книге фамилию Инжуватый и дал её по буквам. Я надеялся, что носитель такой экзотической фамилии - единственный в городе. Действительно, таковой в книге имелся в единственном числе.

- Как его зовут? - Надо было сверить инициалы.

- Фёдка, - отвечал отец.

- Отчество? Так и называете друг друга: Фёдка, Колька?

Отец кивнул головой. Удивляться мне не стоило. Я же прекрасно помнил, как грузчики из отцовской бригады называли друг друга. До самой пенсии носили клички.

Я позвонил по раздобытому номеру. Мне ответил шамкающий старушечий голос. Я спросил Инжуватого Фёдора. “Фёдка, тебя”, - расслышал я в трубке. Потом различил чью-то хриплую матерщину. “А кто его - так поздно?” - спросила старуха. А может, не старуха, просто протезы вынула на ночь. Я сказал, что звонит его напарник. Она передала мой ответ Инжуватому, но тот не желал подходить к трубке. Возможно, чуял, чем для него чревато. “Скажи, шо сплю,” - расслышал я дальний голос. “Он спит”, - сказала женщина. Я попросил разбудить, поскольку дело не терпит отлагательств. Снова возникла пауза. Слышно было, как там матерится Инжуватый. “Он не может - он трошки выпимший”, - сказала она. Я объяснил, что его напарнику плохо и его необходимо подменить. Там снова возникли какие-то препирательства. Потом пьяный хриплый голос сказал в трубку: “Ты шо - дурный? Повешай замок и тикай. Не знаешь, як роблять люди? Крутишь мени яйца!” - и короткие гудки.

- Твой напарник говорит, чтобы ты повесил замок и уходил, - сказал я отцу.

- Что ещё может сказать пьяница.

- Но он, как я понял, делает так часто.

- Знаю. Утром приходит и отпирает.

- Давай и мы так сделаем. Утром приеду и отопру.

- Нельзя, - отрезал отец.

5

В поисках телефона кого-нибудь из начальства, которое могло своей властью принять решение, я стал рыться в бумагах, листать перекидные календари, пока не обратил внимание на чаще других встречаемый номер некоего Потапова.

- Кто такой Потапов?

- Потапов? - переспрашивает отец, и я вижу, как в залитых болью его глазах мелькает искорка узнавания этого звука. - Потапов... начальник.

- Начальник чего?

Он, не понимая, смотрит на меня.

- Начальник отдела? Всей конторы?

- Главный, - говорит он и снова кладёт голову на руки.

Звоню Потапову. Долго не подходят. Наконец слышу сонный, чуть испуганный голос. Я пространно извиняюсь за поздний звонок и растолковываю, кто я таков. Наша с отцом фамилия ему ни о чём не говорит. Не помнит он такого охранника и сомневается туда ли я звоню. Объясняю, что отец работает здесь не очень давно. “Где здесь?” - переспрашивает Потапов. “У вас в учреждении”, - пытаюсь я уйти от точного ответа, поскольку не знаю, как именуется сия контора. Он, поняв это, спрашивает: “Откуда вы звоните? Как называется учреждение?” Я признаюсь, что не знаю, впервые здесь нахожусь. “Так спросите у отца”, - раздражённо говорит Потапов. После неловкой паузы говорю, что отец не помнит. “Не морочьте голову!” - сердится Потапов и бросает трубку.

Отец всё так же сидит, уронив голову на руки, и глухо постанывает. Боль, видно, усилилась. Шапка съехала на затылок, даже на шею. Видно, как пульсируют набрякшие вены на его лысине. Жутковато вздрагивают, как бы сами собой.

Сколько его помню, он всегда был совершенно лысым. Лысым он и зачинал меня в свои тридцать восемь лет. Это доказывает самая ранняя из уцелевших фотографий времен его жениховства. Он сидит рядом с пышнотелой моей матушкой, деликатно приобняв её за плечи. На лице

его извинительная за такую фривольность улыбка. Лысина во всю голову, лишь по бокам что-то курчавится. В ту пору ему было столько лет, как теперь мне. Я тоже изрядно облысел. Но у меня пока с этим делом всё же получше. Будучи мальчишкой, а затем юношей с буйной шевелюрой, я не подозревал, что и меня не минует чаша сия. Я считал себя качественно иным существом и смотрел на лысого своего отца с превосходством. Но теперь, глядя на его вздутые на голове вены, я вдруг подумал, что буду и сам когда-нибудь так же стонать от боли и, возможно, в такой же нелепой конторе, забытый и никому не нужный. И, как прежде в детстве, отогнал от себя мысль о подобии своём с отцом. Признаюсь, я никогда не хотел походить на него. Я даже немного стеснялся на людях своего отца. Уж очень он был обыденный по мне - безграмотный, плешивый, с никудышной профессией - грузчик, балагула, чёрнорабочий. Он и сам стеснялся низкого своего социального ранга. Однажды, когда мне нужно было заполнить школьную анкетку, в частности графу о профессии родителей, научил меня ответить, что отец, дескать, не извозчик, а экспедитор. Так будет звучнее и внушительней. (Была графа и потруднее - национальность. Но тут иносказаний быть не могло. Еврей - иначе не скажешь.) Лишь к концу своей трудовой карьеры он выбился в бригадиры и горд был своей функцией - всё-таки не рядовой грузчик.

Теперь он был охранником, ночным стражем - 60 рублей в месяц. Но это место его не только не унижало, но даже поднимало в собственных глазах. Среди сторожей встречались и отставные майоры, и даже шишки поважнее, конечно, тоже отставные. Среди них он вполне мог сойти за *бывшего человека*.

6

“Скорая” могла прибыть с минуты на минуту. Следовало что-то решать с подменой отца. На сей раз прежде, чем беспокоить почивавшего в своей постели Потапова, я решил пойти прочесть вывеску с названием конторы. Выйдя под морозящий дождь, я удивился некой странности, на которую не обратил внимания, торопясь к отцу. Неподалёку от конторы стоял автокран со свисавшей с

его стрелы *клин-бабой*. Могу поклясться, когда я подходил к конторе, его здесь не было. Не мог он подъехать и за то время, пока я находился в конторе: звук мотора был бы слышен и изнутри. На фоне совершенно пустынной, разорённой улицы автокран выглядел зловещим призраком. Свисавшая на тросу стенобитная болванка покачивалась под ветром. Причудливое сочетание техницизма нового времени с древним варварским рудиментом. Впрочем, это не клин-баба раскачивалась, а колеблемый ветром фонарь на столбе, на миг захватывая в круг света часть стрелы с увесистой бомбой.

Я долго вчитывался в плохо освещённую вывеску с длиннейшим составным словом. Мне бы записать, да карандаша не захватил. Я старался затвердить это несуразное слово прежде, чем вернуться к телефону. Но пока огибал домик, снова позабыл и вернулся, чтобы втемашить его в башку. Вбежав в контору, я быстро записал его и набрал номер Потапова.

- Ну в чём дело? - сердито заорал он в трубку.

- Товарищ Потапов. Я звоню из охраняемого объекта... - и прочёл название из бумажки. - Нужно решать вопрос о подмене дежурного. - Я старался выразиться казённо. - Состояние здоровья дежурного вызывает серьёзные опасения. С минуты на минуту прибудет карета "скорой помощи". Возможно, встанет вопрос о госпитализации. Как быть с охраной вверенного вам учреждения?

Потапов раздражённо сопел в трубку.

- Неужели нельзя вызвать кого-нибудь из сменщиков, - уже с несколько жалобной интонацией сказал он.

- Сменщик не может, - сухо информировал я.

- Мне, что ли, прикажете ехать?

- Не знаю. Вам решать.

- Да закройте вы там двери, повесьте замок, чёрт побери! Неужели не ясно?!

- Значит, вы позволяете повесить замок, товарищ Потапов? - переспросил я громче, чтобы слышал отец.

- Да-да-да! - И он бросил трубку.

Услышав о замке, отец поднял голову и отрицательно покачал ею.

- Нельзя! - выдохнул он со стоном.

- Как нельзя? Вот начальник ваш, Потапов, разрешает. Приказывает!

- Нет, - простонал отец, роняя голову на руки, и уже в стол повторил: - Нельзя.

- Ну как же нельзя?! - осерчав, кричу ему в упрямый его затылок. - Начальство говорит – можно, а ты - нельзя. Хочешь быть святее папы римского?!

Отец покатал голову по рукам.

- Нельзя... Нельзя...

- Ну, почему? Почему? Что ей сделается, этой идиотской шараге? Разграбят её? Тут грабить нечего.

Отец застонал громче, показывая, чего ему стоит этот неуместный спор.

- Что же будем делать? - сказал я спокойнее. - Сейчас приедет “скорая” и скажет, что тебе нужно в больницу.

- Никуда... Нельзя... - глухо твердил он.

- Ну, почему, чёрт побери? Если сам начальник...

Я так и не договорил, услышав шум подъехавшей машины, и бросился на улицу, чтобы встретить медиков.

Несколько минут спустя отец уже лежал навзничь на двух сдвинутых столах, очищенных от канцелярской утвари, разоблачённый до пояса. Рядом с ним сидела сероглазая медичка с ясным лбом и тяжёлым узлом волос, собранных на затылке. Инъекция в вену начинала оказывать действие. Дыхание становилось размеренней. Он ещё постанывал, но уже, скорее, по инерции, освобождённо.

Когда он вытянулся на этих казённых столах, чтобы врач мог прощупать его печень, меня полоснуло по сердцу, когда увидел его дряблое, обнажённое тело, которого не видел уже десятка два лет: исхудавшие руки с натруженной пожизненным трудом мускулатурой, обострившиеся плечи и ключицы, набрякший, рыхлый живот, которого отродясь у него не бывало. Пальцы врача утопали в нём, и вокруг лучиками разбегались тончайшие складочки, как у полуспущенного воздушного шарика с растянутой,

истончившейся оболочкой. Белый живот отдавал желтизной, точно придонная сторона камбалы. В острую жалость, которую я мгновенно испытал, было подмешано немного и брезгливости.

7

В детстве он водил меня в баню. Банились мы раз в две недели, по субботам. Для него это был священный ритуал, венчавший трудовую неделю. Я прибежал к любым увёрткам, чтоб не пойти. Слишком уж горячей водой окатывал меня отец. Сушим кипятком, варом. Я рвался из его рук и визжал, как поросёнок. Сидя на склизких мраморных скамьях, он накрепко зажимал меня своими костлявыми коленями и тёр мне голову коричневым кирпичом хозяйственного мыла, что нестерпимо ело глаза. Отодрав мочалкой рёбра, он обрушивал на меня из шайки горячий водопад, казавшийся мне нескончаемым. Когда он всё же иссякал, мне душный воздух бани казался прохладным зефиром. Исполнив отцовскую обязанность, он переходил к омовению своего тела и проделывал это с необыкновенным тщанием, можно сказать даже, со сладострастием. Особенно когда дело доходило до мытья спины. Тут мне надлежало возратить свой долг. Он вручал мне жёсткое намыленное мочало, вытягивался ничком на мокром мраморе скамьи, и я изо всех сил принимался драить ему спину, стараясь отыграть за перенесённые муки насильственного мытья. Драил я его с остервенением и, грешным делом, желал бы услышать от него хоть один вскрик. Но он лишь побряхтывал, постанывал от удовольствия, просил ещё наддать. Я рад бы наддать, тёр даже косточками кулаков, но не было во мне необходимого веса, и ноги как-то уезжали назад - я ощущал своё бессилие. От всех моих стараний его спина едва розовела, а он спрашивал - красная ли? - Красная, красная, - отвечал я раздраженно, хоть до красноты было далеко. Лишь в некоторых местах, где мне особо удалось вложить силы в нажим, проявлялись красноватые участки. Как-то, когда я немного подрос, мне удалось терануть его так, что он вскрикнул с возмущением: "Ты что это?" После того, как он смыл пену, остался багровый подтёк. Но удовлетворения от

этого я не испытал. Напротив, почувствовал себя злодеем, который воспользовался доверием родителя и сделал пакость.

“Когда я стану старичком, - любил он вопрошать, намыливая мне голову, - будешь за мной ухаживать?” Мне грустно было слушать такое. Я и представить себе не умел его беспомощным старичком. Я, конечно, отвечал, что буду. Когда ещё настанет эта его старость! Пройдёт ещё лет тридцать и обстоятельства заставят меня вспомнить о моём сыновнем долге.

Он уже несколько дней будет лежать пластом, впаянный в постель, отрешённый, притихший, даже стонать перестанет, уже больше принадлежа к иному миру. Но мы-то целиком пребываем здесь, и помыслы наши суетны, нам надо освежить под ним постель, родной же отец - и на несвежей постели. И я в истовом сыновнем рвении наклонюсь над ним, запущу под него руки и, поднатужась, оторву отца от смертного его одра. Сколько раз, когда я ребёнком болел, он брал меня на руки, когда меняли мне постельное бельё, пропитанное ночным, больным потом. Исполненный жалости ко мне, он прижимал моё лицо к своему. Контакт с его лицом не очень был мне приятен. Его жёсткий подборок, твёрдые уши, впалые щёки с остро проступавшими скулами, колкая щетина - мало располагали к таким нежностям. Но порыв его был нежен и искренен. Приходилось терпеть. Теперь, подняв его на руки, я отплачивал ему тем же в запоздалой своей благодарности. Возможно, было здесь кое-что также от ощущения своего физического превосходства над всесильным некогда отцом, отвешивавшим в своё время мне затрещины, стегавшим ремнём. При всей его смертной худобе, он покажется мне неожиданно тяжёлым. Но, поднатужась, я всё же подниму его, понесу на диван. Но ещё неожиданной окажется то, что он вдруг судорожно трепыхнётся наподобие огромной птицы, глаза его испуганно отверзнутся. Из горла исторгнется сдавленный клёкот. Я едва не выпущу его из рук. Лишь впоследствии я пойму, что прервал тогда сосредоточенную работу умирания. Он испугался и возмутился. Мне хотелось сделать благое дело, а вышло из

этого зло. Я совершил насилие, воспользовавшись его немощью. До сей поры ощущаю это содрогание его предсмертного возмущённого тела. Тела моего отца. Не забыть мне вовек. Его смертная судорога стала памятью моего смертного же тела, усугублённая неизбывным чувством вины. Прости, папа! Услышь и прости меня!

8

А тогда, в банные наши дни старость его ещё была за горами. Он был ловок, проворен, жилист, двуручен. Горбом своим, хребтом добывал кусок хлеба. Тело его было белым, с голубыми прожилками, руки же по локоть, шея и лицо - обветрены, буры. Белая лысина отделялась от загорелого лица чёткой, как бы демаркационной линией, где располагался околыш кепки.

Мокрые, распаренные, мы выходили в прохладу гардероба, где длинными рядами стояли фанерные шкафики.

- Папаша!- звал он банщика. - Откройте двенадцатый номер.

Меня всякий раз удивляло, что он называет банщика “папашей”. Тот явно был одних с ним лет, а то и моложе.

Вымытый, благодушный отец неторопливо одевался и для полноты удовольствия затевал с банщиком разговоры, когда того не сильно беспокоили с отпиранием шкафиков. Почти всегда темой таких разговоров служило приснопамятное отцово путешествие в Монголию в составе военной экспедиции. Да, дорогие друзья, отцу моему тоже привелось вкусить от заграничной жизни. Он и заводил свой разговор, чтобы показать, что и мы не такие уж простаки, тоже, дескать, кой-чего повидали и по заграницам хаживали.

Рассказ об этой поездке так мне надоел от частых повторов, что всякий раз мне делалось тоскливо, когда он его заводил. Зато нынче он полон для меня своеобразного очарования, и я много бы отдал, чтоб ещё разок послушать. Но тогда, в бане, мне конфузно было слышать отцово бахвальство, его какую-то миссионерскую снисходительность к туземному люду, прозябавшему там, в Монголии, в беспросветной темноте. Я всё поглядывал на банщика: как он воспринимает отцовы рассказы, поскольку отец, когда входил в повествовательный раж, уже не

обращал внимания: интересно ли собеседнику. Банщик слушал вполуха, не столько слушал, сколько изучал его повадку, бельё, обувь, меня. Иной раз, среди отцова рассказа он вдруг выкрикивал в сторону входной двери необыкновенно зычным голосом: “Один человек!” Это означало, что один шкафик освободился и можно войти в гардероб очередному посетителю, коих по банным дням собиралась за закрытыми дверьми длинная очередь. Громогласность же банщика объяснялась тем, что его голосу нужно было пробиться сквозь дверь. Можно было, конечно, и не кричать. Раз выходит человек из гардероба, то это вполне достаточный знак, чтобы очередной клиент мог войти. Но, видно, гардеробщику не хотелось иметь ни секунды простоя раздевалки, когда вымытый посетитель двинется к выходу вдоль шкафиков. Вот он и посылал свой клич, всякий раз заставляя меня вздрагивать от неожиданности, а отца на время прерывать рассказ. А возможно, в этом его выкрике заключалось художество его ремесла, такая лихая завитушка, идущая от полноты владения своей профессией. “ОДИН человек!” - с одним ударением на всю фразу. Я склонен теперь слышать в этом его возгласе и некую одинокость человека в жизненном его странствии, а также одинокость моего отца, которая теперь для меня несомненна. Но нет, не было ничего такого в банщицком выкрике. Всё это моя склонность видеть вещи в символическом освещении.

Сам же рассказ о поездке в Монголию по Чуйскому тракту затевался отчасти ради того, чтобы произнести несколько экзотических названий населённых пунктов. Вот они: *Кочегаш*, *Кобдо*, *Цыганура*, *Чик-Атаман*. Отец произносил их со вкусом, с апломбом. Впоследствии из всех этих названий я обнаружил в географическом атласе только Кобдо. Остальные он, видно, переименовал на свой лад до неузнаваемости. Подозрительно много русского сквозит в их именах: цыган, атаман, кочегар. Имелся ещё, правда, на карте пункт Кош-Агач. Не отцов ли это *Кочегаш*? Как бы там ни было, но названия сии в его устах звучали, как этапы боевого похода Суворова, а глаза его загорались огнём очевидца. Кстати говоря, Суворов являлся его любимым

историческим лицом. Всю жизнь он мечтал прочесть книгу о Суворове. Всё просил меня раздобыть такую книгу. Не принёс я ему её. Приносил о других полководцах, приносил о Кутузове. Но его почему-то интересовал исключительно Суворов. Полагаю, оттого, что тот был собою неказист, зато славен. По той же причине отец, например, восторгался, когда наблюдал по телевизору некрасивых певиц: “Некрасивая, а какой голос!”. Часто ради этой своей формулы он говорил те же слова и вполне красивым певицам.

В монгольском том походе отец также выполнял функции охранника, вооружённый автоматом ППШ, и службу, полагаю, нёс исправно, о чём легко можно догадаться, судя хотя бы по случаю с никудышной этой конторой.

Часто на другой день после бани мы ходили с ним на концерты симфонической музыки. Эти бесплатные концерты давались на летней эстраде в надднепровском парке. Дирижировал Натан Рахлин. По сей день загадкой для меня остаётся - почему мой отсталый отец любил эти концерты с такой серьёзной программой: Бетховен, Чайковский, Григ, Моцарт? Видимо, после субботнего ублажения тела он нуждался и в душевной благодати. А может, ему просто хотелось побыть между культурными людьми. Наши походы в парк были мне всё же приятней, нежели в баню. Но если признаться, скучал я там изрядно. Каково было мне торчать среди чинной публики, шустрому пацану, привыкшему куролесить в своём подольском дворе. Меня хватало лишь на десяток минут, пока я не столько слушал, сколько разглядывал Натана Рахлина и музыкантов. Интересно было наблюдать, как толстый дяденька так удачно совпадал с музыкой, маша руками. Именно так я понимал задачу Рахлина - жестикулировать под музыку, то есть музыка прежде, а потом уж Рахлин. И известность его, думал я, шла от его чудесного умения точно совпадать с оркестром. Кто бы из музыкантов в оркестре ни подал голос, Рахлин тут же одновременно с ним взмахнёт рукой, будто знал наперёд, кто и когда сыграет.

Укреплял меня в этом соображении

тихопомешанный Ильюша, который стоял за штaketной оградой и тоже поводил руками, изображая из себя Натана Рахлина. Ему тоже неплохо удавалось совпадать с музыкой, конечно, не так точно, как Рахлину, но всё же почти впаод. На мой взгляд, куда интереснее, если бы они стояли рядом и вместе дирижировали. От этого впечатления синхронности с музыкой было бы сильнее. Как это бывает при массовых упражнениях на стадионе. Прежде, когда малахольный Ильюша располагался ближе к сцене, по эту сторону оградки, они с Натаном Рахлиным производили большее впечатление. Но я сам был свидетелем, как его однажды прогнал важный такой старик в рисовой шляпе и белом чесучовом костюме, что сидел в первом ряду. Он махнул на Ильюшу палкой и палкой же указал ему на выход. На последующих концертах Ильюше пришлось дирижировать по ту сторону заборчика. Я бы на его месте обиделся и не приходил бы сюда вовсе. Но Ильюша, видно, не мог жить без дирижерства, помешался на музыке.

Мне вполне хватало и четверти часа, чтобы наглядеться вдоволь на обоих дирижёров, сравнивая их умение совпадать с музыкой. Дальше становилось нестерпимо скучно. Я начинал вертеться, глядеть на мерцавшие в небе звёзды, на огоньки самолёта в тёмном небе, ёрзать. Из-за меня и отцу не удавалось досидеть до конца концерта. Облагородясь атмосферой культурных мест, мы пешком спускались к себе на Подол, в родной, будничныи предел, который уже затихал, отходя ко сну.

9

Теперь сравнивая его прежнее тело, хорошо знакомое мне по баннм дням, с тем, что было передо мной, я поразился неумолимой работе времени. Отец явно шёл на убыль, и меня пронзила острая грусть. Когда, опустив ноги со стола, он натягивал на себя одежонку, я в последний миг узнал крупную родинку у хребта, по которой часто прохаживался мочалом.

Его застиранная, худая одёжка, которую он, примериваясь, поворачивал в руках, чтобы не надеть задом наперёд, в которой сквозили сильные потёртости, прорехи и свисали нитки, приводила меня в конфуз перед лицом

медиков. Я чувствовал себя неким барином-сыном, безразличным к нищенской старости родителя. Медикам было невдомёк, что дома в шкафу у него висят костюмы, пальто, пиджаки, брюки, вычищенные, аккуратно отутюженные в ожидании праздничных дней. А покуда не настали праздники, он ходил в затрапезном. Ибо праздники от будней должны отличаться, как день от ночи, нельзя путать грешное с праведным - так он считал. И как его ни уговаривали, как ни стыдили - стоял на своём. Он считал кошунством надеть в будний день выходной костюм. А поскольку каждая новая рубашка, носки, ботинки, автоматически причислялись им к праздничному реквизиту, получалось, что праздничный его гардероб явно преобладал над ежедневным, заношенным до ветхости, - но жанры он не смешивал.

Зато когда приходил праздник, он с самого утра доставал из шкафа всё самое лучшее и принимался неторопливо и со вкусом наряжаться. Прежде, чем надеть на себя, он всё снова чистил, утюжил, хоть всё пребывало в аккуратнейшем виде. Он посвистывал неопределённый мотивчик, до блеска надраивая штиблеты - предмет особого его внимания. Чем-то напоминал солдата перед увольнением в город. Вырядившись в пух и прах, со сверкавшими на солнце штиблетами, отправлялся он в пеший поход по Киеву. И пока он не исчезал из поля зрения за углом, можно было видеть, как он через каждые три-четыре шага озабоченно оборачивается на задники то правого, то левого башмака - хорошо ли надраены, чуть при этом сбиваясь с шага, как в вальс-бостоне. Он пешком исхаживал пол-Киева в своей праздничной одежде, точно желал показать городу, знавшему его по будним дням затрапезом, что вот и я, как видите, не хуже, чем люди. Для него само ношение хорошей одежды и было праздником. Но все же наилучший его костюм ждал особого дня. Не помню, чтобы он когда-либо его надевал. Речь идёт о костюме из отреза, вручённого приказом директора в день ухода отца на пенсию. К этому костюму он относился, как к музейному экспонату. Он висел в самом углу шкафа, забранный в матерчатый чехол. Между костюмом и прочей одеждой, висевшей на плечиках,

соблюдалось некоторое пространство. И если кто-либо нарушал его, смещая всё в сторону призового костюма, отец мог и поскандалить. О том, чтобы надеть его, не могло быть и речи. Самые торжественные случаи были для этого не достаточно торжественными. Отца согревала даже сама мысль, что он у него имеется, что есть ему в чём показаться на люди в случае чего. О заветном его костюме знали все знакомые и даже незнакомые. Он часто о нём напоминал всем, особенно когда бывал в неприглядной одежке. Тому, кто хотел убедиться, охотно показывал, снимая чехол, но надевать не надевал. Уверен, почувствуй он себя теперь чуть лучше, он непременно сказал бы медикам о своём костюме. Я и себя поймал на желании уведомить их о нем.

Косвенным образом я всё же это сделал, стараясь общаться с врачом на интеллигентный манер, по-московски “акая”, что считалось на Подоле и в Киеве признаком интеллигентности. Этим я как бы давал понять, что-де несмотря на ветхость отцовской одежды и убогость конторы с её разномастными столами, на которых лежал отец, я, его сын, а стало быть, и он, непростые птицы, что-де имеем и мы кое-что за душой, не век же он сидел в этой занюханной конторе, что есть и у него дом, благовоспитанный сын и, как в любом порядочном доме, есть, сами понимаете, и достойная благородного человека одежда. А на эти обноски что смотреть! Это так, от небрежения, рассеянности. И не в одежде же суть, когда есть что-то за душой, не так ли, милостивые государыни? Мы же это с вами понимаем, будучи людьми благородными.

Но своими изысканными оборотами речи я, кажется, достиг обратного впечатления. Ещё более сказала дистанция между благополучным сыном и тянущим ляжку пропитания ради больным стариком, лежащим не в тёплой постели, а на голых казённых столах. По крайней мере, всё это я читал на лице санитарки, сидевшей в стороне в расстёгнутом пальто поверх белого халата, которая с бабьим состраданием взирала на моего немощного отца, разбиравшего углую свою одежку.

- В больницу везти его не обязательно, - сказала врачиха, - а вот домой - просто необходимо. Ему нужен

теперь покой.

Я пожаловался, что он наотрез отказывается покидать дежурство.

- Сам начальник велел повесить замок и уйти. Но он считает, что не имеет права оставить пост, - сказал я достаточно насмешливо и в то же время как бы извиняясь за стариковские причуды отца.

Обе женщины окинули взглядом весь убогий интерьер и пожалы плечами:

- Что тут охранять?

- В том то и дело, - охотно подхватил я.

Отец съёрзнул со стола и встал на ноги. Он надел бывалый свой бушлат и застегнул на все пуговицы. Он снова был готов к несению службы.

- Вам просто необходимо отвезти его домой, - сказала врачиха, взглядывая на часы и беря свой саквояжик, - Ему нужно в постель, а утром вызвать участкового врача. Скорее всего, тот даст направление в больницу.

Я проводил их к выходу, и они уехали.

10

- Интересный ты человек, - сказал я отцу, возвратившись и найдя его достаточно окрепшим для такого тона. - Начальник велит уйти, а ты торчишь здесь. Больной, измученный. Глупо.

- Начальник, - повторил он задумчиво, подойдя к тёмному окну и тревожно всматриваясь в силуэт автокрана с болванкой на стреле. - Над ним есть ещё больший начальник.

- И что?

- Он может наказать его за это.

- Да если и так - тебе-то что? Велено запереть - запирай и уходи. Что тебе беспокоиться? Кто ты такой? Ты здесь пешка.

Мне бы, конечно, не следовало так резко, но меня раздражало его необъяснимое упрямство, которое в нём оказалось сильнее инстинкта самосохранения.

- Потапов велит ему повесить замок, а он...

- Он надо мной не начальник, - прервал мои укоризны отец.

Я не сразу понял, о чём он.

- Ты что - вневедомственная охрана?

- Нет.

- Ты охраняешь контору, которой руководит Потапов. Который и позволил тебе уйти.

И тут он, продолжая глядеть в окно, говорит:

- Я охраняю почтовую станцию.

Ей-богу, я даже опешил. Я не ожидал такого. Он всё так же стоял в потёртом своём бушлате ко мне спиной и глядел на автокран и клин-бабу, едва видневшиеся в темноте.

- Станционный смотритель, - произнёс я вслух ассоциацию, тут же возникшую в моей шибко образованной голове.

Он промолчал. Он наверняка не знал, что это значит. Книг он не читал. Они его не интересовали. Не считая той, что о Суворове.

- Ты - человек маленький, - прибегнул я для убедительности к расхожей формуле, которую с детства слышал отовсюду.

“Я - человек маленький”. Всегда при этом пожимали плечами и разводили руками. Помню первое моё детское впечатление от этих слов. Это было вскоре по возвращении нашем в Киев после алтайской эвакуации. Впечатление усугублялось тем, что произнёс их огромного роста человек, да ещё с фамилией Дубина. Он был участковый милиционер (так и хочется назвать его “околоточным”). Вечерами он вырастал на пороге нашей подольской клетушки, где ютилось девять душ, чтобы объявить нам, что жильё мы занимаем незаконно. Заявления его нам были странны, потому как жильё это было нашим: эту квартиру мы покинули, эвакуировавшись на Алтай, и после войны вернулись в неё. Каждый его приход мы ждали с тревогой. Он заявлялся вечером, когда мы ужинали, теснясь у стола, или уже отходили ко сну, укладываясь кто на кровати, кто на столе, кто на полу - как в ночлежке. Пригнув голову, он переступал порог и останавливался у дверей. Пугающе огромного роста, подсвеченный снизу керосиновой лампой, этот представитель законопорядка отчуждал нас от честных

граждан страны, указывая нам на незаконность нашего здесь пребывания. Он виделся мне гигантским стражем у ворот рая, не подпускающим к райским кущам грешных созданий, которым тоже охота кусить крохотку от райского блаженства. “Двадцать четыре часа”, - непреклонно объявлял он, имея в виду, что нам следует убраться отсюда в течение суток. И когда в ответ на эти “двадцать четыре часа” начинали возноситься к нему уговоры и мольбы, он отвечал: “Я - человек маленький”, то есть не моё это решение, я только исполнитель. Меня же, семилетнего пацана, выросшего в алтайском посёлке удивляло, что этот великан называет себя маленьким человеком. Какими же тогда огромными должны быть люди, что прислали его сюда! И тут же приходил на ум недавно прочитанный “Тулливер”. Дубина продолжал громоздиться у дверей, явно чего-то ожидая, и его ожидание всегда бывало правильно истолковано. Получив откупные, он со словами “Ладно, я там поговорю” уходил, чтобы через неделю-другую нагрянуть снова со своими сакраментальными “двадцатью четырьмя часами”. Когда участковый Дубина принимал откупные, он и ростом становился ниже. Лишь потом до меня дошло, что *маленький человек* меряется не ростом, а иными мерками, например, маленькими человеческими слабостями.

11

- Послушай, - сказал я отцу, решившись, - я сейчас звоню тётке Рите и вызываю её сюда...

- Нет, - перебил он меня, - я не хочу.

Тётя Рита, сестра мамы, жила неподалёку, на Андреевской. У отца с нею была давнишняя распря, со времен нашей послевоенной ночлежки. Затем тётка с семьёй переехали на Андреевскую, но отчуждённость между нею и отцом всё ещё длилась.

- Не нужна она мне здесь, - сказал отец, который снова стал увядать прямо на глазах, рукой держась за бок. Видимо, боль возвращалась.

- Ты меня не понял. Я остаюсь вместо тебя, а ты пойдёшь к ней и отдохнёшь.

Он уставился на меня, что-то прикидывая в уме. Моё

предложение застало его врасплох. Ему теперь надо было решать сразу несколько вопросов: можно ли положиться на меня, будет ли такая замена законной и стоит ли ночевать в логове неприятеля?

- Ну? Согласен? - поторопил я его.

Но, видно, он застрял на самом первом вопросе, поскольку посматривал на меня испытующе, взвешивая мою пригодность для передачи ответственного сторожевого поста. Возможно, вопрос стоял куда шире: достаточно ли я зрелый для передачи эстафеты бдения не только сегодня, но и впредь. Что-то его удерживало от скорого решения. Возможно, легкомыслие, которое я проявил, предлагая повесить замок на дверь конторы. Не исключено, что легкомыслие моё он рассматривал и в более широком смысле, имея в виду весь мой образ существования. Например, моё решение пойти в гуманитарный вуз вместо того, чтобы овладеть хорошим ремеслом, предметом его мечтаний, а если уж учиться, то на инженера. Или ещё одна моя глупость - бросить завод ради сомнительного статуса полубиблиотекаря-полузатейника в парке культуры и отдыха. Вряд ли мыслил он сейчас столь общими категориями, как смена поколений, эстафета гражданского бдения. Но серьёзность, с каковой он обдумывал моё предложение, говорила о значительности того, что должно было произойти. Его отказ означал бы мою незрелость, согласие - что я рукоположен в зрелые мужи. Я не собирался ночевать здесь, находя это делом ненужным, тем более имея санкцию начальства на уход, на замок, но всё же с некоторым волнением ждал его решения, сам уже забыв, что речь идёт всего лишь о несчастной этой конторе. Он ещё раз внимательно посмотрел на меня, потом обвёл взглядом помещение, как бы наново взвешивая ценность того, что предстояло оставить под мой надзор, тревожно посмотрел в окошко, в сторону болванки, ещё строже заглянул мне в глаза и судорожно вздохнул:

- Ладно. Звони ей... И оставайся.

Пока он не передумал, я быстро набрал тётин номер. Уговаривать её не пришлось. Чуткость к чьей-либо беде, несколько даже чрезмерная, была присуща моей тётушке.

Слово *чрезмерная* здесь может показаться странным. Поясню: всякий сигнал о помощи от болящего, слабого, квёлого она принимала даже с какой-то радостью. Для неё появлялась возможность стать опекуницей, наглядно ощутить полезность своего существования. И тут уж не имело значения - чужой он или свой. Даже лучше, если чужой, пусть даже враг. Возможно, ей таким способом необходимо было почувствовать крепость своего тела и духа рядом с ослабевшим и нуждающимся в её помощи неприятелем, возможно, ей хотелось преподать урок великодушия. Я ничуть не сомневался, что мой ночной звонок она встретит с энтузиазмом.

И всё же был удивлён скоростью её появления в конторе. Будто она только того и ждала, что призовут её для помощи, будто спала в пальто и обуви. Когда она появилась, у нас с отцом в самом разгаре был ритуал передачи объекта с рук на руки. Мы совершали обход здания под морозящим, холодным дождём, и отец, двигаясь с трудом, обращал моё внимание на те или иные особенности запоров и замков на кладовых, подвальчиках, сараюшках, некогда служивших почтовой станции для хранения лошадиной сбруи, каретной утвари, для шорного дела, а нынче неизвестно для какой надобности.

Во время обхода поста он несколько раз останавливался и тревожно всматривался в темноту, где стоял автокран с болванкой, бормоча под нос: "Почему он здесь? Почему не уехал?" В очередной раз, когда он произнёс это погромче, я сказал:

- А зачем? Может, завтра ему снова сюда.

- Как? - всполошился он. - Здесь ему больше нечего делать.

"А контора эта?" - подумал я, но вслух не произнёс.

- Сегодня повалил последние два дома, - сказал отец минуту спустя и показал на громоздившиеся груды обломков. - Один сразу упал, другой стоял до последнего. Мог бы ещё стоять, - и он прищурился в темноту в сторону автокрана.

- Может, просто бензин кончился? - сказал я.

12

Несмотря на ночной час, тётка была возбуждена и готова к спасательной акции. Но отец не торопился отдаваться под её нетерпеливую опеку. Мне показалось, что он до конца ещё не поборол сомнений насчёт моей кандидатуры для смены. Поводом к новым сомнениям послужил мой опрометчивый вопрос о том, где лежит замок от входной двери. Я задал его, когда уже мы покончили с формальной стороной дела и тётушка успела уже взять отца под руку и укрыть зонтом.

- Зачем он тебе? - настороженно спросил отец.

- На всякий случай. Мало ли что, - туманно ответил я.

- Никуда не пойду отсюда, - вдруг решил он, высвобождая руку от тетушкиного опекунского захвата.

- Господи! Да никуда я не собираюсь уходить, - сказал я.

Но он мне, конечно, не верил.

- Тебе нужно в постель. Ты же слышал.

- Я здесь лягу.

- Куда?

- На стол.

- Да образумь хоть ты его, - сказал я тёте Рите.

- Посмотрите, на что вы похожи, Калман, - сказала она. - На вас лица нет.

Но он уже двинулся в свою контору.

И тут мне пришла хорошая мысль. Я снял своё пальто и протянул ему:

- Давай свой бушлат, надевай пальто и уходи спать. Не поеду же я домой в этих лохмотьях.

Подумав, он снял свой истрёпанный бушлат, из которого там и сям выбивались клочья ваты, и надел моё пижонское пальто. Оно сидело на нём мешковато. Я накинул на плечи бушлат и сказал ему твёрдо:

- Иди отдыхай.

- С таким кавалером не стыдно пройтись и по Крешатику, - сказала тётушка, снова беря отца под руку.

- У меня новое пальто не хуже, - напомнил отец, но с места не трогался.

Я продел руки в рукава и застегнул бушлат на все пуговицы.

- Отдыхай. Всё будет нормально, - повторил я как можно внушительней.

Уходя, он еще два-три раза беспокойно оглядывался на меня и на автокран. Я долго смотрел, как они, прожившие много лет в разладе, шли теперь рука об руку, ступая стариковскими семенящими шажками, шли по разрушенной улице, где прошла их молодость, шли огибая по привычке места, где прежде стояли дома, а теперь образовались пустыри, и их вполне можно было не огибать, а пересекать наискосок.

Замок с ключом оказался в тумбочке при дверях. Я решил побыть здесь, пока он там уснёт. Уверен, что он заставит тётю Риту сделать контрольный звонок, чтобы проверить пост. А затем - домой. В такси можно и без пальто.

Войдя в помещение, я расставил столы, на которых лежал отец, вернул на них все убранные канцелярские причиндалы, опустился на стул рядом с телефоном и стал ждать от отца контрольного звонка.

В конторе стояла полная тишина. Где-то скреблась мышь и зудели в люминесцентных лампах дроссели. Я выключил свет, за окном посветлело. Дождь успел уже смениться снегом. Снег валил густой, засыпая бесформенные руины свежеразрушенных домов. Стенобитный снаряд, что виднелся в окне, потрудился на славу. Представляю себе, сколько зевак собралось на это зрелище. Я и сам поглазел бы. Есть что-то притягательное в разрушении. Люди куда азартнее крушат, нежели строят. Здесь им даже не нужны материальные стимулы. Им только шепни - вмиг разворотят. Ломать - не строить. Вон сколько наломали на Подоле. Сильно разрушительное начало в человеке. Оттого и толпа зевак всегда тут как тут. Извечная толпа, жаждущая трагедии, зрелища. А, возможно, всё дело в том, что плоды разрушительного труда можно видеть скорее, чем созидательного? Ну какой зевака станет глазеть на строительство дома? Разве что самый праздный.

Никаких зевак, однако, я не заметил, когда

разрушали наш дом, и только потому, что разбирали его по кирпичику. Дом разнимался со скоростью возведения. Наш дом был первой ласточкой разрушительной весны на Подоле. Сломщики вели себя ещё неуверенно, не смели применять нынешнюю тактику штурма и натиска. Разбирали почтительно, складывая в штабель кирпичи. Дом медленно таял. Позаимствованные некогда у мироздания воздушные объёмы, прослужив сотню лет квартирному уюту, освоенные, пропитанные запахами людского быта, постепенно возвращались, переходили снова в воздушный океан, в простор мироздания. Дом постепенно убывал, дематериализовывался, исчезал.

И теперь, когда я в отцовском сторожевом бушлате сидел в тёмной конторе, привалясь к казённому столу, вдруг почему-то с чудесной отчётливостью старый наш дом стал воскресать в моей памяти.

13

А всё началось с паучка.

Он свалился на стол, за которым я сидел. Длинноногий такой, он тут же проворно побежал. Я его сразу узнал в слабом свете фонаря, проникавшем снаружи - паучок из моего детства. Давненько не попадались такие. Пожалуй, с той поры, как покинули мы наш старый дом. Кстати, он стоял когда-то неподалёку отсюда, в двух кварталах. В детстве мы этих паучков на длиннющих ножках с остроугольным изломом называли *косиножками*. Косиножка считался предвестником письма.

Когда такой паучок попадался нам в руки, мы с детским бесчувствием отрывали ему ножку и смотрели, как он, ковыляя, улепётывал. Мы ловили его и отрывали следующую и напевали при этом: *Коси-косиножка, где твоя дорожка?* Когда у него оставалась последняя, он смешно вращался на одном месте, загребая уцелевшей конечностью. Наконец мы отнимали и её, и наша песня выглядела форменным издевательством. Рядом с неподвижным туловищем паучка конвульсивно дёргались вразнобой все его ножки, словно разобранные часики. Паучок, предвестник письма, каждый раз совершал роковую ошибку, сваливаясь к нам: получать нам письма было не от кого, наш

мир был тесен, родные и друзья все рядом, можно рукой коснуться. И паучки, которые предвещали нам письма, были плохими предсказателями. За что и поплачивались всякий раз.

Попадись мне прежде этот паучок, не унести бы ему своих ног. Но мир мой с той поры раздался стократ, и предвестие письма стало вполне реальным. Тем более здесь, в доме прежнего почтового ведомства. Здесь паучкам не трудно было предвещать письма. Этот *косиножка*, возможно, и был их потомком. Известив меня, он невероятным удрал за край стола и пропал.

Оставив мне воспоминания.

14

Зимними вечерами мы собирались в нашем старом доме у тяжёлого старинного стола и играли в лото. Соседи, налегке перебежав студёный двор, тут же приникали к тёплому боку печи-голландки и улыбались от разливавшегося по телу тепла и предвкушения игры.

Квартира наша состояла из единственной комнаты, имевшей скошенный пол со скрипучими половицами, неровные, со вздутиями и трещинами стены, провисавший там и сям потолок и упомянутую печь, на которой вытерлась побелка там, где прислонялись, чтоб отогреться. Над столом, за которым мы играли, висел на шнурах морковного цвета матерчатый абажур с бахромой, распяленный на проволочном каркасе. Стол хотя и был массивный и стоял на толстых бильярдных ножках, но был шаток и скрипуч. Покрывался он гарусной зелёной скатертью с узорами и длинной бахромой, которую вечно в ходе неспешной нашей игры сплетали в косицы или вязали в узлы.

Ставки были мизерные - дореформенный пятак за таблицу. Брали по три таблицы. Партия состояла из шести-семи игроков, и банчок собирался небогатый. Ведущим каждый был поочерёдно. Он брал мешок с бочонками, запускал в него руку и основательно их перелопачивал. Бочонки при этом перекатывались со звуком, напоминающим стукоток морской гальки, когда её перекатывает волна. Здесь же находился другой мешочек с фасолью, служившей нам фишками.

- *Барабанные палочки!* - выкрикивал ведущий, доставая из мешочка бочонок, и мы ставили фасолину на “11”.

- *Дедушка!* - объявлял он, и мы накрывали “90”.

Ведущему всегда доставляло удовольствие достать бочонок, имевший иносказательное название, бытовавшее в нашем кругу. Иносказания эти были полны для нас остроумия, несмотря на их частую повторяемость. Вытащив, скажем, 77, говорили: *дамские сапожки*, 22 называли *уточками*. Номер 69 именовался *туда-сюда*, поскольку и вверх ногами оставался шестьдесят девятым. А извлёкши 33, не ленились произнести целую тираду: *Мальчик, сколько тебе лет? - Тлидцать тли года*. И все с улыбкой представив себе этого картового оболтуса, ставили фасолину на таблицу. Улыбались и те, кто не имел этой цифры на таблицах, исключительно отдавая дань остроумию названий.

Бытовали названия и в ином роде. Если ведущей выпадало быть моей бабушке и она вытаскивала “четыре”, то непременно говорила: *моё бракосочетание*, и всякий знал, что речь идёт о 1904 годе, когда она вышла замуж за моего деда. Если же она объявляла *ландо*, мы ставили фасолины на 12, - именно в 1912 году везучий мой дед выиграл на лотерее в купеческом собрании пролётку с лошадю и въехал на ней с шиком прямо во двор, а бабушка от такой внезапности сомлела. Держать свой выезд было не по средствам и его тут же продали, но диковинное слово *ландо* осталось жить в семье.

Мать любила называть цифру 37 *маневрами* в память о боевых учениях Киевского военного округа, где она участвовала медсестрой и сподобилась рукопожатия самого маршала Клима Ворошилова.

Лева Левченко, когда служил пограничником, задержал диверсанта и был премирован именными часами и месячным отпуском. И теперь бывая ведущим, оглашал при okazji: *год задержания, месяц задержания и день задержания*. Здесь за столом он так же был бдителен, зорко следил за правильностью ведения игры. Работал он каменщиком, и его красные от мороза и ветра руки не справлялись с фасолинами, поэтому цифры он накрывал шашками и пуговицами. В игре ему не везло. Свои

всегдашние три рубля он проигрывал довольно скоро, и в этом ему виделись чьи-то происки. Поэтому для верности он старался почаще бывать ведущим, но всё равно проигрывал. А просадив всё до копыя, всердцах махал рукой и уходил.

- Пойдите, Левочка. Я поставлю за вас, - предлагала ему тётя Роза. Потому что, если кто-то выбывал, что-то нарушалось в нашем уютном сидении под абажуром, пустующее место зияло. Но Левченко, решительно мотнув головой, уходил восвояси.

На следующий раз, исполненный ещё большей бдительности, он снова являлся с тремя рублями пытаться судьбу. Но не везло ему прямо роковым образом.

Кому везло, так это тёте Розе! Ох и дородной же была тётя Роза! Голова её покоилась на жировом подбородке, как на подушке. Как-то во время игры под ней подломился венский стул, и с той поры она предпочитала иметь под собой прочный табурет. Добрейшая тётя Роза охотно давала займы и не помнила долгов. Для неё дороже был сам ход игры, совместное сидение в тепле и покое. Она всегда заводила разговоры на разные темы. Жалея проигравших и дорожа компанией, могла даже и не накрыть свою цифру. Но невезучий Левченко, прежде всего ценивший честную игру, замечал нехитрый её маневр:

- Тётя Роза, вон же у вас 27. Если будете так играть, я встану и уйду. Игра есть игра.

Тётя Роза, притворно удивившись, извинялась и клала фасолину на таблицу.

Личных цифр она не имела, так как всегда жила легко, ровно, без событий. И она при случае поминала и *ландо, и день задержания, и маневры.*

Её сестра, тётя Лиза, вдова, вечно кутавшаяся в шаль, была хранительницей истории двора, и от неё можно было слышать такие названия, как *капитальный ремонт, пожар, номер нашего дома.* По близорукости она подносила бочонок к самому глазу, как часовщик часы.

Часто играл Митя, сын дворничихи - белобрысый, коротконогий парень, пропускавший ради лото занятия в вечерней школе. Ему был памятен 46-й год, когда он потерял продовольственные карточки. Его отчаянно

отлущевала мать бельевой верёвкой, весь двор делился с ними едой. И теперь, когда Митя доставал из мешочка 46, произносил *карточки*.

Когда выпадало мне называть номера, я щеголял школьными знаниями: *Бородино, Парижская коммуна, корень квадратный из 121* и прочее из того, что мы проходили в классе. На меня смотрели с непониманием, но с любознательностью. Для пушшего эффекта чуть выдержав паузу, я давал ответ.

Отец в игре не участвовал. Намаевшись за день от переноски грузов, он сидел в стороне в натальной рубаше и вслух читал о последних новостях в газете. Его никто не слушал, но он не обращал внимания на это, упоённый своей грамотностью. Благодаря неизменности газетных оборотов, получалось у него вовсе даже недурно. Начала фраз давались ему с трудом, он брал их почти по слогам, зато окончания катились сами собой. Он бывал в особом ударе, когда сплошь шли казённые словесные клише и выходило у него очень гладко. Тогда появлялся в его голосе тот специфический напев официальных докладчиков, который у всех был на слуху. И он тогда обводил взглядом всех присутствующих - каков, мол, я - и чувствовал себя на передовом уровне.

Так мы коротали зимние вечера в нашем старом доме.

Он простоял уже по меньшей мере лет сто пятьдесят, наш дом, и за это время врос в землю с изрядным перекосом. Каменный его фасад треснул в нескольких местах от крыши до фундамента. Бревенчатая тыльная часть совсем обветшала: штукатурка осыпалась, обнажив сеть деревянной дранки; карниз под крышей наполовину разрушился, в его проёмах из нанесенной ветром земли произрастала зелень, которую, осторожно приняхавшись, ели кошки, видно, в лечебных целях; кое-где обнажились брёвна, замшелые в тенистых местах и расщепанные от сухости, с осыпающейся трухой на солнцепёке.

В жилуправлении наш дом числился как больной грибком.

15

В один из таких зимних вечеров в самый разгар игры появился к нам Егрищин, новый зять Самофаловых, механик по автоматам газводы.

Автоматы эти в виде железных шкафов недавно появились на нашей улице предвестниками механизированной эпохи на Подоле. Выходило, что Егрищин был новый человек не только в нашем дворе, но и в более широком смысле. Быстро вписавшись в компанию дворовых доминошников, игравших летом за самодельным столом, он вскоре стал там заводилой, да таким, что без него и игра не затевалась. И поскольку зимой для домино не сезон, его, человека компанейского, неизбежно должно было прибить к нашему столу. Он так и сказал, возникнув на пороге: “Привет всей честной компании!” Нам сразу же не понравился его фамильярный тон и, особенно, ироническая усмешка.

Он вмиг обежал нас оценивающим взглядом своих серых глаз, что расставлены были по лицу так широко, что, казалось, были ближе к ушам, нежели друг к другу, поинтересовался, сколько за таблицу, усмехнулся, что всего пятак, прикупил шесть таблиц, чего никому из нас не приходило в голову, и стал играть, да так удачно, что ему вскоре доставало монет, чтобы пользоваться ими как фишками вместо фасолин, что тоже никому в голову не могло прийти, хотя у тётки Розы, например, тоже набралось бы монет, чтобы обойтись без фасолин.

Когда Егрищину выпадало быть ведущим, он употреблял не всегда понятные нам названия: *аз*, *гривна*, *злот*, *очко*. Мы же из деликатности старались не употреблять при нём нашей доморощенной терминологии.

Один из нас, Митя, тотчас подпал под его влияние с каким-то даже восторгом, точно давно томился здесь по стоящему человеку. Сперва он тоже не понимал егрищинских наименований, но старался не показывать своего незнания, а цепко запоминал. Но уже в следующий раз, когда Егрищин прибежал к своему словцу, и косные игроки, не умевшие сналёту освоить новых названий, вопросительно уставлялись на Егрищина, Митя даже с

некоторым раздражением в голосе поспешно, чтобы опередить Егрищина, давал расшифровку. А затем взглядывал на своего кумира - оценил ли тот его посвящённость. Егрищин в ответ подмигивал ему, показывая, что Митя взят в компаньоны.

Надо сказать, Егрищина мне пришлось узнать ещё до его переселения к нам во двор. Как-то при мне один сельский хлопчик опустил монету в щель автомата, чтобы отведать городской водички с сиропом. Судя по его неуверенным движениям, он впервые приобщался к городским чудесам. Автомат не сработал. Пацан с терпеливостью сельского жителя ожидал, держа стакан на весу. Я ему посоветовал стукнуть по автомату, как это делали мы, добываясь пенной струи даже без монеты. Он несильно шлёпнул ладонью по автомату, как, скажем, похлопывают лошадь по шее. Такой ласковый шлепок, конечно, не возымел действия. И я с чувством гостеприимного хозяина трахнул кулаком по железному кожуху. Удар возымел неожиданный эффект: чуть ли не одновременно с ним из-за шкафа выскочил с руганью механик и треснул пацана кулаком по лицу. Тот совершенно опешил от такой внезапности. Утирая побежавшую из носу струйку крови, пацан ошеломлённо переводил взгляд с механика на меня, на автомат, видимо, объединяя нас в единую автоматически действующую враждебную систему в чуждом ему городе. Смалодушничал я, не признался, что стукнул по автомату - побоялся ретивого механика. Меня хватило лишь на то, чтобы отдать свой стакан воды с сиропом так ничего и не понявшему пацану. Механиком этим и был Егрищин, который вскоре женился на Ленке Самофаловой из нашего двора. И теперь, когда он приходил к нашему вечернему лоту, всякий раз перед глазами вспыхивала картина: вместе с ударом, как чёртик из табакерки, выскакивает Егрищин из-за автомата и бьёт пацана по лицу.

Приходить к нашему столу он стал ежевечерне. Он входил, плотоядно потирая руки, и глаза его загорались нетерпением и азартом. С его появлением что-то нарушилось в нашем вечернем времяпрепровождении. Он

был шумен, непоседлив, то и дело толкал стол и тот беспрестанно скрипел, фасолины съезжали с цифр. По доминошной своей привычке он со стуком ставил на стол бочонки. Азартом своим заражал и нас. При нём мы никак не решались прибегать к своей терминологии. Сознаюсь, мне она даже стала казаться нелепой.

Мы, правда, разоблачили его уловку с большим количеством таблиц, но ему удалось взвинтить ставки до пятнадцати копеек за таблицу. Левченко стал проигрываться еще быстрее и уходить раньше. За столом слышались только цифры и егрищинские словечки.

Первой неожиданно восстала тихая тётя Лиза.

Как-то, когда пришёл её черёд быть ведущей, она достав бочонок из мешка, сказала: *пожар*. Таким манером она возобновляла наши иносказания, напоминая о прежних, *до-егрищинских* вечерах, а кому, дескать, наши слова непонятны, пусть катится к своему домино или куда подальше. Кто имел 54-й номер, тот поставил на него фасолину, ибо мы знали, что речь идёт о 1954 годе, когда дом наш горел, подождённый опрокинутым керогазом. Мы с настороженным интересом покосились на Егрищина. Тётя Лиза могла бы быть и поснисходительней и сказать, положим, так: *год пожара*, чтобы он хотя бы знал, с чего начать вопрос, о каком то есть годе идёт речь. Но тётя Лиза просто сказала *пожар* и запустила руку в мешочек за следующим бочонком.

Егрищин обвёл всех недоумённым взглядом. Тётя Лиза уже оглашала следующий номер.

- Стой! - воскликнул он. - Что это за "пожар"?

Митя открыл было рот, чтобы подсказать своему кумиру, но тётя Лиза, повысив голос, продолжала выкликать номера.

- Стой! - крикнул ещё громче Егрищин, с шумом отодвигая стул и вскакивая. - Что за чушь собачья?! Какой пожар?

- Молодой человек, - сказала тётя Роза, самая милосердная из нас. - В пятьдесят четвёртом году горел наш дом.

В её голосе звучал упрёк и пережитое горе.

- Мы погасили пожар сами, своими силами, - прибавила она уже с гордостью, но опять же с упреком.

- Откуда мне знать, когда у вас тут были пожары, свадьбы и похороны?

Егришин сел и, продолжая ворчать, накрыл пятаком 54.

Тётя же Лиза монотонным голосом продолжала, точно всё происходящее её не касалось:

- *Начало войны.*

Наивная тётя Лиза опять захотела усть Егришина. Она считала, что и это иносказание из того же ряда, что и *пожар*, что минувшая война тоже наше внутреннее дело, не касающееся Егришина. Она немножко выжила из ума, тётя Лиза, и война к этому приложила руку: с войны не вернулись её муж (“красавец, каких мало”) и сын (“красавец, каких нет”). И видя, что Егришин безропотно накрыл 41-й, тётя Лиза едва заметно улыбнулась, поняв это так, что она приструнила самофаловского зятя.

Тем не менее Егришин снова выиграл, сорвав весь банк, что пополнялся на протяжении нескольких неразыгранных партий. Причём у него образовались сразу две *квинты* и обе в нижнем ряду. Везло ему страшно. Он сгрёб всю гору монет в карман, встал и подобрешим голосом сказал:

- Вот чудачки. Горел дом - пусть бы сгорел синим пламенем. Зачем было тушить? Жили бы сейчас в новом доме - с ванными, кухнями, унитазами. Оно вам надо - чахнуть в такой хибаре. Она ж скоро рухнет. Она уже потихоньку валится. Рухнете вместе с домом. А они играют тут. Как дети.

Егришин проживал в другом, крепком флигеле. А до женитьбы и переезда сюда успел пожить в одном из домов, построенных на левом берегу, в Дарнице немецкими военнопленными.

- Наш дом на очереди в райисполкоме, - отозвался отец из своего угла, на миг прервав чтение газеты и оставив на прерванной строке палец. - Там всё прекрасно знают.

Егришин презрительно отмахнулся.

- В райисполкоме! Пожилой человек, а такой

наивный.

Он уже стоял у дверей и, побрякивая монетами в кармане, критически осматривал наше обиталище. Я тоже, следуя его взгляду, стал глядеть на потолок, стены, пол. И мне вдруг дом наш увиделся таким ветхим, что вот-вот развалится.

- Тут же всё прогнило, - сказал Егрицин и сильно ударил кулаком по дверной филёнке. На пол посыпалась труха вперемешку со штукатуркой.

- Что вы предлагаете?- раздражённо сказала тётя Лиза.

На лице Егрицина возникла умная улыбка: мол, неужто трудно догадаться, наивные вы люди?

- Что я предлагаю?

Мы затаили дыхание, предчувствуя подвох, если не хуже, и как-то даже не хотелось, чтобы он произносил свои советы.

- Что предлагаю?- повторил он, складывая руки на груди.

Он обвёл нас заговорщицким взглядом. Теперь каждому стало ясно, что речь пойдёт о какой-то афере, поскольку Егрицин даже подмигнул, причём как-то нижним веком.

- Подпалите снова эти трущобы, и вас тут же переселят. А куда им деться? Умные люди так и делают.

Подмигнул ещё раз и ушёл.

16

Когда все разошлись по квартирам, когда настала ночь, зимняя, вьюжная ночь, я, лёжа на своей раскладушке у окна, всё вслушивался сквозь завывание ветра, как потрескивал, побрякивал наш старый дом, как поскрипывал шкаф, тихонько пел наш чуткий стол, дребезжала ложечка в стакане. Вдруг я понял, отчего не закрывалась дверца шкафа, хотя отец время от времени подтёсывал верхний её край. Какое-то время дверца входила плавно. Но вскоре уже приходилось приналечь, чтобы затворить её, и она при этом начинала издавать утиное кряканье. Наконец наступал день, когда она снова ударялась о поперечину и не входила. Отец опять стёсывал верх.

Поднять дубовый шкафище, чтобы, подложив под ножки прокладки, вывести его из параллельности скошенному полу и придать ему параллельность, так сказать, уровню моря, не представлялось возможным: он всей своей дубовой массой прямо врос в пол.

Я понял вдруг, что дом наш оседал и наклонялся. Наклонялся медленно и неизбежно.

И сейчас я прямо физически ощущал, как он всё больше и больше скашивается, заваливается вбок. Клянусь, я отчётливо ощутил, как дом движется в сторону. Меня поразило, как могут спать все вокруг и не чувствовать надвигающейся беды, когда не то, что вынести пожитки, самим бы успеть выскочить.

И вот уже я своими глазами вижу, что забор за окном всё дальше и дальше. Вот дом, заскрипев натужно, двинулся и - пошёл, пошёл... Я не выдержал и растолкал спящего отца.

- Падаем! Наш дом падает!

Отец тут же вскочил. Проснулись мать, бабушка и сестра.

- Наш дом валится! Смотрите! - продолжал я кричать и показал на уплывающий забор.

Все собрались у окна и некоторое время сонно смотрели на забор, на то, как ветром сдувало снежную шапку с его верха, на рой снежинок, мотавшийся в свете фонаря то в одну, то в другую сторону. Забор, вроде бы, не удалялся.

Устраиваясь под тёплым одеялом, отец сказал:

- Спи. Райисполком всё знает.

- Удумал же такое: “подожгите”, - сказала мать.

17

Пожар-54, о котором напомнила тётя Лиза, случился от опрокинутого керогаза. Жильцы при тушении проявили поразившую меня самоотверженность. Хотя и сперва немного растерялись. Отец, ворвавшись в самый очаг огня голыми руками схватил горящий керогаз и швырнул его в окно со второго этажа, и мы, пацаны, стали забрасывать его песком. Пошли в ход вёдра с водой, передаваемые по цепочке, пошёл в дело дворницкий шланг для поливки

асфальта. На помощь прибежали из соседних дворов, да и случайные прохожие. И когда пожар был потушен, всем стало весело и немного даже жаль, что такая славная работа пришла к концу. У отца на руках оказались сильные ожоги. Кто-то посоветовал ему помочиться на руки, и он поспешил в туалет, что находился в углу двора. Чуть погодя выскочил оттуда и позвал нас, пацанов. Он не мог расстегнуть пуговицы обгоревшими руками, и мы сделали это, и он стал мочиться на руки, и потом мы все поочерёдно писали на его красные с белыми волдырями руки, которые он деловито поворачивал под струями, и мы чувствовали себя как бы целебными источниками и старались отдать всё до капли, и самое неприятное, что мне как на грех не хотелось - я долго тужился над его обожжёнными руками, пока он, морщась от боли, не отодвинул меня локтем, чтобы я уступил место другому.

Пожарная команда прибыла, когда огонь был потушен. Пожарные ворвались во двор с криком “па-а-берегиись!” и первым делом перерезали верёвки с бельём, пересекавшие двор, и тётя Маруся бросилась подбирать своё измаранное бельё, понося всякими словами лихих пожарников, что хватко стыковали свои толстые шланги и нисколько не обращали внимания на тёти Марусины вопли. Потом они так ударили из своих брандспойтов, что на первом этаже быстро намок и обвалился потолок. Самое смешное, что особой надобности лить воду уже не было. Но они, видно, соскучились по своему делу и сильно усердствовали. Чтобы не дать распространиться огню, которого уже не было в помине, они направили мощные струи в соседнюю квартиру, где пожаром и не пахло. И тут же в другом окне этой квартиры показался испуганный и мокрый человек в исподнем. Это был молодожён Ося Киселевский, который благодаря пожару получил наконец долгожданный тет-а-тет с новой женой. Обилие домочадцев не давало им развернуться во всей их страсти. Все так и покатались от хохота. Смеялись даже погорельцы. Когда всё поутихло и двор опустел, внезапно раздались вопли тёти Раисы. В суматохе у неё пропал патефон с любимой пластинкой “Бродяга я” и кастрюля с компотом из

сухофруктов. Кастрюлю, впрочем, через некоторое время подбросили, понятное дело, в опустошённом виде - и я знал, чьих рук это дело. Патефон же с пластинкой пропал бесследно.

18

И в последующие ночи мне всё мерещилось, что дом наш рушится, что я потихоньку уплываю от каменного забора, но никого я больше не будил.

Дом наш представлялся мне тонущей шхуной, а райисполком - кораблём, который отряжён в экспедицию по спасению, но никак не может нас разыскать. Я опасался, что не поспеть ему вовремя.

Моё состояние страха длилось довольно долго. Но как-то на уроке географии я узнал о падающей башне в итальянском городе Пиза, что пребывает уже несколько веков в наклонном положении. Об этом я не преминул доложить вечером, когда составилась всегдашняя партия в лото. Всех обрадовал сей факт, и тут же был сделан вывод, что и дом наш долго будет стоять и это даже хорошо, что райисполком мешкает с отселением, потому как если разбросает нас в разные концы Киева, распадётся наша партия в лото. Егришин же был уверен, что жителей башни наверняка отселили в новые дома Пизы.

19

Однако райисполкому, видимо, не был известен пизанский прецедент, и он не желал рисковать нашими жизнями. Через два года мы, жители старого флигеля, получили ордера на новые квартиры и разъехались на грузовиках вместе со своими пожитками в разные концы Киева.

А дом был приговорён к сносу.

Нужно упомянуть о таком характерном факте. Ни стол, ни шкаф, сколько с ними не бились, не смогли протаскать сквозь дверь. Оставалось только гадать, как удалось когда-то внести эти махины в квартиру. Единственным очевидцем тому была бабушка, но она померла к тому часу. Пришлось всё это оставить в доме. Вполне можно было разрушить дверной проём - всё равно ведь дом собирались ломать - и вынести мебель. Но такого в

голову никому не пришло.

И ещё одно. Когда все вещи были увязаны и лежали в кузове грузовика, а я сидел на узлах с настенным зеркалом на коленях, когда заведён был мотор, - мать всё ещё медлила в доме. Отец помчался наверх узнать о причине её задержки. Оказалось, мама решила напоследок вымыть полы, поскольку при всей этой кутерьме мы сильно намусорили.

20

Дом опустел, затих и стоял ещё целый год, осевший набок, треснувший, безмолвный.

Вечерами его окна были темны. Сквозняки гуляли по пустым комнатам. Выветрились запахи, по которым я прежде смог бы и с закрытыми глазами определить, в чьей я квартире. Температура комнат сравнялась с температурой улицы. Снег, влетающий сквозь выбитые стекла, лежал на полу, не тая. Деформация комнат проступила нагляднее. Они имели вид неправильных кубов, скошенных пирамид из геометрии Лобачевского, которую мы к тому времени проходили в школе.

Здесь в пустых комнатах я понял, что эвклидова геометрия - это чистая идея, абстракция. Геометрия же Лобачевского - земна, конкретна, рукотворна. Кривизна - следствие работы времени и трепетных человеческих рук. В кривизне есть поэзия. Выходит, старый наш дом был поэтичен. То-то я, сам не знаю отчего, стал томиться в нашей новой *эвклидовой* пятиэтажке, построенной на стандартный лад.

21

Дом разбирали по кирпичику.

Никуда не спешившие каменщики как-то бесцеремонно сидели верхом на его стенах, свесив ноги, и молотком постукивали по кирпичам. Разок-другой стукнут - и кирпич, с потемневшим от времени боком, слегка пыля, съезжает со своего векового места. Те, что стояли внизу, ловили брезентовыми рукавицами брошенный сверху кирпич и, обив окаменелый раствор, складывали в штабель. В воздухе оставался висеть след пыльной траектории пролетевшего кирпича. Ресницы и брови у работников были белёсыми от пыли.

Дом медленно таял. Штабель рос.
В штабеле я узнал несколько знакомых кирпичей.

22

Минуло уже полтора часа, как ушли отец с тёткой, а “контрольного звонка” всё не было. Снег за окном повалил густо. Меня стало помалу клонить ко сну. Я сидел облокотясь на стол и положив голову на руки.

И тут вкрались мне в уши странные какие-то голоса. Они никак не походили на людские, но слова почему-то оказались различимыми и понятными. Разговор вели двое. И вроде бы за окном. Один скрипел, точно несмазанная дверь, другой дребезжал, как испорченный водопроводный кран. Но говорок был чисто подольский. По мере того, как я вслушивался в их странные речи, я, сам себе не веря, приходил к невероятному выводу: разговаривали *домовые* из покинутых и разрушенных домов. По некоторым именам, которые они поминали, я смог даже определить, что их разорённые дома стояли на Гончарной. *Бездомные домовые!* Неприкаянные, они, видимо, целыми стаями шатались теперь по Подолу.

Вот что удалось мне расслышать в глухой ночной час:

- Ты видишь, он-таки да порядочный человек, - проскрипел один. - Батя ушёл, а он-таки остался стеречь.

- Что тебе сказать: у порядочных родителей - порядочные дети, - продребезжал другой.

- Ха! - иронически выдохнул скрипучий. - Особенно, если взять твоего Козодоя.

Дребезжачий промолчал, не зная чем возразить. Видно, уел его тот, другой.

- Нет, вы только подумайте! Устроить на Подоле такой гармидер! - не успокаивался скрипучий. - Поломать родной дом! Сморкач такой! Ссыкун!

- Шо ты мне этим Козодоем всю дорогу колешь глаза, - не выдержал дребезжачий. - Между нами, и батя его не сильно...

- Шо “не сильно”?

- ... не сильно порядочный. Хоть и член партии.

- Ой, я умру! Где ты видел порядочных членов

партии?

- А Бондарь?

- Бондарь - да, - согласился скрипучий. - Бондарь таки да порядочный: взял с собой домовика. Не то что твой Козодой.

- А твои Шостак и Красуцкий порядочные? Бросили тебя, как собаку, и разбежались по микрорайонам.

- Не равняй их. Коммуналка, удобства во дворе. А твоему Козодою чего не хватало, холера ему в бок вместе с его сыном!

- Он такой же мой, как и твой.

- Не я же - ты у них жил.

- Я? У них? Я при доме жил. Если на то пошло, это они у меня жили.

- Ой, я умру! Они у него жили. Можно подумать, что он не домовик, а домоуправ. Мы на птичьих правах. Иждивенцы без прописки. Хочет, чтоб с ним цацкались. Тоже мне пуриц!

- А ты не хочешь?

- Я?! Я бы не поехал. В эти микро-шмикро? В эти ячейки? Да ни за какие башли! Дай мне кусок золота - не поеду. Шоб я сдох! Разве это дома? Ни погребка, ни чердака, ни печки. Главное - "со всеми удобствами". Им удобства - нам неудобства. Не поехал бы, шоб я так жил. Падлой буду!

Они оба вздохнули и некоторое время молчали.

- Ай, кому мы нужны? На черта им эти старые трущобы и старые забобоны. Мы ж с тобой забобоны. Нас нету. Нэма.

- Как нэма? Вот они мы - стоим, базарим между собой.

- Это для нас мы есть. А для них - нету нас. Уже нэма. Мы же в старых домах остались от прошлого времени. А в микрорайонах нас нет. Там нас не может быть. Там всё новое.

- Тоже мне дома! Шоб они так жили! Коробки.

- Ай, пусть себе живут на здоровье, если им так нравится.

- Но зачем ломать, я тебя спрашиваю. Кому это мешало?

- Можно подумать - ты бы остался жить без них в пустом доме. Без людей нет и нас.

- Но вот же ж мы есть!

- Говорю ж тебе - это для нас мы есть. Мы щас с тобой бродячие забобоны.

- А может, у них в этих микро-шмикро заведутся новые домовики?

- “Заведутся”. От чего? От сырости? Они стали большими цацами. У них теперь телевизоры. Они верят в телевизоры.

- Ой, как я люблю телевизор! Как я выдержу без телевизора?

- Я говорил: нельзя привыкать к телевизору. Это зараза хуже водки. Домовик должен стеречь дом, а не в телевизор вылупливаться. С этими телевизорами и дома проморгали. Нельзя отвлекаться.

- Ша! Слушай сюда. Знаешь, где мы заведёмся?

- Ай, кому мы нужны?

- Слушай сюда! У Мишки Кацапа. На дебаркадере.

- У этого ханыги?

- “Ханыги”. Он, между прочим, очень порядочный человек. Бывший водолаз, между прочим. Водолазы все порядочные. Водолаз - это почти водяной. Айда к Мишке!

- Я знаю? - с сомнением произнёс скрипучий. – Он же еврей.

- Побольше бы таких евреев!

- Как там жить? На дебаркадере? Пароходы толкают в бок, трясёт, качает. Сыро.

- А ты хочешь со всеми удобствами? Так иди в микро-шмикро. Большой пуриц нашелся! Мишка же живёт там, и нас холера не возьмёт. Второй этаж, свежий воздух, Днепр - что тебе ещё надо? Курорт! Айда к Мишке Кацапу!

- Я знаю? - уже с меньшим сомнением подумал вслух скрипучий, но, видно, ему ничего не оставалось.

И голоса удалились, стихли.

23

Шёл третий час пополуночи. “Контрольного звонка” так и не последовало. Я это расценил знаком окончательного доверия и вышел на двор, чтоб прогнать сон

и решить, как быть дальше: вешать замок или оставаться? Или сходить к тётке Рите - что там с отцом? Нет уж, этого как раз делать не следовало: он бы не вынес, увидев меня покинувшим пост.

Снегопад валил густейший. За сплошной пеленой исчезли и речной вокзал, и нижняя станция фуникулёра, и домик Куприна, что находились по краям Почтовой площади. Даже каменной махины мельницы Бродского стало не видеть. Ближние свежие развалины и подъёмный кран с болванкой и те сплошь заштриховались густым ходом снежных хлопьев. Вокруг - ни зги, сплошной белый полог.

За толщей снегопада спал израненный Подол. Снег покрывал все грехи и боли, заваливал руины и уцелевшие дома, в которых теперь спали их обитатели: в тревожном забытии дремал мой отец, почивала тётушка, свершив свой подвиг милосердия, спал вольнодумный мой приятель, спал бедовый Марик Козодой - все такие разные, но теперь во сне одинаково беззащитные.

Я и прежде замечал, что, когда бодрствуешь среди повального сна, всё вокруг становится каким-то беззащитным, трогательным и более дорогим. Спящие как бы полагаются на тебя, ты как бы становишься их временным поверенным. И пусть ты при свете дня самый разудалый, самый беспечный малый, бодрствуя ночью, ты непременно ощутишь себя ответственным лицом.

И теперь среди ночного снегопада и тишины, перед лицом разрушаемой моей улицы, я вдруг ощутил это с особой остротой. Возможно, такое же чувство испытывал отец при ночных своих бдениях в этой конторе.

Контора. Разве в ней дело. *Я охраняю почтовую станцию.* Эта его фраза, так поразившая меня, теперь выглядела не такой уж странной, а ирония моя о станционном смотрителе представилась мне и вовсе неуместной. Завалившая должностишка ночного учрежденческого сторожа, которую исполнял отец среди разрушительной кутерьмы, увиделась мне в ином свете. Да, он охранял не столько эту контору с несуразным названием, сколько здание почтовой станции, пядь земли, где ещё теплится живая душа Подола, старого Киева, уходившего в

прошлое. Покинь он свой пост, где гарантия, что тут же не явится Козодой со своими бульдозерами и клин-бабой - и рухнет, как карточный домик, старая почтовая станция, и взвьётся облаком вековая пыль. Эта беспамятная вагага только и ждёт, когда в доме не останется ни души, чтоб подступиться к нему со своими губительными снарядами. Покуда в доме есть хоть одна живая душа, дом заговорён от гибели.

Разве мог я, уразумев всё это, повесить замок и обратиться восвосяси? Какое нам с отцом дело до почивавшего Потапова и пьяного Инжуватого? Самые крепкие замки и запоры разве уберегут то, что мы с отцом сторожим? Ладно - от взломщиков. А от сломщиков?

Оббив на пороге ботинки от снега и отряхнув отцовский сторожевой бушлат, я вошёл в помещение почтовой станции - вверенного мне объекта - и стал его охранником не только образом, но и духом.

24

Отцу больше не привелось сюда вернуться. Это был последний рабочий день, вернее, рабочая ночь, в его трудовой биографии. Несколько дней спустя я принёс в контору его заявление об уходе. Автокрана с болванкой поблизости я не обнаружил. Убрался крушить в другое место. Контора жила своей рутинной вялотекущей жизнью: щёлкали костяшки счётов, погромыхивали арифмометры, закипали электрочайники, пудрились, красили губы и щебетали женщины. На стёклах окон стояли датчики сигнализации.

Процесс написания заявления об уходе происходил у отца мучительно и непросто. Об этом свидетельствовали черновики, которые я обнаружил у него на кухонном столе. Сев писать сей документ, он, видимо, для разгона руки, совсем отвыкшей от писания, стал выводить дежурный свой текст: *Прошу выдать мне два фунта хлеба*, и написал это несколько раз. Разогнав таким образом руку до приемлемой каллиграфичности, он приступил непосредственно к заявлению и написал: *Прошу уволит миня от роботы по сопствену желаню*. Далее, полюбовавшись на своё письмо, он, видно, призадумался. И невесёлые, видать, думы им

овладели, поскольку он поступил совершенно неожиданно. Он зачеркнул слово *роботы* и сверху написал *жизни*, а над зачёркнутым словом *сопствену* поставил и вовсе поразившее меня *господабога*. Меня не столько поражало это словообразование, сколько новый его контекст. Слова эти слыхивал я от него с детских лет, в артельные его деньки, когда работал он грузчиком. Они входили составным элементом в забористые выражения, каковые он довольно часто отпускал по разным поводам. Слитность написания как раз и шла от произносительного его опыта, когда эти слова говорились сплошной тирадой, неразрывно со словом *мать*. Теперь они поразили меня тем, что употреблены были в новом, более надлежащем контексте. *Прошу уволит миня от жизни по господабога желаню*. Он всегда считал, что всякое начальство от Бога, в единой с ним иерархической пирамиде. И теперь выходило, что соблюдая субординацию, он докладывал нижестоящему начальству, что вызван к самому высокому руководителю. Иначе говоря, просил отпустить душу на покаяние.

В контору такое заявление я, конечно, не понёс, а подал по всей форме писаное моей рукой. Отец лишь удостоверил подписью - корявым, последним в его жизни начерком.

Потапов с безразличным лицом принял от меня бумагу, не поинтересовавшись ни самочувствием заявителя, ни причиной ухода.

25

Почтовая станция и ныне стоит на исконном своём месте, но теперь - на юру, посреди закатанной новым асфальтом Почтовой площади, и блистает свежей краской, такая бонбоньерка. При входе врыта полосатая верста с поперечной дощечкой. На дощечке надпись:

Кієвъ
Отъ
С. Петербурга
1136

Внутри станции размещена экспозиция почтовой утвари прошлого века и теперешних почтовых марок. Лошадиная упряжь, дуга с колокольцем, почтмейстерский

штемпель, каламарь с крышкой и прочий реквизит расположены как раз там, где в приснопамятную ночь лежал, вытянувшись на казённых столах с пульсирующей болью в боку, мой отец - *последний её станционный смотритель*.

1985, 2011
Киев-Филадельфия

Александр Матлин

2 = 1

Бруклине, в математической школе для одарённых детей шёл урок алгебры. Это был класс учеников выше среднего уровня во всех отношениях — как в смысле их возраста, так и в смысле их прогресса в освоении наук. У мальчиков начинал ломаться голос, девочки начинали брить подмышки, и все они шагнули в постижении математики так далеко, что наизусть знали таблицу умножения до четырёх. Теперь они с упоением погружались в холодные глубины алгебры. Они уже усвоили, что если $a = b$, то $b = a$, и это придавало им чувство избранности и приближения к абсолютной истине.

Учитель был полноватый, средних лет мужчина с матовой плешью, грустными бесцветными глазами и тяжёлым русским акцентом. Он страстно любил математику и надеялся, что эта страсть передастся кому-нибудь из его одарённых недоумков. Ученики почтительно называли его мистер Зайтлайн, а друзья запросто — Борька Цейтлин (о чём ученики, разумеется, не знали).

К середине урока, когда мальчикам надоело играть в морской бой, а девочкам надоело красить ногти, учитель неожиданно сказал нечто такое, что привлекло их внимание.

– Сейчас, – сказал учитель, – я вам докажу, что два равно одному.

Класс затих, и учитель, воспользовавшись паузой, добавил:

– Тот, кто найдёт ошибку в моём доказательстве, получит “А”.

Класс молчал, напуганный неожиданным вызовом. В наступившей тишине раздался писклявый голос отличницы Брехман:

– Мистер Зайтлайн, по-моему, два не равно одному. Два больше.

– Правильно, – сказал учитель. – Отличное наблюдение. Два действительно больше, чем один. Но вы должны это доказать, то есть опровергнуть моё доказательство. Понятно? Итак, начнём. Для начала, предположим, что “а” равно “бэ”.

Он повернулся к доске и написал:

$$a = b$$

– Откуда вы знаете? – раздался с задней парты ломающийся голос отличника Гойскера.

– Откуда я знаю что?

– Что “а” равно “бэ”.

– Прекрасный вопрос, – кисло сказал учитель. – Я не знаю. Но я допустил. Если вы заметили, я сказал: *предположим*, что “а” равно “бэ”.

– Предположим, что директора на завуча положим, – сказал отличник Рабунский, обводя класс победным взглядом.

Класс взорвался от хохота. Директор школы был пожилой мужчина, завуч была молодая женщина, так что, класс по достоинству оценил остроту Рабунского.

Дождавшись, когда ученики успокоятся, учитель продолжал:

– Умножаем обе части уравнения на “а”. Получается...

Он написал:

$$a \times a = a \times b, \text{ то есть} \\ a^2 = ab$$

Класс молчал.

– Отнимаем от обеих частей уравнения “бэ” - квадрат, – сказал учитель и написал:

$$a^2 - b^2 = ab - b^2$$

Класс молчал.

– А теперь... – сказал учитель, не в силах сдержать счастливой улыбки, – кто может сказать, что мы теперь делаем?

– Идём домой смотреть хоккей, – сказал отличник Рабунский. – Он явно был сегодня в ударе.

– Правильно, – сказал учитель. – Но не сейчас. До

конца урока ещё пятнадцать минут. А пока продолжим доказательство. Что у нас в левой части уравнения? Разность квадратов члена “а” и члена “бэ”, правильно? Чему равна разность квадратов? Она равна произведению суммы членов на их разность. А что в правой части? Общий множитель “бэ”, который мы выносим за скобки. Преобразуем уравнение. Получается...

Он написал:

$$(a + b)(a - b) = b(a - b)$$

– Понятно?

– Понятно, сказал остряк Рабунский. – Линда Брехман любит сумму членов Алана и Боба.

Класс потряс новый взрыв ликования. Учитель понял, что на этот раз не дожждётся тишины. В его распоряжении оставалось шесть минут.

– Сокращаем обе части уравнения на “а” минус “бэ”, – прокричал он, перекрывая ликующий гогот. – Получается...

Он написал:

$$a + b = b$$

Гогот не стихал. Учитель продолжал писать, одновременно выкрикивая:

– Так как “а” и “бэ” равны, заменяем в левой части “а” на “бэ”. Получатся...

Он написал:

$$b + b = b, \text{ то есть} \\ 2b = b$$

– Сокращаем на “бэ”. Получается:

$$\underline{2 = 1}$$

Последнюю строчку, стуча мелом по доске, он написал крупными цифрами и подчеркнул. Класс замолк, испуганно глядя на доску. Даже хулиган Рабунский на время притих. Учитель сказал, не скрывая своего торжества:

– Ну, кто может найти ошибку в доказательстве?

Отличница Линда Брехман подняла руку и сказала:

– Я знаю, где ошибка. Ошибка заключается в том, что на самом деле два не равно одному.

Учитель погрузнел.

– Правильно, Линда – сказал он со вздохом. – Ты это

уже говорила. Конечно, они не равны. Значит, в моём доказательстве есть ошибка. И вы должны её найти.

В разговор неожиданно вмешался отличник Гойскер:

– Мистер Зайтлайн, если в доказательстве есть ошибка, зачем вы нам его показываете? Мы пришли сюда учить правильную математику, а не ошибочную.

– Замечательная мысль, – сказал учитель. – Это такое упражнение. Шутка. Если вы найдёте ошибку, вы будете знать, как её избежать в вашей дальнейшей жизни.

Прозвенел звонок, и ученики ринулись на выход. В классе осталась одна отличница Брехман.

– Мистер Зайтлайн, – сказала она, подойдя к учителю, – это очень странно, что два равно одному. Это правда шутка?

– Правда.

– А в чём ошибка вашего доказательства? В том, что на самом деле “а” и “бэ” не равны?

– Равны, равны, – сказал учитель, собирая портфель.

– Тогда в чём ошибка? Скажите по секрету, мистер Зайтлайн. Я никому не скажу, что вы мне сказали.

– Не могу, Линда. Это будет нечестно по отношению к остальным ученикам.

– Ну, пожалуйста, мистер Зайтлайн! Я же никому не скажу!

– Извини, Линда, не могу.

– Какой вы вредный! – сквозь слёзы пропищала отличница Брехман. Я на вас пожалуюсь моему папе.

Она выскочила из класса, демонстративно хлопнув дверью.

Следующий день прошёл спокойно. Ни учитель, ни отличники не вспоминали о вчерашней коварной теореме. В конце дня учителя вызвал директор школы.

– Привет, Борис, присаживайся, – сказал он. – Слушай, что у тебя вчера произошло в классе? Мне звонили несколько обеспокоенных родителей. Они говорят, что ты травмируешь детей.

– Вчера? – переспросил учитель, пытаясь вспомнить, что такого страшного он вчера натворил. – А, да! Я им доказал, что два равно одному.

– Ты с ума сошёл! – испугался директор. – Как можно такие вещи доказывать несовершеннолетним детям! Ведь на самом деле два гораздо больше, чем один!

– Я знаю, что больше. Это была шутка. Я хотел проверить их знания основ математики.

– Ты им сказал, что это шутка?

– Сказал.

– Ну, тогда ладно. – Директор с облегчением перевёл дух. – Ты смотри, будь осторожен. А то нас засудят.

Прошло ещё две недели, и опасная математическая шутка была окончательно забыта. Никто из отличников (а все ученики этой школы были отличниками) не вспомнил о ней и не попытался её разоблачить, чтобы получить “А”. На третью неделю учителя снова вызвал директор школы. Он был мрачен, как похоронное бюро. Закрыв дверь кабинета, он предложил учителю сесть и швырнул перед ним письмо на плотной, палевого цвета бумаге. Письмо было из местной юридической фирмы “Оркин, Соркин и Дворкин”. Оно гласило:

“Наша компания представляет интересы родителей учеников вашей школы. В связи с инцидентом, произошедшим недавно в седьмом классе на уроке математики, мы бы хотели встретиться с учителем, мистером Зайтлайном, чтобы получить его показания о вышеупомянутом инциденте. Вы можете назначить день и время встречи. Искренне ваш – А. Оркин”.

Мистер Оркин явился на следующий день после окончания уроков. Его сопровождали Соркин, Дворкин и две секретарши. Интервью проходило в кабинете директора. Вопросы задавал самый молодой, мистер Дворкин. Остальные молча записывали. Для начала мистер Дворкин уточнил имя, фамилию, адрес и год рождения учителя. Затем он сказал:

– Мистер Зайтлайн, повторите, пожалуйста, что вы объявили ученикам на уроке математики пятого октября?

– Что два равно одному.

– Известно ли вам, что на самом деле два не равно одному?

– Почему вы так думаете?

– Мистер Зайтлайн, позвольте, я буду задавать вопросы. Признаёте ли вы, что преднамеренно ввели своих учеников в заблуждение?

– Я их никуда не вводил. Я просто доказал, что два равно одному.

– Каким образом вы это доказали?

Учитель взял лист бумаги и в течение минуты повторил злосчастную теорему. Под конец он лихо сократил обе части уравнения на “бэ”, написал $2 = 1$ и, не моргнув глазом, подчеркнул эту непристойность. Три юриста и две секретарши тщательно переписали бесстыжие выкладки учителя. Воцарилось тяжёлое молчание.

– Это шутка, – сказал учитель. – Это, как бы, упражнение. В моём доказательстве содержится ошибка, которую ученики должны были найти.

Адвокаты молчали, не глядя друг на друга.

– Я могу объяснить, в чём она заключается, – заискивающе сказал учитель.

– Не надо, – сказал мистер Дворкин. – Ученики задавали вам вопросы?

– Да. Гойскер спросил, откуда я знаю, что “а” равно “бэ”.

– Что вы на это ответили?

– Что это моё предположение.

– Так. На чём оно было основано?

– Что – “оно”?

– Ваше предположение. Какие у вас были основания предполагать, что “а” равно “бэ”?

Учитель с мольбой посмотрел на директора. Директор отвернулся к окну и стал смотреть во двор, откуда неслись счастливые вопли отличников, играющих в софтбол.

– Продолжим, – сказал мистер Дворкин. – Как отреагировали ученики на ваше безосновательное предположение, за которым, как и ожидалось, последовало ошибочное доказательство?

– Рабунский сказал: предположим, что директора на завуча положим.

Директор заёрзал на стуле и сказал:

– Мои отношения с миссис Лифшиц являются чисто деловыми и основываются исключительно на интересах школы и её учащихся. Высокое качество образования, которое...

– Хорошо, – сказал мистер Дворкин. – Что ещё говорили ученики?

– Ещё Рабунский сказал, что Линда Брехман любит сумму членов Алана и Боба.

Две секретарши ниже склонились к своим блокнотам.

– Понятно, – сказал мистер Дворкин. – Реакция класса показывает, что дети были травмированы вашим безответственным доказательством. Родители учеников рассказали, что в этот день дети пришли из школы в подавленном состоянии, бледные, весь вечер плохо ели и долго не ложились спать. Многим родителям пришлось обратиться к помощи психологов и психиатров. Что вы можете на это сказать, мистер Зайтлайн?

– Что они врут, – вяло сказал учитель.

– Борис, ты с ума сошёл – сказал директор по-русски. И перейдя на английский, добавил: – Мистер Зайтлайн хотел сказать, что ученики побледнели оттого, что напряжённо думали над задачей, которую он им предложил с целью повышения их уровня знаний математики.

Мистер Дворкин хотел открыть рот, но его неожиданно перебил до сих пор молчавший мистер Соркин.

– В чём была ошибка? – спросил он, не проявляя эмоций.

– В том, – сказал учитель, заметно оживляясь, – что в шестой строчке мы сокращаем обе части уравнения на "а" минус "бэ", что, по определению, равно нулю. А на ноль делить нельзя. Ученики должны это знать.

– Что значит "нельзя"? – Мистер Дворкин снова взял дело в свои руки. – Мистер Зайтлайн, мы живём в свободной стране.

– Понимаете, – сказал учитель, – есть закон, не позволяющий делить на ноль. А то получится бесконечность или вообще чёрт знает что.

– Закон? – переспросил мистер Дворкин. – Это закон

штатный или федеральный? Он принят конгрессом? Вы знаете его номер и дату вступления в силу?

– Нет, но...

– Мистер Зайтлайн, – снисходительно сказал мистер Дворкин. – Можете не объяснять. Мы с мистером Оркиным и мистером Соркиным разбираемся в законах.

На этом интервью закончилось. Мистеры Оркин, Соркин и Дворкин с двумя секретаршами покинули кабинет. Директор сказал:

– Борис, ты понимаешь, что ты наделал?

– Я могу покаяться, если надо, – сказал учитель – Хочешь, я публично признаю, что два не равно одному?

– Теперь уже не поможет.

Через два дня в “Нью-Йорк Таймс” появилась статья под названием “Проблемы нашей системы образования – наследие Республиканцев”. Статья была посвящена инциденту в бруклинской математической школе. “Злосчастный эпизод, произошедший в Бруклине, – говорилось в статье, – является прямым результатом недостаточного финансирования наших школ в период администрации Буша. Если бы сегодня каждая школьная парта была оборудована современным компьютером с доступом к высокоскоростному интернету, ученики могли бы сами убедиться в том, что на самом деле два не равно одному”.

Учителя уволили, и о нём больше никто не вспоминал. Говорили, что он записал и пошёл в частную женскую школу преподавать бокс. Тем временем, буря не стихала. Фирма “Оркин, Соркин и Дворкин” от имени родителей травмированных учеников возбудила гражданский иск против школы на сумму шесть миллионов долларов. После долгих переговоров с адвокатом школы стороны решили не доводить дело до суда и согласились на сумму в два миллиона. Из них полтора миллиона наличными причитались фирме “Оркин, Соркин и Дворкин” и полмиллиона – истцам, то есть родителям пострадавших учеников – в виде купонов на десятипроцентную скидку в местных супермаркетах.

Директор школы пригласил родителей на собрание.

– Дамы и господа, – сказал он, – поздравляю вас с успешным завершением иска против школы. Ваша победа в этом процессе ещё раз подтверждает справедливость нашей системы правосудия. К сожалению, школа не располагает бюджетом, который позволил бы нам выплатить два миллиона долларов. Мы вынуждены будем объявить банкротство, закрыть школу и уволить учителей. Однако, если вы хотите, чтобы ваш ребёнок продолжал получать образование в нашей школе, вы можете взять на себя оплату иска, что составит восемьдесят тысяч долларов на каждую семью. Вопросы есть?

– Есть, – сказал мистер Брехман, – Нельзя ли разделить сумму иска пополам, с тем, чтобы один миллион оплатили родители и один – школа?

– Боюсь, что нет. – Директор вздохнул. – Один миллион для школы так же недостижим, как два миллиона. Как видите, в данном случае два таки равно одному. Ещё раз поздравляю с победой!

Аплодисментов не последовало.

Григорий Рыскин

Бум-Бакс и Джон Донн

Рецензия на «The Anthology of Rap»
(Yale, 2011)

English слово Rap имеет пучок значений: наказание, приговор, стучать, постукивать, держать под арестом, выкрикивать, извергать ругательства, разразиться бранью а также фальшивая монета. И все они исчерпывающе определяют этот феномен.

Рэп, извергаемый ревущим ящиком (бум-баксом), - сущее наказание для Neighborhood (округа, района, квартала). Рынок недвижимости реагирует на рэп негативно. Там, где он разбушевался, резко падает стоимость жилья, потому что рэп - индикатор преступности и нижайшего уровня школьного образования. Белый средний класс улепетывает от черного рэпа во все лопатки в пригород. И, конечно же, рэп, по всеобщему убеждению, - «фальшивая монета», ибо никакого отношения к подлинному искусству не имеет, рэп есть китч.

Но вот некий английский филолог, попробовав деньгу на зуб, обнаружил, ко всеобщему изумлению: «А монета-то не подделка, а самый настоящий золотой совершен!»

Вслед за тем профессор, его зовут Адам Брэдли, выпустил обращение к своим коллегам, в котором призвал включить в поэтический канон наиболее талантливых представителей искусства «рэповской» импровизации...

«Благодаря машине глобальной коммерции, - пишет он в своем манифесте, - рэп сегодня – наиболее популярный в истории планеты поэтический жанр. Лучшие рэпэры, такие как Рахим, Джей Зи, Тупак Шакур и многие другие,

достойны стать в один ряд с гигантами американской литературы».

При этом он сравнил этих детей черного гетто с Джоном Донном, почитаемым и воспетым Бродским... Скорей всего, тут *compranu for respect* - стремление заставить уважать. Профессор Брэдли заставил....

И вот результат - «The Anthology of Rap» (Yale. 2010. \$35)... Девятисотстраничный фолиант только что улегся на стеллы самого уважаемого американского книжного магазина Barnes&Noble...

Бум-бакс и Джон Донн... Рядом... Обратите внимание, как двусложник великого имени вписывается в ритм негритянского рэпа. Не богохульство ли это? Но...

«Только неверующего шокирует богохульство, богохульство - признак веры». (Т. Элиот).

Заряженный агрессивной энергией, этот увесистый компендиум напоминает аккумулятор мощного гангстерского джипа. И цена примерно та же. Но одно дело рэп в звуковом воплощении, когда смысл теряется в сленге и ритме, застрекает в больших лепестках негритянских губ, и совсем другое - полиграфический вариант, когда воспринимаешь глазами... И тут ваш отточенный вкус открывает маленькие шедевры:

Out on bail, Fresh outta jail, California
Dreamin'
Soon as I stepped on the scene, I'm
Hearin' hoochies screamin'
(Тупак Шакур)

Наметанный глаз сразу замечает виртуоза... Даже если не знаешь английского. Внутренние рифмы, аллитерация, ассонансы. Ущипанные толчки напряженного ритма усиливают стресс ситуации. Но как в переводе передать «шум и ярость»? Ведь сначала надо переложить со сленга на Plain English, потом с нормативного на русский... Но и тогда ...окончательно осознаешь, чем изощренной поэзия, тем она «непереводимей»:

Только что из тюрьмы

Под залог,
Свеженький
с Калифорнийской
мечтой...
Как только ступил на сцену,
слышу
пьяные вопли.

Какое совпадение... Точно такой сценой начинается вторая серия фильма Оливера Стоуна «Уолл Стрит»... Герой после продолжительной отсидки (его играет Майкл Дуглас) выходит из тюремных ворот. Вслед вываливается на райское калифорнийское солнце громадный «нигга»... Ритуал гангстерского приветствия... И, конечно же, рэп вопит навстречу из распахнутой утробы мощного джипа.

Они - безотцовщина... Они drop out (школьный отсев)... Они not – teachable, not - employable - непригодные к обучению и работе... Вернее, не желают... Им семья-банда... Звезда рэпа Джей Зи в начале девяностых торговал наркотой в Бруклине и Нью Джерси... Постепенно стал дилером (несколько пацанов в подчинении). Ему нравилось.

- Мы толпились на углу... Я и моя команда... Разговаривали, курили, перекидывались смефуечками... Мне в кайф... Не то что вкалывать с девяти до пяти... Когда нет кайфа - это ад. Но самый большой кайф-рэп.

Язык - вот единственное, что у них за душой... И хотя нередко они не могут четко сформулировать мысль, их ведут рифма... интуиция... вдохновение. Тут English, взбудренный ритмами африканских тамтамов, которые у них в крови...

...live treacherous, all the
et ceteras
to the death of us, me and my confidans
we
shine. You feel the ambiance-y'all
niggas just rhyme.
(Джей Зи)

Весь простроченный скрепами рифм и ассонансов,

стих выламывается в негритянском танце брэйк...

Жить с риском, и все тут.
И т. д.
До самой смерти всех нас,
меня и моих корешей.
Мы
Веселая шумная кодла,
Ты чувствуешь...
Эй вы, ниггеры,
Рифмуй,
и никаких гвоздей.
(Джей Зи)

Они не заканчивали филфаков (liberal art).
Их студенческий кампус - черное гетто, где так
легко схлопотать пулю.
The last batter to hit, blast shattered your
Hip
Smash any splitter or fastball - that'll be
It
(Фарак Монк)
Последняя пробоина, яростное пламя
В бок.
Вдребезги... осколок или пуля.
Все...
и конец...

Так кончил жизнь гениальный Шакур. В 1996-м.
Смерть - часть его истории. Преступление осталось
нераскрытым.

В чем причина всемирного успеха черного рэпа? Не
в том ли, что в его мессидже есть настроение оставленности
Богом и миром, разделяемое молодежью, остро
чувствующей глобальный экономический кризис,
сопровождаемый кризисом морали... А еще в рэпе - вызов
этому миру...

«Бог умер - вот основа новейшего быта. В молодежи,
как образованной, так и простонародной, чувствуется
демоническое настроение». (Н. Бердяев) Вот откуда эти

«цветы зла».

А не стоит ли и нам вслушаться, что же выкрикивают в микрофоны русские мальчишки-рокеры и рэпэры - белые ниггеры предместий?

Сегодня американский рэп всемирно востребован и раскручен. Рэп marketable. Его звукозаписи продаются миллионными тиражами...

Только что в журнале «Нью Йоркер» появился дружеский шарж.

На переднем плане - преуспевший черный менестрель, в костюме от Версачи, с белой розой в петлице, в пальцах зажата сигара величиной с полицейскую дубинку. На кольцах сигарного дыма - надпись: «Yeah, I am out that Brooklyn now. I am down in Tribeca right next to De Niro.»

Это означает (если в ритме рэпа):

Я был «нигга» из Бруклина,
а теперь ловлю кайф
в одном из самых престижных
районов Манхеттена
Трибека,
рядом с кинозвездой Де Ниро...
мультимиллионером...
Я и сам такой...*

Нью-Йорк

---

* Все переводы на русский выполнил автор.

Сэм Ружанский

Наум Сагаловский: «Сонеты Шекспира я перевёл для собственного удовольствия...»

Интервью с поэтическим приложением

Наум Иосифович Сагаловский (род. в 1935 г. в Киеве) — поэт, по основной профессии инженер, закончил Новочеркасский политехнический институт, в 1979 г. эмигрировал в США, живет в Чикаго. Печатался в газетах и журналах США, Канады, Израиля, России, Украины. Автор нескольких сборников стихов, в том числе сборника «Демарш энтузиастов» совместно с В. Бахчаняном и С. Довлатовым.

Мое знакомство с ним состоялось совершенно случайно - кто-то из друзей прислал мне стихотворение абсолютно незнакомого мне поэта по имени Наум Сагаловский. Стихотворение его мне настолько понравилось, что я в свою очередь переслал его десятку друзей, реакция которых была потрясающей: пришли ещё! Нашел самостоятельно ещё с десяток стихов и вновь разослал. И опять всем понравилось. Тем временем я обнаружил в Интернете целые залежи отличных его творений. Для любителей поэзии сразу сообщаю адрес страницы Наума Сагаловского: www.stihi.ru/avtor/mottl.

Сам же я был настолько переполнен впечатлениями от прочтения его стихов, что тут же решил, что все мои попытки познакомить моих друзей по E-mail с его произведениями не соответствуют масштабу автора, И что единственный способ рассказать об этом человеке - поэте и инженере, или, если вам больше нравится, инженере и поэте,

- это провести с ним интервью и опубликовать в сети с приложением нескольких стихов. Что и было сделано – интервью появилось в печати 5-го мая 2010-го года в еженедельнике «Мы Здесь» (см. <http://www.newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=2251>).

Не так давно я поинтересовался, над чем интересным Наум сейчас работает, и в ответ услышал, что он закончил и даже опубликовал книжку переводов на русский язык всех сонетов Шекспира¹.

Сонеты Шекспира. При слове «Сонеты» мне вспомнился далекий 1945-й год и мое первое знакомство с переводами Самуила Маршака, которые были напечатаны в 11-м и 12-м номерах «Нового мира» за тот же 1945-й год.² Эти переводы предваряла статья Михаила Морозова², крупнейшего специалиста по английской литературе и знатока творчества Шекспира. Чем меня, тогда еще 14-летнего подростка, привлекала эта статья, сейчас уже не помню, но с той далекой зимы 1945-го года я навсегда полюбил сонеты Шекспира в переводах Маршака. Они так легко читались и запоминались, что их хотелось повторять и повторять на разные лады.

Сегодня, более полувека спустя, мне трудно сказать, что меня так захватило: простая и такая понятная передача мыслей и чувств, заложенных в каждом сонете, или их удивительная образность и мелодичность. Я то и дело цитировал родным, знакомым и друзьям-одноклассникам отдельные сонеты. И, конечно же, один из любимых - 66-й сонет: «зову я смерть...», я цитировал его то целиком, то смакуя, как афоризм, каждую строчку в отдельности – «...и мощь в плену у немощи беззубой», или «и прямоту, что глупостью слывет, и глупость в маске мудреца, пророка», или ... Впрочем, я надеюсь, что читатели, любящие сонеты, дальше смогут продолжить самостоятельно.

Что греха таить, долгие годы я пребывал в уверенности, что переводы Маршака, кстати, удостоенные Сталинской премии за 1949-й год (третьей из его четырех), являются единственными.

Но вот в 1984-м году мне подарили книгу «Уильям Шекспир. Сонеты»³ с чудесным предисловием Александра Аникста и не менее интересным послесловием Андрея Зорина. Эта книга раскрыла мне глаза на историю переводов сонетов Шекспира на русский язык. Оказалось что первые художественные переводы были сделаны очень давно графом Иваном Мамуной, который перевёл всего шесть сонетов, опубликованных в период с 1850-го по 1890-й год, то есть в течение 40 лет. Дальше - больше: в 1880-м году издатель и переводчик Н. В. Гербель публикует первый перевод всего свода сонетов Шекспира. Критика жёстко оценила эти переводы, и, хотя им было отказано в художественных достоинствах, в то же время отмечалось, что, благодаря Гербелю, русский читатель познакомился с сонатами как с целостным произведением.

Серьезным шагом стали переводы всех (кроме двух) сонетов, выполненные родным братом великого композитора Петра Чайковского - Модестом Ильичём и опубликованные им в 1914-м году (см. http://az.lib.ru/s/shekspir_w/text_0770.shtml).

Следующий, можно сказать, исторический этап - выход в 1948-м году отдельной книгой всех 154 сонетов в переводах Самуила Маршака и с предисловием ранее мной уже упомянутого Михаила Морозова, который, в частности, писал: «Среди широких читательских кругов сонеты Шекспира были у нас до сих пор малопопулярны, в особенности по сравнению с его прославленными драматическими произведениями. И, однако, стоило только переводам Маршака появиться в журналах, как сонетами Шекспира живо заинтересовались советские читатели разных возрастов и разных профессий. Одна из причин заключается, несомненно, в том, что в этих новых переводах шекспировские сонеты, облекшись в одежды другого языка, сохранили свое звучание, свою мелодию.»⁴

Мнение шекспироведа Андрея Зорина³

Сегодня среди многочисленных почитателей Шекспира в нашей стране едва ли можно найти человека, незнакомого с сонетами. Однако такая ситуация сложилась далеко не сразу. Почти столетие русская

публика знакомилась с переводами и переделками шекспировских трагедий, ничего не зная о сонетах, и еще почти столетие, вплоть до появления переводов Маршака, считая их в лучшем случае источником сведений о жизни великого драматурга, а в худшем – изящной, но пустой забавой гения.

Но если вы подумали, что после переводов М. Чайковского в 1914-м году и до появления переводов С. Маршака никто не пытался переводить сонеты Шекспира, то вы глубоко ошибаетесь. Отдельные его сонеты переводили В. Брюсов и О. Румер, Б. Пастернак и Т. Щепкина–Куперник, В. Бенедиктова, Н. Брянский и многие другие, но никто из них не решился на такой подвиг как перевод всех 154-х сонетов³.

В тоже время, после публикации Маршака долгие годы не появлялись новые переводы сонетов Шекспира. Но Маршак отнюдь не «закрыл» тему сонетов, как считали очень многие. «Монополия» Маршака, за единичными исключениями, продолжалась до 1977-го года, когда были напечатаны все сонеты Шекспира в переводах харьковского поэта и лингвиста А. М. Финкеля (1899-1968). Финкеля к тому времени уже не было в живых, а при жизни его переводы никогда не издавались.⁵

После публикации переводов А. Финкеля переводчики прорвали плотину молчания и, как грибы после дождя, стали появляться новые переводы. С тех пор штурм вершины под названием «Сонеты Уильяма Шекспира» продолжается (плох тот солдат, который не мечтает стать генералом), а поддержкой и вдохновением к новым переводам служат слова одного из представителей племени переводчиков А. Финкеля⁶:

*«...несколько переводов одного и того же произведения не только возможны и допустимы, но и весьма желательны, - это позволяет лучше и глубже познать произведение и дает вместе с тем чрезвычайно ценный материал для решения многих проблем как теоретического, так и исторического характера».*⁶

Я полагаю, что именно этим был движим Борис Кушнер⁷, представляя читателям сетевого альманаха «Еврейская старина» интересную аналитическую статью «О переводах сонетов Шекспира» и собственные переводы нескольких сонетов.

Сегодня мне доставляет большое удовольствие и честь предложить читателям упомянутого альманаха мою беседу с поэтом Наумом Сагаловским и несколько его переводов.

Беседа с Наумом Сагаловским

Наум Сагаловский: «Позвольте, я для начала скажу вот что. В конце прошлого, 2010 года, я перевёл с английского полный цикл сонетов Уильяма Шекспира. Эта работа заняла у меня чуть менее трёх месяцев. Сейчас она вышла отдельной книжкой, которая называется "Все сонеты Шекспира в переводах Наума Сагаловского". Книжка продаётся on-line, на сайте www.amazon.com. А теперь готов отвечать на ваши вопросы.

С.Р. Для начала давайте освежим в памяти наших читателей некоторые сведения о сонетах. Начнем с самых азов - что это за особая стихотворная форма - сонет, особенности его построения и его связь с содержанием?

Сонет - это строгая стихотворная форма, составленная из 14-ти строк. Строки эти делятся на четыре строфы. Классический (французский, итальянский) сонет содержит два катрена и два терцета (катрен - это строфа из 4-х строк, терцет - из 3-х). Шекспировский же (английский) сонет содержит три катрена и одно двустишие (его называют "сонетным ключом"). Сонеты различаются ещё и способами рифмовки, объяснять их - дело долгое. Желаящие всегда могут найти разъяснения в Интернете.

Шекспир в своих сонетах два раза отступил от канона: сонет 99-й содержит 15 строк, а сонет 126-й - 12, причём эти 12 строк разбиты на шесть двустиший.

Что касается связи сонета с его содержанием, скажу только, что строгая форма сонета заставляет укладывать мысли и чувства автора в 14 строк таким образом, чтобы сонет представлял собой целиком законченное произведение.

С.Р. Какой стихотворный размер преобладает в сонетах: ямб, хорей, дактиль или другие?

Как правило, сонеты пишутся пятистопным ямбом, редко - шестистопным. Все сонеты Шекспира (их 154) написаны пятистопным ямбом, кроме одного - 145-го, который почему-то написан четырёхстопным ямбом.

Кстати, роман "Евгений Онегин" Пушкина, написанный четырёхстопным ямбом, состоит из сонетов, построенных по одному принципу, сонеты эти названы "онегинскими строфами".

Пятистопный ямб - несколько медлительный, я бы сказал - меланхолический, хорошо пригоден к выражению эмоций, особенно - любовных. Конечно, эмоции можно прекрасно выражать и другими размерами, всё зависит от мастерства автора.

Я попытался когда-то в шуточной форме представить пятистопный ямб. В "Посвящении" к поэме "Старая притча" есть такие строки:

На склоне лет, в иную глядя даль,
я заразился ямбом пятистопным,
замедленным, не очень расторопным,
я слышу в нём подспудную печаль.

Он голос тех, кто хрупок и раним,
и вот пример (моя тут хата с краю):
“Волчица ты, тебя я презираю,
ты похоти предаться хочешь с ним!”
А вот ещё пример, известный всем,
кого любовь терзает или гложет:
“Я вас любил, любовь ещё, быть может,
в душе моей угасла не совсем...”

С.Р. Что такое венок сонетов?

Венок сонетов - это произведение, состоящее из 15-ти сонетов, где каждый последующий сонет начинается последней строкой предыдущего; чаще всего последняя строка четырнадцатого сонета повторяет первую строку первого сонета. Пятнадцатый сонет (его называют "магистралом") последовательно состоит из первых строк всех 14-ти сонетов.

Это очень жёсткая форма стиха, и желающих писать венки сонетов было и есть не так уж и много. Из всех читанных мною венков мне больше всех нравится веночек сонетов "Весть о мире" Семёна Кирсанова, начинающийся словами: "Ещё нет вести о начале мира. В госпиталях - карболовая мгла."

С.Р. Есть ли какая-нибудь связь сонетов Шекспира между собой?

Все сонеты Шекспира связаны между собой. В цикле 154 сонета. Сонеты 1 - 126 посвящены некоему "белокурому другу", сонеты 127 - 152 посвящены некой "смуглой подруге" (её иногда называют ещё "смуглой леди сонетов"; у Бернарда Шоу есть пьеса, а у Юрия Домбровского - рассказ с таким названием), два последних сонета, 153-й и 154-й, это притчи о божестве любви - Купидоне. Кто эти "друг" и "подруга" - вопрос остаётся открытым, равно как и вопрос о существовании самого Шекспира.

Сонеты к другу и подруге - это история отношения к ним автора, от робкого заискивания до сердечных признаний, от унижения до торжества любви, и далее - до разочарований и проклятий. По сути говоря, весь цикл сонетов - это большая поэма, которую надо читать подряд, от начала до конца. Чтение отдельных сонетов полного

представления о чувствах автора и накале его страстей не даёт. Поэтому я советую читателям сонетов Шекспира в любых переводах читать их не выборочно, а один за другим.

С.Р. Сколь трудны для перевода сонеты Шекспира ?

На этот вопрос мне ответить сложно. Дело в том, что я не профессиональный переводчик. Вероятно, надо начать с того, насколько хорошо переводчик знает язык оригинала. Я, безусловно, не знаю английский язык в совершенстве, но вполне понимаю и разбираюсь в языке сонетов. Кроме того, я пользовался и имеющимися подстрочниками. Но главная трудность не в этом.

Английский язык по сравнению с русским более ёмок, попросту говоря - для выражения текста на английском языке нужна меньшая, нежели на русском, "площадь" стиха. Поэтому для перевода, скажем, двух строк Шекспира необходимы, в большинстве случаев, три или четыре строки русского текста. Сонеты Шекспира содержат столько мыслей и образов, что уложить их все в размеры русского стиха зачастую просто невозможно. Тогда переводчик урезает шекспировские мысли и образы и оставляет те, что кажутся ему важнее других. Или начинает сочинять что-то от себя.

Самуил Маршак - автор классических переводов сонетов - частенько заменял текст Шекспира своим собственным, выдавая в результате замечательные русские стихи.

Мне лично переводы сонетов дались сравнительно легко. В послесловии Евг. Витковского к стихотворной книжке одного молодого поэта я прочёл слова Аркадия Штейнберга: "Поэт должен дожить до себя". Вероятно, я, человек уже довольно пожилой, дожил до себя. Хотя собственные стихи пишутся трудно.

С.Р. Давайте рассмотрим 66-й сонет на примере двух-трех переводов (Маршак, Чайковский или Пастернак) + Ваш перевод + подстрочник.

Всё, конечно, познаётся в сравнении. Но дело в том, что сравнивать мои или любые другие переводы сонетов

надо не с переводами Маршака или Пастернака, а с текстом самого Шекспира (в оригиналах и подстрочниках).

Борис Пастернак, кстати, перевёл лишь три сонета (66-й, 73-й и 74-й). Что касается Модеста Чайковского, то его переводы с лексикой 19-го века, я думаю, устарели. Если уж сравнивать мои переводы, то надо сравнивать их с переводами Маршака, а из более новых - с переводами А. Финкеля, Ю.Лившица, А.Шаракшанэ (который, кстати, сделал хорошие подстрочники сонетов).

66-й сонет Шекспира - самый известный, я бы даже сказал - самый затасканный, и кто только его ни переводил. Он стоит как бы особняком между прочих сонетов. Если во всех других сонетах Шекспир изливает свои чувства объекту любви, то 66-й сонет - инвектива, изобличающая упадок нравов в обществе, такая диссидентская речь. Поскольку всё то, против чего выступал в 16-м веке поэт Шекспир, существует во все времена, то русские его переводы всегда были и будут актуальны. Отсюда и причина популярности 66-го сонета.

В оригинале он звучит так:

Tired with all these, for restful death I cry:
As to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimmed in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplaced,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgraced,
And strength by limping sway disabled,
And art made tongue-tied by authority,
And folly (doctor-like) controlling skill,
And simple truth miscalled simplicity,
And captive good attending captain ill:
Tired with all these, from these would I he gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

Русский подстрочник (здесь и далее - перевод А. Шаракшанэ):

Устав от всего этого, я взываю к смерти, -
устав видеть достоинство от роду нищим,

и жалкое ничтожество, наряженное в роскошь,
и чистейшую веру, от которой злобно отреклись,
и позолоченные почести, позорно воздаваемые не по
заслугам,
и девственную добродетель, которую грубо
проституируют,
и истинное совершенство, несправедливо опозоренное,
и силу, которую шаткое правление сделало
немошной,
и искусство, которому власть связала язык,
и блажь, с ученым видом руководящую знанием,
и безыскусную честность, которую прозвали
глупостью,
и порабощенное добро в услужении у
главенствующего зла, -
устав от всего этого, я бы от этого ушел,
но _меня останавливает_, что, умерев, я оставлю
свою любовь в одиночестве.

Начинаем сравнивать. Вот перевод Пастернака:

Измучась всем, я умереть хочу.
Тоска смотреть, как мается бедняк,
И как шутя живетса богачу,
И доверять, и попадать впросак,

И наблюдать, как наглость лезет в свет,
И честь девичья катится ко дну,
И знать, что ходу совершенствам нет,
И видеть мощь у немощи в плену,

И вспоминать, что мысли замкнут рот,
И разум сносит глупости хулу,
И прямодушье простотой слывет,
И доброта прислуживает злу.

Измучась всем, не стал бы жить и дня,
Да другу трудно будет без меня.

Вот перевод Маршака:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
Достоинство, что просит подаянья,

Над простотой глумящуюся ложь,
Ничтожество в роскошном одеянье,
И совершенству ложный приговор,
И девственность, поруганную грубо,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой,
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока.

Все мерзостно, что вижу я вокруг...
Но как тебя покинуть, милый друг!

Перевод Финкеля:

Устал я жить и умереть хочу,
Достоинство в отрепье видя рваном,
Ничтожество - одетое в парчу,
И Веру, оскорбленную обманом,
И Девственность, поруганную зло,
И почестей неправых омерзенье,
И Силу, что Коварство оплело,
И Совершенство в горьком униженье,
И Прямоту, что глупой прослыла,
И Глупость, проверяющую Знание,
И робкое Добро в оковах Зла,
Искусство, присужденное к молчанью.
Устал я жить и смерть зову скорбью.
Но на кого оставляю я тебя?!

Перевод Лившица:

Как дальше жить? Устал я оттого,
что вижу честной бедности судьбу
и пустоты духовной торжество,
и веру, пригвождённую к столбу,
и мнимой славы незаконный герб,
и девственности попранный цветок,
и оскорблённой доблести ущерб,
и силу подавляющий порок,
и творчество у власти под пятой,

и глупости надзор за мастерством,
и простоту, слывшую святой,
и злобу, овладевшую добром.

Как дальше жить? Себя убил бы я...

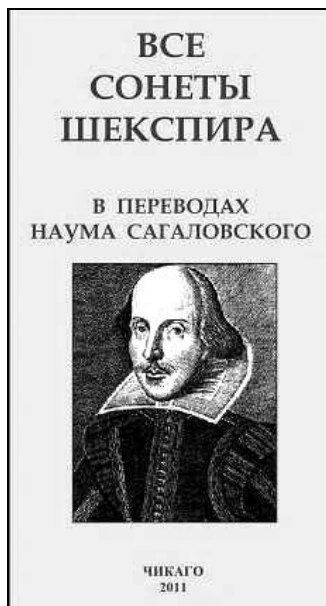
О, если бы не ты, любовь моя!

И, наконец, мой перевод:

Я до смерти от этого устал:
кто честен – нищ, увы, ещё в утробе,
ничтожество спешит на пьедестал,
и веры нет – отвергнута по злобе,
почёт и слава – личности пустой,
девичество спроважено в бордели,
достоинство оплёвано толпой,
и те, кто правят, силу одолели,
искусству власть заклеила уста,
наукам – неуч ревностный радетель,
и лгут, что правда – это пустота,
и служит злу немая добродетель.
Чтоб этого не знать, скончался б я,
но будет без меня любовь моя.
Пусть теперь читатели сравнивают.

С.Р. Чем вы можете объяснить тот факт, что Вы, хорошо зная, сколь популярны переводы Маршака, решились на такой большой и серьезный труд - заново перевести все сонеты Шекспира?

Когда я стал переводить сонеты Шекспира, я меньше всего думал о Маршаке и о соперничестве с ним. Маршак - один из моих заочных учителей, мне близко всё, что он написал. Я учился у него точности мысли и краткости изложения. Когда я читал лёгкие и изящные маршаковские сонеты, мне казалось, что и Шекспир писал столь же легко и изящно. Оказалось, что это вовсе не так: стихи Шекспира несколько тяжеловесны, приземлены, насыщены парадоксальными образами.

Почему я взялся за переводы сонетов? Сначала я для интереса перевёл, как водится, 66-й сонет, и мне это дело понравилось. Перевод показался мне игрой в кубики, когда, зная буквы, можно составлять слова. То же самое с сонетами: известны слова, известен их порядок, и надо составить из них русские предложения. Но этого, как вы понимаете, мало.

Для перевода надо почувствовать настроение автора, полёт мысли, его душевное состояние, приблизиться к обстоятельствам его жизни, окунуться в его заботы и тревоги. Для этого нужен определённый эмоциональный настрой, который как раз и обнаружился у меня в последние три месяца прошлого года. Связано это с обстоятельствами моей жизни, о чём распространяться я не буду. Читая сонеты, я проникся их трагической, во многом, сущностью и понял две вещи: их следует переводить не выборочно, а подряд, поскольку каждый последующий сонет продолжает предыдущий, раскрывая историю жизни и переживаний Шекспира, и нельзя при работе над переводами пропускать хотя бы даже один день, чтобы не выйти из представленного

образа и не погасить свой собственный эмоциональный накал. Чем я и руководствовался.

Я не соперник Маршаку, но мне кажется, что, если его сонеты - это романсы, то мои - крик души, хотя судить об этом - не мне. Тут есть ещё некое тонкое обстоятельство, касающееся "белокурого друга" - адресата первых 126-ти шекспировских сонетов, где изображена любовь к этому другу. Такая любовь к мужчине (вместе с любовью к "смуглой леди") может навести на мысль о бисексуальности Шекспира, о чём в советское время нельзя было и подумать. Поэтому все сонеты, за исключением какого-то количества сонетов в начале цикла, которые обращены к мужчине и не имеют никаких упоминаний о любви к нему, Маршак адресовал женщине. Я не хочу вдаваться в дебаты о сексуальной ориентации великого барда, об этом есть масса предположений, тем более, что даже авторство сонетов до сих пор оспаривается.

С.Р. Я понимаю, что Вам очень трудно самого себя оценить, и всё же давайте, как пример особенностей и достоинств Вашего перевода, рассмотрим Ваш и Маршака переводы и сравним их с оригиналом и подстрочником.

Опять же, оценить свои переводы я не могу, хотя, пусть и немногие, но достойные люди, хорошо отзывались о них. В этой связи я хочу поблагодарить друзей, которые внимательно прочли мои переводы и обнаружили в них ряд огрехов и неточностей, которые я в меру своего разумения постарался исправить, это - замечательные поэты Вера Горт и Александр Габриэль, и им моя бесконечная признательность.

А для "сравнения" давайте возьмём 73-й сонет, который перевёл и Пастернак.

Вот оригинал:

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruined choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou seest the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,

Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou seest the glowing of such fire
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire,
Consumed with that which it was nourished by.
This thou perceiv'st, which makes thy love more strong,
To love that well which thou must leave ere long.

А вот и подстрочник:

Во мне ты видишь то время года,
когда желтые листья - их или нет совсем, или мало -
висят
на трясущихся от холода ветвях, -
оголенных разрушенных хорах, где недавно пели
сладкоголосые птицы.
Во мне ты видишь сумерки дня,
который после захода солнца угасает на западе;
его быстро забирает черная ночь -
второе "я" Смерти, все опечатывающая покоем.
Во мне ты видишь сияние такого огня,
который покоится на золе своей юности,
как на смертном ложе, где он должен угаснуть,
поглощенный тем, что его питало.
Ты это осознаешь, и это делает твою любовь
сильнее,
заставляя любить преданно то, что ты должен
вскоре потерять.

Перевод Пастернака:

То время года видишь ты во мне,
Когда из листьев редко где какой,
Дрожа, желтеет в веток голизне,
А птичий свист везде сменил покой.

Во мне ты видишь бледный край небес,
Где от заката памятка одна,
И, постепенно взявши перевес,
Их опечатывает темнота.

Во мне ты видишь то сгоранье пня,
Когда зола, что пламенем была,
Становится могилою огня,
А то, что грело, изошло дотла.

И, это видя, помни: нет цены
Свиданьям, дни которых сочтены.

Перевод Маршака:

То время года видишь ты во мне,
Когда один-другой багряный лист
От холода трепещет в вышине -
На хорах, где умолк веселый свист.

Во мне ты видишь тот вечерний час,
Когда поблек на западе закат
И купол неба, отнятый у нас,
Подобьем смерти - сумраком объят.

Во мне ты видишь блеск того огня,
Который гаснет в пепле прошлых дней,
И то, что жизнью было для меня,
Могилою становится моей.
Ты видишь все. Но близостью конца
Теснее наши связаны сердца!

Мой перевод:

Во мне ты видишь осени исход,
когда уже не слышен листьев шорох,
и холод ветви голые трясёт,
где раньше птицы пели, как на хорах.
Во мне ты видишь угасанье дня,
когда он вдруг становится изгоем,
и ночь приходит, сумерки гоня,
как смерть сама, венчая всё покоем.
Во мне ты видишь пепел от костра,
в котором тлеет искра голубая,
как на одре, где ей уже пора
погаснуть, нашу юность погребая.
Вот почему в преддверии утрат
твоя любовь сильнее во сто крат.

Вот и найдите здесь "особенности и достоинства".

С.Р. Кстати, в какой стихотворной форме написаны сонеты на английском, Маршаком и Вами?

Я уже говорил, что оригиналы сонетов написаны пятистопным ямбом, переводы Маршака и мои сохраняют этот размер (кроме 145-го сонета, который написан и переведен ямбом четырёхстопным). Все шекспировские катрены имеют перекрёстные рифмы (1-я строка рифмуется с 3-ей, 2-я - с 4-ой), я это соблюдаю везде, Маршак - не всегда. Главное различие наших (и других) переводов в следующем.

У Шекспира в стихах присутствуют мужские и женские рифмы (поясню: мужские рифмы имеют ударение на последнем слоге, женские - на предпоследнем). Рифмы эти чередуются, но в оригиналах нет никакой устойчивой последовательности мужских и женских рифм. Переводить же сонеты строго по признакам рифм - дело бессмысленное. Поэтому Маршак чередовал рифмы так, как ему хотелось: то он в отдельных сонетах или катренах пользовался только мужскими рифмами, то чередовал их с женскими. Лифшиц, например, переводя сонеты, решил применять только мужские рифмы. Я же поступил так - все катрены я перевёл, чередуя мужские и женские рифмы, а двустушия имеют только рифмы мужские. Это создаёт некое однообразие и порядок, кроме того - мне кажется, что чередование мужских и женских рифм придаёт стиху некую благозвучность.

И в заключение добавлю следующее. Сонеты Шекспира я перевёл для собственного удовольствия. Они изданы отдельной книжкой, но не думаю, что есть много охотников её покупать, следовательно - мало кто знает и будет знать о моей работе. Дело в том, что, как объяснил мне главный редактор одного московского издательства, народ привык к переводам Маршака и покупает именно их. Впрочем, мои переводы есть и в Интернете, на моей странице на сайте Стихи.ру. (<http://stihi.ru>) И какими бы они ни были, я счастлив, что совершил хорошее дело.

Уважаемый Наум Сагаловский, благодарю Вас за интересную и содержательную беседу и щедрое время,

выделенное для неё. Буду с удовольствием знакомиться с Вашими новыми стихами, и до новых встреч!

Список литературы:

1. Все сонеты Шекспира в переводах Наума Сагаловского, Чикаго, 2011.

1. М.М.Морозов. О сонетах Шекспира. "Новый мир", М., 1945, № 11-12.

2. «Уильям Шекспир. Сонеты». М., «Радуга», 1984

3. Шекспир В. Сонеты. Пер. С. Маршака. М.: Советский писатель, 1948.

4. У.Шекспир. Сонеты. Антология современных переводов, Азбука-классика, 2004

5. А.Финкель. (Харьков). Мастерство перевода, Советский писатель, 1968.

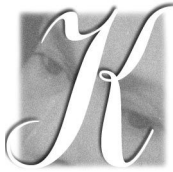
6. Борис Кушнер. О переводах сонетов Шекспира. Сетевой алманах «Еврейская старина», № 15 за 7 марта 2004г. (<http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer15/Kushner1.htm>)

От редакции. Первая часть сонетов Шекспира в переводе Наума Сагаловского публикуется в настоящем номере журнала. Окончание планируется в следующем.

Дина Ратнер

Смешно о грустном

Книга Марка Азова (Айзенштата) «И смех, и проза, и любовь...» – о сложной, порой трагической жизни, но даже самые серьёзные сюжеты перемежаются юмором. Невольно задумываешься над тем, не стал ли юмор у евреев неким условным рефлексом, помогающим выжить. Главный эффект творческой манеры Марка Азова в том, что «смех мгновенно трансформируется в грусть», – именно этими словами писатель характеризует талант Аркадия Райкина. В очерке «Жидовский гений» мы читаем о происхождении фамилии «Азов»: «По-моему, у нас тут набирается миньян, – сказал Райкин, рассматривая макет афиши, – режиссёр Бирман, художник Лидер..., ещё и ты... – он посмотрел на меня, – Айзенштат... Хотя бы кто-нибудь для конвоя...» Для конвоя Марк Айзенштат, писавший для Райкина сатирические миниатюры, придумал фамилию «Азóв», с ударением на «о» – не русская и не еврейская – явный псевдоним.

Самое сильное впечатление, которое остаётся по прочтении книги – напряжённость ума и души автора; эта напряжённость сохраняется при всём разнообразии жанров. В первой повести «Ицик Шрайбер в стране большевиков» мы читаем о старшем поколении, судя по всему, о родителях писателя. Янкель-Мойше «портной и сын портного» помогал «строить коммунизм в одной отдельно взятой волости». А мать, чтобы преодолеть черту оседлости и остаться учиться в Харьковском медицинском институте должна была выправить «желтый билет», который давал право на жительство в качестве проститутки. Такая привилегия, понятное дело, не использовалась, но позволяла получить гражданство почти в столичном городе. Старший Шрайбер разделяет судьбу тех, кто уверовал в братство и

равенство народов: служит в Красной кавалерии, участвует в коллективизации, стройках пятилетки. Не обошли его смятение и страх по поводу оказавшихся «шпионами и диверсантами» вождей революции. Спасение семьи Янкеля-Мойше в том, успеет ли он застрелиться, пока «шаги, к которым они с женой по ночам прислушивались, смолкнут у их двери». А тем придётся прийти ещё раз – «на похороны старого большевика Шрайбера». Если отца Шрайбера занимают социальные проблемы устройства общества, то сына главным образом – «превращение мысли в слово», чувство и музыка слова. Дорога длиною в жизнь, по которой шагает юный Ицик – поиск себя, своей песни. При этом трагические коллизии сменяются анекдотами, комическими сценами, что называется – один глаз плачет, другой смеётся.

Творчество Марка Азова, и в частности, вышеназванная повесть позволяют обозначить особенности национального самосознания еврейского народа, а именно:

1. Неистребимая мечта о всеобщем равенстве и братстве.

2. Личная ответственность за всё и всех, верность своим принципам.

3. Чувствительность. Двадцатилетний солдат Ицик Шрайбер послал маме из побеждённой Германии невиданное в России по тем временам богатство – упаковку туалетного мыла. Красавица-мама выбросила подарок с фронта в очко общественного сортира во дворе. «Это мыло из еврейских детей, – сказала она».

4. Способность сопереживать, вобрать в себя чужие жизни, истории.

5. Невозможность шагать в ногу как все; еврей или отстаёт (шлимазл, интеллигент-очкарик), или, не желая того, забегает вперёд. У старшего Шрайбера был конь, «хоть и неказистый, но характер чемпионский, не мог видеть впереди себя другую лошадь. И вот представляете, на параде стал обходить самого командарма. Шрайбер ему губы в кровь раздирает удилами – где там! У всех на глазах во главе колонны гарцует не легендарный пролетарский полководец на белом тонконогом скакуне, чистокровном текинце, а Янкель-Мойше на крысе». У еврея и конь еврей.

6. Умение взглянуть на ситуацию со стороны и выразить суть в нескольких предложениях – в анекдоте. «Как настоящему русскому для связки слов необходимо что-нибудь матерное, так и подлинный еврей без подходящего анекдота, можно сказать, глухонемой». Чувство юмора берёт верх и в ситуациях, когда казалось бы не до смеха. О специфическом даровании Марка Азова можно судить по следующему эпизоду: Граф А. Толстой (автор «Петра Первого» и «Хождения по мукам») разгневанный недостаточным благоговением шестнадцатилетнего Ицика, насмешливо с поклоном подаёт его жалкое пальтишко: «Дескать, извольте сударь выйти вон». В кармане пальто Ицика лежал рубль, а Ицик в книжках читал, что швейцару, подающему пальто, положены чаевые, и он, содрогаясь от ужаса своего поступка, полез в карман за рублём».

7. Поиск истины, подлинности. Автобиографический герой, как искушённый талмудист, всё подвергает сомнению. Тут, как нельзя кстати, лирический план перемежается анекдотическим. В Ташкенте во время войны поэты на летней эстраде «толкали патриотические стихи», Ицику глядеть бы на них «раззявив рот, но он, как назло, родился с еврейским скепсисом и во всём видел цирк» и, в частности в том, что офицерское звание у одетого по-военному поэта служило мерилом таланта. «Звонит телефон.\ – Это полковник Симонов?\ – Да.\ – Скажите, как надо писать стихи, чтобы стать полковником?\ – А кто спрашивает?\ – Поручик Лермонтов».

8. Интуитивное чувство своего места на земле. В эвакуации слепой старик еврей играл на скрипке одну непрекращающуюся мелодию «Плач Израиля». «Плакал Израиль – предсмертная скорбь миллионных толп втекающих в ворота Освенцима, сливалась в этот миг с жалобой бредущих по пустыне древних бездомных погонщиков стад». И у Ицика впервые появилось предчувствие родины.

9. Мы не такие как все. Марку Азову, ощутившему вкус эсэсовской крови, непонятно, как можно подставить спину разбитому врагу; «Когда еврейский солдат, рискуя,

подходит к складу взрывчатки и просит через мегафон мирное население уйти от греха подальше, он (нами самими обласканный, откормленный и вооружённый враг) входит с автоматом в еврейский дом и расстреливает в упор мать, отца, жену и детей такого же солдата».

10. Непрерывающийся разговор с Творцом. О жизни как диалоге человека с Богом читаем в рассказе «И обрушатся горы...» «Идише кинд» – девятнадцатилетний солдат, которому осталось «один процент живкости и девяносто девять смерти» лежит у дымящейся воронки; «...на меня оседает вставшая дыбом земля, а Он трогает за плечо и говорит: "Хорошо, что так удачно получилось. С мертвыми разговаривать бессмысленно – никто оттуда не возвращался, а с живыми мне не положено по чину. Хотя, было время, говорил с пророками из евреев..."» Бог, наделивший человека разумом и свободой воли, на обвинение Ицика в жестокости этого мира, предлагает ему написать более удачный сценарий. При этом замечает, что действие должно быть правдоподобным; даже в сказке есть логика жизни. Всевышний предупреждает будущего драматурга о неизбежных искажениях замысла; ведь между автором пьесы и её воплощением много участников – режиссер, артисты; «Театр – творчество коллективное, как и вообще всякая жизнь». Пытаясь осмыслить причины и следствия всего происходящего, Ицик вспоминает мечту своего народа о Машиахе, который установит на земле мир и божественную справедливость. Но это в конце дней, т. е. в финале драмы. Сейчас же, чудом выживший после ранения Ицик, спустя пятьдесят лет в Израиле смотрит на наших солдат, «на этих мальчиков и девочек, вокруг которых бушует стомиллионное море арабов». Да что вокруг, вот он враг – рядом; в автобус входит террорист и никто не защищен – ни солдаты с рюкзаками, ни играющие школьники, ни рыжебородый еврей, готовый уже сейчас строить Храм.

По поводу Ицика Шрайбера Борис Кушнер – профессор математики, поэт, эссеист пишет Марку Азову: «Поразительно ваше умение передать индивидуальную и вселенскую трагедию через иронию и улыбку. Это сильнее

действует, чем громкие слова и пафос. Показано еврейство в сплетении со всем остальным безумным и страдающим миром».

Философичность творчества писателя, осмысление человеком своего места в мире и в обращении к истокам – Торе. Картины перемежаются: настоящее, недавнее прошлое и библейские времена – мы тогда и мы сейчас; прошлое заложено в настоящем и будущем. У читателя, мысленно перемещающегося вместе с описываемыми событиями во времени и пространстве, создается впечатление личного участия в драме. Убедителен стоп-кадр перехода от жизни к смерти – ощущение под босыми ногами холодного льда небесной тверди. И снова, но теперь уже пребывающий в другом мире, Ицик беседует со Всевышним. Кончилось терпение Бога; когда исчерпаны все пути мирного сосуществования, остаётся одна возможность защититься – война. Наглядность художественных образов достигается и точно найденными сопоставлениями. Например, беззащитность девочки на пляже: «Она была при одном лишь бантике рожками, голенькая как улитка без домика». Или мудрость старой еврейки приехавшей из Америки в Израиль умирать: «Мама смотрела на всё это глазами старой черепахи, будто мимо привычно текут века...».

При всей образности и эмоциональной насыщенности книга «И смех, и слёзы, и любовь...» прежде всего обращает внимание читателя к философским вопросам бытия. В воспоминаниях об Аркадии Райкине знакомимся с объяснениями артиста, как нужно писать для него: «Не делайте мне смешно, ищите проблему...» ("Жидовский гений".) Ищет проблему Марк Азов и в своей прозе. Порой трудно понять, идёт ли писатель от мысли к образу или импульсом того или иного сюжета послужила ассоциация на уровне чувств. Так в желании понять суть, некую формулу устройства мира автор сначала делится с нами ощущением ужаса среди одинаковых, словно отштампованных людей, а затем заставляет задуматься над мыслью о том, что новый признак, качество возникают не в результате повторения, а как отклонение от нормы. «Закон эволюции это закон ошибок», ибо повторение ведёт к усреднению,

обезличиванию, а истинное проявление человека – его неповторимая индивидуальность. Тема опасности потеряться среди похожих друг на друга людей и мужестве быть не таким, как все, – в рассказе «Самолёт». Люди хотели добиться бессмертия тем, что бесконечно повторялись. Возникшая на сегодняшний день проблема клонирования делает, давно написанный рассказ, особенно актуальным.

Своеобразно решается проблема личных отношений. Активным, творческим началом Азов наделяет мужчину; именно мужчина даёт содержание жизни женщине, наполняет её, даже если она не неповторима. Не нужно искать в любви ничего загадочного и мистического, в отношениях мужчины и женщины доминирует духовное содержание. Не суть важна красота, было бы чем наполнить душу; беден человек не тогда, когда нет денег, а когда душа пуста. Поскольку женщина, согласно Азову, не самодостаточна – за любовь ответственен мужчина, и если ему есть что сказать, устраняется трагическая невозможность двоих жить одной жизнью. «Беда не в том, что она раба, а в том, что я не хозяин». В рассказе «Любовь» даются адекватные объяснения перипетий супружеской жизни; становится ясно, почему уходит любовь.

В рассказе «Житие Валаамовой ослицы, рассказанное ею самой» наделённая даром постижения божественного промысла и женской привлекательностью белая ослица объясняет свою любовь к белому ослу его мудростью: «И у людей говорят: "женщина любит ушами" – так что уж об ослицах говорить, уши которых предназначены слушать и постигать». Тема любви не обходится без проблемы полигамности мужчины. Куда как заманчива перспектива любвеобильному царю природы «обнять весь мир». И тут мы не можем не согласиться с мнением автора: имея нескольких жен, ты, по сути, не имеешь ни одной. И это даже в том случае, если женщина тебя боготворит и даёт свободу. Да и так ли самодостаточен мужчина, при всём желании свободы, ему тоже нужно быть кому-то нужным.

Можно ли изменить природу человека, его эгоизм?

Каким образом воплотить в жизнь законы справедливости, добра? Когда люди перестанут убивать друг друга? – Эти вопросы поставлены в пьесе «Весенний царь черноголовых». Библейская истина о том, что праведниками держится мир, утверждается в пьесе «Последний день Сдома». Порок от изобилия, праздности, от нарушения заповеди – «в поте лица будешь есть хлеб свой»; здесь имеется в виду не только физический, но и духовный труд. Коллективный грех Сдома обезличил людей, сделал возможной вседозволенность. В этой же пьесе ставится вопрос о коллективном наказании; пострадали и те, кто не был ни праведником, ни грешником. Отсюда – ответственность каждого за зло, происходящее в мире. При этом Богу не нужна кровавая жертва, нужен подвиг души; по прочтении пьесы «Ифтах-однолюб» трудно избавиться от ощущения бессмысленности фанатизма.

При всём разнообразии поднятых вопросов – в повестях, рассказах, пьесах – Марк Азов всякий раз обращается к проблеме: мы на нашей земле. Возвращение евреев на обещанную Богом землю – возвращение к истокам. Мы живы судьбой и историей своего народа. Израиль – единственное место, где можем постоять за себя; не защищая свой дом, мы теряем его; и потому жить здесь важнее удачного бизнеса в Америке (рассказ «Американец»). Призрачна надежда уставших от войн и терактов израильтян рассеяться по благополучной Европе. Пока есть евреи – есть антисемитизм, и всё та же судьба оказаться на краю рва ждёт ищущих комфорта в европейских странах. Лазурный берег во Франции – это чужая земля и не помогут возражения полицейскому арабского происхождения – дескать мы не оккупировали их землю, здесь Франция (рассказ «Над Францией ясное небо»).

Конкретная реальность – источник сюжетов, тем, повествований; она же оппонент автора. В рассказе «Глоотающая земля» акцентируется внимание на мужестве выбора. На вопрос: нужно ли было предупреждать Лота о том, что постучавшиеся к нему гости не просто люди? Следует ответ: если бы Лот знал заранее, что в его дом пришли ангелы Вседержителя, то в чём же его свобода

выбора, праведность? Жизнь ставит человека в ситуацию, когда он должен отличить добро от зла, т. е. проявить свой божественный дар – разум.

В разделе книги «Новые приключения Рабиновича на Земле Обетованной» всплывает знакомый нам анекдотический образ. Смешно и грустно читать о ностальгии Рабиновича по русскому мату, загаженному кошками подъезду, по соображающим на троих алкашам. Даже избыток в израильских магазинах становится предметом тоски по российской бедности. Абсурден и гуманизм галутного персонажа по отношению к арабам. Всё имеет свой конец; мирный процесс, сопровождающийся отдачей земли, кончается ликвидацией Израиля. Раньше в России на вопрос «Кто виноват?» следовал ответ «Евреи виноваты», а на вопрос «Что делать?» – «Бей жидов, спасай Россию». А теперь, когда евреи уехали, без охраны уже никто не ходит, – замечает Марк Азов.

В отдельном цикле рассказов, которые можно объединить заголовком «Если бы в мире была справедливость» с грустью читаем о том, что не по силам человеку, хоть он и сотворен по образу Всесильного, восстановить справедливость – ибо «добро, даже если оно с кулаками, что может сделать, если зло с топором?» Люди не слышат, не понимают друг друга. Божественный разум, дух созидания пошли на «усовершенствование способов убиения ближнего своего». Проблему первичности бытия или сознания писатель решает в аспекте идеализма – бытие производная сознания. Кто во что уверовал – то и получит. Атеист, убежденный в правоте теории Дарвина о происхождении человека, в другом мире оказывается в первобытном лесу среди своих предков – обезьян. Там он встречает бородатого обезьяна – Чарльза Дарвина и Фреда – Фридриха Энгельса, последний «с упорством, достойным лучшего применения, долбил один камень другим – надеялся с помощью труда вновь превратиться в человека». Собеседник атеиста, верующий еврей, тоже оказался среди своих «беседующих на разные философские темы, праотцев – Авраама, Ицхака, Иакова». Там же были и посмертно реабилитированные Адам с Евой.

Чистотой души, устремлённостью к первозданному прекрасному миру писатель наделяет персонажи бесхитростных сказок для детей. «Милентулы на соломенных лапах» рисуют прозрачный ручей с солнечными бликами, а на дне ручья видны цветные камешки. Солнце, город, земля вращаются вокруг ребёнка – центра Вселенной. Сказка бесконечна как жизнь – коротконогий черепашонок гонится за длинноногой радугой и пока бежал, успел вырасти из большой пуговицы в маленькую сковородку, остановился, женился, у него тоже появился маленький черепашонок, и тот побежал за радугой. Из поколения в поколение люди бегут за своей мечтой. Догнать бы! Эта устремленность характерна для всего, проникнутого верой в божественную природу человека, творчества Марка Азова.

Послесловие

Недоумение – первое чувство, когда уходит из этого мира близкий по духу человек, затем боль и ощущение продолжающегося диалога. Память вновь и вновь возвращает описанные Марком Азовым картины его военной юности, сознание личной ответственности за зло, происходящее в мире и безусловную принадлежность своему народу. Нет, не умирает человек, причастный к духовным ценностям, потому как ты вновь и вновь возвращаешься к его мыслям, словам, поступкам. Встреча с Богом, описанная Марком Азовым в рассказе «И обрушатся горы», стала реальностью и, наверное, сейчас Марк получил ответ на все вопросы, которые он задавал ещё будучи девятнадцатилетним тяжело раненным солдатом..

Наум Сагаловский

Все сонеты Шекспира

Перевод
Наума Сагаловского

От переводчика

Считатель скажет – вот, ещё один взялся за переводы Шекспира. Действительно, существует уже множество переводов как отдельных сонетов, так и всего цикла из 154-х сонетов. Зачем нужен новый цикл?

Английский язык – язык Шекспира – очень ёмок: для перевода одной строки сонета требуются иногда две строки на русском языке. Иными словами, в стихах Шекспира столько образов, что передать их все в переводе – невозможно. Поэтому каждый переводчик вкладывает в свой перевод то, что ближе его сердцу и то, что хорошо укладывается в пятистопный шекспировский ямб. Я знаю полдюжины полных циклов переводов. Не буду судить, какой из них лучше, скажу одно: все они разные. Более всех популярны переводы Самуила Маршака, которые стали как бы эталоном для последующих поколений.

Каждый сонет в маршаковском переводе – это замечательное лирическое стихотворение. Я никогда не сравнивал его сонеты с оригиналами – по причине незнания английского языка. Когда же я достаточно овладел английским языком (к сожалению, поздно, уже в конце жизни) и смог читать Шекспира в оригинале, то понял, что Маршак довольно часто отходил от автора. Кроме того, я пришёл к мысли о том, что шекспировские сонеты – это не отдельные стихи, а большая поэма со сквозным сюжетом, и читать их надо подряд, а не врозь. И тогда мне захотелось перевести их по-своему.

Весь цикл сонетов – это история жизни и страданий автора в какой-то период его жизни. Я, через четыре сотни лет, чувствовал эти страдания и сопереживал им.

Надеюсь, это случится и с вами.

Наум Сагаловский

**К белокурому другу
(сонеты I - CXXVI)**

I

Прекрасное должно давать плоды,
чтоб роза красоты не умирала,
так зрелость отдаёт свои бразды
потомкам, чтобы всё начать сначала.
Но ты, влюблённый в свет своих очей,
горишь в огне зазнайства и бравады,
убогий среди роскоши, ничей,
враг сам себе, не знающий пощады.
Ты украшаешь мир при свете дня,
весны глашатай, сила и отвага,
но, суть свою в бутоне хороня,
ты сам себя же тратишь, милый скряга.
Не будь обжорой, совесть знай и честь,
не ешь того, что мир намерен съесть.

II

Когда минуют сорок зим подряд,
покроют лоб глубокие бороздки,
и твой изящный некогда наряд
весь превратится в жалкие обноски,
и спросит строго некий высший глас,
где красота, что век была с тобою,
тогда ответ "на дне усталых глаз"
окажется пустою похвальбою.
Сказать бы лучше: "Здесь моё дитя,
оно растёт, вот-вот покинет детство,
мой счёт оплатит много лет спустя
и примет красоту мою в наследство".
К тебе вернётся молодость тогда
и кровь твою согреет в холода.

III

Своё лицо увидев в зеркалах,
скажи себе: пора создать другое,
чтоб мир без обновленья не зачах,
вот женщины призвание благое.
Где та, чьё лоно, как целинный пласт,
не жаждет с плугом дивного знакомства?

Где тот глупец, который не создаст,
назло себе, желанного потомства?
Ты – зеркало для матери твоей,
её Апрель, что канул где-то в нетях,
и ты, когда окажешься старей,
как в зеркале, себя увидишь в детях.
А не оставишь памяти ни в ком,
умрёшь тогда безвестным стариком.

IV

Растратчик, не жалеющий добра,
на что ты тратишь все свои красоты?
Природа лишь со щедрыми щедра,
и в должниках навечно у неё ты;
зачем же ты, как скряга, занят тем,
что прячешь дар, положенный к отдаче,
и, ростовщик без прибыли, зачем
всё тратишь, если мог бы жить богаче?
Кого ты в этих сделках превозмог?
Себя лишь – ни дохода, ни расхода,
скажи, какой оставишь ты итог,
когда тебя затребует Природа?
И будет красота погребена,
но в отпрысках могла бы жить она.

V

Те самые часы, что на лету
прелестный лик творили, неустанны,
нахлынут и отнимут красоту,
как злобные и грубые тираны;
у Времени на всё свои права,
придёт зима на смену летним негам,
замёрзнут соки, опадёт листва,
и красота окажется под снегом.
Когда б её прекрасный аромат
не сохранился узником в сосуде,
она бы стала первой из утрат,
и кто бы знал тогда об этом чуде.
Так, если свежесть роз сохранена,
холодная зима им не страшна.

VI

Чтоб грубая зима, пора скорбей,
не выпила живительные соки,
сосуд наполни сладостью своей,
ты юной красоте продолжишь сроки,
и тем приобретёшь себе барыш,
выплачивая ссуду аккуратно,
и сам себя в потомках повторишь,
и счастлив будешь сам десятикратно.
А если десять чад твои черты
по десять раз продлят без скопидомства,
что сможет Смерть поделывать, если ты
умрёшь, но будешь жить в чертах потомства?
Не будь упрям, и вместо сыновей
не призывай в наследники червей.

VII

Когда восход рассеет ночи тьму
и солнце явит юное обличье,
все взоры ввысь потянутся к нему,
восславив свет и гордое величье;
оно наденет огненный наряд,
появится в нём постать молодая,
и очи смертных снова воспарят,
блистательный вояж сопровождая.
Но стоит солнцу завершить свой путь,
за дряхлый облик ждёт его расплата:
никто не увлечётся им ничуть
и взор не обратит к лучам заката.
И ты сойдёшь с сияющих вершин,
когда не повторит тебя твой сын.

VIII

Ты, музыка, от музыки уныл.
Улада не сражается с усладой,
зачем ты любишь то, к чему немил,
а радости приветствуешь с досадой?
Аккорды струн тебя бросают в дрожь
лишь потому, что все они при этом
звенят о том, что ты один поёшь
мелодию, что нужно петь дуэтом.

Смотри, как струны чисто держат лад,
одна другой внимает, как родная,
потом все вместе радостно звучат,
дитя, отца и мать напоминая.
Их песенка без слов несёт намёк:
ничтожен ты, покуда одинок.

IX

Не потому ль, что трусишь вдовьих слёз,
ты одинок, и жизнь твоя досужа?
Умрёшь один, и мир, звонкоголос,
тебя оплачет, как жена без мужа;
и станет целый мир твоей вдовой,
скорбя, что канет образ твой в столетьях,
но облик мужа, светлый и живой,
душа любой вдовы находит в детях.
Транжира всё пускает в оборот –
что возрастает, то и убывает,
кто ж красоту растрчивает, тот
её, не умножая, убывает,
и потому не любит он людей,
что сам себе убийца и злодей.

X

Стыдись, мой друг, ты просто нелюдим,
и сам себя позоришь ежечасно.
Я соглашусь: ты многими любим,
но никого не любишь, это ясно;
в тебе такая ненависть живёт,
что сам себя ты тащишь на закланье
и рушишь над собой прекрасный свод,
который сохранить - твоё желанье.
О, изменись, мне радость ниспослав,
и вместо зла найди любви жилище,
яви другим свой милостивый нрав
и сам к себе правдивей будь и чище:
себя скопируй в облике ином,
чтоб красота жила в тебе и в нём.

XI

Дряхлея, ты продолжишься опять
в одном из чад, сработанных на славу,

и кровь, что смог ты в юности отдать,
состарясь, назовёшь своей по праву,
и в этом – счастье, мудрость и прогресс,
без этого – лишь мрак и запустенье,
и мир бы на твоём веку исчез,
когда бы все твоё имели мнение.
Природа убирает без помех
уродов, не дающих урожая,
но ты, кто наделён превыше всех,
живи, свой щедрый дар приумножая.
И как Природы личная печать
ты ей обязан оттиски вручать.

XII

Когда я Время слышу за спиной
и зрю, как день в ночи кошмарной тает,
и соболю серебрит сединой,
и бедная фиалка увядает,
и все деревья на листву скупы,
что стадо укрывали, как в чертогах,
и зелень лета, связана в снопы,
в последний путь увозится на дрогах,
я знаю: и тебе придёт черёд,
всё забирает Время, убегая,
и красота в конце концов умрёт,
увидев, что рождается другая,
но не кручинься, Временем гоним:
потомки за тебя сразятся с ним.

XIII

О, будь самим собой, любовь моя,
не лги себе, такому дорогому,
но прежде, чем уйти из бытия,
свой милый образ подари другому,
чтоб красота, добытая в кредит,
не умерла; ты станешь сам собою,
когда твой славный отпрыск воплотит
твой милый облик, созданный судьбою.
Как можно дом рассыпать на куски,
досель хранимый бережною дланью
жестоким зимним вьюгам вопреки

и смерти холодящему дыханию?
Любимый мой, будь храбрым удальцом:
имеющий отца, стань сам отцом.

XIV

Мне звёзды ничего не говорят,
хоть астрономом мог бы тоже быть я,
не предскажу ни снег, ни дождь, ни град,
войну, чуму и прочие события,
кого ждёт слава, а кого хула,
грядущее мне видится безвестным,
и как у королей пойдут дела,
не скажут звёзды знаменьем небесным.
Все знания мои хранит твой взгляд,
читаю в нём слова гаданий милых,
что красота и верность воскресят
твой облик в тех, кому ты подарил их,
но если ты уйдёшь, итог таков:
они не сохранятся для веков.

XV

Когда я мыслю, что лишь краткий миг
живёт всё то, чего коснётся тленье,
и на подмостках, тех, что мир воздвиг,
нам звёздами даётся представленье;
когда гляжу, как волею небес
и люди, и цветы растут и вянут,
пока живут – к ним явлен интерес,
а отойдут – тотчас же в Лету канут,
тогда и ты стоишь в моих глазах,
что к юности и прелести охочи,
и Время, с Увяданьем не в ладах,
твой ясный день торопит к мрачной ночи,
но с ним в борьбе, явив любовь мою,
всё, что отнимет Время, я привью.

XVI

Зачем ты, для меня незаменим,
пред Временем не можешь встать с коленей
и средства не найдёшь – бороться с ним –
моих бесплодных рифм благословенней?
О, сколько юных девственных садов

твои цветы прияли бы с охотой,
и в них ты был бы узнан без трудов,
а не в портрете, крытом позолотой.
Пусть жизнь нам обновление несёт,
но ни пером, ни кистью, ни молитвой,
ничем не передать твоих красот
и сохранить в глазах живущих лик твой.
Ты уцелеешь в мареве времён,
своим же мастерством запечатлён.

XVII

Но кто стиху поверит моему,
где я тебя восславить не премину?
Как гроб, он не откроет никому
твоих достоинств даже половину.
Когда б я мог потрет с твоим лицом
в стихах оставить миру остальному,
потомки нарекли б меня лжецом,
кто свет небес придал лицу земному.
И презирая рукопись мою,
как стариков в их вымысле убогом,
всё то, что я с любовью отдаю,
назвали б клеветой и пышным слогом.
Имея сына, ты презрел бы страх
и жил бы дважды – в сыне и в стихах.

XVIII

Ты – летний день, примчавшийся с утра,
но мягче и красивее, а где-то
бутонов роз касаются ветра
и, взятое взаймы, уходит лето;
то глаз небесный брызжется огнём,
то туча льёт прохладу с небосвода,
прекрасное тускнеет день за днём,
им управляют Случай и Природа.
Пусть вечно длится этот летний день,
и красота, и новый мир зелёный,
и смертная тебя не тронет тень,
ты вырастешь, в стихах запечатлённый.
Пока мы дышим и сердца чисты,
всё это будет жить, и с этим – ты.

XIX

О Время, льву когтища отстриги
и землю накорми её приплодом,
и Феникса в крови его сожги,
и тигру вырви зубы мимоходом;
твори, как хочешь, года времена,
о Время, совершай любые действия,
всю прелесть мира вычерпай до дна,
лишь одного не причиняй злодейства:
моей любви не трогай волшебства,
его чело в густых морщинах скомкав,
пусть будет красота его жива
и явится примером для потомков.
Какой бы ни грозило ты бедой,
в моих стихах он вечно молодой.

XX

О друг-подруга сердца моего,
твой женский лик и прелести бесценны,
и нежность есть в тебе, и плутовство,
но сердце неспособно на измены;
твои глаза всех женских глаз ясней,
тебе их дар Природою завещан,
ты можешь статью рыцарской своей
пленять глаза мужчин и души женщин.
В тебе пропала женщина, как жаль,
творя тебя, безумная Природа
добавила ненужную деталь,
мне ни к чему деталь такого рода.
Твой лик и плоть я дамам отдаю,
себе ж беру взамен любовь твою.

XXI

Нет, я не тот, кто Музой принуждён
придумывать стихи о пустоцвете,
для шика небеса притянет он,
свою любовь сравнит со всем на свете,
и гордые сравнения творя,
он солнце и луну приплёл бы к одам,
цветы Апреля, землю и моря,
и всё, что есть ещё под небосводом.

О нет, любя, я истину пишу,
мой друг, рождённый матерью простою,
ни в чём не уступает фетишу,
горящему свечою золотою.
Я говорю убогому вралю:
чем не торгую, то и не хвалю.

XXII

А я не стар, не правы зеркала,
покуда ты и юность – одногодки;
коснётся Время твоего чела,
и я пойму, что дни мои коротки;
ты красоту спасти свою сумей,
переплелись мы нашими сердцами,
моё – в твоей груди, твоё – в моей,
и потому ровесники мы сами.
Не погуби ж, со зла или шутя,
то сердце, что живёт в тебе, бушуя,
а я, как нянька малое дитя,
пригрею сердце, что в себе ношу я,
оно всегда со мной, назло годам,
убьют моё – твоё я не отдам.

XXIII

Как лицедей, который ничего
на сцене не припомнит от волненья,
как некий лютый изверг, у кого
слабеет сердце от остервененья,
я, позабыв любовный ритуал,
робею и теряюсь от конфуза,
мне кажется, мой пыл уже пропал
под тяготами собственного груза.
Пускай мою речистость сменит взгляд,
немой предвестник сердца молодого,
что молит о любви и ждёт наград,
как тот язык, тебя хвалящий снова.
Учись читать, когда любовь нема:
глазами слышать – плод её ума.

XXIV

Мой взор в душе моей, как на холсте,
твой лик представил кистью горделивой,

и сам служу я рамой красоте,
изящною любуясь перспективой;
скажу тебе, где я храню твой лик,
с какими он повязан чудесами:
я студию в душе своей воздвиг,
твоими застеклённую глазами.
Глаза с глазами сходятся вполне,
моим – от восхищенья нет отбою,
а сквозь твои нередко в душу мне
заходит солнце встретиться с тобою.
Увы, глаза, хотя и хороши,
рисуют то, что видят, без души.

XXV

Счастливики, которым нет числа,
кто славою, кто титулом кичатся,
фортуна мне такого не дала,
и, право, мне не стоит огорчаться.
Под солнцем расцветают, как цветы,
горды собою, принца фавориты,
но тяжкий взгляд и властные персты
падут на них, и все они убиты.
Отважный воин, в битвах закалён,
непобедимый в тысяче сражений,
раз ошибётся где-нибудь, и он
ничто уже в потоке унижений.
Зато ко мне любовь полна щедрот,
и этого никто не отберёт.

XXVI

О лорд моей любви, чьи ум и честь
меня навеки сделали вассалом,
послом к тебе пусть будет эта весть,
что я писал в волненьи небывалом;
мой бедный ум впадает в немоту,
он наг и не способен к острословью,
надеюсь я, что эту наготу
в душе своей прикроешь ты любовью,
пока звезда, что мной руководит,
не явит мне своё расположение,
придаст любви моей достойный вид,

затем, чтоб ты явил мне уваженье,
тогда признаюсь я в своей любви,
а до того – не жди и не зови.

XXVII

Устав от странствий, я ложусь в кровать,
чтоб отдых дать всему, что наболело,
но путь мой начинается опять,
не дремлет мозг, пока бессильно тело,
и мысли, угасая на лету,
спешат к тебе полночными гонцами,
а я лежу, уставясь в темноту,
в бездонный мрак, что видим лишь слепцами,
но предо мной твоя витает тень,
доступная невидящему взору,
и злая ночь становится, как день,
моложе и прекрасней в эту пору.
Я устремлён к тебе, и потому
покоя нет ни телу, ни уму.

XXVIII

А как душа отраду обретёт,
когда мне нет ни в чём отдохновенья?
Ночь не спасает от дневных забот,
и день лишён покоя и забвенья,
они враги, но крепко руки жмут,
решив предать меня жестокой муке:
день доставляет мне нелёгкий труд,
ночь – мысль о том, что я с тобой в разлуке.
Я часто внешность светлую твою
равняю к солнцу, злomu дню в угоду,
и ночи обещание даю,
что ты заменишь звёзды в непогоду,
но всё равно в печали день-деньской,
а ночь моя наполнена тоской.

XXIX

Когда, людьми приравненный к нулю,
один, как перст, слёз не могу унять я,
судьбу о благосклонности молю
и к небу возношу свои проклятья,
мечтая быть таким же, кто богат

надеждою, друзьями, кругозором,
талантами, и, сам себе не рад,
казню себя жестоким приговором,
тогда твой образ вижу я вдали,
душа в сияньи глаз твоих прелестных,
как жаворонок, взвившийся с земли,
слагает гимны у ворот небесных,
твоей любовью я богат одной,
король – бедняк в сравнении со мной.

XXX

Когда я призову на тайный сбор
своих воспоминаний хороводы,
передо мною, словно мне в укор,
пройдут напрасно прожитые годы,
и я слезу невольную пролью
по тем друзьям, кого на свете нету,
любовь припомню прежнюю свою
и всё, что было и скатилось в Лету,
страдания свои наперечёт
я повторю, числом их озадачен,
и снова оплачу их горький счёт,
который мною был уже оплачен.
Но о тебе я думаю теперь,
нет больше ни печалей, ни потерь.

XXXI

Наполнена сердцами грудь твоя
всех тех, кого я позабыть не в силах,
в ней царствует любовь, и с ней друзья,
которые лежат уже в могилах.
Как много пролил я священных слёз,
они любовью вызваны и смыты,
как будто дань ушедшим я принёс,
тем, кто сейчас в груди твоей сокрыты.
В тебе моя любовь погребена,
любимые друзья, что поредели,
теперь тебе принадлежит сполна
то, чем когда-то все они владели.
В тебе я вижу образ их родной,
и – вместе с ними – ты владеешь мной.

XXXII

Когда злодейка-Смерть, воздав мне честь,
укроет прах мой вечной простынёю,
ты будешь жив и сможешь перечесть
стихи, давно написанные мною,
увидишь, как беспомощны они,
за временем, увы, плетутся сзади,
но ты их, бедных, всё же сохрани
любви моей невысказанной ради
и так скажи: "Когда б мой верный друг
в своих стихах шагал бы с веком в ногу,
ему б любовь добавила заслуг
и указала к первенству дорогу,
но вовсе не за слога красоту,
я друга за любовь его почту".

XXXIII

Я видел, как рассвет вершины гор
приветствует своим монаршим взглядом,
лобзает нежно луговой простор
и реки кроет солнечным нарядом;
пускай рассвет и молод, и красив,
но грянут тучи, и под их напором
он вдруг, от мира лик отворотив,
на запад убегает с позором.
Так и ко мне с рассветом как-то раз
пришло моё любезное светило,
я счастлив был, но ровно через час
его зловещей тучею накрыло.
Но в споры с этим я не стану лезть:
на солнце в небе тоже пятна есть.

XXXIV

Ты мне солгал, что будет день погож,
я вышел в путь, не ведая обмана,
но тучи затянули небо сплошь,
тебя сокрыв завесою тумана.
Не важно то, что ты сквозь тучи сам
утрёшь мой лик, тебе вручаю весть я:
не следует на рану лить бальзам,
который не спасает от бесчестья.

Стыдишься ты, но стыд глаза не ест,
ты каешься, а мне – одни лишенья,
тот, кто несёт обиды тяжкий крест,
в чужом стыде не видит утешенья.
Но слёзы, коих много натекло,
как жемчуга, твоё искупят зло.

XXXV

Твой грех понятен: есть шипы у роз,
тускнеет лик светил на небосклоне,
фонтан искристый тиною зарос,
червяк гнездится в сладостном бутоне.
Все грешны, даже я, и этот стих
оправдывает все твои деянья,
сравненьями заглаживая их
в густом потоке словоизлиянья;
я на себя беру твою вину,
прощаю, и, униженный прощеньем,
я сам с собой сейчас веду войну:
во мне любовь дерётся с отвращеньем.
Тобою обворованный, пойму,
что я – пособник вору моему.

XXXVI

Пусть двое нас, и всё у нас вдвойне,
и лишь любовь одна, а не двойная,
пороки, что пятном лежат на мне,
несу я сам, твой образ не пятная.
Но зло, что в нас, у каждого своё,
оно нам крепко стягивает путы,
не трогает любви, но у неё
крадёт нечастой радости минуты.
Вовек я не прильну к твоей груди,
тебя оберегая от скандала,
и ты меня при встрече обходи,
затем, чтоб честь твоя не пострадала.
Люблю тебя, и ты мне не перечь:
как жизнь, я буду честь твою беречь.

XXXVII

Как любящий отец, уже в годах,
гордится юной порослью своею,

так я, со злой Фортуной не в ладах,
в душе твои достоинства лелею;
богатство, красота, и ум, и честь
сошлись в тебе, с годами не слабея,
позволь добавить мне к тому, что есть,
мою любовь, её дарю тебе я,
и сам я буду молод и силён,
связав себя с твоею тенью бравой,
твоею красотой наделён,
богат, и горд, и жив твоею славой.
Пусть все дары тебе принадлежат,
и счастлив буду я десятикрат.

XXXVIII

Раз нет у Музы темы под рукой,
ты одаришь меня, исполнен блага,
блистательною темою, такой,
какой не сможет выразить бумага.
Себе же благодарствуй без труда,
коль что-то есть в моих стихах для чтенья,
как можно не взывать к тебе, когда
ты сам приносишь свет для вдохновенья?
Десятой Музой будь, десятикрат
ценней, чем девять тех, что чтят поэты,
и твой поклонник, чувствами богат,
создаст стихи, далёкие от Леты.
Когда меня бы Муза избрала,
то муки шли бы мне, тебе – хвала.

XXXIX

О, как же мне воспеть твои дела,
когда себя любовью мы объяли?
Что мне несёт моя же похвала?
Хваля тебя, хвалю я не себя ли?
Мы, врозь живя, нарушим эту связь,
любовь разделим поровну друг с другом,
чтоб я потом, с тобой разъединясь,
воздал тебе по всем твоим заслугам.
Разлука, был бы жалок твой досуг,
когда б не драгоценная свобода
не усмирать в душе любовных мук,

мечтая от заката до восхода,
пускай деленье на два – твой предмет,
воздай хвалу тому, кого здесь нет.

XI

Присвой их всех – подруг, любимых мной,
тебе на них, мой милый, нет запрета;
как видно, недостаточно одной
моей любви, теперь ещё и эта.
Когда ты с нею только потому,
что я её люблю, будь счастлив ты хоть,
но я твоей измены не пойму,
коль это не любовь, а просто прихоть.
Прощу тебя, мой милый, вместе с ней,
хотя она была моей звездой:
нам зло любви переносить трудней,
чем раны, нанесённые враждою.
И ты меня в доверии благом
убей обидой, но не будь врагом.

XII

Проступками твоими движет блажь,
и сам ты в положеньи несуразном,
краса твоя, и годы, и кураж
живут, подогреваемы соблазном.
Ты добр – и от просителей беда,
красив – и нет с поклонницами сладу;
ну как не сдать женщину, когда
она ведёт упорную осаду?
Ты б мог не брать того, чем я владел,
твоё беспутство разглядеть нетрудно,
не зная, где предательству предел,
две верности попрал ты безрассудно:
её – сманив её в прискорбный грех,
свою – лишив меня своих утех.

XIII

Она тебе всецело отдана –
не страшно, хоть она любима мною,
ты отдан ей – мне эта весть страшна,
вот отчего страдаю я и ною.
Своей любовью взятый в оборот,

обоих вас оправдываю даже:
любя меня, она с тобой живёт,
и с нею ты живёшь из-за меня же.
Тебя теряю – ты достался ей,
её теряю – ты нашёл потерю,
и дважды я лишён любви моей,
и дважды я любовь мою доверю.
Отчаявшись понять, скажу в конце,
что ею я любим в твоём лице.

XLIII

Открыв глаза, я вижу ерунду,
но ты приходишь в них, когда закрою,
во сне я на тебя свой взор кладу,
и светел он, и не рассеян мглою.
И тень твоя, ночную тьму гоня,
встаёт передо мной в лучах горячих;
как был бы ты прекрасен в свете дня,
когда сияешь так в глазах незрячих!
Какое счастье было бы для глаз
тебя увидеть среди дня живого,
как твой прелестный лик, в полночный час
в тяжёлом сне явившийся мне снова!
День без тебя – как ночь глухая мне,
а ночь – как день, коль ты придёшь во сне.

XLIV

Когда б, как мысли, мы летать могли,
то стал бы мыслью вместо существа я,
чтоб улететь к тебе на край земли,
все расстоянья преодолевая.
Где б ни был я, тебя боготворя,
хотя бы в точке, самой отдалённой,
я б мигом, через сушу и моря,
явился, чтобы быть с твоей персоной.
Но мысль, что я – не мысль, меня гнетёт,
не в силах совладать с такой бедою,
я плачу, и в душе моей разброд,
и я – всего лишь смесь земли с водою,
а, кроме слёз, от этих двух начал
я больше ничего не получал.

XLV

Я из земли с водою состою,
тебе дарю другие два начала,
огонь и воздух – страсть и мысль мою,
к тебе любовь послами их примчала,
а я им двум найти препоручал
тебя в чужом краю, за дальней далью,
но жизнь моя без этих двух начал
идёт к концу, подавлена печалью.
Воспряну вновь, себя переборов,
когда они, вернувшись из полёта,
мне возвестят о том, что ты здоров
и только обо мне твоя забота,
но вскорости, не в силах боль унять,
назад, к тебе, отправлю их опять.

XLVI

Мои глаза и сердце не впервой
грызутся, как им быть с твоим портретом,
глаза ввели запрет на образ твой,
а сердце возмущается запретом
и говорит, что ты хранишься в нём,
в каморке, что не видима для глаза,
в ответ глаза твердят лишь об одном,
что в них твой образ, но не для показа.
Был высший суд из мыслей учреждён,
дабы унять негаснущие страсти,
и вскоре заключение вынес он,
как разделить твой образ на две части:
моим глазам отдать твой внешний вид,
а сердцу – чувство, что тебя томит.

XLVII

Теперь у взора с сердцем уговор,
они судьбой повязаны такою:
когда тебя захочет видеть взор
иль сердце вдруг наполнится тоскою,
тогда мой взор вкушает твой портрет
и разделяет яство с побратимом,
а то за сердцем тащится вослед,
чтоб вместе сокрушаться о любимом.

Моя любовь и твой прелестный лик
ведут к тебе неведомой тропею,
и я тебя бы мыслями настиг,
я – с ними, а они – всегда с тобою,
они уснут – тебя найдёт мой взгляд,
тогда и взор, и сердце воспарят.

XLVIII

Когда я покидаю свой порог,
я закрываю двери на запоры,
чтоб ценности мои, что я сберёг,
не унесли непрошенные воры.
Но ты, кто для меня дороже всех,
с кем то утешен я, то безотраден,
предмет моих желаний и утех,
любим воришкой можешь быть украден.
Тебя в какой сундук ни посади,
для розысков не нужно следопыта,
и я храню тебя в своей груди,
входи и выходи – она открыта;
боюсь, не сохранишься ты и тут,
тебя, как драгоценность, украдут.

XLIX

В тот день, когда (коль вдруг настанет он)
я не смогу грехи держать в секрете,
когда ты подсчитаешь свой урон
и подведёшь итог в любовной смете;
в тот день, когда я твой не встречу взор
и, как чужой, ты прошагаешь мимо,
когда любовь подпишет приговор
и станет холодна невыносимо, –
в тот день меня затянет в западню
и я пойму, чего я в жизни стою,
и сам себя законно обвиню,
с твоею согласившись правотою.
Меня забыть угодно небесам,
за что меня любить – не знаю сам.

L

Как тяжело мне мчаться на коне
туда, где мой приют, моя лачуга,

где чей-то голос тихо скажет мне,
как я далёк от любящего друга.
А конь под грузом всех моих потерь
смиряет шаг и медлит, шкандыбая,
как-будто понимает, бедный зверь,
чем он быстрее, тем дальше от тебя я.
Вонзаю шпоры в бок ему, взбешён,
но тянет конь, шаги его не скоры,
и от него я слышу тяжкий стон,
он мне больнее, чем бедняге шпоры,
мы чувствуем – и я, и конь в узде,
что едем мы от радости к беде.

LI

Я оправдаю бедного коня:
с чего бы вдруг он мчался обалдело,
от дома твоего неся меня?
Обратный путь – совсем другое дело.
Тогда бы я его не оправдал,
его галоп казался б черепашьим,
и мчался бы он вихрем, разудал,
туда, к тебе, к родным пенатам нашим.
Но конь с моей любовью несравним,
пускай она желание взнуздает
и, как огонь, взовьётся вместе с ним,
коня же благосклонно оправдает:
когда в обратный тронемся поход,
я побегу, а он пускай идёт.

LII

Я – как богач, что ценности припас
и держит их, любуясь, как наградой,
но изредка, не каждый божий час,
затем, чтоб не пресытиться усладой.
И праздники так редко, на беду,
приносят нам отраду и похмелье,
что все они разбросаны в году,
как крупные брильянты в ожерелье.
Так время, где царишь ты, как алмаз,
подобно шкафу, прячущему платья,
вдруг раскрывает двери напоказ,

чтоб ничего уже не смог желать я.
Когда ты есть, я чую торжество,
а нет тебя – надежду на него.

LIII

Ты создан из такого вещества,
что не претит теней переплетенью,
у смертных на одну лишь тень права,
а ты способен быть любой тенью.
Я дам в словах Адониса портрет –
с тобою рядом он подстать калекам,
Елены образ, мифами пригрет, –
бесспорно ты, одетый древним греком.
Пора весны – лишь тень твоих красот,
а осень, что гордится урожаем,
нам щедростью твоею предстаёт,
в любом обличье мы тебя узнаем.
Есть часть твоя во многом остальном,
но верность сердца – лишь в тебе одном.

LIV

О, красота нас больше удивит
в обличье, добродетелью богатом!
Прекрасна роза алая на вид,
но более прекрасна ароматом.
У диких роз в окраске тот же тон,
их колорит подобен розам алым,
и так же раскрывается бутон,
и треплет их таким же ветром шалым,
но мрут они без пользы, как отброс,
и загнивают вместе с лопухами,
зато благоуханье алых роз
по смерти их становится духами.
Так и стихи надолго сохранят
твоей любви чудесный аромат.

LV

Не смогут пережить мой гордый стих
ни мрамор и ни статуй позолота,
ясней предстанешь ты в строках моих,
чем тронутая тленом терракота.
Война снесёт все статуи подряд,

в пыль превратится мрамор от ударов,
но память о тебе не истребят
ни Марса меч, ни факелы пожаров.
Глухой вражде и смерти вопреки,
тебя вовек моя прославит лира,
и сохранят стихов моих листки
потомки наши до скончанья мира.
Ну, а пока, до Страшного суда,
ты в любящих сердцах пребудь всегда.

LVI

Воспрянь, любовь! Пусть не твердят вралю,
что аппетит острее тебя стократно:
его едой сегодня утоли,
назавтра он является обратно.
Такой же будь: сегодня ты сыта,
у глаз твоих нет больше аппетита,
и завтра пусть не меркнет красота,
унылым равнодушием убита.
Вот океан, что делит берега,
душ обручѐнных горькая граница,
любовь ещё им будет дорога,
когда она к ним снова возвратится;
а может, это грустная зима
сулит нам лето доброе сама.

LVII

Я твой слуга, и в должности такой
всё исполняю, не моргнув и глазом,
я провожу в бездельи день-деньской,
пока ты не займѐшь меня приказом,
и сам с собой смиряюсь день и ночь,
и на часы не сетую от скуки,
а если ты велишь уйти мне прочь,
не думаю о горечи разлуки,
не знаю, где ты, будешь ли потом,
и, поражѐн любовною алчною,
печальный раб, лишь думаю о том,
как счастлив тот, кто может быть с тобою.
Любовь глупа, и в прихотях твоих
провинностей не видит никаких.

LVIII

Тот бог, что превратил меня в слугу,
велел не замечать твои повадки,
я встреч с тобой дожждаться не могу,
пусть даже холодны они и кратки.
Разлука наша – как тюремный срок,
по прихоти твоей сижу, горяю,
уже я от страданья изнемог,
зато тебя ни в чём не укорю я.
Где хочешь, будь; имея столько льгот,
свободно принимай свои решенья,
и прав твоих никто не отберёт
прощать себе свои же прегрешенья.
Я буду ждать, хоть ожиданье – ад,
и знать, что ты ни в чём не виноват.

LIX

Что есть – то было прежде, всё старо,
и наше огорчённое сознание,
пытаясь что-то выдумать хитро,
родит уже рождённое создание.
О, если бы архивы древних лет
за пять веков небесного светила
мне в книгах показали твой портрет,
что мысль в немые буквы превратила,
тогда б я знал, насколько испокон
твои черты и облик были ценны,
и лучше ль стали мы с былых времён,
иль хуже, иль остались неизменны.
Но ты – ты лучше всех наверняка,
кого хвалили в прошлые века.

LX

Как волны бурно мчатся меж камней,
так строй минут прошагивает мимо,
одна уйдёт, другая вслед за ней,
и вечность их влечёт неудержимо.
Жизнь, как дитя, увидевшее свет,
ползёт туда, где зрелости корона,
но Время ей сулит немало бед,
затмениями сбрасывая с трона.

Оно пронзает юность на лету,
и на чело накладывает складки,
и жадно пожирает красоту,
и всё живое косит без оглядки.
Тебе поёт хвалу моя строка,
её не тронет Времени рука.

LXI

Не ты ли посылаешь ночью мне
свой образ, будто тяжкому больному?
Твои ли тени бродят по стене
и гонят прочь полуночную дрёму?
Не твой ли дух пришёл на мой порог,
чтобы тайком, приняв твою личину,
искать во мне бесстыдство и порок,
и тем найти для ревности причину?
Не так уж велика любовь твоя,
о нет, и ты о том не ведал даже:
моя любовь не дремлет, это я,
не зная сна, всегда стою на страже.
Я страж тебе, кого сулил мне рок,
кто близок всем и только мне далёк.

LXII

Я грешен в том, что сам в себя влюблён,
грех овладел душой моей и телом,
и в сердце у меня гнездится он,
и нету мне спасенья в мире целом.
Мне кажется, что я красивей всех,
моё лицо – сплошная добродетель,
себе ни в чём не вижу я помех,
я строен, юн, и сам тому свидетель.
Но в зеркале я вижу лик иной –
седой старик, снующий бестолково,
так Время насмеялось надо мной,
и незачем любить себя такого.
Мой друг, признаться мне не вмоготу,
что я твою присвоил красоту.

LXIII

Придёт пора, и Время, как бандит,
расправится с моим любимым другом,

морщинами чело избороздит,
остудит кровь, и солнце круг за кругом
покатится в ночные холода,
а друга моего краса живая
померкнет и растает навсегда,
сокровище весны его скрывая.
Для той поры я стену возвожу,
чтоб Время пронеслось над нею дымом,
чтоб старости жестокому ножу
не уничтожить память о любимом.
Его краса видна в строках моих,
пускай живут, и он пребудет в них.

LXIV

Я вижу: Время злобною рукой
сметает всё, что создано веками,
и рушит башни в гуще городской,
и бронзу рассыпает медяками;
я вижу: ненасытный океан
заглатывает сушу год за годом,
а суша океан берёт в капкан,
и так расход сменяется приходом;
когда я вижу – всё идёт вразброд
и гибнет мир в жестокой круговерти,
мне кажется, что Время в свой черёд
любовь мою предаст нелёгкой смерти.
О смерть! Мне остаётся лишь рыдать
над тем, что есть, но страшно потерять.

LXV

Вода и камень, бронза и гранит –
подвластно всё печальному исходу,
и красота пред ним не устоит,
она – цветок, что гибнет в непогоду.
О, как дыханья утреннего мёд
в осаде долгих дней пребудет сладок,
когда и твердь скалы, и сталь ворот –
и те придут со Временем в упадок?
Как страшно мне! Куда, в какой ковчег
упрятать Время с меткой золотою?
Кто может удержать его разбег

и гибельную власть над красотой?
Никто, но пусть любовь, что я хранил,
как чудо, вдруг проступит из чернил.

LXVI

Я до смерти от этого устал:
кто честен – нищ, увы, ещё в утробе,
ничтожество спешит на пьедестал,
и веры нет – отвергнута по злобе,
почёт и слава – личности пустой,
девичество спроважено в бордели,
достоинство оплётано толпой,
и те, кто правят, силу одолели,
искусству власть заклеила уста,
наукам – неуч ревностный радетель,
и лгут, что правда – это пустота,
и служит злу немая добродетель.
Чтоб этого не знать, скончался б я,
но будет без меня любовь моя.

LXVII

Ах, для чего он должен зреть порок
и прикрывать собою лицемерье,
чтоб грех при нём усердствовать бы мог,
втираясь во всеобщее доверье?
Зачем румяный цвет его ланит
в себя впитала краска неживая,
и красоту природную теснит
поддельная, ничуть не уставая?
Зачем он жив, зачем до этих пор
хранит его бессильная Природа?
Он сам – её последний кредитор,
нет у неё ни власти, ни дохода.
Она его хранит как знак потерь
всего того, чего уж нет теперь.
(окончание следует)

Чикаго, 2011

Виктория Орти

Дети Голема

Одноактная пьеса

цена представляет собой вращающийся круг, в середине которого находится белый экран, на нём в ходе действия появляются фотографии и кадры хроники.

Декорации минимальны: детский стульчик, кресло и радиола, журнальный столик, на нём два бокала с вином, пепельница, груда газет. Рядом со столиком кресло-качалка, в конце действия оно превращается в кладбищенскую каталку.

Герои – ЖЕНЩИНА разных возрастов, она меняет белую и чёрную маски, а также чёрно-белую маску в виде двух перетекающих капель. МУЖЧИНА то в белой, то в чёрной маске, то в чёрно-белой – в виде двух перетекающих капель. СТАТИСТЫ любого пола – десять человек в серых масках.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЖЕНЩИНА в белой маске стоит в центре сцены лицом к публике на фоне белого пустого экрана.

Ж. – Давайте поговорим о пустяках. Нет ничего серьезнее пустяков, ведь мир состоит из них. Б-г неглуп, о, Он явно неглуп. Только оч-чень неглупый Б-г мог придумать столько деталей к этому миру. И, заметим, все они необходимы друг-друге, без них мир расплзётся, словно платье, сшитое портнихой-неумехой.

Делает два-три шага к публике, наклоняется.

Ж. (звучным шёпотом) – Вот и я – всего лишь деталька этого мира, но без меня... ха, но, не будь меня, он стал бы другим.

Бежит в просцениум и приносит детский стульчик, раскачивает его в руках.

Ж. (певуче) – "Пела ночью мышка в норке, спи, мышонок, замолчи, дам тебе я хлебной корки и огарочек свечи..." (Пауза.) "...хлебной корки и огарочек свечи". Всем нужны пища и свет. Вот и вам, и вам, и вам (показывает на зал) нужна эта корка хлеба и – хотя бы – огарочек свечи. Не всем достаются ванильные торты с зефиром и толстые ароматные подарочные свечи. Ну и что?!

Садится на пол спиной к зрителям. На экране появляется изображение ТИПИЧНОГО еврейского младенца, он кучерявый и бойкий. Младенец пьёт кашу из бутылки, потом ползёт на четвереньках, его путь освещён ярким светом. ЖЕНЩИНА машет ему вслед. Кадры сопровождаются агуканьем малыша и материнским напевным голосом.

Голос – Якáр шелú, хамúд шелú, матóк шелú¹.

Сцена поворачивается. Всё тот же белый экран. Сцена перед ним пуста. ЖЕНЩИНА в чёрной маске стоит около края сцены.

Ж. – И я была деталькой этого мира. Кому-то нужно было, чтобы я родилась. Может быть, без меня не упал бы Тунгусский метеорит или не началась бы Первая мировая война. И не произошли бы прочие глупости, мало ли цорес на этом свете, и все можно увязать с моим появлением на свет. Если очень захотеть, если очень-очень захотеть... а **он** захотел, этот маленький дёрганный человечек. Наверно его косая чёлочка упала ему на глаза, и он не разглядел деталей, мелких деталей – наших глаз, наших губ, наших родинок... Ведь так просто: отрастить косую чёлочку и не отбрасывать её со лба...

Бежит за кулисы, приносит детский ботиночек, он висит на шнурке, а она медленно идёт и несёт ботиночек. Становится лицом к залу, ботиночек болтается на шнурке, зажатом в её руке. Звучит колыбельная на идиш.

ЖЕНЩИНА садится спиной к зрителям, на экране появляется всё тот же еврейский малыш перед

---

¹ якáр шели, хамуд шели, маток шели – мой дорогой, мой милый, сладкий мой.

освещённой дорогой, его изображение сменяется хроникой: еврейские дети в концлагере.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Кресло ярко-оранжевой или ядовито-лимонной расцветки. Форма кресла грубовата, размер больше обычного. У радиолы поднята крышка.

ЖЕНЩИНА в белой маске подходит к радиоле, ставит пластинку Джо Дассена. Одета **ЖЕНЩИНА** в странный великоватый пеньюар, на ней бусы и аляповатый макияж, на ногах босоножки на платформе. Причёска "конский хвост" с чёлкой. Изображает подростка. Стоит на фоне белого квадрата, как возле стены, достаёт конфету «петушок» на палочке и сосёт её, поэтому речь слегка невнятна.

Ж. – Ну, на фигура мы придумываем себе красоты типа первой любви, всё ведь просто – гормон такой-то плюс гормон такой-то равняется *милый, ой, единственный, ой, не могу без тебя, ой, умру от любви, ой-ой-ой. Ах, он посмотрел на меня на большой перемене, ах, он подошёл ко мне после уроков, ах, он пригласил меня в кино, ах, он целоваться-то не умеет, ну, какой же он всё же милый, я ведь тоже не умею, ах, ах, ах, значит, я – первая, кого он целует, значит, он у меня тоже первый.* О, наши ночные слёзы, девочки, грош им цена, медный грошик весом в тополиный пух. Но кому-то они нужны, без наших никчемных ночных слёз не было бы весенних ливней... Дета-а-ли (она кричит в потолок), Ты ведь любишь дета-али!

Бросается в кресло, поднимает ноги, сжатые вместе, разводит, сводит, разводит – несколько раз подряд, спрыгивает и кружится по комнате с воображаемым партнёром – под "Елисейские поля" Джо Дассена. Снова садится в кресло, принимает позу примерной девочки: прямая спина, руки на коленях, взгляд прямо перед собой – в зрительный зал, говорит высоким голосом девочки-школьницы.

Ж. – Я обещаю вам учиться, мама-папа, я обещаю не курить, мама-папа, я обещаю поступить в институт, мама-папа, я обещаю не встречаться с ЭТИМ, обещаю встречаться с ТЕМ, мама-папа, я обещаю, обещаю, обещаю.

Сцена поворачивается. Всё тот же белый квадрат. Полукружье за ним почти пусто, только вверху видны душевые лейки – такие, из таких в концлагере подавался газ. ЖЕНЩИНА в чёрной маске стоит около края сцены. Она заплетает длинную рыжую косу. Простое платье ниже колен, туфли по моде 40-х.

Ж. – Нет, меня никто не насиловал, ничего такого, не подумайте... Они очень деловые люди, да и очередь, сами понимаете. Неловко было раздеваться при всех, вот и всё. У меня никогда не было красивого белья... – откуда бы я взяла красивое бельё? Смешно, конечно, вспоминать, но мне было нестрашно, а стыдно – оттого, что бельё у меня не новое... И ещё – оттого, что я такая пампушка. Так захотелось – напоследок – побыть красивой, стройной, с крепкими спортивными ногами... но пришлось идти, сутулясь, стыдясь складок, ужас какой-то... грудь у меня большая... хотя не думаю, что это их интересовало, слишком были заняты: много работы.

Ложится на спину, раскидывает руки, говорит громко и звонко.

Ж. – В следующей жизни у меня будет стройное тело, крепкие ноги, маленькая грудь, гордая походка, и если меня снова заставят раздеться и погонят в газовую камеру, то пусть они сначала остолбенеют от того, что лишают мир такой красоты, я обещаю, что они остолбенеют, я обещаю, обещаю, обещаю.

На экране кадры: горы женских волос...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

На сцене кресло, журнальный столик с двумя бокалами вина, пепельница, груда газет. На расстоянии друг от друга сидят МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, оба в "смешанных" масках. Разговаривают они, глядя в зрительный зал, но соблюдая при этом доверительную интонацию.

М. – Я и сам не пойму, почему не люблю их. Да и какая разница! – не люблю, и всё.

Ж. – Я и сама не пойму, почему не люблю их. Да и какая разница! – не люблю, и всё.

М. – ...опять же революция...

Ж. – ...и масоны...

М. – ...а Палестина – ты посмотри, что они с Палестиной делают!

Ж. – Да-а-а, Палестина...

М. – Наш президент, говорят, тоже...

Ж. – Ага, говорят.

М. – Ну, иди ко мне, киска.

ЖЕНЩИНА подходит к **МУЖЧИНЕ**, садится рядом с ним, они обнимаются и ложатся. **СТАТИСТЫ** в одинаковых серых масках выбегают из-за кулис и играют, хором приговаривая вслед за **ЖЕНЩИНОЙ**.

Ж. – ...море качается – раз, море качается – два, море качается – три, морская фигура, на месте замри!

СТАТИСТЫ замирают, положив руки на сердце.

Ж. – ...море качается – раз, море качается – два, море качается – три, морская фигура, на месте замри!

Застывают, выкинув в нацистском приветствии руки вперёд.

Хор – ...море качается – раз, море качается – два, море качается – три, морская фигура, на месте замри!

Застывают в позах стреляющих из автоматов.

На экране кадры: скинхеды, современные фашисты (типа РНЕ). Звучит фрагмент "Ленинградской симфонии" Дмитрия Шостаковича.

На несколько секунд гаснет свет, затем загорается вновь. На полукружье всё то же: кресло, журнальный столик с двумя бокалами вина, пепельница, груда газет. МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА в смешанных масках. Она заняла место в кресле, он примостился у её ног.

Ж. – Почему они нас ненавидят? Что мы им сделали? За что?

М. – Незачем объяснять... Да и кому это интересно!

Ж. – Не хочу жить, зная, что так много людей меня ненавидят.

М. – Так не знай. Иди ко мне, киска.

ЖЕНЩИНА опускается рядом, они обнимаются и ложатся, обнявшись. **СТАТИСТЫ** в одинаковых серых масках выбегают из-за кулис, танцуют, поют хором.

Хор – "Эвейну шалом элейхем, эвейну шалом элейхем, эвейну ша-алом элейхем"².

Застывают, подняв руки – то ли это поза "руки вверх", то ли элемент хасидского танца.

Сцена поворачивается. Полукружье пусто. На экране фото истощённого МУЖЧИНЫ, глядящего с нар в объектив фотоаппарата.

ЖЕНЩИНА стоит лицом к экрану и разговаривает, обращаясь к изображению.

Ж. – Той майской ночью ты прикоснулся к моей груди. Осторожно, будто не веря самому себе. И мириады мурашек побежали по моей коже. Я и не знала, что счастье так незамысловато, что счастье – это всего лишь твоё дыхание рядом... *Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой – мне; он пасёт между лилиями...*

За кадром звучит мужской голос, подхватывая её речь

М. – *Прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца, любезна, как Иерусалим, грозна, как полки со знаменами. Уклони очи твои от меня, потому что они волнуют меня. Волосы твои, как стадо коз, сходящих с Галаада; зубы твои, как стадо овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как половинки гранатового яблока ланиты твои под кудрями твоими...*³

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

МУЖЧИНА и **ЖЕНЩИНА**, оба в трико телесного цвета. Он в белой маске, она в чёрной. Он, стоя за её спиной, держит её в объятиях и водит её руками, будто кукловод с большой куклой. Она и производит впечатление куклы.

М. – ...И тогда Он создал Адама. И столько Света поселил Он в душе Адама, что не выдержала душа и

---

² "Эвейну шалом элейхем, эвейну шалом элейхем, эвейну ша-алом элейхем" – "Мы принесли вам мир, мы принесли вам мир, мы принесли вам мир", слова израильской песни на иврите.

³ "Прекрасна ты, возлюбленная моя..." – фрагмент библейской «Песни песней».

разбилась. И разлетелись осколки души, напоённые Светом, по миру, и родились люди, в глазах которых плещется Свет. Помнишь про Кая и про Герду? Вот так же примерно, только не льдинка, а светúnка застревала в глазах у людей.

Кладёт руки на глаза ЖЕНЩИНЫ, потом отнимает их и бережно поворачивает ЖЕНЩИНУ к себе.

Ж. – Рассказывай, я люблю сказки. Я и сама бы рассказала, только у меня все сказки – грустные... хорошо, что не страшные.

СТАТИСТЫ в серых масках и в костюмах телесного цвета выходят на сцену, сначала пятеро из левой кулисы, потом пятеро из правой, становятся в один ряд, перед **МУЖЧИНОЙ** и **ЖЕНЩИНОЙ**, заслоняя их.

Хор (полушёпотом) – Голем, Голем, Голем, Голем, где-то ходит страшный Голем, прячьте детей, дверь на засов, тише, тише, ша-ша-ша...

СТАТИСТЫ уходят – одновременно, на цыпочках, пятеро в левую кулису, пятеро в правую.

На сцене **ЖЕНЩИНА** и **МУЖЧИНА**, только теперь **ЖЕНЩИНА** в позе кукловода, и на ней белая маска, на **МУЖЧИНЕ** маска чёрная.

Ж. – ...И тогда он придумал Голема. Много-много глины взял он и слепил истукана. Огромного и неповоротливого. Но стоял истукан, и не дышал истукан. Не было в нём души, ведь он – не Он. И взял он палочку и начертал на лбу истукана то самое слово, от которого всё зависело, – слово "Душа", и вселилась душа в истукана. Но было ей так неуютно и жёстко в этом глиняном теле, что почернела душа, возмутилась душа, и забурлила душа. Не выдержал истукан и разбился, а осколки души разлетелись по миру, и родились люди, в глазах которых стынет чёрная обиженная душа.

М. – Всегда ты так. Что ни говори – женщина...

Сцена поворачивается. Пространство перед экраном пусто, на экране абстрактное изображение Гитлера, черты лица угадываются, усики и чёлка не оставляют сомнения в том, что это – он.

Появляются СТАТИСТЫ. Они в серых масках и

чёрных трико, их волосы прилизаны. Располагаются на просцениуме в шахматном порядке. Их речь резка, отрывиста.

Первый – Все войны мира –

Второй – от них!

Третий – Вся нищета мира –

Четвёртый – от них!

Пятый – Все преступления мира –

Шестой – от них!

Седьмой – Все болезни мира –

Восьмой – от них!

Девятый – Все грехи мира –

Десятый – от них!

Хор – Если не от них, то от кого же?

Достают зеркальца, в руках у каждого по маленькому зеркальцу, смотрятся, явно любясь собою. Прячут зеркальца и маршевым шагом покидают сцену.

Хор (маршируя, в такт) – Всё от них. Всё от них. Всё от них.

СЦЕНА ПЯТАЯ

На сцене кресло-качалка, на экране изображение миловидной **ЖЕНЩИНЫ** (стиль пятидесятых: губы бантиком, завивка, шляпка).

В центре сцены лицом к зрителям стоит **ЖЕНЩИНА** в седом парике и в белой маске. Она сгорблена, одета старомодно. Она производит впечатление очень пожилого человека. На экране фото солдата Армии Обороны Израиля.

Ж. – Лиорчик снова *там*. Сколько можно воевать? Одна проклятая бесконечная война, удивительно, что мой народ не разучился рожать детей... Лиорчик говорит, что *там* ни один ребёнок не застрахован от гибели. Лиорчик и сам не знает, есть на его душе убитый *там* ребёнок или нет. Бедный, бедный мой мальчик, для этого ли я лелеяла моего внука, для этого ли я денно и ночью молилась о нём, бедный мой мальчик. Господи, если у Тебя хватило сил вернуть нам эту землю, сделай так, чтобы наши дети не убивали детей *там*, храни детей, Господи!..

ЖЕНЩИНА резко поворачивается спиной к

зрителям. На экране взорванный автобус, высвеченный на несколько секунд вспышкой взрыва.

Экран гаснет, **ЖЕНЩИНА** медленно поворачивается лицом к залу.

Ж. (отстранённо, словно обращаясь к самой себе) – Я так люблю свадьбы! Что может быть лучше свадьбы? Даже Хава, уж на что дура, понимает толк в свадьбах, да и приодеться умеет. А уж если мы с дурой Хавой и с красоткой Рейзеле пускаемся в пляс, то никто не остаётся дожёвывать холодные бурекасы с грибами, никто. Даже любители мусаки вскакивают из-за стола.

Делает несколько танцевальных движений под популярную израильскую песню. Внезапно останавливается, переводит дыхание, подходит к авансцене.

Ж. (с идишской интонацией) – Вчера выдали замуж Лею. Какую невесту мы подарили миру! Ах, какую невесту! Как хороша была Лея в кружевном платье, и как вились Леины волосы, рыжие Леины волосы, в нашем роду такие волосы были только у...

Замолкает, тяжело садится в кресло-качалку, раскачивается. Кресло поскрипывает.

Сцена поворачивается. Всё те же душевые лейки под потолком. На экране фотография телеги, наполненной трупами, через высокие борта переваливаются и свисают головы, руки, ноги. На сцене **ЖЕНЩИНА** в том же виде, но в чёрной маске.

Ж. – У меня были сильные спортивные ноги, папина порода. **Они** сразу поняли, что из меня получится хорошая ломовая кобыла... да я и была хорошей ломовой кобылой, впрягалась наравне с мужчинами в телегу и тащила до печей – и не падала. А Лея была неповоротливой пампушечкой – в маму, её они не отобрали... Я, ломовая кобыла, везла телегу, в которой лежала моя Лейеле, я везла телегу и ржала. (Надрывно ржёт – как будто воеет). А волосы моей Леи пошли на парик, её мягкие рыжие волосы... сколько раз я вплетала в них ленты... Го-о-осподи, доколе, Го-о-осподи! Вот стою я перед Тобой, пред всевидящем Оком Твоим, и умоляю Тебя, Го-о-споди, дай покой моей душе, верни её в

сосуд...

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Сцена пуста. На авансцене стоят два глиняных кувшина – белый и чёрный. По экрану разлит яркий фиолетовый свет. Появляются СТАТИСТЫ. Они без масок, в трико телесного цвета, на головах ермолки. СТАТИСТЫ выстраиваются в две группы: пятеро полудугой слева, пятеро полудугой справа. Они молятся, раскачиваются.

Появляется похоронная каталка, на ней укутанный в саван плоский труп. Каталку толкают МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА, оба без масок. Ставят каталку на середину сцены торцом к экрану, сами застывают рядом, замыкая дуги массовки, образуя таким образом полукруг.

Ж. – Не выдержал истукан и разбился, а осколки души разлетелись по миру, и родились люди, и в их глазах стынет чёрная обиженная душа.

Из-за кулис доносится звук разбитого сосуда.

М. – И разлетелись напоённые Светом осколки души по миру, и родились люди, и в их глазах плещется Свет.

Опять из-за кулис доносится звук разбиваемого сосуда.

Мужской голос (баритон) выводит молитву "Эль малэ рахамим"⁴. Сцена поворачивается. На экране кадры с малышом перед ярко освещённой дорогой. Слышен материнский напевный голос.

Голос – Яка́р шелі́, хаму́д шелі́, мато́к шелі́.

---

⁴ "Эль малэ рахамим" – "Б-г, исполненный милосердия", еврейская заупокойная молитва.

Злата Зарецкая

Театр репатриантов из России и Танах

Образ времени и пространства в танахическом творчестве Марка Азова

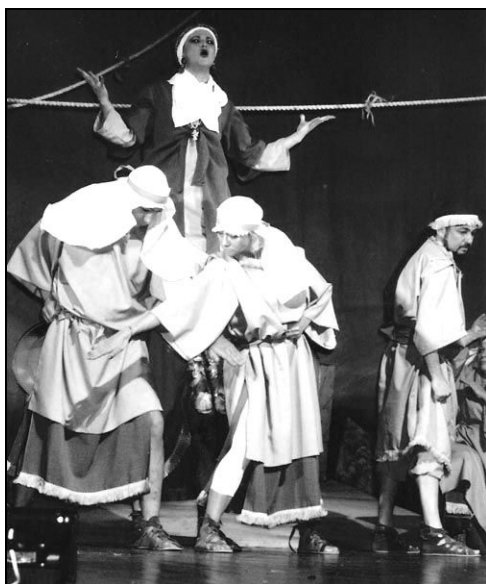

Театр репатриантов из России последней алии 90 не раз касался темы Танаха: на сцене театра Гешер в 1993 Евгением Арье был поставлен Идиот Достоевского на иврите сквозь призму еврейской мифологии о Машиахе, в 1998 там шел спектакль "Трапеза" Якова Шабтая, текст, основанный на истории израильских царей времен Ахава и Иезевель, в театре "Элит" в 1996 шла пьеса Михаила Бримана "Иерихонская Блудница" в постановке Бориса Эскина, в театре "Микро" Ириной Горелик в 2003 на фоне псалмов Давида был поставлен спектакль по Башевису Зингеру Враги-История Любви и в 2006 импровизация на тему Йосефа и праотцев – Обеты.

Танах в российском репатриантском исполнении особая тема - это встреча культур, духовные поиски национальной, творческой человеческой самоидентификации... Наиболее ярким примером является все танахическое творчество Марка Азова, писателя и драматурга, чья танахическая трилогия "Весенний царь черноголовых", "Ифтах-однолюб", "Последний день Содома" была поставлена в театре Галилея в 1997-2002гг режиссером Зигмундом Белевичем и в ТЮЗе его пьеса "Сны Йосефа" режиссером Шаулем Тиктинером в 2004г. Я буду говорить только о танахическом феномене Марка Азова.

Истории культуры известен феномен двойничества. Лотман говорил о нем как о категории содержания, называя его двоemiрием, Лихачев, определял его как составную

часть художественной формы, Аверинцев писал о двойничестве, как онтологической части культуры. Примером его могут быть и идея зеркала в концепции П.Лакана и тема Двойников Достоевского у Бубера и Бахтина. Ученик последнего Махлин пишет. Двойник- это такой другой, который в то же время и я сам. Двойник это узнаваемый образ, который с собою не совпадает, как личина не совпадает с лицом.

Сцена из спектакля «Ифтах» по Марку Азову, режиссер Зигмунд Белевич

Марк Азов Айзенштадт – феномен подобного двойничества в еврейско-русской культуре. В нем как в личности, так и в творчестве сталкиваются две противоположные ипостаси.

Первая: смехач, чемпион-анекдотчик, смешивший через Аркадия Райкина пол-Европы. Традиционный портрет - клоун, с осоловелыми как у полупьяного хитрыми глазками, усиленными стеклянными линзами, с увеличенным красным носом, седой ловелас с бесом в ребре. Обожаем русскоязычным миром за смеховое бесстрашие и

непредсказуемое остроумие. "Жидовский гений" - его образ великого артиста фактически собственная автохарактеристика - "профессионального критикана", тонкого мастера беспощадной сатиры, продолжателя традиций разгромленного еврейского театра, вскрывающего скальпелем юмора наболевшее, как духовный нарыв, смехом лечащего, очищающего и спасающего. После разоблачающего и припечатывающего слова Азова жить по-прежнему невозможно - узнавать будут: так когда-то узнали в съеденном Робинзонами Пятнице - уничтоженного на Политбюро Хрущева, а сейчас в его Рабиновиче, ищущем "человеческую колбасу" - любого ностальгирующего по российской разрухе еврейского ассимилянта последнего исхода.

Однако безобразничающий ироничный в клетчатом полупьяный клоун-простак, наивно режущий правду-матку скрытым в мешке словом- шилом – лишь личина, по своим веселым глумлениям над жертвами совпадающая с булгаковским персонажем – Коровьевым-Фаготом. Но все помнят, что в последнем полете драный цирковой консультант, слуга дьявола преобразается неожиданно в темно-фиолетового рыцаря тихо позванивающего золотой цепью с мрачнейшим, никогда не улыбающимся лицом. Двойник Азовского смехача тоже неожиданно для многих на земле Израиля уже в 90-е - в нашем общем последнем полете, проявился в текстах, связанных с Библией, как рыцарь еврейской истории. За личиной обнаружилось Лицо и двойник смехача оказался в железном шлеме воина и философа и поэта. "Глотающая земля", "И обрушатся горы", "Поцелуй Лилит", "Ифтах-однолюб", "Последний день Содома", "Беседы с создателем", "Книга голубя", "Один", "Двое", "Мифы"... И здесь уже ни тени насмешки. Родившийся в 1925, прошедший горы Сихоте-Алиня, пустыню Кара-Кум, воевавший в Польше, Пруссии и Берлине, он говорит вдруг совсем о другом - о своем центре - о точке в сердце, что болит - о плаче Израиля, на который шел еще в эвакуации в Ташкенте, как на обретенный голос, как на предчувствие Родины... Слушая в 1942 г слепого скрипача, он уже примерял на себя латы, кольчугу, шлем,

опускал забрало и поднимал копьё, готовый к бою...

- Мне было 17. История была моим самым главным увлечением. Меня всегда привлекала рыцарская романтика. Я знал, как выглядели древние евреи, крестоносцы, шотландские рыцари. Я не выделял евреев. Я и евреях искал ту же романтику. Мне не нравилось, что в исторической литературе обычно евреи-торговцы, а не рыцари. Но я знал, что древние евреи были воины. В 1942 в Ташкенте на филфаке университета я познакомился с бежавшим из Польши Изей Оффенбахом- членом Сионистского Конгресса. Он впервые рассказал мне о государстве в пути, об Израиле. Остальное я дополнил сам в восточном отделе публичной библиотеки. Тогда я впервые прочел Танах, Пророков и все священные писания. Я понял, что арийцы, объявившие себя высшей расой, ходили еще на четвереньках, были дикарями, когда евреи уже сложились в цивилизованный народ интеллектуалов и носителей абстрактного мышления. А потом была армия. В конце 1943 года я уже был на фронте и увидел все сам. Я человек поколения Катастрофы. У меня убили бабушку и четверых двоюродных братьев. Я прошел Польшу, Германию, Белоруссию – и не нашел тогда ни одного еврея, только свидетелей, как над ними издевались. Я видел могилы, лагеря, я не понимал, где я нахожусь – мы воевали, а не слушали экскурсию. Но я помню, что всюду, где мы проходили, были следы погромов и ни одного еврея! Каждый встречный говорил, что евреев больше нет!"

Из личной боли и сопричастности истории рождается у Азова бесценный

Хронотоп Идишланда – образ утерянного еврейского время-пространства, беспокойный поиск которого пронизывает многие философские тексты писателя, основанные на пережитом. Это не только "Несмешные рассказы", прямо связанные с памятью войны, но и фантастическая "Галактика в брикетах", где время еврейской гениальности, передающейся только по наследству, не ограничено смертью, но по сюжету, как надежда – открыто для продолжения. А сам образ спрессованной Галактики, "равной при размешивании в свободном пространстве

Млечному Пути, Новая Вселенная" – авторское зеркало божественного пророчества Бога Аврааму и станет вас много как звезд на небе..., образ космического духовного пространства, о котором с гордостью напоминает Азов, долгие годы после войны несший в себе свое еврейство, как скрытый клад - уменьшенный до размеров советского быта... всем тогда понятных бульонных кубиков.

Контраст масштабов лишь усиливал идею духовной непрерывности поколений, мысль о генах, которые все-таки передаются по наследству и напоминал о прекрасном мире, который остался лишь в памяти отдельных дядь и имеющих уши племянников – о безнадежно затонувшей, но хранимой и оживающей в новых поколениях еврейской цивилизации – целой галактике, которую не воспринимают лишь слепые, а порой и сами Рабиновичи...

Почему так трагична национальная история? Почему ее в прошлом достойное время и пространство должно сжиматься до точки, до кубика, до взмаха чьих-то густых усов, бровей или пенсне? Где начало величия и беды, и можно ли предотвратить неизбежное? Азов как бесстрашный жидовский Дон-Кихот вызывает на дуэль к ответу самого Б-га!

Во многих его библейских фантастических мета текстах Один, Двое, Это было в Беэр-Шеве, Житие Валаамовой Ослицы, Книга голубя... он демонстративно на равных спорит с Создателем, обвиняя и пытаясь понять первоисточник - замысел главного Программиста.

В рассказе "И обрушатся горы" он осуждает Б-га как драматург – такого же как он, Творца Театра Истории

"Неужели Он сам стравливает народы ... ради кровавой победы добра над злом? Но не успел я открыть рот, как Всеслышащий отвечал:

Ты что не знаешь режиссеров?

Азов как адвокат своего народа и человечества выносит приговор театральному экспериментатору. На Его глобальной сцене истории люди-актеры обречены у него на муки. Из пьесы Ифтах хор:

Ты слышишь, Б-г Всевышний Вседержитель?

Ты слышишь – плачут дети, стонут жены,

Нас горы слышат, камни с нами плачут.
Неужто ты не хочешь нас услышать?

Пространственный образ природы, сострадающей человечеству, у автора - параллель масштабу людских мук. Пространство Азова очеловечено и противостоит Создателю, как боль и вопрос. Но Б-г не слышит. Он судит. Во всей театральной танахической трилогии Азова (Весенний царь черноголовых, Ифтах, Последний день Содом), Вседержитель изображается Азовым как абстрактная жестокая сила, скрытое излучающее зеркало... Человек обязан проснуться, понять свое прошлое, настоящее и будущее, чтобы преобразиться, стать по его образу и подобию, чтобы спастись, пока не поздно. Так пробуждается и побеждает, осознав ложь магических ритуалов прежней власти садовник-царь Элильбани, так проигрывает, добившись вершин воинской славы Ифтах, не преодолевший дилеммы между преданностью Б-гу и семье, трагедией своей подчеркнувший мощь Всесильного; так проецируют судьбы мира его Ангелы Добра и Зла, разрушившие Содом - царство вседозволенности, вполне напоминающее современность.

По мысли Азова – как адвоката и пророка еврейской истории, судьба Израиля взаимосвязана с судьбой всего человечества и потому в его прозаических и драматических текстах история как время-пространство – неразрывное целое, где возможно движение и совмещение разных эпох, как в Израиле, который под пером Азова возникает как единый хронотоп - общечеловеческий пророческий образ. Так в рассказе "Любовь" хронотоп современного Эреца и День Шестой Сотворения Мира синтезируются в одной сцене больницы, где лечатся попавшие во взрыв в автобусе муж и жена – осознающие себя после контузии, как Адам и Ева, впервые в раю познающие друг друга. Возвращение к жизни по воле автора происходит у них через воспоминание о первых днях их на Земле, когда они еще были счастливы. Вертикальная временная парадигма непрерывной истории изображена автором и в рассказе "Глошащая земля", где ученый из России, новый оле хадаш последнего исхода, в пустыне Негев проваливается в еще живой город Содом,

зная о его грядущей судьбе и пытаюсь хоть что-то изменить, пока не поздно... Оба рассказа проникнуты авторской тревогой за ход истории, заботой о человеке, ввергнутом в ее необратимый ход, призывом не забывать о возможном рае на земле и избрать жизнь, которая столь хрупка и беззащитна. Остановитесь, оглянитесь, ведь небо, погромыхивая предупреждает - суд идет... Азов, знакомый с войной, сталинскими репрессиями, побывавший сам в Смерше, знает цену смерти и молчать не может, как рыцарь, готовый сражаться и защищать время и пространство еврейской истории. Его фантастическая проза, построенная на столкновении узнаваемой действительности современного Израиля и истории евреев дальней и ближней содержит в результате колоссальные общечеловеческие обобщения, в эпицентре которых сам автор Из Книги Голубя: Если глядеть не глазами человека, а взором того, кто все это сотворил, Галилея - недостроенная лестница в небо, остатки громадных ступеней, покосившихся и проваленных во многих местах. Я живу на нижней ступеньке этой взорванной галилейской лестницы...

Как возникает эта запредельная безграничная фантастическая проза? Какова творческая кухня - как зарождается его актуальный танахический хронотоп?

- Я не прозаик, я поэт. Мне нужны маски. Не люблю реализму, прозы, как оно есть. Чем более отдаленные от конкретной действительности фактуры сталкиваются, тем сильнее аналогии, тем больше возможность общечеловеческих обобщений. Эзоповский язык нужен не для того, чтобы уйти от действительности, а для того, чтобы показать, как это страшно. Я пишу о свойствах, человеческой природы и истории, которая повторяется. Танах дал мне возможность еще более масштабных обобщений, где евреи главное...

В Танахе меня привлекает правда. Он написан как хорошее реалистическое произведение. Нет ни черного, ни белого, есть многозначная правда, объемные характеры с отрицательными и положительными чертами. Евреи не жалеют ни своих праведников, ни самого Б-га. Я терпеть не могу мидраши - это попытки испортить Танах, так как

подтасовками пытаются примирить противоречия. А мне нравится Танах именно своей противоречивостью. Как совмещается страсть к маскам и уважение к правде жизни? А просто. Я сопоставляю две правды – историческую-танахическую и современную. Так появляется маска – то есть художественный образ, обобщение. Правда истории и правда сиюминутная сегодняшняя дают драму, трагедию, то есть поэзию, переведенную в художественную прозу. Столкновение двух правд приводит к эстетическому взрыву, выбросу эстетической энергии. Это может спасти, ибо помогает осознать, где мы находимся. Не надо бояться говорить правду! Если человек знает, где он плывет, он может проскочить между Сциллой и Харибдой. Смотри мой рассказ Порог. Мне ясно одно – чем дальше от очевидности, тем ближе к истине – в этом тайна искусства!"

Творчество Марка Азова – демонстрация взрывного актуального искусства. Его танахическая проза – магична ибо преобразует будни современного Израиля. В его каждой детали автор проявляет диалог с великим историческим прошлым. Его дуальные образы как при атомной вспышке рожают свет общемирового пророчества. Из рассказа Это было в Безр-Шеве

"Сверху Израиль похож на нож. Рукоятка – его цивилизованная часть, изукрашена бриллиантовой росписью огней в вечерние часы и увита финифтью трасс, а лезвие - пустыня Негев - грубый кремневый нож первобытного человека"

Авторский образ многозначен и бесконечен как излучение света. Израиль-нож в сознании современных антисемитов, взрезающий своим существованием привычную рациональную логику. Его давно не должно быть, но он существует вопреки времени и маленькому пространству, как овеществленное пророчество и открытое всем нациям духовное сердце мира. Израиль-нож в сознании сомневающихся ассимилянтов, ибо невозможно игнорировать очевидное - его ирреальные успехи при ограниченных реальных возможностях. Израиль-нож для каждого пережившего трагедию потери близких в бесконечных войнах и интифадах. Израиль-нож, но как же

он прекрасен в бриллиантовой россыпи вечерних огней для каждого заплатившего тяжелую цену, чтоб сюда добраться, оставшегося мечтой для тех, кто так и не дошел и погиб с молитвой Шма Исраэль. Этот поэтический ассоциативный образ-взрыв беспредельно многозначен, как расходящееся атомное облако Неизвестно куда могут завести каждого воспоминания и толкования Танаха...

Израиль-нож - метаобраз в метатексте о метавремени. На центральной Автобусной Станции в Беэр-Шеве встречаются перед шабатом на вид обыкновенный Светский Еврей и Хабадник. Под пером автора они проявляются подобно скрытым образам киноплёнки как Бессмертный – Программист Вселенной и его помощник Ангел Габриэль.

- Вы меня довели. ..., - сказал он, имея в виду Габриэля, а заодно и все человечество... Чем ты объяснишь, что Земля, которую я обещал, вождю пастухов Аврааму, того и жди выпадет из рук его детей?

- Твоей добротой

- Я похож на добрячка?

- А зачем было обещать и тому и другому?

Древний спор о первенстве между Сарой и Агарь, о справедливости, законности и компенсации за натертый солью рот и изгнание в пустыню выливается у Старшего и его Помощника в дикий неразрешимый еврейский гвалт, к которому тут все привыкли... Известные танахические реалии представлены в этом тексте как семейные вчерашние склоки, которые грозят взрывом прямо на глазах у Старшего, допустившего по мысли автора непоправимую оплошность изначально в силу своего милосердия в создании вселенской программы

- Послушай! Кем бы ты ни был: ангел или человек. Вряд ли ты сможешь понять душу Творца. У тебя есть дети?

- Семеро

- А у соседа?

- Смотри у кого?

- Ну вот. Соседских детей ты даже не пересчитываешь. У вас есть свои дети и есть чужие. А для меня вы все мои! Потому я такой непоследовательный

Этот диалог – не просто прием - театральный акт снятия масок. Азов заканчивает рассказ внезапно наступившим шабатным покоем, перекрывшим спор... Образом вечности. И в нем – тревога автора – война, прошедшего Европу, за будущее, грозящее новым взрывом...

- Под ногами у нас не земля, а палуба корабля, который в любой момент может пойти ко дну. И если я во время войны видел катастрофу еврейства, пережил ее довольно близко, то я чувствую, что мы находимся на пороге второй Катастрофы. Мы стоим на очень зыбкой почве, и нам остается только воевать. Я видел, как евреи были беззащитны. Наша война не закончилась.

В хронотопических танахических образах Азова закодирована его тревога, как рыцаря еврейской истории.

Юморист, артист, клоун, он продолжает воевать своей фантастической философской прозой и драматургией, оставаясь солдатом и пророком.

Что может спасти Израиль, на чем держится душа современного иудея? Где наше главное, самое сильное духовное оружие?

В памяти, которую невозможно предать, в золотой цепи поколений, которая единственная делает человека человеком, напоминая ему, что он – частица нации, образ надежд предков.

Спектакль "Обеты" в театре "Микро" - оригинальное подтверждение этой извечной еврейской идеи. Режиссер Ирина Горелик создала на основе текстов Т.Манна "Иосиф и его братья", пьесы Н.Птушкиной "Рахель" и малоизвестных мидрашей свой сценический текст, непохожий ни на один из источников. В каменной пещере малого зала Иерусалимского театра "Хан" состоялось очевидное строительство коридора времени. Оно началось с блистательной скрипичной импровизации Анны Белецкой в концертном черном эффектном платье намекнувшей зрителю о первозданном Хаосе из которого возникла мелодия Израиля и Египта – тема еврейской судьбы...

На трехступенчатой серо - бежевой конструкции, напомилавшей классические декорации к танахическим спектаклям московской Габимы Н. Альтмана и Р.Фалька, но

преображенной благодаря кругу, пересеченному занавесом, как парусом корабля, плывущего в пустыне. (Сценограф Илья Коц!). Это ощущение движения по морю времени возникало и благодаря актерам, одетым в импровизированные костюмы с длинными покрывалами на головах первых евреев и знаками власти в руках египетских вельмож.

История соращения женой Потифара прекрасного Йосефа разворачивалась почти на параллельном фоне истории любви Якова, Рахели и Леи... Пять актеров вторили друг другу, передавая образы, разделенные почти в двести лет.

Почему Потифар не удалось совратить Йосефа? В режиссерской импровизации И. Горелик ведь и Йосеф воспылал к ней страстью, называя ее "властительница моей души". Потифар в исполнении Анны Быховской – невинная жертва обстоятельств, жаждущая только любви и вынужденная прибегнуть к власти как к последнему женскому способу завоевания... Ведь она чувствовала, что он тоже на грани рая... Но что его удержало?

Йосеф в исполнении Рафаэля Мосан-Леви – предельно точен, сдержан, осторожен и пронизателен. Он не раб в доме госпожи, его слова о том, что он служит – напоминание о тюрьме, в которой он абсолютно свободен. Что дает ему силы устоять перед искушением и выпрямиться в унижении? Память... Йосеф никогда не забывал кто он, откуда, и с каким трудом он появился на свет.

На фоне несостоявшегося романа разворачивается как ответ роман, состоявшийся через все преграды – история любви Якова и Рахели. Поворот круга и взору Потифар, как зрителю на сцене времени, предстает через рассказ Йосефа - первая встреча родителей. Ефим Риненберг рисует в Якове силу необузданную и верность обету отца Ицхака - жениться на хананейке... Он безличностен поначалу и действует почти как зверь... Обуреваемый хаосом желаний он входит затем к Лее вместо Рахели, не замечая разницы. И лишь боль от прозрения и вторые семь лет напряженного ожидания делают его человеком, понявшим все. Тяжкие

испытания - цена радости Сын потому для него здесь после десяти предыдущих "первый настоящий", ибо он - заслуженный в муках в борьбе с хаосом дар. Он не может быть "просто ребенком". Он – награда за духовную работу, за обуздание страстей разумом, за гармонию между душой и телом, за осознание своего предназначения на земле.... Центральная сцена – Брит-Мила, которая происходит симультанно в сознании Йосефа и перед глазами зрителей. На верхней "палубе корабля" кровью своей в Йосефе-младенце, сдавливая тфилином руку, обозначил Яков перед тронем Элияху свой Обет перед Б-гом – не забывать, что по высшему образу и подобию изначально создан и в муках покушается счастье - "Эрец Исраэль"...

Кто ты? - спрашивает египтянка Йосефа поверженного, но преодолевшего свою страсть к ней. Уничтожая яблоко как знак своего возможного падения, он распрямляется, вспоминая всю цепочку своих предшественников, опираясь на отца и восходя как по пирамиде смысла через Шема, Яфета, Ханоха, Ноаха, Авеля, Каина к Адаму! Память о том, что он Сын Первого Человека, делает его в тюрьме свободным и непобедимым. Это обет перед его Создателем не падать, при любых обстоятельствах сохранять свою честь и достоинство.

Скрипичной одой к радости раскрытия смысла человеческой вселенной закончился этот спектакль, открывая нам последнюю дверь из прошлого в современность. (Актерский темперамент, удача Маши Горелик в роли влюбленной и отвергнутой Леи – подтверждение эффективности продуманного до мелочей ансамбля!)

Как никогда актуально прозвучал этот гармоничный танахический экскурс в дни войны, явившись нашим духовным оружием против современных гонителей евреев, против всех сомневающихся в своем предназначении, против ассимиляции и отчаяния.

"Для меня Танах – возможность личного духовного продвижения к пониманию моей принадлежности к еврейскому народу", - говорит Ира Горелик. Ее цельное просчитанное до мелочей театральное исследование в

спектакле "Недарим" – "Обеты", напоминающее о классическом периоде национального романтизма в Израильском театре, знак непрерывности еврейской истории и культуры, еще одно ее золотое звено... осознавшим присутствие в его судьбе Б-га.

Шауль Тиктинер

Трудно писать. Еще труднее поверить в это...

Когда вся жизнь – это твой театр, Израильский ТЮЗ. И этот театр, опираясь на четыре ноги: Режиссер, Драматург, Художник и Композитор, - многие годы мчится, не спотыкаясь, от одного успешного спектакля к другому. И когда каждый спектакль - это новый творческий рывок этой слаженной четверки единомышленников. И когда в 20-летний юбилей, на подъеме театр потерял одну из опор...

Ушел от нас в мир иной **наш** драматург Марк Азов.

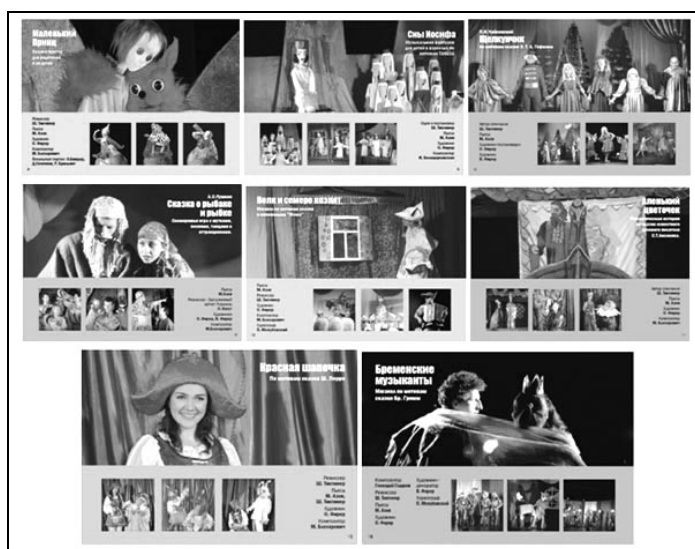

Выступление-поздравление на моем юбилее (60-летие) в 2006 году

Я почувствовал, что мой театр захромал. Не стало рядом со мной очень важной составляющей человеческого общения с людьми, появилась дыра в окружающей меня духовной среде, не стало одной четвертой постановочной группы ТЮЗа.

Потеря невозполнимая.

Марка я знал более 45 лет! Нет, сначала я не был с ним лично знаком. Будучи молодым конферансье в самодеятельности (многие актеры, режиссеры родом оттуда), я исполнял в концертах басни Марка Азова – «Короткие басни с моральями». Марк писал их для Народного артиста СССР Аркадия Райкина. А после метра этот репертуар пользовали и мы, самодеятельность. И когда я познакомился с Марком Азовым здесь, в Израиле, то для меня это была огромная честь.

Программки спектаклей по пьесам Марка Азова

Из 19 названий репертуарного списка ТЮЗа, 9 пьес написаны драматургом Марком Азовым. Это одни из лучших наших спектаклей: «Маленький принц» по А.Экзюпери, «Сны Иосифа» по ТАНАХУ, «Щелкунчик» по сказкам Э.Гофмана, «Золотая рыбка» по А.Пушкину, «Аленький цветочек» по С.Аксакову и другие. И в каждой пьесе великолепный стиль, умные диалоги, качественный юмор, тонкая ирония и ДОБРОТА, важнейшее качество для детского писателя. И мне всегда стоило большого труда сохранить это богатство в постановочной работе.

Я горжусь дружбой с этим человеком, я горжусь тем, что мы были соавторы на сцене, я горжусь тем, что мы были единомышленниками.

Детский смех на спектаклях Израильского ТЮЗа - лучший тебе памятник, дорогой Марк!

Пусть земля тебе пухом.

Владимир Фрумкин

Юная Америка глазами аутсайдера

Есть страны (таких немного), где есть... общество индивидуумов, работающих на себя и на свои семьи, умеющих учиться на своих и чужих ошибках... Они твердо знают, что вежливость и терпимость не признак слабости и подчиненности, как это принято считать в архаических или криминальных коллективах, а признак силы и уверенности.

Лев Рубинштейн¹

Суббота из-под пятницы

“Студенты из Америки? Да, есть несколько. Впечатление? Дурачки какие-то...” Это я услышал от студента МГУ Андрея, участника передачи “Алло, вам звонит Америка!” Я вел эту рубрику несколько лет из Вашингтона, в ельцинские времена, когда россияне, как правило, не пугались неожиданных звонков из-за границы. Набирал произвольный номер и предлагал поговорить о том, о сем – на любые темы. С началом путинской эры охотников “засветиться” на “Голосе Америки” стало заметно меньше, и программа прекратилась. Андрей, после некоторых колебаний, поговорить со мной согласился. На вопросы отвечал откровенно, включая вопрос о соучениках-американцах. Странные ребята, смахивают на блаженненьких: все им нипочем, все – божья роса, всегда в хорошем настроении, улыбаются. Даже когда у них проблемы, когда влипают в неприятную историю... Чудики. Дурачки...

---

¹ Лев Рубинштейн, “Все на выбор”, grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.133196.html) Febr. 5 2008.

Реакция российского студента на сокурсников из-за океана напомнила мне мою собственную. В августе 1974 года я, новоиспеченный эмигрант, стал директором Русского дома – общежития для студентов Оберлинского колледжа, изучающих русский язык. Там же и поселился – в директорской квартире. Первые впечатления о моих подопечных вызвали у меня нечто вроде легкого шока. Выглядели они и держались явно не так, как их советские сверстники. Их приветливость не знала границ. Ведь вроде уже здоровались утром, а не: столкнешься с ним или с ней еще раз – опять раскланивается. “Привет, Владимир, как дела?” (Я их попросил обходиться без отчества). В десятый раз встретимся – то же самое... Но вот что странно: манеры вроде бы светские, а одеты, как шпана. Вначале думал – от бедности. Колледж-то частный, престижный, дорогой, вот и экономят на одежде. Оказалось – нет, не бедные они. Родители, как правило, весьма состоятельные. Просто мода такая, оставшаяся от 60-х, от времен хиппи. Напяливают на себя, что попало. Все дешевое, все в дырах или заплатах. Рваные джинсы, широкие, уродливые шорты. Куда девалась та женственность американок, которая в начале века восхитила Джакомо Пуччини, когда тот приехал в Нью-Йорк на премьеру своей оперы “Девушка с Запада”? Уверен, – заметил он в письме к другу, - что если одна из таких красоток пройдет мимо Пизанской башни своей волнующей походкой, та немедленно выпрямится!..

Но то было в далекие дофеминистские времена... А теперь – девицы не отличаются от парней ни походкой, ни стилем одежды, так что издали не разобрать who is who. Из под кофты, свитера, или куртки нелепо вылезает надетая навывпуск рубашка. Про такое на моей родине говорили: “Ты как вырядился? Из под пятницы суббота видна!” Именно так был одет мой дядя Самуил Фрумкин, старший брат моего отца, приехавший из Лос-Анджелеса повидать нас и свою родину.... Но тогда я решил, что дело тут – в стариковской неопрятности... (Замечу в скобках, что преклонный возраст иностранца – дяде было уже за 80, а прожил он до ста – не обеспечил ему иммунитета от слезки: из-за колонн в вестибюле Европейской гостиницы на нас небрежно, как бы

вскользь, посматривали одинаково одетые молодые мужчины, которых я в тот же вечер увидел на перроне вокзала, провожая дядю в Москву).

Как ни раздражала меня расхристанность моих студентов, я старался не подавать вида, воздерживался от замечаний, не хотел уподобляться ленинградской старушке в троллейбусе, которая, как рассказала мне вернувшаяся из Питера студентка, строго оглядела ее с ног до головы и возмутилась: “Бесстыжая! Ты что, юбку не могла надеть? Штаны напялила – тьфу, Господи!” Да что старушка... Помню, каким ревнивым блюстителем общественной морали оказался ректор консерватории Павел Серебряков, когда ленинградские женщины, нарушая многолетнее табу, начали прилюдно появляться в брюках. Павел Алексеевич занимал по утрам пост у главного входа в консерваторию и безжалостно отправлял домой переодеваться всех без исключения нарушительниц – студенток, служащих, преподавательниц.

Флирт, секс и шпаргалки

Не меньше, чем манера одеваться, смутили меня в моих новых знакомых их глаза - какие-то уж слишком распахнутые и прозрачные. Настолько безмятежно-прозрачные, что просматривалось самое дно, и там, на дне, – ни сучка, ни задоринки, никакой припрятанной эмоции или мысли, никакого подтекста. То есть ничего из того, к чему я привык за 44 года жизни в советской России и что вырабатывается привычкой ловчить и лавировать, хитрить и изворачиваться. Эти глаза сохраняли невозмутимую ясность даже тогда, когда перед ними возникало существо противоположного пола. Искорки в них не вспыхивали. Ничего не менялось - ни во взгляде, ни в жестах, ни в словах. Полная индифферентность.

Мой друг Боря Федоров, биофизик, попавший по научным делам в Америку и вырвавшийся (полулегально) на пару дней ко мне в Оберлин, моментально это почувствовал. Он заглянул в гостиную Русского дома, где, готовясь к экзаменам, сидели парами несколько парней и девиц, и потом битый час допрашивал меня: это что – всегда у них так? Сидят рядышком – и нисколечки не волнуются, будто

малые дети, которым до полового созревания – еще годы и годы. Заметил Боря и то, что я свою былую манеру общения с прекрасным полом не поменял. Боря был прав. Старые привычки умирают медленно. В результате, как я узнал через много лет от одной из моих тогдашних студенток, и она, и другие обительницы Русского дома, были убеждены, что я был к ним сильно равнодушен, и спорили, кто у меня был на первом месте...

Довольно скоро я с удивлением обнаружил, что отсутствие у молодых американцев культуры флирта отнюдь не мешает им заниматься любовью. Секса на кампусе было сколько угодно, и все, включая администрацию, относились к этому совершенно спокойно. Как-то к одной из моих девиц, занимавшей отдельную комнату, зачастил парень из другого общежития. Иногда оставался на ночь. А потом вообще переселился к ней. Спрашиваю у декана по студенческой жизни – разрешается ли жить в общежитии посторонним людям? А смотря каким, слышу в ответ. Если это любовная связь – разрешается. Мы не имеем права вмешиваться в личную жизнь наших студентов и, в частности, запрещать cohabitation, то есть сожительство. Я, грешным делом, вначале подумал, что из-за плохого знания английского чего-то там недопонял. Уж очень привык к другим порядкам. Не знаю, как сейчас, но в мое время на моей родине в общежитии или гостинице гостям разрешалось находиться до определенного часа. Скажем, до 11-ти вечера...

В общем, довольно скоро до меня дошло, что пуританами мои мальчики и девочки не были. Тем не менее, они по-прежнему казались мне пресноватыми и наивными. Расскажешь им соленый или даже слегка подсолненный анекдот – смущаются, краснеют. Иногда я с тоской вспоминал о своих бывших соотечественниках, тертых калачах из страны Советов, в которых хитринки, соли, перца и других острых приправ – хоть отбавляй... А эти – даже на экзаменах не ловчат, не знают, что такое шпаргалка или подсказка. Нет, пожалуй, знают, но зареклись, что ничем таким пользоваться не будут. У них, оказывается, закон такой есть. Называется «закон чести». «Володя, во время

письменного экзамена вам в классе находиться нельзя», – строго предупредил меня заведующий русско-немецкой кафедрой (в американских вузах это – весьма обычная комбинация), когда я собирался провести своей первый полусеместровый экзамен. «То есть как?!». «Ребята подумают, что вы им не доверяете. Обидятся. В Оберлине такое правило: студент при поступлении дает письменное обещание не обманывать преподавателей – не прибегать к шпаргалкам, подсказкам и прочим штучкам. Нарушить этот обет считается позорным. Стыдно и перед собой, и перед товарищами. Преступивший закон знает, что его поступок друзья не только осудят, но и расскажут о нем учителю». Я был потрясен: в моей прежней жизни такое считалось доносом, а обман преподавателя – делом чести, доблести и геройства...

О пользе страдания

Самыми непугаными среди моих новых знакомых были ребята из американской глубинки, из тихих городков Среднего Запада. Выходцы из Нью-Йорка, Бостона, Лос-Анджелеса или Сан Франциско отличались на их фоне несколько большей замысловатостью и раскованностью. Но все же и те, и другие казались мне сделанными из совершенно иного теста. Какими-то размягченными, прекраснодушными, легковверными. Ни рыба, ни мясо. Я вспомнил, что нечто подобное Ростропович заметил и в юных американцах школьного возраста. Во время гастролей в США хозяева одного богатого дома попросили его послушать их детей, обучающихся музыке. Приговор Славы был суров: дети играют грамотно, техника у них в порядке, но музыки – нет. Звучит она вяло, без нерва и страсти. А знаете, почему? Слишком хорошо живут. Комфортно и благополучно. “Заставьте их пострадать, – заключил Маэстро. – Бейте их. Желательно – ежедневно. Пусть испытают боль, пусть поплачут. Увидите – заиграют иначе”. Эту сцену Слава описал в интервью “Литературной газете”, которое я прочитал еще там, в СССР.

Предложенный Ростроповичем рецепт избавления от чрезмерной душевной ясности – пожалуй, самый радикальный из всех, что я услышал от моих бывших

сограждан. Анатолий Антохин, московский литератор и сценарист, сбежавший на Запад во время поездки в Италию и ставший моим коллегой по Русской летней школе при Норвичском университете (штат Вермонт), вел с нашими студентами бесконечные душещипательные разговоры. Толя был предельно откровенен, своего разочарования и раздражения не скрывал. Его возмущали терпимость и вежливость молодых американцев, их леволиберальные симпатии и желание спокойно и объективно разобраться в том, что представляет собой страна, покинутая нами, их наставниками. «Вы никогда не станете людьми, – вещал Антохин, – никогда не поймете, что к чему в этом мире, если не научитесь страдать, не помучаетесь как следует, не узнаете, почему фунт лиха.. Читайте Достоевского! Учитесь у его героев! Поезжайте куда-нибудь, где вам будет плохо, очень плохо»... Вот и в жены Толя взял не наивную нестрадавшую американку, а изгнанную из своей страны очаровательную эфиопскую девушку королевской крови. Принцесса Эстер почему-то приехала в нашу школу изучать русский язык...

Гарвардская речь Солженицына пролилась на толину душу как целебный бальзам, она стала подтверждением его, толиной, правоты. Выступление вермонтского отшельника (он жил в Кавендише, в 80-ти милях к югу от нашего кампуса) перед выпускниками Гарварда 1978 года мы смотрели по телевидению 8-го июня вместе с нашими норвическими студентами. Диагноз, поставленный знаменитым писателем и диссидентом западному обществу, напоминал диагноз Антохина. Александр Исаевич констатировал «расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия — народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада».

Среди студентов Русской школы лекция Солженицына вызвала оторопь, среди ее преподавателей – раскол. Я недоумевал. Зачем же писатель «бодался с дубом»,

зачем восстал против системы, из-под смертного пресса которой выходят такие замечательные характеры? И что, по его мнению, должен сделать Запад, чтобы такие характеры порождать? Отказаться от благополучной жизни? К этому времени я успел худо-бедно осмотреться в этой стране и начал кое-что понимать. В частности то, что американцы – не такие уж хлюпики и бесхребетные фраера, какими их видят многие мои коллеги по эмиграции. Что их терпимость к иным мнениям вовсе не есть равнодушие ко всем и всему, как страстно уверял нас другой резидент норвичского кампуса, мой добрый друг Наум Коржавин. И что они далеко не так наивны и легковёрны, как кажется. Я начал об этом догадываться уже на пятом месяце моей американской жизни.

Случай в гостиной

Октябрь 1974. В гостиной Русского дома смотрю со студентами вечерний выпуск новостей. Симпатичная дикторша рассказывает о призыве президента Джеральда Форда повести наступление на инфляцию. “А теперь – чарующе улыбнулась ведущая – мы приглашаем вас в студию композитора, который написал по этому поводу песню. Она называется точно так же, как и объявленная президентом кампания: “WIN – Whip Inflation Now!” (“Разгромим инфляцию немедленно!”).

Сидящий за роялем мужчина лет пятидесяти, потрянув седеющей шевелюрой, с размаху ударяет по клавишам, и нашу небольшую гостиную оглашает упругий, бравурный марш. Слова были примерно такие:

WIN! WIN! WIN!
We will whip inflation!
WIN! WIN! WIN!
Glory to our nation!
Победим! Победим! Победим!
Разгромим инфляцию!
Победим! Победим! Победим!
Слава нашей нации!

Автор пел их самозабвенно, его руки картинно взлетали в эффектных пассажах. В какой-то момент мне

почудилось, что на экране передо мной – американская реинкарнация незабвенного Дмитрия Покрасса, который вместо «Кипучая, могучая, никем непобедимая» вдруг с привычным энтузиазмом запел о том, что весь народ, как один, должен объявить непримиримую войну инфляции... У меня слегка потемнело в глазах. Я-то ведь думал, что навсегда избавился от пламенных маршей, от набивших оскомину политических шлягеров – и надежно укрылся от них в стране, выросшей на совершенно иных ритмах, гибких, раскованных, свингующих, в стране, чьи собственные марши, – не те, что были заимствованы из имперской культуры британцев, а родились на родной почве, – звучат без тени милитаризма, легко, если не легкомысленно: под них не печатать шаг хочется, а скорее, двигаться в фокстроте. Даже государственный гимн Америки – не марш, как гимны в большинстве стран, а медленный вальс: его мелодия была заимствована из старинной английской застольной песни! Так неужто и сюда добралось это злобное поветрие, эта губительная для свободы мода на массовые песни-марши? Неужто опять сниматься с места? И куда бежать-то? Куда ехать? В Канаду? Гренландию? Я потерянно оглянулся на студентов – и успокоился. Песня на них не действовала. Они иронически улыбались, переглядывались, пожимали плечами. Музыкальный плакат, призывающий, задрать штаны, немедленно ринуться на борьбу с инфляцией во славу родной страны, вызвал у них недоумение. Нет, братцы, всё в порядке. Остаюсь. Не нужен мне берег гренландский... Похоже, что у этих ребят – надежный иммунитет к лозунгам и маршам, у них свои головы на плечах, а в головах – трезвый ум и здоровый скепсис. Именно то, чего мне так не доставало в моей советской молодости...

Внучка Дюпона работает официанткой

К этому времени, за полтора месяца, пробежавших с начала учебного года, я успел сделать другое открытие: американский студент – невероятный трудяга. И трудится он не рывками и авралами, как трудился я в канун экзаменационных сессий, а более или менее равномерно и

плавно. Так тут положено. Ходить на лекции и семинары – это только полдела, если не меньше. Хочешь удержаться в колледже – вкальвай каждый день: читай сотни страниц заданных материалов, готовься к блиц-проверкам, контрольным работам и докладам на семинарах, пиши «бумаги» (papers) – небольшие самостоятельные исследования.

Но академическая нагрузка – это еще не все. Надо отрабатывать часть платы за обучение, которую тебе скостили – в столовой, студенческом баре, библиотеке, коллежской охране. Многие студенты еще ухитряются подрабатывать частным образом на стороне. К этому они привыкают с детства, лет с девяти-десяти. Сидят с соседскими малышами, разносят газеты, стригут газоны – зарабатывают карманные деньги. Я узнавал об этом из устных рассказов «обо мне и моей семье», которые студенты готовили для практики в разговорном русском. «А как родители к этому относились?», спрашивал я, услышав несколько первых таких рассказов. Потом перестал: американские мамы и папы смотрят на все это благожелательно. Сами привыкали с малолетства к труду, постигали цену заработанной своими руками копейки. Однажды услышал совсем уж невероятное и поначалу покоробившее: «Я этим летом сделал большую работу – покрасил дом снаружи». «Чей дом, соседей?», спрашиваю. «Нет, моих родителей». «То есть, и твой тоже?». «Да, и мой». «Но это не за деньги, конечно?» «Почему – не за деньги? Они сказали: хочешь заработать? Покрась дом – лучше тебе заплатим, чем кому-нибудь чужому. А ты, к тому же, научишься красить, пригодится в жизни, когда собственный дом купишь».

Сюрпризы такого рода подстерегали меня на каждом шагу.

В столовой Русской летней школы при Норвичском университете за мой стол под села молоденькая миловидная студентка – попрактиковаться в русском. Представилась. Фамилия меня удивила. Дюпон? Интересно... «Да, я из этой семьи... как это по-русски – би...биллионеров? Ой, нет – из семьи мил-ли-ар-де-ров! Мой дедушка – он тот самый,

знаменитый...» Я переменял тему: "Какие планы на остаток лета, что будешь делать после этой школы?" "Работать буду". "Где?" "В ресторане. Официанткой». «Но это же твои каникулы! Отдыхать когда будешь? И потом – в ресторане...». «А мне неважно, где. Важно – иметь свои деньги и ни от кого не зависеть»...

Вообще-то о том, что американцы хотят и умеют работать, я читал и слышал еще до приезда в эту страну. И даже создал себе образ труженика-фанатика, который вкалывает, не разгибаясь. Именно так и начал работать на фабрике мужских курток в Демойне, столице штата Айова – того самого штата, где лет за 15 до этого Никита Хрущев влюбился и уверовал в кукурузу как палочку-выручалочку умирающего советского сельского хозяйства. Американские иммиграционные власти направили нас с Лидой из Рима в провинциальный Демойн, потому что там жил мой американский дядя Герман Фрумкин.

Меня уже ждала другая работа, почище и чуть посolidнее. Мне позвонили с русской кафедры Оберлинского колледжа буквально через несколько дней после прилета в Демойн: “У нас открылось место директора общежития для студентов, изучающих русский язык. Хотите приехать на интервью?” – “Откуда вы обо мне узнали?!” – “От Беверли Маккой, нашей студентки”... С Бев мы подружились осенью 1973 года в Ленинграде во время её учебного семестра в ЛГУ, где она совершенствовалась в русском языке. Мы продолжали переписываться, 29 мая 74-го она встретила нас в аэропорту Кеннеди – но никогда ни словом не обмолвилась о том, что рекомендовала нас администрации колледжа...

Вакансия появилась случайно. С поста директора Русского дома ушел, проработав всего лишь год, бывший московский драматург и сценарист Юрий Кротков, активно и успешно помогавший КГБ шантажировать и вербовать иностранцев и следить за согражданами (в частности – за Борисом Пастернаком). Кротков остался в 1963 году в Англии, куда приехал с советским ученым, за которым должен был присматривать... В 69-м переехал в США, был сотрудником «Нового журнала», в 73-м его взял в штат

Оберлинский колледж, но там он не удержался: не сложились отношения ни со студентами, ни с коллегами. Весной 1975 года я встретил его в Вашингтоне, в отеле, где остановился Александр Галич, приехавший на гастроли из Европы. Я нашел его в баре в обществе худого, хмурого вида мужчины лет 60-ти. «Знакомьтесь, Володя, мой друг и коллега Юрий Васильевич Кротков»... «А-а, так это Вы, кто заменил меня там, в Оберлине, – протянул тот с усмешкой... – Ну и как – выживаете?». «Вполне». «Странно... А я вот не смог. Бежал оттуда без оглядки...». Уступая мне Галича, мой новый знакомый, прощаясь с ним, произнес: «А все-таки зря ты уехал, Саша. Сидел бы лучше в Москве. Никому мы здесь с тобой не нужны...».

В Оберлине Кроткову быстро нашли замену, но новый директор, еще не приступив к работе, сообщил, что нашел место получше и не приедет. Как раз в это время на кафедру письмо пришло от Беверли, что рекомендованная ею ленинградская пара только что прилетела в Америку...

На фабрику зимних нейлоновых мужских курток я пошёл, чтобы подзаработать и купить машину, без которой, как мы быстро поняли, в Америке – как без ног, особенно – в маленьком городке, где нам предстояло жить. Взяли меня разнорабочим, платили по тогдашнему минимуму – 3 доллара 29 с половиной центов в час. Я перерабатывал отходы стекловаты, которая шла на подкладку. Бросал бесформенные грязные куски в оглушительно гремевшую машину, и, когда специальная камера размером с просторную комнату до отказа наполнялась белоснежным пухом, останавливал агрегат, набивал ватой большие пластиковые мешки и оттаскивал их в другой цех. Работа была тяжёлая, к тому же стояла жуткая влажная жара, приходя домой я немедленно ложился в ванну с холодной, как лед, водой, с ужасом думая о предстоящих вечером встречах с аборигенами, где надо будет говорить на еле знакомом английском. Приемы устраивались едва ли не ежедневно: мы были нарасхват, до нас в Демойн приехали из СССР только две семьи (кстати, тоже из Питера, наши друзья...).

И все же я ухитрялся оставаться на сверхурочные и

почти не делал перерывов, думал, что в Америке так работают все. Допускаю, что во мне сработал также глубоко засевший с детства комплекс доблестного стахановца... Я так увлекся, что не замечал неодобрительных взглядов, которые бросали на меня мои коллеги. Расплата за мой дурацкий трудовой энтузиазм наступила быстро. Ко мне подошел президент фирмы Фред Лорбер, велел остановить мою машину и произнес извиняющимся тоном: “Володя, relax, расслабься! Don’t work too hard! Не надо так вкалывать! Рабочие жалуются, говорят, что тебя, наверно, подослала советская госбезопасность с целью помешать свободным американским профсоюзам бороться за права трудящихся!” Оказалось, что я мог отдыхать не только во время ланча (30 минут), но делать небольшие coffee breaks (перерывы на кофе)!

Я тут же вспомнил, как не угодил своим коллегам-рабочим ровно за 30 лет до этого, когда поступил учеником механика на военный радиозавод им. Козицкого, эвакуированный из Ленинграда в Омск. Был я тогда школьником, решил поработать во время летних каникул, чтобы помочь семье деньгами, а главное – получить полную, взрослую хлебную карточку. Меня научили делать на специальных тисках обжимки для конденсаторов, которые устанавливались на танковых радио. Я так наловчился, что уже через несколько дней стал превышать норму, а вскоре перевыполнял ее чуть ли не вдвое – пока ко мне не подошли трое опытных работяг: “Ты что, малец, белены объелся? Не понимаешь, что из-за тебя нам всем повысят норму выработки, а расценки за штуку – снизят? Тут как ни вкалывай, как ни потей – больше не заработаешь! Понял? В общем, давай полегче, не торопись!” Я понял, но не сразу: мне уже успели вбить в голову, что советская экономика – самая справедливая и эффективная в мире... А когда приехал в Америку, узнал, что сдельная оплата труда применялась в давно забытые времена потогонного капитализма...

За 25 дней, проведенных на демойнской фабрике мужских курток, я заработал ровно 500 долларов, на которые купил огромный 8-цилиндровый автомобиль 1968

года – Ford Galaxy-500. В начале августа, посадив в него свою Лиду, я покатил на восток, в край Великих озер, где к югу от озера Эри нас ждал крохотный, уютный Оберлин.

Кто вы, господин Беликов?

“Каждый год на мой день рождения моя мама дарит мне один и тот же подарок – клячу”. Так написала моя студентка Ева в сочинении на свободную тему. Та самая Ева Шапиро, которая через пару лет переведет на английский стихи Окуджавы для составленного мной двуязычного сборника его песен. Что ей дарит мама на самом деле, я вычислил довольно быстро. Открываю русско-английский словарь. Кляча ж. разг. Jade. Произносится “джейд”. Из англо-русского словаря узнаю, что Jade, кроме клячи, означает также шлюху, шельму, негодницу и, наконец, гагат и нефрит. Все ясно. Ева ежегодно получает от мамы полудрагоценный камень.

В сочинениях моих студентов попадались и более трудные загадки. Их, само собой, приходилось разгадывать дольше, а над некоторыми я продолжаю размышлять и по сей день. И удивиться тому, до чего у них, выросших в другом мире, иначе устроены головы.

Однажды я задал Еве и ее сокурсникам прочитать “Человека в футляре” и написать (по-русски), что они думают о героях рассказа. Читаю их работы – и не верю своим глазам: авторам сочинений больше всех понравился... Беликов. Да, он странный, нелепый, ходит в калошах и с зонтиком, вечно молчит, всего боится. Ну и что? Ему бы посочувствовать, его бы пожалеть, а коллеги и знакомые вместо этого пытаются его изменить, переделать его личность, даже женить хотят! И вот – нечуткое, жестокое общество доводит Беликова до гибели...

Позвольте, говорю я ребятам на ближайшем занятии: этот человек в калошах и с зонтиком не такой уж безобидный, как вам кажется! Вот послушайте: он “держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город... Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять – пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться

помогать бедным, учить грамоте...” Как вы можете симпатизировать такому человеку! А не только мы симпатизируем, – слышу в ответ. – Вот и рассказчик, учитель гимназии Буркин, говорит: “Мне даже его жалко стало”. Помните? Беликов увидел злую карикатуру на себя с надписью “Влюбленный антропос”. И проговорил: “Какие есть нехорошие, злые люди!.. и губы у него задрожали”. Вот тут-то его и пожалел Буркин. А вам разве его не жалко? Ну, жалко, отвечаю, но не так как вам. Потому что я знаю, как жили люди в России в конце 19-го века, когда Чехов написал свой рассказ, а вы – не знаете. Вам даже трудно себе представить эту жизнь, такую непохожую на вашу. А я, к тому же, приехал к вам из страны, где свободы еще меньше, чем в тогдашней России. Скажите, нелепый и странный Беликов, вечно боящийся как бы чего не вышло, мог бы запугать, скажем, наш Оберлин? Или соседний Акрон? Да ни за что! А тот провинциальный русский город он запугал до смерти. Почему? Да потому что его страхи падали на благодатную почву. Для меня Беликов воплощает запретительную сущность авторитарной власти. Ему и таким, как он, – вот, послушайте! – “были ясны только циркуляры и газетные статьи, в которых запрещалось что-нибудь... В разрешении же и позволении скрывался для него всегда элемент сомнительный, что-то недосказанное и смутное”.

По лицам моих оппонентов вижу, что они хотят понять меня – и не могут. Сочувствие к странным, одиноким, не вписывающимся в общество отщепенцам они всосали с молоком матери. К этим чудакам надо относиться терпимо и ни в коем случае не пытаться на них давить, тормозить, переделывать. У них есть священное право быть такими, какие они есть.

Как говорят психологи, люди, подобные чеховскому Беликову (и гоголевскому Башмачкину из «Шинели»), страдают тяжелой формой социофобии. В Америке они составляют 13 процентов населения. Я здесь встречал таких людей, но это были так называемые пассивные социофобы: они не представляли угрозу окружающим, не пытались навязать свою мизантропию и свои страхи обществу. Другое

дело – мизантропы активные, да еще одержимые идеологией, познавшие свет «единственно верного учения». Этим мы видели на самых высоких постах и немало от них пострадали. Очень пронизательно сказал о них бывший московский, а ныне американский, философ, культуролог и литературовед Михаил Эпштейн:

«Если вдуматься в смысл радикальнейших версий коммунизма и всмотреться в характеры его вождей, включая самого “основоположника” Карла Маркса, бросаются в глаза черты активнейшей социофобии: ярко выраженная мизантропия, вражда к существующему обществу и грызня со всеми современниками, включая даже “товарищей” и сподвижников, которые по малейшему поводу обвиняются во всех грехах уклонизма и оппортунизма; подозрительность ко всем инакоживущим и инакомыслящим; страх бытия в его самочинности, стихийности, “счастливости”, непредсказуемости, неупорядоченности (“как бы чего не вышло”); умственная закрытость, неподвижность, однодумство, сосредоточенность на “Букве”, “Шинели”, “Футляре” или другой идее-фикс». (Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова.

magazines.russ.ru/voplit/2005/6/ep7.html).

Вот какие ассоциации вызывают у бывших советских людей Беликовы. У моих новых сограждан, к счастью, нет нашего опыта, и «человеков в футляре» они предпочитают жалеть, а не бояться...

«Я обиделась на Чуковского...»

Группе начинающих, с которой я встречаюсь три раза в неделю, задаю выучить к следующему занятию наизусть начало «Бармалея». Через два дня у входа в аудиторию меня останавливает студентка: «Мистер Фрумкин, я не выучила стихи, простите. Дайте мне другое задание». «Почему?!» «Я обиделась на Чуковского. «Не ходите, дети, в Африку гулять... Африка ужасна, Да, да, да! Африка опасна, Да, да, да!». Как так можно? Мне, афро-американке, это неприятно». Девочка застала меня врасплох. Протест прозвучал, как гром среди ясного неба. Я даже не стал проверять задание у других студентов – чтобы не

травмировать «Бармалеем» юную патриотку Африки, которая, скорее всего, ни разу там не бывала. А как только кончился урок, кинулся в библиотеку читать литературу о Чуковском... Следующее занятие я начал с того, что Корней Иванович написал не просто сказку для детей, но и тонкую пародию для взрослых. В «Бармалее» он высмеял приключенческие романы начала века про экзотические дальние страны, по которым бродят страшные хищные звери и жестокие разбойники. В них рассказывалось и про Африку. Так что все эти заклинания и устрашения, все эти «Не ходите, дети» и «Африка ужасна» не нужно принимать всерьез. Ни в коем случае. Это же ирония, насмешка над второсортной романтической литературой и над поверившими ей наивными читателями!

Говорил я, само собой, по-английски: передо мной все же сидели первокурсники. Тайком посматривал на шоколадную девицу с большими красивыми глазами, но так и не понял, убеждают ли ее мои слова. Прошло еще два дня. Подхожу к классу: у дверей – она. «Мистер Фрумкин. Я выучила. Наизусть. Могу прочитать на уроке»...

«Спасибо за яблоко»

В моей квартире при Русском доме сидит студент. Как оказалось, пришел он не для консультации и не по конкретному делу, а поговорить по душам. Услышать о моей жизни в СССР, о моих впечатлениях об Америке. И – главное – посоветоваться о том, как строить свою жизнь, какую приобретать специальность, чтобы и ему было хорошо, и обществу. Разговор получился занятный и длился битых два часа. На столике, за которым мы сидели, стояла вазочка с яблоками, одно из которых мой собеседник рассеянно и долго ел. Прощаясь, он крепко пожал мне руку и растроганно произнес: «Спасибо за яблоко!» У меня отвисла челюсть. Подумать только, не за разговор поблагодарил, глубокий и содержательный – за яблоко! Почему, с какой стати? Может, парень боялся, что у него не хватит подходящих к случаю русских слов и решил отделаться благодарностью за яблоко? Или они тут все бездуховные материалисты, и съеденный фрукт для них значит больше, чем душевная, откровенная беседа?

Значит, не зря мне говорили некоторые, когда собирался уезжать: куда ты, братец? Подумай как следует, уютно ли тебе будет в мире рационализма, в царстве чистогана, где все измеряется долларом!

Долго еще не давала мне покоя эта сцена, пока, наконец, не дошло до меня, что сдержанность в изъяснении чувств – вторая натура многих людей Запада, особенно тех, кто причастен к англосаксонской или скандинавской культуре. Они стесняются чрезмерных излияний, предпочитают недосказать, преуменьшить, спрятать эмоцию в подтекст, сыронизировать, чем пуститься в разгоряченную патетику. Даже сильно подвыпивший мужик не станет тут вопрошать собутыльника «Ты меня уважаешь!?» и клясться ему в вечной любви.

Мой питерский друг, без которого, кстати, я вряд ли бы решился на отъезд, тем более – столь ранний (он заронил во мне эту мысль и упорно, планомерно ее культивировал), умнейший человек и талантливый инженер-экспериментатор, приехав сюда, никак не мог привыкнуть к тональности и температуре здешних тусовок и застолий. «То ли дело – закатиться с ребятами в ресторан, скажем, в Череповце, во время командировки! Водка – рекой, анекдоты, хохмы, истории всякие... Какой кайф ловили!». «Ты это что – серьезно? – спрашиваю. – Одно из двух, дорогой. Тоскуешь по загулам и пьянкам – езжай назад. Если бы здесь гуляли, как в России, американцы и жили бы, как живут там. Это же все неразделимо! Быт, привычки, уклад жизни, политический строй. Все взаимосвязано, одно к одному. Приехал в цивилизованную страну – и будь доволен. А то ты, как гоголевская Агафья Тихоновна: "Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, а к развязности Балтазара Балтазарыча прибавить дородность Ивана Павловича..." Если тут начнут так гулять, как мы гуляли там, – считай, что дело плохо: придет и все то, от чего мы с тобой уехали. А я вот, представь, уже отвык от душевных излияний, от панибратства, от чрезмерного любопытства и повышенной заботливости, когда сослуживец, приятель или родственник, пристально на тебя взглянув, начинает допрашивать: «Что-то у тебя сегодня

глаза грустные, не случилось ли чего? Давай, давай, выкладывай!». И прекрасно без этих прелестей обхожусь. Случайно, что ли, что в русском языке нет эквивалента слову privacy? Когда ценилась, когда считалась священной в России неприкосновенность личной жизни? Живи и наслаждайся тем, что тебе не лезут в душу. А то, что наши новые сограждане ведут себя прохладнее и сдержаннее прежних и не склонны к буйным загулам – как-нибудь переживешь...

Далеко же завело меня воспоминание о яблоке, съеденном молодым американцем в русско-американской общаге, старинном двухэтажном кирпичном особняке, затерянном среди огайских прерий...

Людоеды – тоже люди

В середине 80-х я читал в Оберлине семестровый курс по советской популярной культуре. По-английски. Записалось человек 20 с лишним. После нескольких лекций дал домашнее задание: написать работу по первой главе книги Фредерика Старра об истории советского джаза. Фред, президент нашего колледжа и мой приятель, увлекательно и убедительно показал в этой главе, что советская культура формировалась совершенно своеобразно, совсем не так, как в западных странах, в частности – в Америке. Советская власть вводила культуру в желаемые ей рамки, отсекая все ненужное. Даже такую трудноуправляемую стихию, как культура массовая, популярная. А в Америке она складывалась органично, спонтанно, снизу.

Читаю сочинения своих студентов – и меня берет оторопь. Подавляющее большинство, признавая, что одна культура росла снизу, а другая насаждалась сверху, специально оговаривали: но это не значит, что один путь хуже или лучше другого. Мы избегаем оценочных суждений, мы не признаем каких-либо качественных отличий между культурами.

Прихожу на занятие. Делаю разбор работ. И спрашиваю: а можно ли оценивать различные формы государственного устройства, сравнивать уровни развития общества? С точки зрения достигнутых гражданских свобод,

например, или состояния экономики. Нет, отвечает то же большинство, ни в коем случае. Никаких сравнений и оценок! Не имеем права судить. У всего сущего есть какие-то основания. Любая форма общества, раз она сложилась, была необходима. Забудьте, профессор, про уровни развития. Каждое общество ценно по-своему. И если вы скажете, что каннибалы уступали в чем-то другим обществам и примитивны по сравнению с современной демократией, вы допустите грубую методологическую ошибку. Важно, как оценивают себя сами члены общества. Людоеды считали, что иначе они жить не могут и не должны. Для них их образ жизни был единственно возможным, и не наше дело ставить им оценки с точки зрения каких-то абстрактных принципов или критериев.

Значит, никакие критерии не приложимы? – спрашиваю. Ни в коем случае, – отвечают. – Только критерии, принятые самим этим обществом. Универсальных критериев нет. Ну, а ценность человеческой жизни? – о слабой надеждой спрашиваю я. – Нет! В разных культурах к феномену жизни относятся по-разному. Стали ли бы вы уговаривать каннибалов не убивать и не есть людей?! Абсурд!

Далее мне вежливо пояснили, что понятия добра и зла к человеческой деятельности не приложимы, понятия эти наивны, они устарели, ненаучны, ибо пришли из религии. Мальчики и девочки, при одном только упоминании мною про нравственные критерии, про Добро и Зло, снисходительно заулыбались. Ну хорошо, – е сдавался я, – а можно ли сказать, что нацистский режим был злом, что он был бесчеловечным и преступным? «Честно говоря, мне немного надоело слышать нападки на государство Третьего рейха, – взял слово симпатичный парень с интеллигентным, умным лицом. – Хватит уже. Гитлер был избран немецким народом. Он устраивал немцев, они его любили. И мы не можем осуждать то, что делал фюрер с другими народами. Потому что эта нация действовала в своих интересах». Простите, говорю, режим продержался всего 12 лет, Гитлер своей политикой привел свой народ к катастрофе! Ну и что? – отвечает мой оппонент. – Он

допустил ряд ошибок и потерпел поражение. Но в любом случае – мы, со стороны, не можем давать качественных оценок никакому режиму. В том числе и советскому. СССР существует много лет, народ не бунтует, революций не устраивает, значит ему хорошо».

Прозвенел звонок, студенты удалились на другие лекции. В классе остались только двое, Нина и Вета, мои хорошие знакомые по русским курсам и Русскому дому. «Неужели и ты согласна с тем, что тут говорили? – спросила Нину Вета. - Ты что – тоже моральная релятивистка? Ну, хорошо, я сейчас, здесь, при тебе, начну убивать Владимира Фрумкина. Что ты будешь делать?» «Ничего, – невозмутимо ответствовала Нина. – Мне было бы жалко его, конечно, но... я бы тебя не остановила. Потому что у твоего поступка наверняка были бы личные основания. Следовательно, **со своей точки зрения** ты была бы права. А это – единственный критерий».

Лет через десять, уже в Вашингтоне, я вспомнил о моих милых оберлинских оппонентах, когда узнал, что в одном из самых престижных американских университетов (кажется, в Стэнфорде) вместо обязательного для всех первокурсников семестрового курса по Западной цивилизации вводится обязательный курс по мировой цивилизации. Этому решению предшествовали бурные дебаты, в ходе которых взяла верх «прогрессивная общественность», свободная от пиетета перед культурой, созданной by dead white males – мертвыми белыми мужчинами... Специальный комитет собрал с миру по нитке и скроил мультикультуральную и политкорректную рубашку. В новом курсе не нашлось места Данте и некоторым другим гигантам прошлого, зато в него, помимо прочих “детей разных народов”, вошла современная африканская поэтесса, набравшая высокий бал, ибо была черной, лесбиянкой, а также борцом с колониализмом и империализмом...

«Детскими болезнями» левизны, релятивизма, мультикультурализма и политкорректности заражены многие кампусы Америки. В этой славной когорте Оберлин идет в первых рядах. За четырнадцать лет моего пребывания

там я не раз оказывался зрителем, а порой и участником этого театра абсурда наших дней. Некоторые сцены, то смешные, то грустные, то поразительные по своей нелепости или глупости, так и стоят перед глазами. Например, попытка приехавших из соседнего Кливленда троцкистов из «Союза молодых спартаковцев» сорвать выступление Владимира Буковского, только что обмененного Брежневым на Луиса Корвалана. Или многолюдное собрание, на котором был поставлен острейший вопрос дня: поддержать или осудить польскую «Солидарность», организацию рабочих, которые почему-то вознамерились отменить социализм, то есть самую что ни на есть рабочую власть!? Или демонстрация, организованная теми же молодыми спартаковцами и прошедшая под лозунгом: «Пусть Советская армия на своих штыках принесет прогресс народу Афганистана!»...

30-е марта 1981 года. Жуткий, тревожный день: в Вашингтоне возле отеля «Хилтон» тяжело ранен новый президент, Рональд Рейган. Громкий стук во входную дверь нашей общаги. На пороге – бледная, взволнованная женщина с пареньком лет 16-ти. И сразу – в крик: «Ноги моей здесь больше не будет, и мальчика своего сюда не отдам! Может, **вы** мне объясните, что у вас тут за люди, в общегитии напротив, «Третий мир» называется!». «А что случилось?» «Вот, привезла сына посмотреть Оберлин, он в будущем году кончает школу. Ходили по кампусу, заглянули в этот самый «Третий мир», а там – шум и хохот. «Выпейте с нами! – кричат. И подносят бокал. – Про Рейгана слышали? Ранен! Авось, не выживет»...

Вот такая история. В «Третьем мире» живут иностранные студенты из бедных стран. Америку, мягко говоря, не жалуют, хотя ее систему образования очень даже уважают и приехали учиться именно сюда, тем более, что их здесь обеспечивают щедрыми стипендиями. В просторной гостиной на панно, растянувшемся на всю стену, – Фидель Кастро и Че Гевара в героических позах. Членов республиканской партии считают отпетыми реакционерами, так что республиканец Рейган для них – чуть ли не враг народа. Не намного лучше относились (и относятся) к

республиканцам и остальные студенты Оберлина, подавляющее большинство которых неизменно голосуют за демократов, а то и за еще более левых «зеленых». Показательная цифра: в студенческом республиканском клубе в мое время было 20 членов. На весь кампус. В демократическом – сотни.

"Кто не был в юности либералом, у того нет сердца. А кто затем не стал консерватором – у того нет мозгов." Эта сентенция, приписываемая Уинстону Черчиллю, меня в некоторой степени успокаивает. Именно в некоторой, потому что никто из моих бывших студентов, за судьбой которых я слежу и с которыми поддерживаю дружеские отношения, консерватором не заделался. В лучшем случае, они передвинулись с крайне левых позиций в направлении центра. Очень помогали этому процессу посещения Советского Союза. Всего лишь один семестр проучился в Ленинграде веселый и общительный Костик (Кен Коэн), родители которого в свое время были коммунистами. Его отец владел обувными магазинами в пенсильванском городе Pottstown (произносится, прошу прощения, Поцтаун...). «Когда у нас свергнут власть капитала, – говорил он сыну, – я раздам всю свою обувь народу – это будет моим вкладом в социалистическую революцию!». Костик рассказывал об этом с иронией, но к капитализму и сам относился с недоверием, симпатизировал Советскому Союзу и не очень-то верил моим рассказам о покинутой мною стране. Летом 1976 года мы с Лидой встретили его в нью-йоркском аэропорту Кеннеди – он возвращался после семестра, проведенного в Ленинградском университете, и мы должны были вместе ехать в Вермонт на мою лекцию-концерт о бардах в Русской летней школе в Миддлбери. «Нам надо вооружаться!». – это были первые слова, которые мы от него услышали...

У слегка протрезвевшего Костики начались серьезные разногласия с отцом. Он поступил на юридический факультет Мичиганского университета в Энн Арборе и каждое воскресенье подолгу (2-3 часа!) разговаривал с папашей по телефону, пытаясь его убедить, что советский вариант социализма – совсем не то, к чему

должна стремиться Америка. Тот оставался непреклонен...

Костик живет в Вашингтоне, женился он на миниатюрной Джейдже Маттеини, с которой познакомился все в том же Русском доме... Несколько лет назад Коэнов и нас с Лидой пригласил в ресторан еще один бывший резидент общаги, Гриша Кривченя, приехавший на конференцию из родного огайского города Мариэтта. Грише, несмотря на его украинское происхождение, русский язык давался трудно. Он пошел по стопам отца – стал преуспевающим ортопедом-хирургом. Я спросил Гришу, где он остановился. «В отеле возле Вашингтонского национального аэропорта». «Да, имени Рейгана», - машинально добавил я. «Я предпочитаю этот аэропорт называть по-старому. Рейган – не мой герой: оберлинская закуска, ничего не поделаешь».

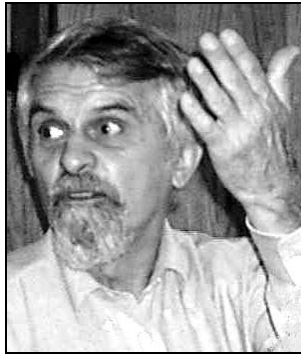
Идеологически Гриша остался примерно там же, где был в студенческие годы. Но нет, кое-что всё же сдвинулось, – добавляю я, перечитывая эти строки в июне 2011-го. А именно: доктор Кривченя, при всей его левизне, не так давно приезжал в Вашингтон, чтобы вместе со своими встревоженными коллегами уговорить политиков отменить или существенно изменить “Obamacare” – закон, передающий американское здравоохранение под контроль государственной бюрократии. За кого же они голосовали в ноябре 2008 года? Не скажу про Гришиных коллег, но сам он наверняка отдал свой голос за будущего автора закона, который, как он убежден, резко снизит качество медицинского обслуживания. Хотелось бы знать, за кого он проголосует в ноябре 2012-го...

Но вот что любопытно: что бы ни происходило с взглядами взрослеющих молодых американцев, куда бы ни передвигались они по политическому спектру, количественный баланс правых и левых в стране остается прежним – фифти-фифти. В США, как и в Канаде, да и в европейских демократиях, в силу каких-то таинственных причин, половина граждан тяготеет к леволиберальным идеям, половина – к консервативным. Первые полагаются на государство, от которого ждут решения всякого рода больших и малых проблем, в частности – более или менее

равного распределения общественного богатства. Другие в большей степени рассчитывают на себя и считают, что дело государства – предоставить всем без исключения равные **возможности**, а уж как мы эти возможности используем – зависит только от нас самих...

Об авторах

Владимир Тихомиров – российский математик, писатель и педагог, профессор МГУ, член Московского математического общества.

Борис Альтшулер – Старший научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН

Семен Резник – писатель, историк, журналист. С 1982 года живет в США.

Симон Шноль – советский и российский биофизик, историк науки, профессор кафедры биофизики физического факультета МГУ.

Михаил Юдсон – литератор.

Моисей Борода – композитор, писатель, поэт.

Петр Межирицкий – член Союза писателей. Печататься начал в 1966 году. Живёт в Америке.

Борис Тененбаум – автор исторических очерков и книг.

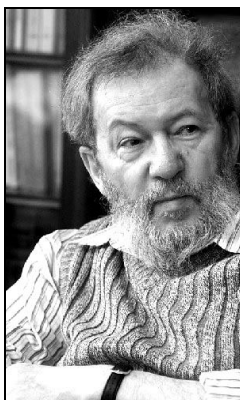

Артур Штильман – скрипач и дирижер, автор книг о музыкантах.

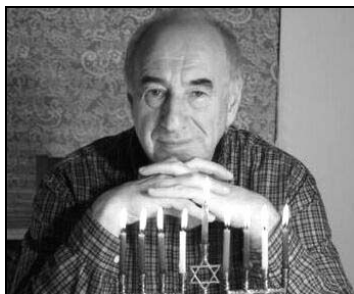
Виктор Юзефович – искусствовед, писатель.

Игорь Ефимов – писатель, философ, издатель.

Ион Деген – врач, писатель, ветеран ВОВ.

Борис Кушнер – профессор математики Питтсбургского университета, поэт, публицист.

Каган Виктор – доктор медицинских наук. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга.

Фукс Марк – инженер-электрик, автор статей, опубликованных на портале «Заметки по еврейской истории».

Элан Пасика – инженер-электрик, автор очерков по еврейской тематике.

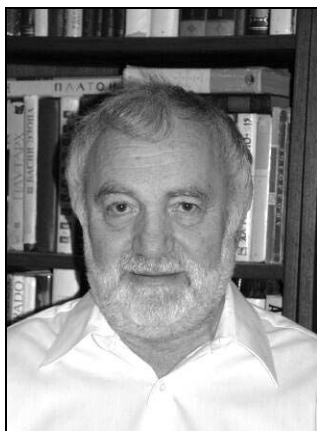
Демьян Фаншель – врач по образованию, литератор и журналист.

Михаил Дынкин – поэт, по совместительству картограф.

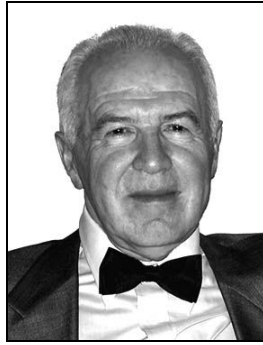
Яков Лотовский – писатель.

Александр Матлин – инженер-строитель, печатается в периодической прессе.

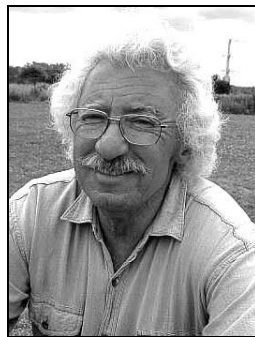
Григорий Рыскин – писатель, публицист, почетный член Союза писателей России.

Сэм Ружанский – кандидат технических наук, автор множества статей в русскоязычной прессе.

Дина Ратнер – доктор философских наук, член Союза писателей России и Израиля.

Наум Сагаловский – поэт, по совместительству инженер.

Виктория Орти – член СП Израиля, автор шести книг, руководит творческой студией.

Злата Зарецкая – доктор искусствоведения.

Шауль Тиктинер – художественный руководитель израильского ТЮЗа.

Владимир Фрумкин – музыковед, журналист, эссеист.

Журнал «Семь искусств», Май 2011
ред.-сост. Евгений Беркович
изд-во «Общества любителей еврейской старины»
Ганновер 2011, 607 стр. 23,3 а. л.

© Евгений Беркович (составление и редактирование)
© Дорота Белас (оформление)

Компьютерная верстка и техническое
редактирование
Изабеллы Побединой

Ганновер
Общество любителей еврейской старины